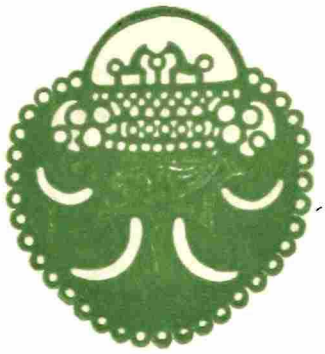
СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



4

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—1961

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Ерюсов, зам. ответственного редактора,
Р. М. Мунчаев, ответственный секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Адрес редакции:
Москва, В-36, 1-я Черемушкинская ул., д. 19, тел. В-6-94-45

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Т-12626 Подписано к печати 14/XI-1961 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Бум. л. 9,5
Печ. л. 26,0 + 3 вклейки Уч.-изд. л. 28,4 Тираж 1825 экз. Заказ 2160

2 я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

XXII СЪЕЗД КПСС И ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Величайшим событием нашей эпохи является создание новой Программы Коммунистической партии Советского Союза, которая была принята XXII съездом КПСС. Новая — третья Программа КПСС является Программой построения Коммунистического общества. Она «творчески обобщает практику строительства социализма, учитывает опыт революционного движения во всем мире и, выражая коллективную мысль партии, определяет главные задачи и основные этапы коммунистического строительства» [1].

В течение многих веков лучшие умы человечества мечтали об обществе, где все будут равны, где труд будет радостью, где каждый человек будет получать по своим потребностям и откроются широкие возможности развития всех сторон человеческой деятельности.

Сейчас советский народ вступил в период развернутого строительства такого общества, он приступил к осуществлению мечты человечества в построении коммунистического общества.

В новой Программе КПСС коммунистическое общество характеризуется как **«...бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип „от каждого — по способностям, каждому — по потребностям". Коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа»** [2]. Осуществление новой программы окажет огромное влияние на весь ход мировой истории, на судьбы народов, на исход борьбы двух мировых систем социализма и капитализма.

СССР смог вступить в период развернутого строительства коммунистического общества благодаря великим победам, достигнутым советским народом под руководством Коммунистической партии, вооруженной марксистско-ленинской теорией. Неуклонная верность учению Маркса — Энгельса — Ленина, творческое развитие этого учения помогли КПСС привести советский народ к величайшим победам социализма и поставить его в авангарде строителей коммунизма.

Новая Программа КПСС намечает пути построения коммунизма, ставит перед советским народом конкретные задачи в области экономического строительства, в области подъема материального благосостояния народа, в области государственного строительства и дальнейшего развития социалистической демократии, в области национальных отношений, идеологии, воспитания, образования, науки и культуры. Выдаю-

[1] Программа КПСС. Введение. «Правда», 2 ноября 1961 г., № 307 (15797)
[2] Программа КПСС. Часть вторая, вступление.

щееся значение новой Программы КПСС состоит в том, что она «...опираясь на марксизм-ленинизм, творчески развивая его, обобщая весь гигантский опыт СССР и всемирного рабочего и коммунистического движения, подчеркивает неизбежность крушения империалистической системы, показывает, как уничтожить нищету и безработицу, как сбросить бремя милитаризма и обеспечить прочный мир на земле» [3].

Наша эпоха — это самая революционная эпоха в истории, это эпоха перехода от капитализма к социализму, коммунизму. «Империализм,— говорится в новой Программе,— вступил в период заката и гибели. Неотвратимый процесс разложения охватил капитализм от основания до вершины: его экономический и государственный строй, политику и идеологию» [4]. Поэтому империализм стремится развязать новую, ядерную войну, уничтожить социализм, остановить ценой гибели сотен миллионов людей движение народов к светлому будущему человечества — к коммунизму. Империалисты и их пособники хотели бы остановить ход истории и обратить его вспять. Но это невозможно. «Монополистическая буржуазия,— сказано в новой Программе,— не может отстреляться даже ядерным оружием от непреложного хода исторического развития. Человечество распознало подлинный облик капитализма. Сотни миллионов людей видят, что капитализм — это строй экономической анархии и периодических кризисов, хронической безработицы и нищеты масс, хищнической растраты производительных сил, строй, постоянно несущий угрозу войн. Человечество не хочет и не будет мириться с исторически изжившей себя системой капитализма» [5].

Новая Программа КПСС, развивая и обогащая марксистско-ленинское учение на основе всестороннего и глубокого анализа современной действительности, убедительно показывает, что крах капитализма неминуемо ведет к победе коммунизма. «Усиливающийся конфликт между производительными силами и производственными отношениями,— говорится в партийной Программе,— властно ставит перед человечеством задачу — разорвать прогнившую капиталистическую оболочку, раскрепостить мощные производительные силы, созданные человеком, и использовать их на благо всего общества» [6].

Основное внимание в Программе КПСС уделяется путям, методам и средствам создания коммунистического, бесклассового общества в СССР. Намечен величественный двадцатилетний план развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства, выполнение которого будет означать создание материально-технической базы коммунизма.

«Значение Программы,— говорит Н. С. Хрущев,— хорошо понимает советский народ. С глубоким интересом и горячим одобрением воспринял он этот исторический документ. Ведь наша Программа — это, образно говоря, сильные крылья, которые помогут нам быстро подняться к новым высотам экономики, науки, техники, изобилию материальных и духовных благ для всего народа» [7].

Вместе со всем народом советские ученые видят в новой Программе КПСС документ, открывающий путь в светлое будущее всего человечества, их вдохновляют широчайшие перспективы научно-технического прогресса, которые определены Программой.

Необычайно возросла роль науки в жизни советского общества. Велики ее достижения в различных отраслях знания. Народ вправе гордиться тем, что в Советском Союзе создана первая в мире советская атомная электростанция, первая континентальная многоступенчатая ракета, первый искусственный спутник Земли, осуществлен первый полет

[3] Коммунистический манифест нашей эпохи. «Коммунист», 1961, № 11, стр. 85.
[4] Программа КПСС. Часть первая, IV.
[5] Программа КПСС. Часть первая, IV.
[6] Программа КПСС. Часть первая, I.
[7] «Правда», 17 сентября 1961 г., № 261 (15751).

человека в космос. О невиданном размахе развития науки в нашей стране свидетельствует рост научных учреждений, которых насчитывается более 3800, в том числе 1500 научно-исследовательских институтов, рост числа научных работников, которых у нас насчитывается более 350 тысяч, среди которых почти 11 тысяч докторов наук и 98 тысяч кандидатов [8].

Советских ученых вдохновляют широчайшие перспективы научно-технического прогресса, которые определены третьей Программой КПСС. «Развитие науки и внедрение ее достижений в народное хозяйство будет и в дальнейшем предметом особой заботы партии» [9], провозглашает этот исторический документ. «Дело чести советских ученых — закрепить за советской наукой завоеванные передовые позиции в важнейших отраслях знания и занять **ведущее положение в мировой науке** по всем основным направлениям» [10]. Перед работниками научных учреждений поставлены важные задачи, выполнение которых поможет поднять нашу науку на еще более высокую ступень.

Советские археологи, являющиеся частью большой армии советских ученых, вместе со всем советским народом, стремятся сделать свой вклад в дело построения коммунистического общества. Руководствуясь теорией марксизма-ленинизма, советская археология достигла больших успехов в исследовании истории человеческого общества, открыла ряд новых страниц в развитии исторической науки.

Программа КПСС вдохновляет советских археологов на решение важных задач, поставленных партией перед советским народом.

В новой Программе КПСС как наиболее важные задачи в области науки названы: развитие теоретических исследований и соединение науки с производством. Там отмечается необходимость развития теоретических исследований как в области математики, физики, химии, биологии, так и в области общественных наук, которые составляют научную основу руководства развитием общества. Исследование проблем всемирной истории должно раскрывать закономерный процесс движения человечества к коммунизму. Советские археологи, исследуя скрытые в земле остатки древних человеческих культур, обогащают новыми фактами науку о всемирной истории человечества, помогают устанавливать закономерности в развитии человеческого общества. Однако советская археологическая наука уделяет еще мало внимания теоретическим вопросам и недостаточно создает больших обобщающих работ.

Программа отмечает: «Залог плодотворного развития науки — в неразрывной связи с созидательным трудом народа, практикой коммунистического строительства». Советские археологи, хотя и не производят непосредственно материальных ценностей для народа, тесным образом связаны со строителями и с великими планами преобразования природы. Программа построения коммунистического общества включает в себя огромный размах строительных работ, сооружение великих строек коммунизма, создание новых городов, новых морей, освоение новых земель. Все это связано с огромными земляными работами и ставит перед археологами важные задачи изучения подвергающихся уничтожению археологических памятников, постоянного наблюдения за производимыми работами, сохранения для науки полученных данных. Быть всегда начеку, всесторонне изучать археологические памятники в районе новостроек, работать рука об руку со строителями — вот одна из задач, стоящая перед археологами. Но эта задача не сможет быть разрешена без широкого привлечения общественности на местах. Пропаганда археологической науки и ее задач, тесная связь с народом на местах и осо-

[8] «Правда», 5 сентября 1961 г., № 249 (15739), стр. 1.
[9] Программа КПСС. Часть вторая, V, 3.
[10] Программа КПСС. Часть вторая, V, 3, б.

бенно с молодежью помогут небольшой армии археологов справиться с большими задачами, стоящими перед ней в период развернутого строительства коммунизма. Археологи своими работами могут оказать и непосредственную помощь в развитии народного хозяйства.

Некоторые достижения в этой области наша наука уже имеет. Не только к геологам, но и к археологам обращены слова об освоении «новых богатств рудных, нефтяных и угольных месторождений» [11].

Отдельные месторождения цветных металлов открыты и освоены при помощи археологов, например, в Казахстане.

Цветная металлургия СССР основывалась еще недавно в значительной мере на привозном сырье, теперь важные металлы, бывшие у нас дефицитными, стали ценными статьями советского экспорта. Это обеспечили открытия наших геологов, но и археологи оказали здесь помощь, хотя пока небольшую. Надо умножить усилия и помочь освоению новых рудных месторождений в разных областях нашей страны.

Партия призывает «выполнить обширную программу **ирригационного строительства** для орошения и обводнения миллионов гектаров новых земель в засушливых районах и подъема существующего поливного земледелия; расширить работы по полезащитному лесонасаждению» [12]. Археологи уже ведут научные работы по ирригации, но недостаточно. Исследование древних (разрушенных в средние века) оросительных систем Средней Азии, Южной Сибири и других территорий имеет непосредственное практическое значение. Опыт древних ирригаторов при содействии археологов был уже неоднократно использован советскими ирригаторами. Археологи во многих областях обнаруживают цветущие земледельческие районы древности там, где сейчас сухая безводная степь или пустыня. Это относится и к тем областям, где не было древнего орошения. Стада средневековых кочевников, истребив растительность, превратили в пустыни и полупустыни древние земледельческие области в низовьях Волги и Терека. Археологи, изучающие эти области, должны включаться в работу по подготовке полезащитного лесонасаждения.

Партия напоминает нам: «Культура коммунизма, вбирая в себя и развивая все лучшее, что создано мировой культурой, явится новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества» [13]. В. И. Ленин говорит: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры» [14]. Археологические раскопки постоянно добывают новые данные, пополняющие наши сведения о различных сторонах развития мировой культуры. Земля хранит еще много остатков древних культур, являющихся частью мировой культуры человечества. Их раскрытие археологами и изучение позволит правильно воссоздать историю культуры, оценить все те богатства, которые были созданы человечеством, установить вклад различных народов в создание общей мировой культуры.

В условиях строительства коммунистического общества первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников общества, воспитание людей в духе научно-материалистического миропонимания, преодоление религиозных предрассудков.

Значение антирелигиозной работы теперь выросло. Новая Программа указывает нам: «Все возрастающее значение в политическом и идеологическом арсенале империализма приобретает **клерикализм**» [15]. Пар-

[11] Программа КПСС. Часть вторая, I, 1.
[12] Программа КПСС. Часть вторая, I, 2, А.
[13] Программа КПСС. Часть вторая, V, 4.
[14] В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 292.
[15] Программа КПСС. Часть первая, VII.

тия напоминает нам, что преодоление религиозных предрассудков должно вестись не только путем разоблачения современной деятельности церковников. «Необходимо систематически вести широкую научно-атеистическую пропаганду, терпеливо разъяснять несостоятельность религиозных верований, возникших в прошлом на почве придавленности людей стихийными силами природы и социальным гнетом, из-за незнания истинных причин природных и общественных явлений» [16]. Клерикальные партии и организации, щедро финансируемые монополиями, эксплуатируют «...религиозные чувства трудящихся, их суеверия и предрассудки» [17]. Археологи, вооруженные богатыми материалами по истории религии, постоянно наблюдающие формы ее проявления в различные эпохи существования человека, должны включаться в общую работу по борьбе с религиозными мировоззрениями, разоблачая религиозные мифы, ведя научно-атеистическую пропаганду.

В довоенное время многие археологи были активными антирелигиозниками, надо возродить эту хорошую традицию нашей науки.

По мере приближения к коммунистическому обществу растет материальное благосостояние народа, сокращается рабочий день, увеличивается количество свободного времени у населения. Все это вместе с ростом общей культуры населения не может не привести к повышению интереса к историческим дисциплинам, к истории своего народа, своего района, к его историческим памятникам.

Культура коммунизма многогранна и все отрасли знания найдут среди тружеников коммунистического общества своих энтузиастов. В ряды краеведов и любителей-археологов вольются новые люди, которые в дополнение к основной работе будут посвящать свой досуг археологии. Археологи в связи с этим должны перестроить свою работу, учить эти новые кадры, помогать им, направлять их работу.

Таким образом новые перспективы развития нашей науки, как и других наук, открываются в ясных словах Программы: «По мере сокращения времени на материальное производство расширяются возможности для развития способностей, дарований, талантов в области производства, науки, техники, литературы и искусства» [18].

Программой предусмотрено создание предпосылок для дальнейшего мощного подъема материальной базы культуры, будет обеспечено всемерное развитие книгоиздательского дела и печати, увеличена сеть библиотек, лекционных и читальных залов. Это увеличивает долг советских археологов перед народом. Надо дать народу больше книг, способных углубить знания истории человеческого общества, о трудном пути, пройденном человеком в процессе его развития, пути, который должен неизбежно привести к новой фазе развития человечества — коммунизму. Кому, как не археологу, отчетливо видны отдельные этапы покорения человеком природы, история созидательной работы людей.

Общественные науки в СССР развивались на базе марксистско-ленинского учения об обществе, наиболее передового мировоззрения человечества. Великие достижения страны социализма, возникновение мировой системы социализма и одержанные ею победы, превращение этой системы в решающий фактор современного общественного развития — все это доказывает правоту учения Маркса — Энгельса — Ленина, творчески развиваемого нашей партией, всеми коммунистическими рабочими партиями. Развивая марксистско-ленинскую науку об обществе, советским ученым приходилось постоянно вести борьбу с современной буржуазной идеологией, проникнутой духом антикоммунизма. Партия ставит перед советскими общественными науками задачу и впредь «...реши-

[16] Программа КПСС. Часть вторая, V, 1, е.
[17] Программа КПСС. Часть первая, VII.
[18] Программа КПСС. Часть вторая, V, 1, д.

тельно выступать против буржуазной идеологии, против правосоциалистической теории и практики, против ревизионизма и догматизма, отстаивая чистоту принципов марксизма-ленинизма»[19]. Советские археологи должны усилить эту сторону своей деятельности, следует больше внимания уделять критике антимарксистских концепций буржуазных ученых, привлекать внимание археологов к различиям идейных позиций советской и буржуазной науки, разоблачая буржуазные реакционные теории. Археологи располагают фактами для борьбы с националистическими и расистскими теориями.

Многие разделы всемирной истории должны быть написаны заново при помощи археологов.

«Партия считает необходимым расширять культурные связи СССР со странами социалистической системы, а также с другими странами в интересах взаимного обмена достижениями науки и культуры, взаимопонимания и дружбы народов»[20]. Советская археологическая наука не может ограничиваться изучением археологических памятников, находящихся на территории Советского Союза. Границы ареалов распространения древних культур не совпадают с современными политическими границами государств, и только общими усилиями археологов соседних стран удастся правильно осветить ту или иную археологическую культуру, обобщить данные, полученные археологами различных стран. Необходимость написания обобщающих работ по археологии требует глубокого знания зарубежной археологии, развития научных контактов, взаимного обмена научными достижениями, особенно с археологами социалистических стран.

В период огромного развития всех отраслей технических и естественных наук, внедрения новой техники и всеобщей механизации, археология должна использовать достижения точных наук, применять более точные методы исследования, основанные на новой технике.

Археология при коммунизме еще больше, чем теперь, будет связана с другими науками, общественными и естественными. Появятся археологи нового профиля, умеющие осуществлять синтез различных наук.

Принятая XXII съездом Программа партии — ярчайшее проявление творческого марксизма-ленинизма. Закономерно съезд осудил врагов творческого марксизма-ленинизма — Молотова, Кагановича, Маленкова. Разоблачены и преступления, совершенные ими во времена культа личности Сталина. Все советские люди должны вдуматься в четкие и ясные слова постановления съезда, осудившего «серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности» (Постановление XXII съезда КПСС о Мавзолее Владимира Ильича Ленина, принятое 30 октября 1961 года).

Воплощение в жизнь новой Программы партии, построение в СССР коммунистического общества будет таким гигантским шагом вперед в общественных отношениях, равного которому еще не было во всей многовековой истории человечества. XXII съезд КПСС, принявший эту Программу, войдет в историю как съезд, открывающий новую эпоху развернутого строительства коммунистического общества.

---

[19] Программа КПСС. Часть вторая, V, 3, а.
[20] Программа КПСС. Часть вторая, V, 4, в.

СТАТЬИ

Н. О. БАДЕР

О СООТНОШЕНИИ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА КРЫМА И КАВКАЗА

1

С. Н. Замятнин выделил в культуре палеолита три локальные провинции. Крым и Кавказ отнесены им к средиземноморскому, капсийскому варианту культуры [1]. Эта точка зрения принята и другими авторами. При сравнении крымских и кавказских материалов Е. А. Векилова, вслед за С. Н. Замятниным, сближает три слоя стоянки Сюрень I соответственно с памятниками Хельгулис-Клде, Сакажия, Гварджилас-Клде [2].

О. Н. Бадер находит много общего в коллекциях Буран-Кая Грота и Гварджилас-Клде. А. А. Формозов считает недостаточно обоснованным выделение «единого культурно-исторического ареала» в позднем палеолите Средиземноморья [3] и высказывает мысль о принадлежности мезолитических памятников Крыма и Кавказа к разным культурам [4].

Выделение трех локальных провинций в палеолите, безусловно, лишь первая попытка приблизиться к пониманию сложной картины развития культуры этого времени.

Дальнейшие исследования, по-видимому, позволят выделить внутри «локальных провинций» С. Н. Замятнина целый ряд более мелких историко-культурных областей, при этом значительно уточнятся и границы провинций.

Большой объем материалов, имеющихся сейчас в нашем распоряжении, сильно затрудняет их оценку обычным типологическим методом. Чтобы достичь необходимой полноты и объективности в проводимых сопоставлениях, этот метод дополняется в настоящей работе полным учетом выделяемых признаков в каждой обрабатываемой коллекции.

При некоторых допустимых неточностях, вытекающих из трудностей типологического подразделения материала, подсчеты дают достаточно правильное представление о соотношениях характерных форм орудий в отдельных комплексах, об изменении этих соотношений в зависимости от времени и территории.

---

[1] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XVI, 1951, стр. 89.

[2] Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. МИА, № 59, 1957.

[3] А. А. Формозов. О «капсийском характере» палеолита Кавказа. КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 163.

[4] А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 73.

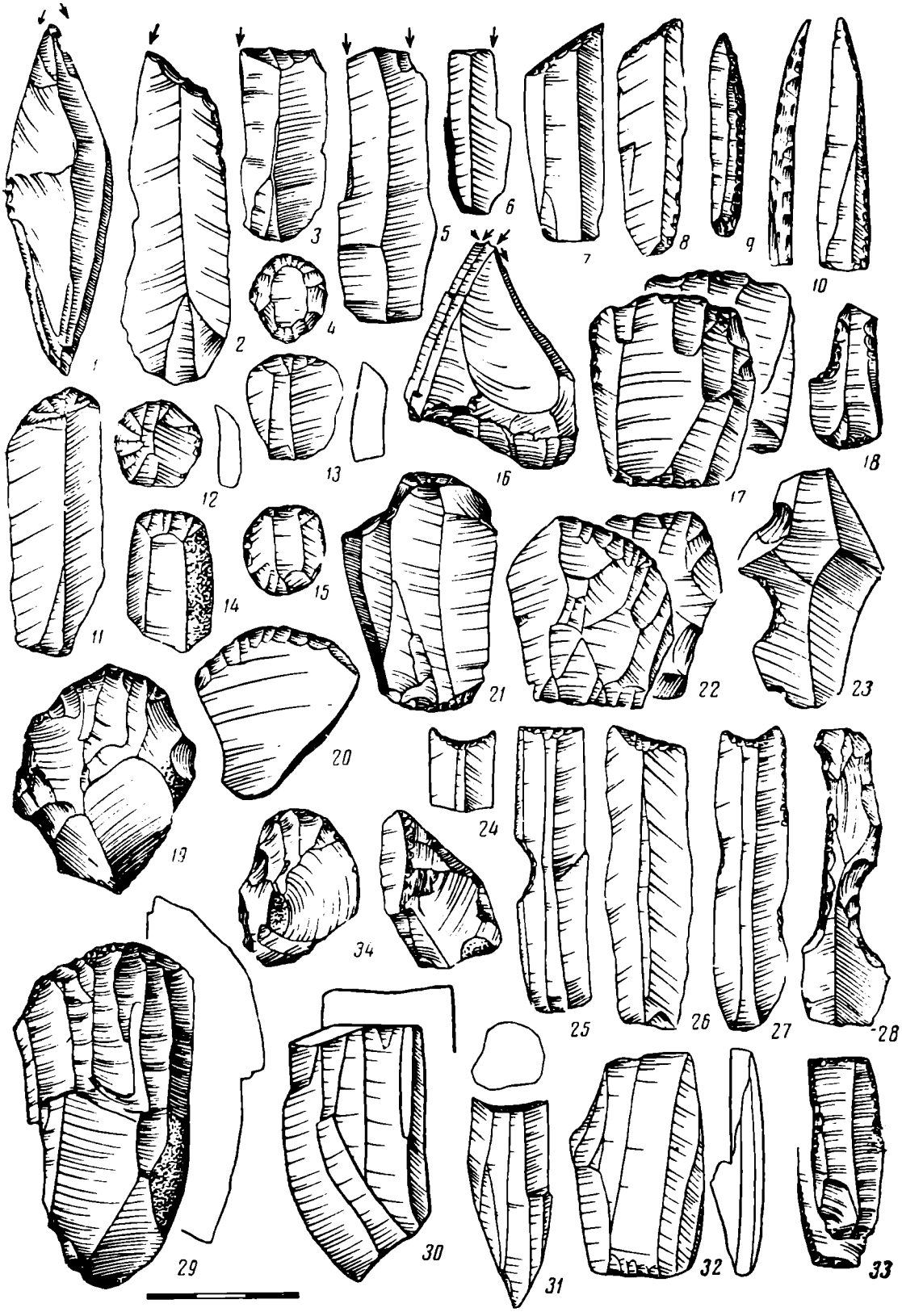


Рис. 1. Крым. Сводная таблица кремневого инвентаря

1, 29 — Сюренъ I, средний слой; *2, 10, 19, 21* — Буран-Кая Навес; *3, 7, 14, 17, 20* — Шан-Коба, слои 5—6; *4, 8, 11, 12, 13, 15, 26, 30, 31, 32* — Ат-Баш; *5, 23, 28* — Мурзак-Коба, *6* — Балин-Кош; *9, 16, 18, 33, 34* — Сюренъ I, верхний слой; *17, 22* — Сюренъ I, нижний слой; 24, 25 — Шан-Коба. 2-й слой; *27* — Шан-Коба. 3-й слой

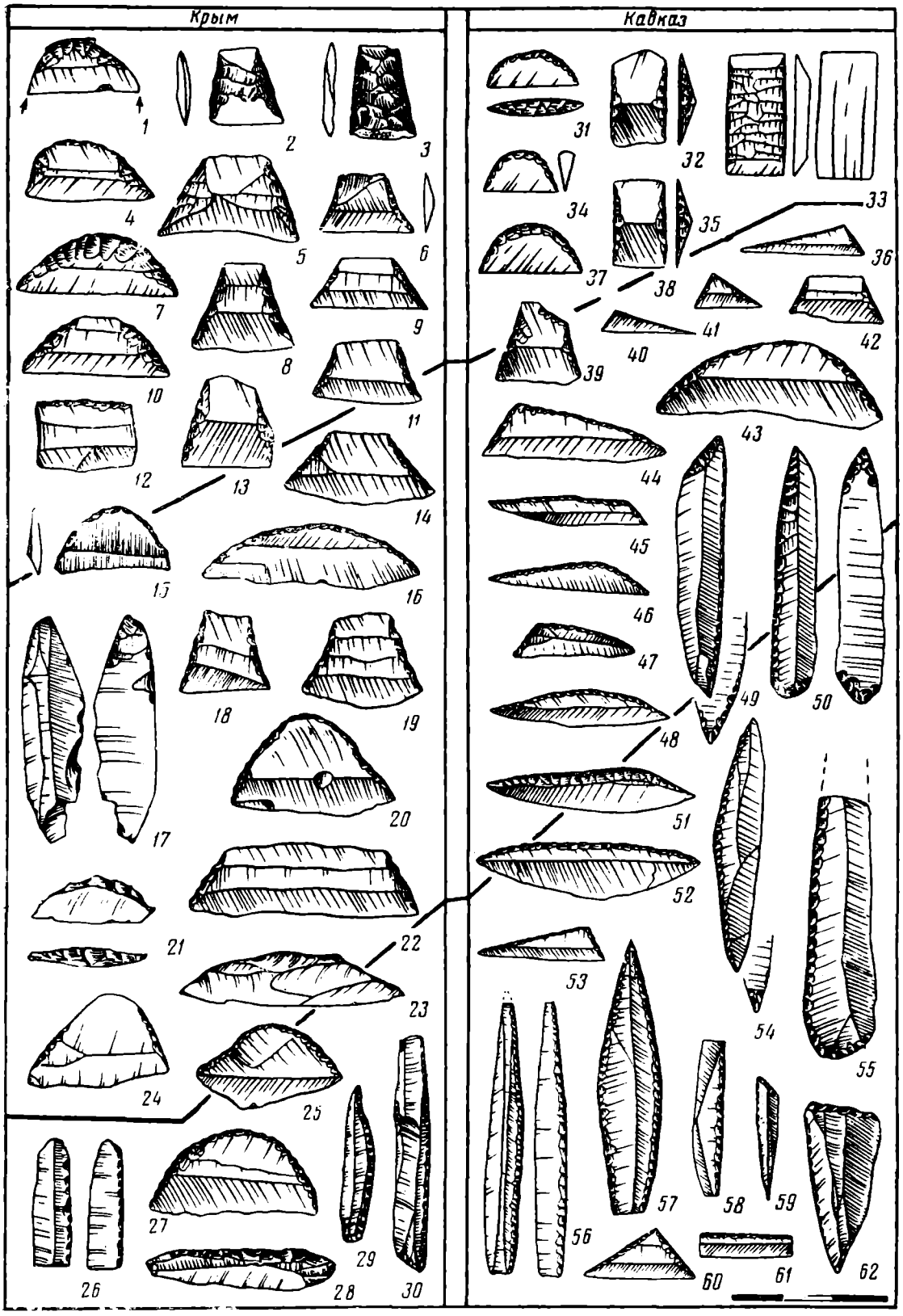


Рис. 2. Микролитический инвентарь Крыма и Кавказа (линии по диагонали разделяют раннеолитические, мезолитические, верхнепалеолитические формы орудий)

1—8 — Ат-Баш; *9* — Мурзак-Коба; *10—13* — Ат-Баш; *14, 16, 18, 20, 21* — Шан-Коба; *15* — Буран-Кая Грот; *17, 23, 24* — Буран-Кая Навес; *19, 22* — Замиль-Коба I, нижний слой; *25, 27, 30* — Сюрень I, верхний слой; *26*—Сюрень I, средний слой; *31—35, 37, 39* — Одиши; *36, 40—44* — Бормаксыз; *45—50, 52, 54, 55* — Гварджилас-Клде; *51, 53, 56—62* — Сакажия

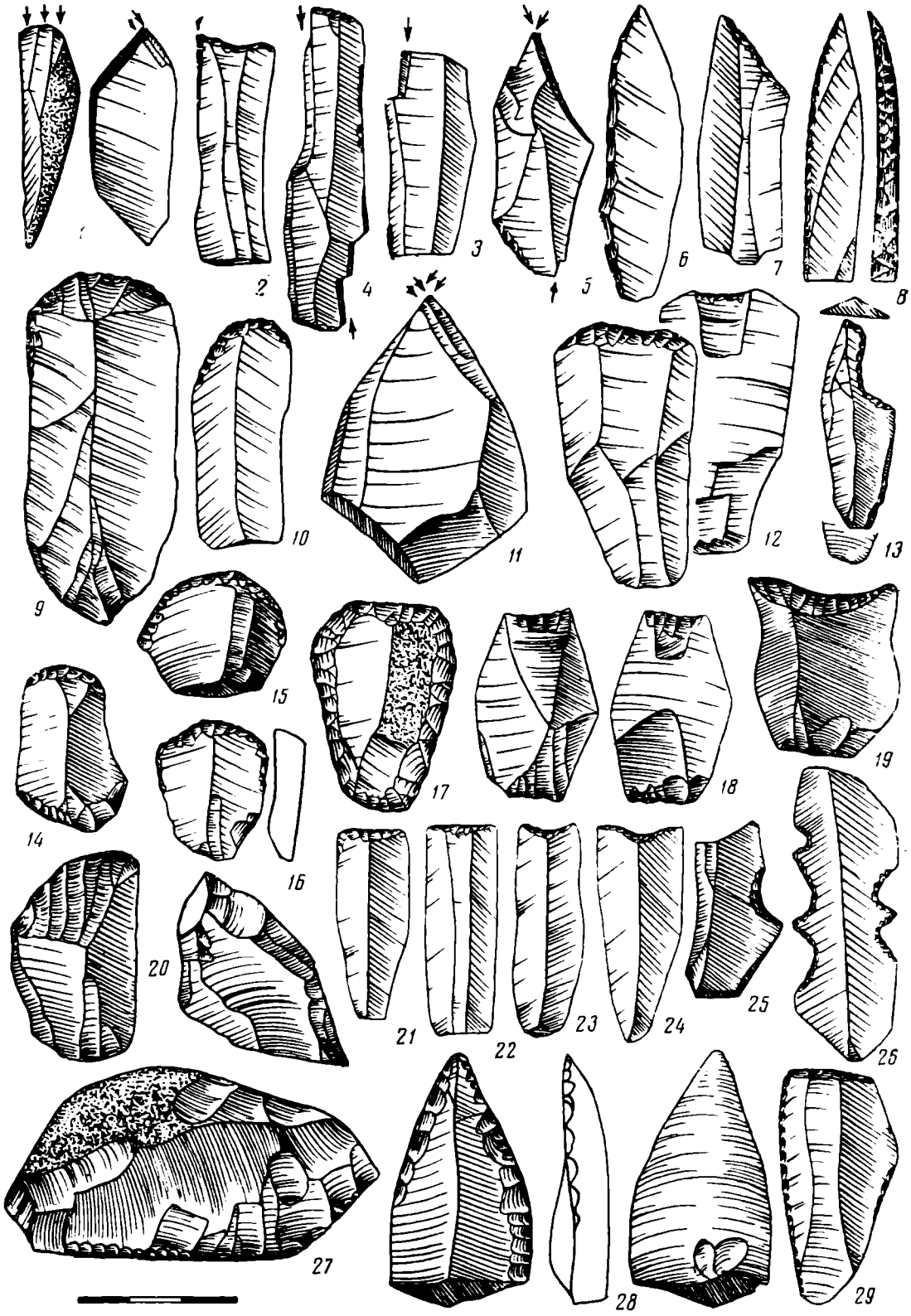


Рис. 3. Кавказ. Сводная таблица кремневого инвентаря

1, 5, 6, 8, 11, 12, 14, 17, 18, 29 — Сакажия; *2, 19, 25, 27* — Таро-Клде; *3, 7, 10, 16* — Бармаксыз; *4, 22, 23, 26* — Одиши; *9, 13, 15* — Гварджилас-Клде; *20, 21, 24, 28* — Хельгулис-Клде

Сводная таблица количества орудий по стоянкам Кавказа

Стоянки																				
	I—1*	I—2	I—3	I—4	I—5	II—6	II—7	II—8	II—9	II—10	II—11	II—12	II—13	II—14	II—15	III—16	III—17	III—18	III—19	III—20
Шан-Коба, 1-й слой, 1936 г.	—	—	2	—	7	—	14	1	—	3	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Замиль-Коба II, 5-й слой	—	2	—	—	3	—	12	1	—	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ат-Баш	—	—	10	4	28	—	97	—	1	2	11	21	2	19	—	—	—	—	—	—
Замиль-Коба II, 6-й слой	—	4	2	—	2	—	6	1	—	7	4	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 2-й слой, 1936 г.	—	1	3	1	—	—	10	1	—	3	14	9	2	1	5	—	—	—	—	—
Замиль-Коба II, 7-й слой	—	2	2	—	1	—	1	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 3-й слой, 1936 г.	—	6	3	2	3	—	26	5	—	5	82	24	6	10	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., верхн. компл.	—	3	—	1	—	—	1	—	—	—	12	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Мурзак-Коба, 1938 г.	—	10	1	—	4	—	29	3	—	2	58	7	5	—	—	—	—	—	—	—
Фатьма-Коба, 5-й слой	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., нижний компл.	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сюрень II, МАЭ, № 5397 5398	—	—	—	—	—	—	6	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сюрень, II, 1955 г.	—	—	—	—	—	—	6	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Сюрень II, МАЭ, № 4148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 4-й слой, 1936 г.	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 5-й слой, 1936 г.	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 6-й слой, 1936 г.	—	4	2	—	—	1	41	5	—	5	10	—	2	2	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 6-й слой, 1935 г.	—	35	7	—	—	—	113	1	2	3	4	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Замиль-Коба, I, нижн. слой	—	5	—	—	—	—	38	3	1	1	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Буран-Кая Грот	—	4	—	—	1	—	25	—	2	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Буран-Кая Навес	—	20	7	1	3	4	240	1	22	9	8	3	—	—	—	—	1	—	—	2
Сюрень I, верхний слой	—	72	7	—	—	3	28	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	28	3	1
Сюрень I, средний слой	3	26	—	—	—	25	25	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—
Сюрень I, нижний слой	5	38	—	—	—	28	45	—	—	—	—	—	—	—	—	2	29	12	—	—

* Номера под рисунками орудий соответствуют порядку их описания в тексте.

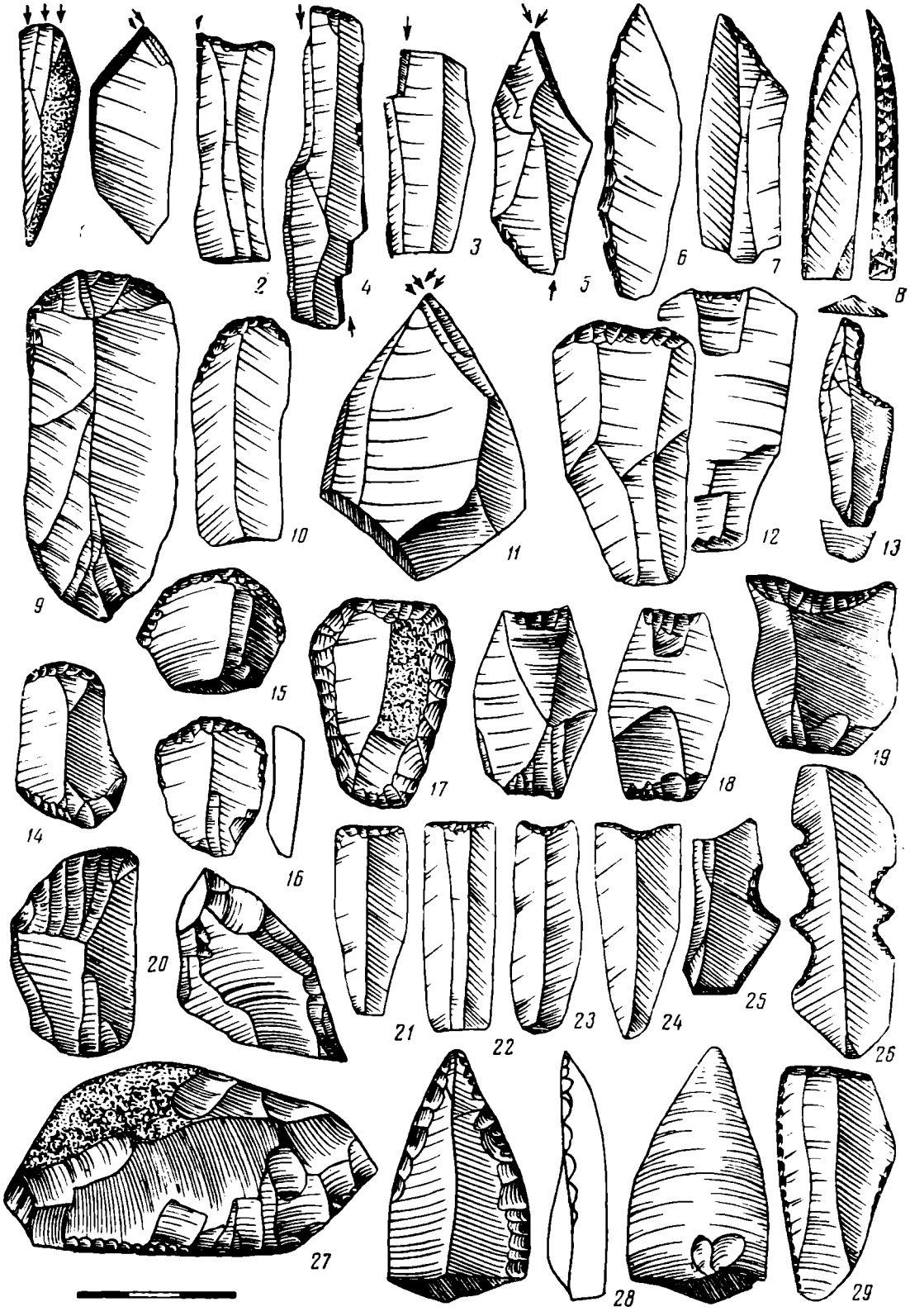


Рис. 3. Кавказ. Сводная таблица кремневого инвентаря

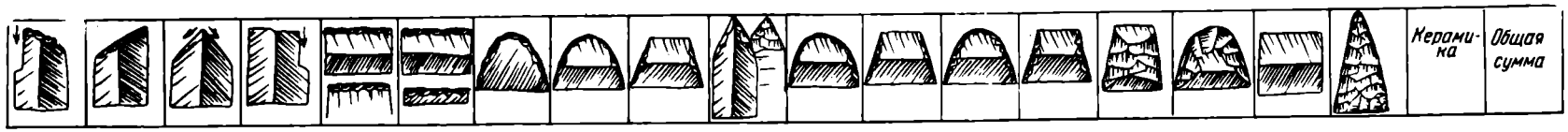
1, 5, 6, 8, 11, 12, 14, 17, 18, 29 — Сакажия; *2, 19, 25, 27* — Таро-Клде; *3, 7, 10, 16* — Бармаксыз; *4, 22, 23, 26* — Одиши; *9, 13, 15* — Гварджилас-Клде; *20, 21, 24, 28* — Хельгулис-Клде

Сводная таблица количества орудий по стоянкам Кавказа

Стоянки																				
	I—1*	I—2	I—3	I—4	I—5	II—6	II—7	II—8	II—9	II—10	II—11	II—12	II—13	II—14	II—15	III—16	III—17	III—18	III—19	III—20
Шан-Коба, 1-й слой, 1936 г.	—	—	2	—	7	—	14	1	—	3	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Замиль-Коба II, 5-й слой	—	2	—	—	3	—	12	1	—	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ат-Баш	—	—	10	4	28	—	97	—	1	2	11	21	2	19	—	—	—	—	—	—
Замиль-Коба II, 6-й слой	—	4	2	—	2	—	6	1	—	7	4	—	2	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 2-й слой, 1936 г.	—	1	3	1	—	—	10	1	—	3	14	9	2	1	5	—	—	—	—	—
Замиль-Коба II, 7-й слой	—	2	2	—	1	—	1	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 3-й слой, 1936 г.	—	6	3	2	3	—	26	5	—	5	82	24	6	10	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., верхн. компл.	—	3	—	1	—	—	1	—	—	—	12	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Мурзак-Коба, 1938 г.	—	10	1	—	4	—	29	3	—	2	58	7	5	—	—	—	—	—	—	—
Фатьма-Коба, 5-й слой	—	—	—	—	—	—	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., нижний компл.	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сюрень II, МАЭ, № 5397 5398	—	—	—	—	—	—	6	1	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сюрень, II, 1955 г.	—	—	—	—	—	—	6	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Сюрень II, МАЭ, № 4148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 4-й слой, 1936 г.	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 5-й слой, 1936 г.	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 6-й слой, 1936 г.	—	4	2	—	—	1	41	5	—	5	10	—	2	2	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 6-й слой, 1935 г.	—	35	7	—	—	—	113	1	2	3	4	—	3	—	—	—	—	—	—	—
Замиль-Коба, I, нижн. слой	—	5	—	—	—	—	38	3	1	1	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Буран-Кая Грот	—	4	—	—	1	—	25	—	2	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—
Буран-Кая Навес	—	20	7	1	3	4	240	1	22	9	8	3	—	—	—	—	1	—	—	2
Сюрень I, верхний слой	—	72	7	—	—	3	28	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	28	3	1
Сюрень I, средний слой	3	26	—	—	—	25	25	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	25	—	—
Сюрень I, нижний слой	5	38	—	—	—	28	45	—	—	—	—	—	—	—	—	2	29	12	—	—

* Номера под рисунками орудий соответствуют порядку их описания в тексте.

Таблица 1 (продолжение)

Стоянки																			Керамика	Общая сумма
	III—21	III—22	III—23	III—24	IV—25	IV—26	IV—27	IV—28	IV—29	IV—30	IV—31	IV—32	IV—33	IV—34	IV—35	IV—36	IV—37	IV—38		
Шан-Коба, 1-й слой, 1936 г.	1	—	2	—	—	—	—	4	6	—	2	17	—	6	14	50	мн*	—	м **	138
Замиль-Коба II, 5-й слой	2	—	2	1	—	—	—	1	2	—	1	—	—	5	4	—	мн	2	м	45
Ат-Баш	5	7	2	7	—	—	—	—	14	—	3	8	5	28	1	4	мн	—	м	279
Замиль-Коба II, 6-й слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	9	1	6	2	3	мн	—	м	50
Шан-Коба, 2-й слой, 1936 г.	—	2	2	—	—	—	—	2	14	—	1	2	—	—	—	—	м	—	—	70
Замиль-Коба II, 7-й слой	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	2	—	—	—	—	м	—	—	14
Шан-Коба, 3-й слой, 1936 г.	5	6	1	3	—	—	2	3	23	—	—	1	—	—	—	—	м	—	—	208
Шан-Коба, 3-й, слой, 1935 г. верхн. компл.	—	—	—	1	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23
Мурзак-Коба, 1938 г.	22	11	4	14	—	—	1	3	5	—	1	1	—	—	—	—	м	—	—	181
Фатьма-Коба, 5-й слой	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., нижн. компл.	1	2	—	4	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14
Сюрень II, МАЭ, № 5397, 5398	1	2	1	2	—	—	—	—	—	17	1	1	—	—	—	—	—	—	—	34
Сюрень II, 1955 г.	2	—	2	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15
Сюрень II, МАЭ, № 4148	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Шан-Коба, 4-й слой, 1936 г.	3	1	—	2	—	2	—	11	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20
Шан-Коба, 5-й слой, 1936 г.	1	—	—	—	—	—	—	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Шан-Коба, 6-й слой, 1936 г.	23	14	5	8	—	—	23	258	68	—	33	18	—	—	—	—	—	—	—	522
Шан-Коба, 6-й слой, 1935 г.	35	37	2	11	—	—	22	79	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	371
Замиль-Коба I, нижний слой	—	3	4	7	—	—	12	51	3	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	136
Буран-Кая Грот	6	8	1	4	—	—	3	12	1	—	3	3	—	—	—	—	—	—	—	76
Буран-Кая Павес	21	19	13	15	—	—	4	37	8	4	—	—	—	2	—	—	—	—	—	444
Сюрень I, верхний слой	2	—	5	—	—	145	—	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	304
Сюрень I, средний слой	2	—	16	9	14	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	148
Сюрень I, нижний слой	15	—	17	32	213	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	593

Примечания: * мн — много; ** м — мало.

2

Сводные таблицы (табл. 1, 2) по палеолиту и мезолиту Крыма составлены на основе подсчетов инвентаря 13 стоянок[5].

При подсчетах было принято следующее типологическое подразделение нуклеусов и орудий (табл. 1).

I. Нуклеусы: *1* — дисковидные; *2* — односторонние косоплощадочные, независимо с одной или двумя площадками (рис. 1, *29*); *3* — прямоплощадочные, подцилиндрической формы (рис. 1, *30*); *4* — прямоплощадочные подконические (рис. 1, *31*); *5* — уплощенные нуклеусы (рис. 1, *32*).

II. Скребки и функционально близкие им орудия: *6* — скребки высокой формы (рис. 1, *19, 34*); *7*—концевые скребки (рис. 1, *14, 20*) (группа включает скребки на отщепах и пластинах, всех размеров, с любой ретушью); *8* — пластинки с выемкой на конце (ретушь крутая, скребковая) (рис. 1, *24, 27*); *9* — двойные скребки (на отщепах и пластинах, с любой ретушью, всех размеров) (рис. 1, *21*); *10* — пластинки с поперечной ретушью (ретушь всегда крутая, скребковая; конец иногда несколько скошен, но пластинами во всех случаях работали как скребками) (рис. 1, *25, 26*); *11* — пластины с выемками по бокам (рис. 1, *23, 28*) (в эту группу включались лишь выработанные формы с правильными выемками, иногда с выемками и шипом); *12* — скребки с круговой ретушью (в группу включались лишь орудия выработанных форм) (рис. 1, *4, 15*); *13* — скребки со скошенным концом (рис. 1, *11*) (как правило, выполнены на небольших пластинах, рабочий край оформлен тонкой систематической ретушью); *14* — мелкие скребочки на отщепах с округлым, несколько вытянутым рабочим краем (рис. 1, *12, 13*); *15* — крупные орудия нестойкой формы, с несистематической скребковой ретушью.

III. Резцы и функционально близкие им орудия: *16*— острие типа шательперрон; *17* — орудия с двумя подработанными концами (рис. 1, *17, 22*); *18* — многофасеточные резцы (рис. 1, *16*), (как правило, выполнены на массивных обломках кремня); *19* — ножи типа гравет (рис. 1, *18*); *20* — острия типа граветт (рис. 1, *9, 10*); *21* — резцы боковые (рис. 1, *2, 3*); *22* — пластины со скошенным концом (рис. 1, *7, 8*); *23* — резцы срединные, на отщепах и пластинах (рис. 1, *1*); *24* — резцы угловые на отщепах и пластинах (рис. 1, *5, 6*).

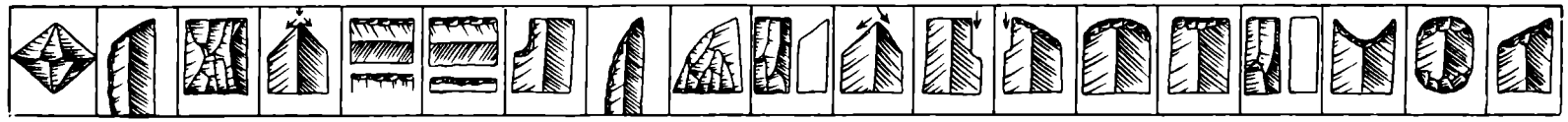
IV. Геометрические орудия и наконечники стрел: *25*— пластины с противолежащей ретушью (рис. 2, *26*); *26* — пластины с при-

---

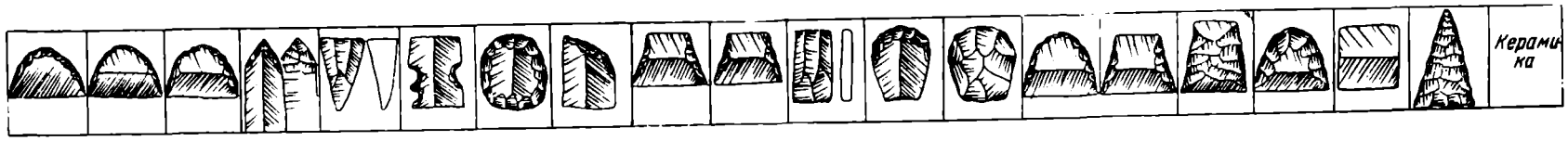
[5] Стоянки: 1. Сюрень I. Раскопки К. С. Мережковского (кол. МАЭ, № 4148). Раскопки Г. А. Бонч-Осмоловского 1926—1929 гг. (кол. МАЭ, №№ 5388, 5389, 5383, 5386). Подсчеты взяты из работы Е. А. Векиловой (см. Е. А. Векилова. Ук. соч.). 2. Буран-Кая Грот. Раскопки О. Н. Бадера 1936 г. (кол. Института антропологии, № 324). 3. Буран-Кая Навес. Раскопки Н. Бадера 1956 и 1957 гг. (кол. Института антропологии, № 521). 4. Замиль-Коба I, нижний слой. Раскопки Д. А. Крайнова (кол. ГИМ). 5. Шан-Коба, 6-й слой. Раскопки С. Н. Бибикова 1935 г. (кол. МАЭ, № 5369). 6. Шан-Коба, 6—4-й слои. Раскопки С. Н. Бибикова 1936 г. (кол. МАЭ, № 5465). 7. Сюрень II. Раскопки Е. А. Векиловой 1955 г. (кол. ЛОИА). Подсчеты сделаны по полным зарисовкам автора и подсчетам Е. А. Векиловой, с учетом особенностей типологии, принимаемой в настоящей работе. Материалы раскопок К. С. Мережковского 1879 г. (кол. МАЭ, № 4148) и Г. А. Бонч-Осмоловского 1924 и 1926 гг. (кол. МАЭ, № 5398 и 5397) невелики, частично утрачены и количественно не учитывались. 8. Шан-Коба, 3-й слой. Раскопки С. Н. Бибикова 1935 г. (кол. МАЭ, № 5369). Раскопки этого года позволили разделить слой на два горизонта. Находки верхнего горизонта насчитывают вместе с отщепами всего 64 предмета, нижнего — 40 предметов, среди них 2 листовидных наконечника. 9. Шан-Коба, 3-й слой. Раскопки С. Н. Бибикова 1936 г. (кол. МАЭ, № 5465). Подразделения материала по горизонтам, как это было сделано в отношении материалов предшествующего года, не проведено. 10. Мурзак-Коба. Раскопки С. Н. Бибикова 1938 г. (кол. МАЭ, № 4781). Коллекция из раскопок 1936 г. (МАЭ, № 5458) очень невелика и не подсчитывалась. 11. Замиль-Коба II, 7—5-й слои. Раскопки Д. А. Крайнова (кол. ГИМ). 12. Шан-Коба, 2-й и 1-й слои. Раскопки С. Н. Бибикова 1936 г. (кол. МАЭ, № 5465). 13. Ат-Баш. Раскопки Б. С. Жукова (кол. Института антропологии).

Таблица 2

Сводная таблица процентного соотношения орудий по стоянкам Крыма

Стоянки																		
	I—1 *	III—16	III—17	III—18	IV—25	IV—26	III—19	III—20	II—6	I—2	III—23	III—24	III—21	II—7	II—10	I—3	II—8	II—9	III—22
Шан-Коба, 1-й слой, 1936 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	0,7	10,2	2,2	1,4	0,7	—	—
Замиль-Коба II, 5-й слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4,5	4,5	2,2	4,5	26,7	4,5	—	2,2	—	—
Ат-Баш	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0,6	**2,5****	1,8	34,7	0,6	3,1	—	0,3	**2,5**
Замиль-Коба II, 6-й слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	12	14	4	2	—	—
Шан-Коба, 2-й слой, 1936 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,4	2,9	—	—	14,3	4,3	4,3	1,4	—	**2,9**
Замиль-Коба II, 7-й слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14,3	—	0,7	—	0,7	14,3	14,3	—	—	—
Шан-Коба, 3-й слой, 1936 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	29	0,5	1,4	2,4	12,5	2,4	1,4	2,4	—	**2,9**
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., верхн. компл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	4,3	—	4,3	—	—	—	—	—
Мурзак-Коба, 1938 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,5	2,2	7,7	12,1	16	1,1	0,5	1,6	—	**6,1**
Фатьма-Коба, 5-й слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—										
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., нижн. компл.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28,5	7,1	7,1	—	7,1	—	—	**14,2**
Сюрень II, МАЭ, № 5397, 5398	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2,9	5,9	2,9	17,3	—	—	2,9	—	**5,9**
Сюрень II, 1955 г.	процент не подсчитывался																		
Сюрень II, МАЭ, № 4148																			
Шан-Коба, 4-й слой, 1936 г.	—	—	—	—	—	6,9	—	—	—	—	—	6,9	10,3	17,5	—	—	—	—	**3,4**
Шан-Коба, 5-й слой, 1936 г.																			
Шан-Коба, 6-й слой, 1936 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	0,2	0,7	0,9	1,5	**4,5**	7,8	0,9	0,4	0,9	—	**2,6**
Шан-Коба, 6-й слой, 1935 г.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9,3	0,5	2,9	**9,4**	34,5	0,8	1,5	0,2	0,5	**9,9**
Замиль-Коба I, нижний слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3,6	2,9	5,1	—	27,9	0,7	—	2,1	0,7	**2,1**
Буран-Кая Грот	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,2	1,3	5,2	**7,9**	32,9	—	—	—	2,6	**10,5**
Буран-Кая Навес	—	—	—	—	—	—	—	0,4	0,9	4,5	2,9	3,4	**4,7**	54	2	1,6	0,2	**4,9**	**4,2**
Сюрень I, верхний слой	—	—	—	9,2	—	48	0,9	0,3	0,9	23,3	1,6	—	0,6	9,2	1,3	2,3	—	—	—
Сюрень I, средний слой	2	—	—	16,9	9,5	1,3	—	—	16,9	17,6	10,8	6	1,3	16,9	—	—	—	7	—
Сюрень I, нижний слой	0,9	0,3	5,5	2	39,9	18,2	—	—	5,2	7,1	3,2	6	3	8,4	—	—	—	—	—

* Номера под рисунками орудий соответствуют порядку их описания в тексте; ** жирным шрифтом выделены характерные формы орудий.

Стоянки																					Керамика
	IV—27	IV—28	IV—31	IV—30	I—4	II—11	II—12	III—13	IV—29	IV—32	II—5	II—14	II—15	IV—33	IV—34	IV—35	IV—36	IV—37	IV—38		
Шан-Коба, 1-й слой, 1936 г.	—	2,9	1,5	—	—	6,5	—	—	4,3	12,3	5,1	—	—	—	4,3	10,2	35,1	мн *	—		м **
Замиль-Коба II, 5-й слой	—	2,2	2,2	—	—	11,1	—	—	4,5	—	6,7	—	—	—	11,1	6,9	—	мн	4,5		м
Ат-Баш	—	—	1	—	1,4	3,9	7,5	0,6	5	28	10	6,4	—	1,7	10	0,3	1,4	мн	—		м
Замиль-Коба II, 6-й слой	—	—	2	—	—	8	—	4	—	18	4	—	—	2	12	4	6	мн	—		—
Шан-Коба, 2-й слой, 1936 г.	—	2,9	1,4	—	1,4	20,0	12,9	2,9	20	2,9	—	1,4	2,9	—	—	—	—	м	—		—
Замиль-Коба II, 7-й слой	—	—	0,7	—	—	14,3	—	—	—	14,3	0,7	—	—	—	—	—	—	м	—		—
Шан-Коба, 3-й слой, 1936 г.	1	1,4	—	—	1	29,4	11,5	2,9	11,1	0,5	1,4	—	4,8	—	—	—	—	м	—		—
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., верхн. компл.	—	4,3	—	—	4,3	52,2	4,3	4,3	8,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Мурзак-Коба, 1938 г.	0,5	1,6	0,5	—	—	32	3,8	2,7	2,7	0,5	2,2	—	—	—	—	—	—	м	—		—
Фатьма-Коба, 5-й слой	—	—	—	7,1	—	28,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Шан-Коба, 3-й слой, 1935 г., нижн. компл.	—	—	29	50	—	5,9	—	—	—	2,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Сюрень II, МАЭ, № 5397, № 5398																					
Сюрень II, 1955 г.																					
Сюрень II, МАЭ, № 4148	—	37,8	—	—	—	10,3	—	—	6,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Шан-Коба, 4-й слой, 1936 г.	4,5	49,5	6,5	—	—	1,9	—	0,4	13	3,4	—	0,4	—	—	—	—	—	—	—		—
Шан-Коба, 5-й слой, 1936 г.	5,9	21,2	—	—	—	1	—	0,8	4,6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Шан-Коба, 6-й слой, 1935 г.	8,9	37,5	1,4	—	—	2,9	0,7	—	2,1	0,7	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Замиль-Коба I, нижний слой	3,9	15,8	3,9	—	—	1,3	1,3	1,3	1,3	3,9	1,3	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Буран-Кая Грот	0,9	8,3	—	0,9	0,2	1,8	0,6	—	1,8	—	0,6	—	—	—	0,4	—	—	—	—		—
Буран-Кая Навес	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Сюрень I, верхний слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Сюрень I, средний слой	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		—
Сюрень I, нижний слой																					

* мн — много; ** м — мало.

тупленным краем (рис. 2, *28, 30*); *27* — сегменты на толстых подтреугольных в сечении пластинах с ребром, стесанным перпендикулярно плоскости пластины ретушью (рис. 2, *21*); *28* — сегменты с сохранившимся ребром (ретушь крутая, часто встречная; орудия, как правило, довольно массивные, низкие, вытянутые) (рис. 2, *16 23*) (сюда же входит группа и более архаичных асимметричных высоких сегментов на грубых пластинах и отщепах; рис. 2, *24, 25, 27*); *29* — трапеции с ретушью, перпендикулярной к плоскости пластины (рис. 2, *6, 14, 18, 19, 22*) (орудия по преимуществу массивные, не стойкие по формам); *30* — листовидные наконечники стрел (рис. 2, *17*) (как правило, на массивных в сечении пластинах, конец подправлен плоской ретушью с брюшка); *31* — сегменты, оформленные крутой, но уже не встречной и не перпендикулярной к плоскости пластины ретушью (рис. 2, *15*); *32* — трапеции с аналогичной ретушью (рис. 2, *9, 11, 13*); *33* — сегменты с пологой ретушью (рис. 2, *9, 11, 13*); *33* — сегменты с пологой ретушью, частично заходящей на спинку (рис. 2, *4, 10*); *34* — трапеции с аналогичной ретушью (рис. 2, *5, 8*); *35* — трапеции со струганной спинкой (рис. 2, *2, 3*); *36* — сегменты с подработанной вершиной (рис. 2, *1, 7*); *37* — пластинки-вкладыши, обломанные с двух сторон (рис. 2, *12*); *38* — двусторонне обработанные наконечники стрел. Сводная таблица (табл. 2) дает общее представление об особенностях развития кремневого инвентаря на территории Крыма.

Хорошо выделяется верхнепалеолитическая группа памятников, представленная тремя слоями Сюрени I, которые сближаются сходными формами архаичных многофасеточных резцов, скребков высокой формы и нуклевидных орудий, пластин-вкладышей. О большой древности нижнего и среднего слоев можно судить по находкам в них некоторого числа дисковидных нуклеусов. Специфическую особенность инвентаря нижнего слоя составляют острия типа шательперрон, орудия с подработкой двух концов, а также обилие пластин-вкладышей при явном преобладании пластин с противолежащей ретушью.

В среднем слое, несколько более позднем, не найдено острий и орудий с подработкой концов, вкладышей становится заметно меньше.

Верхний слой должен быть отнесен к самому концу верхнего палеолита. Продолжают бытовать многофасеточные резцы и скребки высокой формы. В то же время появляются острия типа ргани и граветт, пластинки с поперечной ретушью, архаичные прямоплощадочные нуклеусы. Пластинки с притупленной спинкой вытесняют пластины с противолежащей ретушью. Появляются первые грубые сегменты. Пластинам с поперечной ретушью и сегментовидным орудиям верхнего слоя Сюрени I находятся прямые параллели в памятниках раннемезолитического времени. С другой стороны, острия граветт, скребки высокой формы, боковые резцы, косоплощадочные нуклеусы, концевые скребки из этих памятников аналогичны предметам из верхнего слоя Сюрени I. Особенно близок верхнепалеолитическому комплексу материал из Грота и Навеса Буран-Кая.

Памятники мезолитического облика хорошо выделяются по специфическому комплексу орудий (табл. 2), который характеризуется различными формами сегментов и трапеций, пластинами с выемкой на конце, со скошенным концом, с боковыми выемками, двойными и округлыми скребками, косоплощадочными и прямоплощадочными нуклеусами.

Вместе с тем, по ряду особенностей различаются раннемезолитические и позднемезолитические группы стоянок. К ранней поре мезолитической эпохи должны быть отнесены культурные слои Грота и Навеса Буран-Кая, нижний слой Замиль-Кобы I, 7—5 слои Шан-Кобы. В кремневом инвентаре этих памятников преобладают косоплощадочные нуклеусы, боковые резцы, пластинки со скошенным концом, сегменты, оформленные перпендикулярной к плоскости пластины ретушью, и сегменты подтреугольной в сечении формы. Прямоплощадочные нуклеусы, трапеции, округлые скребки, пластины с выемками немногочисленны.

Поздняя пора мезолита характеризуется коллекциями из Мурзак-Кобы, второго и третьего слоя Шан-Кобы, седьмого слоя Замиль-Кобы II. Специфика кремневого инвентаря этих памятников определяется сохранением косоплощадочных нуклеусов и боковых резцов, увеличением числа прямоплощадочных и появлением подконических нуклеусов, резким преобладанием трапеций с крутой ретушью над сегментами, очень большим количеством пластин с выемками и округлых скребков.

К переходному времени (от раннего к позднему мезолиту) могут быть отнесены стоянки Сюрень II, 4-й слой Шан-Кобы, нижний комплекс третьего слоя Шан-Кобы, 5-й слой Фатьма-Кобы. Обращает на себя внимание большое число трапеций и пластинок с выемками при сохранении преобладания сегментов в 4-м слое Шан-Кобы. Сегменты сближают памятник с 6-м слоем Шан-Кобы, пластинки с выемками и трапеции — с Мурзак-Кобой. Особенно интересно появление листовидных наконечников в Сюрени II и нижнем горизонте третьего слоя Шан-Кобы. Недостаток материала (табл. 1, 2) не позволяет пока дать окончательную характеристику этой группе памятников.

6-й и 5-й слои Замиль-Кобы II, Ат-Баш, 1-й слой Шан-Кобы выделяются в единую группу по преобладанию в комплексах уплощенных нуклеусов, резцов на углу сломанной пластины, большому числу правильных мелких скребочков на отщепах, трапеций с пологой, частично заходящей на спинку ретушью, по трапециям со струганой спинкой и сегментам с подработанной вершиной, большому числу вкладышей из рубленых пластин. Присутствие в этих и близких им комплексах керамики и двусторонне обработанных наконечников позволяют отнести их уже к неолитическому, а частично и более позднему времени.

Предложенная табл. 2 дает суммированное представление о трех последовательных этапах верхнепалеолитической культуры, о близкой преемственной связи верхнепалеолитических и мезолитических памятников Крыма. По ней четко прослеживаются две ступени развития единой мезолитической культуры. Выделяется и группа переходных памятников типа Сюрень II, пока еще слабо изученных.

Несомненна тесная связь позднемезолитической и ранненеолитической культур. В то же время памятники неолитического времени хорошо выделяются в самостоятельную группу по ряду специфических признаков. Распределение материала в рассмотренной таблице более всего соответствует периодизации М. В. Воеводского[6]. В то же время, по-видимому, прав Д. А. Крайнов, который видит значительные различия между 6-м и 4-м слоями Шан-Кобы[7]. Материал же раскопок 1936 г. из 2-го слоя Шан-Кобы (табл. 2) скорее может быть датирован поздним мезолитом (М. В. Воеводский[8]), чем ранним неолитом (Д. А. Крайнов[9]).

3

Сводная таблица (табл. 3) по палеолиту и мезолиту Кавказа составлена на основе подсчетов инвентаря пяти стоянок[10].

Для подсчета были выделены следующие типы нуклеусов и орудий.

I. Нуклеусы (табл. 3): *1* — дисковидные; *2* — косоплощадочные (рис. 1, *29*); *3* — прямоплощадочные (рис. 1, *30*); *4* — прямоплощадочные подконические (рис. 1, *31*); 5 — уплощенные нуклеусы (рис. 1, *32*).

[6] М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы, КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 96—121.

[7] Д. А. Крайнов. Стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма. Диссертация. Архив ИА АН СССР, ф. 2, № 1360, стр. 202, 223.

[8] М. В. Воеводский. Ук. соч., стр. 111.

[9] Д. А. Крайнов. Ук. соч., стр. 245.

[10] Стоянки: 1. Таро-Клде. Из пробных шурфов С. А. Круковского, 1918 г. (кол. Музея Грузии, № 30—26). 2. Сакажия. Материал из раскопок Г. К. Ниорадзе (кол. Музея Грузии, № 2—55). 3. Гварджилас-Клде. Из раскопок Д. М. Тушабрамишвили (кол. Музея Грузии, № 16—54). 4. Бармаксыз. Из раскопок Б. А. Куфтина (кол. Музея Грузии, № 16—55). 5. Одиши. Из раскопок А. Н. Каландадзе (кол. Музея Грузии, № 6).

II. Скребки и функционально близкие им орудия: 6 — скребки высокой формы (рис. 3, *20*); 7 — концевые скребки (рис. 3, *9*) (эта группа включает орудия на отщепах и пластинах, независимо от приемов обработки рабочего края); 8 — двойные скребки (на отщепах и на пластинах) (рис. 3, *14*); 9 — пластинки с выемкой на конце (рис. 3, *23, 24*); 10 — пластинки с поперечной ретушью (иногда обработанный конец слегка скошен, иногда ретушь спускается на бока орудия) (рис. 3, *21, 22*); 11 — орудия на пластинах, подтреугольной формы, со скошенным рабочим краем и ретушью, часто идущей вокруг всего орудия (рис. 2, *62*); 12 — пластинки с выемками (рис. 3, *25, 26*); 13 — скребки с круговой ретушью, вне зависимости от массивности и характера заготовки (рис. 3, *17*); 14 — скребки со скошенным концом (рис. 3, *10*); 15 — скребки правильной овальной формы на небольших отщепах (рис. 3, *15, 16*); 16 — крупные орудия нехарактерных очертаний, оформленные скребковой ретушью; 17 — скребла (рис. 3, *27*).

III. Резцы и близкие им орудия: 18 — остроконечники мустьерского облика (рис. 3, *28*); 19 — орудия с подработкой двух концов (рис. 3, *18*); 20 — многофасеточные резцы (рис. 3, *11*); 21 — «ладьевидные» резцы (изготовлены обычно на массивных обломках и отщепах кремня несколькими резцовыми сколами, нанесенными в одном направлении) (рис. 3, *1*) (в некоторых случаях, особенно в обширной коллекции из Сакажия, эта форма бывает близка небольшим нуклеусам на плитках кремня или скребочкам высокой формы, но в целом выделяется четко); 22 — пластинки с заостренным концом (оформлены крутой, иногда встречной ретушью вокруг всей пластины, часто орудия достигают 5—6 *см* в длину) (рис. 2, *57*); 23 — острия типа граветт (изготовлены на массивных в сечении пластинах крутой, часто встречной ретушью) (рис. 3, *6, 8*); 24 — острия на пластинках с концом, заостренным противолежащей ретушью; 25 — острия типа ргани (рис. 3, *13*); 26 — срединные резцы на обломках кремня, отщепах, пластинах (рис. 3, *5*); 27 — угловые резцы на пластинах, реже на отщепах (рис. 3, *4*); 28 — боковые резцы (на пластинах и на отщепах) (рис. 3, *2, 3*); 29 — пластинки со скошенным концом (рис. 3, *7*).

IV. Орудия-вкладыши: 30 — пластинки с притупленной спинкой (рис. 2, *58, 61*); 31 — пластинки с противолежащей ретушью (рис. 2, *56*); 32 — низкие симметричные сегментовидные орудия (рис. 2, *48, 52*); 33 — низкие асимметричные сегментовидные орудия (рис. 2, *46, 51*) (форма очень близка предыдущей, но в коллекциях выражена большим стойким комплексом); 34 — низкие асимметричные треугольники (рис. 2, *36, 40, 44, 53*) (как и сегментовидные орудия, изготовлены на тонких пластинах крутой ретушью и имеют очень незначительную по сравнению с длиной высоту); 35 — «наконечники стрел» (предположительно определены С. Н. Замятниным [11]; представляют собой небольшие пластинки с крутой ретушью по одной из сторон и подправкой концов с брюшка) (рис. 2, *49, 50*); 36 — сегменты, близкие крымским (рис. 2, *43*); 37 — трапеции, близкие крымским (рис. 2, *39*); 38 — вкладыши из ломаных пластинок; 39 — мелкие прямоугольники (изготовлены из правильных пластин крутой ретушью со спинки) (рис. 2, *32, 35*); 40 — мелкие высокие сегменты на массивных пластинах, с продольным ребром, стесанным перпендикулярной к краю пластины ретушью, часто встречной (рис. 2, *31, 34, 37*); 41 — высокие трапеции из обломанных с двух сторон пластинок (плоская ретушь нанесена лишь по всей плоскости спинки; бока остаются необработанными; обычно эти орудия изготовлены из вулканического стекла) (рис. 2, *33*).

---

[11] С. Н. Замятнин. Палеолит западного Закавказья. Сборник МАЭ, т. XVII, 1957, стр. 492.

Сводная таблица кавказских коллекций дает представление о кремневой индустрии ряда разновременных памятников, которые, несомненно, относятся к единой культурной группе.

Начало верхнего палеолита представлено материалом из Таро-Клде. О большой древности этой стоянки можно судить по значительному количеству остроконечников, скребел, дисковидных нуклеусов, многофасеточных резцов, скребков высокой формы. Вместе с этими архаичными орудиями встречаются верхнепалеолитические пластины с притупленным краем, пластины с выемками, с выемкой на конце, большое количество косоплощадочных нуклеусов и боковых резцов, прямоплощадочные нуклеусы.

К середине верхнего палеолита может быть отнесена стоянка в пещере Сакажия. Здесь уже нет остроконечников и скребел, но сохраняются дисковидные нуклеусы, многофасеточные резцы, значительное число скребков высокой формы. Специфичным для средней поры верхнего палеолита этой территории может быть признано сохранение большого числа пластин с притупленной спинкой, увеличение числа резцов ладьевидной формы, появление орудий с подработкой концов, острий с круговой ретушью типа граветт, с противолежащей ретушью, острий типа ргани, сегментов, двойных скребков, скребков со скошенным концом и круговой ретушью, скребков на мелких отщепах с округлым рабочим краем и срединных резцов при отсутствии серий «наконечников стрел», сегментовидных орудий, асимметричных треугольников, пластин со скошенным концом.

К самому концу верхнего палеолита относится стоянка в Гварджилас-Клде. Кремневый инвентарь этого памятника сохраняет лишь небольшое число скребков высокой формы. В целом комплекс характеризуется большим числом пластин с притупленной спинкой, значительным увеличением количества пластин с выемкой на конце и пластин с поперечной ретушью, появлением больших серий «наконечников стрел», симметричных и асимметричных сегментовидных орудий, пластин со скошенным концом, неравнобедренных треугольников. По-видимому, набор кремневых орудий из Гварджилас-Клде имеет уже много особенностей, характерных для раннемезолитического времени.

Памятники собственно мезолитические и ранненеолитические изучены пока недостаточно. К позднему мезолиту может быть отнесена коллекция из Бармаксыза. Материал ее крайне своеобразен, что в значительной мере может быть объяснено тем, что почти все орудия сделаны из обсидиана. Значительное число общих черт в инвентаре сближает Бармаксыз не только с Гварджилас-Клде, но и с Сакажия. Это, прежде всего, пластины с притупленной спинкой и асимметричные треугольники. Вместе с тем появляются и новые формы орудий — уплощенные нуклеусы, округлые скребочки, подконические нуклеусы, трапеции. Последние две формы встречаются и в неолитических памятниках.

В Одиши появляется керамика. Вероятно, слои перемешаны и кремневый материал несколько разновременен, поэтому приводится лишь суммарная характеристика всего комплекса. Набор кремневых орудий из Одиши характеризуется резким увеличением резцов на углу сломанной пластины, пластин с выемкой на конце, пластин с выемками, пластин с поперечной ретушью. Наиболее характерными орудиями могут быть признаны прямоугольники (рис. 2, *32*); мелкие, высокие, подтреугольные в сечении сегменты, оформленные встречной ретушью (рис. 2, *34*); трапеции из ломаных пластин со струганой спинкой (рис. 2, *33*).

Вкладышевые орудия, по-видимому, несколько разновременны, что в дальнейшем позволит провести подробную периодизацию неолитических памятников. Разрыв во времени между комплексами, представленными Бармаксызом и Одиши, должен быть значительным. Тем не менее целый ряд общих черт позволяет усмотреть между этими памятниками довольно тесную связь.

С. Н. Замятнин выделил три последовательных этапа в развитии верхнего палеолита Кавказа. Он же обратил внимание на их большое сходство, указал на долгое бытование архаичных форм орудий и раннее развитие микролитической техники на Кавказе [12]. Приведенная табл. 4 целиком подтверждает эту точку зрения.

4

Недостаток материала позволяет сейчас провести лишь самое общее сопоставление периодических шкал Крыма и Кавказа. Об одновременности нижнего слоя Сюрени I и Таро-Клде, среднего слоя Сюрени I и Сакажия можно говорить также лишь в общих чертах. Материал Гварджилас-Клде может быть сопоставлен не только с верхним слоем Сюрени I, но, вероятно, и с Буран-Кая. Пока лишь в самой общей форме можно проводить сравнения между стоянками Бармаксыз и Мурзак-Коба, раннекерамическими памятниками Крыма и Кавказа. Однако, несмотря на отмеченные трудности, уже сейчас можно составить представление о различиях в формах орудий Крыма и Кавказа, достаточно полно выявить общие особенности и специфику в развитии кремневых индустрий каждой из рассматриваемых территорий.

Коллекции из одновременных памятников Крыма поразительно однородны. В развитии приемов обработки кремня наблюдается большая постепенность и преемственность в традициях, что позволяет говорить о монолитности и тесных культурных связях населения этой территории. Имеющийся в нашем распоряжении пока еще небольшой материал с территории Кавказа также обнаруживает значительное единство.

Близость культур обеих областей проявляется прежде всего в общих тенденциях развития кремневой индустрии, долгом сохранении архаичных форм орудий, раннем появлении микролитических форм, длительном сосуществовании тех и других. При этом необходимо отметить, что на Кавказе это явление выражено более заметно. При таком значительном общем сходстве различия проявляются не только в бытовании целого ряда совершенно своеобразных для каждой территории форм орудий, но и во времени возникновения и исчезновения некоторых общих определяющих признаков, в их пропорциональных соотношениях.

Для всего верхнего палеолита Кавказа характерно резкое преобладание пластин с притупленным краем над пластинами с противолежащей ретушью. Крымский материал этого времени дает изменения соотношений. На Кавказе пластины с притупленным краем сохраняются в большом числе, по крайней мере до развитого мезолита, в Крыму они исчезают в самом начале мезолита.

Вкладышевая техника середины и конца верхнего палеолита Крыма характеризуется лишь пластинами с притупляющей и противолежащей ретушью. На Кавказе уже в середине верхнего палеолита мы прослеживаем появление острий с круговой ретушью, острий с противолежащей ретушью на конце, «наконечников стрел», асимметричных низких треугольников, т. е. форм, специфичных только для Кавказа. На Кавказе первые высокие сегменты в небольшом числе появляются уже в развитом верхнем палеолите, в Крыму — лишь в конце его.

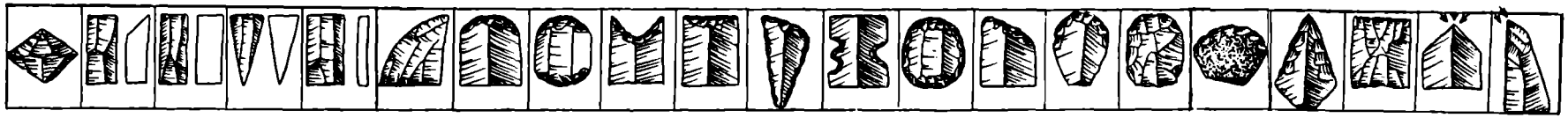
В раннем мезолите Крыма широко распространяются высокие сегменты и трапеции, на Кавказе продолжают бытовать различные формы острий, «наконечники стрел», низкие асимметричные треугольники, появляются в большом числе низкие симметричные и асимметричные сегменты.

Поздний мезолит Крыма характеризуется развитием различных форм высоких сегментов и трапеций при резком преобладании последних. На

[12] С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2, стр. 116; его же. Палеолит западного Закавказья, стр. 433—499.

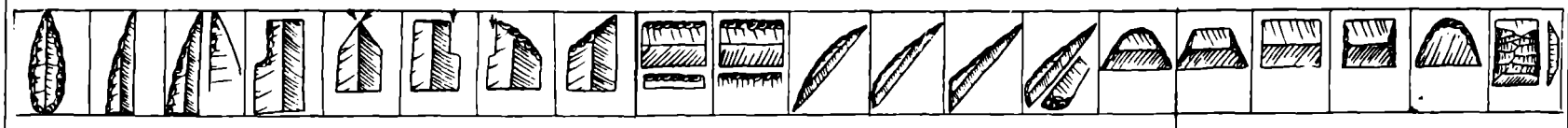
Таблица 3

Сводная таблица количества орудий по стоянкам Кавказа

Стоянки																					
	I—1 *	I—2	I—3	I—4	I—5	II—6	II—7	II—8	II—9	II—10	II—11	II—12	II—13	II—14	II—15	II—16	II—17	III—18	III—19	III—20	III—21
Одиши	—	—	39	3	—	—	1	—	57	50	—	87	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Бармак-сыз	—	23	23	3	3	—	81	4	3	20	8	14	5	4	10	4	—	—	—	—	2
Гварджи-лас Клде	—	14	8	—	—	3	90	3	26	19	—	—	—	5	—	3	—	—	—	—	—
Сакажия	1	16	11	—	—	29	653	31	15	50	5	27	—	13	9	—	—	—	4	23	95
Таро-Клде	2	25	4	—	—	7	14	—	1	—	—	1	—	—	—	—	7	1	—	6	1

* Номера под рисунками орудий соответствуют порядку их описания в тексте.

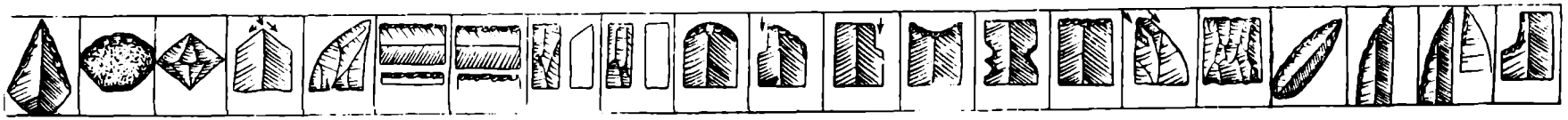
Таблица 3 (продолжение)

Стоянки																							
	III—22	III—23	III—24	III—25	III—26	III—27	III—28	III—29	IV—30	IV—31	IV—32	IV—33	IV—34	IV—35	IV—36	IV—37	IV—38	IV—39	IV—40	IV—41	Керамика	Сумма
Одиши	—	—	—	—	12	46	32	24	—	—	—	—	—	—	—	7	мн*	32	5	3	м**	313
Бармак-сыз	—	—	—	2	15	29	42	27	99	4	—	—	110	—	9	2	—	—	—	—	—	546
Гварджи-лас-Клде	6	4	6	1	3	11	16	11	42	—	5	9	3	17	—	—	—	—	—	—	—	305
Сакажия	2	44	5	3	90	154	148	—	159	2	—	—	1	2	11		м	—	—	—	—	1583
Таро-Клде	—	—	—	—	—	4	19	—	21	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	116

* мн — много; ** м — мало.

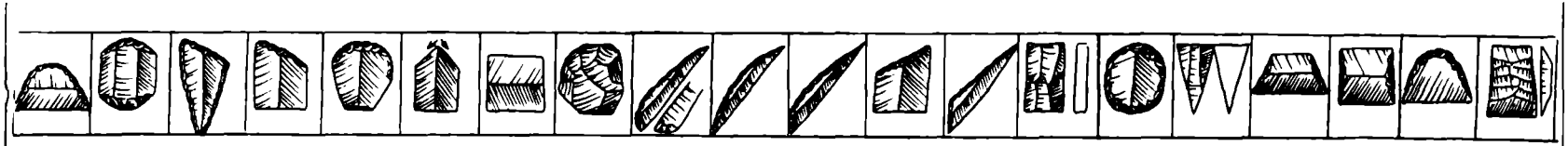
Таблица 4

Сводная таблица процентного соотношения орудий по стоянкам Кавказа

Стоянки																					
	III—18*	II—17	I—1	III—20	II—6	IV—30	IV—31	I—2	I—3	II—7	III 28	III—27	II—9	II—12	II—10	III—21	III—19	III—22	III—23	III—24	III—25
Одиши	—	—	—	—	—	—	—	12,5	—	0,3	10,2	**14,7****	**18,7**	**27,7**	**15,9**	—	—	—	—	—	—
Бармаксыз	—	—	—	—	—	18,1	0,7	4,2	4,2	14,8	7,7	5,5	0,5	2,5	3,5	0,3	—	—	—	—	0,3
Гварджилас-Клде	—	—	—	—	0,9	13,7	—	4,5	2,6	29,5	5,2	3,6	8,5	—	6,2	—	—	1,8	1,3	1,8	0,3
Сакажия	—	—	0,1	1,4	1,8	10	0,1	0,4	0,1	41,6	8,7	9,8	0,9	1,6	3,1	6	0,2	0,1	2,8	0,3	0,2
Таро-Клде	0,8	6	1,7	5,2	6	18,1	2,6	21,5	3,4	12	16,4	3,4	0,8	0,8	—	0,8	—	—	—	—	—

* Номера под рисунками соответствуют порядку их описания в тексте; ** характерные формы орудий выделены жирным шрифтом.

Таблица 4 (продолжение)

Стоянки																				Керамика	%
	IV—36	II—18	II—11	II—14	II—15	III—26	IV—38	II—16	IV—35	IV—32	IV—33	III—29	IV—34	I—5	II—13	I—4	IV—37	IV—39	IV—40	IV—41	
Одиши	—	—	—	—	—	3,8	мн *	—	—	—	—	7,6	—	—	—	0,9	22	10,2	1,6	0,9	м **	100
Бармаксыз	1,5	0,7	1,4	0,7	1,8	2,7	—	0,7	—	—	—	4,9	20,1	0,5	0,9	0,5	0,3	—	—	—	—	100
Гварджилас-Клде	—	0,9	—	1,6	—	0,9	—	0,9	5,5	1,6	2,7	3,6	0,9	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Сакажия	**0,7**	**1,9**	**0,3**	**0,8**	**0,6**	**5,6**	м	—	0,1	—	—	—	0,1	—	—	—	—	—	—	—	—	100
Таро-Клде	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	100

* мн — много; ** м — мало.

Кавказе продолжают бытовать пластины с притупленной спинкой и низкие асимметричные треугольники, высокие сегменты и трапеции встречаются лишь единично.

Наконец, крымские стоянки с ранней керамикой характеризуются большим числом трапеций и сегментов разнообразных форм, появлением трапеций со струганой спинкой и сегментов со стесанной вершиной. На Кавказе мы встречаем специфичные формы прямоугольников, небольших высоких сегментов подтреугольной в сечении формы, оформленных встречной ретушью, высоких трапеций со струганой спинкой, но с боковыми гранями, оставленными без всякой обработки. Обычные трапеции крымских типов встречаются лишь в незначительном числе.

Как уже отмечалось, С. Н. Замятнин на основе широко распространенных общих признаков отнес палеолитические Крым и Кавказ к обширной средиземноморской культурной провинции. Изложенные факты не противоречат этому выводу. В то же время новый материал, как нам представляется, с достаточной убедительностью доказывает существование на территории Крыма и Кавказа, в рамках одной провинции, двух различных историко-культурных областей, которые сейчас могут быть прослежены начиная с верхнего палеолита и четко выявляются в мезолитическое и ранненеолитическое время.

Д. Я. ТЕЛЕГИН

К ВОПРОСУ О ДНЕПРО-ДОНЕЦКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

За последнее десятилетие в изучении неолитических памятников Украины достигнуты значительные успехи. Благодаря разведкам и раскопкам неолитических стоянок, поселений и могильников получен большой и разнообразный материал, позволяющий говорить о наличии в пределах УССР нескольких, по крайней мере пяти, культурных групп неолитического времени.

В число последних мы включаем группу памятников дунайской культуры, стоянки сурской или сурско-днепровской культуры, памятники с керамикой ямочно-гребенчатого типа, поселения и могильники с гребенчато-накольчатой керамикой [1], а также выделенную недавно В. Н. Даниленко культурную группу южнобугского типа с линейной-меандровой керамикой.

Для изучения древнейшей истории населения современной Украины весьма важное значение имеют памятники так называемой гребенчато-накольчатой керамики, которые обнаружены на Волыни, Киевщине, на Северском Донце, Сейме, Десне, Надпорожье и, наконец, открыты нашими работами последних лет (1956—1958 гг.) на Среднем Поднепровье в пределах Черкасской и Полтавской областей. В настоящей статье мы ставим своей целью, наряду с публикацией новых материалов, подвести общий итог исследования памятников культуры гребенчато-накольчатой керамики.

Еще работами А. В. Добровольского, М. Я. Рудинского и других исследователей в 1927—1931 гг. в районе Надпорожья была исследована группа неолитических стоянок (типа Вовниги — Собачки — Средний Стог I), для которой характерна плоскодонная керамика, украшенная оттисками гребенки, подтреугольными отступающими наколами и проглаженными линиями. Для стоянок с этой керамикой свойственны каменные шлифованные тесла, мелкий, часто микролитический кремень и другие находки [2].

Несколько позже, уже после Великой Отечественной войны, археологические исследования в Надпорожье увенчались открытием ряда неолитических могильников (Вовниги 1, 2, Васильевка 2, Вильный и т. п.), которые по типу обнаруженной здесь (Вовниги) накольчатой керамики можно связать с указанными выше стоянками [3]. С открытием могильни-

---

[1] Д. Я. Телегін. Деякі підсумки дослідження неоліту України. Вісник АН УРСР, № 8, 1958, стр. 43 сл.

[2] А. В. Добровольський. Неолітичні стоянки Надпоріжжя. Архив ИА АН УССР, ф. 12, № 29; М. Я. Рудинський. Деякі підсумки та ближчі завдання палеоетнологічних вивчень в межах УРСР. Антропологія, т. IV, 1931.

[3] М. Я. Рудинский. Вовнигские поздненеолитические могильники. (К вопросу об оформлении могильников Мариупольского типа). КСИА, вып. 4, 1955.

ков культуры гребенчато-накольчатой керамики было установлено, что ее носители хоронили своих покойников по обряду, во многом напоминающему ритуал известного Мариупольского некрополя.

В 1948—1949 гг. И. Ф. Левицким в бассейне р. Припяти была обнаружена и раскопана неолитическая стоянка на р. Моства, культурный слой которой залегал под почти метровым слоем торфа. В слое собрана остродонная неолитическая керамика с обильной растительной примесью в тесте, украшенная гребенчатым, накольчатым и прочерченным орнаментом, а также кремневые топоры с двусторонней обработкой, без следов шлифования и иные изделия из кремня, в том числе единичные трапеции и грубый черенковый наконечник стрелы [4].

В том же 1949 г. и несколько позже (1954 г.) В. Н. Даниленко и автором были раскопаны две неолитические стоянки (Никольская слободка, Вита Литовская) в окрестностях Киева на Днепре. Материалы этих памятников, как и названной выше стоянки на территории Волыни, характеризовались остродонной гребенчато-накольчатой керамикой и мелким кремневым инвентарем. В Вите Литовской найден каменный топорик, сильно попорченный огнем. На поселении раскрыты остатки небольшого, слегка углубленного жилища с очагом в центре [5].

В 1950—1951, 1955 гг. памятники гребенчато-накольчатой керамики были исследованы в долине Северского Донца, где нами выделено два этапа в развитии местной культуры, характеризуемой остродонной керамикой с простым геометрическим орнаментом, выполненным оттисками гребенчатого штампа, наколами и прочерченными линиями. Производственный инвентарь неолитического населения Северского Донца включал как крупные кремневые орудия для обработки дерева, так и мелкие охотничьи микролитические орудия [6].

В 1956—1957 гг. работы по исследованию неолитических памятников этого типа были продолжены раскопками многослойного поселения и могильника у хут. Александрии на Осколе [7].

Кратко подытоживая результаты указанных выше работ по изучению памятников гребенчато-накольчатой керамики Украины, можно отметить две сравнительно хорошо исследованные территории их распространения — лесостепное Левобережье и Полесье на севере и северо-востоке Украины и Надпорожье в средних областях УССР. Археологические материалы этих территорий, разделенных широкими пространствами Черкасской и Полтавской областей, несколько различаются между собой. Так, например, сосуды из Волыни, Киевщины, Черниговщины и Донеччины характеризуются остродонностью, в то время как в Надпорожье они почти всегда имеют плоское дно.

Для стоянок Надпорожья, кроме того, отмечается еще ряд черт, которые не наблюдались до последнего времени в стоянках более северных районов, как, например, наличие раковинных куч, тальковых челновидных изделий загадочного назначения, графитной керамики и т. п. Все это, а также существование известного рода традиции способствовало рассмотрению неолитических памятников Надпорожья в полном отрыве от родственных культурных явлений более северных территорий лесостепного левобережья Днепра и Полесья Украины.

---

[4] І. Ф. Левицький. Дослідження стоянки на торфовищі Моства в 1948 р. АП, т. IV, 1952.

[5] В. М. Даниленко. Дослідження неолітичних пам'яток в районі Києва в 1949 р. АП, т. VI, 1956; Д. Я. Телегін. Неолітичні пам'ятки Києва та його околиць. Вісник АН УРСР, № 3, 1958.

[6] Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. Археологія, т. IX, 1954; его же. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца. СА, XXIX—XXX, 1959.

[7] Д. Я. Телегин. Оскольская экспедиция 1955—1956 годов. КСИА. вып. 8, 1959

Благодаря обширным исследованиям неолитических памятников на Среднем Поднепровье в пределах Черкасской и Полтавской областей, которые проводились нами в последние годы, мы приходим, однако, к несколько иным выводам. Как увидим ниже, анализ новых материалов, в частности, позволяет связывать неолитические памятники Надпорожья и более северных областей Украины в единый культурный массив, охватывающий, по крайней мере, средние течения бассейнов Днепра и Северского Донца.

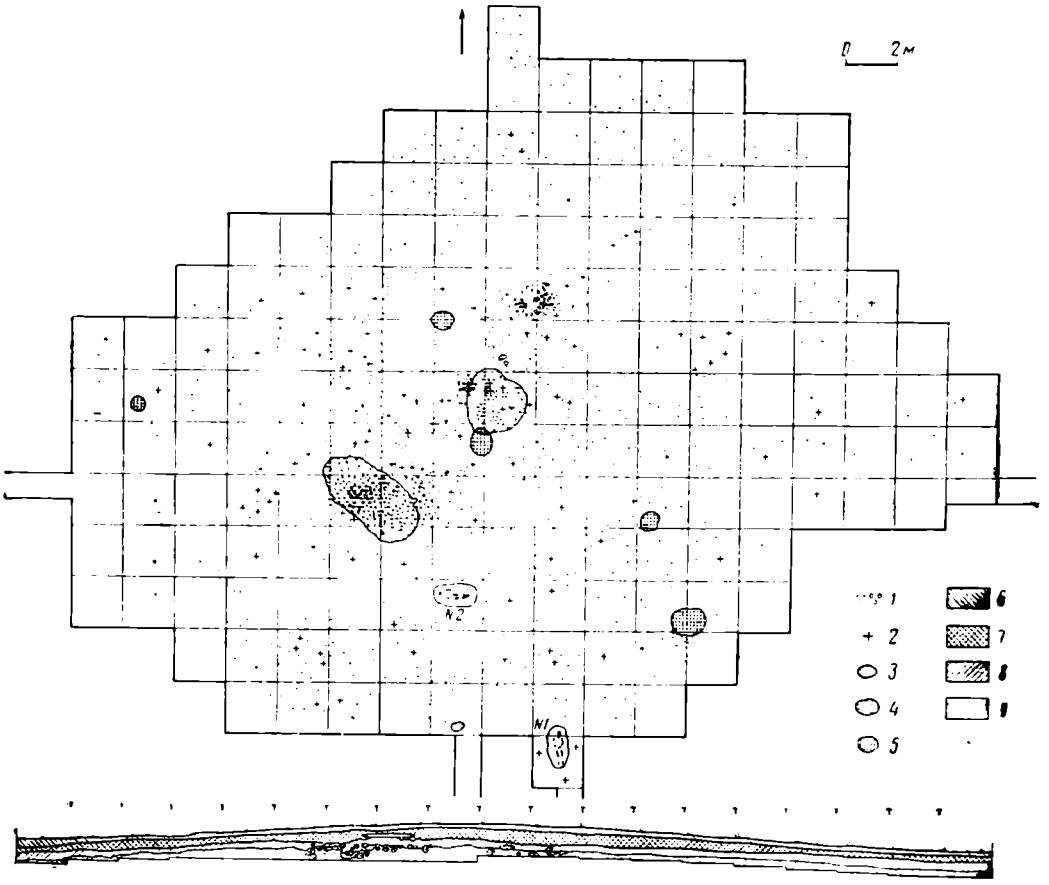


Рис. 1. План и профиль раскопа неолитического поселения у с. Бузьки. Раскопки 1957—1958 гг.

1 — керамика; *2* — кремневые и костяные орудия; *3* — обожженная глиняная обмазка; *4* — скопление раковин; *5* — кострища; *6* — пахотный слой; *7* — черный гумусированный слой; *8* — бурый песок; *9* — материк дюны; *10* — погребение

За три года полевых исследований на Среднем Поднепровье, в границах Градижского, Ирклиевского и Золотоношского районов Полтавской и Черкасской областей, т. е. на протяжении около 200 *км* вдоль Днепра, а также в устьях рек Сулы и Ольшанки обнаружено более 40 неолитических местонахождений. На некоторых из них (Бузьки, Пищики, Мутыхи) поставлены стационарные раскопки. Значительные результаты получены при исследовании поселения около с. Бузьки, Ирклиевского района, Черкасской области, богатый и разнообразный материал которого имеет существенное значение для понимания культуры гребенчато-накольчатой керамики вообще.

За два года работ в Бузьках раскопана вся основная часть древнего поселения (802 $м^2$). Культурный слой поселения, залегающий в нижней части почвенного слоя (рис. 1), представляет собой скопление плотного черного углистого песка. В центральных квадратах, на глубине 0,5 *м*, обнаружено два больших скопления ракушек унио, расположенных на расстоянии около 4 *м* друг от друга. Одно из них имеет округлую фор-

му, диаметром около 6 *м*, а второе — удлиненную, размером 2,4 × 8,4 *м*. Мощность слоя около 10 *см*. Створки отдельных моллюсков были разделены и часто разломаны в древности; на многих ракушках — следы действия огня. Вместе с ракушками встречены обломки щитков черепах и мелкие кости зверей и птиц. Здесь встречается также много черепков и мелкие камни. На краю округлого скопления, например, взяты почти все черепки графитного сосуда, форму которого удалось восстановить. На другой стороне этого скопления отмечено залегание небольшого количества обожженной глиняной обмазки.

В основании черного слоя удалось зафиксировать остатки пяти открытых наземных кострищ (рис. 1). При расчистке пятен всегда вырисовывалось углубление с линзовидным профилем. В заполнении кострищных углублений — мелкие угольки, пережженные кремни и отдельные черепки керамики. Особо следует остановиться на кострище, расположенном с южной стороны округлого скопления ракушек. Оно состоит из белого зольноизвесткового вещества и пережженных ракушек унио. Его диаметр — около 0,6 *м*, толщина — 0,3 *м*. Вокруг него почва имела желтый прокаленный вид. Возможно, в этом кострище происходило запекание моллюсков, створки которых затем выбрасывались на кучу. Жилых сооружений на площади поселения не обнаружено.

В культурном слое поселения, главным образом на территории раковинных куч, собраны также фаунистические остатки, принадлежащие, по определению В. И. Бибиковой, быку домашнему (три особи), собаке (две особи), свинье домашней (одна особь), оленю благородному (три особи), косуле (четыре особи), лосю (одна особь), бобру (пять особей), зайцу (три особи) и нескольким видам птиц. Находки на поселении сосредоточены преимущественно в центре вскрытой площади. Раскопками раскрыто одно неолитическое погребение, о чем будет речь ниже.

Всего на раскопанной площади собрано около 5000 находок. Каменные орудия разнообразны. Это, прежде всего, нуклеусы (14 экз.) небольших размеров; пять из них хорошо огранены, со следами снятых микропластин (рис. 2, *1, 2*), остальные имеют неправильные очертания (вероятно, это нуклеусы для отщепов). Ножевидные пластины небольших (длина 4—5 *см*) и средних (5—7 *см*) размеров; найдены в количестве 171 экз. (рис. 2, *3—6*). 26 из них представляют собой ножи. По краям этих изделий имеется плоская ретушь, а конец либо заострен, либо превращен в скребущее орудие (рис. 2, *9—11*). Один обломок режущего изделия имеет сильную заполированность (рис. 2, *8*); возможно, он использовался в качестве серпа или пилочки. Имеются режущие орудия, изготовленные также и из отщепов. Миниатюрных пластинок, хорошо ограненных, собрано около двух десятков (рис. 2, *7*). Большую группу орудий составляют скребки (166 экз.). Почти все они изготовлены из небольших, а иногда миниатюрных отщепов. По форме они обычно округлые. Ретушь охватывает весь край либо доходит до ударной площадки отщепа. Поперечник скребков — от 1 до 3,5 *см* (рис. 2, *12—19*). Лишь один скребок имеет довольно крупные размеры (поперечник около 4 *см*). Среди изделий этого рода всего три-четыре скребка изготовлены на пластинках.

Микролитические формы представлены на стоянке трапециями обычных правильных очертаний (20 экз.) и асимметричными формами (5 экз.). Обычные трапеции (рис. 2, *20—23, 25*) чаще слегка удлиненные. Некоторые из них, однако, более высокие, чем широкие. Одна имеет миниатюрные размеры (длина — 0,8 *см*). На одной трапеции, побывавшей в огне, имеются следы строганой спинки. У асимметричных трапеций один край заострен крутой краевой ретушью, а на противоположном конце моделировано вогнутое основание, напоминающее основание наконечника стрелы (рис. 2, *26, 27*). Интересно, что в слое найден один наконечник стрелы небольших размеров (рис. 2, *28*), который по форме и технике изготовления очень близок к описанным асимметричным трапециям.

Среди прочих орудий из Бузьков можно указать также семь сверлышек с сильно сработанным концом (рис. 2, *29—31*). Найдено также два бруска из песчаника, с продольными желобками (рис. 2, *35*), которые могли использоваться для шлифования древков стрел.

Интересной находкой являются два обломка тальковых «челноков». Один челнок имел удлиненные пропорции. Размеры сохранившейся части 2 × 8 × 4,2 *см*. Орудие перебито на месте желобка, после чего был протерт

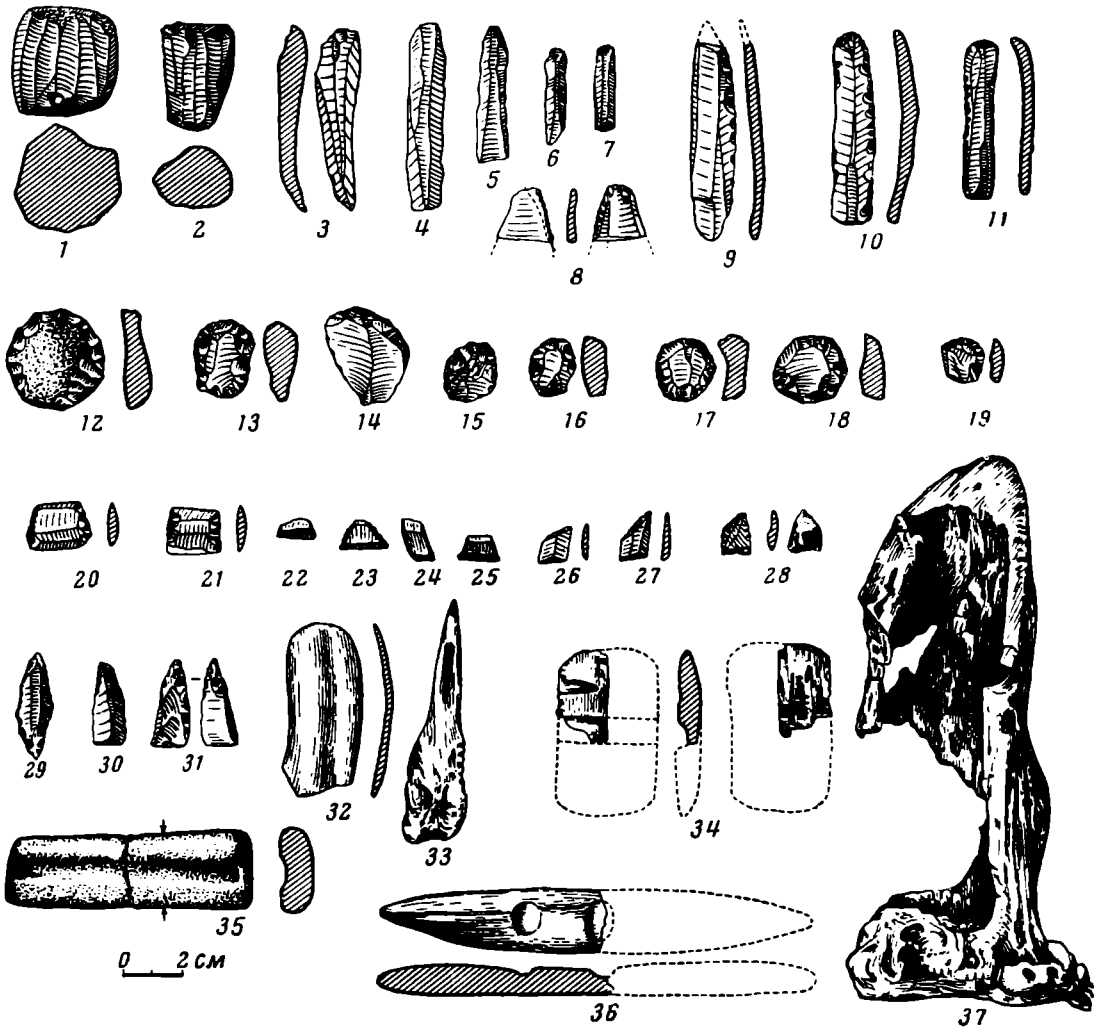


Рис. 2. Бузьки. Кремневые, каменные и костяные орудия труда

новый желобок на середине сохранившейся части (рис. 2, *36*). Второй обломок принадлежит челноку небольших размеров, длиной около 5 *см*. Это изделие также перебито на месте желобка, которым челнок был «перерезан» почти полностью. На одной стороне обломка сохранился орнамент в виде лесенки (рис. 2, *34*). Челноки из Бузьков по форме напоминают изделия позднеолитического времени Надпорожья.

Костяные орудия на стоянке представлены двумя шильями (рис. 2, *33*) и обломками каких-то плоских в сечении, крупных орудий. В коллекции имеются три обломка, очевидно, режущих орудий, изготовленные из клыков кабана, а также одна лопаточка из этого материала (рис. 2, *32*).

Обнаружена сильно поврежденная мотыга из рога оленя (рис. 2, *37*), с рабочим краем в виде клина. Орудие было снабжено отверстием для насадки его на рукоятку. Мотыги из рога оленя широко применялись населением трипольской культуры. Единичные находки подобных изделий

обнаружены также при погребениях в Надпорожье (остров Сурской.) На поселениях гребенчато-накольчатой керамики Украины роговая мотыга обнаружена впервые.

Кремневый, каменный и костяной инвентарь стоянки Бузьки типологически довольно выдержан и однообразен. Кремневые находки отличаются микролитизмом и отсутствием изделий крупных размеров. В целом этот комплекс может быть сопоставлен с материалами неолитических стоянок

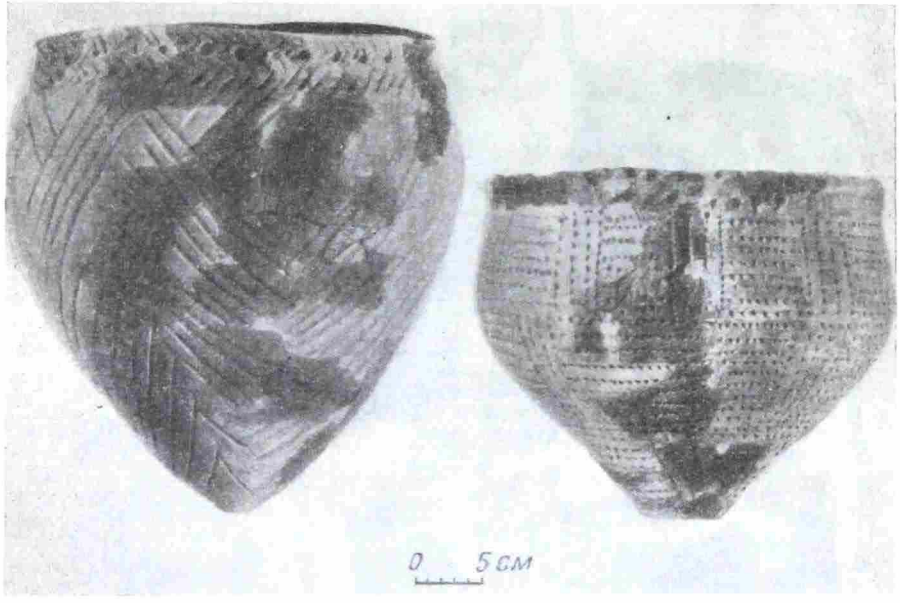


Рис. 3. Бузьки. Глиняные сосуды

Киевщины (Никольская слободка II, Вита Литовская) и Надпорожья (Собачки). Синхронные стоянки Северского Донца и Волыни по кремню несколько отличаются от памятников территории современной Черкасской области наличием топоров из кремня и резцов, а также заметно большими размерами всех орудий.

Керамические находки стоянки Бузьки представлены фрагментами глиняных сосудов (около 3500 экз.). В целом керамический комплекс довольно однородный. В глиняном тесте сосудов заметна примесь травы и песка. Есть графитированная керамика. Около 100 фрагментов гребенчатой керамики отличаются несколько своеобразным тестом, приближающимся к массе пористой керамики. Иногда процент растительной примеси в массе черепка очень значителен. По форме сосуды можно разделить на остродонные и плоскодонные горшки. Два таких сосуда удалось реконструировать полностью (рис. 3, *1, 2*). Венчик плоскодонного горшка гофрирован, слегка утолщен снаружи. В глине сосуда большая примесь графита. Горшок покрыт сложным накольчатым узором (рис. 3, *2*). Некоторые плоскодонные сосуды имели довольно резкий, но не острый излом формы верхней трети высоты сосуда (рис. 4, *4*). Среди керамических остатков имеется довольно значительное количество плоских донцев (рис. 5, *11*). Очевидно, не менее половины сосудов были плоскодонными. Венчик сосудов по толщине обычно не выделяется, иногда он слегка утолщен, сверху ровно срезан или закруглен, реже гофрирован. Под венчиком почти всегда имеется один или два ряда глубоких цилиндрических ямок (рис. 4, *1—4*). Высота горшков колеблется от 10—15 до 40 *см*.

Эти сосуды обычно орнаментированы гребенчатым, подтреугольно-накольчатым и прочерченным узором. Обычно при орнаментации применялся один какой-либо вид орнамента — гребенка, наколы или линии, но иногда

они попарно совмещались (рис. 4, *2* и *3, 1*). Чаще сочетались линейный и накольчатый орнаменты. На одном сосуде отмечено даже три элемента — гребенка, наколы и линии (рис. 5, *9*). В целом на стоянке преобладает гребенчатый и накольчатый орнаменты. Ниже приводим процентный состав орнамента по количеству украшенных фрагментов: гребенчатый орнамент — 40%, накольчатый — 24%, прочерченный — 19%, смешанный — 7%, прочие типы орнамента — 3%, неорнаментированных фрагментов — 7%. Гребенка обычно мелкозубая, короткая, изготовленная, по-видимому,

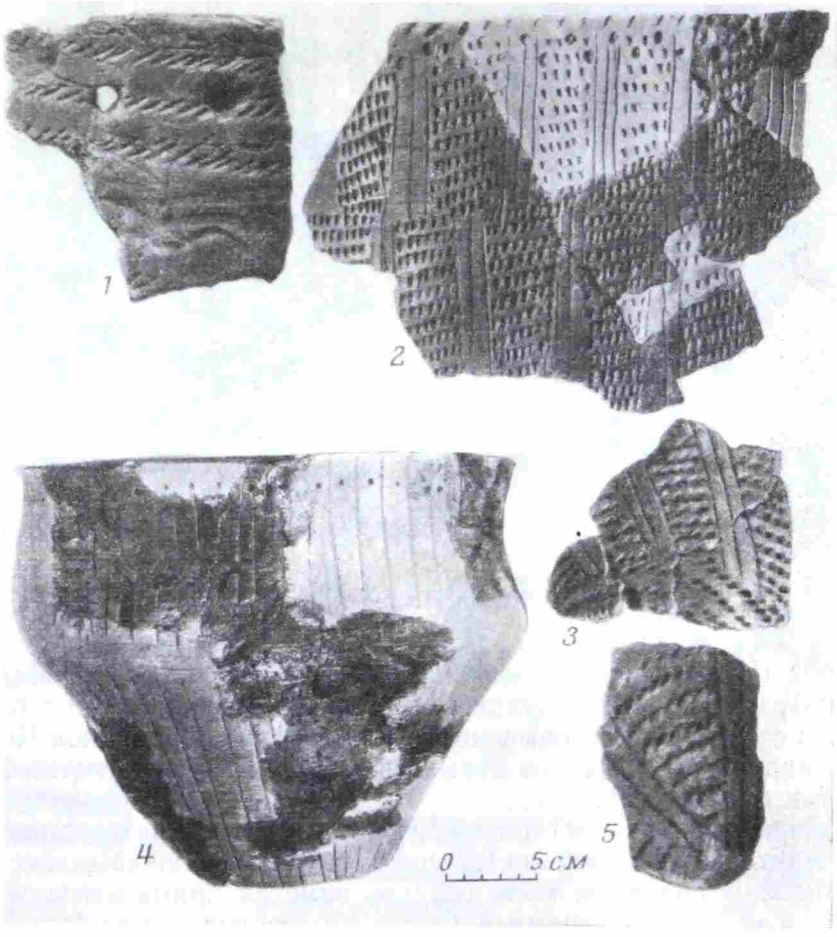


Рис. 4. Бузьки. Керамика поселения

из края ракушки. Лишь изредка встречается гребенка довольно длинная, с зубьями средней величины. Наколы, как правило, имеют подтреугольную форму, реже округлые. Нанесены наколы почти всегда в манере «отступающей лопаточки». Можно, однако, встретить накольчатый орнамент, где треугольные углубления стоят отдельно друг от друга (рис. 5, *10*). Линии врезанные или проглаженные.

Орнамент обычно покрывал сосуд от венчика до самого дна (рис. 5, *8, 11*). Плоские донышки орнаментированы даже снизу. Узоры довольно разнообразны и сложны. В целом преобладает горизонтальная зональность, но иногда весь узор состоит из вертикальных полей. Небольшая часть черепков (всего 27 фрагментов) имела орнамент, покрывавший сосуд не сплошь, а полосами. Часть поверхности этих сосудов, очевидно, была лишена орнамента Все типы узоров на керамике из Бузьков и аналогичных стоянок в Черкасской области (Пищики, Мутыхи, Коробов-

ка, Домантово) можно разбить на несколько орнаментальных мотивов, о которых мы будем говорить ниже.

На площади поселения обнаружено одно погребение взрослого, вытянутое на спине, ориентированное головой на север, лицом вверх и вправо, руки и ноги вытянутые (рис. 6). Погребение залегало в овальной яме, слабо окрашено. Инвентаря нет. Судя по большой древности скелета и уровню захоронения (в подпочве под культурным слоем), надо полагать,

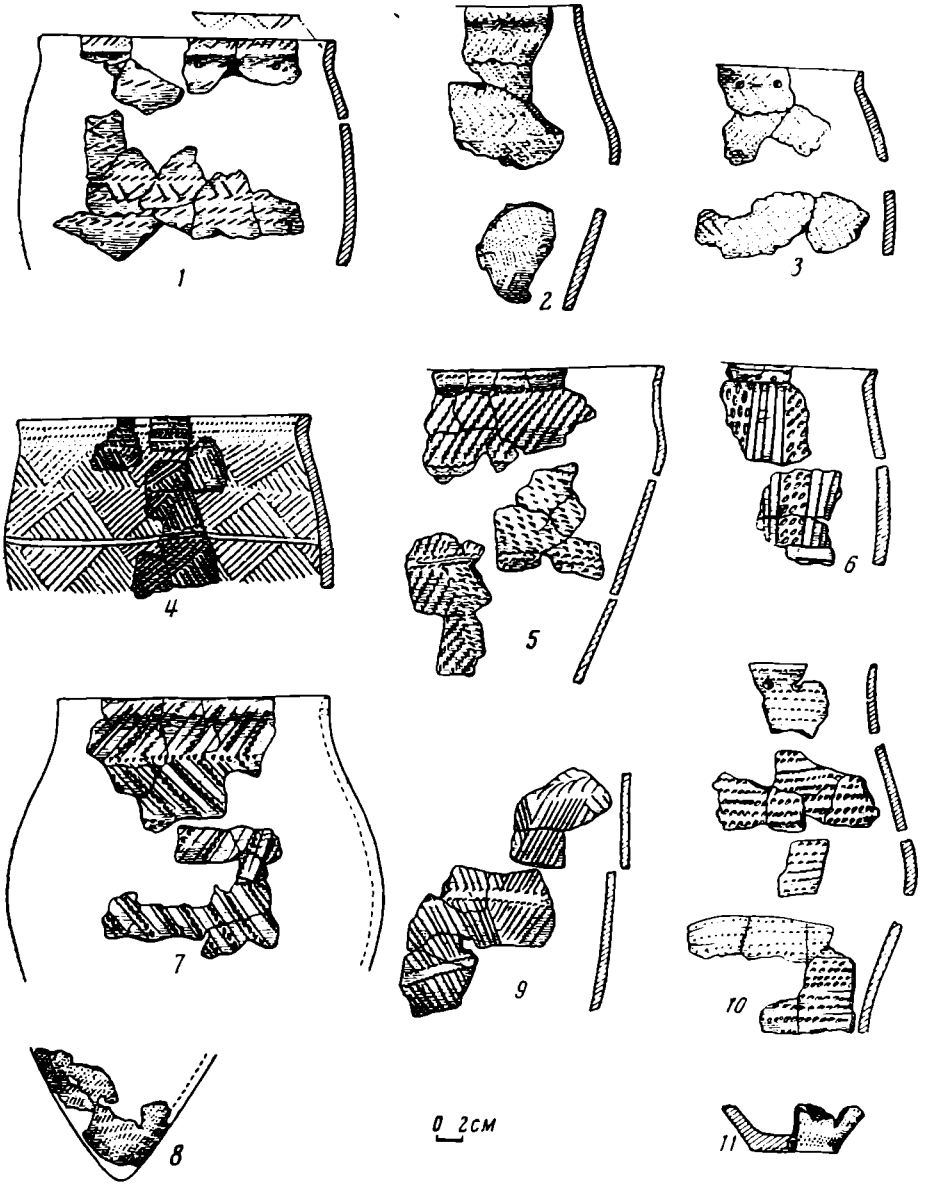


Рис. 5. Бузьки. Реконструкция форм сосудов и мотивы их орнаментации

что погребение относится к неолитическому времени. Аналогичный обряд погребения, как известно, является обычным для неолитических могильников Надпорожья.

Из приведенного выше описания материалов Бузьковского поселения нетрудно сделать вывод, что неолит территорий Черкасской области и Юго-Западной Полтавщины включает в себя культурные признаки, с одной стороны, более северных стоянок Поднепровья (Никольская слободка, Вита Литовская), с другой — памятников Надпорожья (Игрень 8, Вовниги, Собачки). С севером их роднит остродонность форм керамики, наличие травы в глиняном тесте, некоторые заведомо северные эле-

менты орнамента (ямки под венчиком) и т. п., а южные, надпорожские черты проявляются в плоскодонности сосудов, иногда в довольно развитой профилировке их стенок и венчиков, наличии графитной керамики, некоторых общих видов инвентаря (челноки), насыщенности слоя ракушками и т. п. Сходство стоянок исследованного района со стоянками Надпорожья особенно ясно проявляется на более раннем материале надпорожских стоянок (Игрень 8). Таким образом, неолитическая культура долины Днепра в пределах территории современных Черкасской и Полтавской областей является как бы связующим звеном между памятниками более северных и северо-восточных районов Украины (Донеччина, Волынь, Киевщина) и Надпорожьем, которые до недавнего времени рассматривались как две самостоятельные культуры [8].

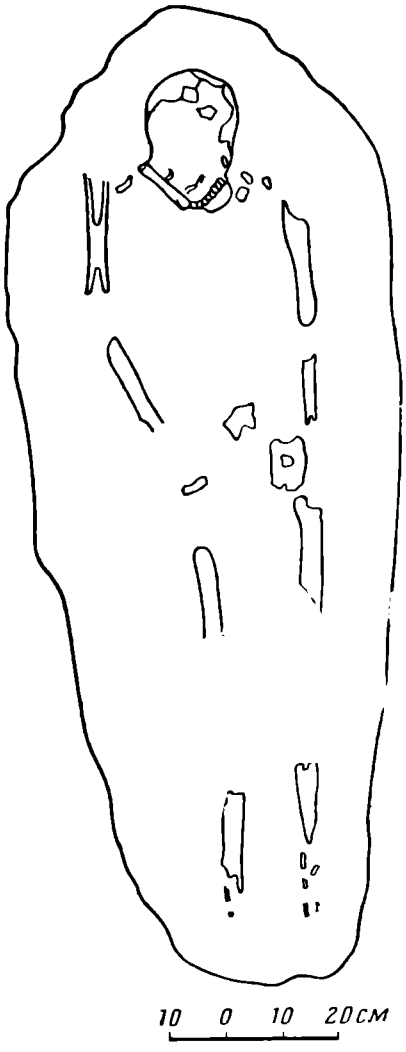


Рис. 6. Бузьки. Погребение неолитического времени

В настоящее время на основании новых материалов мы можем говорить о распространении на Украине в пределах Донеччины (Бондариха, Устье Оскола 1, 2, Александрия), Полтавщины и Черкасщины (Бузьки, Мутыхи, Пищики, Веремеевка), Черниговщины (Погорелово-коса, Козловка), Надпорожья (Игрень, Вовниги, Собачки, Средний Стог I) и Волыни (Моства) (т. е. на территории, охватывающей значительные части бассейнов Днепра и Северского Донца) неолитических памятников, характеризуемых общими чертами материальной культуры. Эта культурная общность, которую условно можно назвать днепро-донецкой [9], характеризуется рядом стойких признаков, отличающих ее от окружающего неолитического мира Восточной Европы. В настоящее время известно уже около 150 стоянок, могильников и отдельных местонахождений этого типа. Из их числа более десяти стоянок и такое же количество неолитических некрополей исследованы путем стационарных раскопок. Собранный материал позволяет сделать ряд общих выводов о характере материальной и духовной культуры населения, его занятий, антропологическом типе и т. д. По роду основных занятий племена днепро-донецкой культуры были охотниче-рыболовческими, но они уже довольно рано перешли к приручению домашних животных. Так, на самых ранних стоянках этой культуры в Надпорожье известны кости домашнего быка (Игрень 8). В северных лесных территориях Украины охотничье-рыболовческие способы ведения хозяйства просуществовали несколько дольше, но и здесь к концу эпохи также появляются домашние животные.

Основным критерием для выделения в пределах Центральной и Северной Украины днепро-донецкой культуры служит керамика, имеющая

[8] В. Н. Даниленко. Неолит Украины. Рукопись. Хранится в архиве ИА АН УССР.

[9] Термин, принятый нами по предложению В. Н. Даниленко на конференции Института археологии АН УССР в 1958 г.

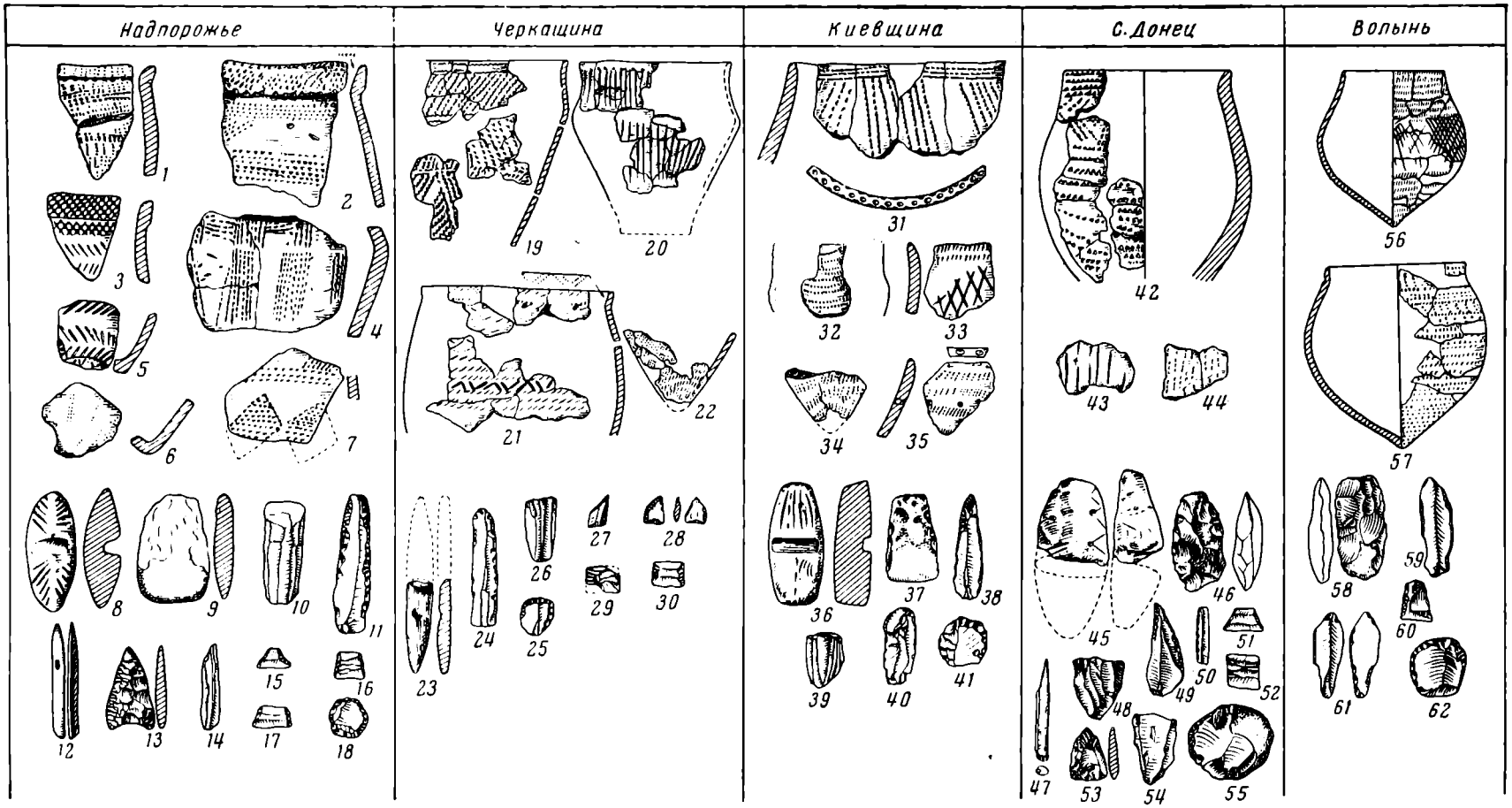


Рис. 17. Материалы днепро-донецкой культуры

1 — пос. Гадюча; *2, 3, 9—11, 14—18* — Собачки; *4* — Кодачок; *5, 8* — Вовниги; *6* — Лоханский порог; *7* — б. Клагуза; *12* — Шевская коса; *13* — М. Дубовый; *19—30* — Бузьки; *31—35, 38, 40, 41* — Вита Литовская; *36* — ДВС; *37, 39* — Никольская слободка; *42, 49, 52, 53—54* — Устье Оскола I; *43* — Устье Оскола 2; *44, 46, 48, 50, 51, 55* — Бондариха 2; *45, 47* — Изюм; *56—62* — Моства

на всей территории общие формы, элементы и узоры орнамента, а также много общих черт в технологии изготовления [10]. Посуда гребенчато-накольчатого типа в целом толстостенная, часто с обильной растительной примесью в тесте. Последняя на более поздних этапах развития культуры постепенно заменяется песком, реже — мелкой дресвой. В северных районах Украины сосуды этой культуры представлены одной формой широко открытого остродонного горшка со слабо развитым венчиком (рис. 7, *34, 56, 57*); к югу остродонность постепенно сменяется плоскодонностью (рис. 3, *2, 57, 20*), хотя и здесь (например, в Надпорожье) на ранних этапах развития известны сосуды с острым дном (рис. 7, *6*).

Основные элементы орнамента — гребенка, наколы и линии. Обязательным атрибутом орнамента на сосудах являются один или два ряда глубоких цилиндрических ямок под венчиком. Ямок под венчиком нет только на поздней гребенчато-накольчатой керамике Надпорожья. Количественно преобладают гребенка и наколы. Узоры геометрические, состоящие из прямолинейных элементов. В целом господствует горизонтальная зональность. Все разнообразие узоров, обычно покрывавших сосуд от венчика и до дна, можно свести к трем основным мотивам: 1) мотив горизонтально-линейный — линии, ряды гребенки или цепочки наколов опоясывают сосуд вокруг от венчика и до донышка (рис. 5, *1, 10*; рис. 7, *1, 21, 22, 32, 34, 35, 57*); 2) елочно-диагональный мотив — ряды гребенки, наколов и линий идут косо или стоят под углом друг к другу, создавая таким образом горизонтальные зоны на поверхности сосуда (рис. 3, *1*; рис. 5, *2, 3, 5, 7*; рис. 7, *5, 19*); 3) мотив подпрямоугольных и треугольных полей, покрытых наколами или оттисками гребенки (рис. 3, *2*; рис. 4, *2, 3, 5*; рис. 5, *4, 6*; рис. 7, *4, 7, 31*). На керамике этого типа встречаются кососетчатые и криволинейные композиции, которые всегда сочетаются с основными орнаментальными узорами (рис. 7, *3, 33, 56*).

Производственный инвентарь днепро-донецкой культуры включает кремневые и каменные топоры микролитической формы, главным образом трапеции (рис. 7, *15—17, 29, 30, 51, 52, 60*) и иные кремневые орудия бытового назначения — скребки, ножи, сверла и т. п. Из других каменных изделий этой культуры следует назвать тальковые «челноки» загадочного назначения (рис. 7, *8, 23, 36, 45*).

Однако существует некоторое различие в характере инвентаря на разных территориях этой культуры. Так, например, в долине Днепра в качестве рубящих орудий использовались главным образом шлифованные тесла из камня (Надпорожье, Киевщина), (рис. 7, *9, 37*), а на Северском Донце и Десне, а также на Волыни эти инструменты изготовлялись из кремня, в технике двусторонней оббивки (рис. *7, 46, 58*). На Днепре кремневые изделия обычно более мелкие, что связано (очевидно, как и применение каменных, а не кремневых топоров) с отсутствием здесь выходов кремня. Заметны некоторые изменения в составе кремневого инвентаря стоянок и в зависимости от их возраста. На более ранних стоянках Северского Донца, например, еще важное значение имеют микролитические формы, которые к концу неолита почти исчезают, и повышается роль орудий с двусторонней обработкой [11].

Кроме многочисленных кремневых орудий, населением днепро-донецкой культуры широко использовались изделия из кости (рис. 7, *12, 47*). Лучшие комплексы этого типа происходят из Черниговщины, где они получили название «погореловской костяной индустрии» [12]. Это главным образом охотниче-рыболовческий инвентарь — многозубые гарпуны, конические наконечники стрел, массивные рыболовческие крючки с ма-

[10] Д. Я. Телегін. Деякі підсумки.., стр. 50—51.
[11] Д. Я. Телегин. Неолитические памятники среднего течения Северного Донца, стр. 159 сл.
[12] М. Я. Рудинський. Деякі підсумки..., стр. 175, рис. 16.

леньким жальцем и т. п. Эта кость во многом напоминает «мезолитические» комплексы Прибалтики.

Племена культуры гребенчато-накольчатой керамики по антропологическим признакам относились к кроманьонской протоевропейской расе [13]. Своих покойников они хоронили в бескурганных могильниках в вытянутом положении на спине. Скелеты часто засыпаны охрой, при них находят украшения из зубов животных и рыб, реже — отдельные орудия труда из кости и кремня. Некоторые могильники этого типа насчитывают десятки скелетов. Они обнаружены главным образом в Надпорожье, но недавно погребения этого типа стали известны также на р. Оскол (Александрия) [14]. Как упоминалось выше, погребение неолитического времени обнаружено и на Черкасщине (Бузьки).

Культура неолитических племен Днепро-Донецкого бассейна охватывала сравнительно большую территорию и существовала довольно продолжительное время. Уже сейчас на Северском Донце, в Надпорожье, в районе Киева на Днепре можно выделить два этапа в развитии гребенчато-накольчатой керамики. На рассмотрении этого вопроса мы, однако, сейчас останавливаться не будем, укажем лишь, что первый этап в рамках относительной хронологии может быть отнесен к раннему, а второй — к позднему неолиту Украины.

Определение абсолютного возраста памятников днепро-донецкой культуры возможно лишь на основании увязки их с памятниками трипольской культуры, датировка которых в известной мере опирается на средиземноморские аналогии. Еще А. В. Добровольский при раскопках в урочище Средний Стог под Запорожьем в верхнем слое поселения отметил среди посленеолитических материалов три позднетрипольских черепка [15]. Второй случай, свидетельствующий о каком-то контакте степного населения с трипольем, зафиксирован в 1932 г. на Игренской 8 стоянке, где около парного погребения (№№ 7 и 8) времени Среднего Стога II обнаружен позднетрипольский сосуд типа кувшинчика, изготовленный из отмученной глины и украшенный у основания шейки и по плечикам коричневой росписью [16]. Керамика трипольской культуры встречается значительно чаще на неолитических стоянках Черкасщины и Киевщины, т. е. у стыка культурных областей Триполья и днепро-донецкой культуры. На Черкасщине таких случаев зафиксировано около десяти, причем на поселении Пищики 3 трипольских черепка обнаружены в неолитическом слое. Фрагменты трипольской керамики из Пищиков можно датировать ранним этапом среднего триполья [17], что позволяет говорить о доживании памятников днепро-донецкой культуры до середины III тысячелетия до н. э. В это время они сменяются памятниками типа Среднего Стога II, где встречается керамика среднего и позднего триполья.

Значительно труднее говорить о ранней дате сложения культуры гребенчато-накольчатой керамики. Учитывая, однако, то обстоятельство, что ранние образцы этой керамики являются древнейшими на территории Днепро-Донецкого бассейна, можно предполагать, что начало формирования гребенчатой керамики уходит в глубь IV тысячелетия до н. э. Это

---

[13] Г. Ф. Дебец. Современное состояние палеоантропологических исследований в СССР. Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвященной итогам археологических исследований 1955 г. М.— Л., 1956.

[14] Раскопки автора в 1956—1957 гг.

[15] А. В. Добровольский. Звіт за археологічні досліди на території Дніпрельстану р. 1927. Сб. ДІМ, Днепропетровск, 1929, стр. 138, табл. IX, рис. 5, №№ 93, 194; табл. XI, рис. 2, № 94.

[16] М. А. Миллер. Памятники родового общества на Игренском полуострове. ПИДО, № 9—10, Л., 1935, стр. 172, рис. 6. Сосуд хранится в Днепропетровском музее (№ II—226).

[17] По определению Т. С. Пассек.

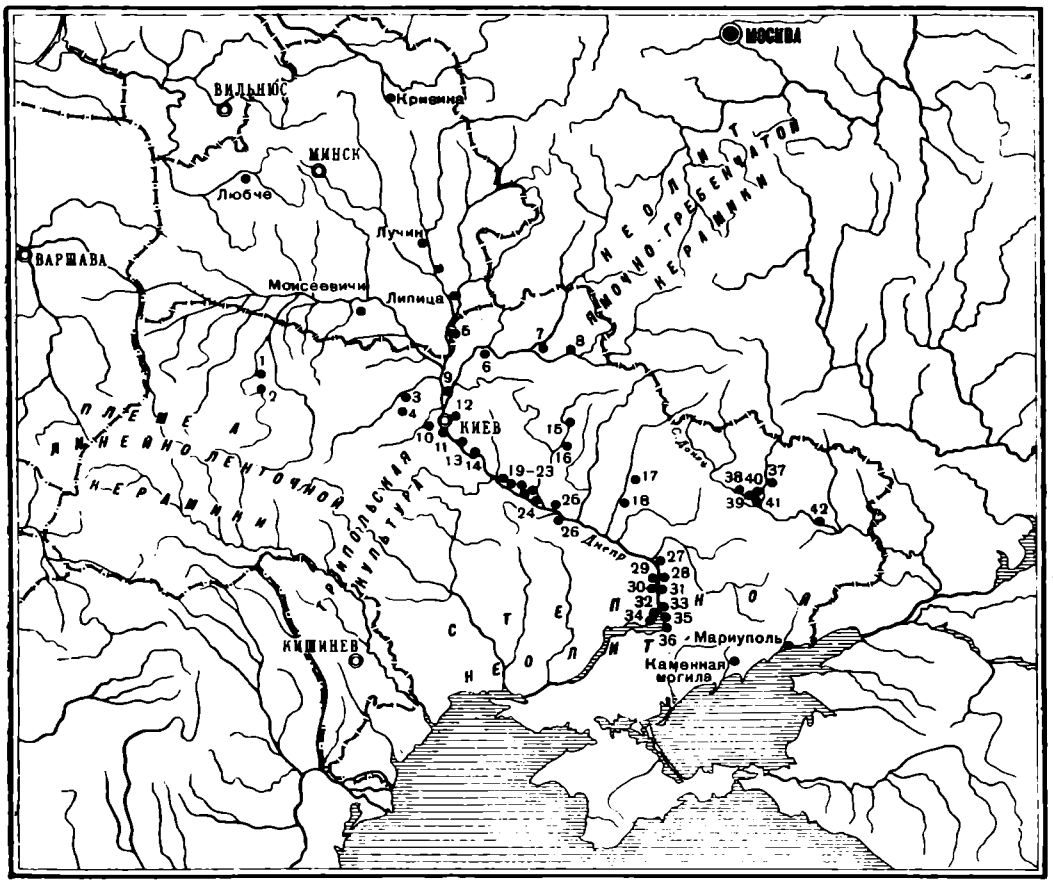


Рис. 8. Карта распространения основных памятников днепро-донецкой неолитической культуры с гребенчато-накольчатой керамикой

1 — Курганы; *2*; — Нетишин; *3* — ур. Песчаное; *4* — Моства; *5* — Редыковка; *6* — Анисов; *7* — Погорелово-коса; *8* — Козловка; *9* — Новосилки на Десне; *10* — Ирпень; *11* — Вита Литовская; *12* — Никольская слободка; *13* — Бортничи; *14* — Козинцы; *15* — Герасимовка; *16* — Слобода; *17* — Белая гора; *18* — Петровка; *19* — Домантово; *20* — Коробовка; *21* — Мутыхи; *22* — Пищики; *23* — Бузьки; *24* — Веремеевка; *25* — Радуцковка; *26* — Табурище; *27* — Игрень 8; *28* — Лоханский; *29* — о. М. Дубовый; *30* — Стрильча скеля; *31* — Васильевка; *32* — Вовниги 2; *33* — Вовниги I; *34* — Собачки, Вовчек; *35* — Вильный; *36* — Средний Стог I; *37* — Александрия; *38* — Изюм; *39* — Бондариха 2; *40*, *41* — Устье Оскола 1, 2; *42* — Боровское

предположение находит подтверждение в архаичности кремневого инвентаря некоторых ранних стоянок этой культуры, носящих еще вполне «мезолитический» облик (Бондариха 2). Таким образом, период существования днепро-донецкой культуры можно определять временем IV — первая половина III тысячелетия до н. э.

Как говорилось выше, племена днепро-донецкой культуры занимали довольно обширные пространства северной и средней части Украины (рис. 8), где обитали, по-видимому, не менее одного тысячелетия. В пределах территории УССР нет другой неолитической культуры, которая охватывала бы столь обширные пространства и была бы известна таким количеством памятников, включающих поселения и массовые могильники. На юге область рассматриваемой культуры граничила с территорией степных сурских племен, на юго-западе — с территорией неолитического населения Южного Буга и раннетрипольскими памятниками. На северо-востоке носители днепро-донецкой культуры вступали в тесный контакт с представителями лесных волго-окских культур ямочно-гребенчатой керамики. К северо-западу район распространения памятников днепро-донецкой культуры непосредственно смыкался с неолитическими стоянками гребенчатой керамики Юго-Западной Белоруссии. Все перечисленные выше культурные общности, кроме памятников гребенчатой керамики

Белоруссии, по всей вероятности, не имеют генетической связи с днепро-донецким неолитом и развивались параллельно с ним. В Надпорожье, например, памятники гребенчато-накольчатой керамики сначала сосуществовали с сурской культурой, а затем вытеснили ее. На Северском Донце днепро-донецкая культура, как это видно по материалам раскопок стоянки Устье Оскола 2, предшествует времени появления ямочно-гребенчатой керамики [18]. Выше мы приводили факты, свидетельствующие о сосуществовании поздненеолитических стоянок этого типа с ранним трипольем.

В целом днепро-донецкая культура — явление, тяготеющее к северному культурному поясу Восточной Европы. Поэтому она коренным образом отличается от культур Украины южного типа (сурской, триполья, дунайской). Но в то же время отмечаются также и значительные различия между материалами днепро-донецкой культуры и культур ямочно-гребенчатой керамики волго-окского типа. В этой связи уместно вспомнить, что еще М. Е. Фосс, впервые расчленившая «неолит ямочно-гребенчатой керамики» Восточной Европы на ряд культурных областей, выделила «западную» группу памятников с так называемой гребенчато-ямочной керамикой [19].

На Среднем Поднепровье памятники «гребенчатой» керамики представлены рассмотренной выше днепро-донецкой культурой с посудой, украшенной гребенчато-накольчатой орнаментацией. Причем на Украине самостоятельность этого явления по отношению к памятникам ямочно-гребенчатого неолита Волго-Окского бассейна (льяловская, белевская, рязанская, балахнинская культуры) [20] выступает особенно отчетливо, так как памятники ямочно-гребенчатого типа на Днепр не распространяются совсем. Поселения с ямочно-гребенчатой керамикой к юго-западу от линии Чернигов — Полтава — Изюм не известны [21]. Самостоятельность культуры днепро-донецкого типа подтверждается также открытием массовых могильников, что дает возможность говорить об антропологическом типе ее носителей, в целом отличных от носителей ямочно-гребенчатого неолита [22].

Таким образом, отличаясь от волго-окского неолита, днепро-донецкая культура всецело тяготеет к северо-западу, к территории Белоруссии и Прибалтики. В фондах сектора археологии Института истории АН БССР хранится значительное количество материалов с различных неолитических стоянок на территории республики, керамика которых относится к типу гребенчатой [23]. Это остродонные сосуды со слабо развитым венчиком, часто с примесью травы в тесте, украшенные рядами гребенки или продолговатыми углублениями, напоминающими последнюю. Ямочный элемент орнамента на этой керамике отсутствует, за исключением ряда глубоких цилиндрических ямок, подчеркивающих венчик. Полнее всего эта керамика представлена на раскопанной К. М. Поликарповичем стоянке Кривина в бассейне Западной Двины, где она сопровождалась поздненеолитическими кремневыми изделиями с двусторонней обработкой (наконечники копья, стрел) и отдельными костяными поделками [24]. Примитивную керамику с обильной растительной примесью в тесте, слабо

[18] Д. Я. Телегин. Раскопки неолитических стоянок в устье р. Оскола. МИА, № 79, 1960, стр. 176—187.

[19] М. Е. Фосс. Древняя история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, 1942, стр. 173.

[20] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1953, стр. 42 сл.

[21] Д. Я. Телегін. Неолітичні поселення лісостепового Лівобережжя і Полісся України. Археологія, т. XI, 1927, стр. 71, рис. 1 (карта).

[22] Г. Ф. Дебец. Ук. соч.

[23] С любезного разрешения К. М. Поликарповича я имел возможность ознакомиться с белорусскими материалами в 1957—1959 гг.

[24] К. М. Поликарпович. Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР. БКИЧП, № 6—7, М.— Л., 1940.

орнаментированную, публикует также В. Голубович из Лювича на Немане. Эта керамика имеется в Лучине, Линице, Моисевичах в бассейне Днепра и Припяти. В свое время А. Н. Лявданский отмечал, что гребенчатая керамика известна по всей территории Белоруссии [25].

Заканчивая рассмотрение материалов днепро-донецкой неолитической культуры, отметим, что в вопросе о ее происхождении у нас пока нет определенной ясности. С известным основанием можно лишь говорить, что районом сложения этой культуры было, очевидно, лесостепное и лесное Поднепровье и, возможно, Подонье. Она возникла, по-видимому, у местного населения, обитавшего здесь издревле. Это подтверждается до некоторой степени антропологическими данными. Люди, погребенные в Вовнигских могильниках, например, по мнению Т. С. Кондукторовой, являются прямыми и мало изменившимися потомками палеолитических кроманьонцев, обнаруженных, например, в Костенках [26]. Мы не можем пока назвать культурных явлений, которые послужили бы исходными для распространения культуры гребенчато-накольчатой керамики в пределы Днепро-Донецкого бассейна. Культуры Прибалтики (с керамикой типа Сперрингс, нарвский тип) [27] и Валдайской возвышенности [28], обнаруживающие некоторые черты сходства с материалами Украины, не могут служить генетической подосновой рассмотренной культуры Поднепровья, так как являются в целом более молодыми. То же следует сказать и о ранних памятниках Приказанского Поволжья, где также отмечаются керамические типы, близкие керамике Донца и Днепра [29].

Не совсем ясна также и дальнейшая судьба носителей днепро-донецкой культуры в посленеолитическое время. На основании материалов из раскопок поселения и могильника у хут. Александрии на Осколе можно говорить, что это население в контакте со степными племенами типа поселения Среднего Стога 2 приняло активное участие в формировании древнеямной культуры.

На более северных территориях, например в Белоруссии, некоторые черты гребенчато-накольчатой керамики можно проследить в местной керамике эпохи бронзы.

---

[25] А. Н. Лявданский. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции. ГАИМК, № 7—8, 1932, стр. 55.

[26] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I. Советская антропология, 1957, № 2, стр. 210.

[27] См. Л. Ю. Янитс. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР. Сб. «Вопросы этнической истории эстонского народа», Таллин, 1956, стр. 152 сл.

[28] Н. Н. Гурина. Валдайская неолитическая культура. СА, 1958, № 3.

[29] А. Х. Халиков. Неолитические памятники в казанском Поволжье, МИА, № 61, 1958, стр. 12 сл., рис. 4, *1*, 2.

О. Н. БАДЕР

БАЛАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА

1

В 1930 г., когда Средне-Волжской экспедицией ГАИМК был обследован в Чувашии курганный могильник у дер. Атли-Касы, он был отнесен П. Н. Третьяковым к фатьяновской культуре [1], а в 1938 г. О. А. Кривцова-Гракова, опираясь только на этот памятник, выделила особую, восточную группу фатьяновской культуры [2]. Несколько раньше, в 1937 г., после вторичных раскопок Балановского могильника, последний был определен автором настоящей статьи как памятник особого, средневолжского, а может быть, волго-камского культурного варианта, близкого фатьяновской культуре [3]. Вслед за тем им же была высказана гипотеза о распространении памятников балановского типа на всю территорию Волго-Камья, занятую случайными находками сверленых боевых топоров, картографированных в 1933 г. А. Эуропеусом [4]. Эта гипотеза, как известно, была подтверждена последующими открытиями.

В 1947 г. О. А. Кривцова-Гракова в статье о хронологии памятников фатьяновской культуры [5] пришла к выводу, что чувашская группа фатьяновской культуры сменила ярославскую около середины II тысячелетия до н. э. в результате переселения фатьяновцев с Верхней на Среднюю Волгу и продолжала существовать в Чувашии до начала четвертой четверти II тысячелетия до н. э., когда ее, в свою очередь, сменила там абашевская культура.

Далее, в 1950 г., автор выступил со специальной статьей [6], где, критикуя свое собственное старое положение о принадлежности памятников балановского типа к фатьяновской культуре, указывал на их культурное своеобразие, более ранний возраст и различия исторических путей фатьяновского и балановского населения, подчеркнутое разницей их антропологического облика, что установлено работами М. С. Акимовой и Т. А. Трофимовой. В соответствии со взглядами последней, автор высказал предположение о переселении балановцев на Среднюю Волгу из области Кавказа. В то же время П. Д. Степанов в ряде статей, посвященных описанию балановских поселений, выступил в защиту старой точки зрения о принадлежности памятников балановского типа к фатьяновской культуре.

В настоящее время количество известных памятников балановского типа выросло настолько, что это дает возможность определить территорию распространения культуры и ее общие хронологические рамки, пе-

---

[1] П. Н. Третьяков. Из материалов Средневолжской экспедиции ГАИМК. СГАИМК, № 3, 1931, стр. 13.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Горкинский могильник. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938, стр. 57.

[3] О. Н. Бадер. Археологические исследования Центрального Чувашского музея. «Советский музей», № 5, 1937, стр. 42.

[4] О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Балаково в Чувашии. СА, VI, 1940, стр. 86.

[5] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 22.

[6] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре. СЭ, 1950, № 1.

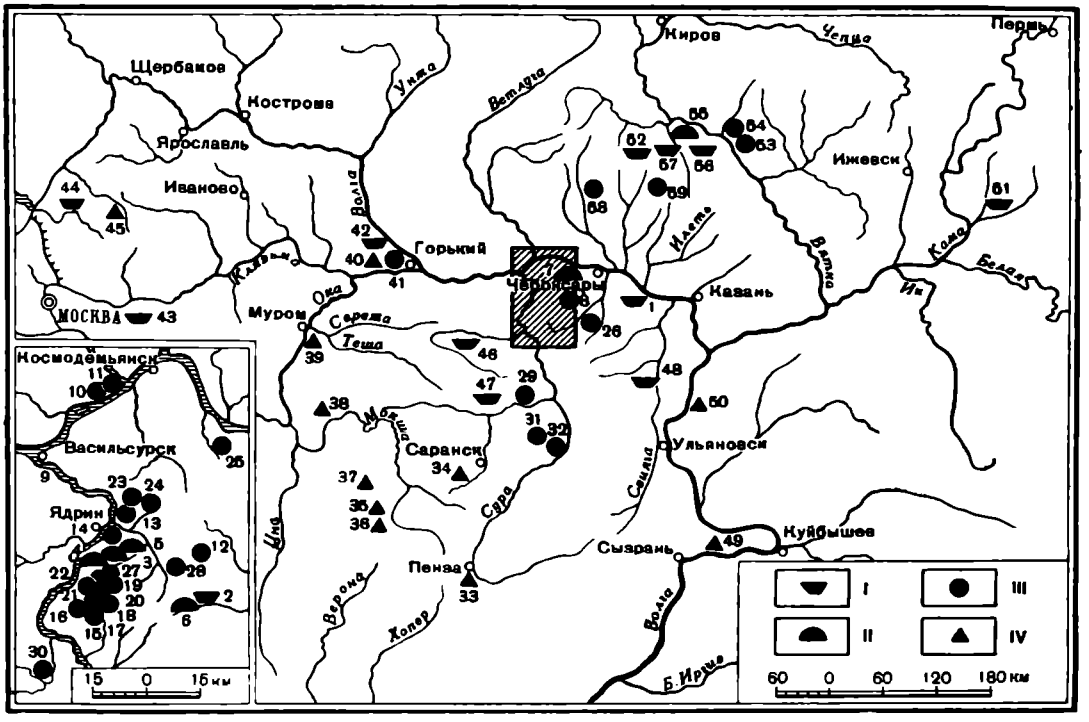


Рис. 1. Карта распространения памятников балановской культуры. Условные обозначения: *I* — грунтовой могильник; *II* — курган; *III* — поселение; *IV* — местонахождение керамики балановского типа

1 — Балановский мог.; *2* — Таутовский мог.; *3* — Атликасинский мог.; *4* — курганные могильники между Сурой и Вылой; *5* — Кумаккасинский кург.; *6* — Раскильдинский мог.; *7* — курган Медя-Касы (Янымово); поселения: *8* — Хорнсорче; *9* — Васильсурское; *10* — Галанкина гора; *11* — Юринское; *12* — Хула-Сюч; *13* — Чебаковское; *14* — Нажавар; *15* — Калугинское; *16* — Таганашское I; *17* — Таганашское II; *18* — Чербайское; *19* — Верхне-Очаковское; *20* — Мало-Сундырское; *21* — Чемординское I (Убабусь); *22* — Чемординское II; *23* — Чебаковское II; *24* — Мурзакасинское; *25* — Шокинское; *26* — Эндимерское; *27* — Болдаевское; *28* — Больше-Таутовское; *29* — Старо-Ардатовское; *30* — Добровольевское; *31* — Ош-Пандо; *32* — Ашна-Пандо; местонахождения керамики; *33* — Пензенское; *34* — Саранское; *35* — Озименки; *36* — Кавендровское; *37* — Торбеевское; *38* — Теньгушевское; *39* — Малый Бор; *40* — Дзержинское; *41* — Сейменское поселение; *42* — Чуркинский мог.; *43* — Буньковский мог.; *44* — погр. у Николо-Перевоза; *45* — местонахождение Польцо; *46* — Сергачский мог.; *47* — Чукальский мог.; *48* — Козловский мог.; *49* — находки керамики балановского типа на Комаровском поселении; *50* — то же на Гулькинском поселении; *51* — Верх-Савинское погребение; *52* — Мосинский мог.; *53* — пос. Буй I; *54* — пос. Буй II; *55* — Синцовский кург.; *56* — Соза-Курбатовский мог.; *57* — Павлушатский мог.; *58* — Кубашевское пос.; *59* — Новоселовское пос.

риодизацию и взаимоотношение с соседями гораздо точнее, чем это сейчас возможно для фатьяновской культуры Верхнего Поволжья.

В этой связи особенно большое значение имеет открытие П. Д. Степановым двух десятков поселений балановского типа на волжском побережье и изучение полутора десятков могильников и поселений на левобережье Волги и в бассейне Вятки, сделанное в последние годы А. Х. Халиковым.

Известные к 1950 г. памятники балановского типа позволили значительно расширить границы балановской территории в области средневолжского правобережья [7], а позднее включить в нее и южную часть бассейна Камы [8].

Число местонахождений балановской культуры сейчас превышает 60, а картографирование их (облегчаемое общепризнанным своеобразием балановской керамики) позволило обрисовать обширную территорию, занятую памятниками балановского типа между Средней Вяткой на севере и Пензой на юге, р. Мокшей на западе и Средней Камой на востоке (рис. 1) [9]. Эти пределы, вероятно, будут впоследствии еще расширены на юго-запад, в бассейн Дона.

[7] О. Н. Бадер К вопросу о балановской культуре, рис. 7.

[8] O. Bahder. Kulturen der Bronzezeit in Zentralrussland. SMYA, 59, 1, Helsinki, 1957, рис. 12.

[9] На карту нанесены лишь местонахождения с балановской керамикой.

2

Памятники балановского типа представлены грунтовыми и курганными могильниками, поселениями, отдельными местонахождениями керамики (частью лежащими за пределами основной балановской территории) и многочисленными находками каменных боевых топоров (в том числе и прямоспинных), картографированных А. Эуропеусом [10] и А. М. Ефимовой [11].

Грунтовые могильники изучены у деревень Баланово и Таутово в Чувашии, у Козловки близ Ульяновска, у Соза-Курбатова и Павлушатей в бассейне Вятки и др. Погребальный обряд изучен с исключительной полнотой в Балановe, где вскрыто 117 погребений. Умершие погребались в могилах до 2,15 *м* глубиной, поодиночке и коллективно (до пяти человек), на боку, в скорченном положении. Погребальный инвентарь составляли глиняные сосуды, орудия труда, оружие и украшения из камня, кости и металла (преимущественно меди). Изредка встречались кости диких и домашних животных.

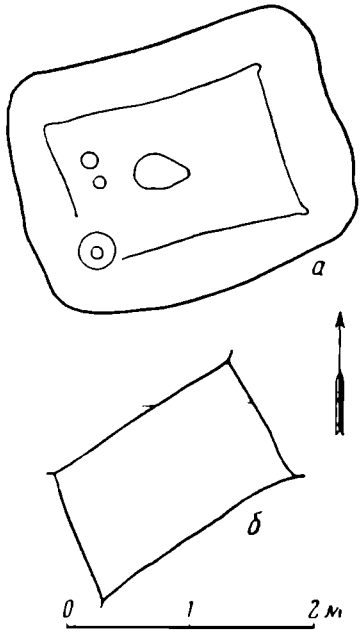


Рис. 2. Форма погребальных камер Балановского могильника

Существенной деталью в устройстве могил является сооружение на их дне погребальных камер прямоугольной формы, высотой до 55 *см*. Судя по следам тонких, часто вогнутых стенок (рис. 2), погребальные камеры устраивались из тонких деревянных плах или досок, а может быть, были плетеными из прутьев. По углам камеры наблюдались закругления от столбиков (вероятно, вбивавшихся в дно могилы) или нечто вроде коротких ручек (рис. 2, *а, б*). Погребения, как правило, строго вписаны в очертания погребальных камер. Под костяками на дне могил наблюдались следы деревянных плах или досок и березовой коры. В одном случае можно предполагать завертывание трупа в бересту. Один раз наблюдалась обмазка дна могилы белой известью; в другом случае дно могилы было усыпано мелким известняком. В погребальном ритуале известную роль играл огонь; так, в двух могилах оказалось немного угольков, в ряде могил найдены кремневые и кварцитовые осколки; однако ничто не указывает на сожжение трупов.

По окончании погребальных церемоний погребальная камера покрывалась прочным деревянным накатником, после чего могила засыпалась землей. Когда потолок камеры сгнивал, он проваливался вместе с землей в могилу, а сверху образовывалась воронка провала. Через нее, пока она не заполнялась почвой, в могилу легко проникала влага, что приводило к более быстрому разрушению частей погребения под воронкой (рис. 3). В нескольких могилах в грунте, заполнявшем воронку провала, найдены глиняные сосуды, первоначально стоявшие, видимо, на поверхности могилы.

Положение скелетов строго дифференцировано по половому признаку: все без исключения мужчины положены на правом боку, все женщины — на левом. Ориентировка скелетов различна, но и здесь установлены существенные отличия между мужскими и женскими погребениями. Так,

[10] Aarne Äyräpää. Über die Streitaxtkulturen in Russland. ESA, т. VIII, Helsinki, 1933, рис. 35.

[11] А. М. Ефимова. Сверленые молоты. (Из коллекции Государственного музея Татарской АССР). КСИИМК. вып XXXVI. 1951, рис. 51.

мужчины были ориентированы головой преимущественно на юг и юго-запад, женщины — на северо-восток и восток. Зато ориентировка мужских и женских погребений лицом (благодаря положению на разном боку) более единообразна; преобладает ориентировка лицом на юго-восток, восток и юг.

Установлены некоторые особенности инвентаря мужских, женских и детских погребений. Например, медно-бронзовое оружие и сверленые боевые топоры-молоты найдены исключительно в мужских погребениях, так же как глиняные копии сверленых топоров — только с детскими ске-

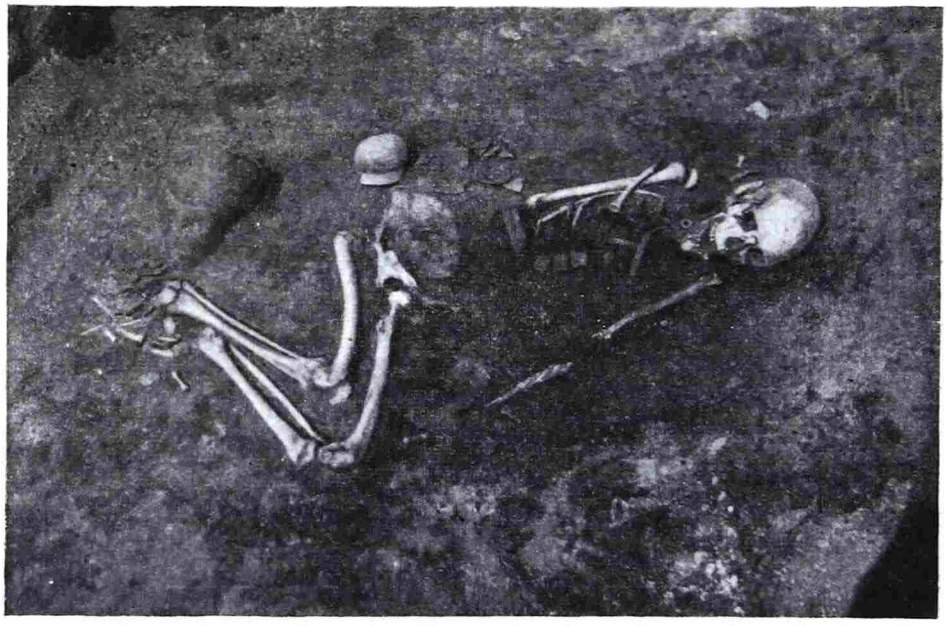


Рис. 3. Скелет, сгнивший под воронкой провала. Балановский могильник, мог. № 34

летами, лежащими на правом боку, т. е. со скелетами мальчиков. Мужским погребениям соответствуют тонкостенные бомбовидные сосуды с шейкой, покрытые черным лощением и тонким штампованным орнаментом с несколькими «фартучками» внизу (рис. 4, *2*), а также ожерелья и отдельные амулеты из просверленных зубов животных и необработанные кости диких и домашних животных. В женских погребениях найдены (за одним исключением) огромные шаровидные сосуды без шеек, ставившиеся у ног; эти сосуды, очевидно, служили для приготовления пищи и являлись символом домашнего очага. Богато орнаментированным сосудам мужских погребений в женских погребениях соответствуют не менее нарядные сосуды, но не с черным, а с более светлым лощением и тонким орнаментом без «фартучков» — преимущественно в виде широкого двойного зигзага и разнонаправленной «елочки» с ромбическими просветами (рис. 4, *1*). Наибольшее количество сосудов (пять) найдено в женском погребении, так же как каменное лощило для керамики; в том же женском погребении найдена каменная терка с курантом. Неожиданно, что из четырех кремневых наконечников стрел Балановского могильника три принадлежат женским погребениям. Принадлежность четвертого наконечника не установлена [12].

Детские погребения, как правило, отличаются миниатюрными размерами вещей (кремневые клиновидные топорики, глиняные копии сверленых топоров, маленькие сосуды и амулеты в виде просверленных зубов). Только в детских погребениях найдены глиняная посуда в виде плоских

[12] Найден при краеведческих раскопках 1933 г.

круглых чашек, глиняные ложки, а также игрушки в виде глиняных втульчатых колес от повозок и погремушка.

Следующий тип погребений — погребения под курганной насыпью. Захоронения совершались или на уровне почвы (Атли-Касы), или в неглубоких (до 0,28 *м*) могилах (Кумак-Касы) под круглыми земляными насыпями. В одном случае (Синцовский курган) под вершиной кургана оказалась обрамленная канавкой четырехугольная площадка, на поверхности которой обнаружены остатки кострищ и два целых сосуда. Отсутствие скелетов и следы кострищ позволяют допускать здесь возможность трупосожжения.

Если вопрос о поселениях, соответствующих могильникам фатьяновского типа, до сих пор остается открытым, то балановские поселения в результате раскопок П. Д. Степанова [13], В. П. Денисова [14] и А. Х. Халикова [15], а в последнее время также Н. В. Трубниковой известны уже в количестве более четырех десятков.

Некоторые археологи высказывали сомнения относительно значения этих памятников и еще недавно выдвигали предположения, что здесь мы имеем не поселения, а распаханные могильники. После моей поездки на Суру в 1957 г. и раскопок Чебаковского селища я должен решительно присоединиться к мнению П. Д. Степанова, что мы имеем здесь дело со всеми типичными признаками культурного слоя древних поселений [16]. Замечательно, что все они имеют характер высоко расположеных селищ (рис. 5). Именно это, доказывая наличие земледелия у фатьяновцев, я предсказывал двадцатью годами ранее [17]. Открытие А. Х. Халиковым и В. П. Денисовым достоверных жилищ окончательно решает проблему поселений.

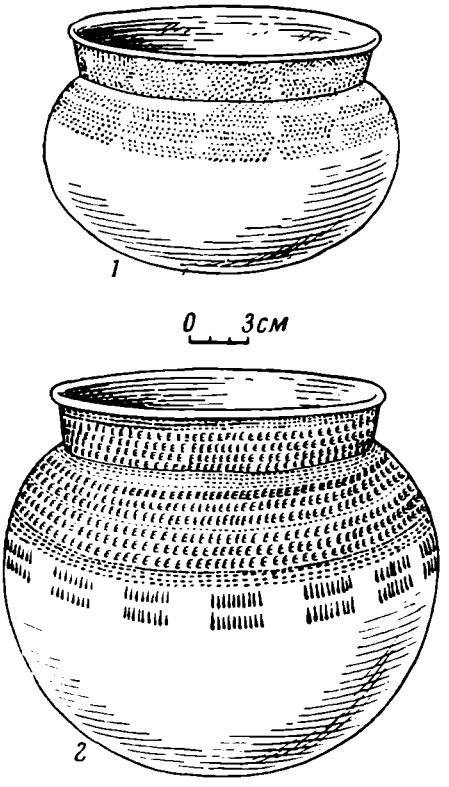


Рис. 4. Орнаментация сосудов из женских (*1*) и мужских (*2*) могил (Балановский могильник)

П. Д. Степанов в своей последней работе [18] делит поселения на два типа — временные и постоянные, с мощными культурными слоями; он указывает также на следы кострищ и жилищ в виде каменных вымосток. Вполне достоверные жилища с балановской керамикой изучены В. П. Денисовым на р. Вятке: по форме они принадлежат к местному,

[13] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXII,1950; его же. Итоги раскопок фатьяновских поселений на Средней Суре. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951; его же. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954; его же. Итоги археологических работ в Западном Поволжье за пятилетие 1945—1949 гг. Уч. зап. Саратовского пед. ин-та и Саратовского ун-та, вып. XXII, Саратов, 1956; его же. О фатьяновских поселениях. СА, 1958, № 2.

[14] В. П. Денисов. Новые археологические памятники на р. Вятке. СА, 1958, № 3.

[15] А. Х. Халиков. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1958 г. Рукопись хранится в Архиве ИА АН СССР, ф. 1, № 1874.

[16] О. Н. Бадер. Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Суре. Уч. зап. Чувашского НИИ, вып. XIX, 1960.

[17] О. Н. Бадер. Лихачевский могильник. (К вопросу о хозяйственной основе так называемой фатьяновской культуры). СА, II, 1937, стр. 36.

[18] П. Д. Степанов. Племена фатьяновской культуры в Западном Поволжье. Научный ежегодник СГУ за 1955 год. Саратов, 1958, стр. 55—57.

турбинскому типу, что подтверждается и преобладанием в них турбинской керамики. Более десятка четырехугольных жилищ с углубленным в землю основанием изучено недавно А. Х. Халиковым.

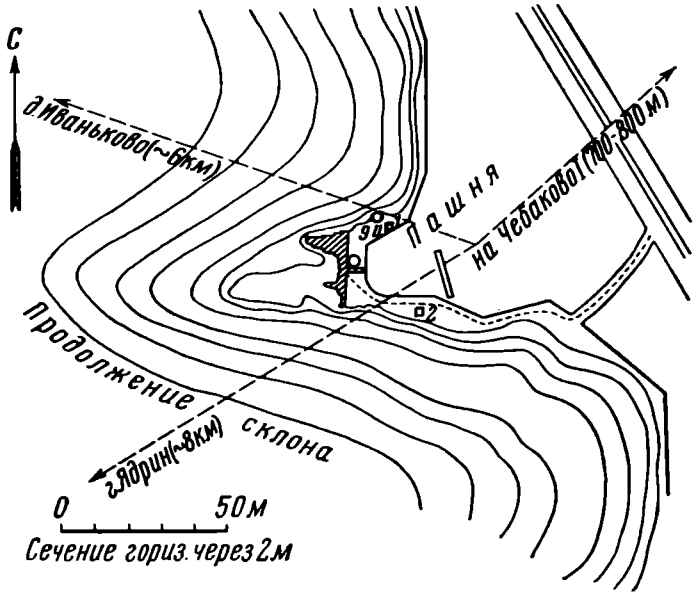


Рис. 5. План Чебаковского селища на р. Суре

В местности Хонки-Сёт (Чувашия) П. Д. Степановым обнаружено культовое место, где найдены многочисленные сосуды, относящиеся к хула-сюнскому этапу балановской культуры.

3

Памятники балановского типа представляют собой один из локальных вариантов обширной культурной области Восточной и Средней Европы, характерной особенностью которой является бытование сверленых боевых топоров-молотов, шаровидных и шнуровых амфор. К этой области относятся также такие культуры, как средне-днепровская, культуры Подолии и Волыни, Злота, шаровидных амфор, шнуровой керамики, вислоненанская, эстонская, финляндская, фатьяновская и др. (рис. 6).

Ряд черт, характерных для балановских памятников, принадлежит к числу общих, объединяющих локальные культуры указанной обширной области. Таково первобытное скотоводческо-земледельческое хозяйство, обычай полагать покойника в могилу в скорченном положении на боку и сооружать в могилах деревянные погребальные камеры [19]; однороден и основной инвентарь: каменные сверленые боевые топоры, кремневые шлифованные топоры клиновидной формы, амулеты и ожерелья из просверленных зубов животных, шаровидные и некоторые другие сосуды.

Наиболее близка балановской соседняя фатьяновская культура [20]. Не говоря об общих для ряда культур чертах, перечисленных выше, специфическими особенностями, объединяющими эти две культуры, являются простейшие формы каменных сверленых топоров-молотов (рис. 7, *1, 2*), вислообушные топоры из меди с примесью фосфора (рис. 7, *7*), простейшие медные проволочные колечки (рис. 7, *3*), желобчатые медные гривны (рис. 7, *5*) и длинные цилиндрические пронизки — костяные в Фатьянове и чаще медные в Баланове (рис. 7, *4*), простые медные острия (рис. 7, *6*). Несомненно, близка и керамика—совпадают формы шаровидных горшков с невысокой шейкой, чашек и единичных в Баланове реповидных сосудов

[19] Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941, рис. 8 и 12.
[20] О. Н. Бадер. Мытищенский могильник фатьяновского типа. КСИИМК, вып. 75, 1959, стр. 143.

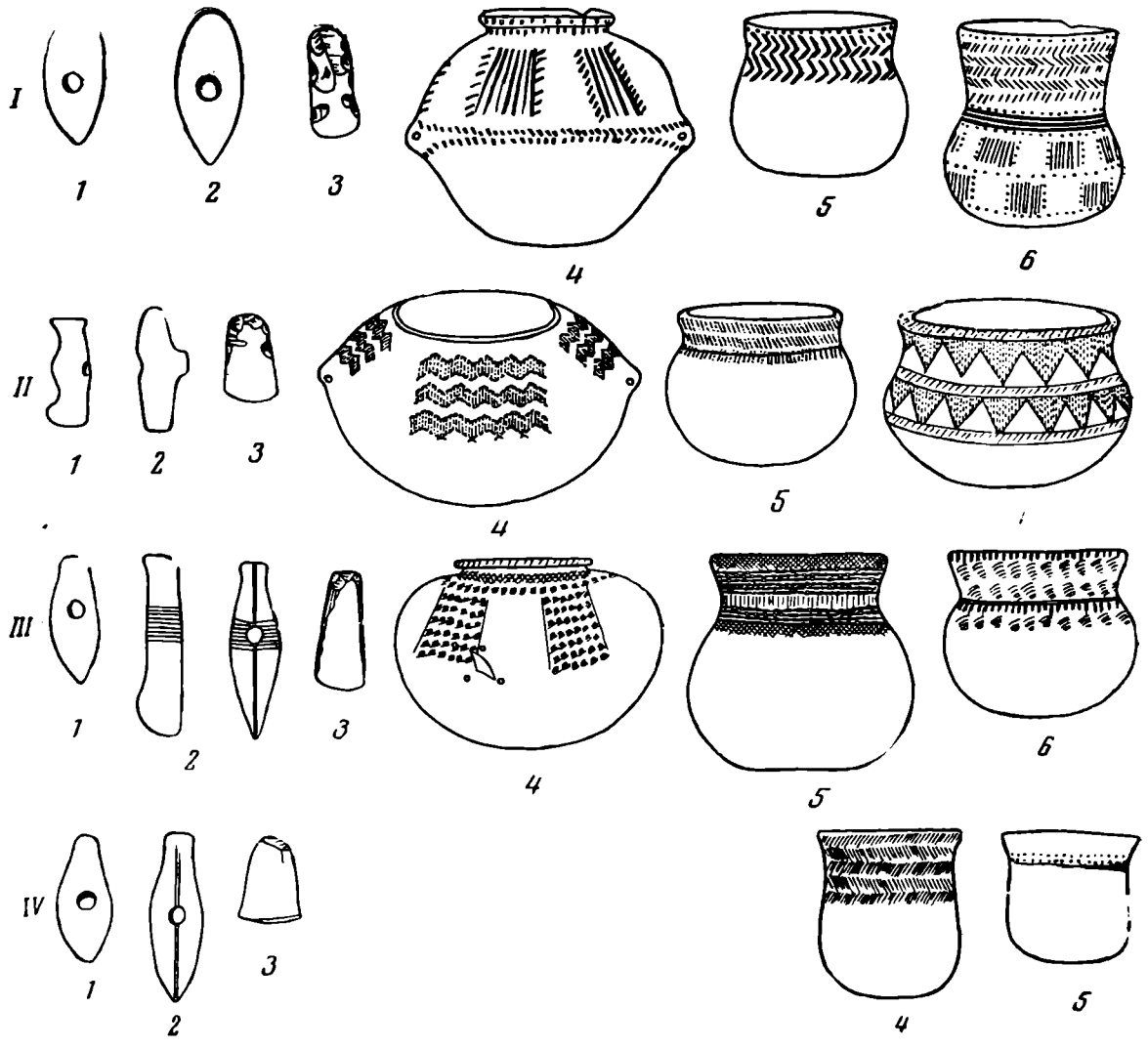


Рис. 6. Каменные топоры и глиняные сосуды балановской и других родственных ей культур Северо-Восточной Европы

I — среднеднепровская культура: *1* — Стретевка, *2, 3* — Янковичи, *4* — Гришанцы, *5* — Киевская область, *6* — Дубровка
II — балановская культура: *1,3—6* — Балаково, *2* — Тетюши
III — фатьяновская культура: *1* — Ваулово; *2, 4* — Великое село; *3, 6* — Мытищи; *5* — Кузьмино
IV — культура Эстонии: *1, 2* — из разных пунктов Эстонии, *3* — Тамула; *4* — Сопе; *5* — Тика (Саарема)

без ручек (рис. 8); весьма близки некоторые орнаментальные мотивы — ромбы, решетки, елочки, простые зигзаги, ногтевидные вдавления, неглубокие ямки (рис. 8), а также некоторые из орнаментальных фигур на дне (рис. 7, *8, 9*); близок и состав глиняного теста с примесью песка и шамота; одинаков способ формовки, однако он, как и состав глины, не является специфической особенностью этих культур.

Но на фоне сходства ясно выступают многие черты различия. Так, балановская керамика при ближайшем рассмотрении отличается от фатьяновской полным отсутствием сосудов третьего «цилиндрошейного» типа, выделенного В. А. Городцовым[21], наличием уплощенных и плоских днищ, преобладанием проткнутых ручек у сосудов реповидной формы (рис. 9, *1, 4, 5*), более высокими шейками у горшков второго типа, в

[21] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российск. Исторического музея за 1914 г. М., 1915, стр. 161, табл. IX.

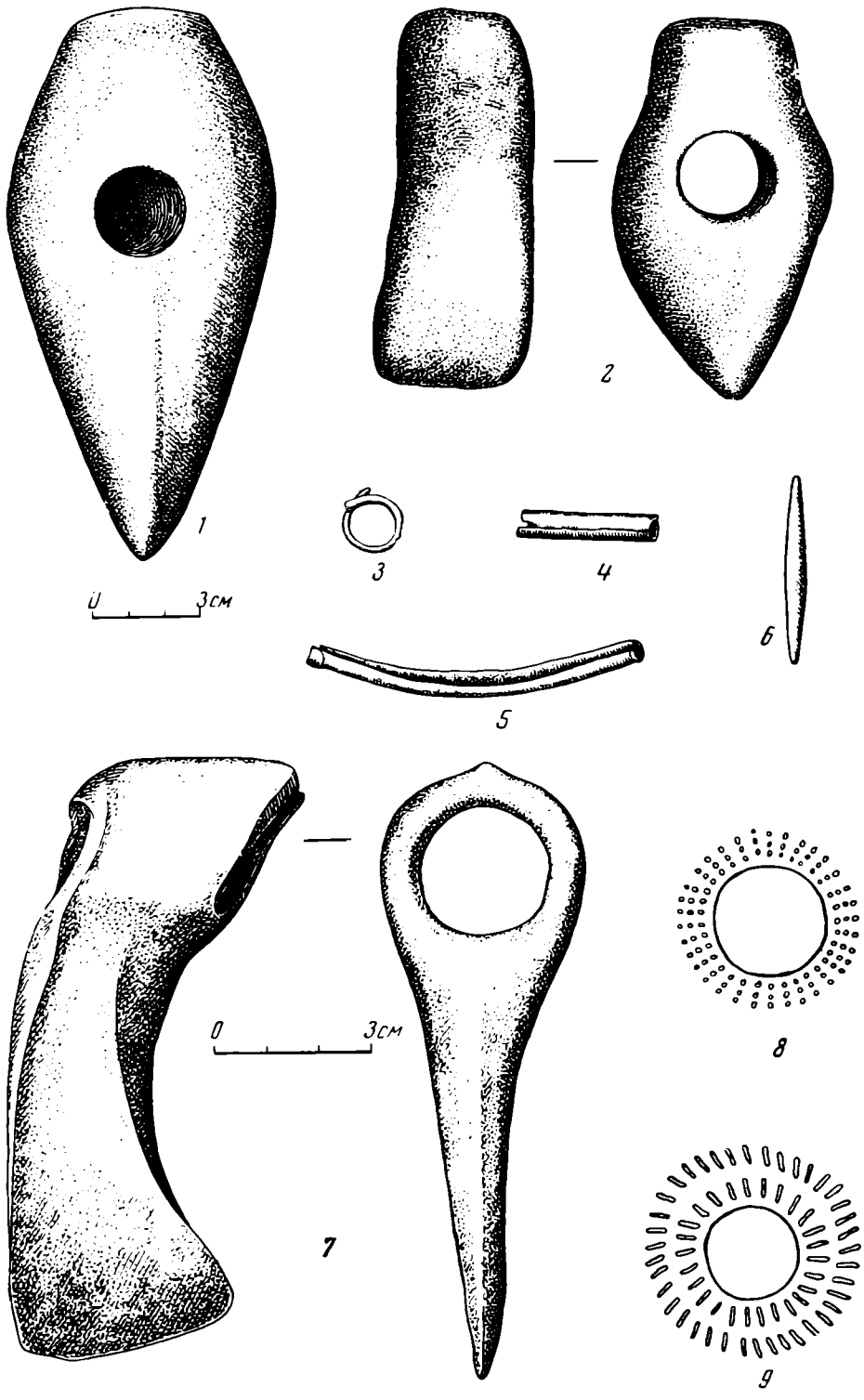


Рис. 7. Предметы из Балановского могильника, наиболее сходные с фатьяновскими

1, 2 — сверленые боевые топоры; *3* — медное колечко; *4* — пронизка; *5* — длинная изогнутая полутрубочка; *6* — медное острие; *7* — вислообушный топор; *8, 9* — орнаменты на днищах сосудов

значительной мере более тщательной обработкой поверхности (нередко с помощью черного лощения), в массе более низким расположением орнамента, опускающегося на тулово сосуда часто до его середины и ниже (рис. 10), затем своеобразным многозонным орнаментальным узором в виде крупных двойных заштрихованных внутри зигзагов, простых

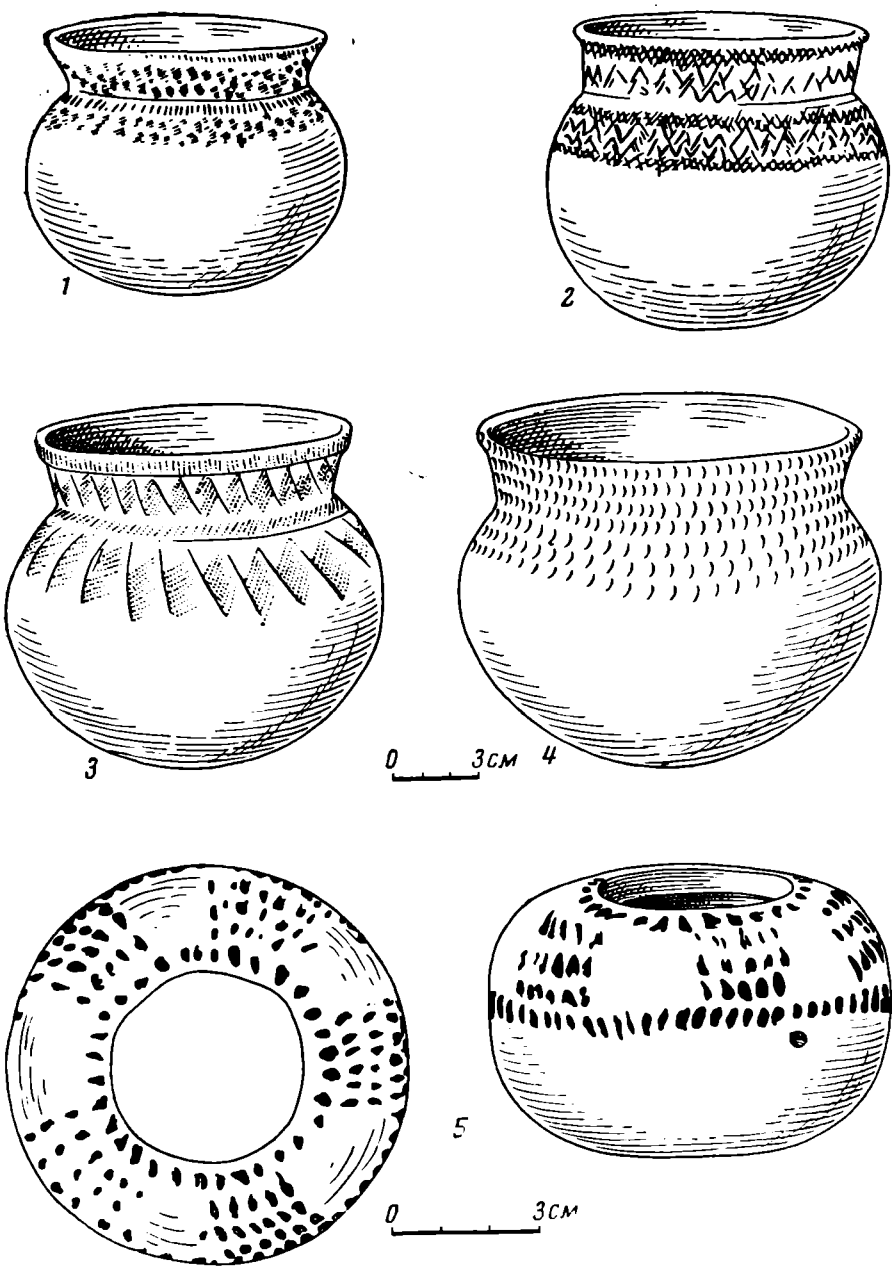


Рис. 8. Глиняная посуда Балановского могильника, наиболее сходная с фатьяновской

и оконтуренных крупных треугольников и ромбов (рис. 10), нередко составляющих при взгляде сверху сложные фигуры в виде вертящегося солнечного диска и пр. (рис. 9).

Фатьяновской керамике совершенно чужда богатая орнаментация днищ некоторых чашек и горшков Балановского и Атликасинского могильников. В памятниках балановского и атликасинского типов совер-

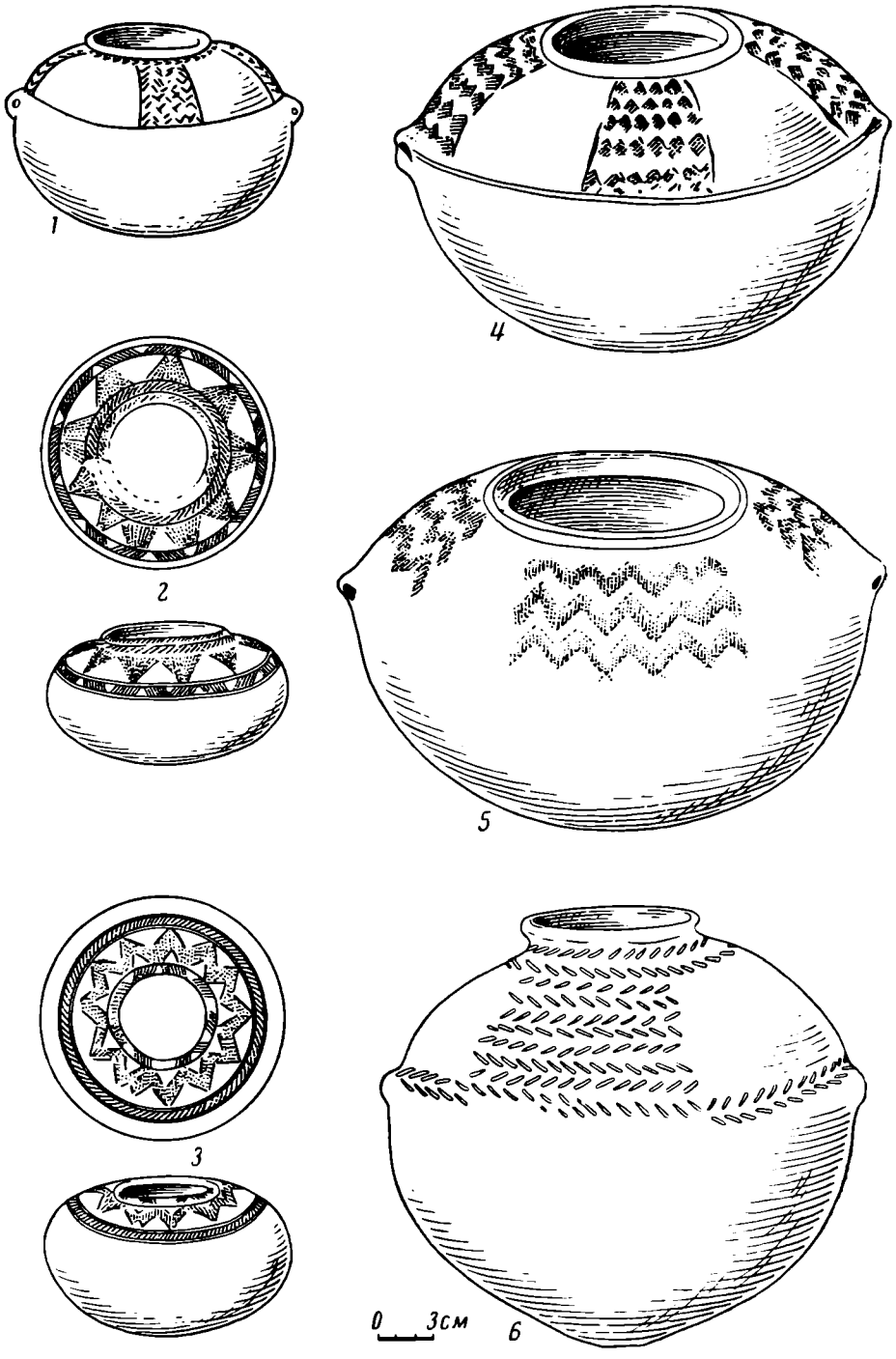


Рис. 9. Глиняная посуда Балановского могильника, отличающаяся от фатьяновской

шенно отсутствует шнуровой орнамент, хорошо известный в фатьяновских могильниках. Наконец, фатьяновской керамике чужд рельефный «жемчужный» орнамент позднейших балановских памятников, каннелюры и налепные валики (рис. 11).

Далее, на балановской территории широко распространены некоторые формы сверленых боевых топоров, не характерные для фатьяновской культуры. Сюда относятся прежде всего формы с выпуклой спинкой

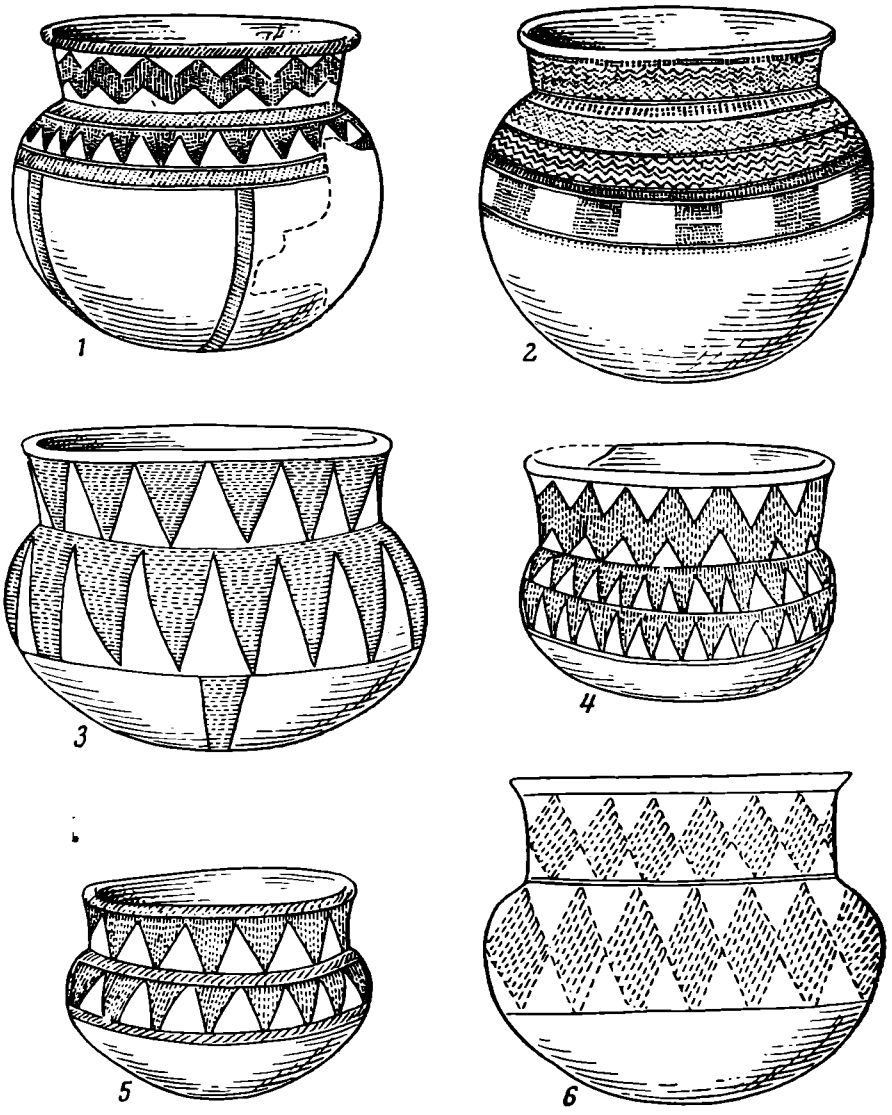


Рис. 10. Глиняная посуда балановской культуры, отличающаяся от фатьяновской

1, 2, 5 — Балаково; *3, 4* — Атли-Касы; *6* — Кубашево

(рис. 12), нередко с плоским пестиком на обушке (рис. 12, *1, 2, 4, 5*), с короткой лопастью (рис. 12, *4, 5*), а также и прямоспинные топоры со втулкой со стороны брюшка (рис. 12, *7*).

От бедных металлом фатьяновских могильников Балановский могильник отличается богатством и разнообразием медно-бронзовых украшений и орудий труда. В фатьяновской культуре неизвестны проволочные овально-спиральные кольца балановского типа (рис. 13, *1*), аналогичные кольца из сложенной вдвое проволоки (рис. 13, *2*), спиральные обкладки (рис. 13, *6, 7, 9*), медно-бронзовые копья с несомкнутой втулкой (рис. 13, *13, 14*), крупные четырехгранные обоюдоострые стержни (рис. 13, *15*). Зато на балановской территории неизвестны медные манжетовидные браслеты, найденные на фатьяновской (4 экз.). Нет здесь и парных литейных формочек или стреловыпрямителей.

Далее, в фатьяновской культуре неизвестны костяные орнаментированные пластинки (рис. 13, *12*), костяные гребни (рис. 13, *11*), глиняные втульчатые колесики от игрушечных повозок (рис. 11, *5*) и глиняные по-

гремушки (рис. 11, *6*). Об особенностях отделки костюма можно судить отчасти по разнице в орнаментальных узорах на керамике, отчасти — по тому, что у фатьяновцев просверленные зубы животных нашивались на одежду группами на плечах и груди (Кульмино), у балановцев же — у бедер и колен.

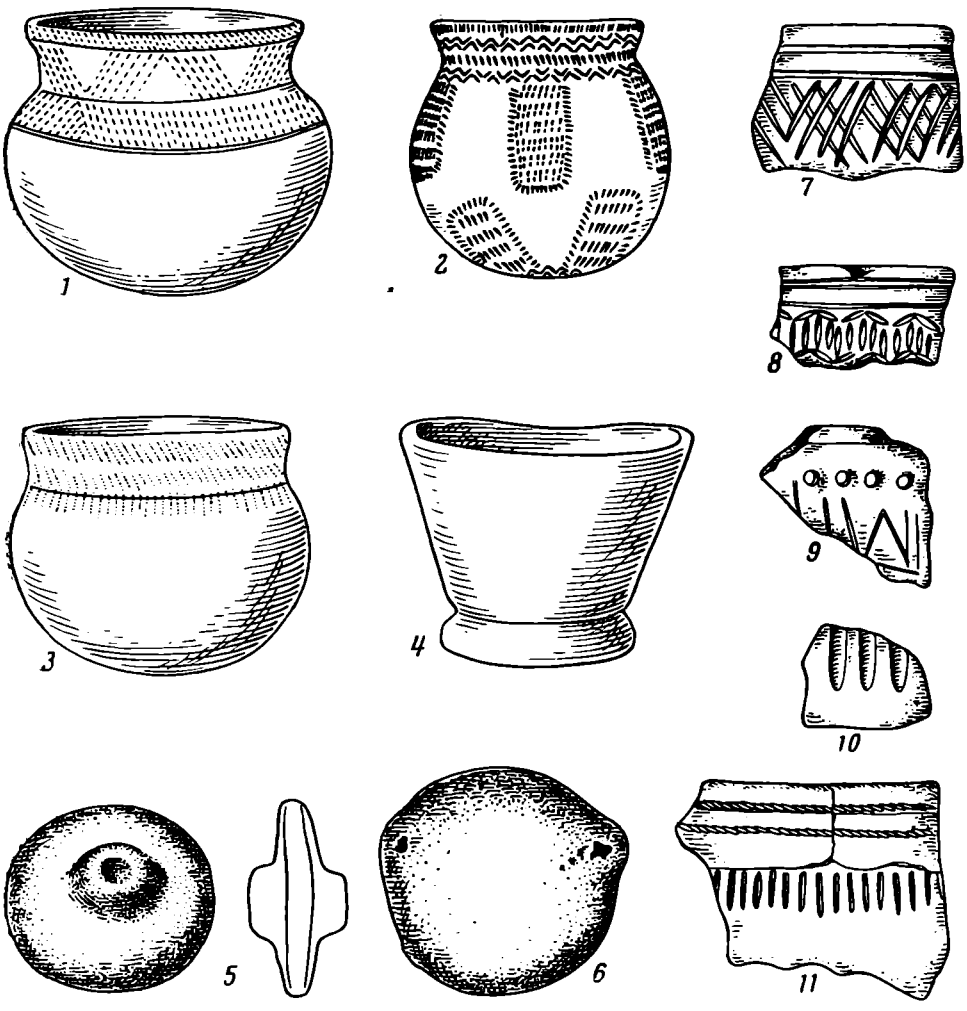


Рис. 11. Керамика балановской культуры, отличающаяся от фатьяновской
1—6 — Балановo; *7—11* — Хула-Сюч

Наконец, Балановский могильник отличается от фатьяновских могильников обилием коллективных захоронений (до пяти погребений в одной могиле), преобладанием южной ориентировки мужских погребений, устойчивым положением мужских погребений на правом и женских — на левом боку. Размеры самого могильника, несомненно, позволяют говорить о большой величине или длительности существования связанного с ним поселения или поселений.

Достаточно ли перечисленных особенностей для выделения самостоятельной балановской культуры? При попытке ответить на этот вопрос мы сталкиваемся с неразработанностью методики выделения археологических культур и неопределенностью, неравнозначимостью самого термина «культура» в понимании различных авторов (например, мустьерская культура, микролитическая культура, культура крашеной керамики, трипольская культура, сарматская культура и т. п.). Правда, после работ А. П. Окладникова и М. В. Воеводского в советской литературе все чаще

фигурируют понятия крупных культурных «провинций», культурных областей, этнокультурных массивов, подразделяющихся на узко локальные родственные культуры (П. Н. Третьяков, А. Я. Брюсов, М. Е. Фосс, А. А. Формозов и др.), а одна из работ автора была специально посвящена выделению обширных культурных общностей или этнокультурных массивов в эпоху бронзы на территории Центральной России.

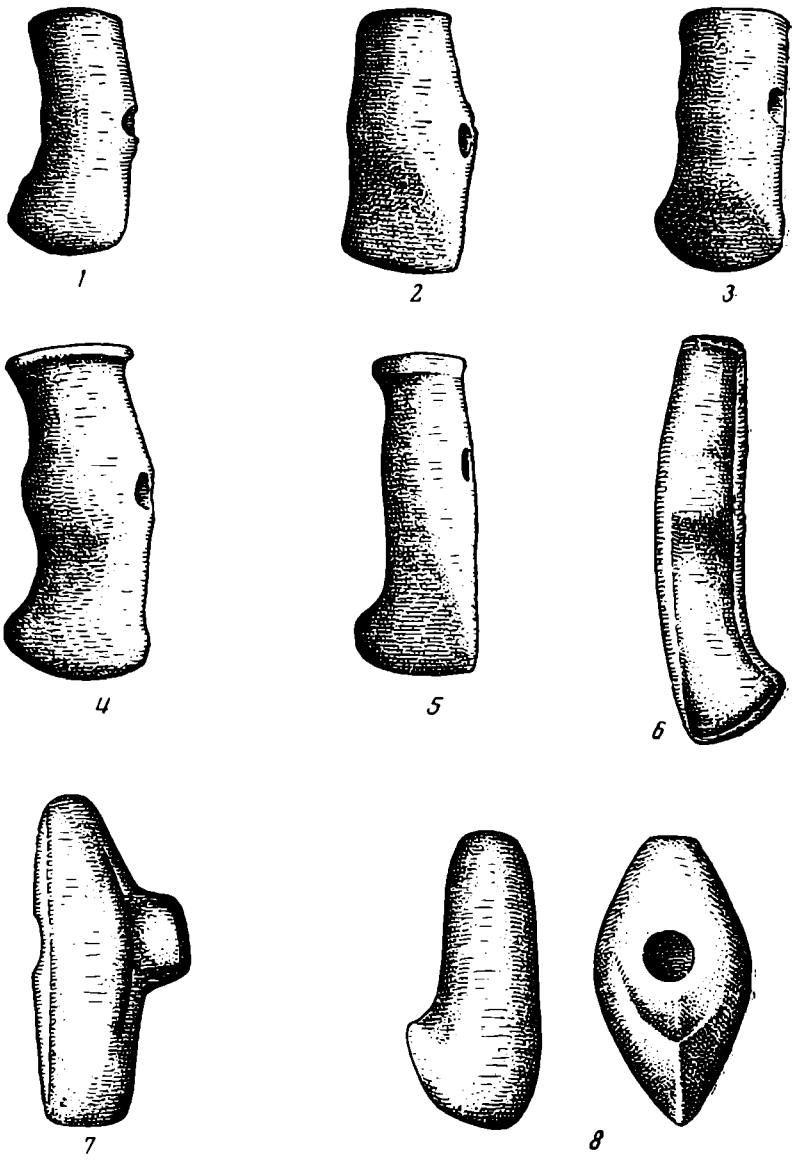


Рис. 12. Прочие типы сверленых боевых топоров балановской культуры

1—5, 8 — Балановский могильник; *6* — Б. Тояба; *7*—Кабы-Копры

Гораздо лучше разработана классификация культурных явлений в смежной этнографической науке, оперирующей в значительной мере теми же категориями экономики и материальной культуры и постоянно использующей археологические данные в своих построениях. Этнографами разработаны представления о хозяйственно-культурных типах, которые могут складываться в удаленных друг от друга районах, на одной и той же стадии развития, в сходных условиях природной среды, и об историко-этнографических областях, где «в результате длительных свя-

зей, взаимного влияния и общности исторических судеб народов, населяющих эту территорию, сложилась определенная культурная общность» [22]; при этом население историко-этнографической области может сохранять и часто сохраняет антропологическую и языковую неоднородность.

Пользуясь этой классификацией, население балановской культурной группы необходимо отнести к хозяйственно-культурному типу мотыжных

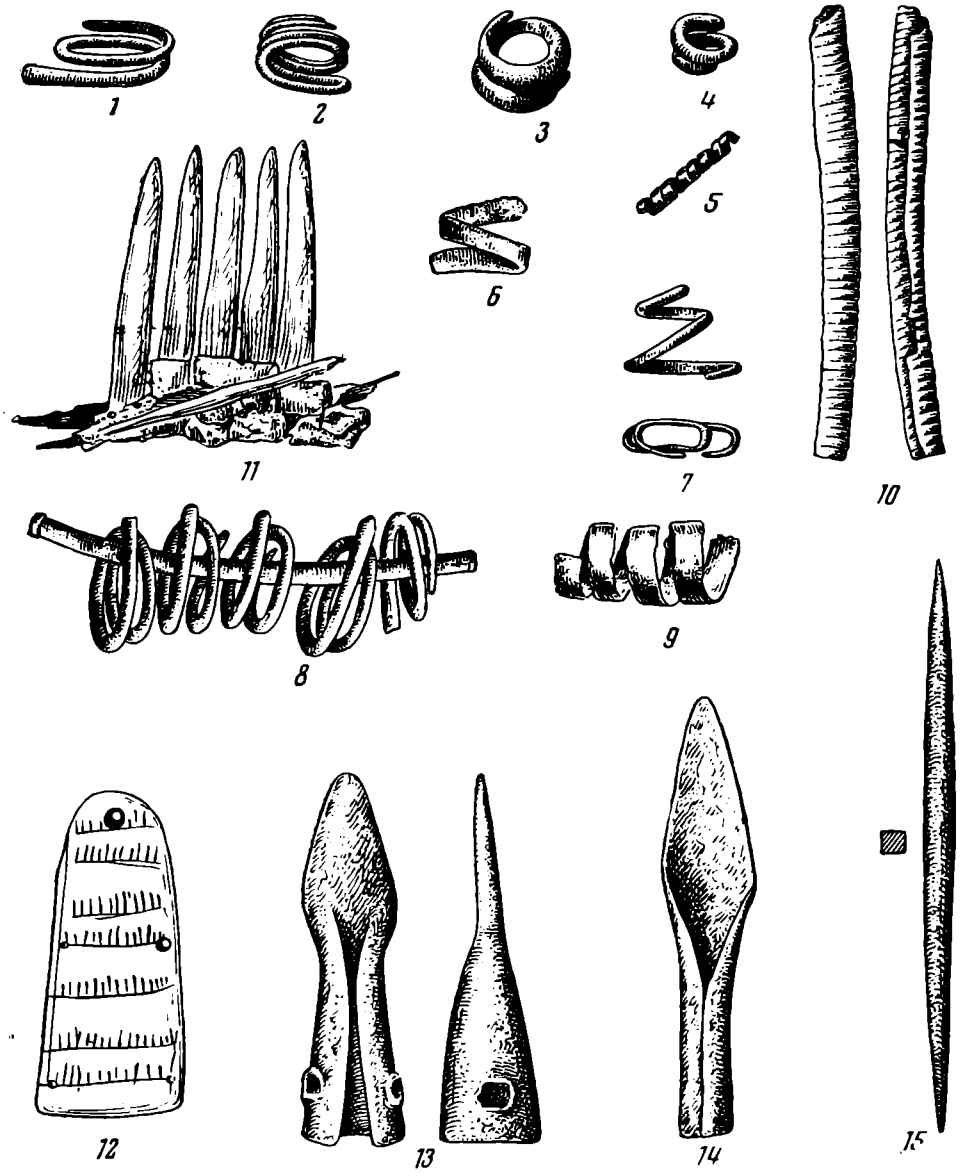


Рис. 13. Предметы балановской культуры

1—10, 13, 15 — медно-бронзовые изделия; *11* — костяной гребень; *12* — костяная пластинка из Балановского могильника; *14* — наконечник копья из поселения Ош-Пандо

земледельцев лесной зоны умеренного пояса, экономическую основу которого со времени позднего неолита составляло подсечно-огневое земледелие и скотоводство с разведением главным образом крупного рогатого скота и свиней. Этот культурный тип удерживался в Европе до проникновения сюда с юга плужного земледелия на заре классового общества [23].

[22] М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнические области. СЭ, 1955, № 4.

[23] Там же, стр. 9, 10.

Далее, балановцы принадлежали к древней историко-этнографической или, иначе, к историко-культурной области Восточной и Средней Европы, население которой в эпоху раннего металла пользовалось каменными сверленными боевыми топорами, шаровидной и шнуровой керамикой.

Наконец, балановцы были носителями однородной, узко локальной и, вероятно, этнически единой балановской культуры. Перечисленных признаков культурного своеобразия вполне достаточно для выделения особой балановской культуры, отличной от фатьяновской, занимавшей одновременно с ней совершенно иную территорию Среднего Поволжья и Прикамья [24] и обладающей существенно иной периодизацией.

Здесь будет уместно вспомнить о характере наиболее массовых находок с балановской территории, о сверленых боевых топорах-молотах. Еще тогда, когда не был исследован Балановский могильник, Арне Эуропеус, классифицируя сверленые боевые топоры, подразделял лесную область европейской России по этому признаку на три вертикальные зоны. В западнорусскую зону он включал главным образом верхнее и среднее течение Днепра и причислял к ней также Волынь и Восточную Галицию, Литву, Латвию и отчасти Восточную Пруссию. К среднерусской зоне он относил центральную область фатьяновской культуры. Наконец, он выделял и третью, восточнорусскую зону, определяя ее как западную часть Казанской губ. и юго-западную часть Вятской, вблизи от слияния Волги и Камы [25]. Нельзя не отметить общего соответствия трех указанных территорий современным представлениям о распространении среднеднепровской и некоторых более западных культур, фатьяновской культуры и балановской культуры.

Сопоставляя сверленые топоры фатьяновской и балановской территории, А. Эуропеус, располагавший богатейшей коллекцией казанского коллекционера Заусайлова, отметил массовое, заметно большее количество находок их в восточной, чем в центральной зоне. Фатьяновский тип здесь представлен скудно. Топоры-молоты с набалдашником, которые А. Эуропеус относит к числу древнейших, в восточной зоне многочисленны и встречаются в разновидностях, которые свидетельствуют о близости их к ладьевидным типам. Ладьевидный тип I, который на фатьяновской территории единичен, на востоке имеет едва ли не всеобщее распространение; он характеризуется выпуклой спинкой. Прямоспинный тип, на фатьяновской территории редкий, здесь более обычен, чем где-либо. Сверленые боевые топоры восточнорусской области, по мнению А. Эуропеуса, в своей основной части сходны с западнорусскими.

Своеобразие основной массы сверленых топоров-молотов балановской территории подчеркивается и в недавней работе А. М. Ефимовой, построенной на материалах Казанского музея [26]. А. М. Ефимова отмечает, что из 95 топоров-молотов, пункты находок которых известны, 82 экз. найдены в Заволжье и Предволжье, в Марийской и Чувашской АССР, в том числе 45 экз. на правобережье Волги, между Сурой и Свиягой; указанные районы, как стало сейчас известно, составляют центральную часть балановской территории.

Отметив значительную общность комплексов волжско-камских и фатьяновских молотов, А. М. Ефимова указывает, что «лопастные молоты, характерные для ярославского варианта фатьяновской культуры, в коллекциях музея очень немногочисленны» [27]. Основными типами

---

[24] Точка зрения о своеобразии балановской культуры поддержана М. М. Герасимовым в последнем издании его известной книги (см. М. М. Герасимов. Основы восстановления лица по черепу. М., 1955), а также М. С. Акимовой, Д. А. Крайновым, С. В. Киселевым и др.

[25] Aarne Äyräpää Ук. соч., стр. 9 сл.

[26] А. М. Ефимов. Ук. соч.,

[27] Там же, стр. 172.

являются короткие, массивные, простые формы, представленные в Балановском могильнике; обушковый (по терминологии В. А. Городцова) и видоизмененный северокавказский молот являются характерными для Волжско-Камского края. Особо отмечено наличие северокавказских и южнорусских форм, в частности с сильно выпуклой спинкой, по которым устанавливается связь с катакомбной и северокавказской культурами.

Рис. 14. Антропологический тип балановской популяции (реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Балановского могильника)

Все сказанное о сверленых боевых топорах-молотах с балановской территории служит существенным подтверждением тезиса об ее культурном своеобразии.

Наконец, нельзя не принимать во внимание разницу антропологических типов балановского и фатьяновского населения. И те и другие были европеоидами; но если фатьяновцы принадлежали к длинноголовому, широко- и низколицему кроманьоидному или палеоевропейскому типу, обитавшему на Русской равнине со времен палеолитической древности, то балановцы в своей основной массе относились к длинноголовому же, но высоко- и узколицему, восточносредиземноморскому типу[28] (рис. 14).

Значение палеоантропологических данных для исторических обобщений общеизвестно[29]. Формирование и обособление антропологических типов требовало огромного времени и известной изоляции от соседних территорий. Поэтому не подлежит сомнению различное происхождение

[28] М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. I, М., 1947.

[29] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. Тр. Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. IV, М., 1948.

балановского и фатьяновского населения. Следовательно, не подлежит сомнению и различие исторических судеб этих групп в более отдаленном прошлом и, конечно, различные пути, которыми они пришли в лесное Поволжье, вошли в состав одной историко-этнографической области, сблизились в культурном отношении.

4

Несомненная и значительная разнородность и разновременность памятников балановской культуры позволяют уже сейчас наметить ее периодизацию.

Первоначально я наметил два этапа — балановский и атликасинский. П. Д. Степанов на основе изучения поселений применял деление на ош-пандинский и хула-сючский этапы. В 1957 г. П. Д. Степанов и я совместно приняли деление на три этапа — балановский, атликасинский и хула-сючский [30].

Однако новые памятники, исследованные А. Х. Халиковым, привели к новому пересмотру периодизации. Архаичный характер Козловского грунтового могильника под Ульяновском заставляет поместить его стратиграфически ниже Баланова, а выделение нового, ош-пандинского этапа позволило Халикову предложить новый вариант периодизации, который выглядит следующим образом: собственно балановский, атликасинский, ош-пандинский и хула-сючский этапы [31]. Эта периодизация представляется мне логичной и обоснованной стратиграфически (поселения Васильсурское, Галанкина гора и др.), и я считаю возможным ее принять, но предпослав ей наиболее ранний, козловский этап.

Переходя к вопросу абсолютной датировки, обратимся прежде всего к богатейшему Балановскому могильнику, рассматривая его как целостный комплекс. Значительная близость его к могильникам фатьяновской культуры может служить основанием для их приближенной синхронизации. Существование Балановского могильника в первой половине II тысячелетия до н. э. подтверждается находкой в нем спирального кольца из сложенной вдвое медной проволоки, т. е. кольца унетицкого типа (рис. 13, *2*). На вторую четверть II тысячелетия до н. э. указывает значительная часть балановских сверленых топоров, близких таким же «лобатым» топорам привольненского среднекубанского этапа северокавказской бронзы (рис. 12); этот последний сменяет более ранний, майкопский этап, по А. А. Иессену — около 1700 лет до н. э. [32]; В. И. Марковин склонен датировать более простые разновидности топоров кабардино-пятигорского типа временем XVII—XVI вв. [33] Эта дата подтверждается находкой на поселении у Надеждина-Куракина близ г. Сердобска Пензенской области [34] именно такого балановского сверленого топора, относящегося к самому началу первого периода срубной культуры, т. е. к XVI в. до н. э. [35] (рис. 15).

Представляют известный интерес для датировки близкие аналогии богатой орнаментации днищ некоторых сосудов Балановского могильника и сосудов среднеднепровской культуры (рис. 16, *1—4*), а также культу-

---

[30] О. Н. Бадер. Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Суре, стр. 139, 140.

[31] А. Х. Халиков. Периодизация памятников балановской культуры. Доклад на секции неолита и бронзы Пленума ИИМК АН СССР 8 апреля 1959 г.

[32] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157.

[33] В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 3.

[34] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, рис. 4, *15*.

[35] Там же, стр. 36.

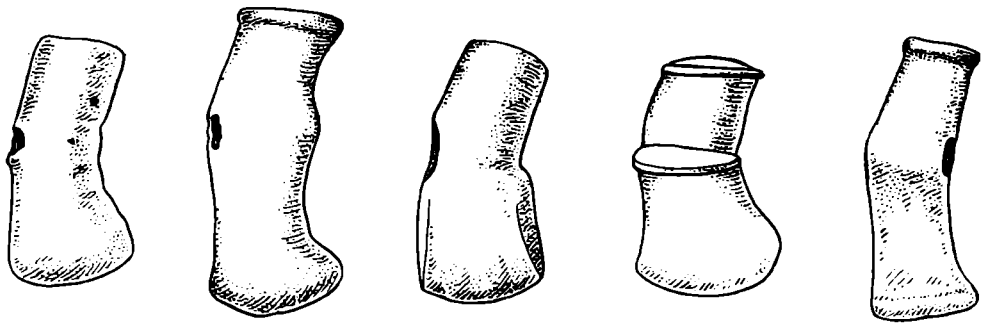


Рис. 15. Некоторые типы боевых топоров

1, 2 — балановская культура; *3, 4* — северокавказская; *5* — раннесрубная

ры шнуровой керамики (рис. 16, *5, 6*). Эти параллели подтверждают дату — конец первой — вторая четверть II тысячелетия [36] до н. э.

Большие деревянные погребальные камеры Балановского могильника, служившие для коллективных захоронений, представляются эквивалентом мегалитических камер запада; они, вероятно, близки им и хронологически [37]. В культурах среднеевропейского верхнего неолита от баалбергской до вальтерниенбургско-бернбургской большие каменные и деревянные могильные камеры нередко приобретают характер мегалитических склепов, служивших для многих частью последовательных погребений.

В пользу сравнительно раннего времени говорит и большинство аналогий балановским колесам от повозок, известным в очень близких образцах в погребениях ямной культуры от Волги до Днепра, в Цалкинских курганах, в ранних поселениях Шенгавитском и Кюль-Тапа, в Закавказье, в древнем Шумере, Анау, Индии и Китае, а в Европе — в очень раннем Будакаласском могильнике в Венгрии.

При установлении раннего предела даты Балановского могильника нужно принять во внимание некоторые факты. Одним из них является находка типично балановского лощеного сосуда с орнаментированным валиком на венчике в Буньковском могильнике под Москвой [38], относящемся к более ранней, московской группе фатьяновской культуры [39], что позволяет датировать этот сосуд принятым для московской группы временем, т. е. концом III или двумя первыми веками II тысячелетия до н. э. [40].

Большой интерес имеют весьма близкие аналогии костяным орнаментированным пластинкам из Баланова, известным далеко на западе (на противоположном конце историко-культурной области), например: пластинки из Лайбахер-Моор в Германии [41] (рис. 17, *2*), Гейдмоора близ Берлина [42] (рис. 17, *5*) и из могильника Вестербьерс на о. Готланде [43]

[36] Т. С. Пассек. К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 34; H. Behrens. Chronologie und historische Abfolge der jung — steinzeitlichen Kulturgruppen Mitteldeutschlands. «Ausgrabungen und Funde», т. 3, тетр. 4/5. Berlin, 1958; G. Mildenberger. Studien zum Mitteldeutschen Neolithikum. Leipzig, 1953.

[37] Ulrich Fischer. Über Nachbestaltungen im Neolithikum von Sachsen-Thüringen. Festschrift des Romisch-Germanischen Zentralmuseums in Mainz. Mainz, 1953.

[38] A. J. Brjusov. Die Wanderungen der ursprünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. AA т. XXV, Köbenhavn, 1954, стр. 309.

[39] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры, КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 22.

[40] Там же, стр. 33.

[41] J. Werner. Die ältesten Gürtelhaken. Festschrift für Gustav Schwontes. Neumünster, 1951, стр. 156, рис. 7.

[42] Раскопки д-ра Швабедиссена (музей г. Шлезвига). Публикую по любезно присланной мне фотографии.

[43] См. J. Werner. Ук. соч., рис. 6, *2*.

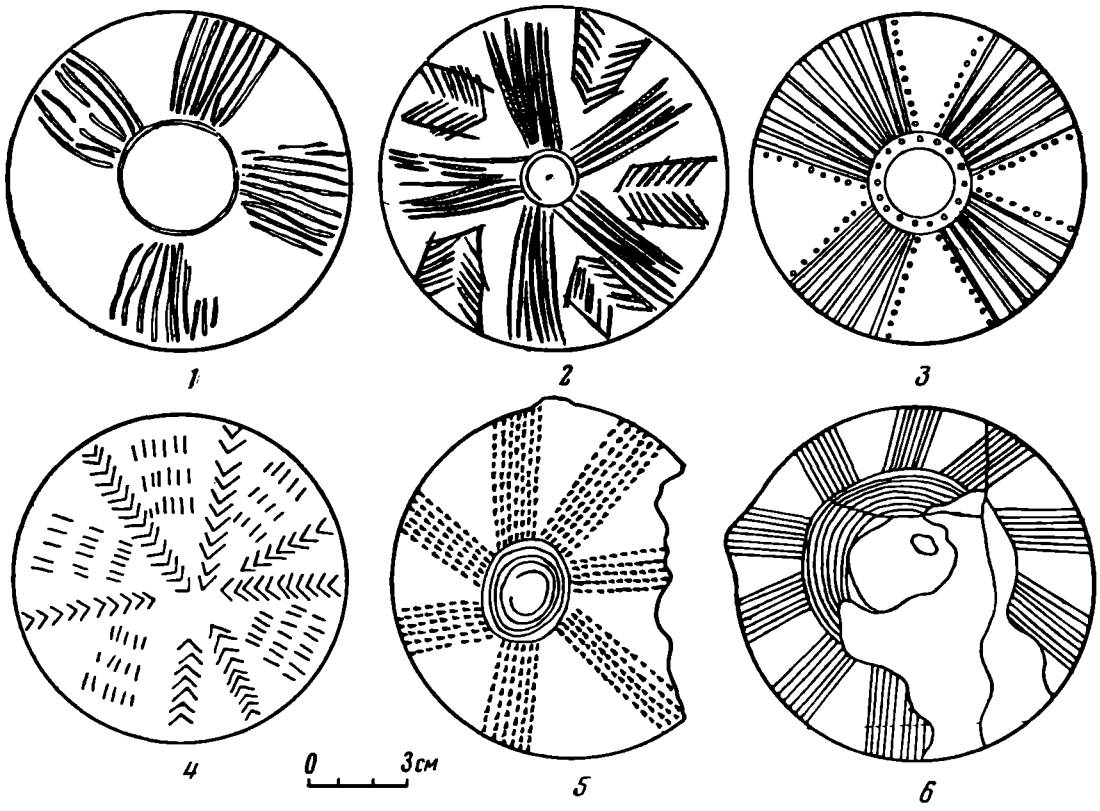


Рис. 16. Орнаментация днищ на сосудах

1, *2*— Балаково; *3* — Гатное; *4* — Суемцы II; *5* — культура шнуровой керамики; *6* — керамика шенфельдского типа

(рис. 17, *4*). Последняя находка датируется М. Стенбергером временем мегалитических могил с ходами [44], что означает 2500—2000 лет до н. э. (по О. Монтелиусу) или конец III — начало II тысячелетия до н. э.— по новейшим авторам (Вл. Милойчич, Г. Мильденбергер) [45]. Следовательно, возникновение Балановского могильника может быть отнесено ко времени около XX—XIX вв. до н. э.

Наиболее позднее время функционирования могильника определяется следующими тремя фактами.

1. Медные наконечники копий с разомкнутой втулкой, аналогичные балановскому, известны в памятниках костромского этапа среднекубанского периода на Северном Кавказе [46], а костромской этап датируется в основном третьей четвертью II тысячелетия до н. э. [47]. Такие копья появляются в культурах Балканского полуострова и в других областях Европы только около XV в. до н. э. [48].

2. Маленький плоскодонный сосудик из могилы № 61 в Баланове (см. рис. 11, *4*), как указывает О. А. Кривцова-Гракова, является прямым подражанием погребальным баночным горшочкам из курганов срубной культуры Среднего и Нижнего Поволжья.

3. Отсутствие в Балановском могильнике явных предметов абашевской культуры или хорошо выраженных ее черт в керамике (учитывая распро-

---

[44] M. Stenberger. Das Gräberfeld von Västerbjers auf Gotland. Lund, 1943.

[45] Gerhard Mildenberger. Ук. соч.

[46] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, рис. 50, *3* и 51, *1*.

[47] А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов», стр. 199.

[48] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 33.

странение этой более поздней культуры на той же территории) не позволяет допускать сосуществования Балановского могильника с абашевской культурой в Чувашии. Поэтому время появления абашевской культуры представляет собой terminus ante quem для Балановского могильника. Дата появления абашевской культуры до последнего времени определялась как XII в. до н. э.[49], но недавно П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков, а затем и К. В. Сальников не без основания поставили вопрос об определении начальной даты абашевской культуры как XIV или даже XV в.

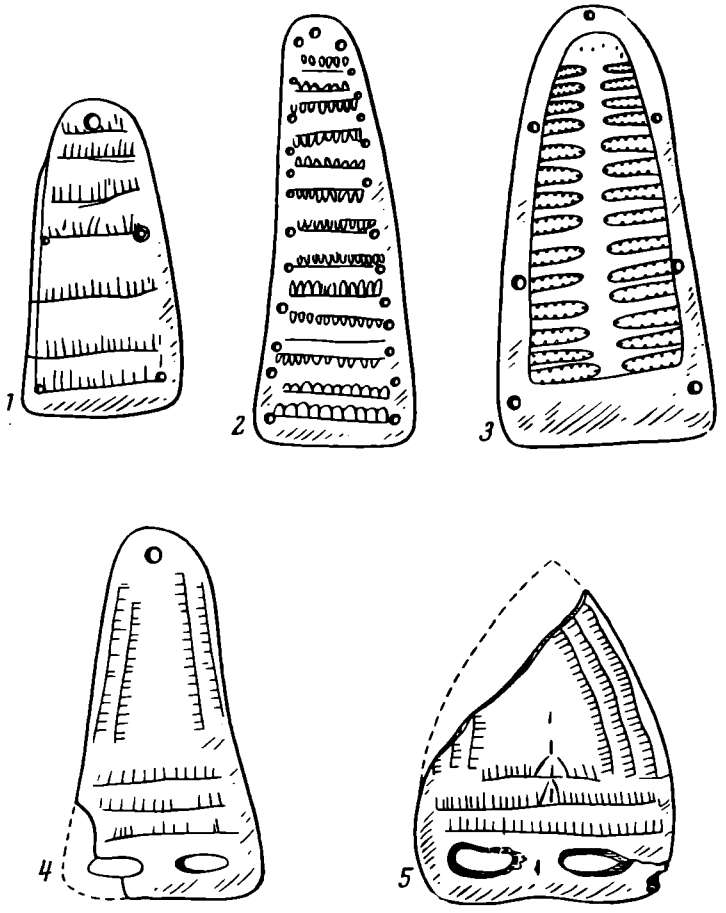


Рис. 17. Костяные пластинки и поясные пряжки
1, 3 — Балаково; *2* — Лайбахер Моор, Германия; *4* — Вестербьерс, о. Готланд; *5* — Гейдмоор близ Берлина

до н. э.[50]. Из приведенных фактов и соображений становится ясным, что время существования могильника в какой-то мере захватывало XV в. до н. э. Таким образом, минимальная общая дата Балановского могильника определяется промежутком времени между XIX и XV вв. до н. э.

Несколько более ранний Козловский могильник не может быть точно датирован; но, во всяком случае, он не моложе конца III или самого начала II тысячелетия до н. э. С другой стороны, памятники хула-сючского этапа, занимающие гораздо более узкую территорию правобережья Волги в Чувашии и частью в Мордовии, являются позднейшими. На их более поздний возраст указывает замена многих типично балановских элемен-

[49] О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 98.

[50] П. Н. Третьяков. Абашевская культура в Поволжье. Доклад на Пленуме ИИМК АН СССР в апреле 1958 г.; К. В. Сальников. О датировке культур эпохи бронзы в юго-западной Башкирии. Научные исследования истор. ф-та Уральск. ун-та за 1958 уч. год (тезисы). Свердловск, 1959, стр. 31—33.

тов новыми (рис. 11), основным источником которых можно считать соседнюю срубную культуру. Это положение иллюстрируется, например, керамикой позднесрубного Комаровского поселения на р. Усе [51], среди которой представлены и обломки позднебалановской керамики хула-сючского типа [52]. На поселениях хула-сючского типа кремень уже почти не обрабатывался, а самые поселения отходят от водоемов, распространяются по водоразделам, располагаясь на высоких местах, в условиях, аналогичных городищам и селищам близкого железного века (см. рис. 5).

Дата балановской культуры в целом определяется временем от конца III тысячелетия и до первых веков I тысячелетия до н. э. Хронологические пределы козловского этапа определяются как конец III — начало II тысячелетия до н. э., балановского — XIX—XV вв. до н. э., атликасинского — XV—XIV вв. до н. э., ош-пандинского — XIV—XII вв. до н. э., хула-сючского — последние века II и первые века I тысячелетия до н. э.

Одной из первоочередных задач является попытка хронологизации могил в пределах общей даты Балановского могильника.

5

Установленная выше древность Балановского могильника и балановской культуры в целом находится в противоречии с датировкой Балановского могильника, предложенной О. А. Кривцовой-Граковой (третья четверть II тысячелетия до н. э.) [53]. Как выясняется, балановская культура не следовала за фатьяновской, а существовала самостоятельно и параллельно ей. К выводу о синхронности ярославской группы фатьяновских могильников и Балановского могильника пришел не так давно и А. Я. Брюсов [54].

Такая датировка не позволяет рассматривать балановское население как переселенцев с Верхней Волги. В резком противоречии с этой гипотезой находится и устойчивое различие в антропологическом типе фатьяновцев — палеоевропейцев и балановцев-средиземноморцев; антропологический тип фатьяновцев не мог измениться за время миграции с Верхней на Среднюю Волгу, на что я уже имел случай указывать [55]. Более того, хорошо выраженные различия в антропологическом облике фатьяновцев и балановцев убедительно говорят об их различном происхождении.

6

На вопрос об образе жизни балановцев нет единого взгляда.

Тридцать лет назад П. Н. Третьяков по поводу курганов в Атли-Касы высказал предположение, что фатьяновское население не имело постоянных поселений, так как «скотоводческое хозяйство требовало перекочевок, причем, конечно, не могли создаваться заметные культурные слои» [56]. Как ни парадоксально, но именно П. Д. Степанов, который лишил эту старую точку зрения ее основного аргумента (отсутствие поселений), целиком воспринял ее в одной из своих последних работ; в то же время он характеризует балановцев как «отсталых в хозяйственном отношении (по сравнению со степными племенами того же времени), бедных и, вероятно, немногочисленных охотников и скотоводов» [57], быт которых сопоставляет с бытом таежных охотников — оленеводов Сибири.

---

[51] А. Е. Алихова. Комаровское поселение у Моечного озера. МИА, № 61, 1958, стр. 157.

[52] Там же, рис. 7, *1*.

[53] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры; ее же. Абашевский могильник, стр. 98.

[54] А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 94.

[55] О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре, стр. 70.

[56] П. Н. Третьяков. Из материалов Средневолжской экспедиции, стр. 16.

[57] П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях, стр. 136.

С таким взглядом на балановскую культуру невозможно согласиться. Характер поселений с достаточно мощными культурными слоями, размеры таких могильников, как Балановский, состав орудий труда и состав стада домашних животных заставляют предполагать для балановского населения (как и для населения соседних культур той же историко-культурной области) оседлый образ жизни на основе развитого земледельческо-скотоводческого хозяйства. Характер и разнообразие материальной культуры, в том числе развитие металлургии, далекие культурные связи, никак не соответствуют выводу о культурной отсталости населения: скорее, наоборот, балановская культура по сравнению, например, с фатьяновской, выглядит более развитой.

В могилах в Баланове найдены кости домашних животных — коровы, овцы, лошади, может быть, осла, свиньи и собаки; в Чебаковском поселении — лошади, вероятно, овцы или козы и свиньи; на Ош-Пандинском поселении, по предварительным данным,— коровы, свиньи, овцы, козы и лошади. Полнота и устойчивость состава стада свидетельствуют о развитии животноводства, причем не кочевого, ибо наличие крупного рогатого скота и свиней противоречит кочевничеству.

В пользу занятия земледелием говорят не столько каменные терки и песты, сколько расположение большинства балановских поселений на высоких берегах рек, нередко в отдалении от рыбных водоемов; многочисленные же плоские кремневые топоры, как и в фатьяновской культуре, могут свидетельствовать о подсечно-огневой системе земледелия.

В соответствии с этим находится и лесной ландшафт, в условиях которого жили балановцы даже в Чувашии. Установление лесного ландшафта стало возможным благодаря многочисленным находкам глиняных черепков и костей между могилами Балановского могильника, всегда на одном и том же уровне (17—21 *см* от современной поверхности), фиксирующем поверхность почвы в эпоху образования могильника. Пыльцевой анализ взятых образцов, выполненный Г. Н. Лисициной (Лаборатория Института археологии АН СССР), привел ее к выводу, что в то время прилегающая территория была полностью облесена за счет березовых, хвойных (елово-сосновых), широколиственных (преимущественно липовых) лесов. Для Вятско-Камского бассейна это еще более несомненно.

Одним из убедительных доводов в пользу лесного ландшафта является и состав дикой фауны: в Баланове найдены кости северного оленя, медведя, кабана, лисы, бобра; в Ош-Пандо — лося. Подтверждение находим и в экологии найденных в могилах в Баланове наземных моллюсков: так, улитка Fruticicola fruticum водится на лесных опушках, в кустарниках.

На первый взгляд выводу о существовании здесь лесного ландшафта противоречат кости сурка и хомяка в погребениях Балановского могильника, поскольку оба эти вида водятся преимущественно в степной зоне. Однако сурок еще недавно был широко распространен и в лесо-степье, а его самая северная колония в 60-х годах XIX в. была отмечена Богдановым на р. Буле, притоке Свияги, у северной границы б. Буинского уезда, т. е. в пределах современной Чувашии, недалеко от Баланова. Хомяк, имеющий примерно ту же экологию, сильно тяготеет к посевам зерновых и благодаря этому местами внедряется далеко в глубь лесной зоны; наличие его в Баланове, недалеко от южной кромки широколиственных лесов, вполне закономерно и может служить лишь дополнительным доводом в пользу балановского земледелия.

Представляется вероятным, что культура полбы, еще недавно столь распространенная в Чувашии, была занесена сюда из стран Переднего Востока или Ирана через Кавказ именно в балановское время.

7

Общественный строй балановского населения реконструируется как первобытно-общинный, а большой Балановский могильник, могилы которого располагались сплошным, недифференцированным массивом, не нарушая друг друга, следует рассматривать как длительно существовавшее родовое кладбище.

Развитое скотоводство и металлургия меди и связанный с ними растущий межплеменной обмен служили предпосылками для роста социально-экономической роли мужчины [58]. Об этом могут говорить и погребения воинов с медным и каменным боевым оружием в Балановском могильнике, хотя эти погребения и не отличаются особенным богатством.

Из четырех парных, достоверно разнополых погребений в Баланове в трех могилах мужские и женские скелеты ни по положению в могиле, ни по богатству инвентаря не имеют преимуществ друг перед другом. Лишь в четвертом случае позы погребенных и расположение боевого оружия в могиле 25—30-летнего воина наглядно подтверждают, что труп 20-летней женщины был придан ранее положенному мужскому погребению. Но нельзя утверждать, что перед нами погребение жены, а не рабыни; скорее же именно рабыни. Следовательно, и эта могила не может служить доказательством уже совершившегося перехода к патриархально-семейным отношениям. Не проливает света на этот вопрос и рассмотрение 22 могил с коллективными захоронениями трех, четырех и пяти умерших разного пола.

Наибольший интерес, казалось бы, представляют пять могил, в которых погребения детей приданы погребению мужчины или женщины. Но среди них два раза дети погребены с мужчиной и три раза — с женщиной. Кроме того, во всех случаях остаются неизвестными родственные отношения погребенных; так, мужчина мог быть отцом ребенка — и тогда это типично для патриархата, но мог быть и братом матери — и тогда это довод в пользу существования матриархата.

Несомненный интерес для поставленного вопроса представляет обширность и главным образом глубина могил в Баланове. Так, все пять могил воинов с медным и каменным боевым оружием оказались наиболее глубокими (от 2,05 до 1,9 *м*); то же можно сказать о трех могилах пожилых женщин с наиболее богатым инвентарем (от 1,7 до 1,55 *м*). С другой стороны, наименее богатые погребения имели наименьшую глубину могил, и самыми мелкими были могилы детей, в особенности девочек.

Из этого вытекает, что глубина захоронения находилась в прямой зависимости от общественного положения умершего.

Сравнение глубины могил мужских и женских погребений показало, что наиболее глубокие могилы принадлежали мужчинам-воинам. Для 13 одиночных мужских могил средняя глубина равна 1,65 *м*, а для 8 одиночных женских — 1,44 *м*. Особенно подчеркивает более почетное положение мужской половины общества та же разница в средней глубине захоронений мальчиков (1,17 *м*) и девочек (1,01 *м*).

Балановское общество следует относить к переходному состоянию от матриархального к патриархально-семейному укладу. Этот период, очевидно, завершился к концу позднейшего, хула-сючского этапа балановской культуры, накануне возникновения новых, городищенских культур железного века.

Богатство антропологического материала и тщательность определений его со стороны М. С. Акимовой позволяют установить непродолжительность жизни балановцев и очень высокую детскую смертность. Так, 43% эксгумированных балановцев умерло в возрасте не старше 12 лет,

[58] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана. В кн. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения, т. II, М., 1952, гл. IX.

а 17% — не старше 1 года. Половина всех взрослых мужчин умерла в возрасте от 30 до 35 лет, и ни один не пережил 50 лет. Ни одна женщина не пережила 60 лет. Из 16 определений для взрослых мужчин (20 лет и старше) средний возраст составляет всего 31,5 года; аналогично для женщин (18 определений) — 33,2 года.

Эти факты рисуют крайне суровые условия жизни балановцев. Высокая смертность мужчин в возрасте 30—35 лет находит прямое объяснение в тревожной обстановке, в частых военных столкновениях.

Многие балановские поселения расположены на высоких мысах, как городища (см. рис. 5), и, возможно, были укреплены деревянными сооружениями.

8

Вопрос о происхождении балановской культуры и ее населении не может быть сейчас решен из-за недостатка данных.

Отсутствие археологических и антропологических связей с местным неолитом заставляет рассматривать население балановской культуры как пришлое. В то же время ни в Восточной, ни в Средней Европе мы не знаем энеолитических культур, которые могли бы быть поставлены в прямую, непосредственную связь с балановской.

Для рассматриваемого вопроса имеет несомненный интерес установление почетного, вероятно, господствующего положения лиц с хорошо выраженными признаками средиземноморского антропологического типа. Так, к этому типу относятся все погребения воинов с медным и каменным оружием (из самых глубоких могил) и наиболее богатые погребения женщин. Наряду с этим субъекты, обладающие монголоидными и кроманьоидными чертами, принадлежали к числу рядовых членов племени. Определенная разница в положении представителей указанных антропологических типов подтверждается и различной ориентировкой соответствующих им погребений; так, все воины-средиземноморцы были ориентированы в могилах головой на юг и юго-запад, тогда как мужчины с монголоидными и палеоевропейскими чертами — на северо-запад и север. Невольно напрашивается предположение, что ориентировка погребений указывает на локализацию территорий, откуда происходят представители различных типов.

Преобладающие культурные связи Баланова ведут на запад и юго-запад, что находит свое выражение в принадлежности балановской культуры к историко-культурной области со сверленными боевыми топорами, шаровидной и шнуровой керамикой. С другой стороны, у балановской культуры, как ни у одной другой культуры указанной культурной области, сильны связи с Кавказом; они выражаются в сходстве ряда форм глиняной посуды и сверленых боевых топоров с выпуклой спинкой, медных наконечников копий с разомкнутой втулкой, в примеси фосфора к меди, форме сплошных повозочных колес со втулкой, ранее известных в странах Передней Азии (Шумер), Индии и Китае, наконец, в преобладании южной ориентировки позднейшей группы погребений Нальчикского могильника, в существенной роли там коллективных захоронений, в положении скорченных мужских скелетов на правом, женских — на левом боку. Значение южных, кавказских связей приобретает особый интерес в связи с тем, что туда же, на юг, ведут и преобладающие антропологические связи балановцев (Трофимова, Герасимов).

Восточносредиземноморский тип, наиболее близкий балановскому, в настоящее время наилучшим образом представлен в Западном Иране, Восточной Турции и Северном Ираке. Древнесредиземноморский тип представлен в целом ряде археологических памятников бронзовой эпохи (например, погребения XIV—XIII вв. до н. э. Самтаврского могильника); он представлен и у шумеров III тысячелетия до н. э. (в сериях Ура и Киша).

Но древнесредиземноморский тип, оказывается, хорошо и даже ярко представлен в некоторых могильниках Северного Причерноморья, как Волошский [59], Васильевский I [60] и Васильевский III, относящихся еще к мезолиту. Этот факт, лишь недавно установленный, имеет для нас исключительный интерес, ибо им фиксируется наличие древнейшего ареала средиземноморского типа в Северном Причерноморье. Отсюда он мог впоследствии, в неолите, распространиться как на северо-восток, так и на запад, в том числе и в Южную Прибалтику (рёссенская культура, мегалитическая культура Швеции и пр.).

Таким образом, не имея возможности сейчас решить вопрос о происхождении балановского населения, мы можем хотя бы подойти к его разрешению. Представляется наиболее вероятным, что исходная область балановского населения находились в пределах территории, которая, с одной стороны, входила в ареал древнего распространения средиземноморского антропологического типа, с другой стороны — в историко-культурную область с боевыми топорами и шаровидной и шнуровой керамикой. Эта территория локализуется в Северном Причерноморье между Поднепровьем и Волгой.

Предложенная гипотеза находится в соответствии не только с особенностями антропологического типа балановцев, но и с все более распространяющимся стремлением искать возникновение основных элементов для культур боевых топоров в области Кавказа (Городцов, отчасти Форссандер) и Северного Причерноморья (Мирес, Борковский, Сулимирский, Чайлд, Гимбутас, Штурмс), где древнейшей энеолитической и, вероятно, скотоводческо-земледельческой культурой является ямная. В последней уже применялись погребения в скорченном положении на боку, под курганами, иногда с клиновидными и сверленными боевыми топорами и глиняной посудой, которая и по формам, и по орнаментации может лежать в основе шаровидных амфор и шнуровой керамики позднейших культур.

[59] Г. Ф. Дебец. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. СЭ, 1955, № 3, стр. 62.

[60] Т. С. Кондукторова. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I. Советская антропология, 1957, № 2, стр. 189.

Х. И. КРИС

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Разведки С. И. Забнина и Г. А. Бонч-Осмоловского, проводившиеся в 1914—1915 гг., а затем в 1920 и 1924 гг., и работы других археологов (Н. Л. Эрнста, Л. О. Моисеева в 1915 и 1918 гг.) положили начало систематическим сборам материалов и исследованию памятников кизил-кобинской культуры, названной по месту первой находки в пещере Кизил-Коба в Крыму. Рассматривая керамику в качестве характернейшего элемента этой культуры, Г. А. Бонч-Осмоловский высказал мысль о связи ее поселений с раннетаврскими погребениями в каменных ящиках и датировал кизил-кобинскую культуру последним этапом бронзового века в Крыму [1]. С этих пор в нашем представлении керамика кизил-кобинского типа ассоциируется с керамикой хорошего лощения, часто черного цвета, орнаментированной резным узором.

Дальнейшие обследования памятников этой культуры были продолжены в районе Гераклейского полуострова и Инкерманской долины Л. Н. Соловьевым, открывшим много пунктов нахождения керамики кизил-кобинского типа [2]. В 1940 г. во время строительных работ в Инкермане, С. Ф. Стржелецким раскопана часть поселения этой культуры [3].

Вопрос о кизил-кобинской культуре вновь привлек внимание исследователей в послевоенные годы; за последние 14 лет не только обследована разведками значительная часть предгорного и горного Крыма, но и раскопан ряд поселений и могильников [4]. Материалы, полученные при этих исследованиях, наряду со старыми сборами и разведками позволяют уже сейчас разработать периодизацию и хронологию памятников этой культуры и поставить вопрос об ее этнической принадлежности.

---

[1] Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. Журн. «Крым», № 2, М., 1926, стр. 91 сл. Попытка С. И. Забнина датировать эту культуру эпохой камня (см. С. И. Забнин. Находки каменного века в Крыму. ИТУАК, № 54, 1918, стр. 362 сл.) и С. Н. Бибикова — относить ее возникновение к энеолиту (см. С. Н. Бибиков. Основные вопросы первобытной истории Крыма. Доклад на Сессии по истории Крыма. Симферополь, 1948. Архив КФ АН СССР) в дальнейших исследованиях не получили подтверждения.

[2] Материалы разведок Л. Н. Соловьева хранятся в фондах Государственного Херсонесского музея.

[3] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки в Инкермане в 1940 г. СА, IX, 1947.

[4] С. Ф. Стржелецкий. Очерки истории Гераклейского полуострова и его округи в эпоху бронзы и раннего железа. Автореферат канд. дисс., М., 1954; Х. И. Крис. Раннетаврское поселение в Инкермане по раскопкам 1948 г. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957; ее же. Поселение кизил-кобинской культуры в балке Ашлама-Дере. Там же; ее же. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, вып. 58, 1959; ее же. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама, близ Бахчисарая. СА, XXIV, 1955; О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951; ее же. Симферопольское раннетаврское поселение. СА, 1958, № 3; П. Н. Шульц. Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму. КСИА, вып. 7. 1957; А. М. Лесков. О хронологии таврских каменных ящиков горного Крыма. КСИА вып. 8, Киев, 1959; И. Т. Кругликова. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г. КСИИМК, вып. 74, 1959; ее же. Поселения эпохи бронзы в Восточном Крыму. СА, XXIV, 1955.

В докладе «О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма» П. Н. Шульц [5] наметил три этапа в развитии кизил-кобинской культуры: ранний этап — II тысячелетие до н. э., средний — первая треть I тысячелетия до н. э., поздний этап — VII—VI вв. до н. э. Рассматривая кизил-кобинскую культуру как культуру ранних тавров горных и южнобережных районов, П. Н. Шульц предложил и периодизацию истории тавров. Таким образом, история тавров ранней поры (первая половина I тысячелетия до н. э.) соответствует среднему и позднему этапу кизил-кобинской культуры. В статье П. Н. Шульца «О некоторых вопросах истории тавров» история ранних тавров (первая половина I тысячелетия до н. э.) соответствует уже не среднему, а раннему этапу кизил-кобинской культуры, дата сложения которой переносится из II тысячелетия до н. э. в пределы первой половины I тысячелетия до н. э. В развитии кизил-кобинской культуры намечаются не три, а четыре этапа: первый — X—IX вв. до н. э., второй — IX—VIII вв. до н. э., третий — VIII—VII вв. до н. э., четвертый — VII—VI вв. до н. э. [6]. Отсутствие подробной аргументации в определении обоих вариантов периодизации, предложенной П. Н. Шульцем, затрудняет их разбор. Следует, однако, отметить в обоих вариантах различную дату возникновения кизил-кобинской культуры.

С. Ф. Стржелецкий в автореферате своей диссертации связывает кизил-кобинскую культуру с поселениями VII—V вв. до н. э., рассматривая поселения предшествующего времени (X—VIII вв. до н. э.) как ранний этап этой культуры [7]. Не затрагивая пока вопроса абсолютной датировки этапов кизил-кобинской культуры, выделенных С. Ф. Стржелецким, отметим, что автор четко определил границу между ними, связывая начало второго этапа с появлением железа в Крыму.

В кандидатской диссертации «Таврская культура в горном Крыму» А. М. Лесков определяет хронологические рамки этой культуры и делит ее на три этапа: ранний — вторая половина IX — начало VI в. до н. э.; средний — VI—V вв. до н. э.; поздний — IV—III вв. до н. э. Следуя за Г. А. Бонч-Осмоловским в вопросе о принадлежности кизил-кобинской культуры таврам, А. М. Лесков, в отличие от Г. А. Бонч-Осмоловского, относит сложение и развитие таврской культуры к эпохе раннего железа [8].

Отсутствие единого мнения о периодизации кизил-кобинской культуры заставляет нас еще раз обратиться к этому вопросу, а также к вопросу об абсолютной хронологии, которая, как нам кажется, приобретает особое значение при изучении культур юга Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Без этого немыслимо вписать археологические культуры в канву тех исторических событий, которые находят свое отражение в письменных источниках.

Обращаясь к вопросу о периодизации, следует оговориться, что в основном мы привлекаем материалы поселений Уч-Баш, Ашлама-Дере, Балаклавского, Сахарной Головки, Инкерманского, Кизил-Коба, Симферопольского, Красногорского (Нейзац). Сложный вопрос о погребальных памятниках кизил-кобинской культуры требует специального изучения; многочисленные группы каменных ящиков с разновременными захоронениями, как нам кажется, не являются достаточно полноценным источником для разработки вопросов хронологии и поэтому не привлекаются. Мы также не привлекаем находки керамики кизил-кобинского типа в крымских пещерах из-за отсутствия публикации этих материалов.

---

[5] П. Н. Шульц. О роли местных племен и народностей в истории древнего Крыма. Тезисы доклада на Сессии по истории Крыма. Симферополь, 1952, стр. 6, 7.

[6] П. Н. Шульц. О некоторых вопросах истории тавров Сб. «Проблемы истории Северного Причерноморья». М., 1959, стр. 243—244.

[7] С. Ф. Стржелецкий. Очерки истории Гераклейского полуострова..., стр. 9.

[8] А. М. Лесков. Таврская культура в горном Крыму. Автореферат канд. диссертации. М., 1961, стр. 2—3.

Как следует из отчетов о раскопках многослойных пещер Замиль-Коба II и Таш-Аир [9], слой с керамикой кизил-кобинского типа слабо насыщен, отсутствие в слое каких-либо сооружений, в том числе столь характерных для поселений кизил-кобинской культуры хозяйственных ям, позволяет рассматривать эти памятники как временные стоянки, связанные с выпасом скота на горных пастбищах.

Исключая, таким образом, ряд памятников, имеющих непосредственное отношение к кизил-кобинской культуре, но не представляющих интереса для рассматриваемого вопроса, мы в ряде случаев обращаемся к материалам курганных погребений, не характерных для кизил-кобинской культуры, но содержащих керамику кизил-кобинского типа, иногда сопровождающуюся хорошо датированными находками.

* * *

Поселения кизил-кобинской культуры, за исключением одного из известных нам (Уч-Баш), расположены на склонах речных долин и балок и представляют собой неукрепленные поселки племен, занимавшихся земледелием, скотоводством, охотой, а на побережье — и морским промыслом. Отличительной чертой этих поселений является большое количество хозяйственных ям, расположенных в жилищах и за их пределами. Пока нам известно сравнительно малое количество жилищ. Кроме керамики, костей животных, предметов домашнего ремесла, в некоторых поселениях найдены каменные и кремневые орудия труда. Вследствие того, что металлические (в том числе бронзовые) изделия встречаются редко, мы вынуждены опираться в вопросах датировки на орудия и керамический материал поселений.

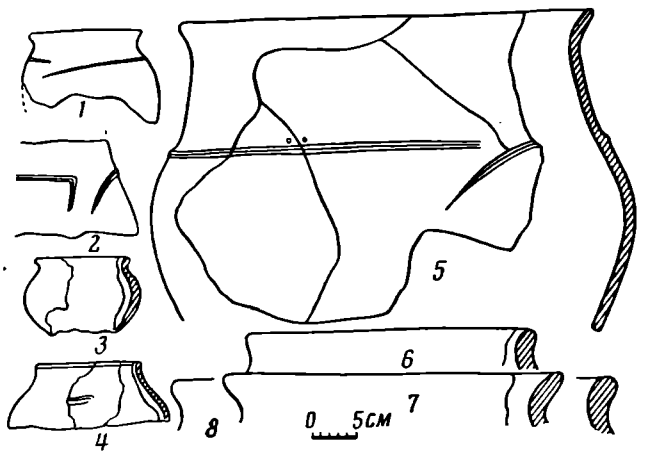


Рис. 1. Грубая керамика поселений первого этапа
1, 3—8 — Ашлама-Дере; *2* — Кизил-Коба

Керамика кизил-кобинских поселений представлена двумя категориями — кухонной посудой и парадной, или столовой. Кухонные сосуды изготовлены из грубого глиняного теста с крупными частицами примеси, наружная поверхность их сглажена, на внутренней — слабое лощение. Эта посуда представлена сравнительно небольшим количеством форм. Чаще всего встречаются сосуды горшковидной формы средних и больших размеров (рис. 1, *1—3*); иногда форма крупных сосудов приближается к котлообразной, отличаясь от горшковидной менее выпуклыми боками и слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 2, *5*). Эти сосуды чаще всего орнаментированы горизонтально расположенным по плечу валиком с одним или двумя опущенными книзу концами. Валик как бы подчеркивает границу между шейкой и плечом сосуда. Иногда на месте валика — прочерченная в виде бороздки линия, тоже с одним или двумя опущенными книзу концами (рис. 1, *2*; 2, *1*).

По глиняному тесту и обработке поверхности к категории кухонной посуды относятся неглубокие тарелки-сковородки с развернутым наружу бортиков и скругленным краем (рис. 2, *6*). К этой же посуде можно от-

[9] Д. А. Крайнов. Предварительный отчет о работах Крымской археологической экспедиции ГИМ 1938 г. Архив ЛОИА, ф. 35, д. № 40.

нести сосуды для хранения типа пифосов [10], а также жаровни [11] диаметром около 1 *м* и крышки сосудов, изготовленные из глины с органическими примесями, вероятно, рубленой соломой.

Парадная посуда отличается от кухонной хорошо промешанным глиняным тестом с мелкими вкраплениями примеси; она более тонкостенна и отделана снаружи (иногда изнутри) лощением. Цвет сосудов черный,

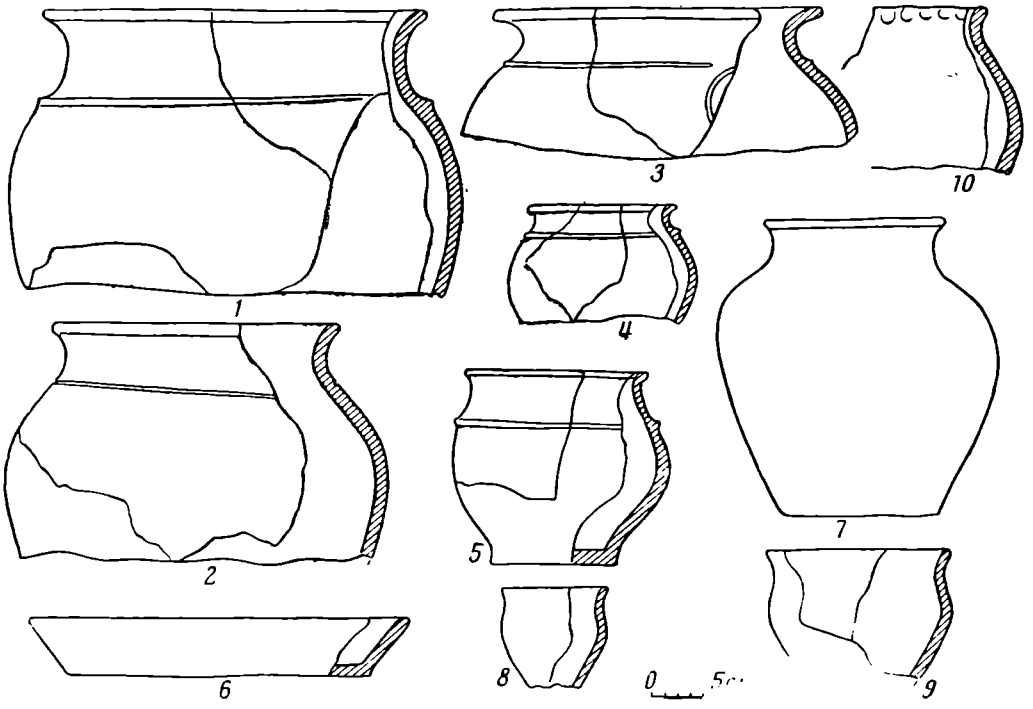


Рис .2. Грубая керамика поселений первого и второго этапов

1—4, 6 — Ашлама-Дере; *5* — Кизил-Коба; *7, 10* — Красногорское (Нейзац); *8, 9* — Симферопольское

сероватый и розовато-бурый. Качество лощения подчас очень хорошее. Лощеные сосуды представлены довольно большим количеством форм. Наиболее характерны: биконическая форма, шаровидная, грушевидная (рис. 3, *2, 5, 7*). В ряде случаев встречаются и сосуды горшковидной формы с лощеной поверхностью (рис. 3, *8*). Биконические сосуды с грубо обработанной поверхностью редки [12]. Разнообразны по формам и размерам лощеные черпаки (рис. 3, *1, 3*). Указанные формы лощеных сосудов бытуют на протяжении всего периода существования кизил-кобинской культуры, претерпевая незначительные изменения, в то время как в различных по времени поселениях встречаются и другие формы сосудов. Так, в наиболее ранних поселениях (Уч-Баш, Ашлама-Дере) распространены глубокие лощеные миски, украшенные у устья косым или вертикальным рельефным валиком. Для поселений этого периода характерны также кубки с высокой ручкой (рис. 3, *5*). В поселениях более позднего времени (Инкерманское, Симферопольское, Красногорское) появляется новая форма лощеных сосудов — с сильно уплощенным шаровидным туловом (рис. 4, *1, 2,*), меняется форма мисок — они становятся неглубо-

[10] С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках раннетаврского поселения Уч-Баш X—VIII вв. до н. э. 1952 г. Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. 769, рис. 38, 39, 75. Обломки венчиков подобных сосудов найдены в поселении Ашлама-Дере (см. в настоящей статье, рис. 1, *6—8*).

[11] С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках таврского поселения на склоне горы Сахарная Головка в 1952 г. Архив ИА АН СССР, д. 849, альбом, рис. 3. Ручка подобной жаровни найдена на поселении Ашлама-Дере; здесь же найдена крышка сосуда.

[12] Фонды Музея пещерных городов в Бахчисарае, инв. № 2545.

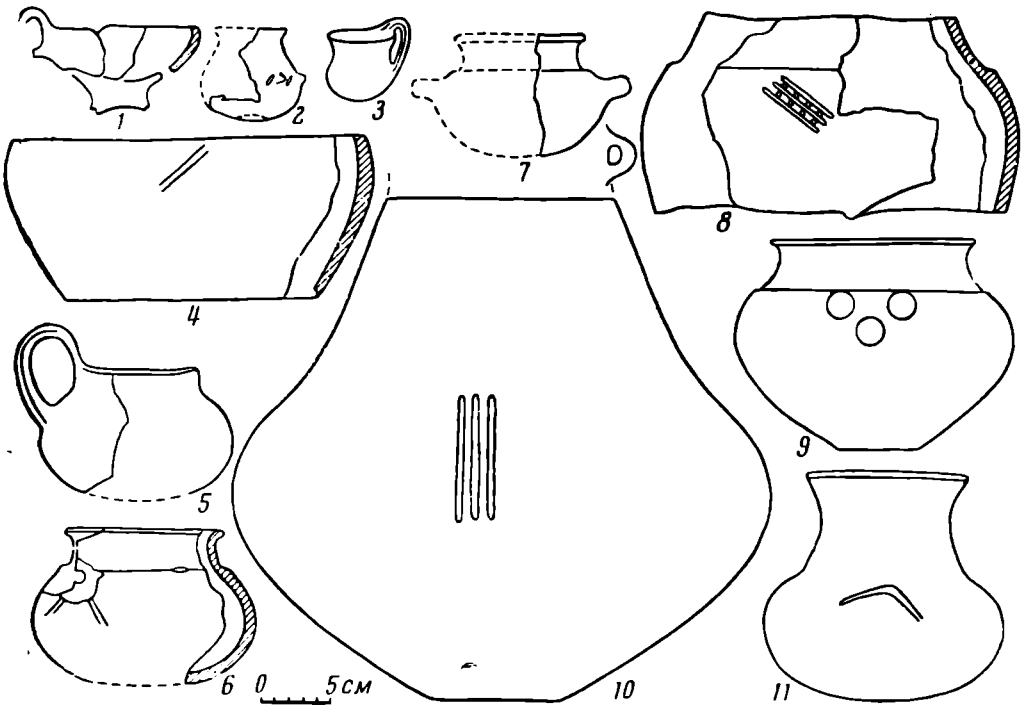


Рис. 3. Лощеная керамика поселений первого этапа

1, 2, 5—9 — Ашлама-Дере; *3* — Балаклавское; *4* — Инкерманское (раскопки 1940 г.); *10, 11* — Кизил-Коба

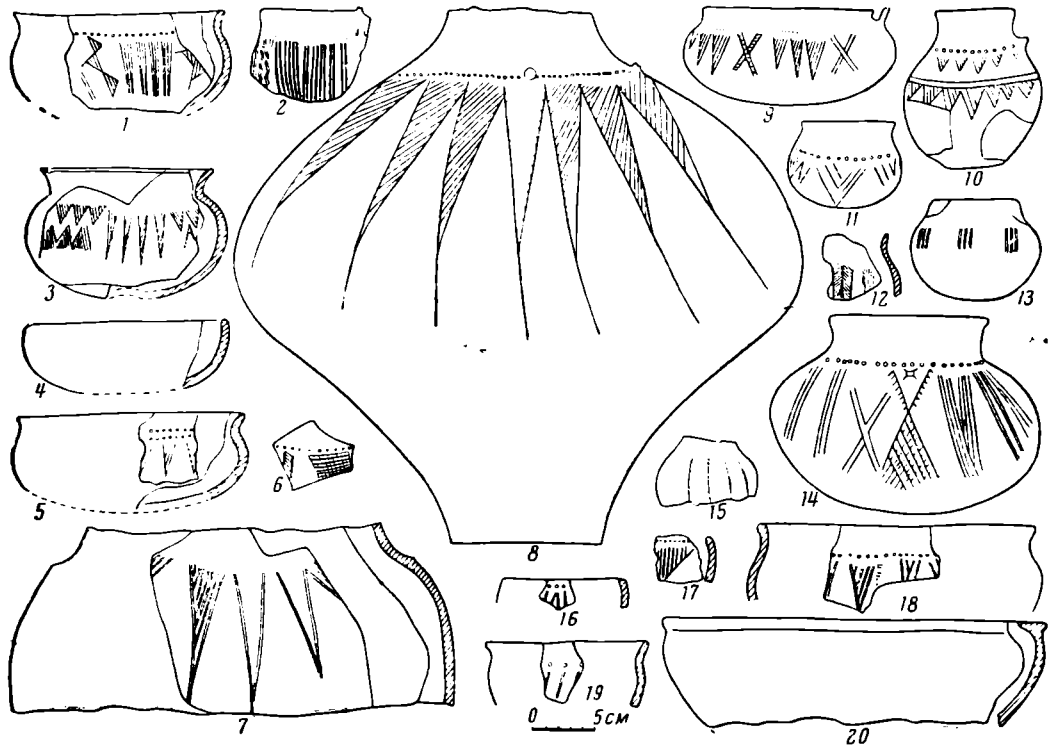


Рис. 4. Лощеная керамика поселений второго этапа

1, 5, 12 — Красногорское (Нейзац); *2—4, 6, 7, 10, 15, 17, 20* — Инкерманское; *8* — поселение у горы Сахарная Головка; *9*— Симферопольское водохранилище, кург. 12, погр. 4; *11, 13, 16, 18, 19* — Симферопольское; *14* — Симферопольское водохранилище, кург. 14

кими, с округлыми стенками, венчик загнут внутрь или расширен, образуя иногда горизонтальное кольцо (рис. 4, *4, 20*). Лощеные сосуды украшены рельефным, желобчатым и резным орнаментом, иногда затертым белой пастой.

По характеру лощеной керамики — ее формам и особенно по орнаменту — поселения кизил-кобинской культуры можно разделить на две группы. К первой группе относятся поселения с лощеной керамикой, украшенной рельефным и желобчатым орнаментом (Уч-Баш, Ашлама-Дере, поселение близ Балаклавы, участок Инкерманского поселения, раскопанный в 1940 г., Кизил-Коба). Для другой группы поселений характерна керамика с резным орнаментом при полном или почти полном отсутствии рельефного орнамента (участок Инкерманского поселения, раскопанный в 1948 и 1950 гг., Красногорское-Нейзац). Керамика Симферопольского поселения и, особенно, поселения у Сахарной Головки содержит элементы как рельефного, так и резного орнамента и занимает, таким образом, промежуточное положение между двумя отмеченными группами.

Для керамики первой группы характерно слабое заполнение поля сосуда орнаментом, который обычно располагается в наиболее широкой части тулова. Это рельефные украшения в виде конических, уплощенно-круглых и овальных выступов, вертикальных или косых валиков, дуговидных налепов, горизонтального валика по плечу сосуда с одним или двумя свисающими вниз концами. Желобчатый орнамент представляет собой заштрихованные треугольники, косые линии, чередующиеся с ямками; подобно рельефному орнаменту он расположен небольшими группами в наиболее широкой части сосуда или опоясывает плечо подобно рельефному валику (рис. 3).

Для поселений с керамикой, украшенной рельефным и желобчатым орнаментом, характерно широкое применение орудий из камня и кремня. Разнообразие кремневого инвентаря и тщательность его обработки (струйчатая ретушь, двухсторонняя обработка всей поверхности, техника микропластины, полирование и сверление) [13] позволяют думать, что металл и, в частности, железо еще не вытеснили каменных орудий труда. Это дает основание указанную группу поселений кизил-кобинской культуры относить к концу бронзового века или к первому этапу существования кизил-кобинской культуры.

Не затрагивая вопроса о происхождении кизил-кобинской культуры и культурных связях в ранний период ее существования, мы не останавливаемся на некоторых чертах сходства ее керамики с керамикой поселений эпохи поздней бронзы степных районов (Белозерский лиман, Сабатиновка, Ушкалка, Бабино IV). Отсутствие полной ясности в хронологии этих поселений не позволяет пока опираться на эти памятники в вопросах датировки.

Обращаясь к вопросу датировки первого этапа существования кизил-кобинской культуры, отметим, что С. Ф. Стржелецкий, раскопавший наиболее раннее поселение в урочище Уч-Баш, ориентировочно относил его к X—VIII вв. до н. э. «Сопоставление форм сосудов, орудий, орнаментации с аналогичными материалами округи Черноморского бассейна,— писал он,— выявило ряд общих черт на Кавказе и установило наибольшую близость их с материалами так называемой чернолесской и, особенно, белогрудовской культуры на Украине» [14].

Представляется возможным более точно определить время возникновения кизил-кобинской культуры на основании найденных на поселении Уч-Баш костяных наконечников стрел и обломка костяного псалия. А. И. Тереножкин пишет: «...Наконечники стрел белогрудовской культу-

[13] Х. И. Крис. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы..., стр. 194—195, рис. 4, *5*.

[14] С. Ф. Стржелецкий. Очерки истории Гераклейского полуострова..., стр. 11—13.

ре еще неизвестны. Наиболее ранний из известных нам наконечников стрел предскифского периода в Среднем Поднепровье относится к началу чернолесского времени... На памятниках собственно чернолесского времени наконечники стрел встречаются довольно часто»[15]. И далее: «... Чернолесскому набору стрел аналогичны костяные наконечники стрел с раннего поселения кизил-кобинской культуры в урочище Уч-Баш, где представлены листовидные, ромбические в разрезе и с выемкой в основании наконечники стрел и четырехгранные наконечники с пирамидальным верхом»[16]. Обломок костяного псалия с тремя параллельными отверстиями, найденный в Уч-Баше, аналогичен псалию из верхнего яруса культурного слоя Субботовского городища[17], что позволяет также относить его к чернолесскому времени.

Распространение лощеных корчаг с широкими, горизонтально отогнутыми краями, коническим горлом и широким корпусом, сужающимся к небольшому плоскому дну,— сосудов вилановского типа А. И. Тереножкин относит к чернолесскому времени (800—650 гг. до н. э.); первое появление этих сосудов он связывает с периодом развитой чернолесской культуры[18]. К этому же времени относится появление сосудов, подражающих сосудам культуры вилланова, в районах лесостепной Молдавии, в памятниках типа Шалданешты, которые датируются второй половиной VIII — началом VII в. до н. э.[19].

В поселениях кизил-кобинской культуры первого этапа ее развития также распространены сосуды типа вилланова, в которых, за редким исключением, орнамент в виде каннелюр почти утрачен.

Все это дает возможность на основании хорошо датированных памятников чернолесской культуры на Украине и синхронных ей памятников лесостепной Молдавии установить абсолютную дату возникновения кизил-кобинской культуры — VIII в. до н. э., и, возможно, даже не начало VIII в. до н. э., а несколько более позднее время.

Не затрагивая пока вопроса о продолжительности существования поселений первого этапа кизил-кобинской культуры, следует отметить, что жизнь на этих поселениях не прекратилась в какой-то определенный момент; в некоторых случаях поселения существуют длительное время (поселение у Сахарной Головки и Инкерманское), переходя во второй этап. В керамике поселений второго этапа появляются черты, резко отличающие ее от керамики поселений первого этапа. В простых сосудах, изготовленных из грубой глины, сохраняется горшковидная форма, но исчезает характерный валик, опоясывающий плечо сосуда (рис. 2, *7*). В поселениях второго этапа, как уже было отмечено, отсутствуют лощеные кубки с высокой ручкой, но появляются сосуды средних и малых размеров с уплощенно-шаровидным туловом, богато орнаментированные резным узором (рис. 4, *3, 5*). Орнамент покрывает почти все поле сосуда. Резные линии образуют бахрому из заштрихованных треугольников с опущенными книзу вершинами или пояс из двойного ряда заштрихованных треугольников, обращенных вершинами друг к другу. Этот узор дополняется пояском из ямок по плечику сосуда. Иногда орнамент нанесен гребенчатым штампиком в виде двойных или тройных вертикальных полос, чередующихся с зигзагообразной линией. Встречается орнамент в виде заштрихованных ромбов (рис. 4. *6*).

Как мы видим, не только характер орнамента, но и его расположение

[15] А. И. Тереножкин. Предскифский период в Днепровском лесостепном Правобережье. Докторская диссертация. Архив ИА АН СССР, Р—2, № 1440, 1958, стр. 269—270.

[16] Там же, стр. 274.

[17] Там же, альбом иллюстраций, ч. II, Р—2, 1443 А, табл. 3, *1*.

[18] Там же, стр. 250.

[19] А. И. Мелюкова. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии. Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев, 1960.

резко отличают керамику поселений первого и второго этапов кизил-кобинской культуры.

Однако, несмотря на столь резкие различия в керамике поселений первого и второго этапов, на некоторых поселениях (Симферопольское и у Сахарной Головки [20]) встречается керамика, характерная для поселений и первого, и второго этапа. На некоторых сосудах из этих поселений наблюдается сочетание рельефного и резного орнамента (рис. 4, *10*). Это обстоятельство, наряду с преемственностью некоторых керамических форм, указывает на непрерывное развитие культуры. Известные нам поселения кизил-кобинской культуры при их исследовании не обнаружили четкой стратиграфии, но резкие отличия в керамике поселений обоих этапов позволяют проследить (на примере Инкерманского поселения) своеобразную «топографическую» стратиграфию. Так, часть поселения, исследованная в 1940 г., была расположена у места впадения Черной речки в бухту и содержала керамику, характерную для поселений первого этапа (керамика с налепным валиком, лощеные кубки с высокой ручкой) [21]. Раскопы 1948 и 1950 гг. находились выше по склону и выявили полное отсутствие валика в орнаменте посуды и исчезновение кубков с высокой ручкой при широком распространении резного орнамента. Это может служить одним из примеров непрерывного существования поселения на протяжении обоих этапов развития кизил-кобинской культуры.

Мы сделали попытку определить абсолютную дату возникновения кизил-кобинской культуры. Материалов раскопок поселений еще недостаточно для выяснения даты конца первого этапа этой культуры. Однако непрерывность существования кизил-кобинской культуры и определение начальной даты второго этапа ее развития позволят найти временной рубеж между обоими этапами. Для датировки второго этапа могут быть использованы прежде всего материалы поселений, керамика которых не содержит рельефного и желобчатого орнамента, характерного для первого этапа. Кроме того, поселения второго этапа отличаются от предшествующего периода полным отсутствием кремневых орудий и других орудий из камня, применением железных орудий. К таким поселениям можно отнести часть Инкерманского (раскопанную в 1948—1950 гг.) и Красногорское (Нейзац).

Инкерманское поселение (указанная часть) датируется на основании обломков античной керамики от VI в. до н. э. до эпохи эллинизма [22]. Можно указать также на довольно часто встречающуюся на поселении своеобразную форму лощеных мисок с плоской горизонтальной закраиной и оттянутым внутрь краем (рис. 4, *20*), которая находит аналогию в Херсонесском некрополе, в погребении IV—III вв. до н. э. [23]. Форма архаического бронзового наконечника стрелы, встреченная на Красногорском поселении, позволяет датировать последнее рубежом VII—VI вв. до н. э.

Симферопольское поселение представляет для нас интерес не столько для установления начальной даты второго этапа, сколько для определения конечной даты существования поселений кизил-кобинской культуры. По обломку костяного псалия [24] его относят к концу VII — началу VI в. до н. э. Этому вполне соответствует наличие в керамическом комплексе небольшого числа обломков с валиком по плечу и желобчатым орнаментом. Наличие этих элементов и ряда других признаков (обломки

---

[20] С. Ф. Стржелецкий. Отчет о раскопках таврского поселения на склоне горы Сахарная Головка.

[21] Фонды Музея пещерных городов, инв. № 4283.

[22] Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане, стр. 44.

[23] С. Ф. Стржелецкий. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 г. Херсонесский сборник, вып. 4, Симферополь, 1948, стр. 88.

[24] О. Д. Дашевская. Раскопки Симферопольского поселения..., стр. 117, 118.

каменного сверленого топора и обломок кремневого наконечника дротика) позволяет предположить, что Симферопольское поселение начало свое существование в конце первого этапа, но в основном относится ко второму этапу.

В керамическом комплексе Симферопольского поселения имеются сосуды, мало характерные для поселений кизил-кобинской культуры. Форма их приближается к баночной (один сходный сосуд малых размеров известен из раскопок Инкерманского поселения) [25], иногда это глубокие миски или невысокие горшки (рис. 2, *8, 9*), которые напоминают сосуд из керамического комплекса Неаполя скифского III—II вв. до н. э. [26] (сосуд из Неаполя снабжен ручкой и поэтому отнесен к категории ковшей). Из Красногорского поселения известен обломок венчика горшка с защипами по краю, что характерно для скифской керамики (рис. 2, *10*).

В той части Инкерманского поселения, которая относится ко второму периоду существования кизил-кобинской культуры, и в Симферопольском поселении имеются сосуды, которые по форме напоминают неглубокие горшки или миски со слабо выраженной шейкой и едва отогнутым венчиком или слегка загнутым внутрь краем (рис. 4, *16, 19*); поверхность их слегка подлощена, а в верхней части расположен орнамент из пояска ямок или небрежно заштрихованных треугольников. Несмотря на то, что элементы орнамента те же, что на сосудах реповидной формы, он резко отличается от них небрежностью исполнения и расположением только вокруг венчика и производит впечатление деградирующего богатого резного орнамента, характерного для начала второго этапа.

Заслуживают внимания также обломки лощеной керамики с резным орнаментом, найденные в нижнем слое Неаполя скифского [27]. Орнамент несколько отличается от резного орнамента, характерного для поселений второго этапа кизил-кобинской культуры.

Орнамент в виде тонких прочерченных линий, пересеченных косыми короткими черточками, иногда образующими елочку, встречается и в Красногорском поселении (рис. 4, *12*), Инкерманском (рис. 4, *15*), а также в поселении у дер. Айвазовская [28]. Особенно много общих элементов орнамента в виде лесенки или заштрихованной полосы следует отметить для Айвазовского и Инкерманского поселений [29]. При раскопках поселения у дер. Айвазовская был вскрыт участок, где отсутствовала лощеная керамика с резным орнаментом (раскоп III); этот участок датируется IV—III вв. до н. э. на основании амфорного материала. По мнению И. Т. Кругликовой, лощеная орнаментированная керамика связана здесь с поселением более раннего времени, которое находилось северо-западнее раскопа III [30]. Это дает основание датировать часть поселения с лощеной орнаментированной керамикой временем ранее III в. до н. э., может быть, IV в. до н. э.

Вероятно, этим же временем можно датировать лощеные орнаментированные обломки керамики, найденные в нижнем слое Неаполя скифского. Этому не противоречит и общепринятая дата возникновения Неаполя.

Таким образом, керамика поселений второго этапа развития кизил-кобинской культуры позволяет наметить конечную дату в пределах IV в. до н. э. Материалы раскопок каменных ящиков в Байдарской долине, произведенных в 1956—1957 гг., не противоречат нашему выводу, так как дати-

---

[25] Х. И. Крис. Раннетаврское поселение в Инкермане, стр. 52, рис. 3.

[26] О. Д. Дашевская. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма. МИА, № 64, 1958, стр. 251, рис. 1, *20*.

[27] Там же, рис. 1, *34—38*.

[28] И. Т. Кругликова. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г., стр. 72, рис. 30, *7*.

[29] Там же, рис. 30, *1, 2, 10*; Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане, стр. 43, рис. 11.

[30] И. Т. Кругликова. Ук. соч. стр. 70, 71

руются по обломкам античной керамики IV—III вв. до н. э., а некоторые — IV в. до н. э. [31]. Находок III в. до н. э. здесь нет.

Попытка А. М. Лескова наметить третий этап в истории тавров горного Крыма [32] и отнести его к эллинистическому времени (IV—III вв. до н. э.) не находит подтверждения в археологическом материале. Убежище Козукулак-Кая, где найден разновременный материал, не может служить опорой в решении вопросов датировки. Нижний слой городища Альма-Кермен, где, по мнению А. М. Лескова, найдена таврская керамика, датируется IV в. до н. э.[33]. Лощеная керамика с резным орнаментом из Айвазовского поселения, как отмечает И. Т. Кругликова, находилась в наиболее ранней части поселения, которая предшествовала появлению греческого импорта IV—III вв. до н. э.[34].

Таким образом, привлеченный материал не может быть отнесен к эпохе эллинизма, а предшествует ей или захватывает лишь начальную пору эллинистической эпохи.

Устанавливая конечную дату поселений второго этапа развития кизил-кобинской культуры — IV в. до н. э., следует отметить, что О. Д. Дашевская обратила внимание на локализацию скифских поселений в Крыму на местах более ранних поселений кизил-кобинской культуры [35]. Она, однако, предполагала хронологический разрыв между ними в два века, так как конец существования кизил-кобинских поселений относила к VI в. Отсутствие, с нашей точки зрения, хронологического разрыва между поздним этапом кизил-кобинских поселений (IV в. до н. э.) и возникновением скифских городищ, вероятно, позволит объяснить причины исчезновения поселений кизил-кобинской культуры.

Возникнув в VIII в. до н. э., эти поселения просуществовали до IV в. до н. э., пережив два этапа в своем развитии — с VIII по рубеж VII—VI вв. до н. э. и с рубежа VII—VI вв. до IV в. до н. э. Первый этап характеризуется, как уже сказано выше, рельефным и желобчатым орнаментом в керамике, отсутствием металлических орудий, применением камня и кремня для изготовления орудий труда и поэтому может быть отнесен к концу бронзового века в горном и предгорном Крыму. Для второго этапа характерен резной орнамент в керамике, начало применения железных орудий, отсутствие каменных орудий труда, поэтому мы относим его к началу железного века.

Именно в это время в предгорном Крыму появляются курганные захоронения с сосудами кизил-кобинского типа. Так, впускное погребение № 4 12-го кургана Симферопольского водохранилища сопровождалось кизил-кобинским сосудом (рис. 4, *9*) и бронзовым трехлопастным архаическим наконечником стрелы с шипом, который датирует погребение рубежом VII—VI вв. до н. э.[36]. Вытянутое положение костяка и захоронение в кургане, не характерное для кизил-кобинской культуры, позволяет рассматривать это захоронение, как и подобные ему, не как кизил-кобинское, а как скифское. Рассматриваемое погребение было впущено в курганную насыпь эпохи ранней бронзы, но соседний курган, № 14, содержал единственное вытянутое захоронение, тоже сопровождавшееся

---

[31] А. М. Лесков. О хронологии таврских каменных ящиков..., стр. 164—165.

[32] А. М. Лесков. Таврская культура в горном Крыму, стр. 3, 8—9; его же. Таврская культура в горном Крыму вт. пол. IX—III в. до н. э. Рукопись кандидатской диссертации. Архив ИА АН СССР, Р-2,. № 1722, стр. 14, 48—50.

[33] Е. В. Веймарн. Отчет о работе горного отряда археологической экспедиции КФ АН УССР и Бахчисарайского музея в 1954 г., Архив ИА АН СССР, № 996, ч. II; Н. А. Богданова. Раскопки на городище Альма-Кермен у с. Заветное. Архив Ин-та археологии АН УССР, 1954/39.

[34] И. Т. Кругликова. Ук. соч., стр. 71.

[35] О. Д. Дашевская. Скифские городища Крыма. Автореферат канд. диссертации. М., 1954, стр. 4.

[36] П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 61.

кизил-кобинским сосудом (рис. 4, *14*), что позволяет с большей уверенностью говорить об этнической принадлежности курганных захоронений с кизил-кобинской керамикой. Появление скифов в Крыму в VI в. до н. э. археологически засвидетельствовано ранними курганами и, таким образом, не противоречит высказанному предположению об этнической принадлежности погребенных в курганах с кизил-кобинскими сосудами.

Еще одним подтверждением для отнесения этих захоронений к скифским являются более поздние захоронения V—IV вв. до н. э. с вытянутым положением погребенного, головой на запад, в инвентарь которых входят предметы скифского вооружения и лощеный орнаментированный сосуд кизил-кобинского типа [37].

Можно думать, что с появлением в Крыму кочевых скифов, курганные захоронения которых сохранились в предгорной части Крыма, поселения кизил-кобинской культуры не прекратили своего существования. Скифские захоронения, сопровождавшиеся керамикой кизил-кобинского типа, указывают на взаимопроникновение этих культур, которое наблюдалось во второй период существования кизил-кобинской культуры до появления укрепленных скифских городищ.

Свидетельство Геродота о таврах, населявших «страну гористую и выступающую в Понт» [38], бесспорно позволяет отождествлять тавров с носителями кизил-кобинской культуры не только второго, но и первого этапов ее развития, о чем свидетельствуют длительно существовавшие поселения, отражающие оба этапа развития кизил-кобинской культуры, а также преемственность керамических форм. Однако можно ли ставить знак равенства между понятиями таврская культура и кизил-кобинская культура? Нам представляется, что нет, ибо под кизил-кобинской культурой мы понимаем археологическую культуру, известную в горном и предгорном Крыму с VIII по IV в. до н. э. Для более позднего времени памятники кизил-кобинской культуры пока неизвестны. Письменные же источники упоминают тавров вплоть до IV в. н. э.

О том, что эти понятия нельзя считать абсолютно идентичными, говорит, например, отсутствие поселений первого этапа кизил-кобинской культуры на южном берегу Крыма при очень большой насыщенности этого же района каменными ящиками — погребальными сооружениями тавров геродотового времени. Это кажущееся несоответствие, возможно, удастся понять, когда будут уточнены границы распространения кизил-кобинской культуры на каждом этапе ее развития.

При этом следует отметить, что для определения памятников первого этапа руководящим признаком может служить керамика, так как сочетание форм керамики, соотношение простой и лощеной отличают Юго-Западный Крым не только от Восточного Крыма [39], но и от поселений эпохи поздней бронзы на Нижнем Днепре [40], где встречены близкие формы в простой керамике, но слабо распространена лощеная керамика.

Поселения второго этапа по керамическому материалу выделить значительно труднее, так как лощеную орнаментированную керамику с резными линиями и ямками, характерную для поселений второго этапа можно встретить и в других районах Северного Причерноморья: на Нижнем Буге, в Прикубанье, на Северном Кавказе. Подчас наблюдается поразительное сходство в лощеной керамике; так, некоторые фрагменты из Змейского поселения на Северном Кавказе [41] кажутся взятыми из ком-

---

[37] Т. Н. Троицкая. Находки из скифских курганов Крыма. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 175, 176.

[38] Геродот. История, т. IV, 99—100. ВДИ, 1947, № 2, стр. 277.

[39] И. Т. Кругликова. Поселения эпохи поздней бронзы в Восточном Крыму.

[40] В. А. Ильинская. Поселение эпохи поздней бронзы у с. Бабино. КСИА, вып. 5, Киев, 1955, стр. 19 сл., табл. 1, *2*, *15*.

[41] Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КСИИМК, вып. 78, 1960, стр. 107 сл., рис. 39.

плекса Инкерманского поселения, очень близки орнаментальные мотивы и формы лощеных сосудов Симферопольского поселения и Березани [42], поэтому лощеная керамика с резным орнаментом не может служить критерием для выделения памятников тавров на втором этапе развития кизил-кобинской культуры (во всяком случае, до более подробного изучения форм этой керамики, ибо в настоящее время мы располагаем очень фрагментарным материалом).

С полной уверенностью мы можем говорить о таврских памятниках в районе распространения кизил-кобинской культуры в предгорном и горном Крыму, что совпадает со свидетельством Геродота.

Не только для решения, но даже для постановки вопроса о происхождении кизил-кобинской культуры прежде всего необходимо отыскание и исследование памятников предшествующего периода на территории Юго-Западного Крыма. Те черты сходства, которые наблюдаются в лощеной керамике поселений первого этапа с культурой фракийского гальштата не могут полностью ответить на интересующий нас вопрос, ибо простая керамика находит аналогии в поселениях эпохи поздней бронзы в степных районах Северного Причерноморья.

Есть ли основания для предположения о кавказском происхождении кизил-кобинской культуры? [43] Нам кажется, что нет. Прежде всего не наблюдается сходства в керамике ранних поселений кизил-кобинской культуры с синхронными памятниками на Кавказе. Так, в Каменномостском могильнике [44], датирующемся VIII в. до н. э., лощеная керамика резко отличается от кизил-кобинской не только по орнаменту, но и по формам. Трудно себе представить связь кизил-кобинской культуры с Кавказом на раннем этапе ее развития еще и потому, что в это время в памятниках кизил-кобинской культуры почти не встречаются бронзовые изделия. Случайно ли это? Вероятно, нет, ибо поселения раннего этапа характеризуются широким распространением каменных и кремневых орудий труда и высоким уровнем кремневой техники, что наблюдается в культурах бронзы, бедных металлом.

С появлением железных изделий в Крыму на рубеже VII—VI вв. до н. э., когда начинается второй этап в развитии кизил-кобинской культуры, культурная замкнутость уступает место более тесному общению с племенами Северного Причерноморья и Кавказа. Из степных районов проникают кочевые скифы, оставившие в предгорьях курганные могильники. В каменных ящиках горного Крыма, кроме предметов скифского вооружения, появляется большое количество бронзовых украшений, широко известных в одновременных могильниках Северного Кавказа [45].

На основании исследованных памятников кизил-кобинской культуры мы можем сейчас говорить о времени ее бытования — с VIII по IV в. до н. э. Первый этап относится к концу эпохи бронзы.

Время с VII—VI вв. до н. э. по IV в. н. э. соответствует эпохе раннего железа в Крыму. Начало этого этапа совпадает с появлением кочевых скифов в районах предгорного Крыма, конец — с появлением скифских укрепленных городищ.

---

[42] Матеріали з археології Північного Причерноморья, вып. II, Одесса, 1959, табл. 1.

[43] А. М. Лесков. Таврская культура в горном Крыму. Автореферат канд. диссертации. М., 1961.

[44] МИА, № 3, 1941, стр. 43, табл. III.

[45] Е. И. Крупнов. Археологические памятники р. Терека и бассейна р. Сунжи. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1948, стр. 29, рис. 24; В. В. Бобин. Черты сходства культуры древнего населения Крыма и Северного Кавказа времени перехода от бронзы к железу. Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 54 сл.

М. А. ДЭВЛЕТ

К ВОПРОСУ О ТАГАРО-ТАШТЫКСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ

(По материалам сосудов из Большого Тесинского кургана. Хельсинкский музей)

В Национальном музее г. Хельсинки хранится ценный археологический материал, вывезенный из Южной Сибири экспедицией, которая была организована Финляндским археологическим обществом в 1887—1889 гг. Среди археологических собраний, составленных в результате раскопок финской экспедиции в бассейне Верхнего и Среднего Енисея, видное место занимают материалы Большого Тесинского кургана. Этот курган, находившийся около с. Тесь, на левом берегу притока Енисея, р. Тубы, был раскопан в 1889 г. финской экспедицией под руководством профессора Гельсингфорского университета И. Р. Аспелина, при участии Х. Аппельгрена-Кивало и доктора А. Х. Снельмана. Курган является памятником III, переходной к тыштыку стадии тагарской культуры и датируется по погребальной конструкции и инвентарю началом I в. до н. э.

И. Р. Аспелин лишь суммарно описал раскопки Большого Тесинского кургана [1]; впоследствии на основании полевых дневников проф. А. М. Тальгрен издал материалы раскопок И. Р. Аспелина [2]. Однако ни И. Р. Аспелин, ни А. М. Тальгрен не уделили должного внимания керамике, представляющей собой самый большой, разнообразный и, пожалуй, наиболее интересный из известных комплексов тагарской глиняной посуды.

И. Р. Аспелин опубликовал всего один сосуд и следующее описание: «Неповрежденных глиняных сосудов было 14, а разбитых, вероятно, всего штук 30. Большинство из них на одной ножке, стоячие и снабженные ушками, как и известные бронзовые котлы» [3]. А. М. Тальгрен в своей публикации поместил небольшую таблицу керамики и дал более развернутую ее характеристику: «Глиняная посуда двух типов: а) миниатюрные низкие сосуды (около 100—150 *см*) (правильно — 10—15 *см.— М. Д.*) на ножке с двумя торчащими кверху ручками; б) низкие сосуды без орнамента, похожие на цветочные горшки около 130 *см* высотой и 114 *см* (правильно — 13—14 *см.— М. Д.*) в диаметре отверстия. На первых часто имеется рельефный орнамент, состоящий из маленьких шишечек вдоль края горшка или из ленты, идущей параллельно обрезу края; иногда лента не делает полного оборота. Все эти орнаменты явно являются подражанием металлическим вазам. Типа а) имеется 18 штук с двумя ручками... и 24 без ручек..., типа б) 16(+4).., не считая неподобранных обломков» [4].

В нашем распоряжении имеются материалы по 48 сосудам. Анализируя керамический комплекс Большого Тесинского кургана, мы попытаемся проследить, какие традиционные тагарские элементы имеются в нем и

---

[1] I. R. Aspelin. Die Steppengraber im Kreise Minussinsk am Jenissei. Finnisch-Ugrische Forschungen, т. XII, ч. 1—2, Helsingfors — Leipzig, 1912, стр. 1—18.

[2] A. M. Tallgren. Trouvailles tombales siberiennes en 1889. Le kourgane de Tes. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXIX—2, Helsingfors, 1921.

[3] I. R. Aspelin. Ук. соч., стр. 7.

[4] A. M. Tallgren. Ук. соч., стр. 9—10.

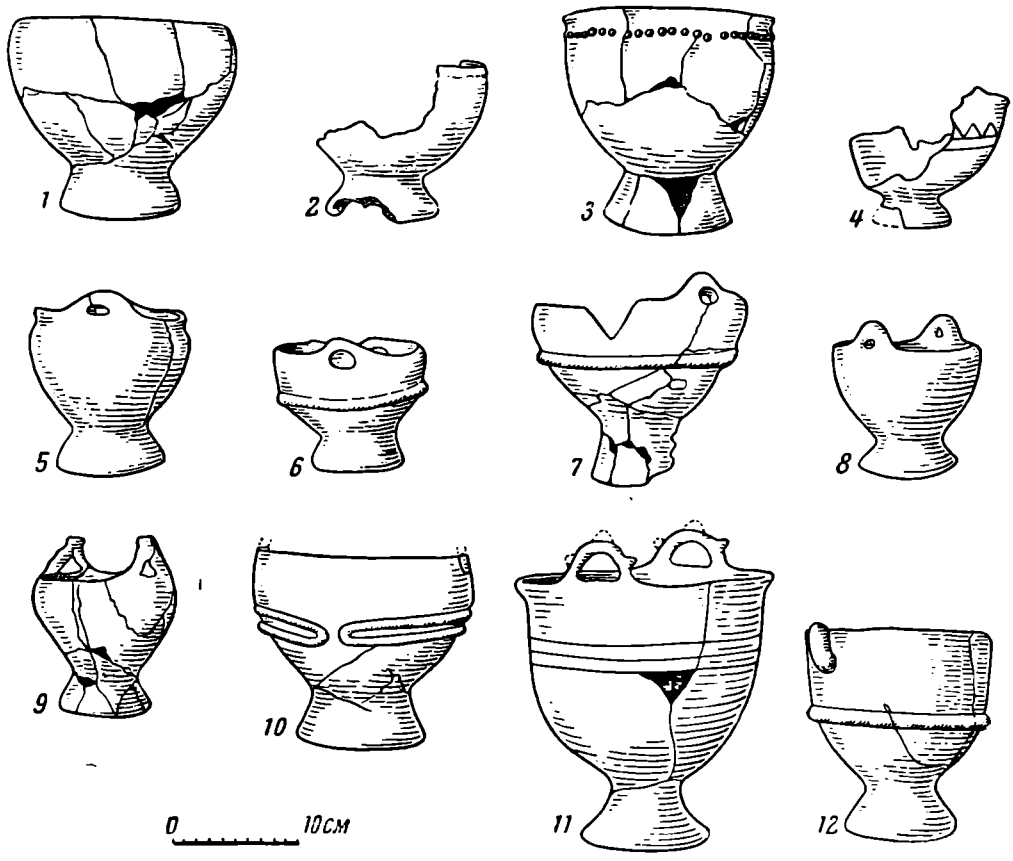


Рис. 1

каковы те новые особенности, которые зарождаются в переходный тагаро-таштыкский период и становятся характерными для керамики последующей таштыкской эпохи.

По характеру строения дна глиняную посуду Большого Тесинского кургана можно разделить на две группы: на коническом поддоне и плоскодонную. Плоскодонная керамика, представленная 16 образцами, разделяется на баночный, чашеобразный, плечный и четырехгранный типы. Сосуды на коническом поддоне (32 экз.) делятся в свою очередь на типы: кубковидный, котловидный, рюмковидный.

I. Сосуды на поддоне. Появление сосудов на поддоне, по-видимому, можно отнести еще к дотагарскому времени. На территории Хакасско-Минусинской котловины известен сосуд из карасукского могильника у улуса Федорова (раск. А. Н. Липского, 1953 г.) [5] с усеченно-яйцевидным туловом на маленьком, низком, неразвитом поддоне, с рядом косых насечек по венчику. Принадлежность данного сосуда к карасукской культуре не вызывает сомнений, так как в том же могильнике найдено несколько сосудов, почти тождественных по характеру теста, технике изготовления, орнаменту, форме тулова; однако сосуды эти были круглодонны. Таким образом, сосуды на коническом поддоне имеют местное происхождение. В нашем распоряжении имеется 32 сосуда на поддоне, из которых 7 экз. представлены лишь нижней частью тулова и поддоном, поэтому мы лишены возможности произвести их типологическое определение.

Кубковидный тип в Большом Тесинском кургане представлен четырьмя сосудами.

1. Два экземпляра сосудов на полом коническом поддоне с тщательно заглаженной темно-серой поверхностью, неорнаментированные, высота их меньше, чем величина большого горизонтального диаметра (рис. 1,

[5] Хранится в Абаканском музее.

1, 2). Подобные сосуды широко распространены в курганах II стадии тагарской культуры.

2. Сосуд с полусферическим, несколько вытянутым кверху туловом, на высоком коническом полом поддоне, с еле заметно суженным горлом и слабо отогнутым наружу венчиком, темно-серого цвета, лощеный. В подвенчиковой части сосуда расположена орнаментальная линия из бугорков, выдавленных изнутри деревянной палочкой-тычком [6] (рис. 1, *3*). Аналогичный по форме сосуд был обнаружен С. В. Киселевым в кургане Усть-Тесь № 5 (погребение IV) [7], датируемом первым этапом I стадии тагарской культуры [8]. Этот наиболее ранний из известных в тагарское время кубковидных сосудов тоже украшен под венчиком бугорчатым орнаментом, но, в отличие от орнамента сосуда Большого Тесинского кургана, расположенного по вытянутой линии, на сосуде из кургана Усть-Тесь № 5 бугорки группируются по три, образуя как бы треугольники.

Бугорчатый орнамент, зародившийся в конце карасукской эпохи [9], стал излюбленным в тагарское время и дожил до раннеташтыкской эпохи, где встретился, правда, всего один раз [10]. Кубковидный сосуд из Большого Тесинского кургана отличается отогнутостью венчика, отсутствующей у архаичного раннетагарского сосуда. Развернутый венчик в дальнейшем станет особенно типичным для таштыкских кубковидных сосудов Последние по форме напоминают серебряные кубки, случайно находимые в Хакасско-Минусинских степях.

Таким образом, рассматриваемый сосуд из Большого Тесинского кургана представляет собой как бы дальнейшее развитие форм раннетагарских кубковидных сосудов.

3. Сосуд с вытянутым полусферическим туловом на низком полом коническом поддоне, с еле намечающимся венчиком, изготовленный из довольно грубого теста, принявшего после обжига светло-коричневый цвет. Орнаментирован двумя горизонтальными резными линиями и одной ломаной, образующей ряд треугольников вершинами вверх (рис. 1, *4*). Резная техника нанесения орнамента, редкая в эпоху тагарской культуры [11], в таштыкское время получает широкое распространение [12]. Орнамент в виде резных треугольных фестонов известен на фрагментах сосудов из Большого Уйбатского кургана [13]. Резные треугольники [14], иногда вписанные один в другой [15], иногда заштрихованные резными линиями [16], получают распространение в таштыкское время. Резные линии, образующие горизонтальные пояски, совпадают с орнаментом на таштыкских баночных сосудах. Следует отметить также, что на рассматриваемом кубковидном сосуде из Большого Тесинского кургана орнамент размещается

---

[6] О технике нанесения орнамента см. Ю. С. Гришин. Производство тагарской эпохи. Кандидатская диссертация. М., 1956, стр. 221. Хран. в Гос. библиотеке им. В. И. Ленина.

[7] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Минусинск, 1929, табл. IV, *1*. Сосуд хранится в Минусинском музее, инв. № 11051.

[8] О выделении этапов I стадии тагарской культуры см. М. А. Дэвлет. Погребальные сооружения тагарской культуры. Вестник МГУ, 1958, № 4.

[9] С. В. Киселев. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. СА, III. 1937, стр. 164—165.

[10] Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха. М., 1960, стр. 73.

[11] Ю. С. Гришин. Ук. соч., стр. 220.

[12] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 61.

[13] Там же, рис. 15, *1, 2*.

[14] А. Н. Липский. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии. Краеведческий сборник. Абакан, 1956, табл. 4, *4*.

[15] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. XLIV, *2*; Л. Р. Кызласов. Ук. соч., табл. 4, *86*.

[16] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, табл. XLIV, *3, 6—8*; Л. Р. Кызласов. Ук. соч., табл. 4, *45, 84*.

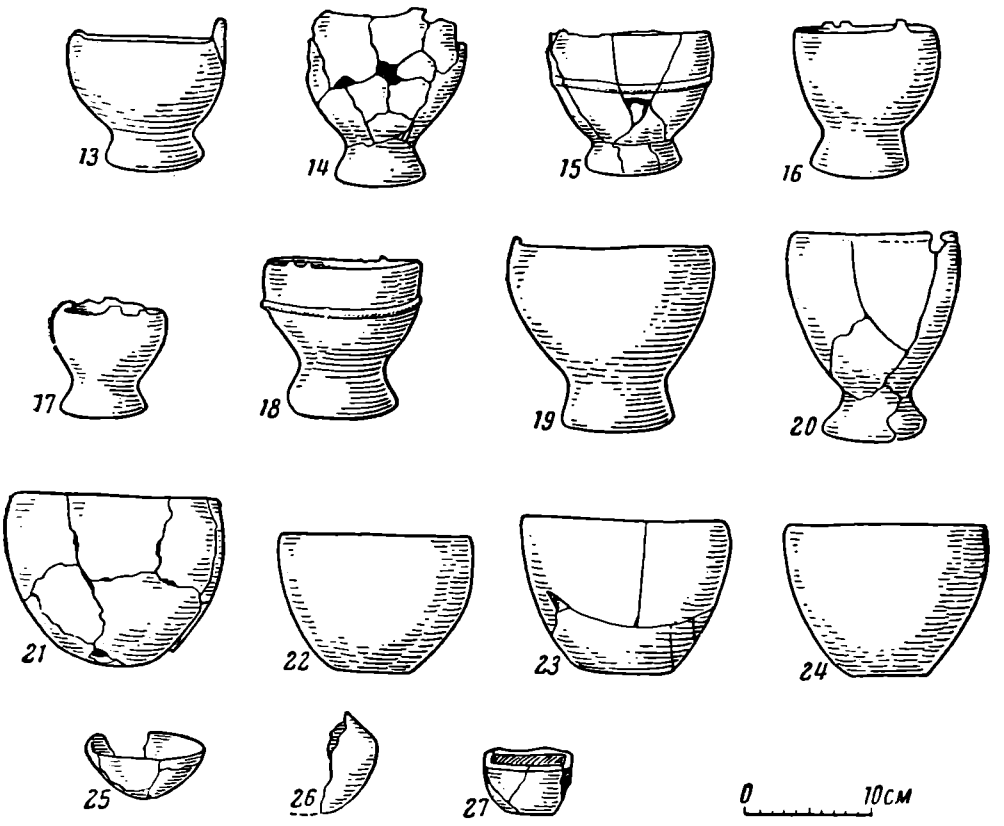


Рис. 2

не у верхнего края сосуда под венчиком, как было принято в тагарской культуре, а на его боках. Итак, орнаментальная композиция находит себе аналогии в таштыкской керамике и не может быть сближена с узорами на тагарской посуде.

Котловидные сосуды (рис. 1, *5—12*; рис. 2, *13—19*) по форме подражают бронзовым котлам «скифского» типа, широко распространенным в древности на степных и прилегающих к ним лесостепных территориях Европейской части СССР, Казахстана, Сибири, вплоть до Забайкалья и Китая. Бронзовые котлы «скифского» типа в большом числе найдены в Хакасско-Минусинской котловине и хранятся в Минусинском, Абаканском, Красноярском, Государственном историческом и других музеях. Глиняные котловидные сосуды лепились по образцу бронзовых. По форме они близки кубковидным: те же полусферическое тулово и конический поддон. Характерной чертой котловидных сосудов является наличие ручек по верхнему обрезу края, а также часто встречающийся на стенках сосуда орнамент, имитирующий тяги бронзовых котлов «скифского» типа. Сосуды сделаны из глины, ставшей после обжига темно-серой или темно-коричневой, покрыты лощением, степень которого различна. В серии котловидных сосудов из Большого Тесинского кургана (22 экз.) нет тождественных; все они различаются по величине, деталям формы тулова, строению ручек и орнаменту. Ручки — наиболее хрупкая, а следовательно, и наиболее плохо сохранившаяся часть сосуда. В ряде случаев можно проследить лишь место скрепления ручки с телом сосуда. По положению относительно тулова сосуда ручки можно разделить на три группы.

1. Ручки в форме дужек, оттянутые из верхней части сосуда, так что в последнем образованы два круглых или овальных отверстия. Подобных ручек известно три.

2. Ручки, налепленные вертикально на верхний обрез и имеющие продолжение на тулове сосуда, как это наблюдается у большинства минусинских бронзовых котлов «скифского» типа [17]. В коллекции имеется 2 экз. котлов с такими ручками, но их верхние части отломаны.

3. Ручки в форме дужек, поставленные вертикально на бортике (13 экз. сосудов) и снабженные в ряде случаев одним или тремя выступающими налепами, копирующими в глине гвоздевидные отростки на ручках бронзовых котлов. Два сосуда описываемого комплекса имеют по налепу в центре верхней части ручек, один сосуд — три налепа: в центре ручки и по бокам.

Изучавшие бронзовые котлы «скифского» типа В. П. Левашева и Э. Р. Рыгдылон указывают, что «для классического типа сибирского котла характерны ручки в виде замкнутого круга с тремя или одним гвоздевидным отростком в верхней части, влитые нижней частью в корпус» [18]. Котловидные сосуды с ручками, имеющими налепы, ближе всего подходят к классическим минусинским бронзовым котлам. Среди котловидных сосудов девять не орнаментировано, остальные украшены налепными валиками и резными линиями, имитирующими рельефные тяги на бронзовых «скифских» котлах. Один сосуд украшен двумя параллельными горизонтальными врезными линиями, два других — тремя. Налепной орнамент в виде гладких валиков имеют восемь сосудов. Пять из них украшены валиком, проходящим по середине тулова, очевидно, подражающим шнуру бронзовых котлов; фрагмент сосуда орнаментирован тремя рядами валиков. В одном случае выпуклый валик, огибающий сосуд, не смыкается, концы его загибаются усиками вверх. В другом — валик образует как бы замкнутый овал. На поддоне данного сосуда имеются вертикальные ребра, какие часто наблюдаются у бронзовых котлов. Глиняные котлообразные сосуды встречаются как в позднетагарских, так и в таштыкских погребениях.

С. В. Киселев называет их «связующим звеном между тагарской и таштыкской керамикой» [19].

Рюмковидный тип представлен одним экземпляром (рис. 2, *20*). Цвет сосуда серый, поверхность слегка залощена, в верхней части имеется сверлина. Близкий по форме, но не тождественный сосуд, с еще меньшим, почти цилиндрическим поддоном, известен из кургана II стадии тагарской культуры, группы Малая Иня № 3 (раск. А. В. Адрианова в 1896 г.) [20] и из кургана № 2 у дер. Означенной, раскопанного в 1889 г. экспедицией И. Р. Аспелина [21]. Сходство сосудов подчеркивается отсутствием орнамента.

В таштыкских погребениях также встречаются рюмковидные сосуды, но с орнаментом и более низких пропорций [22].

II. Плоскодонные сосуды. Баночные сосуды имеются в количестве 13 (рис. 2, *21—24*). Баночные сосуды, являясь наиболее распространенным типом тагарской посуды, бытовали на всем протяжении эпохи. Различаясь по размерам, все экземпляры рассматриваемого комплекса весьма близки по пропорциям. Сосуды широкогорлые и приземистые, диаметр верхней части больше высоты, цвет темно-серый или темно-коричневый, почти черный, поверхность лощеная. От таштыкских баночных их отличает состав теста и пропорции. Диаметр верхней части более чем в два

---

[17] См. Ю. С. Гришин. Ук. соч., стр. 171; Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея. СА, 1959, № 1, стр. 255, рис. 1, *1*, *2*. Котлы хранятся в Минусинском музее, инв. № 10065—10074 и др.

[18] В. П. Левашева и Э. Р. Рыгдылон. Шелаболинский клад бронзовых котлов, хранящихся в Минусинском музее. КСИИМК, вып. XVIII, 1952, стр. 134.

[19] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 427.

[20] Хранится в Минусинском музее, инв. № 10622.

[21] Хранится в Национальном музее г. Хельсинки, инв. № 2681-В.

[22] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., табл. IV, *36*, *142*.

раза превышает диаметр дна, тогда как таштыкские банки обычно приближаются к цилиндрической или боченковидной форме [23].

Из рассматриваемой серии баночных сосудов — три украшены бугорчатым орнаментом по верхнему краю: один бугорками в сочетании по четыре, другой в две линии бугорков, третий, известный нам лишь по публикации [24], имеет орнамент в виде комбинации из четырех бугорков, чередующихся, по-видимому, с полулунными вдавлениями. На остальных десяти баночных сосудах из Большого Тесинского кургана орнамент отсутствует. Заглаженность поверхности и отсутствие орнамента свойственны позднетагарской керамике.

Чашеобразный миниатюрный сосуд только один (рис. 2, *25*). Он несколько ассиметричен, небрежно вылеплен из грубого теста, со сравнительно толстыми стенками, плохо обожжен и имеет вид приземистой чашечки. Подобные миниатюрные сосуды мы не встречали; может быть, эта форма индивидуальна. Некоторое сходство можно уловить только с сосудом из раннетагарского кургана Усть-Тесь № 5 (раск. С. В. Киселева, 1928 г.[25]).

Плечный сосуд миниатюрный, тонкостенный, темно-серого цвета, лощеный, представлен фрагментом (рис. 2, *26*). Сосуд отличает значительная кривизна профиля, «крутое» плечико, перелом которого проходит, по-видимому, выше половины его высоты. Подобный сосудик известен из крестьянских раскопок у дер. Алтайской [26], где он был найден совместно с четырехгранным. В раннеташтыкское время сосуды с острыми и кривыми плечиками были широко распространены [27].

Четырехгранный тип представлен миниатюрным сосудиком из плохо обожженной глины, квадратным в плане, с уплощенным дном и прямым обрезом верхнего края (рис. 2, *27*). Это довольно редкая форма. Кроме описываемого экземпляра, подобных сосудов известно всего четыре: два из них синхронны сосуду из Большого Тесинского кургана [28], два относятся к таштыкскому времени [29]. Для I и II стадий тагарской культуры аналогичные формы нам неизвестны. Многогранные фигурные миниатюрные сосуды встречены А. Н. Липским в погребениях тагаро-таштыкского переходного времени [30].

На основании семи рассмотренных типов керамики из Большого Тесинского кургана можно сделать вывод о том, что в позднетагарской посуде нет той устойчивости и единообразия форм, которые были характерны для классической тагарской культуры (I и II стадии). Тагаро-таштыкский переходный период (III-я стадия тагарской культуры) явился временем выработки новых форм керамики. Наряду с обычными тагарскими баночными и кубковидными сосудами, традиционным бугорчатым орнаментом и лощением поверхности появились котловидные, четырехугольные, плечные формы и новые орнаментальные мотивы. Наблюдаются специфические для последующего времени детали: отогнутость венчика, отсутствие в ряде случаев лощения. Таким образом, анализ керамического комплекса Большого Тесинского кургана еще раз подтверждает вывод о «теснейшей генетической связи между предшествующим тагарским развитием и последующим таштыкским» [31].

---

[23] Например, баночные сосуды из раскопок В. П. Левашевой 1936 г. на Уйбатском чаатасе. Хранится в Минусинском музее.

[24] А. М. Tallgren. Ук. соч., рис. 3, *15*.

[25] С. В. Киселев. Материалы археологической экспедиции..., табл. 4, *6*.

[26] Хранится в ГИМ, инв. № 47172.

[27] Л. Р. Кызласов. Ук. соч., стр. 45.

[28] Кызыл-Куль № 8, раск. А. В. Адрианова, 1897 г.; дер. Алтайская, крестьянские раскопки 1910 г. Хранится в ГИМ, инв. № 47172.

[29] Уйбатский чаатас, склеп № 6, раск. В. П. Левашевой, 1936 г., хранится в Минусинском музее; Уйбатский чаатас, грунтовая могила № 18, раск. С. В. Киселева, 1938 г.

[30] Хранятся в Абаканском музее.

[31] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 466.

О. И. ДОМБРОВСКИЙ

О ТЕХНИКЕ ДЕКОРАТИВНОЙ ЖИВОПИСИ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО

В 1945—1959 гг. памятники древней декоративной живописи на юге СССР пополнились фрагментами фресок, украшавших богатые жилые дома и общественные здания Неаполя скифского [1]. К этому кругу памятников в известной мере примыкают росписи и рисунки в склепах Неаполя, открытых в 1945—1946 гг., а также раскраска деревянного саркофага и других поделок, найденных при раскопках мавзолея у городских ворот [2]. Техника этих трех видов декоративной живописи была различна, несмотря на почти одинаковый ассортимент применявшихся в них красок.

Живописная палитра мастеров Неаполя скифского была довольно широка: в ее состав входило около десятка разнообразных красок — преимущественно минеральных. Среди них преобладали натуральные охры желтых и красных оттенков и коричневые земли. В качестве черной краски использовались сажа или измельченный древесный уголь. Белыми красками служили известь или отмученный мел. Синей являлся вивианит, один из спутников железных руд Керченского полуострова. Смесь вивианита с желтой охрой, имеющая буровато-оливковый оттенок, часто применялась вместо зеленой краски. Была, кроме того, в ходу и белесовато-голубая искусственная краска медного происхождения (наподобие средневековой «стенной лазури»), а также светло-зеленая известковая зелень, приготовляемая на основе медного купороса.

Особое место в палитре декоративной живописи Неаполя принадлежало огненно-яркому минералу — реальгару, дававшему хорошую оранжево-красную краску; реальгар употреблялся главным образом в раскраске деревянных и железных изделий. В этих же случаях скифы охотно применяли позолоту и адсорбированный мелом или светлой глиной пурпур — краситель, не менее дорогой, чем золото. За исключением привозных пурпура и реальгара, все остальные красители, по-видимому, добывались на территории Крыма, недалеко от Неаполя скифского, и здесь же обрабатывались.

Натуральный реальгар в виде комьев величиной в лесной орех и крупнее был встречен, наряду с кусками красной охры, в ряде раскопанных погребений некрополя и мавзолея Неаполя скифского [3]. Судя по величине и форме кусков реальгара, последний поступал в Неаполь издалека, а не из ближайших к Крыму месторождений Донбасса, где он встречается лишь в виде тонких примазок. Не исключена возможность римского

---

[1] П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.), Сб. «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 70 сл., рис. 5; И. В. Яценко. Декоративная роспись общественного здания на Неаполе скифском. СА, 1960, № 4.

[2] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского. М., 1953, стр. 25 сл., цветная вклейка, табл. VIII—IX.

[3] Видимо, у скифов было принято класть с покойником в могилу частицу красной краски; может быть, это являлось пережитком более древнего обычая окрашивания трупа.

импорта реальгара; кроме того, на рубеже нашей эры и позднее не менее вероятным его источником могли являться и месторождения Закавказья, например, Нахичеванское (Армения) или Лухумское (Западная Грузия). Что касается пурпура, то в его италийском происхождении не приходится сомневаться; следует также иметь в виду и возможность завоза в Крым италийских и пурпура, и реальгара через Кавказ.

Наиболее доступными для местного населения красителями являлись (кроме извести) черный и красный. Этим отчасти можно объяснить распространенность подобного сочетания в росписях каменных вырубных склепов I — III вв. на некрополе Неаполя скифского. Однако, помимо того, здесь несомненно имела значение и обрядовая традиция, генетически восходящая, скорее всего, к черно-красным орнаментальным разрисовкам местных погребальных сооружений эпохи бронзы [4].

Росписи вырубных склепов Неаполя, как правило, выполненные по известняковой скале одной-двумя красками и нанесенные непосредственно на камень, в большинстве случаев довольно примитивны. Чаще всего они представляют собой несложные обрамления ниш и входных отверстий — то в виде змееобразных или растительных завитков, то из различных зубцов, стрелок и других простых геометрических рисунков. В ряде случаев на стенах склепов размещены без всякого композиционного замысла примитивные изображения животных и людей. Крайне условный характер преобладающего большинства таких рисунков наводит на мысль, что они делались не художниками, а лицами, выполнявшими культовые обряды,— родственниками умерших или жрецами, совершавшими погребальные церемонии [5].

Из многочисленных расписных склепов Неаполя исключением в художественном отношении являются два склепа — №№ 1 и 9. Роспись склепа № 1 [6] целиком подчинена традиционной условной манере. Фигуры людей, животных и грифонов нарисованы красной и черной красками в виде обычных «восьмерок», треугольников и других фигур с короткими линиями, изображающими конечности. Однако в их размещении на стенах склепа проглядывает своеобразный декоративно-композиционный замысел; красные и черные рисунки чередуются, размещение их уравновешено и увязано с симметрично расположенными нишами в стенах. Все стены склепа сверху и внизу имеют общее окаймление красными полосами; между ними через правильные интервалы размещены высокие вертикальные орнаментальные вставки — ветвистые «канделябры». В них прихотливо сплелись, как бы синкретизировались, элементы известных по более древним образцам скифского искусства звериных и растительных мотивов, змееногих божеств и священных деревьев [7].

В декоративном и композиционном отношениях роспись склепа № 1 стоит намного выше, чем росписи других склепов того же условного стиля; однако выполнивший ее мастер, видимо, сознательно остался в рамках, освященных временем и культом художественных и, как ниже увидим, технических традиций. Их силу и устойчивость в среде местного населения подтверждает роспись склепа № 9 [8], которая в то же время является и наиболее яркой попыткой отклонения от этих традиций. В росписи склепа, кроме красной и черной, употреблена желтая краска,

---

[4] А. А. Щепинский. Памятники искусства времен эпохи раннего металла в Крыму. Доклад на пленуме ИА АН СССР, посвященном итогам полевых работ 1960 г. в Москве в апреле 1961 г.

[5] В. П. Бабенчиков Некрополь Неаполя скифского. Сб. «История и археология древнего Крыма», стр. 117 сл.

[6] Сжатую характеристику росписи склепа № 1 см. П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция в 1946 г. «Советский Крым», № 5, Симферополь, 1947, стр. 56.

[7] В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 112.

[8] П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. ИАН, серия истории и философии, т. IV, вып. 3. М., 1947, стр. 289 сл.; В. П. Бабенчиков. Ук. соч., стр. 103 сл., стр. 108 сл.

наряду с их коричневой и бурой смесями, чего не наблюдается в прочих склепах. Композиция росписи в склепе № 9, как и в склепе № 1, отличается ясностью и уравновешенностью. Изображения и орнаменты хорошо увязаны с архитектурой склепа, в данном случае более сложной, чем в других. Симметричны украшения пилястр главной стены склепа и обрамления ниш. Орнаментальные рельефные тяги из зубцов и ряд стрелок, нанесенных краской под потолком, два ярко раскрашенных боковых фриза из рельефных зигзагообразных полос обрамляют хорошо нарисованные изображения людей и животных. Несмотря на силуэтный характер этих рисунков, выполненных разными красками, они живо и реалистично передают сцены охоты, верховой езды и домашнего быта скифской знати. Если в художественном отношении роспись склепа № 1 является примером приспособления известных художественных достижений в области декоративной композиции к требованиям отжившего стиля и, вероятно, к условиям каких-то погребальных обрядов, то роспись склепа № 9 является прямым отрицанием этих требований. Однако и она, как мы увидим ниже, в своих технических приемах осталась в плену установившегося обычая.

Рисунки расписных склепов Неаполя скифского, при всем их своеобразии, во многом родственны росписям склепов Боспора того же времени. Достаточно, к примеру, напомнить ставшее тривиальным сопоставление условных рисунков неапольских склепов с аналогичными рисунками склепа себазиастов в Керчи. Сцена верховой езды в склепе № 9 напоминает роспись керченского склепа Анфестерия, и т. д.

Несмотря на значительное сходство (чтобы не сказать родство) росписей склепов Неаполя и античного Боспора рубежа и первых веков нашей эры, в художественно-техническом отношении между ними имеется существенное различие: в красках декоративной живописи склепов Неаполя скифского не обнаружено какого-либо из обычных в то время связующих составов. Можно было бы объяснить это сыростью подземных сооружений, в результате которой клеевые или белковые составы неминуемо разлагались бы, а восковые или смоляные подверглись бы шелушению и осыпанию со стен вместе с краской. Однако в ряде боспорских склепов применены именно эти виды связующих (что и сопровождается соответствующими разрушениями живописи). Очевидно, чисто технологическое объяснение отсутствия связующего в стенописи склепов Неаполя является недостаточным.

Внимательное изучение техники росписей склепов Неаполя проливает некоторый свет на ее обрядовую сущность. Наблюдения, произведенные на месте, и анализ частиц красочного слоя, взятых непосредственно со стен склепов (а также черной и красной красок, пролитых в древности на полу склепа № 9), приводят к следующим результатам. Во всех склепах (кроме склепа № 1) красочный слой росписи на разных участках стен оказался тем прочнее связанным с их поверхностью, чем тоньше он был наложен; во многих местах, преимущественно в углах, он был покрыт обильным налетом «емчуги» (кристаллы углекислого кальция, отлагаемые влажными выпотами известняковой скалы). Местами, там, где нет «емчуги», на стенах и плафонах склепов отмечена обильная конденсация атмосферной влаги в виде капель, постепенно стекающих или падающих на пол. И все же, несмотря на кристаллизационные явления в одних местах и многовековое стекание влаги в других участках росписи, нигде не замечено шелушения или размыва красочного слоя. Все имеющиеся повреждения стенописи носят механический характер; они произошли от различных причин преимущественно за последнее время, т. е. в период с момента открытия склепов до их вторичной засыпки.

В склепе № 9 характер нанесения красок, в том числе и черной (измельченный древесный уголь), производит впечатление, что они растирались на густом, трудно размешиваемом связующем. Краски наносились на

стену не кистью, а каким-то более примитивным помазком, путем втирания их в неровную поверхность грубо отесанной стены склепа; на стене предварительно острым инструментом были нанесены контуры изображений. Местами краска вышла за линию рисунка и подскоблена, местами она не полностью заполняет контур. Впрочем, предварительное нанесение рисунка наблюдается только в склепе № 9 с его продуманной и сложной композицией; в остальных склепах этот прием не применялся, и роспись имеет примитивный и непосредственный характер. Местами краска наложена густо и пастозно, местами сквозь ее тонкий слой просвечивает камень.

Неразмываемость красочного слоя и характер его наложения в росписи склепов Неаполя наводят на мысль о жирном связующем. Однако в частицах краски, взятой из тех мест, где она наложена пастозно, присутствие жира не было обнаружено. Растительное масло должно было бы дать характерную поверхностную пленку; в толще пастозного слоя краски, стертой на растительном масле, тоже обнаружились бы отвердевшие продукты его окисления. Очевидно, если краска первоначально была стерта на каком-то жире, то скорее всего не растительного, а животного происхождения. При удалении пастозного слоя краски на месте остается некоторое ее количество, прочно связанное с камнем.

В тех случаях, когда частицы краски с трудом отделяются от камня, нерастворимы в воде и не поддаются обработке соляной кислотой, удается установить частичное омыливание жира краски углекислым кальцием, растворенным в капиллярной влаге, при прохождении последней через красочный слой. В тех местах, где испарение было более интенсивным, этот процесс протекал с большей полнотой. Нерастворимое известковое мыло на века связало краску с камнем [9]. В полуразрушенном склепе № 1, раскрытом в продолжение длительного времени, слой краски, прочно связанной с камнем, оказался толще, чем в других склепах. Благодаря тому, что другие склепы стояли засыпанными землей, а склеп № 1 был долго открыт, в нем довольно интенсивно происходило испарение капиллярной влаги. В закрытых же склепах этот процесс протекал слабее, и жир не столько омыливался, сколько разлагался и выщелачивался.

Употребление растопленного сала для стирания красок, применявшихся в ритуальных росписях склепов, вероятно, являлось одной из местных традиций, воспринятых скифами в Крыму вместе с приемами каменного строительства, некоторыми погребальными обычаями и пр. Доказано, что применение жира имело место в ряде расписных каменных облицовок некоторых могил эпохи бронзы, открытых в Крыму. Так, например, плита из кургана в Помологическом рассаднике близ Бахчисарая [10], покрытая черно-красным геометрическим орнаментом, имеет совершенно нерастворимый красочный слой. Весь наполнявший его жир омылился, видимо, вследствие щелочности грунта, которым было засыпано погребение.

Фрески жилых домов и общественных зданий Неаполя скифского в гораздо большей степени, чем росписи склепов, близки к античной декоративной живописи Боспора. Наиболее ярко это сказалось в росписи здания с фресками, исследованного А. Н. Карасевым [11], восстановление

---

[9] Это явление было успешно использовано П. А. Шохиным и нами для консервации ряда памятников стенной живописи в Крыму; фрески пропитывались вазелином, который при омыливании связывал растворимые соли кальция в штукатурке и придавал росписи влагоустойчивость.

[10] Хранится в Бахчисарайском историко-археологическом музее.

[11] А. Н. Карасев. Отчеты о работах скифского отряда Крымской экспедиции ИИМК АН СССР и ГИМ за 1955—1958 гг. Архив ИА АН СССР, д. №№ 1182, 1364, 1667, 1797.

которой по многочисленным остаткам выполнено И. В. Яценко [12]. Близость этих фресок I — II вв. н. э. к II и отчасти IV помпеянскому стилю очевидна; идентична, по-видимому, и примененная в них техника.

Справедливость требует признать, что данное положение пока основывается главным образом на визуальных наблюдениях и сопоставлениях. Техника античных росписей, в частности помпеянских, несмотря на то, что вопрос о ней поставлен давно и обсуждался многократно, все еще остается недостаточно выясненной [13]. Судя по характеру разрушений росписи керченского склепа Деметры, можно предполагать, что в ней были совмещены два способа росписи: в широких фонах и в подмалевке виден чисто фресковый способ нанесения краски, разведенной водой, на сырой штукатурный грунт, с последующим прикатыванием или выглаживанием поверхности каким-то твердым инструментом. В моделировке лиц и тел, в орнаментах и прочих деталях видно употребление поверх чисто фресковой подготовки более или менее пастозных красок, стертых на густой темперной эмульсии. В составе последней есть основания предполагать казеин, растительное масло, смолу и воск. О столь сложном составе эмульсии свидетельствует пленочный характер красочного слоя, его пластичность, горючесть и устойчивость против действия кислот и щелочей.

В росписи вышеупомянутого здания с фресками на Неаполе скифском визуально улавливаются те же самые способы наложения красок. Разделка панелей под цветной камень, окраска желтых и голубовато-зеленых панно, подмалевок фриза и каннелированных колонн исполнены жидкой краской по сырому грунту. Об этом свидетельствует пленка углекислого кальция, закрепляющая красочный слой. Она легко разрушается слабым раствором кислоты, и краска становится растворимой. Зато пастозно нанесенные краски белых рамок панно, декоративных полосок, разбликовки колонн и капителей успешно противостоят действию кислот. Благодаря тому, что роспись наземных построек существовала в условиях иной воздушной среды и другого температурного и влажностного режима, в ней не удается отделить верхний красочный слой от нижнего с такой же легкостью, как в расписных склепах Боспора. Заслуживает внимания примененная в этой росписи яркая оранжево-красная темперная краска. В основе это охра, к которой примешан для яркости тщательно растертый реальгар. Чистый реальгар, по-видимому, был недостаточно укрывист; в смеси с охрой он приобрел качества, необходимые для корпусного темперного письма. Неизменяемость цветового тона этой смешанной краски, не свойственная легко окисляющемуся реальгару, вероятно, достигнута обычным для античной живописи добавлением в состав темперы нейтральных смол и воска.

Чистота, прочность и равномерность красочных наслоений в росписи неапольского здания с фресками, слитность темперного и фрескового слоев зависели от некоторых особенностей штукатурного грунта, вызвавших его замедленное просыхание, что позволило вести работу длительное время и выполнять ее более тщательно, большими участками. В этом здании, как и в ряде других античных построек (например, в Херсонесе), песчано-известковая штукатурка была нанесена не прямо на камень стены, а поверх толстой глиняной обмазки, которая сравнительно долго удерживала влагу. Слой интонако, наложенный на грубую штукатурную основу, в Неаполе скифском изготовлялся из смеси извести с тонко измельченным камнем-известняком в качестве наполнителя. Мелкозернистость этого слоя способствовала ровному окрашиванию поверхности и гладкому прикатыванию ее после завершения росписи.

Богатством и яркостью красочных сочетаний отличается декоративная роспись некоторых глиняных, деревянных и металлических изделий,

[12] И. В. Яценко. Ук. соч.

[13] Г. Шмид. Техника античной фрески и энкаустики. М., 1934, стр. 17 сл.

найденных в Неаполе. Первые пока представлены одним сосудом I в. до н. э. местной работы — массивной вазой с тремя ручками, украшенной букраниями и розетами [14]. Тулово сосуда покрыто розовым пурпуром, адсорбированным на мелу: розеты и букрании позолочены, ручки спирально обвиты черной и золотой полосами. Черная краска наложена поверх розовой. Золото было приклеено в виде тончайшей фольги к ярко-желтому грунту, вероятно содержавшему в своем составе клей. Оно настолько плотно притерто к покрытой им поверхности, что на нем отпечатались все поры и изъяны грубоватого керамического изделия. Широко отогнутый венчик сосуда украшен венком из волнообразно изгибающегося растения с продолговатыми ланцетовидными листьями. Стебель и листья написаны буровато-оливковой краской (смесь желтой охры с вивианитом): они слегка оттенены черной и синей красками и кое-где тронуты красной охрой

Пурпурно-розовая окраска вазы с букраниями и растительный мотив венчика этого сосуда исполнены темперными красками. Связующее этих красок совершенно выщелочено, из чего можно заключить, что в нем отсутствуют нерастворимые добавки, нейтральные к любым реагентам. Отчетливо различаемы в красочном слое следы кисти из мягкого, но упругого волоса (типа беличьего) с хорошо подобранным острым концом.

Раскраска деревянного резного саркофага I в. до н. э. из того же мавзолея [15] выполнена в иной технике и приближается к античной живописи по дереву. В ней также щедро использованы пурпур, реальгар и позолота, а кроме того, применены вивианит, желтая, коричневая и красная охры. Роспись саркофага отличается большой стойкостью; несмотря на то, что полностью истлело дерево и разложился гипсовый левкас, красочный слой претерпел лишь механические повреждения, а химически совершенно не изменился. Благодаря этому краски почти не утратили первоначальную свежесть; их остатки на грунтовых отпечатках рельефной резьбы саркофага сохранили эластичность и прочность.

Судя по тому, что на пурпурно-розовом фоне крышки саркофага и на темно-красном покрытии его стенок сохранились следы кисти, можно считать, что эти краски были приготовлены на жидком темперном связующем: химическая стойкость красок говорит о примеси воска и смол. Роспись резных деталей (гирлянд с цветами и лентами, фигур грифонов, сфинксов и львов) была выполнена более густыми красками, местами несколько утолстившими рельеф орнаментов, оперений крылатых животных и т. п. Гладкая поверхность раскраски свидетельствует о применении здесь более плавкого энкаустического состава и, может быть, горячего способа росписи [16]. Упругость красочной пленки и в этом случае заставляет предположить наличие масла в составе смоло-восковой эмульсии красок саркофага.

Остатки синей вивианитовой краски, найденной в Неаполе скифском на донышке разбитого бальзамария рубежа нашей эры, были подвергнуты подогреванию, а также обработке кислотами и щелочами По отношению к последним краска оказалась нейтральной и нерастворимой. Размягчение краски при подогреве наступило при температуре около 100°; она оказалась горючей, в спиртовом пламени быстро начинала тлеть и постепенно обугливалась. По всей вероятности, синий порошок

---

[14] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского, стр. 29; Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. Рукопись, Архив ИА АН УССР, ОАСА, инв. В, № 49.

[15] П. Н. Шульц. Мавзолей Неаполя скифского, стр. 25 сл.; О. И. Домбровский. Саркофаг царицы. Рукопись. Архив ИА АН УССР, ОАСА, инв. В, № 72.

[16] Энкаустические способы живописи исчерпывающе освещены в трудах Д. И. Киплика (см. Д. И. Киплик. Техника живописи. М.—Л., 1950), а также в брошюре полемизирующего с ним В. Хвостенко. (см. В. Хвостенко. Техника энкаустики. М., 1956).

вивианита был в данном случае стерт на сложной масляно-смоло-восковой эмульсии (без специального химического анализа трудно определить более точно).

Температура размягчения эмульсии темперных красок саркофага близка к температуре плавления пунического воска, применявшегося в античной энкаустике. Смола придавала блеск и эластичность красочному слою и в разогретом виде способствовала его соединению с позолотой. Окислившееся со временем растительное масло придало застывшей эмульсии эмалевую твердость и повысило ее тугоплавкость.

Подобный состав связующего обнаружен и в раскраске других изделий, найденных в том же мавзолее. Деревянные ножны некоторых мечей были окрашены огненно-красным реальгаром, стертым на масляно-смоло-восковой эмульсии; судя по характеру наложения краски на дерево, она применялась в горячем виде.

Такая же краска вместе с позолотой иногда наносилась и непосредственно на железо. Примером этого может служить железный нагрудник кожаного панциря из погребения в каменной гробнице мавзолея Неаполя скифского. Копья и другое парадное оружие из этой же гробницы были позолочены также при помощи подобной эмульсии. В иных случаях, кроме смолистого связующего (например, в отделке железного налобника от уздечного набора рубежа II—III вв. из открытого в 1949 г. погребения сарматского военачальника) [17], под золото и серебро для лучшего сцепления с железом на изделия наносились мельчайшие насечки. Благодаря этому налобник, украшенный позолотой и серебрением, имел искристо сверкавшую поверхность. (Не имеющий аналогий в изделиях Неаполя налобник мог являться привозной вещью сарматского происхождения.)

Судя по материалам, собранным за годы раскопок Неаполя скифского, можно заключить, что здесь на рубеже нашей эры и в I — III вв. н. э. примитивные способы живописи удерживались как пережиток лишь в погребально-обрядовых росписях. В монументальной стенописи жилых и общественных зданий и в декоративной раскраске изделий местного ремесла творчество мастеров, работавших в Неаполе, стояло, как правило, на высоте художественно-технических достижений современного им античного искусства.

[17] А. Н. Карасев. Раскопки Неаполя скифского (1949). КСИИМК. вып. XXXVI, 1951, стр. 170; П. Н. Шульц. Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.), стр. 76, рис. 16а на стр. 92.

В. П. ДАРКЕВИЧ

ТОПОР КАК СИМВОЛ ПЕРУНА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ[1]

Поверья об оружии небесных богов являются существенным элементом религиозных представлений о грозе — этом устрашающем для неразвитого мышления явлении природы. Распространенные чрезвычайно широко и охватывающие все населенные континенты, эти верования могут служить прекрасным примером единства мышления и культуры человечества.

Грозное явление «небесного огня» — молнии представлялось человеку полетом смертоносного оружия, разящего и убивающего. Этим оружием может быть громовая стрела[2], палица, топор или молот. Отсюда почитание каменных орудий (топоров, молотков) и оружия (стрел, копий), а также белемнитов, известных под общим названием «громовых стрел»[3]. Еще в 80-х годах XIX в. крестьяне б. Борисовского уезда Минской губ. приписывали этим «стрелам» разные чудесные и целебные свойства. Они называли этим именем также каменные молотки и топоры, обнаруживаемые при распашке полей, вероятно приписывая им «одно происхождение с так называемыми громовыми стрелами»[4].

Археологические материалы свидетельствуют о том, что такое суеверное отношение к топорам уходит в глубокую древность. В Европе топор как символ божества и предмет культа известен с эпохи неолита. Он был знаком искусству древнего Египта и древней Греции[5]. Особенно большую роль играл культ двойного топора в древнейшем Эгейском мире — на Крите и в прилегающих областях, где он был символом критского Зевса[6]. К этому же кругу верований, вероятно, относятся колхско-кобанские топоры Кавказа. В пользу этого говорит их орнаментация, почти целиком относящаяся к области космологических представлений (круги, розетки, зигзаги, стрелы, змеи, рыбы, собаки и др.). В прибалтийских областях топор чтили со времен неолита, когда там употреблялись амулеты в виде янтарных топориков[7], и до позднего средневековья. Так, Иероним Пражский (1413) отметил, что литовцы почитают железные топоры, с помощью которых солнце якобы освобождается из заключения[8].

---

[1] Доклад, прочитанный на заседании сектора русской археологии ИА АН СССР. 31.XII.1959 г.

[2] О почитании громовых стрел в древней Руси см. М. В. Седова. Амулет из древнего Новгорода. СА, 1957, № 4, стр. 166—167.

[3] В травниках XVII в. белемниты и каменные орудия сохраняли название «Перун камень». См. П. В. Владимиров. Поучения против древнерусского язычества и народных суеверий. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. III, СПб., 1897, стр. 198.

[4] ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 49.

[5] M. Gimbutas. Ansient Symbolism in Lithuanian Folk Art. Philadelphia, 1958, стр. 24.

[6] А. Ф. Лосев. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957, стр. 115.

[7] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 24.

[8] Там же.

Миниатюрные бронзовые и железные топорики, имитирующие настоящие топоры, являются довольно частыми находками при раскопках древнерусских городищ, селищ и курганов X—XIII вв.

В IX—X вв. они близки по своей форме к одному из видов так называемых молотков Тора, столь многочисленных в Скандинавии, Финляндии и Прибалтике. Таковы железные привески к гривнам, найденным

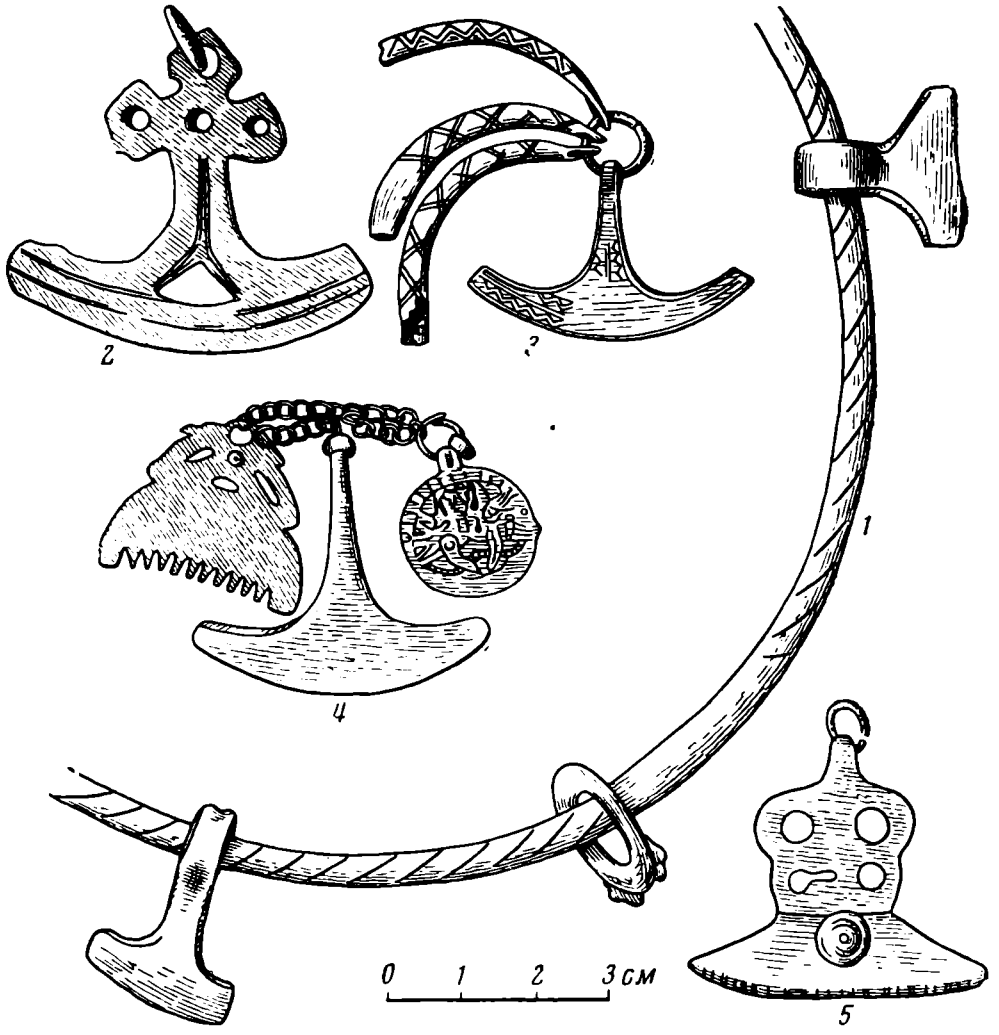


Рис. 1. Древнерусские подвески IX—X вв. в виде «молотков Тора» и их аналогии

1 — часть железной гривны с подвесками из Гнездовского могильника; *2—4* — аналогичные подвески из Финляндии; *5* — подвеска XII в. из кургана у дер. Рутилицы (Ленинградская обл.)

в Гнездовском могильнике [9] (рис. 1, *1*), а также подвеска из кургана у дер. Рутилицы (Ленинградская обл.), относимая А. А. Спицыным к XII в. [10] (рис. 1, *5*).

В XI—XII вв. миниатюрные топорики чаще всего подражают формам широколезвийно-лопастных топоров (по терминологии В. П. Левашовой) [11], повсеместно распространенных в начале II тысячелетия н. э. в Восточной и Северной Европе. Миниатюрные топорики этого типа найдены в культурных слоях городищ Княжая Гора (Киевская область),

---

[9] В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. IV, *13*.

[10] А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, табл. VI, *23*; стр. 18.

[11] В. П. Левашова. Сельское хозяйство. Сб «Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.», М., 1956, стр. 42.

(в нескольких экземплярах) [12], Вышгород [13], Саркел (Белая Вежа) [14], Старая Рязань [15], на посаде Дрогичина [16], на селище у Грехова ручья, недалеко от Углича [17], в кургане у с. Городище (Владимирская обл.) [18], на поселении у с. Яблоново (Полтавской обл.) [19]; в Пермской обл. [20], на городище Билярск [21], а также в Восточной Прибалтике и в единичных экземплярах в Польше [22], Финляндии [23], Швеции и Дании [24] (рис. 2).

Одновременно с лопастной существует другая форма миниатюрных топориков — в виде широколезвийной секиры со шпорцами по сторонам лезвия. Ареал их распространения также широк. Топорики этого типа найдены на городище Княжая Гора [25], в с. Липлява (Полтавская обл.) [26], в Киевской обл. [27], в кургане у с. Колчино (Калужская обл.) [28] и в Новгороде [29], где такой топорик датируется первой четвертью XI в. (рис. 2, *7—9*).

Наконец, известны топорики, которые не относятся ни к одной из перечисленных выше форм. В Киеве в детском погребении X в. найден маленький железный топорик [30] узколезвийной формы. Крошечный свинцовый топорик найден на городище Княжая Гора [31] (рис. 2, *10*).

Размеры топориков, способ их ношения и место в составе погребального инвентаря, а также пережиточные народные поверья и обычаи свидетельствуют о том, что они служили амулетами — предметами, которые наделялись сверхъестественными свойствами.

Несколько раз зафиксировано их положение при покойнике. В кургане у с. Колчино (Калужская обл.) топорик находился в женском погребении возле плеча и рядом с другими амулетами (ложечка, водяная птица, изображение челюсти хищного зверя) [32]. В кургане у с. Городище (Владимирская обл.) топорик лежал у правого бедра, по-видимому, мужского скелета [33]. В погребении № 11 могильника Дарвдеджи (Латвия) маленький железный топорик был надет на нагрудную пряжку (XIII—XV вв.) [34].

Однако топорики ни разу не найдены в составе комплектов древне-

---

[12] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XVII, № 363—364.

[13] В. Й. Довженок. Розкопки древнього Вишгорода. АП, т. III, Київ, 1952, табл. II, *2*.

[14] М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, 1958, рис. 48.

[15] Кол. ГИМ, инв. № 318/138; А. Л. Монгайт. Старая Рязань. МИА, № 49, 1955, стр. 176.

[16] K. Musianowicz. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych przeprowadronych w roku 1954 w Drohiczynie, pow. Siematycze. WA, т. XXII, вып. 3—4, Warszawa, 1955, табл. XLV, *5*.

[17] М. В. Фехнер. Раскопки селища близ Грехова ручья. Тр. ГИМ, вып. 37, Археологический сборник. М., 1960, рис. 4.

[18] А. А. Спицын. Владимирские курганы, ИАК, № 15, СПб., 1905, № 258.

[19] По любезному сообщению Э. А. Сымоновича.

[20] J. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno-Ougrien, II, Helsinki, 1877, № 648.

[21] Там же, № 769.

[22] A. Nadolski. Miniaturowy toporek z grodziska w Tumie pod Łęczycą, рис. 1—2. Przegląd Archeologiczny. t. IX, вып. 2, 1953.

[23] E. Kivikoski. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. SMYA — FFT, т. XLIII, Helsinki, 1939, стр. 164—165, рис. 26.

[24] T. J. Arne. La suede et l'Orient. Upsala, 1914, стр. 215, рис. 362.

[25] Б. Н. и В. И. Ханенко. Ук. соч., № 365.

[26] Гос. Эрмитаж, ОИТК, кол. 741/356.

[27] А. Бобринский. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 г. ИАК, вып. 40, СПб., 1911, рис. 21.

[28] Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. V, *16*.

[29] Новгородская экспедиция 1954 г., № 25—21—564.

[30] М. К. Каргер. Древний Киев, т. I, М.— Л., 1958, стр. 175—176, табл. XVI, *10*.

[31] Н. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. Киев, 1892, табл. II, *30*.

[32] Н. И. Булычев. Ук. соч., стр. 28, табл. V, *13, 15, 16*.

[33] А. А. Спицын. Владимирские курганы..., стр. 120.

[34] Рига, Музей Латвийской ССР, № 9198/49.

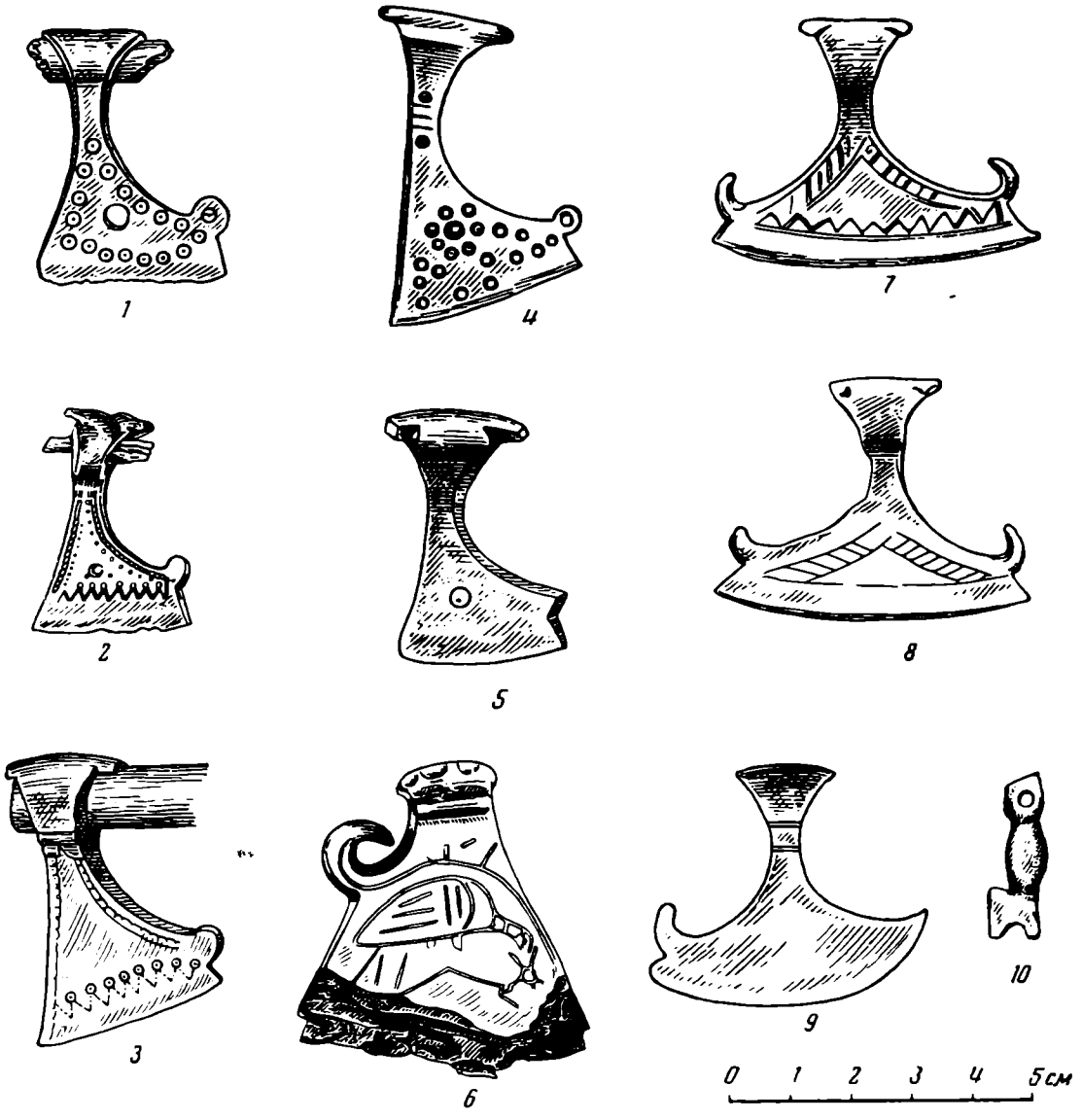


Рис. 2. Древнерусские амулеты-топорики XI—XII вв.

1 — из кургана у с. Городище (Владимирская обл.); *2* — Саркел (Белая Вежа); *3* — Билярск(Волжская Болгария); *4* — Княжая Гора (Киевская обл.); *5* — Вышгород; *6* — Билярск (Волжская Болгария XIII—XIV вв.); *7* — Княжая Гора (Киевская обл.); *8* — из кургана у с. Колчино (Калужская обл.); *9* — с. Липлява (Полтавская обл.); *10* — Княжая Гора (Киевская обл.)

русских подвесок-амулетов XI—XIII вв. на одной основе с ними. Возможно, этот факт объясняется особой значимостью этих символических изображений, отличной от обычных рядовых оберегов. Смысловое содержание, вкладываемое в эти миниатюрные модели, отчасти раскрывается благодаря анализу орнамента, встречающегося на ряде экземпляров.

1. Зигзаг, идущий вдоль лезвия топорика (рис. 2, 7). Зигзаг с глубокой древности являлся символом молнии. Такие зигзаги украшают двойные топоры Крита. На некоторых экземплярах кобанских топоров они переходят в ряд треугольников (или стрел), идущих вдоль лезвия вершинами (остриями) к нему и как бы символизирующих направление удара[35].

2. Маленькие концентрические кружки или кружки с точкой в центре (рис. 2, *1, 4*) — общеупотребительные солярные символы (начиная с брон-

[35] МАК, вып. VIII, М., 1900, рис. 13, 14; табл. IV, *1*; табл. VII, *1, 3*; табл. VIII, *1*.

зового века). Это изображение было иероглифом, обозначающим день в древнем Египте, являлось солнечной эмблемой у китайцев и через античность перешло в средневековую Европу, когда германцы [36] и славяне стали украшать этими знаками фигурки животных (коней и др.), чтобы подчеркнуть их солярный характер.

Связь солнечных знаков с топорами является широко распространенным явлением. Розетки, двойные спирали, концентрические круги присутствуют в декоре двойных топоров Крита [37]; они покрывают и кобанские топоры [38]. Реликтовые каменные топорики с солнечными знаками известны в лужицкой культуре [39]. На костяном топорике, относящемся к городецкой культуре (VII в. до н. э. — I—II вв. н. э.), рядом с другими изображениями вырезан солярный знак [40]. В Западной Европе в бронзовом веке были распространены амулеты в виде топоров, связанные с диском и птицей (символами солнца), а в составе погребальных инвентарей топоры и кремневые орудия иногда располагались по кругу [41].

Солнечные знаки на топорах вводят нас в область древних представлений о небесных явлениях, когда источником молнии (небесного огня) признавалось солнце. Земной огонь считался при этом даром неба, низведенным на землю в виде молнии. Эта связь различных стихий огненного характера нашла отражение в целом ряде мифов. Прометей похищает огонь, зажженный им от колесницы солнца. Бог-громовник, чтобы добыть огонь, вращает свою молниеносную палицу в ступице колеса-солнца. Он же, разбивая мрачные тучи, зажигает весеннее солнце. В Литве солнце называли дочерью Перкуна [42]. В литовских святилищах перед идолами этого бога горели неугасимые костры [43]. Огонь был священной принадлежностью богослужения Перуну, как показало исследование святилища в Перыни под Новгородом. В каждой из восьми дугообразных ячеек, окружающих большой круг с идолом Перуна в центре, горел костер [44]. В одном из древнерусских апокрифов говорится, что Перун и Хорс — «два еста ангела молниина» [45].

Перун и бог солнца Дажьбог (Хорс), по представлению древних славян, были близки не только по своему происхождению от небесного огня, но и по своим функциям. «Животворящие солнечные лучи посылал на землю Дажьбог и растил хлеба на нивах — основной источник жизни древних славян, а Перун поил нивы живительной влагой весенних и летних дождей» [46].

3. Иногда в орнаменте топориков солнечные знаки и зигзаг-молния соединены вместе таким образом, что кружки расположены на углах зигзага (рис. 2, *2, 3*). По-видимому, это графическое выражение мысли о родстве солнца и молнии. Подобно этому, в рисунке Никоновской летописи (XVI в.), изображающем Липицкую битву, гром показан извилистыми линиями, исходящими изо рта солнечного лика, так как худож-

---

[36] E. Salin. Le Haut Moyen-Age en Lorraine. Paris, 1939, стр. 129—130.

[37] А. Ф. Лосев. Ук. соч., стр. 118.

[38] МАК, вып. VIII, М., 1900, рис. 10—15, 18; табл. V, *1, 2*; табл. VII, *1*.

[39] H. Cenak-Hołubowiczowa. Wykopaliska na górze Kościuszki w 1956 R Archeologia śląska, I, Wrocław, 1957, стр. 159.

[40] Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры, Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, рис. 1, *6*.

[41] J. Déchelette. Le culte du soleil aux temps prehistoriques. RA, серия 4, т. XIII, Paris, 1909, стр. 357, рис. 31, С.

[42] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, М., 1868, стр. 6—7.

[43] Ф. Кудринский. Литовцы. Вильно, 1906, стр. 10.

[44] В. В. Седов. Древнерусское языческое святилище в Перыни. КСИИМК, вып. 50, 1953, стр. 101.

[45] Н. Ф. Лавров. Религия и церковь. В сб. «История культуры древней Руси», т. II, М.—Л., 1951, стр. 67.

[46] Г. В. Панфилов. Некоторые черты эстетического мировоззрения древнерусского общества. «Вестник мировой культуры», сентябрь — октябрь, 1958, 5 (11), стр. 27.

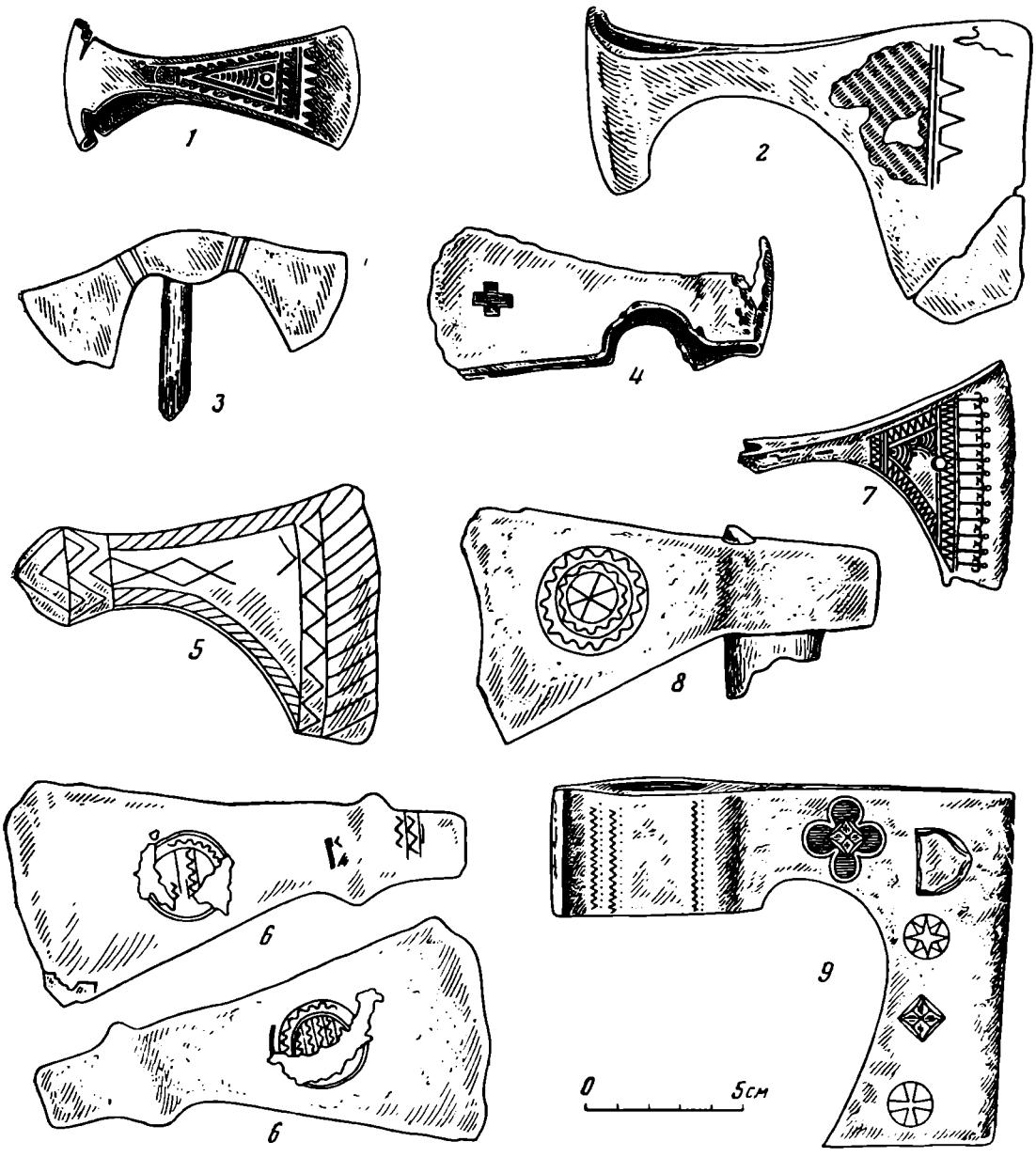


Рис. 3. Декоративные и боевые топорики X—XIV вв. из Восточной Европы, сохранившие в орнаменте символы солнца и молнии

1 — инкрустированный топорик из Билярска IX—X вв. (по А. А. Спицыну); *2* — инкрустированный топор X в. из Кремонских курганов (б. Лифляндская губ.); *3* — железный двойной топорик XI в. из Новгорода; *4* — железный топор с выложенным медным крестиком (Владимирская обл.); *5* — роговой топор из Быдгоща (Польша) — X—XI вв. (?); *6* — инкрустированный топор XII в. из Владимира на Клязьме; *7* — инкрустированный топорик из Новгорода (втор. пол. XII в.); *8* — инкрустированный топор из Новгорода XIV в.; *9* — железная секира из Намыслува (Силезия)

ник источником грома, вероятно, считал солнце[47]. Таким образом, орнаментация древнерусских амулетов-топориков указывает на их предполагаемую связь с громом и молнией, символами которых они являлись[48]. Об этом же свидетельствуют пережиточные народные обряды,

[47] А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 110.

[48] Встречаются и более сложные сюжеты орнаментации топориков. Интересен миниатюрный топорик XIII—XIV вв. из Билярска. (Хранится в ГИМ, инв. № 54746.) Он массивный, бронзовый, с железным лезвием, узор инкрустирован серебром. Одну сторону топорика покрывает геометрический орнамент, по-видимому, восточного происхождения. На другой стороне — сцена терзания хищной птицей какого-то животного (зайца?), (см. рис. 2, *6* в настоящей статье).

связанные с топорами; причем они были очень разнообразны и проникали во все сферы деятельности человека.

Топоры участвуют в магических обрядовых действиях, связанных с заклинаниями атмосферных стихий. Чтобы защищаться от молнии, литовские крестьяне клали каменные топоры и молоты у порога изб [49], в Германии — вонзали топор в дверной косяк [50], южные славяне хранили древние каменные орудия под крышей дома [51]. По «Калевале» (руна сорок седьмая), один из способов заклинания грозового пламени заключается в изгнании его через отверстие топора [52].

Чтобы защитить урожай от града, в Литве топор клали в поле острой стороной кверху или бросали в небо [53]. Топор лезвием кверху выносили заклинательницы града у гуцулов [54].

Но гром не только слепая разрушительная сила, которой следует остерегаться. Он дарует земле обильные дожди, от которых зависит урожай полей, он источник плодородия и изобилия. Сохранилась молитва эстонского крестьянина XVII в., обращенная к грому: «Дорогой гром, мы жертвуем тебе рогатого быка и молим тебя о благополучии нашей пашни и нашего посева... Гони черные тучи к болотам, лесам и пустошам, а нам, пахарям и сеятелям, дай благодатную погоду. Святой гром, береги наши поля, чтобы они принесли добрый колос и доброе зерно» [55].

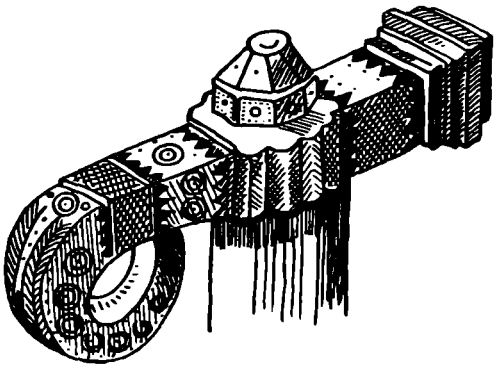


Рис. 4. Гуцульский орнаментированный топорец (Станиславская обл.)

По старым верованиям, топор обладает особой силой плодородия и способствует увеличению урожая и приплоду скота. Во время сева литовские крестьяне бросали топор в поле, укрепляли его на дверях хлева, чтобы коровы не были бесплодными [56]. В б. Воронежской губернии при окуривании скота старый крестьянин, выходя вперед, бросал топор через скот в костер [57]. Иногда топор перекидывали через скот крест-накрест [58]. На Украине пастух весной при начале пастьбы ударял топором в стенку пастушеского стойбища. Верили, что скотина не заблудится в лесу, если топор вбит в косяк дверей [59]. В Литве хозяйки опускали каменные молоты в квашню, чтобы лучше испекся хлеб [60]. У германцев право на поземельное владение узаконивалось бросанием молота [61].

По древним верованиям, бог-громовник, орошающий землю очистительными ливнями, становился покровителем не только посевов и скота,

---

[49] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 268.
[50] Там же, т. II, стр. 11.
[51] Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. ИОН, 1931, № 6, стр. 724.
[52] Калевала. М., 1949, стр. 531.
[53] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 25.
[54] В. Харузина. Этнография. М., 1909, стр. 533—534.
[55] Н. С. Державин. Яфетические переживания в прометеидской славянской традиции. Язык и литература, т. III, Л., 1929, стр. 26.
[56] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 25.
[57] А. Котляревский. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868, стр. 220.
[58] В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX веков. Тр. Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XL, М., 1957, стр. 74.
[59] Д. К. Зеленин. Ук. соч., стр. 731.
[60] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 268.
[61] Там же, стр. 254.

но и семьи, деторождения. Именно этим можно объяснить участие топора в целом ряде семейных обрядов. Этот священный предмет сопровождал человека на протяжении всей его жизни, от рождения до самой смерти. Украинская родильница при очистительном обряде «размывок» сидела на топоре. Гиляки оставляли топор в родильном шалаше [62]. Литовцы клали топор под кровать рожающей женщины и на дороге, которую должны были перейти молодожены [63]. Германцы освящали молотом новобрачную чету [64]. В некоторых обрядах отчетливо выступает «огненная» природа топора. Так, у мазур перед крестинами бабка клала на топор три горячих угля [65]. Удмурты жгли огонь на топоре при поминках [66].

Большую роль играл топор в погребальной обрядности. Здесь он, по-видимому, имел значение магического оберега, призванного отпугивать злых духов от тела покойника. Даже сама смерть должна была отступить перед этим могучим очистительным оружием. У русских (в районе Керенска), когда покойника клали в гроб, старуха ударяла топором по тому месту, где до этого лежал мертвец, «чтоб этим срубить смерть» [67]. Пензенские русские при выносе покойника клали топор на пороге избы [68], а в Воронежской губернии топор клали на порог, а затем все выходили на некоторое время из хаты. У лужичан секиру клали на гроб покойника [69]. Литовцы также снаряжали своих мертвых топором [70]. Германцы освящали молотом жертвы и погребальные костры [71]. На могильных камнях в Скандинавии в бронзовом веке [72], на дольменах и менгирах во Франции и Португалии [73] вырезались изображения топоров. А. Котляревский считал, что в погребальной обрядности топор-секира как символ молнии служил знаком небесного происхождения очистительной стихии погребального костра [74].

Охранительное значение топора проявляется во всех рассмотренных выше обрядах, но особенно наглядно оно выступает в верованиях о его целебной силе. Болезни, как действие нечистой силы, прогонялись «громовыми стрелами», брошенными в воду, которая употреблялась затем для обливания больных [75]. В народной медицине каменные орудия были средством против всевозможных болезней: при наружных болезнях ими терли больное место, а при лечении внутренних — употреблялась вода, проливаемая через отверстие каменных топоров [76], причем образование этих отверстий приписывали удару молнии [77]. В Германии больным привязывали на шею бумажку с изображением молота [78].

Таковы основные обрядовые действия, связанные с топорами. В большинстве случаев топор находится в работе. Древнерусские амулеты-топорики также несут на себе следы активного пользования ими. В ряде случаев сохраняются деревянные рукоятки, на которые они были насажены. Лезвия топориков часто сильно сработаны и покрыты зазубринами. Иногда бронзовый топорик для прочности снабжается железным (стальным) лезвием (например, топорик из Билярска).

---

[62] Д. К. Зеленин. Ук. соч., стр. 730—731.
[63] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 25.
[64] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 254.
[65] Д. К. Зеленин. Ук. соч., стр. 743.
[66] Там же, стр. 740.
[67] Там же, стр. 729.
[68] Там же, стр. 743.
[69] А. Котляревский. Ук. соч., стр. 219—220.
[70] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 25.
[71] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 254.
[72] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 96.
[73] F. Niel. Dolmens et menhirs, Paris, 1958, стр. 95.
[74] А. Котляревский. Ук. соч., стр. 220.
[75] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 267.
[76] ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 49.
[77] Д. К. Зеленин. Ук. соч., стр. 723.
[78] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 268.

Теперь на основании рассмотренных выше пережиточных обрядов, данных мифологии и археологии попробуем представить себе всю эволюцию религиозных верований, связанных с топорами. В каждую историческую эпоху ранние пласты этих верований сосуществуют с более поздними, вторичными, возникшими в других условиях экономической и общественной жизни. Ниже делается попытка расчленить разновременные религиозные элементы, связанные с почитанием топоров, в соответствии с основными этапами развития религии.

I. У истоков религии, когда абстрактное мышление человека было неразвито и сами предметы считались вместилищем сверхъестественных сил (т. е. при господстве фетишистских представлений), каменный топор мог почитаться сам по себе как священный предмет-фетиш, вне связи с каким-либо духом или богом. По-видимому, вначале это был производственный фетиш — могучее по тем временам орудие, тяжелое, острое и разрушительное, необходимое в производственной жизни человека.

Однако очень рано должно было возникнуть представление о топоре как вместилище небесного огня, который неотъемлем от самого предмета. Источником таких представлений явилось свойство кремня и кремневых орудий при ударе выбрасывать искры, а также отчасти падение метеоритов. Может быть, русская сказка о диковинном топоре-саморубе является отзвуком этих древнейших воззрений. Интересно, что в одной из сказок топор-саморуб появляется вслед за ударом огнива о кремень [79].

Формы почитания топора в это время должны были быть самые примитивные. Предметами поклонения являлись сами орудия, сделанные рукой человека и наделенные в его воображении фантастическими свойствами. Вера в целебную силу топора могла возникнуть уже в это время.

II. В период производящего хозяйства (земледелие) вместе с развитием отвлеченного мышления развиваются анимистические представления, согласно которым мир наполнен множеством духов (демонов), управляющих силами природы. Эти представления свойственны и языческой религии древних славян, где уже существует понятие о духе (боге) грома и молнии. Случайно найденным древним каменным орудиям поклоняются как упавшим с неба, они становятся эмблемами и атрибутами небесного бога, формы почитания которого усложняются. Появляются его символические изображения (зигзаги, топоры и др.), играющие магическую роль оберегов. Таково значение древнерусских амулетов-топориков X—XII вв.

С развитием земледельческого хозяйства топор как предмет, связанный с богом-громовником, орошающим землю благодатными ливнями, становится принадлежностью обрядов, относящихся к магии плодородия. Им пользуются и при погребальных ритуалах в связи с анимистическими верованиями о душах усопших.

Этим грозным оружием, по повсеместно распространенным верованиям, бог грозы убивает и разгоняет злых духов (позднее, в христианское время,— дьяволов или грешных людей). По-видимому, в этом представлении отразилось смутное понимание очищающего действия грозы и пользы летнего дождя для урожая [80].

Возникает вопрос, какое имя было у того бога-громовника, символом которого являлся топор. Вывод напрашивается сам собой. Это мог быть лишь Перун, в образе которого древний славянин олицетворял молнию и гром. По пережиточным народным обрядам, связанным с топорами, можно определить ту систему взглядов, на которой покоился языческий культ Перуна. Эти обряды были рассмотрены выше. Из них следует, во-первых, что Перун, сыплющий громовые стрелы, внушал суеверный страх. Во-вторых, Перун являлся добрым, «своим» богом, от которого зависит

[79] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 277.

[80] С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века. М.—Л., 1957, стр. 113.

плодородие полей и скота, а также рождение людей. Он исцеляет болезни и разгоняет злых духов.

Вернемся вновь к скандинавскому Тору. В старину в Скандинавии он был самым любимым богом народной массы, олицетворяя благодатную сторону грозы, очищающей воздух и оплодотворяющей землю. Он считался там богом плодородия [81]. Когда угрожали болезнь или голод, Тору приносили жертвы [82]. Под покровительством Тора находилась семейная жизнь, он был богом брака и супружеской жизни [83].

Как видим, совпадение полное. Это косвенное доказательство того, что Перун в древней Руси почитался в виде топора, но есть и прямые. Об этом говорят сами названия каменных топоров на разных языках, например, белорусское «перунова страла; литовское pjarkuno k'ulka [84]. На небольшом железном топорике из Познани (X—XI вв.) сохранилась надпись «stla», т. е. «стрела» [85].

В мифологических сказаниях огненный топор и стрелы являются принадлежностью Перуна, так же как литовского Перкуна [86], германского Тора, индийского Индры, римского Юпитера [87], греческого Зевса [88], финского Укко [89], промовника племен Южной Сибири [90].

Таким образом, можно полагать, что в гуще славянского земледельческого населения X—XII вв. образ Перуна ассоциировался с летящим по небу огненным топором (что не исключает других воплощений этого бога).

В соответствии с этим находится тот факт, что археологам, изучающим древнерусскую деревню, до сих пор неизвестны антропоморфные изображения, которые с полным основанием можно было бы связывать с Перуном. Такие изображения предполагают развитый культ персонифицированного божества, обладающего вполне определенными и устойчивыми признаками и атрибутами.

Не в пользу существования такого культа говорит и то, что в ряде случаев слово «перун» употребляется как нарицательное. Например, в б. Каневском у., Киевской губ., гром и молнию народ называет перуном. Если молния зажжет какую-нибудь постройку, то говорят: «перуном спалыло» [91]. На Украине говорят: «Щоб тебе перун убив!» [92]. «Чтобы перун тебя взял!»,— так бранятся одинаково русские и словенцы [93]. «Перунова стрела в тебя!»,— говорят словаки; а чехи ту же мысль выражают так: «Гром в тебя!» [94]. Литовский крестьянин или непосредственно обращался к грому или взывал к Перкуну: «Бог Перкун, пощади нас!» [95].

По-видимому, древнерусский язычник если и наделял Перуна антропоморфными чертами (что вполне естественно), то такие образы возни-

---

[81] В. Розанов. Религия германцев. Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Г. Виноградова, вып. I, М., 1913, стр. 56.

[82] И. Андерссон. История Швеции. М., 1951, стр. 47.

[83] В. Розанов. Ук. соч., стр. 57.

[84] Д. К. Зеленин. Ук. соч., стр. 724.

[85] В. Гензель. Познань в раннепястовское время. СА., 1958, № 1, стр. 86, рис. 7; его же. Археологические исследования и проблема возникновения Польского государства. СА, 1959, № 2, стр. 96.

[86] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 25.

[87] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 252—253.

[88] А. В. Лосев. Ук. соч., стр. 116.

[89] А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения..., т. I, стр. 254.

[90] Г. Потанин. Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии. ЖМНП, 1882, февраль, стр. 317.

[91] С. А. Токарев. Ук. соч., стр. 113.

[92] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, СПб., 1895.

[93] П. Милюков. Религия славян. Книга для чтения по истории средних веков под ред. П. Г. Виноградова, вып. I, М., 1913, стр. 107.

[94] Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. I, Харьков, 1916, стр. 20.

[95] Э. Тэйлор. Первобытная культура. М., 1939, стр. 420.

кали лишь спорадически и не отличались четкостью и устойчивостью. В основном он почитал бога-громовника в отвлеченной анимистической форме, что в изобразительном искусстве выражалось языком символов, а не при помощи иконографических изображений.

III. Одновременно с символическими изображениями Перуна существуют его антропоморфные изображения в виде идолов. Но они возникают на другой социальной базе, в среде господствующего класса, где Перун становится покровителем князя и дружины [96], и его культ приобретает отчетливо выраженный военный характер. По-видимому, он изображался вооруженным, подобно идолу Святовита в Арконском храме. В летописном рассказе о разрушении святилища Перуна в Новгороде упоминается палица этого бога. Ниспровергнутый Перун, плывя по Волхову, «въверже палицю свою на мостъ, ею же инѣи безоумнии убиваются, оутѣхоу творять бѣсом» [97]. Здесь, по-видимому, намек на какие-то языческие обряды, совершаемые при помощи Перуновой палицы.

Так древние символы бога-громовника в виде оружия превращаются в его принадлежность. Однако и само содержание этого орудия в княжеско-дружинных верхах переосмысливается. Это уже не молния и гром в своей вещественной форме, а олицетворение военной мощи и символ власти верховного бога. Так, например, по сообщению Адама Бременского, в XI в. в языческом храме в Упсале Тор изображался со скипетром [98].

После принятия христианства Перуна продолжали чтить и молиться ему «по оукраинам» [99].

Даже в среде господствующего класса бояр и дружинников, по-видимому, сохранились эти языческие пережитки. Может быть, этим объясняется тот факт, что в орнаментации многих восточноевропейских декоративных и боевых топориков X—XIV вв. продолжали сохраняться как солнечные знаки (кресты, колеса, звезды), так и зигзаг (ряд треугольников), идущий вдоль лезвия (рис. 3). В ряде случаев эти идеограммы, по-видимому, потеряли свой смысл и вошли составным элементом в композицию чисто орнаментального характера.

Следы древних верований, относящихся к топорам, сохранились и в современном народном искусстве. Возможно, их пережитком в современной этнографии являются гуцульские «топорцы», рукоятки которых иногда украшаются головками коней или фантастических животных [100]. Некоторые экземпляры в полной мере сохраняют архаическую орнаментацию в виде маленьких концентрических кружков и зигзагов (рис. 4). В Литве изображения маленьких топоров иногда встречаются на железных верхушках крытых столбов и крестов. Часто топор находится позади зигзагообразной перекладины — символа молнии. Два грубо вырезанных деревянных топора иногда украшают коньки домов [101].

ПРИЛОЖЕНИЕ

К рис. 1.

1 — В. И. Сизов. Курганы Смоленской губернии. МАР, № 28, СПб., 1902, табл. IV, *13*; *2* — Ella Kivikoski. Die Eisenzeit im Auraflussgebiet. SMYA — FFT, т. XLIII, Helsinki, 1939, рис. 23; *3* — Alfred Hackman. Das brandgräberfeld von Pukkila in Isokyrö, SMYA—FFT, т. XLI, Helsinki, 1938, рис. 35; *4* — там же, рис. 38; *5* — А. А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, табл. VI, *23*.

---

[96] Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 262.

[97] ПСРЛ, т. IV, ч. I, Новгородская четвертая летопись, вып. I, Птрг., 1915, стр. 90.

[98] И. Андерссон. Ук. соч., стр. 47.

[99] Е. В. Аничков. Ук. соч., стр. 265.

[100] Л. А. Динцес. Историческая общность русского и украинского народного искусства. СЭ, т. V, 1941, стр. 37, рис. 10.

[101] M. Gimbutas. Ук. соч., стр. 24, рис. 17, *73*.

К рис. 2.

1 — А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, № 15, СПб., 1905, № 258; *2* — М. И. Артамонов. Саркел — Белая Вежа. МИА, № 62, М.— Л., 1958, рис. 48; *3* — J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien, II, Helsinki, 1877, № 779; *4* — Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XVII, № 363; *5* — В. И. Довженок. Розкопки древнього Вишгорода, АП, т. III, Київ, 1952, табл. II, *2*; *6* — ГИМ, инв. № 54746; *7* — Б. Н. и В. И. Ханенко. Ук. соч., № 365; *8* — Н. И. Булычев. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903, табл. V, *16*; *9* — Гос. Эрмитаж, ОИПК, кол. 741/356; *10* — Н. Беляшевский. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. Киев, 1892, табл. II, *30*.

К рис. 3.

1 — А. А. Спицын. Декоративные топорики. ЗРАО, т. XI, 1915, рис. 1; *2* — там же, рис. 15; *3* — А. В. Арциховский. Раскопки 1951 г. в Новгороде. СА, XVIII, 1953, рис. 25; *4* — «Меряне и их быт по раскопкам А. С. Уварова». Собрание карт, планов и рисунков к «Трудам I Археологического съезда». М., 1871, табл. XXXIV, *13*; *5* — W. Hensel. Studia i materiały do osadnictwa wielkopolski wczesnohistorycznej, т. I, Poznań, 1950, рис. 70; *6* — Н. Н. Воронин. Археологические заметки. КСИИМК, вып. 62, 1956, рис. 10; *7* — Новгородская экспедиция 1959 г., пл. 17, кв. 1724, № 2; *8* — А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого, рис. 5, *3*. Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, 1959; *9* — Ian Filip. Pradzieje. Czechoslowacji. Poznań, 1951, табл. 28, № 36.

К рис. 4.

О. Л. Кульчицька. Народний одяг західних областей УРСР. Київ, 1959, табл. 26, *4*.

С. В. КИСЕЛЕВ

ГОРОД МОНГОЛЬСКОГО ИСУНКЭ НА Р. ХИРХИРА В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В 1818 г. выдающийся исследователь Сибири Г. И. Спасский впервые сообщил в «Сибирском вестнике» о большом гранитном камне с высеченной на нем надписью «восточными буквами», хранящемся в Нерчинском заводе [1]. В 1832 г. камень удалось отправить в Петербург. В 1839 г. он был экспонирован на Выставке произведений промышленности, а после этого передан в Азиатский музей Академии наук; в настоящее время он хранится в Гос. Эрмитаже.

Уже ламы и толмачи Забайкалья читали на этом камне имя «Чингис-хан». С тех пор он и стал известен в науке под названием «Чингисова камня». Первый полный перевод с Чингисова камня сделал преподаватель монгольского языка в Кяхтинском училище Ванчиков. С его переводом камень и был выставлен на Выставке 1839 г. [2].

Я. Шмидт дал свой крайне надуманный перевод Чингисова камня на немецкий язык, совершенно необоснованно обрушившись на перевод Ванчикова [3]. В 1851 г. надпись на Чингисовом камне подробно исследовал выдающийся бурятский ученый-монголовед Доржи Банзаров. Он детально разобрал перевод Я. Шмидта и убедительно показал его несостоятельность. Вместе с тем Д. Банзаров дал свой перевод и толкование надписи [4]. Обнаружилось, что надпись была высечена по случаю награждения Чингис-ханом своего племянника Исункэ [5].

Только в 1927 г. надпись Чингисова камня привлекла вновь внимание монголистов. Ин. Клюкин опубликовал во Владивостоке новый перевод надписи, значительно отличающийся от всех предыдущих, но, так же как и перевод Д. Банзарова, свидетельствующий о том, что поводом для создания надписи явилось награждение Исункэ Чингис-ханом [6]. С тех

---

[1] «Сибирский вестник», ч. IV, отд. II, 1818, стр. 116—124.

[2] «Когда Чингис-хан соизволил овладеть сартольским народом и присоединить к древнему становищу всего монгольского народа, находящиеся вообще по Онону побеждены тремя стами тридцатью пятью посланными». Этот перевод опубликован в примечаниях к статье Д. Банзарова «Объяснение монгольской надписи на памятнике князя Исункэ, племянника Чингис-хана» (Д. Банзаров. Собрание соч., М., 1955, стр. 204), составленных Н. Н. Румянцевым.

[3] См. по этому поводу «Процесс о монгольской надписи на памятнике Чингис-хана». Отечественные записки, СПб., 1839, т. VII, Смесь, стр. 27—33. Перевод Я. Шмидта см. Memoires de l'Academie Impériale des sciences de S. Pétersb., 1833, VI série, т. II, 1, стр. 252.

[4] Д. Банзаров. Ук. соч., стр. 187—206.

[5] Перевод Д. Банзарова: «Когда Чингис-хан, после нашествия на народ сартагул (хивинцев), возвратился, и люди всех монгольских поколений собрались в Бага-Чучигае, то Исункэ получил в удел триста тридцать пять воинов хонгодорских» (Д. Банзаров. Ук. соч., стр. 200).

[6] «Когда Чингис-хан, по возвращении с захвата власти сартагулов, всех нойонов народа монгол поставил на состязание в стрельбе, то Исунхэ на триста тридцать пять маховых сажен расстояния (прицела) выстрелил из лука» (Инн. Клюкин. Древнейшая монгольская надпись на Хирхиринском («Чингисовом») камне. Тр. Гос. Дальневост. университета, серия VI, № 5, Владивосток, 1927, стр. 32—33).

пор связь Чингисова камня с Исункэ стала общепризнанной как у нас, так и за границей [7]. Это весьма увеличило значение надписи, так как Исункэ являлся далеко не заурядной фигурой среди деятелей древнемонгольского государства.

Он родился в 1185 г. и был третьим сыном знаменитого Джочи-Касара, брата Чингис-хана. Впервые мы узнаем о нем в трагические дни борьбы Темучина с Ван-ханом в 1203 г. Джочи-Касар, чтобы усыпить подозрительность Ван-хана, оставляет в его становище жену и трех сыновей, в том числе и 18-летнего Исункэ. Эта хитрость удалась: Ван-хан был захвачен врасплох и разбит Темучином и Джочи [8]. В 1206 г. приказом Чингис-хана Исункэ стал старшиной над гвардейскими стрелками личной охраны [9]. В 1223 г. Исункэ выполняет самые секретные поручения Чингис-хана. Именно ему поручается вызвать Угэдея и Тулуя в Онгон-Далан-Кудук на тайное совещание, на котором Чингис-хан определил направление дальнейшего военного и внутреннего развития древнемонгольского государства [10]. В 1225 г., по возвращении Чингис-хана из похода на Запад, Исункэ уже настолько знатен, что может поставить в свою честь стелу.

После смерти Чингиса Исункэ занимает еще более высокое положение. В 1240 г. он командует уже всеми гвардейскими стрелками охраны Угэдея [11]. При Мункэ и Хубилае Исункэ достигает положения, которое занимал его отец Джочи-Касар,— становится командующим всей гвардией. Одновременно он управляет родовым улусом Касара, выделенным еще Чингис-ханом «на северо-востоке в пределах Аргуни, Джалайнора и Хайлара» [12]. В 1260 г., по время борьбы Хубилая с Ариг-бугой, 75-летний Исункэ воевал на стороне Хубилая. По сообщению Рашин-ад-Дина, он в это время был еще крепок и не имел ни одного седого волоса [13]. Год смерти Исункэ пока неизвестен.

Со страниц хроник и эпиграфических памятников выступает фигура одного из виднейших деятелей древнего монгольского государства, знатного Чингизида, потомки которого «одни только имели право сидеть с царевичами» на торжественных церемониях, даже при далеком западном дворе хулагидов [14]. Вместе с тем интерес к Исункэ повышается еще и потому, что земли его родового улуса заходили в пределы читинского Забайкалья, где в последние годы исследовались памятники оседлой городской культуры древних монголов.

В этой связи чрезвычайно важно установить место, где стоял Чингисов камень с надписью в честь Исункэ. В своей статье 1818 г. Г. И. Спасский сообщил, что в пяти верстах от развалин города, расположенных в низовье р. Хирхиры (левого притока Урулюнгуя), вверх по этому ручью «находятся несколько древних курганов, заслуживающих внимания тем, что, по уверению некоторых, близ оных стоял большой гранитный камень с прекрасно высеченною на нем восточными буквами надписью», так называемый Чингисов камень. Правда, Г. И. Спасский здесь же оговаривается, что «большая часть утверждают, что сей камень принадлежит к числу памятников, найденных при разрытии древних развалин в Кондуе» [15].

[7] S. Murayama. Über die Inschrift auf dem «Stein des Cingis». Oriens, т. III. № 1, Leiden, 1950, стр. 108—112.

[8] Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перевел с китайского с примечаниями Архимандрит Палладий. Тр. членов Российской Духовной Миссии в Пекине. СПб., 1866, стр. 96.

[9] Там же, стр. 126; ср. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 52.

[10] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., стр. 231—232.

[11] Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, стр. 126.

[12] Рашид-ад-Дин. Ук. соч., стр. 52.

[13] Там же.

[14] Там же, стр. 51.

[15] «Сибирский вестник», ч. IV, отд. II, стр. 117—118.

Последнее мнение должно быть отвергнуто. Еще А. К. Кузнецов, проведя в 1889 г. специальные расспросы местных старожилов, пришел к заключению, что камень Исункэ был вывезен в Нерчинский завод «из Киркиринского городка» [16]. Сообщение Г. И. Спасского о связи Чингисова камня с хирхиринскими развалинами подтверждается рассказом Н. С. Щукина о том, что плита с письменами стояла в глубокой пади по дороге в Кличкинский рудник на гранитном круглом основании, но потом свалилась и при падении разбилась надвое, но письмена не повредились [17]. Последняя деталь очень важна, так как Чингисов камень также разбит надвое. Указание на дорогу в Кличкинский рудник тоже очень существенно. По берегу р. Хирхиры и сейчас идет дорога от развалин города на север, к Кличкинскому руднику. В пользу связи Чингисова камня с Хирхиринским городом говорит и наличие (правда, не в пяти, а в двух верстах к северу от развалин, как раз у дороги на Кличку) большой курганной группы, раскопки которой в 1959 г. с несомненностью установили ее связь с городом. Так как обследованиями не обнаружено в окрестностях Хирхиринского города никаких других курганов, можно полагать, что исследованные нами курганы и есть те, о которых упоминал Спасский. Кстати, за горой Окошки, на которой расположены эти курганы, находится глубокая падь, вполне соответствующая описанной Н. С. Щукиным как место, где некогда стоял Чингисов камень. Да и расстояние от хирхиринских развалин до этой пади также приближается к сообщенному информаторами Г. И. Спасского.

С другой стороны, против того, что на месте расположения Кондуйского дворца будто бы стоял Чингисов камень, говорит прежде всего хронология. Надпись Исункэ была высечена, конечно, очень скоро после 1225 г., когда произошли отраженные в ней события. Между тем Кондуйский дворец был построен значительно позднее, уже в XIV в., ближе ко времени крушения империи Юань, когда он и погиб от пожара. К этому времени не только давно уже умер Исункэ, но и его сыновья и внуки [18].

Хирхиринский же город, как будет показано ниже, относится как раз по времени сложения государства Чингис-хана и может вполне считаться одновременным надписи Исункэ. Кроме того, нужно учесть и то обстоятельство, что Кондуй расположен на целых 60 *км* дальше на север от р. Аргуни и отделен от нее еще одной горной цепью, тогда как Хирхиринский город отделяют от этой реки (входившей в улус Исункэ) всего 40 *км* удобных долинных проходов.

Все эти соображения составляют, на мой взгляд, безусловное основание для того, чтобы помещать местоположение Чингисова камня в окрестностях хирхиринских развалин. Последние же, несомненно, представляют собой остатки города, принадлежавшего улусу Джочи-Касара, и тесно связаны с его долголетним правителем — Исункэ.

* *
*

С большим трудом отыскали мы в 1957 г. развалины города на р. Хирхира [19]. В этой местности почти не осталось старожилов, а речка — довольно широкий горный ручей у Ивановского рудника и у с. Ивановки — при выходе в долину Урулюнгуя (примерно в 4 *км* от своего устья) совершенно исчезает среди лугов и пашен. Только в 1959 г. после силь-

[16] А. К. Кузнецов. Развалины Кондуйского городка. Владивосток, 1925, стр. 56.
[17] Н. С. Щукин. Очерки Забайкальской области. ЖМВД, 1852, январь, стр. 146.
[18] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья, СА, 1958, № 4, стр. 113—119; Рашид-ад-Дин. Ук. соч., т. I, кн. 2, стр. 52.
[19] В работах на Хирхире принимали участие: Андреев Г. И., Гришин Ю. С., Евтюхова Л. А., Киселев С. В., Конюхова А. Е., Петров Л. Н., Терехова Н. Н.

ных ливней можно было видеть тонкую струйку воды р. Хирхиры, по низинкам добиравшейся до р. Урулюнгуй, также почти сплошь укрытой осокой и камышами. Развалины Хирхиринского города расположены на границе земель восточной усадьбы овцеводческого совхоза (б. с. Киберевка) и колхоза с. Усть-Тасуркай, Быркинского района, Читинской области. Через территорию города проходит дорога, идущая по левому берегу р. Урулюнгуй из с. Усть-Тасуркай на Киберевку и дальше в рабочий поселок Новая Кличка. По этой дороге затем можно попасть в Кличкинский рудник и дальше на ст. Могойтуй узкоколейной ветки Забайкальской ж. д. (от ст. Могойтуй до хирхиринских развалин около 50 *км*).

Хирхиринский город расположен на низкой надпойменной террасе. К югу она примерно в 1 *км* переходит в низину поймы Урулюнгуя, а с восточной стороны от города начинаются болотины и промоины бывшего тальвега р. Хирхиры [20].

Таким образом, развалины Хирхиринского города расположены на низком мысу, некогда омывавшемся с востока р. Хирхирой и с юга протоками Урулюнгуя. В 2 *км* к северу местность повышается к Кличинскому хребту. Его первым отрогом и является гора Окошки, на которой мы открыли курганный некрополь города. «Близ» этих курганов, очевидно, и стояла в пади, отделяющей гору с севера от основного хребта, знаменитая стела Исункэ.

Остатки городских строений начинаются непосредственно у края понижения древнего западного берега р. Хирхира и тянутся на запад на 1500 *м* (рис. 1). В 350 *м* к западу от берега поймы р. Хирхиры среди остатков построек расположена цитадель. Ее окружает вал высотой до 2,5 *м* и шириной до 15 *м* в основании, образующий правильный четырехугольник, имеющий с запада на восток 100 *м* и с севера на юг — 110 *м*. С запада, юга и востока перед валом четко виден ров. С южной стороны восточная половина рва расширяется и образует обширный пруд с прихотливо изгибающимися берегами. Это заставляет вспомнить пруды китайских дворцов и искусственное озеро у южных ворот дворца Угэдея в Каракоруме. По середине южной стороны вал цитадели имеет четкий перерыв шириной до 20 *м*. Здесь, очевидно, были ворота. Кроме этих главных ворот, были еще боковые в юго-восточном углу цитадели, где ров и вал также имеют проем до 20 *м*. Внутри цитадели видны остатки ряда строений. Прежде всего нужно отметить центральное сооружение, сохранившееся в виде четырехугольного холма высотой до 2 *м* и площадью с севера на юг — 15 *м* и с запада на восток — 30 *м*. С южной стороны заметен выступ входной лестницы или пандуса. Раскопки восточной половины этого здания (раскоп I) позволили видеть в нем дворец правителя. С дворцовым зданием, безусловно, связаны остатки сооружений, заметные в виде всхолмлений на переднем южном дворе, по бокам и с северной стороны. Другое крупное здание цитадели примыкает к середине восточной стороны вала. Некогда от двора крепости его отделял дворик, четко видный и теперь. Это здание, так же как и дворец, стояло на высоком подиуме, равном современной высоте вала. Между этим зданием и северной стороной вала в северо-восточном углу цитадели заметны остатки стен какого-то сооружения, стоявшего прямо на земле. С южной стороны большого здания у вала, примыкая к нему, протянулись остатки каких-то помещений. Южная часть их была раскопана одновременно с разрезом вала и рва. По-видимому, здесь жила стража (раскоп II).

С северной стороны к валу цитадели были пристроены какие-то дворы, огороженные стенками. Внутри каждого из них были небольшие постройки.

[20] Если от развалин на запад, к Киберевке и Кличке, дорога идет сухими взгорьями, то на восток, к Усть-Тасуркаю, она проходит сырыми лугами и пашнями и после даже небольших дождей становится непроезжей. Мало удобны и дороги, идущие по обеим сторонам р. Хирхиры на север, через Ивановку и Ивановский рудник на тот же обширный поселок Кличкинского рудоуправления.

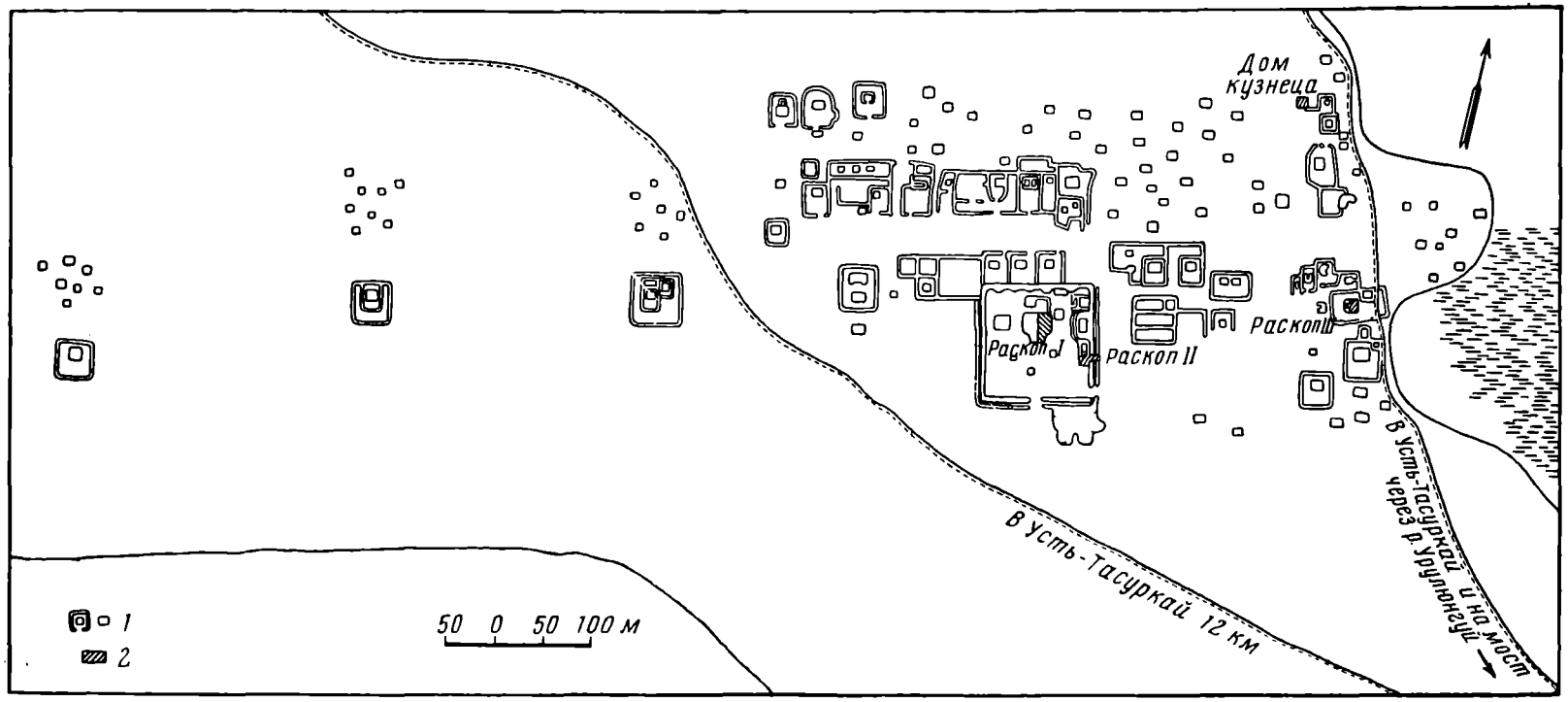


Рис. 1. План Хирхиринского городища

1 — остатки домов и построек; *2* — раскопки 1959 г.

В какой-то связи с этими дворами находятся особенности строения внутренней стороны северного вала цитадели. Изнутри к нему здесь как бы пристроены пять утолщений. Три из них совпадают с наружными двориками. От этих двориков и северо-западного угла цитадели протянулись на запад какие-то обширные огороженные площади квадратных очертаний. Лишь на одной из них стояло здание. Значительно менее мощные и низкие валики и вместе с тем правильность планировки заставляют предполагать, что это — садовые участки, подобные примыкающим с востока к цитадели уйгурской столицы Орду-Балык на Орхоне [21].

Вокруг цитадели расположены остатки различных строений города. Одни из них строго повторяют ориентировку стен крепости и отличаются большой правильностью планировки, что, вероятно, указывает на одновременность их постройки и сооружения цитадели. Другие здания менее правильны в своей планировке и по направлению стен только в общем совпадают с ориентировкой крепости. Все сооружения восточной части города можно разбить на три вида. Это, прежде всего, огороженные низкими валиками правильные четырехугольники, образующие сетку участков. На их площади нет никаких следов построек, и поэтому в них можно видеть остатки регулярных садов. Другие представляют собой замкнутые ограды, иногда с пристроенными к ним боковыми задними дворами. Внутри оград видны остатки центральных зданий, иногда парных, и следы других сооружений. Еще в 1957 г. мы назвали их укрепленными усадьбами знатных горожан. Теперь, вскрыв один из домов такой усадьбы (раскоп III), мы не получили данных, опровергающих это определение.

Третий вид остатков зданий в восточной части Хирхиринского города — это небольшие подчетырехугольные холмики. В 1957 г. мы определили их как развалы глинобитных домиков городской бедноты. В 1959 г. мы раскопали один из них на северо-восточной окраине и получили доказательства, что в нем жил кузнец.

К северу и северо-западу от цитадели расположены целые кварталы огороженных усадеб. Одни из них стоят отдельно, другие сливаются в сложную сетку дворов и закоулков. Между группами их видны переулки. Здесь же разбросаны и холмики мелких домишек. К западу от цитадели четыре укрепленные усадьбы располагаются обособленно друг от друга. Расстояние между ними достигает 170—200 *м*. Эти усадьбы более обширны, и две из них укреплены внутренними стенами.

Мелкие домики здесь также не образуют сплошной застройки, но группируются сзади (с северной стороны) каждой из усадеб. Более мощные укрепления западных усадеб, приближающихся по высоте и толщине валов к укреплениям цитадели, создают впечатление как бы форпостов города, выдвинутых далеко на запад. Но подъемный материал, собранный здесь в 1957 и 1959 гг., не позволяет видеть в них какие-то специально военные сооружения. Обломки посуды, чугунных котлов и другие бытовые предметы ясно показывают, что и здесь текла повседневная жизнь обитателей Хирхиринского города.

Как уже упомянуто, главный раскоп I охватил всю восточную половину центрального здания цитадели и прилегающие части двора (всего 544 $м^2$; рис. 2). Раскопки, прежде всего, позволили уточнить линию подошвы подиума дворца и границу его верхнего края (рис. 3), а также его высоту до уровня пола. Находка у подошвы подиума на участке Е3 остатка кладки из сырцового кирпича высотой в 20 *см* заставила считать, что, по крайней мере, в нижней части наклонный срез склонов подиума был укреплен стенкой из сырцовых кирпичей.

Что касается самого здания дворца, стоявшего на верхней площадке подиума, то его конструкция остается не совсем ясной. Однако некоторые выводы сделать можно. Прежде всего, крайне ограниченное количество

[21] Современный Хара-балгас. См. С. В. Киселев. Древние города Монголии. СА, 1957, № 2, стр. 93.

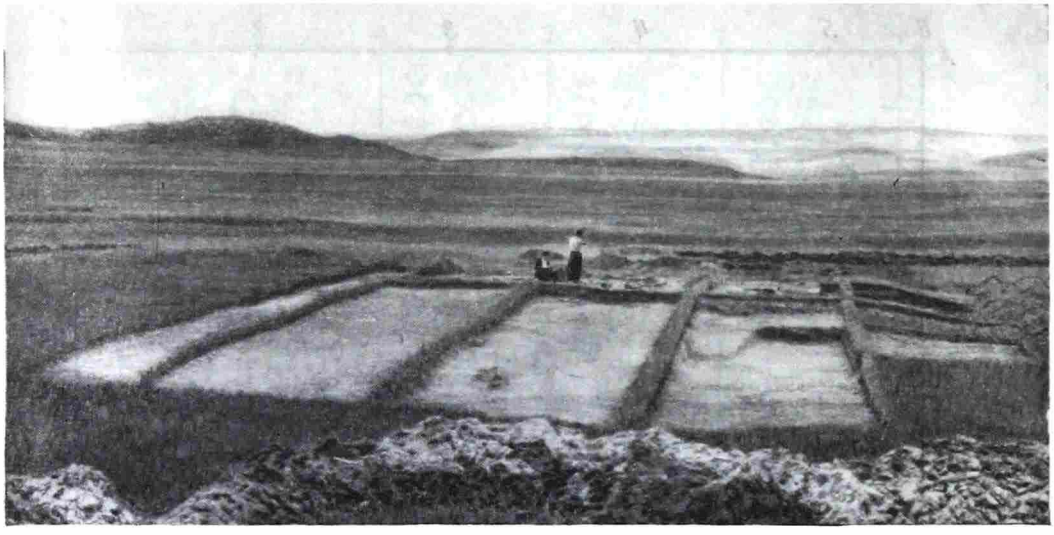


Рис. 2. Вид раскопок дворца

находок камня не позволяет считать, что стены здания, хотя бы в нижней своей части, были сложены из камней (подобно тому, как это было сделано в Кондуйском дворце) [22]. Кирпич найден двух размеров: обычный строительный — 32 × 16 *см* и 5 *см* толщиной и квадратный — 30 × 30 *см*, употреблявшийся для выстилания пола. Однако количество обломков кирпичей, найденных в раскопе I, также исключает предположение об употреблении его для кладки стен. Всего найдено 3827 кирпичей (главным образом обломков и несколько десятков целых). При этом наиболее насыщенными кирпичом оказались внутренние участки раскопа, соответствующие внутреннему пространству дворца (рис. 4). Здесь на каждый участок приходится в среднем 260 обломков и целых кирпичей, причем в ряде мест они сохраняют свое первоначальное положение настила пола. На внешних же участках раскопа, бóльшая площадь которых выходит за пределы здания, количество кирпичей резко падает (до 60 фрагментов на каждый участок). Все это заставляет считать, что стены дворца были деревянными, щитовыми. Их основу составляли столбы. Частично столбы были врыты в площадку подиума, и поэтому их удалось зафиксировать (см. рис. 3), но большее число столбов было установлено просто на плотно убитой земляной поверхности подиума (может быть, на деревянных подкладках) и поэтому не сохранилось совершенно. Однако по ряду признаков мы все же можем восстановить линию наружных стен раскопанной части дворца. Прежде всего линия кирпичей края настила пола на участках Г3 и Г4 позволяет определить место и направление южной, фасадной, стены. Столб на участке В2, по-видимому, отмечает линию восточной стены дворца. Столбы, обнаруженные на участке Б3 (один из них смещен к северу оплывом сильно разрушенного здесь края подиума), также можно считать опорой стены, но уже с северной стороны здания. В раскопанной части дворец Хирхиринской цитадели имел с юга на север 10,5 *м* и с востока на запад 14 *м*. Общая же его площадь достигала 300 $м^2$.

В некоторых своих частях дворец отапливался. Во всяком случае, это зафиксировано для юго-восточной его части, где ниже уровня кирпичного пола уцелела почти сплошная вымостка из плитняка (рис. 5). Под этой вымосткой обнаружены два широких отопительных канала глубиной до 0,4 *м*, каждый из которых соответствовал топке, врытой в восточный обрез склона подиума. Направление каналов можно было определить еще до их вскрытия благодаря тому, что в них просели перекрывавшие их

[22] С. В. Киселев. Древние города Забайкалья.

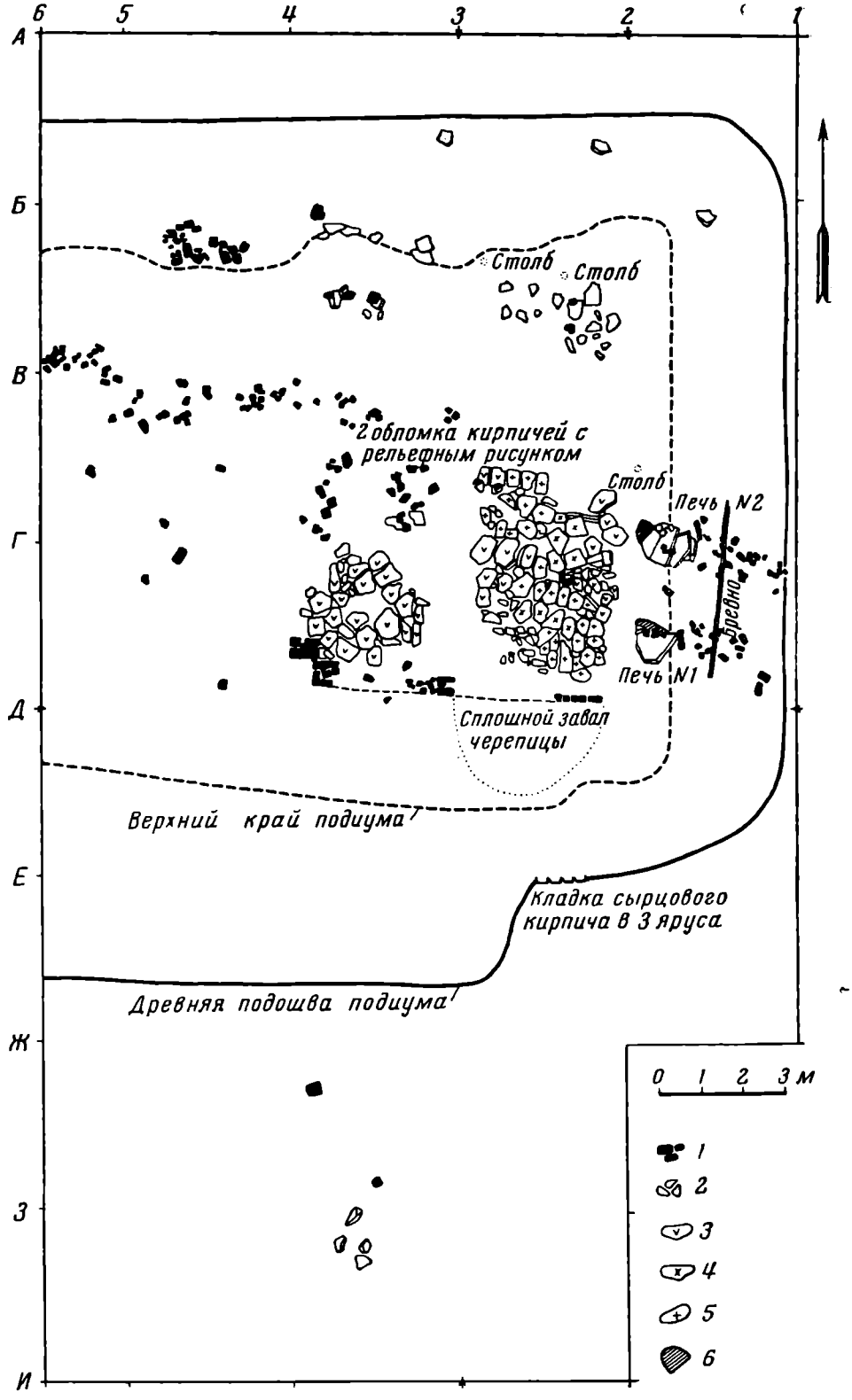


Рис. 3. План раскопанной части дворца-цитадели

1 — кирпичи; *2* — камни, плиты; *3* — плиты, лежащие горизонтально до глубины 30 *см*; *4* — то же, на глубине 50—60 *см*; *5* — плиты, просевшие в отопительные каналы; *6* — обожженная глина

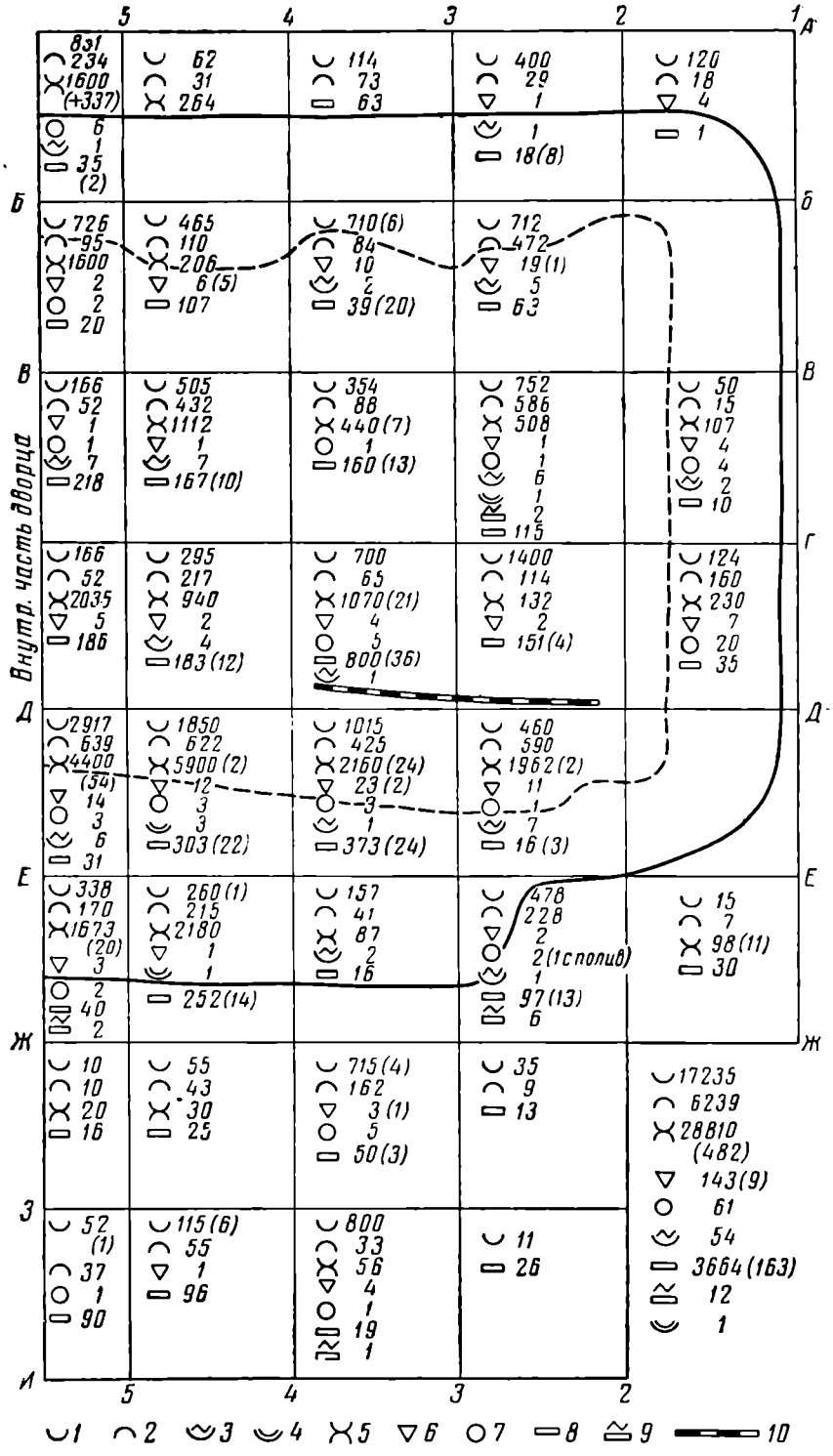


Рис. 4. Схема раскопанной части дворца с указанием количества находок по квадратам

1 — нижняя черепица; *2* — верхняя черепица; *3* — нижняя черепица с орнаментом; *4* — нижняя черепица с валиком; *5* — мелкие обломки черепиц; *6* — отливы нижних черепиц; *7* — диски верхних черепиц; *8* — кирпичи; *9* — кирпичи с рельефным орнаментом; *10* — линия стены. (Цифры в скобках обозначают предметы, сильно обгоревшие)

плиты. Просели же они потому, что завалилась продольная средняя стенка, сложенная из кирпичей и из плиток, делившая каждый канал на две части. Так как оба канала не выходили за пределы линии З, то нужно полагать, что центральная стенка в них играла не только роль опоры

Рис. 5. Дворец. Плиты перекрытия отопительных каналов (кв. В2-3)

перекрытия, но и разгораживала канал вдоль на две части с тем, чтобы по одной его половине горячий воздух из топки шел с востока на запад, а по другой его половине, повернув, направлялся опять к востоку, где дым и выходил наружу.

Большой интерес представляет конструкция топок (рис. 6). Их перекрытие обнаружено на 80 *см* ниже уровня пола дворца. Вертикальный обрез подиума в этом месте укреплен стенкой из крупных сырцовых кирпичей (толщиной до 10 *см*; рис. 6). Под эту стенку уходят, повышаясь внутрь здания, отопительные каналы шириной до 35 *см*, соединенные с верхней частью топочного пространства, которое подквадратно в плане и имеет 72 *см* в длину и ширину и до 40 *см* в высоту. Топочное пространство вырыто в плотно утрамбованной земле подиума и, вероятно, было по стенкам обмазано глиной. В центральной части его наружной стенки прорезан устьевой проем шириной в 45 *см* и глубиной в 26 *см*. Его стенки укреплены поставленными на ребро плитами толщиной в 5—6 *см*, а сверху перекрыты плитой и кирпичами таким образом, что устьевое отверстие топки имеет ширину 30 *см* и высоту до 25 *см*. Пространство в 2 *м* между обеими топками забито золой и мелким углем. Вероятно, печи топились не дровами, а сухой травой, скорее всего камышом или осокой, которых очень много в долине Урулюнгуя. В топку, очевидно, шли и кости, остававшиеся от еды. В 90 *см* к востоку от устьев топок лежит с севера на юг бревно, толщиной до 20 *см*, по-видимому укреплявшее предтопочное возвышение. Далее к востоку от бревна подход к топкам уже совпадает с поверхностью почвы. Изучение топок и отопительных каналов позволяет заключить, что в юго-восточном углу здания находилась теплая комната, по-видимому отгороженная от остальных помещений внутренними стенками. Линии этих стенок можно установить по следующим признакам (см. рис. 3). Юго-западный угол комнаты намечается поворотом на север выкладки кирпичей на участке Г4. Направление же северной перегородки как будто намечается столбом на участке В2 и северной границей каменного настила над отопительным каналом на

участке В3. Здесь же найдено два кирпича, орнаментированных рельефным изображением цветов в вазе, по-видимому, украшавших нижнюю часть перегородки (рис. 7). Таким образом, теплая комната имела площадь 6 × 7 *м*. Всю ее восточную половину занимал теплый кан, нагревавшийся описанными выше двумя топками. Наличие настила из плит в

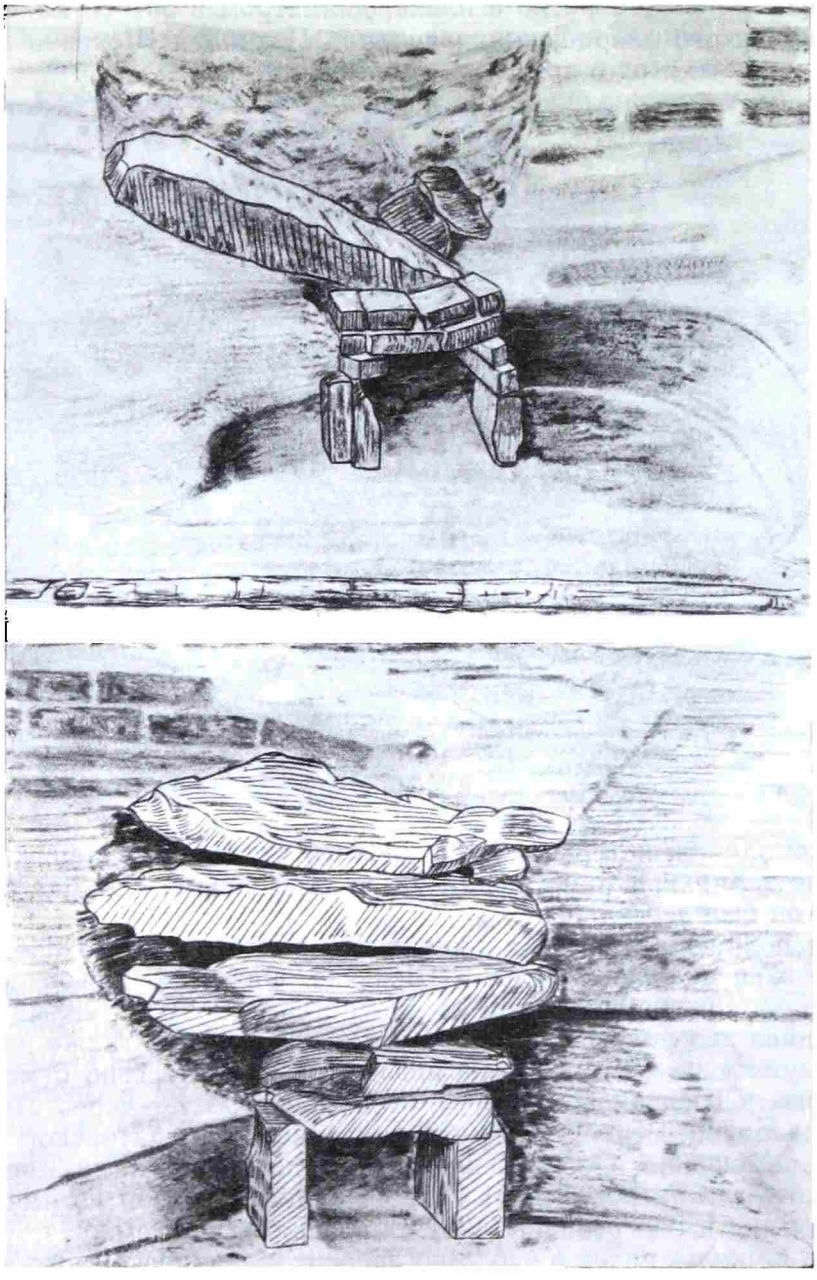


Рис. 6. Дворец. Топки с восточной стороны подиума

юго-западном углу комнаты, может быть, служит указанием на помещение здесь в особо холодное время дополнительного отопления — чугунных жаровен с горячими углями.

Такая система частичного отопления дворцовых помещений характерна для дворцовой архитектуры Дальнего Востока. Я имел возможность изучить их в двух древних дворцах Китая — в манчжурском Гугуне Шеньяна и в Минско-Циньском Гугуне Пекина.

В обоих случаях топки были установлены в облицованных кирпичом колодцах глубиной в 1,2—1,8 *м*, встроенных в толщу внешней террасы подиума у самой стены здания. После прекращения горения колодцы закрывались деревянной крышкой. Верх устьевого отверстия топок апартаментов императора Канси в Пекине находится на глубине 70 *см* от поверхности террасы, имеет ширину до 25 *см* и высоту 20 *см*. Само топочное пространство округло в плане, диаметром в 50—60 *см*. В отличие от Хирхиринского дворца, топки дворцов Пекина и Шеньяна находятся

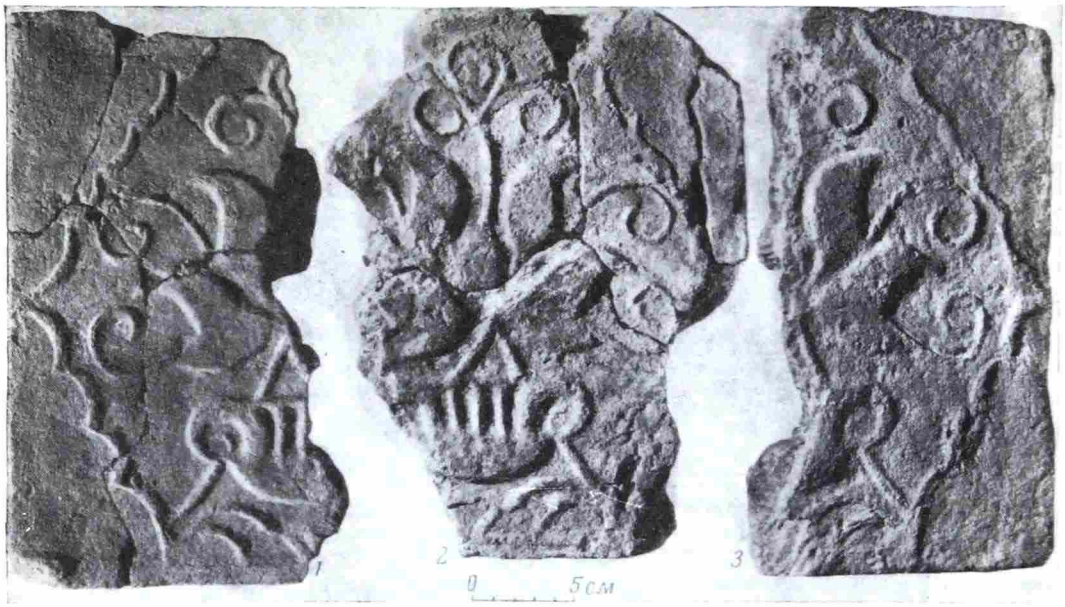


Рис. 7. Дворец. Фрагменты кирпичей с рельефным узором
1 — кв. В3; *2* — А4; *3* — В3

под стеной здания, которая здесь в нижней части массивная, кирпичная. Вынесение в Хирхире топки подальше от стен дворца еще раз подтверждает, что он был деревянным.

Почти полную аналогию хирхиринской теплой комнате представляет императорская спальня дворца в Шеньяне. Она еще меньше хирхиринской, и значительную ее часть у внешней стены образует теплый кан, возвышающийся над полом на 30—35 *см*. Он обогревался также двумя топками и служил зимой императорской постелью. Интересно отметить, что выход дыма в Шеньянском дворце был очень прост — через отверстие в стене над топкой, непосредственно под окном императорской спальни. Соседние помещения в осмотренных мною дворцах иногда имели такие же каны, иногда нагревался их пол, но чаще всего они не имели никакого отопления и обогревались лишь жаровнями с углем.

Теперь несколько слов о входе во дворец Хирхиринской цитадели. Как уже указывалось, с южной стороны подиума имеется выступ, полого спускающийся к уровню почвы. Раскопки не обнаружили здесь остатков лестницы. Очевидно, это был отлогий пандус, вымощенный кирпичом (на раскопанной части его площади найдено свыше 300 фрагментов кирпичей). Пандус приводил к неглубокой передней террасе дворца, также, повидимому, выстланной кирпичом. На террасу открывались двери центральной части южной стены дворца.

Самым многочисленным материалом среди находок в Хирхиринском дворце являются фрагменты черепицы от его кровли. Всего при раскопках найдено 53 033 обломка кровельных черепиц и их украшений. Подсчеты находок отдельных видов черепиц позволяют составить представле-

ние о конструкции черепичного перекрытия (см. рис. 4). Прежде всего обращает на себя внимание значительное преобладание нижних широких вогнутых черепиц (рис. 8) над полуцилиндрическими верхними (рис. 9). Последние как на внешних, так и на внутренних участках раскопа I составляют одну треть. Почти в таком же соотношении и находки украшений концевых черепиц; если отливов от концов нижних черепиц найдено 152 фрагмента, то обломков дисков, украшавших концы верхних черепиц, найдено всего 60. Это позволяет сделать вывод о том, что крыша Хирхиринского дворца крылась не путем чередования полосы нижних черепиц

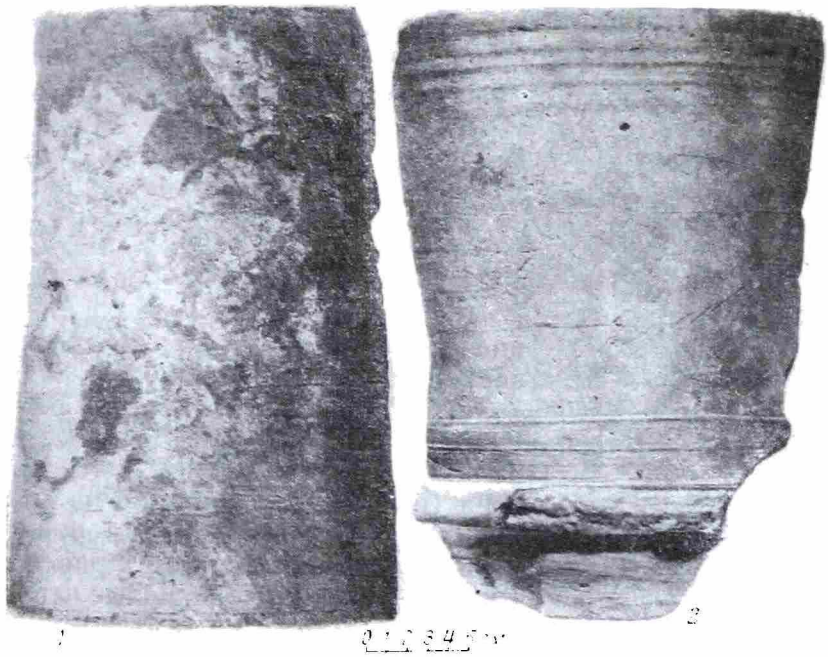


Рис. 8. Дворец. Нижние черепицы
1 — кв. Б5; *2* — В3

с полосой верхних, а в несколько ином ритме. Например, так: две нижние черепицы и перекрывающая их сверху такая же широкая черепица, но положенная выпуклой стороной вверх, затем новая группа из трех широких черепиц, и только стыки между этими группами перекрывались полуцилиндрическими «верхними» черепицами. Кроме того, изучение количества находок отливов и дисков по различным сторонам дворца как будто говорит о том, что наиболее богато украшенным был фасадный южный склон крыши, затем боковой, восточный, а северный, задний, от которого уцелело всего восемь мелких обломков дисков, имел, по-видимому, самую скромную орнаментацию.

Кровля Хирхиринского дворца была одноярусной, но четырехскатной. Ее одноярусность устанавливается по отсутствию каких-либо признаков внутренних колонн, делящих двухъярусные здания дальневосточного типа на три нефа, из которых средний и перекрывается вторым, верхним, ярусом кровли. Против двухъярусности говорит и крайне незначительное число находок обломков отливов и дисков на «внутренних» участках раскопа I (16 из 152 обломков отливов и 8 из 61 обломка дисков). По малочисленности они, конечно, не могли служить украшением верхнего яруса кровли. Они попали внутрь здания при обрушении одноярусной крыши. Четырехскатность кровли Хирхиринского дворца устанавливается уже отмеченным выше наличием значительного числа находок отливов

Рис. 9. Дворец. Верхняя черепица (кв. Б4)

и дисков вдоль восточной стены (29 отливов и 25 дисков). Если бы здесь был фронтон двускатной кровли, то (по твердо установившейся на Дальнем Востоке традиции) отсутствовали бы отливы и диски, так как фронтон украшается только несколькими рельефными валиками, идущими вдоль его верхнего края, а то и просто полосой темной окраски.

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей черепицы. Вся она сделана из серой хорошо отмученной глины, с выпуклой стороны тщательно заглажена, иногда до залощенности, с вогнутой — имеет всегда отпечатки ткани. Размеры нижних черепиц обычно таковы: длина — 28,5—29 *см*, ширина вверху — 14,5—16,5 *см*, внизу — 17,5—20 *см*, толщина по краям — 1,4—2 *см* и посередине — 0,7—1,2 *см*. Размеры верхних черепиц: длина 28—29 *см*, ширина внизу — 15—16 *см*, вверху — 13—15 *см*. Толщина у края — 1,5—2,5 *см*, посередине — 1—1,5 *см*. Большинство черепиц имеют гладкие обрезы. Однако среди верхних черепиц встречались и имеющие с более узкой стороны зазор. Среди нижних широких черепиц одна имела с узкой стороны валик, образовавший также подобие зазора (рис. 8). Большинство нижних и верхних черепиц с выпуклой стороны гладкие. Однако почти во всех частях раскопа I встретились обломки и даже целые черепицы обоих сортов, украшенные по выпуклой стороне резным узором. Обычно это идущие поперек всей черепицы пояски из прочерченных острием параллельных линий, между которыми размещены волнистые ленты, арочки или фестоны, образованные такими же семью параллельными линиями (рис. 10).

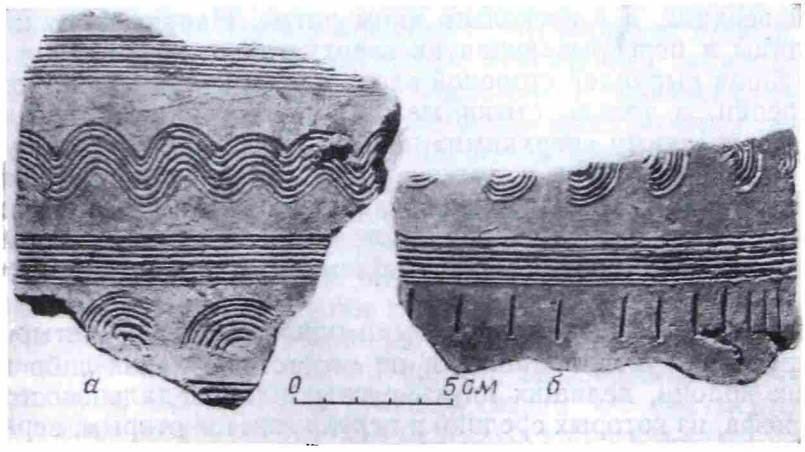


Рис. 10. Дворец. Резные узоры на черепицах
а — кв. Д5; *б* — Д6

Кроме того, встречены также черепицы, у которых наряду с резным узором фестоны и волны образуют желобки, нанесенные тупой палочкой (рис. 11). Всего таких орнаментированных черепиц найдено две целых

Рис. 11. Дворец. Нижняя и верхняя черепицы с резным и желобчатым узором
1 — кв. Г2; *2* — А6

(верхняя и нижняя) [23] и 52 обломка. Каково место этих черепиц в кровле, точно сказать нельзя, так как они найдены и на внешних и на внутренних участках. Ясно только одно: орнамент на выпуклой стороне широких черепиц подтверждает высказанное предположение о перекрытии пазов не только полуцилиндрическими «верхними» черепицами, но и широкими «нижними», которые клали в таких случаях выпуклой стороной вверх.

Орнаментация выпуклой поверхности черепицы резными линейными орнаментами представляет собой, по-видимому, мастерство местных черепичников. Во всяком случае, ни в МНР, ни в Китае, ни в Корее, ни на Советском Дальнем Востоке нам не встретились подобные черепицы.

Иначе обстоит дело с формой и орнаментацией отливов концевых, «нижних», черепиц. Эти отливы представляют собой простой отгиб вниз нижнего (широкого) края черепицы. Нижний край этого отгиба обычно гофрирован защипами или косыми вдавлениями палочки (рис. 12). Плоскость отгиба украшена чаще всего несколькими параллельными бороздками и валиками. Валики часто косыми нарезками превращены в имитацию шнура. Иногда встречаются между бороздками вдавления узелка или круглого штампа с точкой внутри, а также зубчатого штампа. Иногда здесь только косые нарезы (рис. 13).

[23] Квадраты Г2 (нижняя) и А6 (верхняя).

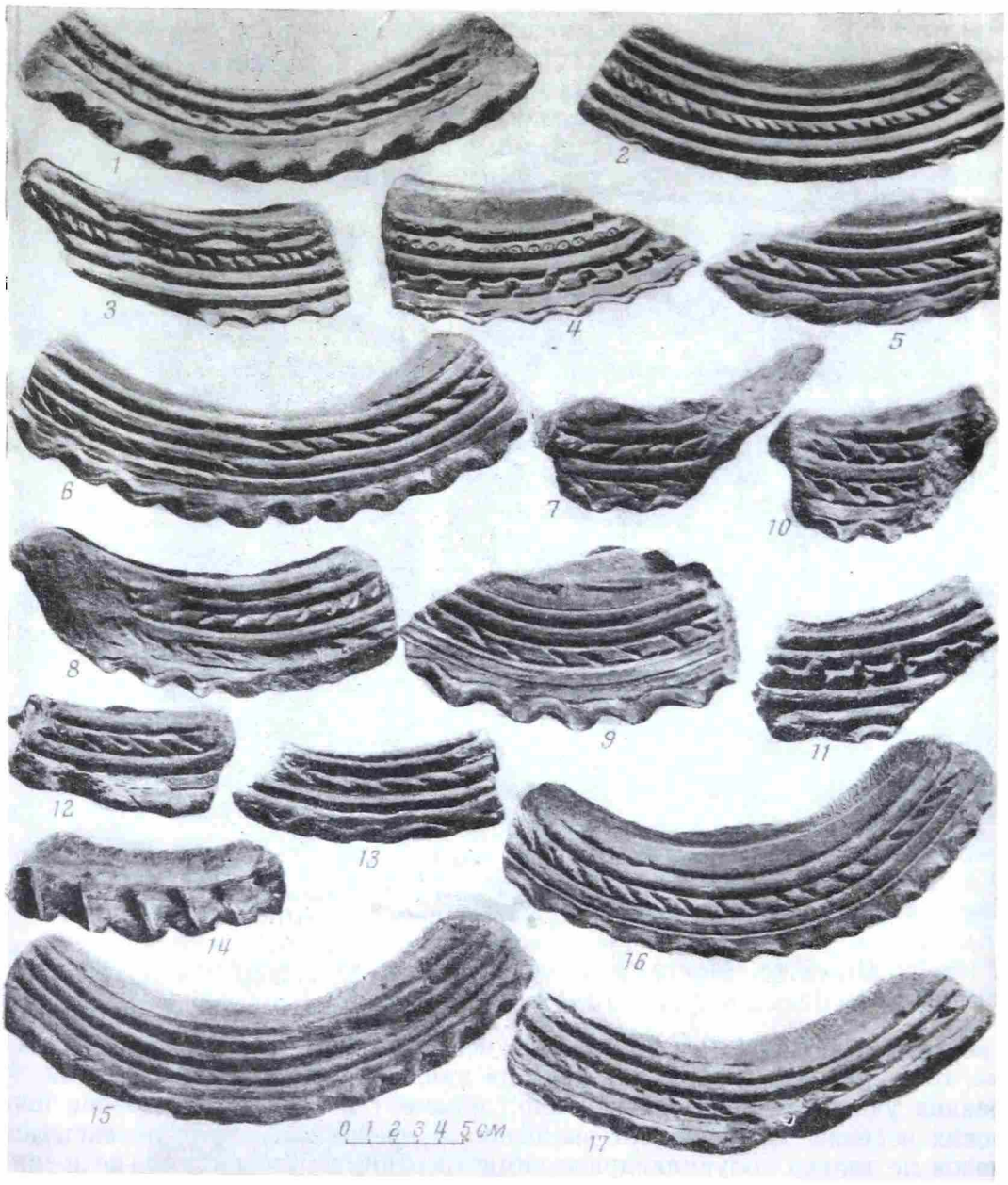


Рис. 12. Дворец. Орнаменты на отливах нижних черепиц

1 — кв. В2; *2* — А2; *3* — Д4; *4* — Г5; *5* — Б4; *6* — В2; *7* — Г4; *8* — А2; *9* — Б4; *10* — Б3; *11* — Д4; *12* — Б2; *13* — Г2; *14* — Б3; *15* — В5; *16—17* — Г4

Все эти отливы ближе всего к черепицам, найденным Э. В. Шавкуновым на Николаевском и Краснояровском городищах Приморья, относящимся к чжурчжэньскому времени — XI—XIII вв.[24].

[24] Э. В. Шавкунов. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья. Тр. БКНИИ СО АН СССР, вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 174—193, рис. 13—20. В упомянутом труде Э. В. Шавкунов неверно передает мое утверждение о генетической связи между бохайской и чжурчжэньской черепицей, изображая дело так, будто бы я в своей работе «Из истории китайской черепицы» (СА, 1959, № 3, стр. 159—178) основываю этот вывод на изучении всех видов украшений черепицы, т. е. и отливов, и дисков (стр. 176). Между тем в моей статье ясно говорится, что эта генетическая связь устанавливается только по отливам. И напрасно Э. В. Шавкунов пытается эту связь отрицать. Приведенные им в цитированной статье изображения отливов бохайской нижней черепицы (рис. 4, 7) только подтверждают, что уже в VIII—X вв. разрабатывались почти все приемы орнаментации отливов нижних черепиц, которые потом были применены для украше-

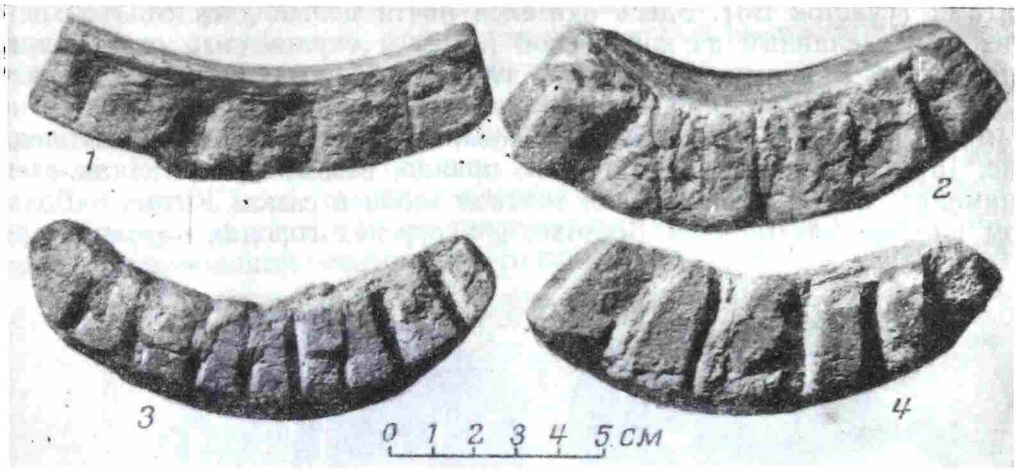


Рис. 13. Дворец. Торцы верхних черепиц с нарезами для лучшего прикрепления концевого диска

1 — кв. Д4; *2* — Б4; *3* — Г4; *4* — Д4

Аналогичная орнаментация отливов обнаружена Л. Р. Кызласовым при раскопках города в местности Дён-Терек в Тувинской АО, относящегося к XII—XIII вв.[25].

Орнаментация дисков «верхних» черепиц Хирхиринского дворца более своеобразна[26]. На окруженном жемчужником поле расположен сложный орнамент из рельефных изогнутых линий и трех выпуклин. В целом весь орнамент напоминает изображение какого-то жука или ракообразного (рис. 14). Вместе с тем сравнение этого орнамента с наиболее примитивными изображениями человеческой личины из чжурчжэньских городищ Приморья[27], и особенно из Дён-Терек[28], позволяет полагать, что перед нами также схема личины, но прямое значение ее забыто мастером. В самом деле, он изображает уши в обычной манере, глаза и широкий нос передает тремя выпуклинками, складки лба превращает в какие-то серповидные линии, пропускает рот, но тремя выпуклостями передает бороду. По-видимому, здесь, как и в орнаментации выпуклых поверхностей черепиц, сказывается местная особенность черепичного мастерства. С одной стороны, в нем виден известный провинциализм, оторванность от ведущих центров черепичного производства того времени, а с другой, проявляется собственная выдумка, связанная с местными традициями в орнаменте.

Подытоживая результаты анализа кровли и черепиц, можно сказать, что перед нами — комплекс, довольно типичный для черепичного мастерства XI—XIII вв., ближе всего связанный с черепичным производством чжурчжэньских городов нашего Приморья, откуда, по-видимому, и черпали строители древнейших монгольских городов образцы для технологии и декора. Однако они не были пассивны и вносили в орнаментацию черепицы свои характерные черты.

Теперь необходимо отметить одну находку, сделанную во дворце при расчистке северного отопительного канала, под перекрывавшими его

ния чжурчжэньских отливов. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить между собой рисунки отливов бохайского и чжурчжэньского времени, приведенные самим Э. В. Шавкуновым. Что касается дисков «верхних» черепиц, то их орнаментация в чжурчжэньское время была совершенно иной по сравнению с бохайской, и это было показано мною достаточно ясно (стр. 168 и 170—171).

[25] С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, 3, рис. 10.

[26] Для лучшего скрепления диска с торцом верхней черепицы на торце делались нарезки (рис. 13).

[27] Э. В. Шавкунов. Ук. соч., рис. 10.

[28] С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы, рис. 9.

плитами (участок В3). Здесь оказался почти целый диск от «верхней» черепицы, сделанный из коричневой глины и украшенный совсем иным орнаментом. В центре окруженной глубокой бороздкой площади диска глубокой же бороздкой выделена центральная выпуклина, вокруг нее штампом нанесены лучеобразно 11 овально-подтреугольных углублений (рис. 15). Этим способом получена, правда, весьма примитивная схема орнамента, характернейшая для танской эпохи в самом Китае, в Бохайском царстве на Дальнем Востоке, в уйгурских городах на территории

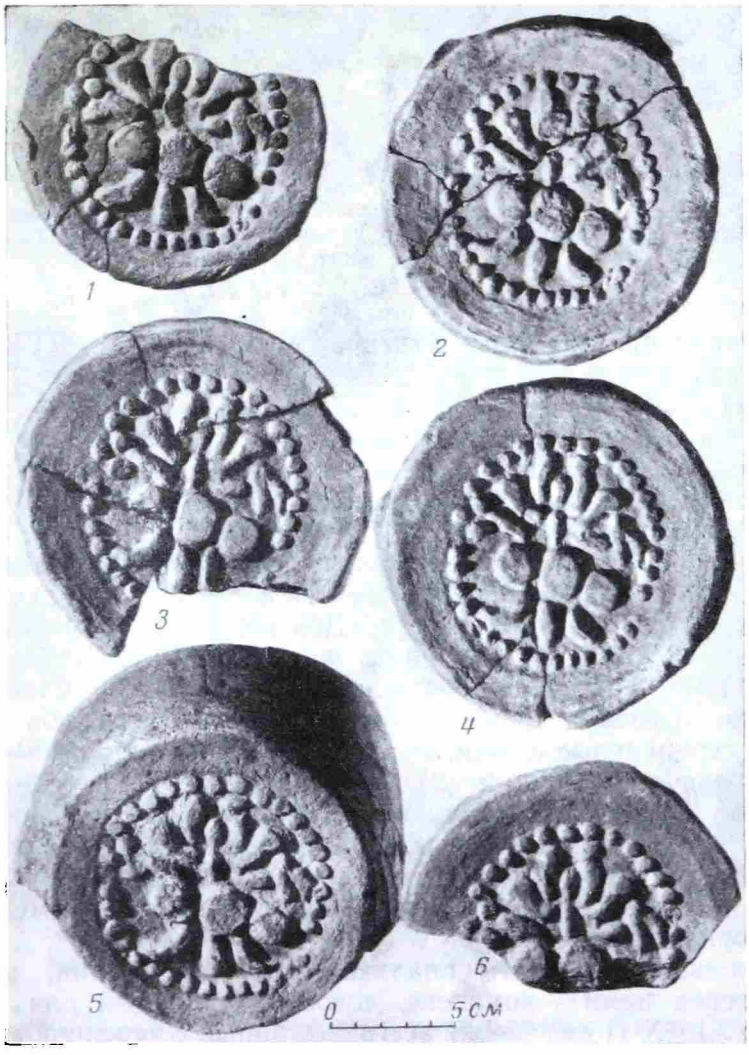


Рис. 14. Дворец. Концевые диски верхних черепиц с орнаментом
1 — кв. Б6; *2* — Г2; *3* — А6; *4* — Б3; *5* — Г2; *6* — Г2

Монголии и даже в Ак-Бешиме в Киргизской ССР [29]. Еще один аналогичный диск, орнаментированный таким же способом — в виде вдавленной розетки, найден был в раскопе II, в его нижнем слое, уходящем под вал Хирхиринской цитадели. Особенности этих дисков и условия их залегания позволяют считать их остатками от постройки более ранней, чем Хирхиринская цитадель. Эта деталь очень важна. Ведь и столица Чингизидов Каракорум, как показали наши раскопки 1949 г., была построена на месте более раннего поселения X—XI вв. [30]. Таким образом, можно с

[29] С. В. Киселев. Из истории китайской черепицы. СА, 1959, № 3, стр. 164—168.
[30] С. В. Киселев. Древние города Монголии, стр. 97—98.

еще большей уверенностью заключить, что градостроительство в древнемонгольском государстве, обусловленное социально-экономическими причинами, имело и свою многовековую традицию.

Остается упомянуть о бытовых находках во дворце Хирхиринской цитадели. Они прежде всего свидетельствуют о том, что это здание было жилым. Всюду найдены остатки пищи — раздробленные кости домашних животных, особенно бараньи. Также многочисленны обломки посуды. Бо́льшую их часть (13 фрагментов) составляют обломки крупных сосудов, формованных ленточным способом, на кругу из серого хорошо

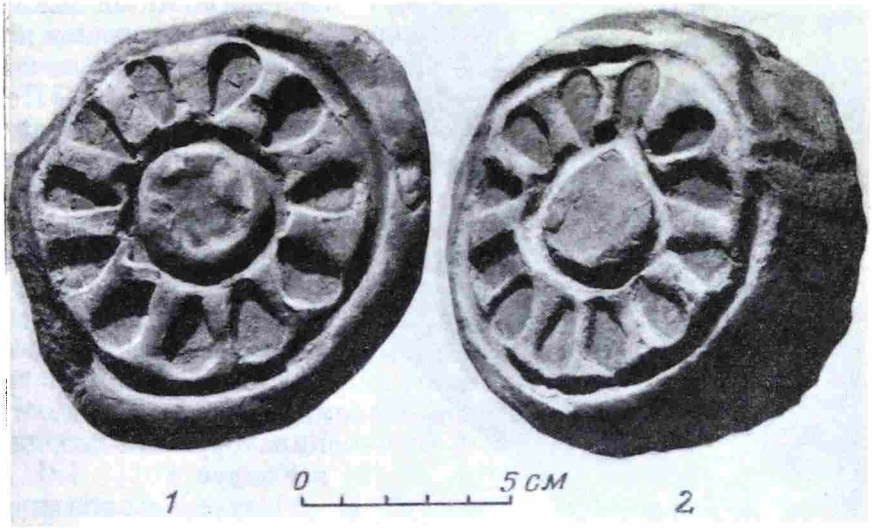


Рис. 15. Концевые диски верхних черепиц с более древним орнаментом
1 — отопительный канал дворца, кв. В3; *2* — раскоп II, у вала, кв. А2

отмученного теста, образовавшего после обжига хорошо спекшийся «каменный» черепок. Снаружи и изнутри эти сосуды были покрыты серо-зеленой поливой. Иногда по их поверхности проходят валики с косыми насечками (рис. 16, *3*) [31]. Кроме этой посуды, найдены обломки сосуда, покрытого черной поливой [32], обломок зеленой селадоновой чаши (рис. 16, *2*) [33] и обломки неполивных сосудов из темно-серой глины (рис. 16, *1*) [34]. Сюда же должен быть отнесен и обломок чугунного котла [35].

Весь этот комплекс посуды совершенно сходен с той серией находок, которая была собрана на поверхности Хирхиринского городища во время его осмотра в 1957 г., и подчеркивает органическую связь всех его частей. В то же время этот комплекс посуды (к нему надо прибавить новые случайные находки керамики типа Ци-Чжоу) совершенно аналогичен находкам в Каракоруме, хотя и много беднее.

Из других находок во дворце прежде всего надо упомянуть две монеты. Одна из них найдена под плитами, покрывавшими отопительный канал на участке Г3. Она относится к правлению Сев. Сунского императора Женьцзуна (1023—1064) [36]. Другая монета того же времени найдена на уровне пола у самого пикета В6 [37]. Интересна также находка внут-

[31] Д5—4 экз., Г4—5 экз., Г6—2 экз., В4—2 экз.
[32] Ж6.
[33] Е3.
[34] А3, Б6.
[35] В5.
[36] Пэй Синь-вэй. История китайской монеты. Шанхай, 1954, табл. 33, *15* (на кит. яз.).
[37] Там же, рис. 7.

ри дворца (на участке Г4) обломка втулки от оси повозки (монг. «цюн»), также подтверждающая связь Хирхиринского дворца с повседневной жизнью.

Большое число кованых гвоздей, найденных по всей площади раскопа I, нужно относить главным образом к кровле. Такими гвоздями обычно укреплялись верхние черепицы на деревянном решетнике.

Какова была судьба дворца Хирхиринской цитадели? Значительное количество углей и обугленных палок от решетника кровли, а также известный процент прокаленных докрасна черепицы и кирпичей не оставляют сомнения в том, что здание погибло от пожара. Но когда он произошел и что было его причиной, пока остается неизвестным. Пожалуй, можно только сказать, что жизнь Хирхиринской цитадели не была долговременной; об этом говорит как незначительность культурного слоя, так и отсутствие той роскоши времен расцвета древнемонгольского государства, которая столь ярко отразилась в находках и в архитектуре Каракорума и дворца XIV в. в Кондуе.

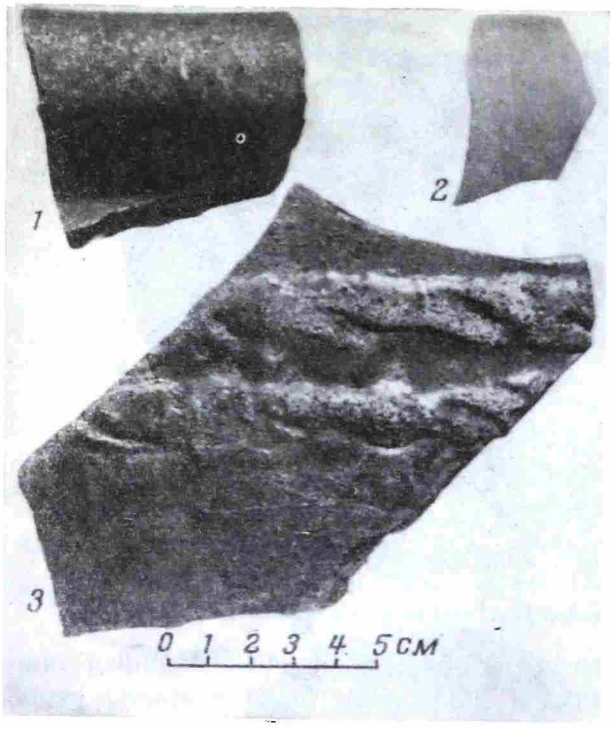


Рис. 16. Дворец. Находки керамики

1 — фрагмент сероглиняного сосуда (кв. Б6); *2* — обломок селадоновой чаши (Е3); *3* — обломок сосуда из серой глины, покрытого серо-зеленой поливой (Г4)

Изучение вала и рва цитадели (раскоп II, рис. 17) дало следующие результаты. Ров в первоначальном своем виде не имел отвесных стенок. Его края понижались отлого на глубину всего 1 *м* ниже древней поверхности почвы. Первоначальная ширина его по верху достигала 5 *м* (до пикета Б2). Вал представляет собой остатки укрепления, первоначально имевшего бóльшую высоту и более отвесные скаты. С внутренней стороны в разрезе вала сохранилась облицовочная часть в виде стенки мощностью в 75 *см* из твердо сбитого темного суглинка с прослойкой строительных остатков мелкой щебенки (из кирпича и черепицы). Таким образом, можно полагать, что изнутри цитадели вал имел вид отвесной стены. Сама насыпь была сооружена из светло-серого суглинка с включением тех же строительных остатков. Наружная часть вала оказалась сильно размытой и оплывшей. Судя по мощному оплыву глины, заполнившей нижнюю часть рва, можно полагать, что снаружи вал был облицован глиной, вероятно, так же как и изнутри, сбитой в вертикальную облицовочную стенку. Если эти соображения правильны, то стена Хирхиринской цитадели могла иметь первоначально толщину до 3 *м* и высоту свыше 2 *м*. По ее верху, вероятно, шла еще деревянная преграда, от которой прослеживаются в профиле вала ямы от столбов диаметром 35—40 *см* (например, по линии А, в 80 *см* к западу от пикета А2). Может быть, эта преграда была плетневой, обмазанной глиной, подобно той, которая была установлена на валу, окружавшем Каракорум.

В 3 *м* к западу от внутренней стены вала раскопки обнаружили остатки глинобитной стенки толщиной 40 *см*. Все раскопанное пространство к

западу от этой стенки оказалось заполненным остатками жилища. Его перекрытие опирались на ряды столбов диаметром до 20 *см* и имело вымазанный глиной пол. На его поверхности, в северной части раскопа сохранился отопительный канал, перекрытый плитами, и остатки топки в виде развала кирпичей, плит и скопления золы и угля. Невдалеке от этой топки обнаружена яма, наполненная костями съеденных домашних животных. Здесь же найдены девять обломков черепицы, совершенно аналогичной дворцовой. На участке А—Б4 к западу от стенки (т. е. внутри описываемого жилища) найдено девять обломков сосудов, покрытых серо-зеленой поливой, также совершенно сходной с найденной во дворце. Кроме того, здесь найдены обломки серой и розовой неполивной посуды, глиняное пряслице, кусок железного шлака, два наконечника стрелы и медные ножны для небольшого ножа. Особо следует отметить найденную на участке А6 во втором слое, т. е. на уровне пола, монету чжурчжэньского императора Ши цзуна (1161—1189 гг.; рис. 18) [38].

Перечисленные находки и сходство внутренней стены вала и восточной стены раскопанной постройки (другие ее стены пока не обнаружены) позволяют считать это строение одновременным дворцу, и, может быть, служившим жилищем для воинов гарнизона цитадели.

Однако этим не ограничиваются открытия, сделанные в раскопе II. При разрезе вала выяснилось, что он был сооружен на развалинах более древнего здания. Восточная стена этого здания оказалась скрытой в толще вала, а внутренняя облицовочная стенка вала была построена на полу этого жилища, и, что особенно важно, на перекрытии части его восточного отопительного канала.

Такая стратиграфия не оставляет сомнения в том, что открытые на участках А3-В3 отопительные каналы, облицованные кирпичом, и перекрытая плитняком печь, к которой эти каналы примыкают (рис. 19), а также и другие части этого здания более древни, чем стена цитадели. Находки, сделанные в этом здании, подтвердили указания стратиграфии. Найденная здесь керамика оказалась в массе иной. Значительная часть ее отличается плохим качеством песчанистого теста, и покрыта она коричнево-черной поливой, так-

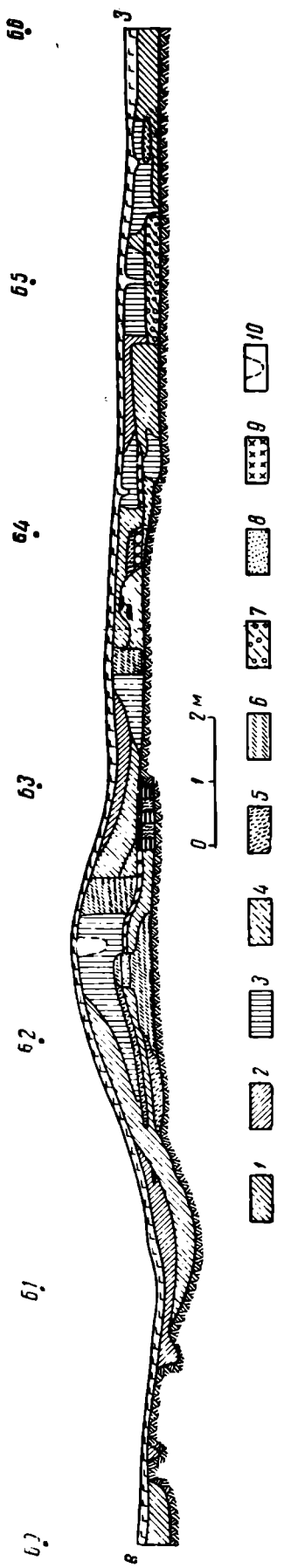


Рис. 17. Разрез вала цитадели

1 — желтый суглинок со строительными остатками; *2* — сильно гумусированный суглинок; *3* — светлый суглинок со строительными остатками; *4* — темно-серый суглинок со строительными остатками; *5* — зола; *6* — сбитая глина; *7* — глина с галькой; *8* — песок; *9* — слой извести; *10* — следы ям от частокола

[38] Пэй Синь-вэй. Ук. соч., табл. 45, *2*.

же невысокой прочности. Другие фрагменты хорошего качества были покрыты темно-оливковой поливой, не встреченной в других местах городища. Третью группу составляют обломки прекрасной посуды «каменного» обжига с темно-коричневой, почти черной поливой. Лишь эти фрагменты можно сравнивать с найденными во дворце. Наконец, здесь же, под валом,

Рис. 18. Дом у вала цитадели. Монета и ножны
1 — кв. А6; *2* — А3

был найден еще один диск верхней черепицы, украшенный вдавленной розеткой танского типа (рис. 15, *2*), о котором говорилось выше. Вполне возможно, что эта находка и определяет время здания, которое впоследствии было засыпано при постройке укреплений Хирхиринской цитадели.

Третьим пунктом раскопок явилось центральное здание обнесенной валом усадьбы на восточной окраине городища. Так как раскопки здесь еще не закончены, можно только сказать, что этот дом имел глинобитные стены, вымазанный глиной пол и был разделен на отдельные помещения, план которых еще предстоит выяснить.

Перегородки были сложены из сырцового кирпича. В одном месте кладка в один кирпич была обычной и прослежена на девять ярусов. В другом кладка была из вертикально поставленных на тычок кирпичей. Она сохранилась на два яруса (рис. 20). Этот прием кладки, равно как и кладка в елочку, широко распространен в Китае до настоящего вре-

мени. В этом здании найдены кости домашних животных и обломки посуды, сделанной на кругу,— простой темно-серой и типичной для монгольской Хирхиры «каменного» обжига с серо-зеленой поливой.

Раскоп IV был заложен на маленьком холмике, скрывавшем небольшую постройку на самой северо-восточной окраине городища. Ее внеш-

Рис. 19. Древний дом у вала цитадели. Топка кана (кв. Б3)

ние размеры — 8,3 × 8,1 *м*. Толщина глинобитных стен — 0,9—1,2 *м*. Пол представляет собой утоптанный древний гумусный слой с включением большого количества угля. На этом полу в большей части помещения лежит толстый слой золы и угля мощностью до 60 *см*. В нем двумя прослоями залегают дробленые кости домашних животных (в том числе и верблюда), употреблявшихся в пищу. Этого слоя нет только у середины северной стенки, где находилось очажное место овальной формы 80 × 60 *см*, представляющее собой чередование углисто-золистых и глиняных прослоев на высоту до 60 *см* над уровнем нижнего пола. Создается впечатление, что по мере очистки этого очага накапливался золистый слой по всему помещению, а поэтому приходилось поднимать и очажный под.

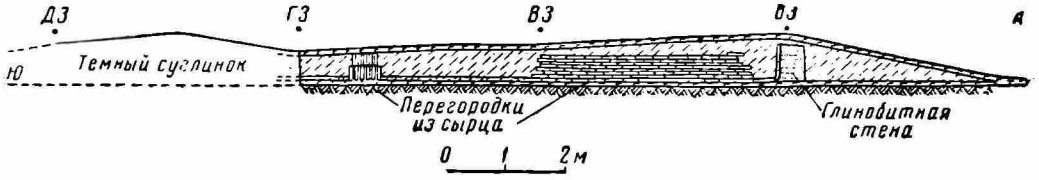


Рис. 20. Усадьба на восточном крае городища. Центральный дом. Профиль по линии III (С — Ю). Вид с востока на перегородки

При расчистке этого здания были найдены обломки посуды из серой и розовой, хорошо отмученной глины «каменного» обжига, обломки сосудов серо-розовой глины с включением черного толченого камня, один обломок сосуда серой глины с темно-коричневой поливой и один обломок

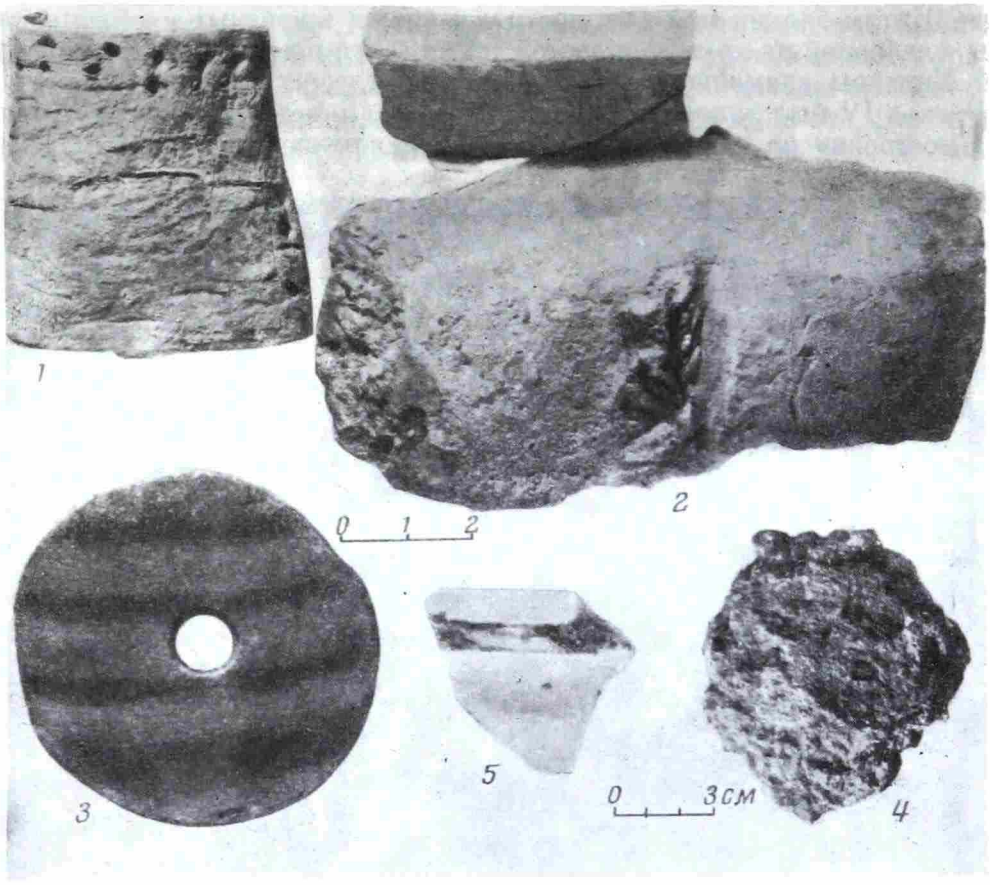


Рис. 21. «Дом кузнеца». Находки

1 — прошитая береста; *2* — серая глина; *3* — пряслице из стенки сосуда; *4* — крица; *5* — обломок сосуда типа Ци-Чжоу;

типа Ци-Чжоу. Здесь же встретились обрывки бересты и один кусок ее с прошивкой (рис. 21).

Количество угля и золы здесь таково, что заставляет видеть в этом домике мастерскую. Поскольку около очага нашлась железная крица, а в золисто-углистом слое попадались железные шлаки, мы назвали эту постройку «домом кузнеца». Такое определение подкрепляет и его расположение на окраине городища. Продолжение раскопок этого здания и прилегающего к нему с востока дворика, безусловно, поможет окончательно решить вопрос о характере занятий его обитателей.

Пятым объектом наших исследований явилась гора Окошки, расположенная в 2 *км* к северу от Хирхиринского городища. Заложенные здесь шурфы показали наличие культурного слоя стоянки бронзового века с керамикой и каменными орудиями.

Основные работы на горе Окошки были сосредоточены на исследовании расположенного здесь курганного могильника. В 1959 г. был раскопан самый большой курган этого некрополя, сразу же привлекший к себе наше внимание тем, что на поверхности его насыпи выступали кирпичи серой глины, совершенно аналогичные городищенским.

Кроме того, в стенке вырытой на нем ямы был найден обломок сосуда «каменного» обжига, покрытый серо-зеленой поливой, также не отличимый от найденных во всех раскопах Хирхиринского города.

Раскопками кургана № 1 на горе Окошки были обнаружены расположенные по центральной оси с севера на юг три сильно ограбленных погребения, судя по остаткам инвентаря бывшие очень богатыми (в них

найдены шелковые узорчатые ткани, лаковые изделия, резьба по слоновой кости).

Четвертое погребение уцелело полностью. Сохранился дощатый, окованный железными полосами гроб, на котором лежало седло с костяными стременами, узда с железными удилами, лук и берестяной колчан со стрелами. В обтянутом шелком гробу уцелели останки мальчика лет шести, положенного в шелковой шапочке, шелковой рубашке и штанишках, в шубе, крытой шелком, и в сапожках. Кроме того, на нем была юбка ламского типа. Шуба также отличается ламским покроем. На принадлежность мальчика к ламству указывает и то, что пояс с серебряными бляхами и кошелечком с кресалом и трутом не был подпоясан, а просто положен поверх шубы [39]. На особое положение мальчика указывает и находившаяся на правой стороне груди серебряная чаша типа буддийской габала (монг.) или kapāla (санскр.); на дне ее имеется выпуклый внутрь знак — по мнению Б. И. Панкратова, сложная санскритская лигатура, по-видимому, начало молитвенного призыва.

Как известно, еще в XII в. в среду монгольской знати начал проникать буддизм. Среди родичей Чингис-хана были ламы, достигшие высоких степеней, например, его двоюродный дед был Хутухта-мунчур, а его дядя Хутухта-чжурки [40]. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что и среди знатных обитателей Хирхиринского города могли быть высокие ламы. А именно на высокий сан возможного перерожденца указывают перечисленные особенности погребения мальчика, одновременно и воина и ламы, да еще обладателя габалы — атрибута одного из высших таинств буддийского ритуала. Я ограничиваюсь только самой общей характеристикой результатов раскопок кургана на горе Окошки, которые заслуживают специальной статьи, однако не упомянуть о них нельзя. Курганы на горе Окошки представляют собой некрополь Хирхиринского города — центра улуса Джочи-Касара и его сына Исункэ. Найденные там погребения позволяют с большей полнотой раскрыть жизнь этого древнемонгольского города. Пока мы исследовали всего четыре могилы представителей аристократии города, может быть, ближайших родственников Исункэ. Некрополь обширен и содержит наряду с большими и малыми курганами и едва заметные могилки.

Таким образом, наряду с продолжением раскопок жилищ представителей различных слоев населения города на Хирхире открывается возможность исследовать также и их погребения, увидеть и здесь всю глубину экономических и социальных различий монгольского общества, уже бывшего классовым на первых этапах развития древнемонгольского государства.

Это очень важно и потому, что показывает глубокую социально-экономическую обусловленность развития в ту эпоху городов и городской жизни — тех сторон истории древнемонгольского феодализма, которые еще недавно оставались за пределами внимания историков государства Чингизидов.

---

[39] За эти чрезвычайно важные указания приношу глубокую благодарность К. В. Вяткиной.

[40] Старинное монгольское сказание о Чингис-хане, Генеалогическая таблица к сказанию о Чингис-хане, стр. 258—259.

ПУБЛИКАЦИИ

Б. В. ТЕХОВ

ОБ ОДНОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПЛЕКСЕ ИЗ С. ТЛИ

(Юго-Осетия)

Среди вскрытых в 1958 г. погребений на Тлийском древнем могильнике выделяется погребение № 40, весьма интересное и важное не только для определения времени богатых тлийских погребальных комплексов, но и для уточнения датировки материалов эпохи поздней бронзы и раннего железа Центрального Кавказа.

Погребение было обнаружено на глубине 2,6 *м* от поверхности. В нем оказалось три костяка, два из которых были сильно повреждены, третий же имел более или менее правильное положение. Он был ориентирован с юго-востока на северо-запад (рис. 1). Костяк сопровождал железный кинжал с треугольным клинком, лежавший на бедренных костях скелета (рис. 2, *1*). Посередине клинка проходит слабо выступающее срединное ребро. Судя по сохранившимся фрагментам, можно полагать, что он был изготовлен вместе с ручкой, от которой сохранился конец с массивным гвоздем. Точно такими же гвоздями прикреплялась ручка к плечикам кинжала. Кинжалы подобного типа встречаются и в других погребальных комплексах с. Тли и хорошо датируются концом VIII и началом VII в. до н. э. Этим же периодом датируются аналогичные железные кинжалы Мцхетского могильника [1], в котором, так же как и в Тли, с железными кинжалами встречаются кобанские двухсторонне изогнутые бронзовые топоры с орнаментированными лопастями. Самые ранние экземпляры вышеуказанных железных кинжалов в мцхетских могилах встречаются с начала VIII в. до н. э. [2].

Под железным кинжалом в могиле был обнаружен железный нож с сильно поврежденным клинком. Он, так же как и кинжал, датируется концом VIII в. до н. э., т. е. периодом расцвета железной металлургии в Восточной Грузии. Здесь же были обнаружены фрагменты бронзовой цепи (рис. 2, *5, 6*); они, по-видимому, были прицеплены к ушку железной булавки, лежавшей на груди одного из скелетов (рис. 2, *2*). Подобные булавки здесь встречаются не впервые. Вместе с железной булавкой найдена и бронзовая, но без ушка и с головкой, разделенной на три равные части (рис. 2, *3*). Аналогичные булавки составляют самую большую группу предметов украшений Тлийского древнего могильника. В некоторых могилах они обнаруживались в шести-восьми и больше экземплярах. Они бытуют на протяжении длительного периода, начиная с конца II тысячелетия и кончая первой половиной VII в. до н. э.

Немного южнее железных предметов лежала высокая бронзовая пряжка кобанского типа; ее поверхность богато орнаментирована заштрихованными треугольниками и ромбиками (рис. 3, *3*). По форме и по

---

[1] См. Р. М. Абрамишвили. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. ВГМГ, т. XIX-А, 1957, стр. 140, табл. 1, *83*, *85*.

[2] Там же, стр. 140.

орнаментальным мотивам эта пряжка близка к пряжкам Центрального Кавказа; она почти тождественна кобанским пряжкам первой половины I тысячелетия до н. э., которые и составляют самую многочисленную группу как кобанских, так и тлийских бронзовых изделий.

Перед лицом черепа найдена бронзовая дугообразная фибула, состоящая из простого проволочного прута квадратного сечения. Дуговая часть фибулы украшена елочным орнаментом (рис. 2, *4*).

Рис. 1. Общий вид погребения № 40 после расчистки

С бронзовой фибулой у плеча скелета лежали пять бараньих астрагалов. К юго-западу от черепа, на каменной плите, лежала на боку бронзовая миска. Дно миски, видимо, ремонтировано; оно было изготовлено отдельно, а потом скреплено с ее стенками при помощи нескольких заклепок. Один бок миски также имеет следы ремонта (рис. 4, *1*). Из этого следует, что домашняя утварь, по-видимому, изготовлялась местными мастерами, которые и чинили ее, когда бывала в этом надобность.

Под бронзовой миской лежал бронзовый топор кобанского типа (рис. 3, *1*) с граненым обухом, украшенным мелкими нарезками, с закругленным лезвием, его лопасть украшена гравированным меандровым узором. В овальном проухе топора сохранились остатки деревянной рукояти. На лезвии топора нет следов сработанности. По сравнению с другими топорами тлийских могил он более массивный и является характерным как для Центрального Закавказья, так и для Западной Грузии и Прикубанья. По мнению Е. И. Крупнова, топоры этого типа одинаково часто встречаются не только на территории прикубанской и кобанской культур, но и в Колхиде [3]. О. М. Джапаридзе полагает, что тип рассматриваемого нами топора якобы является колхидским и хорошо представлен в Мингрелии, Сванетии, Лечхуми [4]. Археологические находки последних лет показали, что выделяемый О. М. Джапаридзе II тип колхидского топора является общекавказским типом. Топоры рассматриваемого типа,

[3] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 98; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 84.

[4] О. М. Джапаридзе. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА, XVIII, 1953, стр. 285.

обнаруженные в тлийских могилах, покрыты сложным орнаментом — гравировкой, что противоречит мнению Е. И. Крупнова, который полагает, что этот тип топора никогда не украшался узорами [5].

В могиле № 40 найден также бронзовый плоский кинжальный клинок листовидной формы, с широким черенком и с двумя отверстиями на нем (рис. 3, 2). По форме клинок напоминает клинки более раннего времени, чем сопровождающий его инвентарь, однако он, по-видимому, одновременен кобанским топорам, пряжкам и другим бронзовым изделиям.

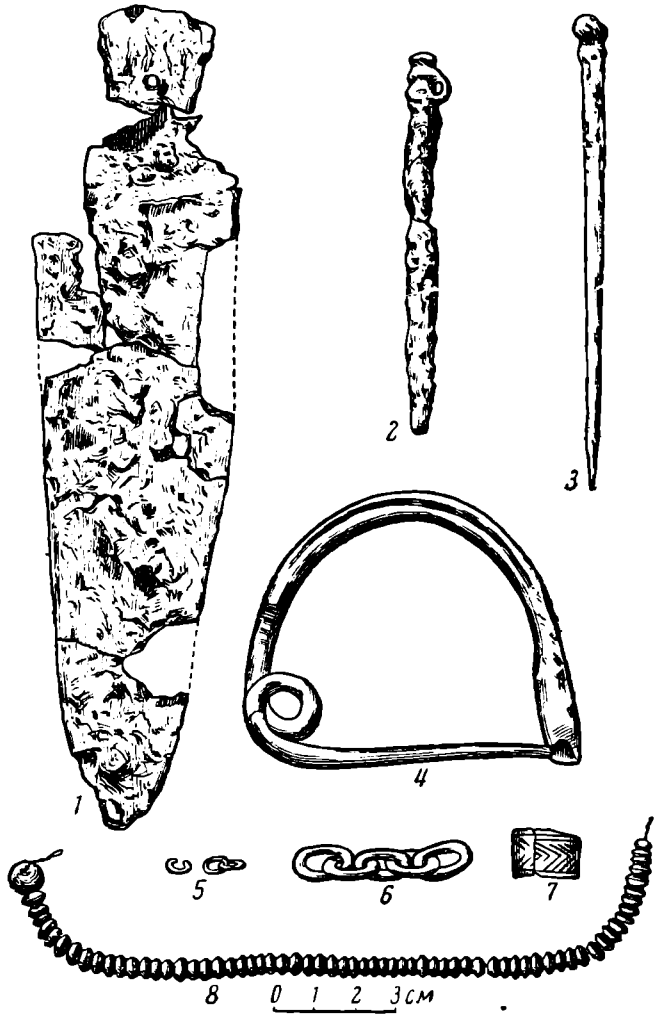


Рис. 2. Железные и бронзовые предметы из погребения

1 — железный кинжал; *2* — железная булавка с ушком; *3* — бронзовая булавка; *4* — бронзовая дугообразная фибула; *5, 6* — фрагменты от бронзовых цепей; *7* — бронзовый пластинчатый перстень; *8* — сердоликовые бусы

Кроме описанных выше предметов, в погребении найдены перстень из пластинчатой бронзы с елочным узором (рис. 2, *7*) и сердоликовые бусы биконической формы, столь распространенные в могильниках всего Кавказа (рис. 2, *8*), обломки глиняных сосудов (около шести) из плохо отмученной и обожженной глины (рис. 4, *2*) и кусок обсидиана.

Костяк, который сопровождали вышеуказанные предметы, лежал на правом боку в сильно скорченном положении. Кости остальных двух костяков, как отмечалось выше, были сильно перемешаны, что объясняется повторными захоронениями на одном и том же участке, т. е. обычаем, столь распространенным на Кавказе в конце II и в начале I тысячелетия до н. э.

Среди погребального инвентаря могилы № 40 наиболее интересным является бронзовый пояс, лежавший на костях первого скелета. Пояс был свернут; по всей видимости, костяк не был опоясан им. Возможно, во время совершения вторичного захоронения он просто был уложен сверху перемешанных костей, как собственность погребенного. Он, по-видимому, был трофейным и после смерти владельца был захоронен с ним же. Подобные обычаи в пережиточной форме сохранялись на Кавказе и до XIX в. Пояс изготовлен из бронзового листа; он сохранился полностью, но в трех кусках. Длина пояса — 110 *см*, ширина — 9,2 *см*. На всех краях пластины пояса имеются отверстия, служившие для скрепления пояса с подкладкой, по-

[5] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 98; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 84.

видимому, кожаной. На одном конце пояса приделано кольцо из бронзовой проволоки круглого сечения. На бронзовом поясе из Малаклю имеются такое же колечко и такие же мелкие отверстия по краям. На бронзовых пластинчатых поясах подобные колечки выполняли роль приемника для крюка бронзовой пряжки. Последняя в погребении № 40 лежала отдельно. Она прикреплялась к поясу с помощью восьми отверстий.

Поверхность рассматриваемого пояса состоит из трех горизонтальных рядов, разделенных парными выпуклыми линиями. По всему поясу в

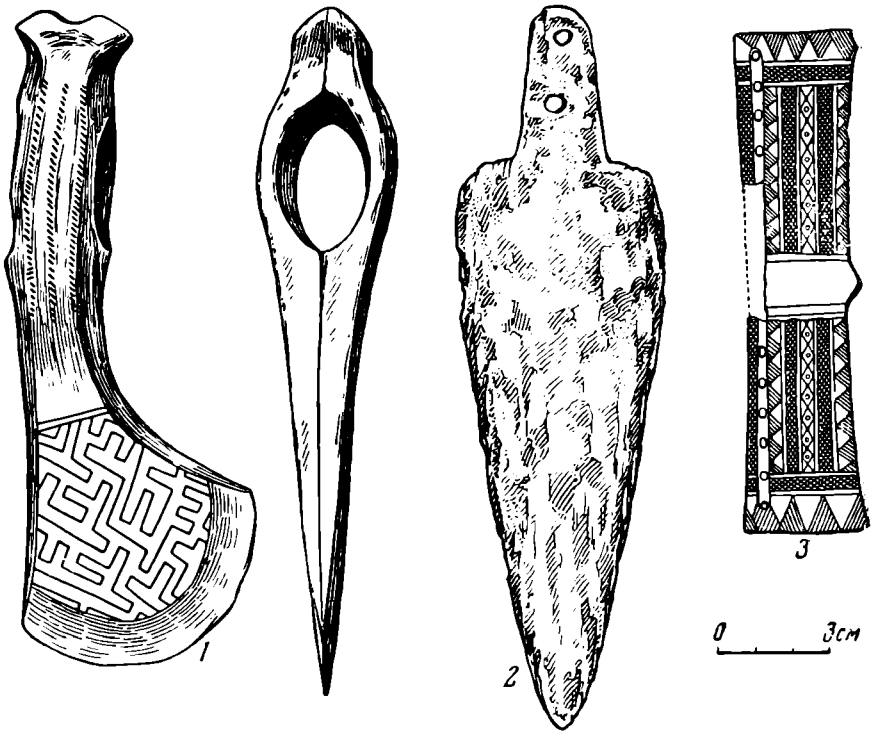


Рис. 3. Бронзовые предметы из погребения

1 — топор с гравированным орнаментом; *2* — плоский кинжальный клинок; *3* — орнаментированная поясная пряжка

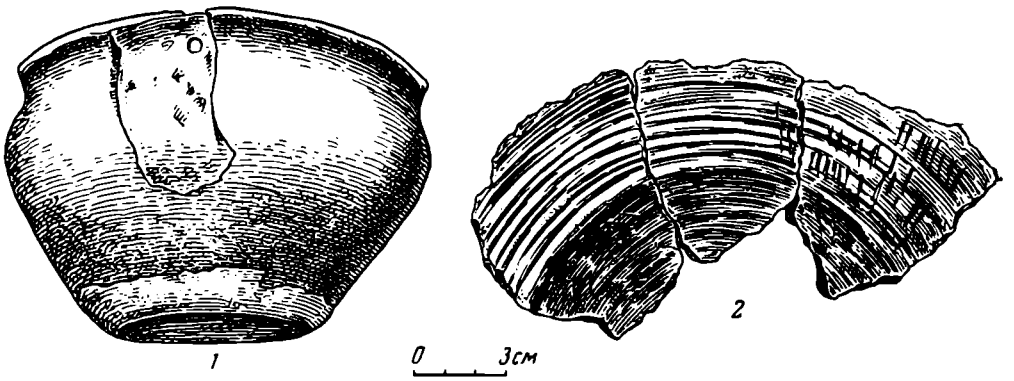


Рис. 4.

1—бронзовая миска с отремонтированным дном и венчиком; *2*—фрагменты глиняной посуды

этих трех рядах помещены разные фигуры, устремленные в движении вправо. Во всех трех рядах одинаковые фигуры расположены по вертикали (рис. 5). Все фигуры пояса мы и будем рассматривать сразу по три в движении слева направо.

С левой стороны украшение пояса начинается изображениями трех грифонов с львиным телом, птичьими крыльями и головой человека в

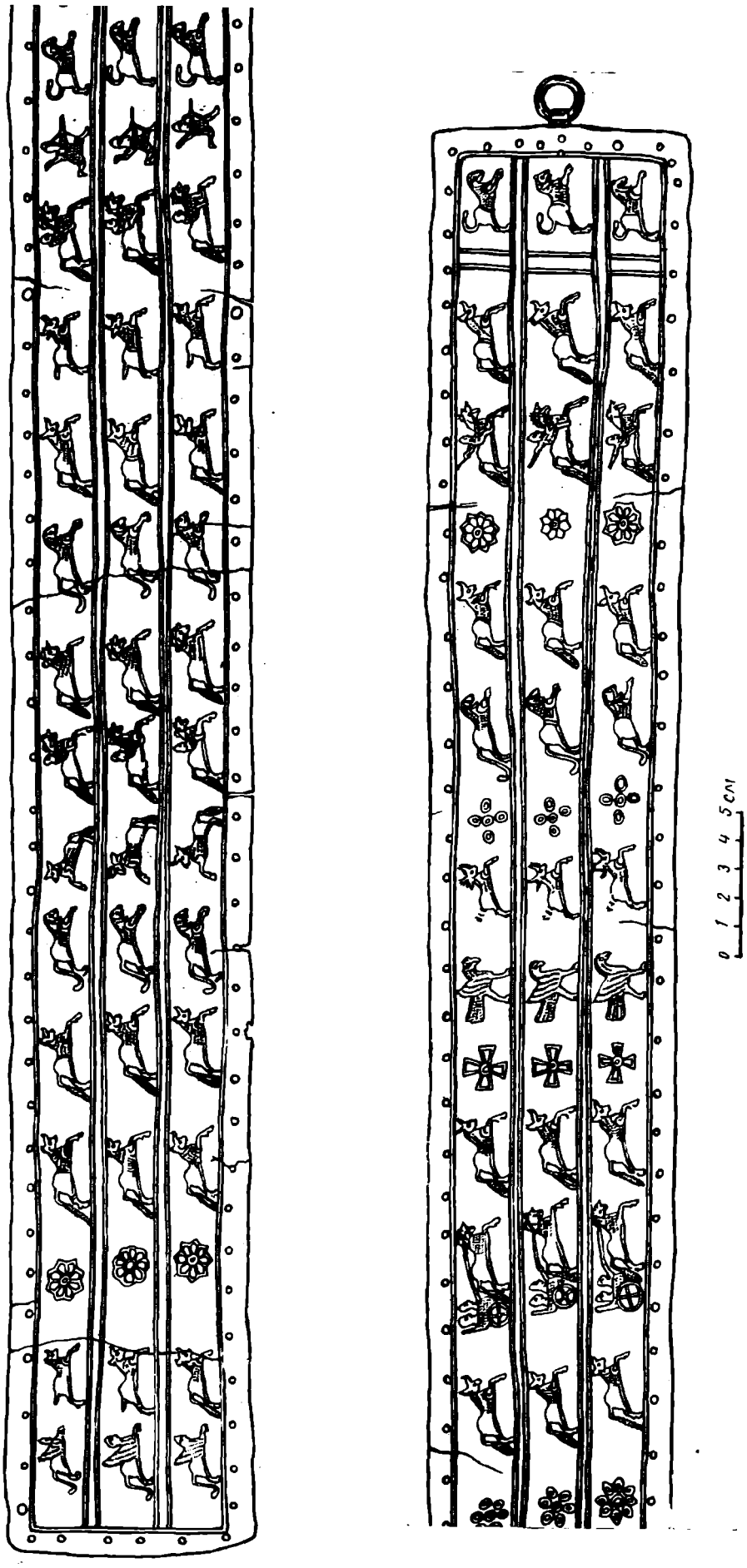


Рис. 5. Бронзовый пластинчатый пояс

шлеме. Шлемы имеют заостренные кончики, наподобие шлемов древней Ассирии и Урарту (рис. 6, *1*). Передняя часть тела грифонов украшена мелкими насечками.

По графической проработке оперения крыльев все три грифона почти одинаковы и напоминают прежде всего грифона на ширакской (Ленинаканский район) медной пластинке[6], с той разницей, что у последнего более длинные ноги, хвост поднят кверху, крыло длиннее, а голова орлиная. Подобные грифоны имеются и на предметах из Мельгуновского клада; там они украшают ножны меча и отличаются от наших. Они все имеют разные головы (барана, орла, льва и др.); среди этих изображений

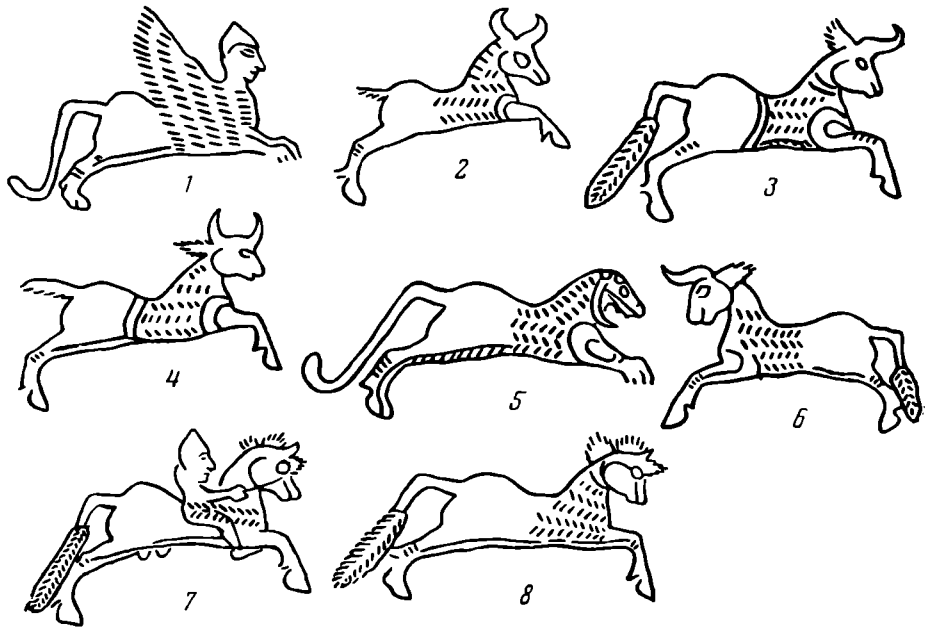


Рис. 6. Изображения на бронзовом пластинчатом поясе

1 —грифон; *2—4*, *6* — бык; *5* — лев; *7* — всадник; *8* — лошадь

имеется также и человеческая голова, но со звериными ушами[7]. Крылья грифонов Мельгуновского клада изображены в виде рыб, но в более грубой трактовке, тогда как у грифонов тлийского пояса человеческие лица четко выражены.

В качестве аналогии можно привести также золотые ножны скифского акинака из кургана станицы Келермесской на Кубани, украшенные изображениями фантастических существ с туловищами быков, львов и с крыльями в виде рыб, с головами львов, баранов, быков и грифонов[8]. Последние больше похожи на грифонов Мельгуновского клада, чем на наши. Предметы Келермесского кургана и Мельгуновского клада принадлежат скифам; рассматриваемый нами пояс из Тли, как это будет видно из приводимых нами сравнений, определенно урартского производства.

Весьма оригинальные фигуры львов и грифонов заполняют щиты, колчаны, найденные при раскопках на Топрах-Кале и Кармир-Блуре. Там в этих изображениях представлены урартские божества Халди и Тейшеба.

Сравнивая грифонов тлийского пояса с грифонами пояса из Кармир-Блура, надо заметить, что последние вместо человеческой головы имеют

[6] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-Аракский энеолит. ВГМГ, т. XIII-B, 1944, стр. 44, рис. 31.

[7] Е. Придик. Мельгуновский клад. СПб., 1911, стр. 8, табл. III.

[8] Б. Б. Пиотровский. Ванское царство (Урарту). М., 1959, стр. 248; см. также М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Птрг., 1918, стр. 45, табл. V.

голову хищной птицы, по-видимому орла. Грифоны нашего пояса больше напоминают крылатого быка или льва кармир-блурского пояса с человеческой головой, который, по мнению Б. Б. Пиотровского, похож на ассирийского шеду — крылатое животное с головой грифона [9].

Конечно, изображения животных на тлийском поясе лишены божественного значения. Они, по всей вероятности, в большей степени имеют декоративный характер, нежели религиозный.

Грифоны нашего пояса отличаются от малоазиатских и эгейских представлений о птицеголовом льве, зато сближаются с грифонами ассирийского искусства. Разница только в том, что у ассирийских грифонов хвост и задние конечности напоминают птицу, а голова и передняя часть — туловище льва; у тлийских же грифонов — человеческая голова и львиное тело.

Перед грифонами на поясе изображены скачущие животные, из которых у верхнего и среднего короткие хвосты, а у нижнего хвост длинный. Все трое животных имеют длинные, выступающие вперед рога, передние части их тел украшены штриховкой, головы напоминают бычьи, а хвосты двух верхних животных — козьи (рис. 6, *2*).

Головы рассматриваемых животных напоминают головы быков, изображенные на кармир-блурском пластинчатом поясе, с той разницей, что на последнем изображены урартские боги и, кроме того, некоторые быки имеют крылья.

После фигур быков на поясе помещены изображения цветов — розеток, две из них почти одинаковы, средняя же — с округлыми краями. Дальше изображены два ряда быков с длинными хвостами, скачущих позади львов (рис. 6, *3*). Перед львами опять бычьи фигуры, но уже обращенные налево, навстречу львам; они как будто бьются со львами (рис. 6, *6*). Это движение лучше всего передано позой средней фигуры: приподнятая голова быка наклонена вниз, как будто он собирается ударить льва. На передней части у этих фигур, как и у всех других, нанесена насечка. Тело нижнего быка, как и двух верхних быков, помещенных позади львов, опоясано узким поясом, состоящим из двух параллельных линий.

Далее изображены три всадника, скачущие вправо. Фигуры сидящих на конях воинов весьма схематичны: у них длинные ноги, опущенные вниз плечи, на теле — елочные нарезы вроде панциря, а на головах большей частью заостренные наверху шлемы урартского типа (рис. 6, 7).

Впереди всадников — изображения лошадей с удилами и с каким-то украшением на голове (рис. 6, *8*). Дальше повторяются львы, такие же как в начале пояса, потом дважды изображены быки. Последний ряд быков отличается парными рогами; все остальные имеют по одному рогу. Перед бычьими фигурами скачут всадники, подобные предыдущим. Далее изображены стрелки из луков с поднятыми правыми руками. Они в панцирях и шлемах урартского типа (рис. 7, *1*). Они стреляют во львов, отличающихся от предыдущих только тем, что их хвосты подняты вверх и загнуты над спиной (рис. 7, *2*).

Впереди львов изображены розетки, а далее следуют опять по две фигуры быков в каждом ряду.

Интересными являются следующие за быками три (сверху вниз) боевые колесницы. В каждой колеснице по два сидящих человека, причем один из них управляет конем, держа в руках две вожжи, а второй сидит совершенно свободно (рис. 7, *3*). У колесниц высокие спинки и колеса с четырьмя спицами.

На головах сидящих в колеснице людей такие же головные уборы как на всех остальных; фигуры изображены в профиль. Запряженные в колесницах лошади повторяют предыдущие изображения.

[9] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 225, 227, рис. 71.

Вправо от колесницы, в верхнем ряду, изображена фигура осла (рис. 7, *4*); две нижние фигуры — быки.

Далее на поясе изображены кресты, рядом помещены хищные птицы (орлы). Они, как и другие фигуры, изображены вправо в профиль, с поднятыми крыльями, сильно загнутыми клювами и с распущенными хвостами (рис. 7, *5*). Графическая проработка оперения этих птиц весьма тонкая; она выполнена с большим искусством. Например, орлы изображены так, как будто только что спустились с воздуха и еще не успели опустить крылья. Все фигуры очень динамичны и естественны.

Фигуры животных, скачущих впереди орлов, напоминают оленей; правда, рога у них не такие ветвистые, но по имеющимся маленьким штрихам, а также коротким хвостам можно отнести их к оленям (рис. 7, *6*). Эти изображения меньше других фигур.

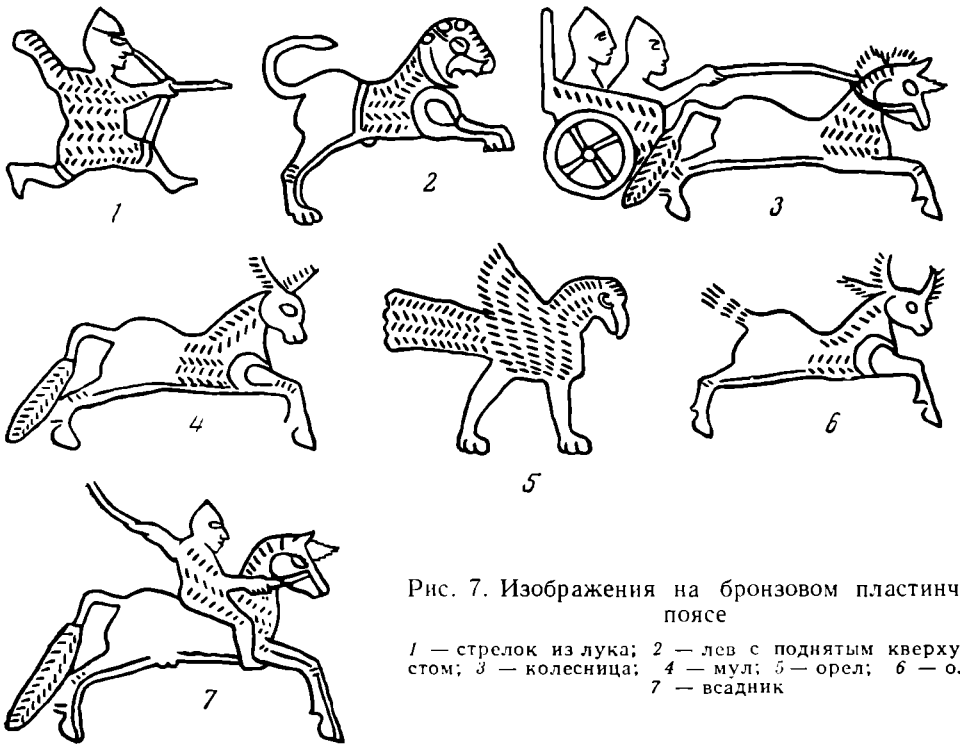


Рис. 7. Изображения на бронзовом пластинчатом поясе

1 — стрелок из лука; *2* — лев с поднятым кверху хвостом; *3* — колесница; *4* — мул; *5* — орел; *6* — олень; *7* — всадник

Далее опять помещены розетки, львы, быки, еще раз розетки, а за ними изображены всадники (рис. 7, *7*), отличающиеся от предыдущих тем, что правые руки с «палками» у них подняты вверх, левой рукой они держат повод. Головные уборы такие же, как и предыдущие. Всадники как будто гонят быков, изображенных перед ними. Потом на поясе следуют вертикальные линии, за которыми на краю пояса, в трех отдельных рамках помещены львы с поднятыми вверх, завернутыми хвостами. Они почти такие же, как и предыдущие.

Пояс кончается приклепанным на ленте колечком, наподобие колечек колчанов, обнаруженных на Кармир-Блуре [10]. К другому концу пояса, по-видимому, была прикреплена поясная пряжка, обнаруженная отдельно от него.

Мы рассмотрели все фигуры, изображенные на нашем поясе. Они, как уже отмечалось выше, за исключением трех фигур, повернуты вправо и все украшены простой елочной штриховкой.

---

[10] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., табл. XL.

Быки на поясе напоминают быков на бронзовом щите урартского царя Сардури II [11], с той только разницей, что последние изображены идущими. Более близкие аналогии быкам мы находим на фрагменте бронзового пластинчатого пояса из сел. Гущи на оз. Урмии [12]. Они полностью совпадают с быками, изображенными на нашем поясе.

Наиболее яркими являются изображения львов, говорящие о замечательном искусстве Урарту. Эти изображения полностью совпадают с изображениями львов на бронзовых щитах из Кармир-Блура [13], а также на печати из Топрах-Калы [14]. Аналогичные изображения львов также имеются на бронзовом поясе из сел. Гущи вместе с трехрядным расположением стрелков, быков и туров [15]. Только львы тлийского пояса в техническом отношении более совершенны и оригинальны. Подобный пластинчатый пояс из Луристана приведен Артуром Попе [16], с той разницей, что на луристанском поясе изображены охотники, стреляющие из лука. Кроме львов и быков, на луристанском поясе имеются изображения тура, козла и других животных.

Значительный интерес представляют изображенные на поясе всадники. Они сидят без стремян, на головах урартские шлемы, тело каждого из них защищено панцирем. Подобные изображения конников имеются на бронзовых шлемах, а также на найденном на Кармир-Блуре [17] колчане с надписью «Аргишти сына Менуа». На гривах и головах лошадей нашего пояса имеются пышные украшения вроде цветов, напоминающие урартские. В отличие от наших всадников, урартские держат круглые щиты и сидят более прямо.

Конница в войсках Урарту и Ассирии составляла значительную силу, недаром изображение всадника на предметах урартской и ассирийской культур встречается чаще других.

Не менее значительной силой как урартских, так и ассирийских войск была пехота. У ассирийцев пехота делилась на тяжелую и легкую. Последняя состояла из стрелков из лука, пращников и метателей дротиков; они не носили панцирей и шлемов [18]. В отличие от ассирийских пеших воинов, изображенные на нашем поясе стрелки из луков одеты в панцири и в остроконечные шлемы. Изображения весьма схематичны, но мастер передал образы стрелков, которые держат натянутые луки со стрелами, готовыми к спуску, подобно изображенным на бронзовом поясе из сел. Заким [19] и Триалети [20]. У последних, кроме того, на правом плече подвешены колчаны со стрелами, они без головных уборов и, по-видимому, без панцирей.

Весьма оригинальны изображенные на тлийском поясе колесницы. Их колеса расположены не посредине дна кузова, а у заднего его края, наподобие урартских колесниц, а последние, как это отмечает Б. Б. Пиотровский, сходны с ассирийскими [21].

Сравнивая урартские и ассирийские колесницы с нашими, надо отметить, что колесницы из Кармир-Блура и Топрах-Калы, так же как и наши, имеют четырехспицевые колеса. Разница только в том, что во всех урартских колесницах запряжено не по одной лошади, как это изображено на нашем поясе, а по две.

[11] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 227, табл. XXXVII, XXXIX
[12] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 165, табл. XI.
[13] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 227, табл. XXXIX.
[14] Там же, стр. 229.
[15] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 165, табл. XI.
[16] A. U. Pope. A Survey of Persian Art. SPA, т. IV, London and New York, 1938, стр. 56.
[17] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 151, табл. XL, XLI.
[18] Всемирная история, т. I, М., 1956, стр. 543.
[19] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 249, рис. 85.
[20] История Грузии. Тбилиси, 1960, стр. 13.
[21] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 151.

Колесницы с двумя лошадьми изображены на колчанах Сардури, сына Аргишти, из Кармир-Блура [22]. Интересный параллельный материал мы можем привести из раскопок А. О. Мнацаканяна у с. Лчашен, где в курганах бронзового века, помимо четырехколесных повозок, были обнаружены двухколесные колесницы (курганы №№ 8—10) [23]. Разница только в том, что некоторые колесницы Лчашена имеют по 8 (колесница из кургана № 9) или по 28 спиц (колесница из кургана № 11) [24]. По конструкции своей они близки к имеющимся на тлийском поясе колесницам и поэтому их можно относить к одной и той же культуре.

В Грузии при раскопках курганов II тысячелетия до н. э. Триалетской археологической экспедицией [25] были обнаружены колесницы с дисковидными деревянными колесами, являвшиеся важнейшим транспортным средством в Закавказье. Здесь они, по-видимому, появились под влиянием передовых стран Малой Азии, где так же, как и в Триалети, самые древние колеса были дисковидными. Впрочем, допустимо, что в Закавказье в эпоху ранней бронзы уже существовали двухколесные повозки. На это указывают, например, колеса на Сачхерской булавке с изображением скульптурного быка [26], колесницы и их модели из курганов, раскопанных на побережье оз. Севан [27] и др. Уже в IX—VIII вв. до н. э. в изобразительном искусстве Урарту, Ассирии, хеттов часто встречаются боевые колесницы с шестью-восемью и больше спицами в колесах.

В VIII—VII в. до н. э. в Ассирии и в Урарту самыми распространенными становятся колеса с восемью спицами [28]. Именно такие колесницы изображены на колчанах Сардури II.

Колесо с четырьмя спицами наподобие нашего изображено на фрагменте чернолощеного глиняного сосуда из Казахского поселения, относящегося примерно к эпохе развитой бронзы [29], а также на бронзовом поясе из могильника в Ахтала [30].

Говоря о колеснице на ахталинском поясе, Б. Б. Пиотровский полагает, что в ней можно узнать изображение колесницы урартского типа [31]. У нас есть все основания связывать изображения колесниц на поясе из с. Тли с урартскими, ибо все фигуры и изображения, форма колесницы, запряжка и сидящие в них люди полностью сходны с урартскими колесницами, обнаруженными на территории Армении.

Крестообразная расстановка спиц входила в орнаментальное искусство Урарту, по-видимому, в качестве символа солнца, божественности и счастья, как и у многих других народов древнего Востока [32].

В конце II и начале I тысячелетия до н. э. колесницы на двух колесах становятся боевым оснащением. Они упоминаются как в ассирийских, так и в урартских документах конца II и начала I тысячелетия до н. э. Одним словом, изображенные на рассматриваемом нами поясе колесни-

---

[22] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 167, табл. XL, XLI.

[23] А. О. Мнацаканян. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан. СА, 1960, № 2, стр. 141—142; см. его же. Раскопки курганов на побережье оз. Севан. СА, 1957, № 2, стр. 148—152.

[24] А. О. Мнацаканян. Древние повозки..., стр. 143.

[25] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I, Тбилиси, 1941, стр. 97, рис. 102; см. также О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1960, стр. 12 (на груз. яз.).

[26] О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, стр. 88, табл. XI (на груз. яз.).

[27] А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан. стр. 150—152.

[28] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 152.

[29] Т. А. Бунятов. Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы. Баку, 1956, стр. 100.

[30] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 152.

[31] Там же.

[32] Юлиус Липс. Происхождение вещей. М., 1954, стр. 199.

цы являются хорошей иллюстрацией урартского искусства, имеющего непосредственную связь с искусством Ассирии.

Для урартского искусства характерны, наряду с изображениями грифонов, быков, львов и других животных, также изображения птиц, в частности хищных. Последние на нашем поясе представлены тремя орлами с большими кривыми клювами и поднятыми крыльями.

На урартских печатях птицы с поднятым крылом выглядят несколько иначе, чем птицы нашего пояса; последние больше сходны с птицей на печати из Малаклю [33]. На эламских и вавилонских памятниках орлы и птицы изображаются с симметрично расправленными крыльями, тогда как на нашем поясе орлы представлены в профиль и с поднятым крылом, наподобие птиц на бронзовом пластинчатом поясе из погребения, раскопанного у Ани-Пемза и хранящегося в Историческом музее Армении [34]. Птицы ани-пемзского пояса более схематичны и имеют более длинное крыло, головы напоминают не орла, а петуха.

Изображенные на нашем поясе кресты, по-видимому, являются солярными знаками, имеющими прежде всего магически-апотропейное назначение. Эти знаки на бронзовых поясах в Грузии и в Закавказье встречаются очень редко. Редки они и в орнаментальных мотивах урартского искусства.

По сравнению с другими изображениями, фигуры оленей менее выразительны.

Наконец, следует отметить изображения розеток, которые на поясе встречаются в разной форме — в виде восьмигранного цветка, солнечного диска, креста из неправильных кружочков, цветочка с лепестками в виде шести-восьми овальных кружочков. Аналогичные розетки встречены на бронзовых поясах из сел. Гущи [35] и Ани-Пемза [36], где кружочки, составляющие розетки, более правильной формы, чем на нашем. Они, видимо, связаны с культом растительности, а может быть, и с древом жизни, изображениями которого изобилуют бронзовые пояса Южного Кавказа, Луристана и, в особенности, Армении. Розетки-украшения рассматриваемого типа, сделанные из листовой бронзы, обнаружены в детской могиле Казахбейлинского могильника, а также в погребениях Мцхета, относящихся к VIII — VI вв. до н. э. [37].

Заканчивая описание тлийского бронзового пояса, следует отметить, что подобные широкие пластинчатые пояса были известны не только в ряде областей Передней Азии, но и в Центральном и Восточном Закавказье. Они изготовлялись на месте по образцам из Передней Азии [38].

Эти пояса в Закавказье, по-видимому, в первой половине I тысячелетия до н. э. получили самое широкое распространение. Рассмотренный нами пояс из с. Тли отличается от закавказских экземпляров богатой орнаментацией и хорошей сохранностью. Хотя некоторые исследователи считают широкие бронзовые пояса закавказскими, рассмотренный нами пояс никак нельзя считать продуктом местного производства, так как все имеющиеся изображения, как мы видели, полностью относятся к урартскому изобразительному искусству. Это предположение подтверждается и единичностью находки пояса в Тлийском могильнике.

Условия находки пояса также говорят не в пользу его местного производства. Если в могилах Тлийского древнего могильника все пояса помещались на поясницах погребенных, то рассмотренный пояс, наоборот, был обнаружен в стороне от костяка. По-видимому, в этот район

[33] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., стр. 66.
[34] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 250, рис. 86.
[35] Б. А. Куфтин. Урартский «колумбарий»..., табл. XI.
[36] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 250.
[37] Д. А. Халилов. Археологические памятники западного Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореферат канд. диссертации. М., 1955, стр. 13.
[38] Там же.

он попал в результате урартской экспансии. Как известно, урарты стали совершать первые походы в Южное Закавказье в конце IX в. до н. э.[39]. До начала VI в. до н. э. урартские цари много раз опустошали Закавказье. Рассмотренный нами пояс из с. Тли и предметы, найденные в могильниках Нагорного Карабаха и других районов Закавказья, свидетельствуют о взаимосвязях Ассирии и Урарту с районами Центрального Кавказа. Урарты, совершая походы в Закавказье, несли с собой влияние как собственной, так и ассиро-вавилонской культуры на племена Закавказья, а через них это влияние передавалось племенам Северного Кавказа[40].

На основе приведенного сравнительного материала из Кармир-Блура, Ани-Пемзы, Малаклю, Урмии, Луристана, Курдистана и других районов пояс из Тли можно датировать концом VIII — началом VII в. до н. э. Этим же периодом датируется весь погребальный комплекс погребения № 40 древнего могильника с. Тли.

[39] Б. Б. Пиотровский. Ук. соч., стр. 257.
[40] Там же, стр. 258.

Б. Н. ГРАКОВ

БРОНЗОВАЯ РУКОЯТЬ МЕЧА ИЗ-ПОД МУРОМА

Памяти В. А. Городцова

После блестящего анализа костяных наконечников стрел со Старшего Каширского городища, произведенного В. А. Городцовым [1] (наконечники оказались бесспорными подражаниями скифским втульчатым архаическим наконечникам из бронзы), значение скифо-сарматского инвентаря, как основного датирующего лесные городища эпохи раннего железа, стало очевидным.

В Гос. Историческом музее в Москве хранится литая бронзовая рукоять, несомненно, длинного железного меча. Она значится найденной в окрестностях Мурома и была однажды опубликована И. П. Аспелиным в его описании древностей финно-угорского севера в довольно хорошем для того времени рисунке [2]. Эта рукоять имеет большое значение для понимания того, как распространялось в разных направлениях скифо-сарматское влияние.

Длина рукояти — 25,4 *см*; длина сохранившейся части лезвия — 10 *см* (рис. 1, *1, 2*). Ромбическое ажурное, очень вычурное навершие рукояти имеет длину поперек полосы меча 20,5 *см*. Свободная часть рукояти длиной всего 8 *см*. Однако слегка поднятые вверх стороны навершия и полого опущенные вниз концы перекрестия позволяют захватить рукоять в большую ладонь. Ширина свободной части рукояти под навершием — 2,5 *см*, над перекрестием — 3,4 *см*.

Железная полоса введена внутрь бронзового навершия строго против средней линии рукояти. В середине полосы проходит небольшое и узкое ребро, приходящееся прямо против орнаментальной рубчатой полоски, украшающей среднюю линию рукояти по ее длине, и против центра небольшой круглой выпуклости, расположенной в самой середине перекрестия. Обоюдоострая полоса имеет параллельные лезвия на всем протяжении сохранившегося куска. Ее ширина, несмотря на выеденные ржавчиной стороны, может быть довольно точно измерена: она равнялась 5 *см*.

Нижние стороны ажурного ромбического навершия трактованы как две полоски, полого поднимающиеся вверх к концевым углам ромба. Нижний угол ромба не выделен: в этом месте продолжается на ширину этих пластинок вверх охват рукояти, доходящий до верхней стороны полосок. По всей нижней стороне этих полосок идет тоненькая и частая, как бы туго перевитая рельефная веревочка. От нее слегка наклонно к середине навершия на поверхности пластинок проведено по 23 рельефных и довольно острых по верху поперечных валика. Две верхние стороны ромбического навершия сделаны каждая в виде почти круглого в сечении стержня. Концы этих стержней пересекают и ограничивают извне окончания нижних сторон ромба. Над внешними концами верхних сторон

---

[1] В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ИГАИМК, вып. 85, М.—Л., 1934, стр. 23—26, рис. XI и XII.

[2] J. P. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877, стр. 191, рис. 890.

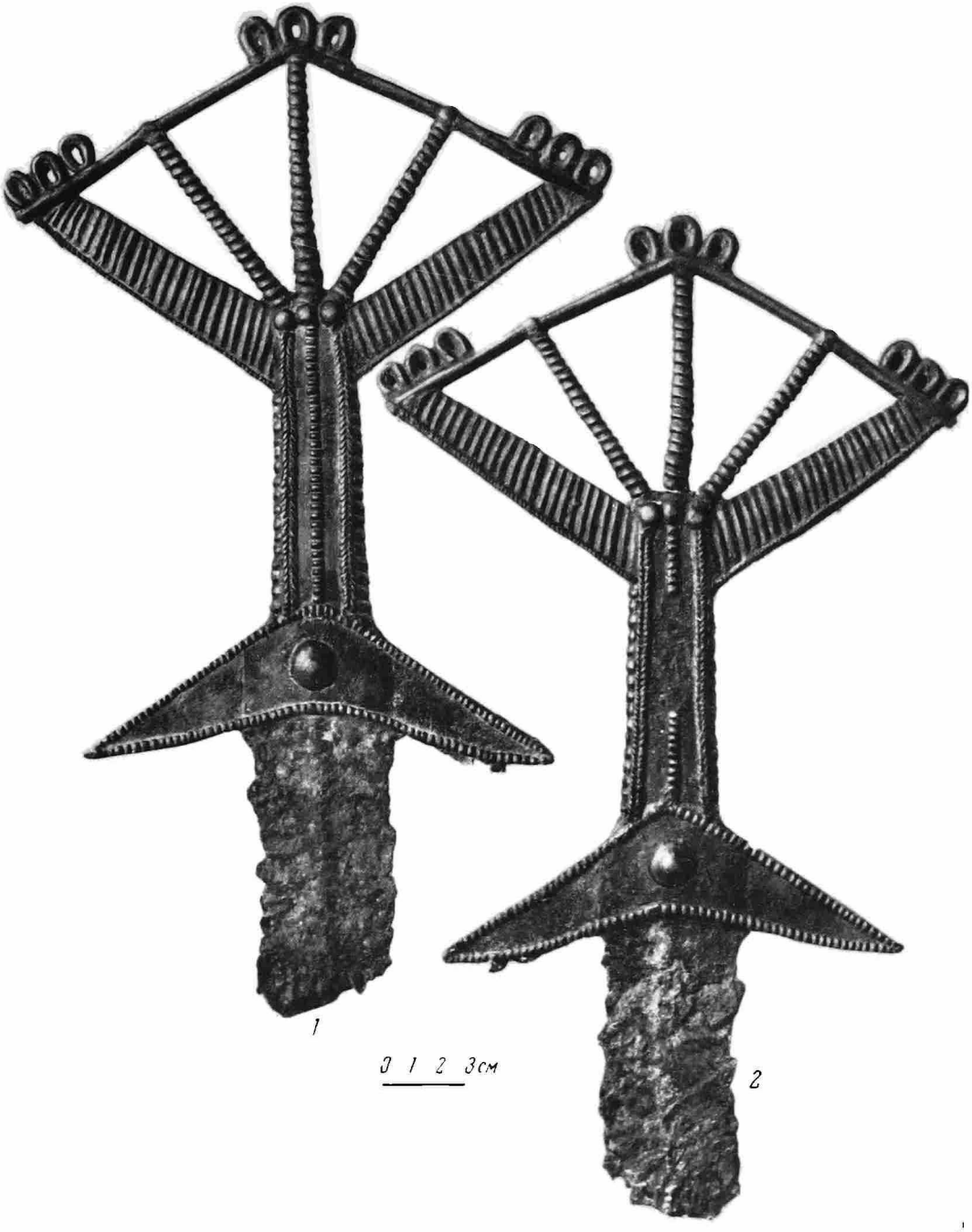


Рис. 1. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома

1 — лицевая сторона рукояти; *2* — оборотная сторона

ромба и над вершиной его сделано по три подковообразных сквозных петли, сомкнутых в ряд. Верхняя часть охвата соединена с верхними же сторонами ромба тремя винтообразно перевитыми стержнями: средний связывает вершины вертикально поставленных углов свободного ромбического пространства внутри навершия, боковые являются как бы его медианами. Эти стержни делят все свободное ромбическое пространство на четыре прямоугольных треугольника, обращенных основаниями наискось вверх. В основании каждого из этих трех перевитых стержней сделано по одной небольшой полушарной выпуклости. Эти выпуклости служат началом трех орнаментальных полосок охвата рукояти. Снаружи каждой стороны рукояти, от вершин тупых углов, образуемых низом ромбического навершия, до начала перекрестия спускается сплошным рядом по 17 тупореберчатых в стороны и наружу выпуклостей. С внутренней стороны к каждому из рядов этих выпуклостей примыкает по двойной рельефной веревочке из мелких витков, соединяющихся к середине в елочку, вниз концами витков на внешней стороне рукояти и вверх на обратной. По середине полости рукоятки идет ряд из 32 подпрямоугольных рельефных бусинок, образованных узкими поперечными надрезами. Концы боковых веревочек и среднего ряда насечек наверху упираются в упомянутые выше три полушарные выпуклости верхней части рукоятки, а внизу — в вершину перекрестия. Орнаментированная полоса рукоятки на 2,2 *см*, считая до этих выпуклостей, входит в тело ромба, покрывая его нижний угол.

Перекрестие «бабочковидной» формы, т. е. в виде бабочки, сидящей со сложенными крыльями. В данном случае крылья очень узки и остры. По внешним контурам этого перекрестия — сплошной замкнутый ряд ложной продолговатой зерни. На плоской поверхности перекрестия в средней части сделано небольшое возвышение, расположенное строго по центру рукоятки. Оно имеет в длину 5,1 *см* по ширине перекрестия и, следуя его контурам, выгнуто вверху и вогнуто внизу; его боковые стороны срезаны прямо поперек перекрестия. В самом центре его — небольшая круглая выпуклость; ее диаметр — 1,8 *см*. В середине выпуклости — еще меньший выпуклый кружок, от краев которого отходят пять едва заметных радиальных бороздок, делящих кружок на пять сегментов с усеченными вершинами углов.

Внешняя и обратная стороны рукояти совершенно одинаково орнаментированы. Только двойные веревочки на рукояти обращены на обратной стороне не вниз, как на внешней, елочкой, образованной их витками, а вверх, да от среднего ряда прямоугольников на рукояти в середине недостает около одной трети, и из пяти бороздок на средней выпуклости перекрестия при отливке получилась только одна.

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, что модель всей бронзовой рукояти была вылеплена из воска. На обеих сторонах ее, особенно на плоскости перекрестия, отчетливо видны отпечатки пальцев при формовке. На оборотной стороне рукояти частью отскочила, частью растеклась по поверхности середина центрального налепного валика. От нее сохранилась в бронзе ломаная ячеистая линия и реплика растекшегося воска. Вся рукоять явно отлита как единое целое, с утратой восковой модели. Откованное железное лезвие было вставлено в специальную литейную форму, в которой и отлили прочно соединившуюся с клинком рукоять.

Сложная фигурная рукоять на первый взгляд кажется совершенно самостоятельной композицией. Но это только на первый взгляд. Нетрудно довольно быстро найти ее внешние истоки, подвергшиеся глубокой и своеобразной переработке. Начнем ее изучение с охвата и перекрестия. Охват орнаментирован так, как украшены по бокам и на свободном поле многие из простых железных рукоятей: цепочками выпуклостей по бокам и рубчатыми линиями в поле, в которых, впрочем, есть кое-какие инди-

видуальные черты. Перекрестие — так называемое бабочковидное, но это не раннее, высокое и широкое в основании перекрестие акинаков VI — начала V в. до н. э., а узкое, с узкими и длинными крыльями — в духе скифо-меотского (конец V—IV вв.). Такие перекрестия бывают у мечей, имеющих или плоское овальное навершие, или так называемое когтевидное, в виде когтистой лапы орла, сжатой в хватательном движении. Этот мотив очень редко бывает на бляшках от конской узды. Там чаще всего изображен один коготь. В двух-трех случаях на таких бляшках бывает отлита вся лапа. Наилучший пример представляют собой шесть таких парных блях из кургана близ с. Дмитриевки б. Екатеринославской губернии (рис. 2) [3].

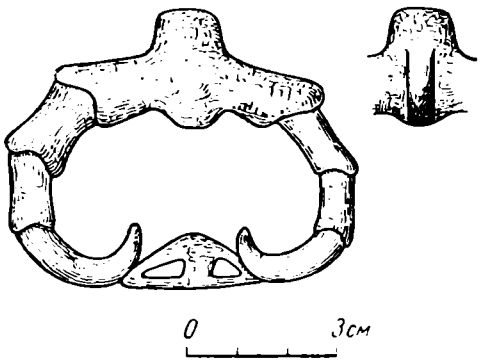


Рис. 2. Уздечная бронзовая бляха в виде орлиной лапы из кургана близ с. Дмитриевки б. Екатеринославской губернии (хран. в Киевском историческом музее)

Кроме последнего вида навершия, бывают либо два простых завитка, обращенных друг к другу, либо две орлиные головки, также обращенные друг к другу, на длинных шеях, или в перевернутом виде, со сходящимися вверх клювами. Для степной Скифии и для лесостепных племен последние два типа гораздо более редки, чем орлиная лапа. Впрочем, для IV в. последняя, безусловно, преобладает на простых и иногда встречается на драгоценных мечах. Н. Я. Мерперт достаточно подробно рассмотрел навершия такого типа, и мы позволим себе отослать читателя к его статье [4], лишь несколько дополнив данную им характеристику.

В основании пальцев орла сделаны обычно глаза. Пальцы даются в три изгиба, коленчатых и очень заметных. Глаза заимствованы из композиции навершия в виде двух орлиных голов клювами вверх. Иногда чешуйчатая кожа на сгибах пальцев выходит за границы общих контуров значительными выступами, сознательно подчеркнутыми. Благодаря сгибам схема орлиной лапы всегда характеризуется троекратной угловатостью, и этим она резко отличается от перекрестия с двумя орлиными головками, что заметно даже при плохой сохранности. У орлиных головок-завитков внешние контуры навершия имеют вид мягкого дуговидного изгиба. В когтевидных навершиях от верхнего сгиба вниз идут обычно по два когтя с заостренными концами, между которыми есть разделяющая бороздка. Иногда завитки соединены вверху поперечной перекладиной. На рисунках у Н. Я. Мерперта [5] когти отмечены лишь разделительной бороздкой. Наилучший из мечей с рукояткой в виде лапы изображен у него на рис. 22, *2*. Он был нами зарисован в 1930 г. в Воронежском музее и издан в популярной книжке «Скифы» [6]. Эту схему очень хорошо можно понять по фотографии и рисунку в отчете А. А. Миллера о раскопках курганов в станице Елизаветовской [7].

У всех четырех мечей, сохранивших перекрестия [8], последние близки к нашему, хотя не так далеко уходят за края полосы меча. У многих известных нам мечей с подобным навершием обычны именно очень незначительные, около $^1/_8$ всей длины перекрестия, выступы концов. У на-

[3] Киевский исторический музей, № 11841-43 (бывш. собр. Ханенко).
[4] Н. Я. Мерперт. Акинак с когтевидным навершием. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 71—72.
[5] Там же, рис. 22.
[6] Б. Н. Граков. Скифы. Киев, 1947, стр. 80, рис. 61, *а*.
[7] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, табл. V.
[8] Н. Я. Мерперт. Ук. соч.

шей рукояти каждый из них достигает до одной ее трети. У южных мечей вместо сидящей бабочки перекрестие иногда в IV—III вв. преобразуется в простой треугольник или трапецию. Об этом пишет М. И. Ростовцев в специальном анализе поздних скифских степных акинаков [9].

Рассмотрим теперь описываемую нами рукоять в отношении ее связей со скифскими акинаками вообще. Ее материал — бронза; у скифских мечей рукояти чаще всего железные. Навершие в виде орлиной лапы обычно бывает ажурным, и лишь в случае, если железо поверх одето золотом, оно сплошное. Таковы рукояти мечей из Солохи, Осняг, Аксютинец и ст. Елизаветовской. У последнего благодаря сохранности навершия [10] изображение особенно ясно.

Наше бронзовое навершие — ажурное. Мотив лапы явно был не понят автором композиции и, вероятно, подражал образцу, у которого верхние сгибы пальцев были соединены между собой перекладинкой. Когти у него слились вместе, верхние сгибы образовали ромб, а средние сгибы только заменились медианами. Выступы складок кожи на сгибах дали по три подковообразных петли с отверстием. Не настаивая на этом, мы осторожно выскажем предположение, что каждая из этих комбинаций — непонятое мастером изображение верхней части головы хищника, доведенной до трех своих основных схематизированных элементов (ноздря, глаз, ухо), поставленных в один сплошной ряд. Самые близкие по форме прототипы — это мордочки пантер, украшающих лапы и хвост келермесской пантеры или головы пантер на крестовидной бляхе из кургана Опишлянки, или мордочки тех же животных на бронзовых уздечных бляшках из Константиновки под Мелитополем [11].

Орлиные глаза, дополнявшие звериный стиль рукояти,— символ меткости удара мечом, превратились здесь в три полушарных выпуклости (стержней-медиан здесь три). Витой орнамент этих стержней и поперечные валики нижних сторон ромба на навершиях-лапах отсутствуют.

У подлинных скифских кинжалов и мечей рукоять по бокам иногда бывает украшена то сплошным рядом поперечных мелких валиков, то рядами выпуклостей, иногда перемежающихся с валиками. Посередине на ней встречаются параллельные продольные ребрышки, рубчатые полоски, иногда такие же бороздки, но не бывает сложного сочетания разных элементов, особенно с рельефными веревочками. У муромского меча тот же, но своеобразно усложненный орнамент.

Мы уже видели, откуда идет «бабочковидное» перекрестие муромского меча. Его особенностями являются валик из ложной зерни по всему контуру и концы крыльев, далеко выходящие за границы клинка. Необычное плоское возвышение с выпуклой розеткой посредине находит довольно легко свое объяснение. Иногда на свободной площади узкой бабочки как бы вписана голова сайги или самки лося, ухо и нос которых обращены к концам перекрестия, лоб — к его вершине, а круглый глаз занимает центр. Таковы изображения на мечах из кургана Солохи [12], из Пензы [13] и, может быть, на мече Сарапулского музея из могильника у с. Чеганды (рис. 3) [14].

[9] М. И. Ростовцев. Воронежский серебряный сосуд. МАР, № 36, СПб., 1914, стр. 89 сл., табл. V.

[10] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 76 (там же ссылки на литературу); А. А. Миллер. Ук. соч., табл. V.

[11] М. И. Ростовцев. Эллинство и иранство на юге России. Птрг., 1918, стр. 4—7, табл. V, *1*; П. Д. Либеров. Курганы близ с. Константиновки. КСИИМК, вып. XXXVII, 1950, стр. 142, рис. 45 *д*; Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, № 34, Птрг., 1914, табл. XII.

[12] ОАК за 1913 г., стр. 109, рис. 181.

[13] Е. К. Максимов. Меч и копье из коллекции Саратовского музея. СА, 1959, № 1, стр. 263, рис. 2, *2*.

[14] А. М. Тальгрен. Известия Об-ва изучения Прикамского края, вып. I, рис. 2; А. В. Збруева. История Прикамья в Ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952, стр. 100, табл. XXI, *21*.

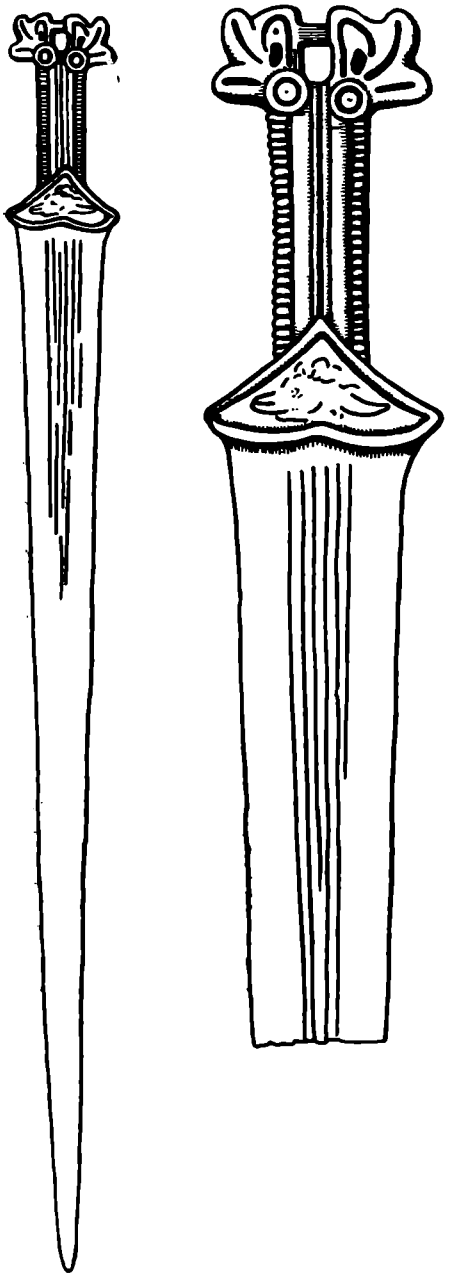


Рис. 3. Меч из Чегандинского могильника (железо; длина подлинника — 81 *см*; хран. в Сарапулском музее)

Железным акинакам из основной области распространения скифомэотского металла бронзовые рукояти мало свойственны. Мы можем назвать их две-три. Богато орнаментированная по охвату бронзовая рукоять из с. Гришинец под Киевом опубликована А. А. Бобринским; у нее навершие — две орлиные головы [15]. Недавно В. П. Шилов сообщил нам о бронзовом навершии рукояти железного акинака, открытой им в курганах у станицы Елизаветовской; ее навершие — лапа орла несколько необычной схемы (рис. 4) [16]. Наконец, хорошо известна бронзовая рукоятка акинака из местности Урус-Мартан на Северо-Восточном Кавказе; она выполнена очень оригинально, в зверином стиле, и, конечно, представляет собой явление исключительное [17]. Савроматский мир почти не знает таких рукоятий. Одна рукоять происходит из-под дер. Лапоть Саратовской области [18]. Она очень архаического типа, близкого к келермесскому мечу, гладкая, без звериных изображений. Не исключена возможность, что бронзовые рукояти еще будут найдены впоследствии.

Зато несколько рукоятей акинаков, частью целиком бронзовых, частью снабженных лишь бронзовым перекрестием и навершием, известно с территории распространения ананьинской культуры. Их собрала А. В. Збруева. Отсюда происходит великолепная бронзовая рукоять с городища Грохань: завитки навершия на ней трактованы как ушастые головы орлиных грифонов, а крылья перекрестия — как обращенные врозь головы двух лосей [19]. Прекрасная рукоятка красной меди (из собр. П. И. Щукина) с литой рукоятью в зверином стиле (головы ушастых грифонов на навершии, ползущий волк на рукояти, две орлиные головы врозь с клювами-спиралями на перекрестье [20]) отнесена, может быть, правильно к ананьинской культуре; однако она происходит

[15] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 году. ИАК, вып. 54, Птрг., 1914, стр. 105, рис. 27.

[16] В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 гг. Изв. Ростовского обл. музея краеведения, № 1 (3), Ростов-на-Дону, 1959.

[17] А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Тр. Гос. Эрмитажа, вып. I, Л., 1940, табл. XVI, *3*.

[18] Б. В. Зайковский. Археологические разведки в окрестностях с. Даниловки Камышинского уезда, Саратовской губ. ТСУАК, вып. 30, Саратов, 1913, стр. 224, рис. IX.

[19] Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 г. МАВГР, т. III, СПб., 1899, стр. 42; его же. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. Там же, стр. 48, рис. 7; А. В. Збруева. Городище Грохань. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 62, рис. 21, *3*.

[20] A. M. Tallgren. Varia. ESA, т. VI, стр. 179, рис. 7; А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 176, табл. XXXII, *10*.

с территории городецкой культуры (левый берег Суры, из-под г. Ядрина). Всего А. В. Збруева, включая две только что упомянутых, насчитала пять рукояток — бронзовых или с бронзовыми навершиями и перекрестиями [21]; все они с волютными навершиями и бабочковидными перекрестиями. Для 19 экземпляров известных ей ананьинских кинжалов и мечей типа акинака, это — хорошее соотношение. Интересно при этом, что из восьми приведенных А. В. Збруевой кинжалов и мечей с волютными навершиями у пяти, в том числе у трех с бронзовыми навершиями, волюты всех трех типов соединены в верхней части перемычкой. Это соединение встречается единично у южных мечей и редко у савроматов.

Волютные навершия в виде орлиной лапы очень обычны в степной и лесостепной Скифии. Они составляют (по новым сообщенным нам данным К. Ф. Смирнова) половину всех находок в погребениях савроматов, а всего он их знает 10 или 12 шт.; А. В. Збруева указывает для области ананьинской культуры только два меча с такими рукоятями [22]. Один из них — это уже указанный меч из Сарапулского музея.

Бабочковидное перекрестие обычно в позднейшем суженном варианте существует до самого конца в Скифии и у мэотов. Есть оно у савроматов и у одного типа мечей, близкого чертомлыцким, с овальным навершием. Такое навершие сохраняется в раннее время, в редких случаях — даже в прохоровской стадии (рис. 5) [23].

Рис. 4. Рукоять акинака с бронзовым навершием из кургана близ ст. Елизаветовской в устье Дона (раскопки В.П. Шилова; Ростовский краеведческий музей)

Знакомясь с декорировкой бронзовых литых украшений ананьинской культуры, мы именно здесь найдем много таких же элементов, как на рукояти меча из-под Мурома — поперечные прямые и косые насечки, винтообразные стержни, ложная зернь и, особенно, двойные и одинарные рельефные веревочки. Число их увеличивается в пьяноборское время. Очень близки к орнаментации муромской рукояти стержни крупных прорезных подвесок — треугольных и трапециевидных, а также стержни ранних пьяноборских застежек из бронзы, орнаментированные ложной веревочкой. В отдельности некоторые элементы (ложная зернь и насечки) встретятся на других предметах и у мэотов, и скифов, но

[21] А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 99—104, табл. XXI.

[22] Там же, стр. 100, табл. XXI, *20* и *21*.

[23] Не изданы: одно в ГИМ из раскопок автора в урочище «Башкирское стойло», курган № 6, другие, в числе мечей тайника Красногорского кургана в Оренбургской области, были мною изучены в Оренбургском музее в 1930 г. (ОАК за 1903 г., стр. 126—128).

не в сложных комбинациях. Особенно к ананьинским и пьяноборским бронзам приближается простая и двойная рельефная веревочка [24].

Несмотря на редкость наверший в виде орлиной лапы в пределах ананьинской культуры, мы невольно обращаемся в своих дальнейших розысках именно к этой области. Туда же ведет обычай делать у акинаков бронзовые навершия, и богатая лепка воска с нанесением только что упоминавшихся декоративных деталей, особенно рельефных веревочек.

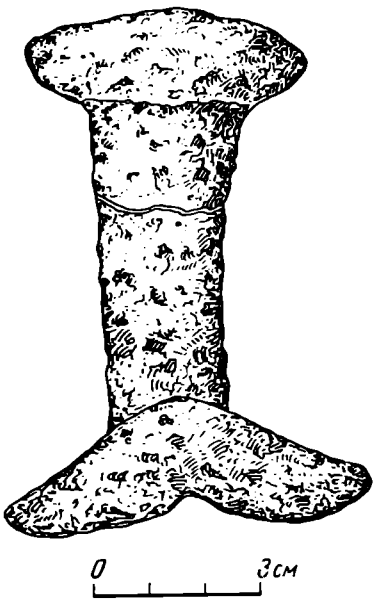


Рис. 5. Железная рукоять меча из кургана № 6 в урочище «Башкирское стойло» у пос. Нежинского Оренбургской области (хран. в Гос. Историческом музее)

Вернемся к сарапулскому мечу. Он (рис. 3) целиком железный, имеет обычную рукоять изучаемого типа. Его навершие в основании пальцев украшено глазами орла, все сгибы выходят за контуры рукояти (результат стилизации складок кожи). Каждый из них прочерчен внутри бороздкой. Вертикальная черта на последнем повороте завитка делит каждую половину лапы на два пальца, но совершенно схематически. Завитки соединены между собой перемычкой. По бокам рукояти имеются такие же валики с насечками, как у муромской. Валик по краю перекрестия сделан без ложной зерни. Внутри поля перекрестия очень неясно, но все же видны контуры головы травоядного животного, трактованного, по-видимому, в духе меча из Солохи или из Пензы. Клинок меча, как это обычно для собственно скифских мечей IV—III вв., от самой рукояти начинает сужаться, образуя длинный равнобедренный треугольник с очень острой вершиной. На его клинке от самой рукояти посредине идут пять узких бороздок, сходящихся к острию. Кроме вышеуказанной схематизации всего рисунка лапы, наш меч от южного типа таких мечей отличает еще одно: длина всего меча равняется здесь 81 *см*. Такой размер для Скифии почти невозможен, зато он встречается (обычно с самого начала) в области распространения савроматской культуры, и притом как минимальный. На всем протяжении существования савроматской культуры известны и кинжалы, и короткие и длинные мечи, причем последние имеют 80—110 *см* в длину. Сарапулский меч скорее всего сделан на месте, но его большая длина заимствована от мечей савроматских степей.

Мечи скифского типа встречаются на территории городецкой культуры; пока что их найдено всего два или три: опубликованный Е. К. Максимовым меч из Пензы, изданный М. Р. Полесских акинак из той же области и позднейший, прохоровского времени и дериват такого же меча с волютным навершием и бабочковидным перекрестием из окрестностей Вольска [25]. Впрочем, меч, изданный Е. К. Максимовым, судя по медной рукояти, орнаментированной в духе муромской рукояти, скорее всего такого же ананьинского происхождения, как и рукоять из-под Ядрина. К тому же на его навершии явно изображены две обращенные друг к другу орлиные головы, а вовсе не когтевидная схема [26].

---

[24] Такие орнаменты мы находим, в частности, на круглых ажурных бляхах по краю, на добавочных орнаментах звериных блях, на изображении лучка с Буйского городища (МАВГР, т. I, М., 1893, табл. XII, *22*) и т. п. Рост такой орнаментации наблюдается в пьяноборское время. См. МАР, № 25, СПб., 1901, табл. 1, *2*.

[25] Н. В. Трубникова. Городецкие племена и связь их со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 123, рис. 39.

[26] Сужу об этом по фотографии, любезно присланной мне М. Р. Полесских.

Муромский меч, по-видимому, развился из типа мечей, описанных Н. Я. Мерпертом, но получил свой прототип из области ананьинской культуры, и его рукоять происходит от рукоятей мечей, подобных сарапулскому. Но его полоса иная. Она имеет параллельные лезвия и, очевидно, заострялась лишь к самому концу. По размеру рукояти этот меч, конечно, связан с длинными савроматскими мечами и был тоже длинным, т. е. имел в первоначальном виде не менее 80 *см* длины. То, что тип навершия лишился своего смыслового содержания и утратил обычные общие контуры, что слишком далеко выдались концы перекрестия, забылся смысл среднего изображения на нем и оно потеряло звериную форму — все это говорит за создание муромского меча не в ананьинской среде, привычной к звериному стилю, а скорее всего мастером городецкого племени на нижнем течении Оки.

При всем отличии нашего меча от своего прототипа, дата муромской рукояти не может уйти далеко во времени от своих образцов. Соседние с ананьинцами савроматы, может быть, утратили подобный тип рукояти еще до прохоровского времени, т. е. едва ли позднее середины IV в. до н. э. К этому столетию, или немного позднее, и следует отнести нашу рукоять. Едва ли эта глубоко индивидуальная вещь могла возникнуть позднее. Впрочем, во II в. рукоять этого типа продолжала еще бытовать на своей родине — на скифском степном юге.

Обычно возникновение городищ городецкой культуры относят к VII — VI вв. по двум соображениям: 1) по общей аналогии некоторых из них ранним дьяковским и 2) особенно по наличию в них одношипных наконечников стрел или, как их называл В. А. Городцов, однокрылых [27].

П. Д. Степанов нашел на одном из городецких городищ трехдырчатый костяной псалий типа псалия из Константиновки под Мелитополем [28], т. е. относящийся, подобно однокрылым наконечникам стрел, к первой половине VI в. до н. э. В другом месте он нашел железные скифские удила и несколько бронзовых, вполне типичных, наконечников стрел [29]. А. Е. Алихова недавно опубликовала два бронзовых втульчатых наконечника стрел скифских типов VI — V вв. н. э. с Карагашинского городища городецкой культуры [30].

В ряду немногочисленных прочных аналогий скифским вещам в городецкой культуре изученный меч встанет в конце всего периода влияния скифов на городецкий мир.

Многие исследователи указывали на проникновение ананьинских, а позднее и пьяноборских вещей в недра дьяковской и городецкой культур. Муромский меч представляет собой еще одну из подобных находок.

[27] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 43—44, примеч. 1; Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Тр. ГИМ, вып. XXII, 1953, стр. 92, рис. 2, *2*.

[28] П. Д. Либеров. Ук. соч., стр. 142, рис. 45, *6*.

[29] Благодарю П. Д. Степанова за разрешение упомянуть его находки.

[30] А. Е. Алихова. Некоторые древние городища Мордовской АССР. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Археологический сборник, т. II, Чебоксары, 1959, стр. 109, табл. 44, *4*, *5*.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

РАБОТЫ ПОДВОДНОЙ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1960 г.

Подводная Азово-Черноморская экспедиция в 1960 г. была организована Институтом археологии АН СССР при участии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и Московского энергетического института [1]. Экспедиции была оказана большая помощь Таганрогским краеведческим и Херсонесским историко-археологическим музеями. Работы велись с 5 июля по 4 августа.

Задачей экспедиции было продолжить работы 1957—1958 гг. [2], произведя разведки в ряде пунктов в Азовском и Черном морях, а именно в Таганрогском заливе — около Таганрога и в районе Жданова, в Керченском проливе, в Судакской бухте и недалеко от Севастополя. При этом предполагалось применить для зачисток гидроэжектор, которым мы ранее не пользовались. В ходе работы намечалась также дальнейшая подготовка наших кадров археологов-подводников, в частности спуски их на глубины более значительные, чем в предшествовавшие годы.

Исследования около Таганрога были предприняты в связи со следующими обстоятельствами. При сильных северных ветрах, дующих преимущественно осенью, та часть Таганрогского залива, которая находится к северу от города, иногда полностью освобождается от воды. Это обстоятельство позволило научным сотрудникам Таганрогского краеведческого музея произвести обследование дна залива, в частности района недалеко от Большой каменной лестницы, взрытого землечерпалкой, прокопавшей траншею для укладки канализационных труб в 1937 г. Над трубами образовалась невысокая искусственная «коса». Сборы керамики с этой косы в 1937, 1938, 1954, 1955 и 1959 гг. обогатили коллекции Таганрогского и Ростовского музеев, а также Государственного Эрмитажа. Как уже отмечалось в литературе [3], среди этих находок были черепки архаической расписной ионийской керамики с простыми узорами в виде полос и волнообразных линий [4], а также обломки амфор с широкими

[1] Состав экспедиции был следующим: начальник — В. Д. Блаватский, его заместители — по подводно-технической части — Ю. В. Рожанский, по археологической — Т. В. Блаватская, врач — В. С. Михайловский, археологи-подводники — Г. А. Кошеленко, Б. Г. Петерс, И. В. Смирнов, Ю. А. Савельев, Е. М. Алексеева и И. А. Тихова, старшина водолазной группы — А. В. Блаватский, кинооператоры и фотографы — Г. А. Дорошенко и А. Б. Барцев, художник — Г. В. Черемушкин, аквалангисты — Э. С. Бабаев, В. П. Волжев, Б. К. Карелин, В. К. Миледин, В. А. Петухов, В. П. Соколов, Ю. Т. Филиппов и А. З. Ярышевский, техник — Ю. А. Данилов, компрессорщик — А. Н. Мищенко.

В работах около Таганрога принял участие научный сотрудник Таганрогского музея Н. Д. Праслов.

[2] В. Д. Блаватский. О подводной археологии. СА, 1958, № 3, стр. 83 сл., рис. 17; В. Д. Блаватский и В. И. Кузищин. Подводные разведки древней Фанагории. ВАН, 1959, № 1, стр. 130 сл.; В. Д. Блаватский. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г., СА, 1961, № 1, стр. 277 сл.

[3] См. Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 8.

[4] Аналогичные изданы, см. J. Böhlau. Aus Ionischen und Italischen Nekropolen. Leipzig, 1898, стр. 35 сл., 43 сл., 149 сл., табл. VIII.

красными поясками, относящиеся примерно ко второй трети VI в. до н. э.[5]. Эти данные значительно пополняются более поздними сборами, особенно 1959 г., а также наблюдениями, которые удалось сделать сотрудникам Таганрогского музея во время упомянутых выше отливов.

Основная масса находок представляла собой черепки простых тонкостенных сосудов и обломки стенок остродонных амфор античного времени. В значительно меньшем числе были обнаружены фрагменты античной расписной посуды. Встречались также обломки средневековой керамики. Среди этих находок особого внимания заслуживают два фрагмента родосских килико в позднего геометрического стиля с узорами в виде вертикально поставленного внутри заштрихованного ромба, обрамленного полосами с боков и снизу, а также геометризованной фигуры птицы. Эта группа родосских килико в обычно датируется второй половиной VII в. до н. э.[6]. Расписная керамика VI в. до н. э. была представлена черепками ионийских сосудов с орнаментом в виде поясов лака.

Сборы 1959 г. значительно пополнили картину; были обнаружены обломки аттической посуды, фрагменты стенок хиосских остродонных амфор, двуствольная ручка косской амфоры примерно II в. до н. э. и черепок стенки сосуда, покрытой мелким рифлением, видимо, раннесредневекового времени.

Учитывая все эти сведения, мы поставили своей задачей снять план того участка, где встречаются обломки древней посуды. С этой целью был обследован участок[7] к востоку и северо-востоку от Большой лестницы, на расстоянии от 40 до 300—350 *м* от берега, на глубине от 1—1,2 до 3 *м*. Погружения велись в течение трех дней — 6, 7 и 8 июля. Вода была такая мутная, что работать приходилось наощупь.

В результате этих работ была выявлена и нанесена на план своего рода «коса», обнаруженная на глубине 1—1,25 *м*; она представляла собой невысокую (до 0,30 *м*) гряду, шириной в основном от 8 до 18 *м*, покрытую щебнем. Эта гряда начиналась примерно в 50 *м* к северо-востоку от угла набережной возле Большой каменной лестницы и тянулась приблизительно на 330 *м* с западо-юго-запада на востоко-северо-восток, слегка изгибаясь в западно-юго-западной части. На отрезке, который начинался примерно в 60 *м* от угла набережной и тянулся к востоко-северо-востоку приблизительно на 125 *м*, щебень лежал плотнее, чем в других частях гряды. В этой части «косы» обломки керамики также встречаются чаще, чем в иных местах. Сборы керамики в условиях полного отсутствия видимости не могли быть эффективными и не добавили ничего нового к тому, что было ранее известно.

Подводя итоги наблюдениям над «косой» около Большой лестницы, можно высказать предположение, что там находится затопленное древнее поселение, скорее всего эмпорий, возникший, вероятно, в последних десятилетиях VII в. до н. э. и расцветавший в VI в. до н. э.; в последующее время жизнь на этом месте полностью не прекращалась, во всяком случае во времена эллинизма и средневековья. О мощности напластований этого поселения и его размерах до проведения раскопок говорить преждевременно, но, во всяком случае, длина его вряд ли менее 125 *м*.

Дальнейшие исследования мы вели с корбаля-тральщика «Лещ», что значительно облегчило проведение работ; единственным препятствием иногда была штормовая погода (ветер до 5—7 баллов, волна до 3—4 баллов), вынуждавшая прекращать погружения.

---

[5] Аналогичные изданы, см. Т. Н. Книпович. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (по раскопкам 1937 г.). СА, VI, 1940, стр. 96, рис. 6.

[6] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen. Leipzig, 1923. I, стр. 92, § 86. III, стр. 9, рис. 47; M. F. Lambrino. Les vases archaïques d'Histria. Bucureşti, 1938, стр. 39 сл., рис. 7 и 8, стр. 42 сл.

[7] Базовая линия (длиной 160 *м*) была разбита к северо-северо-западу от вершины тупого угла, который образует набережная, прямо против Большой лестницы.

11 июля производилось обследование морского дна в районе Жданова на пункте 46°55′ северной широты и 37°25′30″ восточной долготы, там, где 25 сентября 1958 г. сейнером «Сельдь» была выловлена средневековая амфора, ныне хранящаяся в Темрюкском краеведческом музее. Погружения велись с корабля (со всех сторон на расстоянии до 50 *м*) и со шлюпки, становившейся на якорь к северу и югу от корабля (также радиусом до 50 *м*). В общем была обследована площадь около 3 *га*. Глубина была 6,6 *м*, грунт — ил, до 0,5 *м* толщиной; вода мутная — видимость не более 0,6 *м*. Каких-либо находок обнаружено не было.

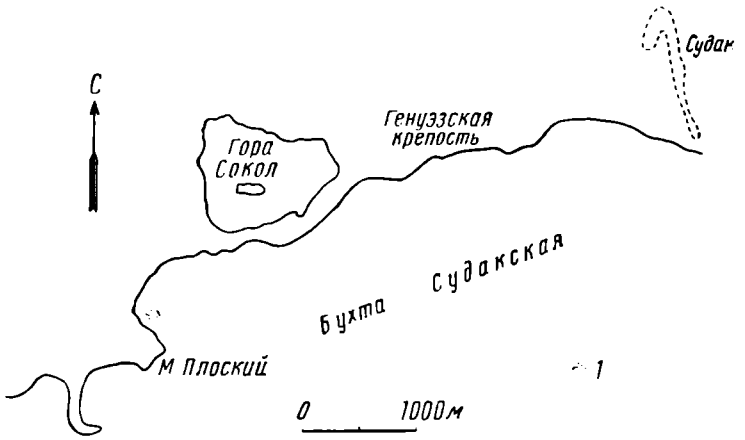


Рис. 1. Схематический план Судакской бухты
1 — место разведок

Далее, 12 и 13 июля велись работы в Керченском проливе в районе Еникале. Там в 1959 г. были открыты остатки военного корабля, вероятно, конца XVIII в. Корабль был вторично обнаружен; его координаты 45°21′42″ северной широты и 35°37′30″ восточной долготы, глубина — 6,5 *м*. Вода была очень мутной, в силу чего фотографирование и киносъемка были совершенно невозможны. Установлено, что остатки корабля несколько меньше затянуты песком, чем в предшествовавшем году. С корабля были подняты: чугунные ядра — одно большое, одно средней величины и три малых, несколько бронзовых и железных стержней, бронзовый блок и кусок листовой бронзовой обшивки с гвоздем.

Затем 15 и 16 июля были произведены обследования дна в западной части Судакского залива, к юго-западу от горы Сокол и к северу от мыса Плоского на глубине 11 *м* (рис. 1). Исследован участок площадью около 1 *га*. Обнаружены неравномерные россыпи обломков средневековой керамики, преимущественно черепков амфор; поднят один фрагмент поливного сосуда с сильно обтертой поверхностью. Среди черепков посуды местами встречались отдельные камни со следами обработки, в том числе один квадр (размером 0,4×0,3×0,2 *м*).

Наконец, основные работы экспедиции с 17 июля по 3 августа велись в районе Херсонеса, около Карантинной бухты и внутри последней (рис. 2).

Обследование морского дна около Карантинной бухты было предпринято в связи со следующими обстоятельствами[8]. При подводных работах, производившихся профессиональными водолазами в скафандровом снаряжении, там со дна моря был поднят целый ряд обломков древней и средневековой керамики, поступивших в Херсонесский историко-

[8] Сведения об этих находках были нам любезно сообщены директором Херсонесского музея И. А. Антоновой.

археологический музей. В числе этих предметов были фрагментированная гераклейская амфора [9] раннеэллинистического времени и несколько горл амфор с ручками римского, позднеантичного и средневекового времени.

Для выяснения характера археологического памятника, с которым были связаны находки упомянутой керамики, мы предприняли обследования в двух районах на подходах к Карантинной бухте, а именно — к северо-востоку и северо-западу от последней. Эти работы велись отчасти с

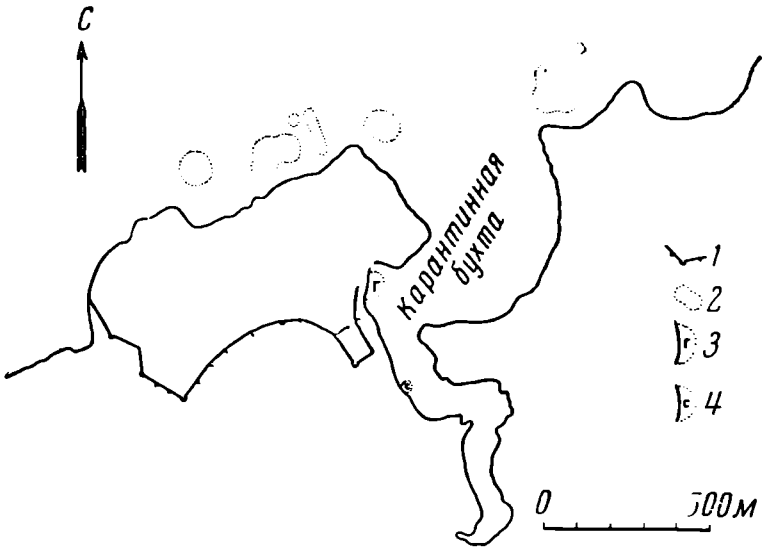


Рис. 2. Схема расположения Карантинной бухты и участков, обследовавшихся в 1960 г.

1 — оборонительная стена Херсонеса; *2* — участки морского дна, обследованные разведкой; *3* — участок средневекового города, затопленный морем; *4* — участок культурного слоя, затопленный морем

корабля, но главным образом со шлюпки. При работах со шлюпки последняя становилась на якорь и засекалась теодолитом с двух точек базовой линии, разбитой на берегу. Аквалангисты, погружавшиеся в воду со шлюпки, плавали над морским дном на страховых концах, длина которых сначала была 15, а затем 30 и, наконец, 50 *м*. Таким образом, вокруг каждой шлюпочной стоянки оказывался обследованным круглый участок диаметром около 80 *м*. Эти участки делились (по странам света) на четыре сектора. Обычно одновременно погружались два аквалангиста; каждому из них поручали обследовать один из секторов, что производилось посредством своего рода «прочесывания». Аквалангист многократно проплывал по своему сектору (по зигзагообразной линии), отмечая важнейшие находки буйками и сообщая результаты своих наблюдений археологу, который вел дневник. Наиболее значительные скопления керамики фотографировали и зарисовывали; все характерные находки собирали в коллекцию (рис. 3).

На участке при входе в Карантинную бухту, на северо-восток от последней, разведки морского дна были произведены на площади около 2 *га*, на расстоянии от 50 до 200 *м* от берега; глубина там была от 8 до 14 *м*. По всей этой площади встречались обломки керамики; местами, особенно в южной половине участка, они лежали довольно редко и по большей части были сравнительно небольших размеров; местами, как, например, в северо-восточной части, черепки были крупнее и встречались значительно чаще; наконец, преимущественно в средней части площади, было обнаружено несколько значительных скоплений фрагментов

[9] И. Б. Зеест. О типах гераклейских амфор. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 49, рис. 10. *2*.

керамики различных видов. Эти скопления представляли собой пятна неправильных очертаний протяжением от 1 до 7 *м*. Керамика относилась к античному и особенно средневековому времени (рис. 4). Главным образом это было фрагменты амфор (горла, преимущественно узкие,

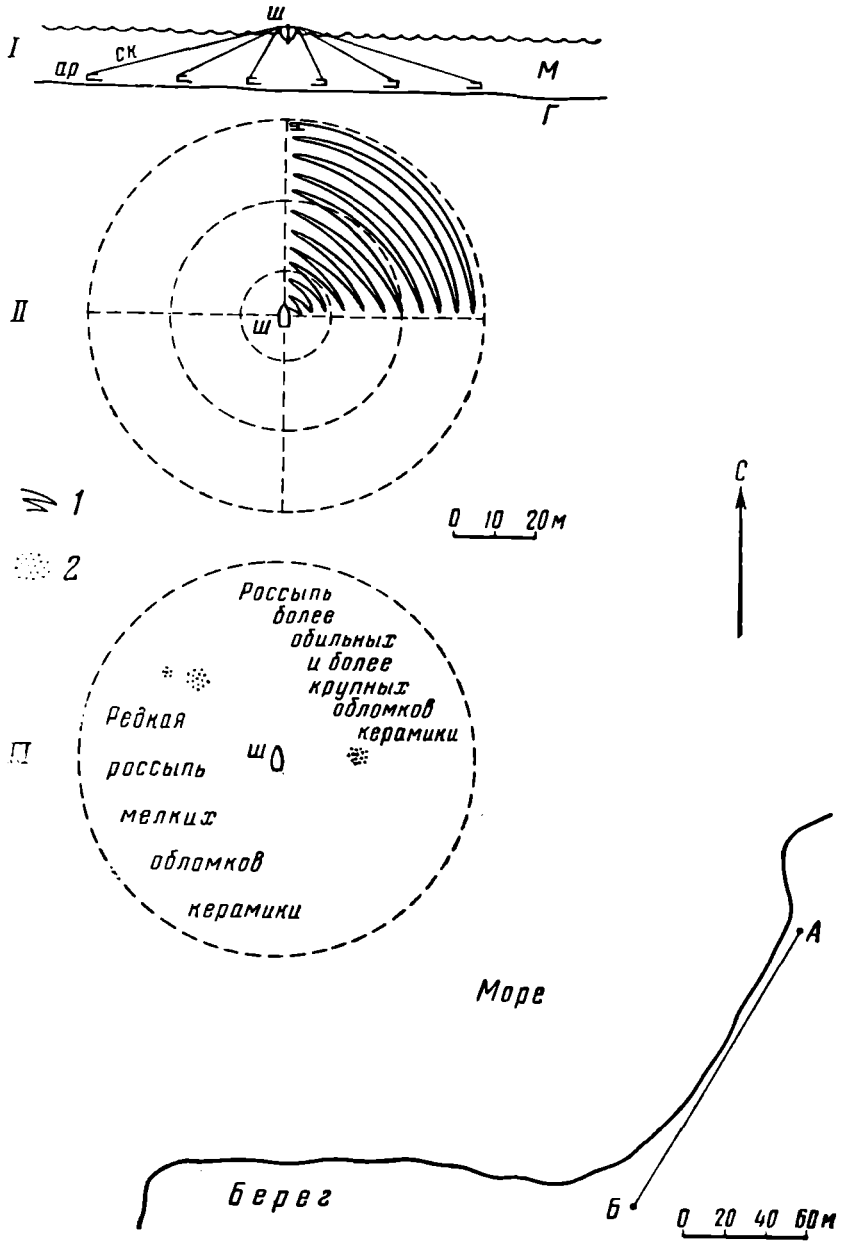


Рис. 3. Схема организации подводных работ со шлюпки

I — разрез; *II* — план участка, пройденного разведкой; *III* — план одного из участков морского дна к северо-востоку от Карантинной бухты, обследованной в 1960 г. *1* — маршрут аквалангиста-разведчика; *2* — скопление керамики; *м* — море; *г* — грунт; *ш* — шлюпка; *ск* — страховой конец; *ар* — аквалангист-разведчик; *АБ* — базовая линия

профилированные ручки, куски стенок, гладких и реберчатых), встречались также черепки простой тонкостенной посуды и другие виды керамических изделий. Среди обломков амфор античного времени особо отметим: горла с ручками двух синопских амфор раннеэллинистического времени, фрагменты амфор I—IV вв. н. э., в том числе горло с ручками

светлоглиняной узкогорлой амфоры II—III вв. н. э., обломки пифосов, среди которых встречаются гераклейские, часть края лутерия первых веков нашей эры, куски черепиц эллинистического времени, в том числе фрагмент гераклейского солена, большой обломок калиптера позднеантичного времени. Среди средневековых находок отметим два кирпича раз-

Рис. 4. Находки на морском дне к востоку от входа в Карантинную бухту

мерами 0,29 × 0,14 × 0,03 *м*. Подавляющее большинство этих находок не было окатано.

При каких обстоятельствах описанные фрагменты керамики оказались на дне моря, сказать с полной уверенностью не представляется возможным. Условия залегания их на каменистом или песчаном грунте не дают оснований видеть в этих обломках керамики остатков затопленного культурного слоя. Еще менее вероятно полагать, что мы имеем дело с предметами из культурного слоя, находившегося на берегу и размытого морем. Все это приводит к мысли, что наши находки скорее всего представляют собой остатки сильно поврежденных грузов затонувших кораблей, которые и после гибели многократно подвергались повреждениям при сильных штормах, когда волнение охватывает значительную глубину.

Близкого типа находки были обнаружены к северо-западу от Карантинной бухты, около северо-восточного берега Херсонесского городища. Там была обследована площадь около 1 *га*, на глубине от 18 до 22 *м*. На этой площади встречались довольно редкие обломки керамики и местами значительные скопления, занимавшие несколько квадратных метров. Керамика относится к античному и средневековому времени. Там были обломки остродонных амфор, в том числе горла IV—III вв. до н. э., первых веков нашей эры, а также узкогорлых[10], и больших амфор позднеантичного времени; кроме того, были найдены куски черепицы, в том числе фрагмент солена эллинистического периода, возможно,

[10] Подобный тип см. И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 174, табл. XXXVIII, *94а*.

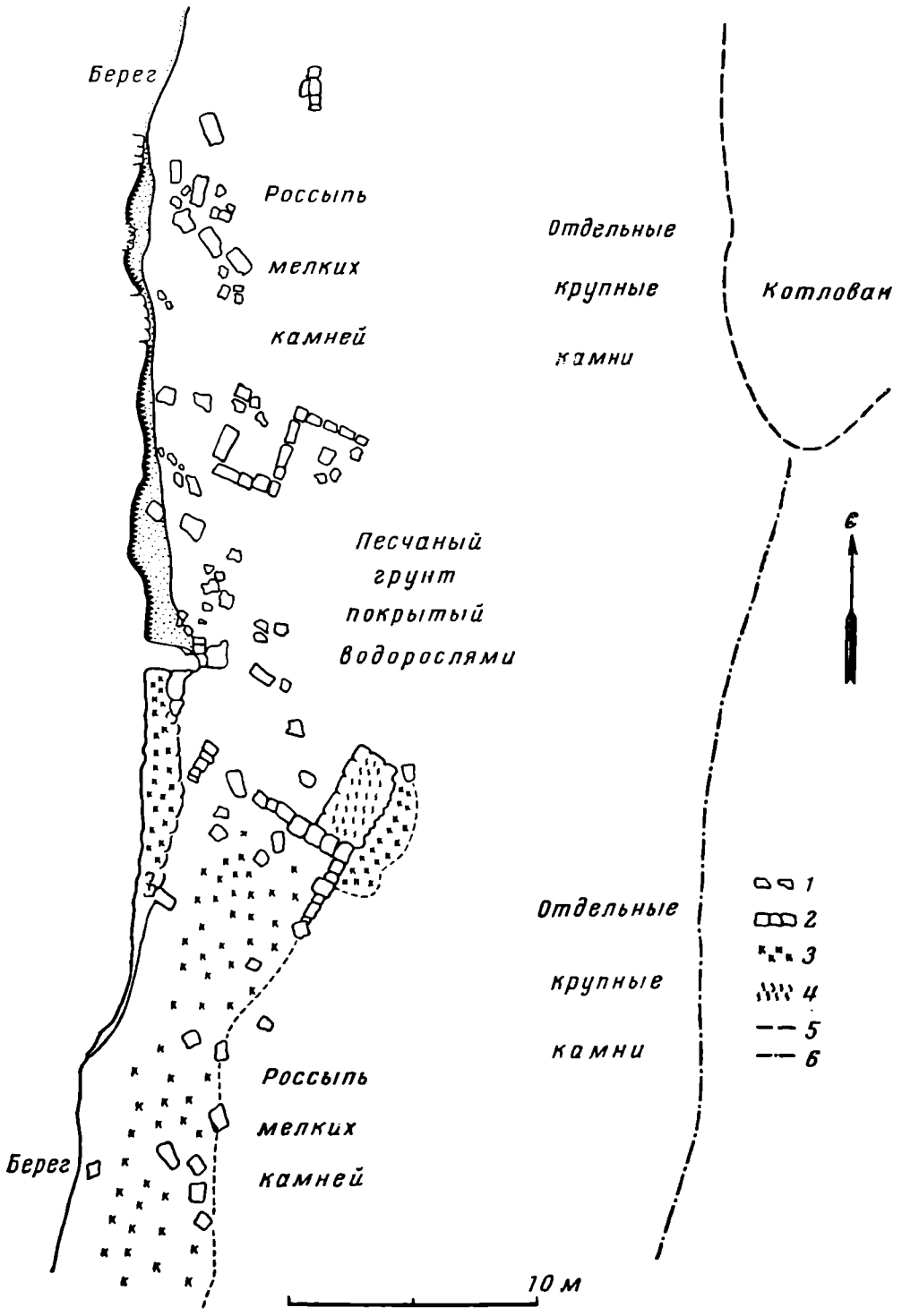


Рис. 5. План затопленных сооружений у западного берега Карантинной бухты

1 — камни; *2* — кладки; *3* — развалы камней и каменные насыпи; *4* — бутовая площадка; *5* — граница «котлована»; *6* — примерная граница участка, на котором встречаются каменные блоки и обломки керамики

Рис. 6. Затопленная часть города у западного берега Карантинной бухты

С — северная часть; *Ю* — южная часть

гераклейского происхождения. Средневековая керамика была представлена обломками амфор, кувшинов [11], а также солена и калиптера. Наконец, отметим большой каменный квадр размером 1,50 × 0,20 *м*, лежавший на глубине 18 *м*.

Затем разведки были перенесены далее на запад: против северного берега Херсонесского городища подверглось обследованию морское дно на площади около 4 *га*. Работы велись на участке против Уваровской базилики, на расстоянии примерно 30—130 *м* от берега, и на участке к северо-западу от дома с мозаикой эллинистического времени. В обоих пунктах находки были довольно редкие — черепки амфор и фрагменты соленов.

Главным объектом работ внутри Карантинной бухты явились остатки затопленного города, по-видимому раннесредневекового времени, обнаруженные около западного берега бухты, примерно в 400 *м* к югу от входа в последнюю [12]. Обследованная в этом месте площадь составляла около ¼ *га*. В этом месте берег бухты находится в черте Херсонесского городища. Затопленные водою кладки и их развалы наблюдаются возле берега и тянутся на восток, в глубь бухты на 40—45 *м* (рис. 5 и 6). Вдоль берега, т. е. в направлении с севера на юг, их удалось выявить на протяжении 52 *м*. Глубина, на которой находятся эти архитектурные остатки, колеблется от 0,4 (около берега) до 2,7—3 *м* (у восточного края занимаемого ими участка).

В северной и южной частях описываемого участка сооружения сохранились плохо, и над морским дном выступают по большей части отдельные блоки и развалы. В средней же части отчетливо заметны две группы кладок из больших блоков, находящиеся на расстоянии около 12 *м* одна от другой. Как та, так и другая группа являются частями прямоугольных помещений, стены которых ориентированы с северо-северо-востока на юго-юго-запад или с западо-северо-запада на востоко-юго-восток. Южная группа кладок имеет протяжение с северо-северо-востока на юго-юго-запад 8 *м*, с западо-северо-запада на востоко-юго-восток — 7,5 *м*, а северная группа в тех же протяжениях — около 4 и 5,5 *м*. Внутри небольшого помещения в западной части северной группы была произведена небольшая зачистка посредством горизонтального гидроэжектора. Выяснилась сравнительно небольшая эффективность этого механизма для подводных раскопок.

При зачистке и сборе подъемного материала на дне моря около описанных развалин были обнаружены многочисленные обломки керамики, главным образом средневековой и отчасти античной. Там были найдены фрагменты соленов эллинистического времени; средневековая керамика была представлена черепками амфор, обломками кувшинов и кусками соленов; особо отметим нижнюю часть средневекового красноглиняного сосуда с налепом и узором, исполненным насечками [13].

Такова картина остатков средневекового города у западного берега Карантинной бухты, которые, как уже отмечалось, тянулись на восток на 40—45 *м*. Обследование участка, расположенного далее к востоку в глубь бухты, показало, что там на протяжении не менее 30 *м* не встречается камней или обломков керамики, а дно, покрытое песком и местами илом, заросло водорослями.

Несколько иной характер имело дно бухты к северо-востоку от участка, занятого остатками раннесредневекового города. Там обнаружен котлован неправильных округлых очертаний длиной (с севера на юг) при-

[11] Подобный тип см. А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. МИА, № 63, 1959, стр. 310, рис. 163.

[12] Эти остатки города впервые были замечены научными сотрудниками Херонесского музея.

[13] Ср. Г. Д. Белов и А. Л. Якобсон. Квартал XVII. (Раскопки 1940 г.). МИА, № 34, 1953, стр. 140 сл., рис. 32, *а*.

мерно 25 *м*, шириной около 15 *м* и глубиной 3,5 *м*. Этот котлован, вероятно, возник в результате выборки грунта землесосной машиной. На дне котлована встречались обломки керамики римского и средневекового периодов. Это были фрагменты амфор римского и средневекового времени, а также куски средневековых соленов.

Наконец, последний обследованный нами район находился также на западном берегу Карантинной бухты, примерно в 300 *м* к юго-юго-востоку от южного края участка затопленного средневекового города. Там был обследован песчаный намыв на берег, образовавшийся в результате работы грунтососов, и произведена разведка морского дна в прибрежной части. Выяснилось, что намыв состоит из культурного слоя средневекового, а возможно, и позднеантичного времени. Там встречались обломки стенок позднеантичных и средневековых амфор (гладкостенных, крупно- и мелкорифленых), фрагменты средневековых черепиц и кирпича того же времени, куски известкового строительного раствора и большое количество камней.

Погружения аквалангистов показали, что аналогичного типа находки встречаются и на дне моря в прибрежной полосе, шириной 8 *м* и глубиной 2 *м*. Далее в глубь бухты тянулся толстый пласт ила.

Таковы результаты работ в районе Херсонеса. Они позволяют сделать следующие выводы. Обломки преимущественно средневековой керамики, обнаруженные на морском дне к востоку от входа в Карантинную бухту, вероятно, являются остатками сильно пострадавших грузов затонувших кораблей. Возможно, такое происхождение имеют и аналогичные находки на дне к западу от входа в Карантинную бухту.

Исследования, производившиеся на западном берегу Карантинной бухты, показали, что часть юго-восточной окраины Херсонеса, во всяком случае средневекового (а возможно, и римского) времени, в настоящее время затоплена морем. Это обстоятельство значительно обогащает наши представления об археологической топографии Херсонеса. Весь затопленный квартал находится за пределами стен города не только римского, но и раннесредневекового времени [14]. Расстояние затопленного квартала от оборонительной линии римского периода равно 50—70 *м* в ближайших и 90—115 *м* в более отдаленных частях. Расстояние от раннесредневековых стен меньше; оно составляет соответственно 40 и 95 *м*. Что представлял собой вновь открытый квартал — до надлежащих раскопок сказать трудно. Возможно, что это был поселок какой-то группы ремесленников, которые должны были строиться за пределами городских стен в силу того, что их производство было вредным в санитарном отношении или представляло опасность — в пожарном (как это имело место около стен Херсонеса с южной стороны. Там, как известно, был обнаружен целый ряд гончарных печей) [15].

Наконец, достойно внимания открытие затопленных морем, в значительной мере сильно потревоженных городских напластований, находившихся за пределами крепостных стен Херсонеса, примерно в 110—120 *м* к югу от городской черты. Коль скоро эти напластования нам известны почти только по остаткам намыва, трудно в настоящее время говорить о них с достаточной определенностью.

Как видно из нашего очерка, подводные работы 1960 г. пополнили наши представления об эмпории древнейшего времени в северо-восточной части Приазовья, о следах античной и средневековой навигации в Судакской бухте, а также в районе Карантинной бухты, и, наконец, выяснили, хотя бы в общих чертах, характер затопленного пригорода у юго-восточной окраины Херсонеса.

---

[14] Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 48, рис. 8, табл. XXIII.

[15] ОАК за 1900 г., стр. 19 сл.; В. В. Борисова. Гончарные мастерские Херсонеса. СА, 1958, № 4, стр. 144 сл.

М. Ф. ЖИГАНОВ

К ИСТОРИИ МОРДОВСКИХ ПЛЕМЕН В КОНЦЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

(Могильник у пос. Заря)

В последние годы Мордовской археологической экспедицией МНИИЯЛИЭ проводится немалая работа по выявлению границ древней территории расселения мордовских племен и изучению особенностей их развития. Особое внимание уделяется исследованию памятников второй половины I тысячелетия н. э.— периода больших сдвигов в хозяйственной, общественной и культурной жизни местных племен. В результате исследования таких памятников, как городища Ош-Пандо, Ашна-Пандо, Саконовское, Хохловское, могильники Старший Кужендеевский, Волчихинский, у пос. Заря и др., получен большой и ценный материал по истории хозяйства и быта древней мордвы, свидетельствующий о быстром росте и совершенствовании пашенного земледелия и металлообрабатывающих ремесел, о все более и более возрастающих связях мордвы с восточными славянами, кочевыми племенами юга, земледельческо-скотоводческими племенами Поволжья и Приуралья, об интенсивном процессе распада первобытнообщинных отношений.

Следует отметить, однако, что до недавнего времени памятники I тысячелетия н. э. изучались лишь в отдельных, большей частью окраинных районах древней территории расселения мордовских племен: в бассейне р. Цны, частично в среднем течении Суры, верхнем и среднем течении Теши и верхнем течении Мокши. В то же время не изучены были памятники ряда центральных районов древней территории мордвы — в бассейнах среднего и нижнего течения рек Мокши, Пьяны, Вада и др.

В 1957—1959 гг. Мордовская экспедиция сосредоточила свое внимание на изучении памятников I тысячелетия н. э. в долине среднего течения р. Мокши, в пределах Зубово-Полянского района Мордовской АССР и Сасовского района Рязанской области. Здесь обнаружено и частично исследовано около десяти селищ VIII — X вв. и два городища с верхними слоями того же времени. Особый интерес представляет обнаруженный и исследованный экспедицией мордовский могильник VII—X вв. на р. Вад (притоке Мокши).

Могильник расположен вблизи северо-восточного конца пос. Заря, Зубово-Полянского района, Мордовской АССР, на мысу плато возвышенного берега р. Вад (рис. 1). Непосредственно у подошвы плато начинается пойма шириной до 1,5 *км*. Река Вад в пределах поймы не раз меняла свое русло, о чем свидетельствуют многочисленные старицы. Современное русло находится примерно в 700 *м* к юго-востоку от мыса плато, где обнаружен могильник. В древности же русло реки вплотную подходило к плато.

За три года работ (1957—1959 гг.) экспедицией выявлено 85 погребений, из которых — 31 мужское, 22 женских, 8 детских и 24 неопределенных. В обряде погребения господствующим является трупоположение. В большинстве случаев удалось определить это по остаткам костей чере-

па и рук. В 15 погребениях черепа лежали на правом виске, что напоминает подобный же обряд, встреченный в Крюковско-Кужновском могильнике в «скорченных» погребениях [1]. В могильнике у пос. Заря, как и в Крюковско-Кужновском, такой обряд встречен как в женских, так и в мужских погребениях.

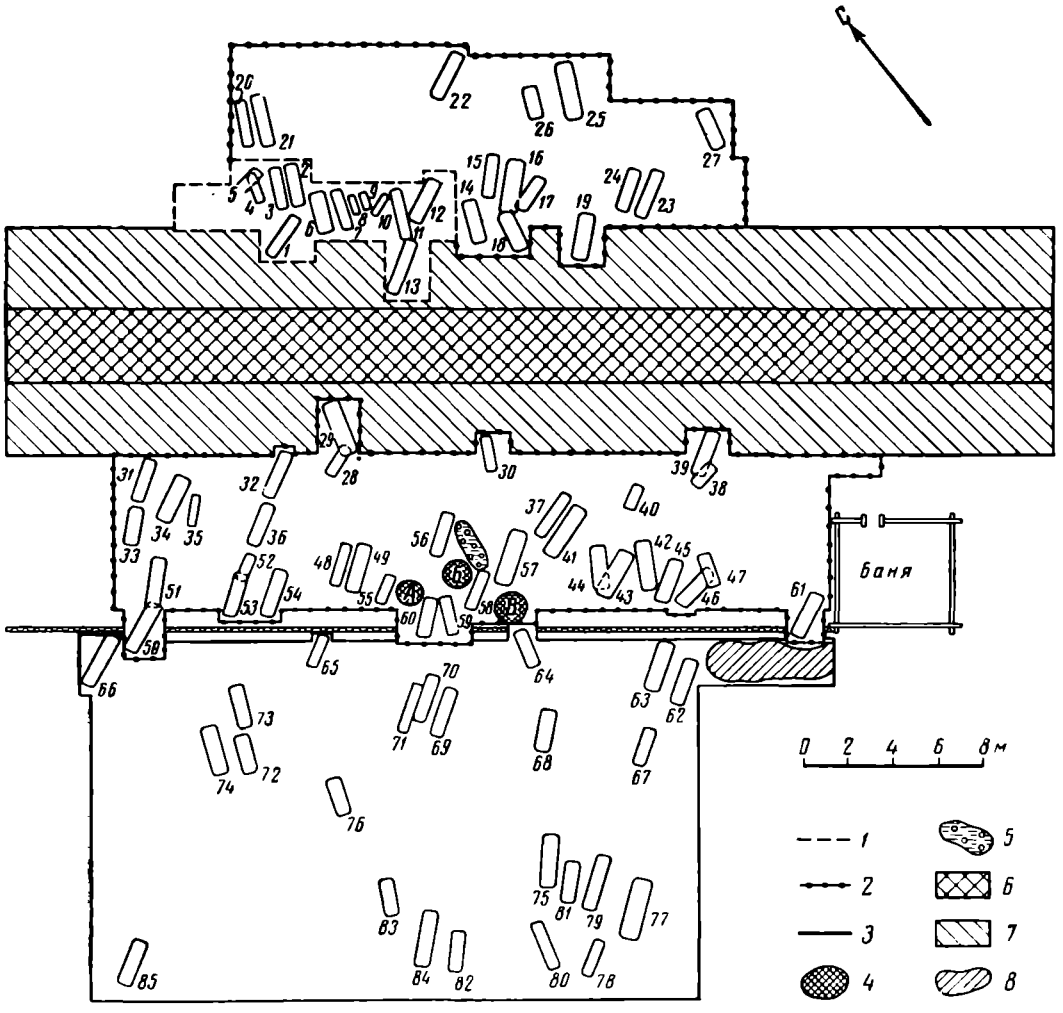


Рис. 1. План могильника у пос. Заря

1 — границы раскопа 1957 г.; *2* — границы раскопа 1958 г.; *3* — границы раскопа 1959 г.; *4* — ямы; *5* — пятно обожженной глины; *6* — водосточная канава; *7* — насыпи вдоль канавы; *8* — яма от поздней постройки

В ряде погребений (№№ 42, 50, 70, 77) прослежена подстилка из древесной коры и дубовых плашек. В погр. № 36 прослежено интересное сооружение из обожженных дубовых плашек, отесанных в виде досок толщиной 1—1,5 *см* и шириной 5—6 *см*. Плашки были сложены на ребро, вплотную друг к другу, и огибали все погребение. Следов подстилки или какого-либо перекрытия не обнаружено.

Обряд трупосожжения обнаружен в шести случаях (№№ 14, 18, 19, 22, 57 и 84). Сожжение совершалось вне погребений. Обуглившиеся косточки вместе с золой равномерно разбрасывались по дну погребальной ямы. Украшения раскладывались поверх остатков трупосожжения, в порядке их ношения. В одном конце был уложен венчик, а по бокам его — височные привески с грузиком и спиралью; ниже — гривна и ожерелье, еще

[1] П. П. Иванов. Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Моршанск, 1952, стр. 10

ниже — браслеты, привески, а у другого конца могилы — украшения обуви. Так же в строгом порядке размещается и инвентарь мужских погребений. На должное место положены топор, копья, кожаный пояс с бляшками, нож.

Такое же расположение вещей в погребениях с трупосожжением прослежено П. П. Ивановым в мордовских могильниках конца I тысячелетия

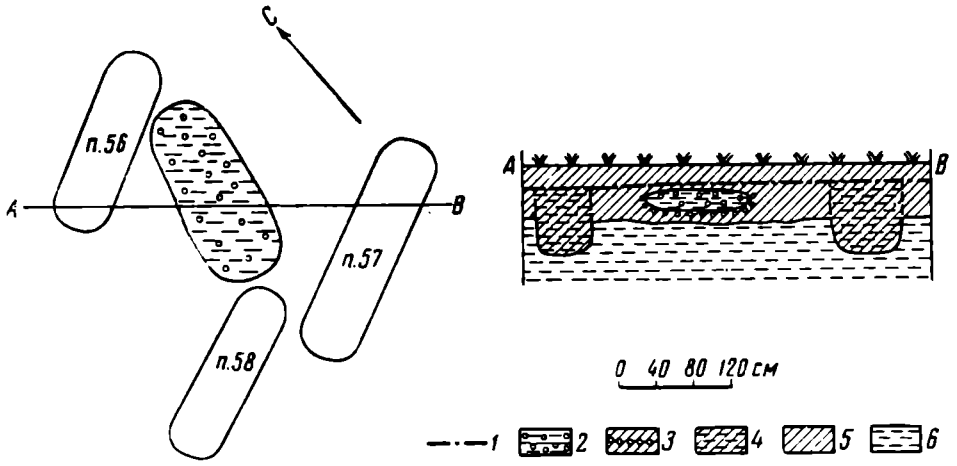


Рис. 2. План и разрез площадки с обожженной глиной

1 — древняя поверхность; *2* — прокаленная глина; *3* — серый слой; *4* — чернозем с глиной; *5* — чернозем; *6* — материковая глина

н. э. на р. Цне. Эти детали в обряде погребения, как отмечает А. П. Смирнов, указывают на то, что «кремация пришла позже обычного трупоположения, что при сожжении старались сохранить обычный порядок, какой существовал и при трупоположении. Это заставляет видеть в кремации новый, занесенный извне обряд погребения»[2]. Как правило, погребения с трупосожжением богаты вещами. К X в., судя по материалам Лядинского могильника, этот обряд сохранился лишь «в социальных верхах, владеющих определенным имущественным достатком»[3]. В могильнике у пос. Заря погребения с трупосожжением также относятся к числу наиболее богатых[4].

Трупосожжение, видимо, производилось непосредственно на территории исследуемого нами могильника. В самом центре его, рядом с погр. № 57, совершенным по обряду трупосожжения, обнаружена глинобитная площадка овальной формы, из сильно обожженной глины (рис. 2); длина — 2,2 *м*, ширина — 0,8 *м* и толщина — до 0,15 *м*. Площадка находилась в яме, глубиной от древней поверхности до 0,2 *м* (от современной поверхности площадка находится на глубине 0,3 *м*). Почвенный слой как под площадкой, так и вокруг нее сильно обожжен и имеет серовато-пеплистую окраску. Характерно, что слой земли, покры-

---

[2] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 154.

[3] А. Е. Алихова. Из истории мордвы конца I — начала II тысячелетия н. э. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа». Саранск, 1959, стр. 15.

[4] Данные этнографии говорят о том, что у некоторых народов до недавних пор обряд трупосожжения использовался лишь при похоронах знатных людей. Так, например, в одном из описаний обрядов погребения у калмыков отмечается, что самым распространенным у них было обычное трупоположение. Однако «самым почетным способом погребения является сожжение тела умершего... Этот способ погребения,— указывается далее,— применяется лишь к тем умершим лицам, которые принадлежали к числу наиболее знатных лиц в калмыцком обществе» (К. Воронцов. Формы погребения у современных и древних народов Восточной России. Изв. ОАИЭ при Казанском университете, т. X, вып. 4, Казань, 1892, стр. 402).

вающий площадку сверху, не имеет никаких следов сожжения. Это свидетельствует о том, что верхний слой отложился после того, как глиняная площадка была заброшена. Непосредственно на площадке обнаружены лишь незначительные следы древесного угля. Очевидно, после совершения обряда сожжения все остатки кремации каждый раз тщательно собирались и площадка подметалась.

В обряде погребения господствует положение покойного головой на юг, с небольшим постоянным отклонением на запад. Лишь три погребения (№№ 1, 5 и 46) ориентированы головой на запад. По ориентировке покойников головой на юг могильник у пос. Заря сходен с могильниками армиевского и лядинского типов, относящихся к мордве-мокше. Как известно, такая ориентировка господствовала у мокши в XII—XIV вв. (Гагинский, Старосотенский, Пичпадинский, Ефаевский и другие могильники) и в XV—XVII вв. (могильники Рыбинский, Бутский, Мордовско-Паркинский и др).

Анализируя обряд погребения в могильнике у пос. Заря, следует отметить еще один существенный факт. Все богатые вещами погребения как мужские, так и женские в основном сконцентрированы в центральной части могильника и имеют по сравнению с основной массой погребений значительно большие размеры могильных ям. Так, при средних размерах большинства могил 1,9 × 0,5 *м* и глубине 0,7—0,8 *м* могилы с богатыми погребениями имеют размеры 2,4 × 0,65 *м* и глубину 1,4—1,6 *м*. Особенно характерно сравнение глубины погребений: из 85 исследованных погребений 68 имеют глубину от 0,5 до 1 *м* и лишь только 17 погребений — от 1 до 1,6 *м*.

Как правило, погребения в значительных по размерам могилах содержат большое количество различных украшений, предметов быта, орудий труда и оружия, в то время как в малых по размерам могилах находятся лишь единичные вещи. К числу наиболее богатых погребений следует отнести 12 мужских (№№ 12, 13, 16, 19, 25, 29, 45, 49, 54, 58, 69 и 77) и 4 женских (№№ 18, 42, 70 и 81). В каждом из этих погребений найдено по 20 и более вещей.

Богатые мужские погребения принадлежат преимущественно воинам — представителям родовой знати. Каждое из них сопровождалось большим количеством предметов вооружения: колчаны со стрелами, боевые топоры, копья, а также принадлежности конского снаряжения — стремена, удила, пряжки и железные кольца, которые обычно были положены отдельной кучкой в ногах или головах покойного.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что при погребениях воинов находится большое число различных украшений, причем некоторые из них принято считать женскими. Так, например, в мужском погребении № 69 найдены остатки головного убора, состоявшего из матерчатой основы, на которую накреплялся венчик из бронзовых трубочек и спиралей, перемежающихся прямоугольными бронзовыми обоймами, рядами бус. На затылке венчик застегивался подчетырехугольной пряжкой. К венчику же были прикреплены бубенчик и литая привеска с лапчатыми подвесками. Богато была украшена и грудь. В верхней части груди найдена «усатая» сюльгама, пять таких же сюльгам лежали в центре груди. Здесь же найдена круглая литая ажурная бляха с круглым отверстием и язычком; к нижней части бляхи на круглых ушках подвешены 11 лапчатых подвесок. На каждой руке было надето по одному бронзовому массивному браслету и спиральному перстню. Подобные же украшения найдены в мужских погребениях № 12 (перстень, трапециевидные подвески, бусы), № 13 (бронзовые бубенчики, звездчатые подвески, сюльгама, браслеты), № 9 (сюльгама типа «с крылатой иглой», украшения обуви), № 25 (сюльгама, спиральные перстни, височная привеска с грузиком, бусы) и в других.

Наличие женских украшений в богатых мужских погребениях характерно для мордовских могильников I тысячелетия н. э. Подобные факты

имеются в Армиевском (погр. №№ 57, 58, 62, 72, 114 и др.) [5], Старшем Кужендеевском (погр. № 2) [6], Казбекском (погр. № 1) [7] и многих других могильниках. Все это имеет важное значение для реконструкции одежды родовой знати. Большое число украшений головы, шеи, груди, пояса и даже ног подчеркивало богатство и знатность воина — представителя родовой верхушки. Это подтверждается и материалами мордовских эпических произведений, возникновение которых относится к эпохе распада первобытно-общинных отношений. Так, в эпических песнях о предводителе Тюште большое место уделено описанию его богато украшенного костюма; «Белее снега его рубашка, вышитая красной ниткой. Позолочено его сюлгамо, из серебра сотканный пояс. Через плечо медвежья шкура перекинута, красивой пуговицей прикреплена. Справа медная труба подвешена, с левой стороны топор»[8].

В богатом мужском погребении № 49, рядом с положенными отдельно кучкой различными женскими украшениями, в берестяной коробочке лежала женская коса, обмотанная тонким ремешком. Подобный факт также имеет аналогии в мордовском устном народном творчестве, где женская коса является символом красоты, молодости и силы.

Знатность воинов подчеркивалась и богатыми поясными украшениями. В могильнике у пос. Заря в нескольких мужских погребениях встречены пояса, сплошь покрытые серебряными пластинками, а в погребении № 19 обнаружен пояс с большим числом позолоченных бляшек. Характерно и то, что только в богатых погребениях обнаружены драгоценные украшения неместного происхождения, например, серебряные серьги салтовского типа (рис. 3, *3, 4, 28*). То же самое характерно и для богатых мужских погребений других мордовских могильников этого времени. В мужском погребении № 16 Серповского могильника были найдены 16 золотых византийских монет[9], а в мужских погребениях Лядинского могильника 7 серебряных восточных монет и бронзовое ведерко с арабской надписью[10]. В Крюковско-Кужновском могильнике в мужских погребениях найдены арабские диргемы, перстни с арабскими надписями и бляшка, имитирующая головной убор сасанидских царей[11]. Эти же погребения сопровождались большим количеством предметов вооружения (копья, боевые топоры, сабли). Следовательно, богатые погребения рассматриваемого нами могильника резко отличаются от большинства рядовых погребений и являются яркой иллюстрацией того исторического процесса в общественном развитии мордвы, который происходил в VIII—X вв. Родовой строй распадался. Все больше и больше отделялась от остальных членов рода верхушка — предводители, военные дружинники, сосредоточившие у себя основные богатства. Материалы мордовских могильников, как отмечает А. П. Смирнов, определенно указывают на наличие у мордвы родовой знати уже в начале

---

[5] П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы. Саратов, 1930, стр. 61—63, 78.

[6] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник в долине р. Теша. СА, 1959, № 1, стр. 218.

[7] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток». КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 76.

[8] А. И. Маскаев. Образ Тюштяня в мордовском фольклоре. Уч. зап. МГПИ, вып. VI, Саранск, 1957, стр. 105. Видный этнограф прошлого столетия И. Н. Смирнов в своем историко-этнографическом очерке «Мордва» приводит интересные сведения о женских украшениях, встречаемых в мужском костюме мордвы. Сравнивая данные этнографии и археологии, он делает вывод о том, что многие украшения (сюльгамы, браслеты, гривны и др.), являющиеся типично женскими, в древности украшали и мужчин. «...Бисерное оплечье (цифкс), которое мы встречаем у мокшанок,— писал И. Н. Смирнов,— когда-то фигурировало также в качестве принадлежности мужского костюма» (И. Н. Смирнов. Мордва. Изв. ОАИЭ, т. XI, вып. 5, Казань, 1893, стр. 448—449).

[9] А. Е. Алихова. Серповский могильник. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа», стр. 14.

[10] Древности мордовского народа. Альбом. Саранск, 1941, стр. 19.

[11] П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 9.

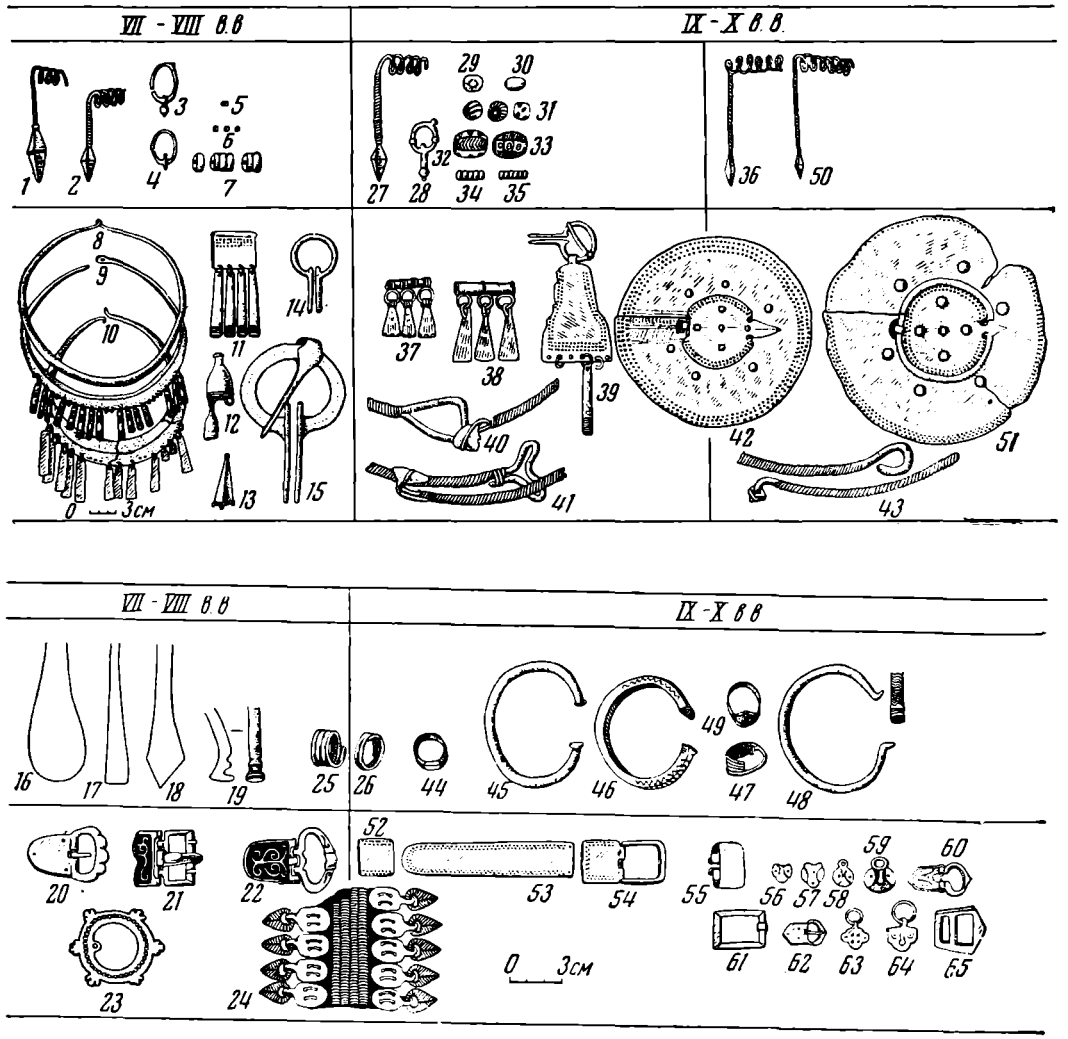


Рис. 3. Таблица хронологической классификации материалов могильника у пос. Заря

1, 2 — височные привески (погр. №№ 18, 19); *3, 4* — серьги салтовского типа (погр. № 69); *5—7* — красные пастовые бусы (погр. №№ 18, 23, 25); *8 — 10* — гривны (погр. №№ 18, 70); *11, 13* — подвески (погр. №№ 44, 14); *14, 15* — сюльгамы из погр. №№ 16 и 19; *16—19* — браслеты (погр. №№ 25, 42, 18); *20—22* — пряжки (погр. №№ 16, 34); *23* — литая бляшка из погр. № 75; *24* — украшение обуви из погр. № 70; *25, 26* — перстни (погр. № 70); *27* — височная привеска из погр. № 81; *28* — серьга салтовского типа из погр. № 49; *29—35* — мозаичные и позолоченные бусы (погр. №№81, 64, 49); *36* — височная привеска из погр. № 74; *37—39* — нагрудные украшения (погр. №№ 48, 10, 81); *40, 41* — гривны (погр. №№ 62, 81); *42* — серебряная бляха из погр. № 56; *43* — гривна (погр. № 77); *44* — перстень из погр. № 79; *45, 46, 48* — браслеты (погр. №№ 79, 62, 42); *47, 49* — перстни (погр. №№ 12, 74); *50* — височная привеска (погр. № 72); *51* — нагрудная бляха (погр. № 50); *52—54* —поясные украшения (погр. № 77); *55 — 65* — пряжки и поясные украшения (погр. №№ 49, 15, 59, 58 и 13)

I тысячелетия н. э. В конце I тысячелетия н. э. мордовские племена стояли уже «на грани классового строя» [12]. К такому же выводу пришла А. Е. Алихова на основе изучения материалов Лядинского могильника, где отчетливо выделяются наиболее богатые мужские погребения военных дружинников [13].

Материалы могильника у пос. Заря дают возможность проследить развитие материальной культуры древней мордвы на протяжении ряда веков. Наличие большого числа различных украшений не только в женских, но и в мужских погребениях могильника позволяет подразделить инвентарь могильника на сравнительно узкие (по одному-два столетия) хронологические комплексы. Стойкие сочетания особенностей тех или иных украшений дают основание выделить группу погребений VII—VIII и IX—X вв.

[12] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 156.
[13] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., стр. 15.

Комплекс VII—VIII вв. (погр. №№ 14, 16, 18, 19, 23, 25, 34, 44, 54, 69, 70 и 75). Погребения этой группы выделяются большим числом украшений — красными пастовыми бусинами, височными привесками и серповидными гривнами разных типов, застежками с «крылатой иглой», широкими пластинчатыми браслетами, пряжками с хоботовидным язычком и т. д. Все эти украшения имеют самые ближайшие аналогии с вещами из хорошо датированных византийскими и арабскими монетами VII—VIII вв. погребений Серповского и Крюковско-Кужновского могильников.

Характернейшим мордовским украшением этого времени была височная привеска с многогранным грузиком и спиралью на концах (рис. 3, *1*, 2). Привески VII—VIII вв., в отличие от более поздних имеют сравнительно короткий стержень и грузик. Все восемь привесок, найденные в четырех погребениях рассматриваемой группы (№№ 18, 19, 25 и 44), идентичны привескам из Серповского [14], Армиевского [15], Старшего Кужендеевского [16] и ряда других могильников VII—VIII вв. Существенный интерес представляют две серебряные серьги салтовского типа, найденные в погр. № 69 (рис. 3, *3*, *4*). Серьги имеют ободки из тонкой зерни и каплевидные подвески в нижней части. Как отмечает Н. Я. Мерперт, для салтовских серег такая форма характерна в VII—VIII вв. [17].

В погребениях №№ 69 и 70 обнаружены остатки головных венчиков (рис. 4, *1*). Основой венчика служил кожаный ремешок, на который прикреплялись бронзовые трапециевидные подвески. Сзади венчик застегивался небольшой пряжкой. В погр. № 69 под венчиком обнаружены кусочки полотняной крашеной ткани. Подобный же венчик с остатками ткани сравнительно хорошо сохранился в погр. № 241 Крюковско-Кужновского могильника [18]. Полотняная грубая ткань прослежена здесь и на части черепных костей, что позволяет судить о самом головном уборе. Основой головного убора служила сшитая из ткани шапочка в виде колпака, на которую надевали венчик. Следует заметить, что подобный головной убор в VII—VIII вв. был еще большой редкостью, широкое распространение он получает в IX—X вв.

Важным женским украшением был накосник, состоящий из четырех литых бутыльчатых подвесок с бронзовыми спиральными пронизками. Подвески и пронизки скреплялись друг с другом с помощью ремешков (рис. 4, *6*). Верхние концы ремешков скреплялись венчиком или же вплетались в косу, как это прослежено, например, в погр. № 299 Крюковско-Кужновского могильника.

К числу шейных украшений рассматриваемой группы относятся ожерелья из бус и различного рода привесок. Следует прежде всего назвать ожерелья из красных пастовых бус. В погр. № 23 найдено ожерелье из 50 мелких нарезных бус, в погр. № 18 — из 250 мелких нарезных и четковидных бус, а в погр. № 25 — из 140 крупных асимметрично округлых и четковидных (двойных и тройных) бус (рис. 3, *5*—*7*). Все эти бусы дают надежную хронологию для погребений. Анализ материалов большого числа рязанских могильников показал, что подобные красные пастовые бусы особенно широко бытовали в VI—VII вв. [19]. Много найдено также округлых бус из синего матового стекла — синие матовые округлые (в Армиевском [20] и Старшем Кужендеевском [21] могильниках они хорошо

---

[14] А. Е. Алихова. Серповский могильник, стр. 118, рис. 1.
[15] П. С. Рыков. Ук. соч., табл. II, *6*.
[16] М. Ф. Жиганов. Ук. соч., стр. 219.
[17] Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 21.
[18] П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 83, табл. VII, *1*.
[19] П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л., 1926, стр. 78—79.
[20] П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 14, табл. V, *23*.
[21] М. Ф. Жиганов. Ук. соч., стр. 220.

датированы VI—VII вв.) и четковидные позолоченные. Последние известны на Кавказе в 1-й группе погребений Борисовского могильника (V—VII вв.) [22]. В Серповском могильнике слитные позолоченные бусы найдены в погр. № 16, четко датированном монетами конца VII в. [23]. Следует заметить, что подобные бусы в могильнике у пос. Заря найдены и в комплексах IX в. Позолоченные бусы массовое распространение у мордвы получили позднее красных пастовых бус.

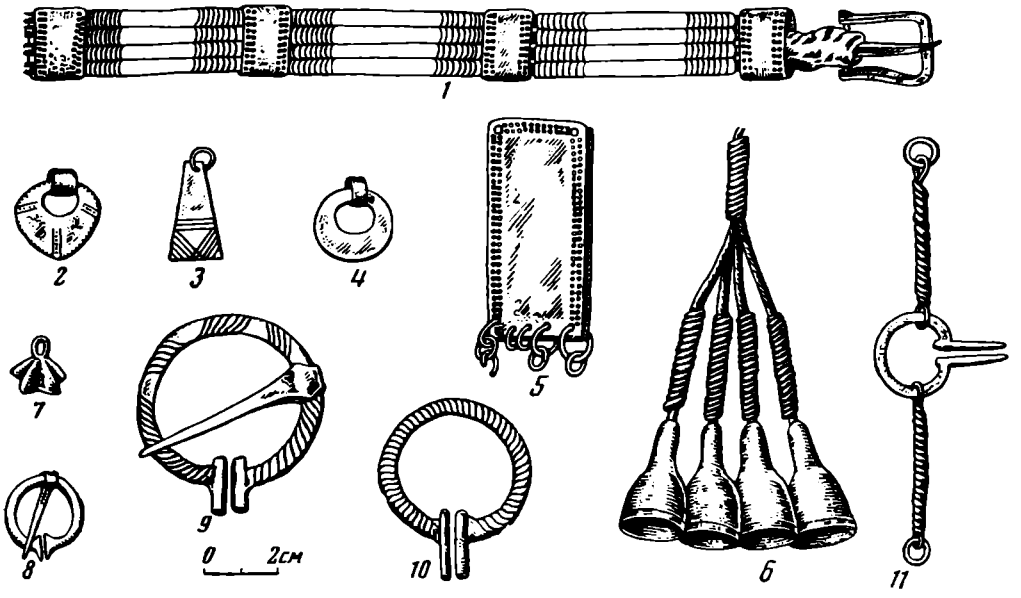


Рис. 4. Украшения VII—VIII вв.

1 — венчик из погр. № 70; *2—4* —бронзовые подвески из погр. №№ 18, 23 и 70; *5*, *7* — нагрудное украшение из погр. № 70; *6* — накосник из погр. № 70; *8—10* — сюльгамы из погр. № 25; *11* — часть накосника из погр. № 70

Для определения даты ранней группы погребений могильника большой интерес представляют также подвески в виде плоских округленных колец с ушками (рис. 4, *2, 4*). Как и в Старшем Кужендеевском могильнике (погр. № 21), такие подвески встречены здесь вместе с красными пастовыми бусами VI—VII вв., и они являлись частью ожерелья.

Интересное ожерелье обнаружено в погр. № 44 (рис. 5). Оно состоит из бронзовых прямоугольных обойм с трубчатыми подвесками. Обоймы нанизаны на полоску кожи и отделены друг от друга бронзовыми спиральками. В подобном украшении из погр. № 2 Крюковско-Кужновского могильника, кроме спиралек, между обоймами были стеклянные бусы [24].

Ранний комплекс могильника характеризуют две бронзовые пластинчатые гривны (см. рис. 3, *9*, *10*) и одна серебряная круглопроволочная. Пластинчатые гривны имеют трубчатые трапециевидные подвески, прикрепленные с помощью колечек к нижней части гривен. По своей конструкции они очень близки к гривнам из ранних погребений Крюковско-Кужновского могильника [25] и могильника у колхоза «Красный Восток» [26], где датируются VII—VIII вв. К этому же времени относит бытование подобных гривен П. П. Ефименко [27]. Серебряная круглопроволочная гривна из погр. № 18 также относится к числу древних украшений. Иден-

[22] В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56, СПб., 1914, стр. 135.
[23] А. Е. Алихова. Серповский могильник, стр. 119.
[24] П. П. Иванов. Ук. соч., стр. 11.
[25] Там же, табл. VI, *5*.
[26] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный Восток», рис. 16, *1*.
[27] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 79.

тичная гривна найдена в погр. № 45 Армиевского могильника и отнесена П. С. Рыковым к V в. н. э. [28]. Такая датировка подобных гривен подтверждена и А. П. Смирновым [29].

Намеченная дата погребений раннего комплекса подтверждается и анализом нагрудных украшений. VII—VIII веками датируются украшения в виде прямоугольных обойм с цепочками (погр. № 70; см. рис. 4, *5*) [30], пирамидальные подвески «серповского типа» (погр. № 25; рис. 3, *13*), бутыльчатые подвески с трубчатыми привесками (погр. №№ 14, 19; рис. 3, *12*) [31], многочисленные «усатые» сюльгамы (рис. 3, *14*, *15*;

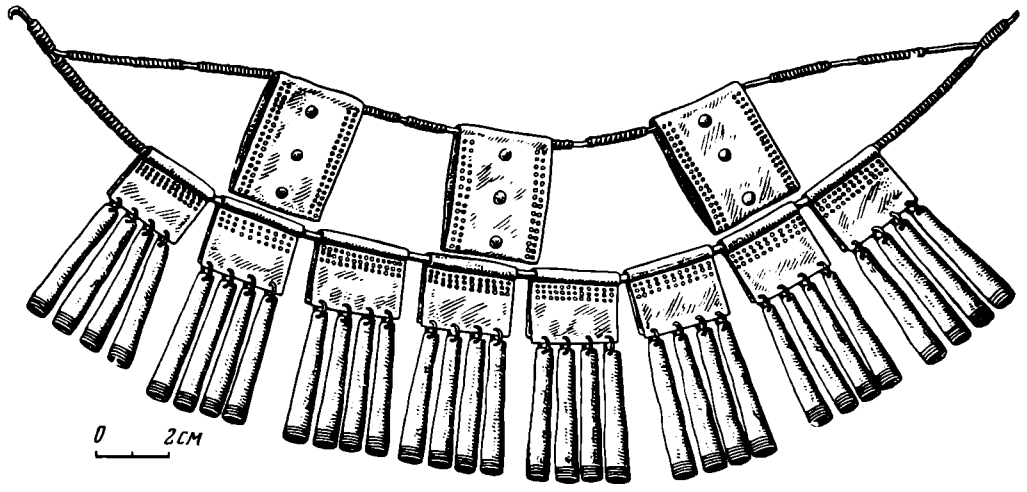


Рис. 5. Ожерелье из погр. № 44

4, *8—10*). Застежка с «крылатой иглой» найдена в погр. № 19 (рис. 3, *15*). Такие застежки в Серповском могильнике встречены с золотыми византийскими монетами 638—641 и 663—695 гг. [32] Этим же временем датируются они в рязанских могильниках [33] и памятниках Верхнего Поволжья [34].

В рассматриваемых погребениях могильника у пос. Заря сравнительно полно представлены украшения рук. В ряде погребений (№№ 18, 25 34 и др.) найдены браслеты, изготовленные из толстой, округлой в сечении проволоки. Концы их расплющены в виде шляпки гвоздя (рис. 3, *19*). Поверхность их чаще всего покрыта короткими нарезками. Подобные браслеты имеют широкие аналогии в памятниках Кавказа (1-я группа погребений Борисовского могильника) [35], Крыма (Суук-Су) [36], а также во многих мордовских могильниках VII—VIII вв. (Старший Кужендеевский, Армиевский, Серповский и др.). В памятниках Приуралья круглопроволочные браслеты со срезанными концами датируются монетами VIII в. [37]. В трех погребениях (№№ 18, 25 и 42; рис. 3, *16—18*) найдены пластин-

[28] П. С. Рыков. Ук. соч., табл. V, *10*.

[29] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 140, рис. 6.

[30] Серповский могильник. Коллекция ГИМ, погр. №№ 21 и 27 (инв. №№ 79 и 110). См. М. Ф. Жиганов. Ук. соч., рис. 2, *1*, *2*.

[31] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 74, рис. 4, *1* (стадия C_1 — VI — начало VIII в.).

[32] А. А. Спицын. Дневник раскопок Серповского могильника. Архив ИА АН СССР, 1892 г., д. № 94.

[33] П. П. Ефименко. Ук. соч., стр. 76, рис. 5, *13*.

[34] П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА, № 5, 1941, рис. 51.

[35] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 132—133.

[36] Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906 (Могильник Суук-Су, табл. XI).

[37] В. А. Оборин. Памятники родановской культуры у с. Таборы. КСИИМК, вып. 65, 1956, стр. 115, рис. 39.

чатые браслеты с сильно расширенными концами. Они идентичны с пластинчатыми браслетами Серповского могильника, датированными VII—VIII вв. [38].

Довольно много найдено перстней (погр. №№ 23, 25, 34, 67, и 70). Все они спиральные, свернутые из полукруглой в сечении проволоки (рис. 3,

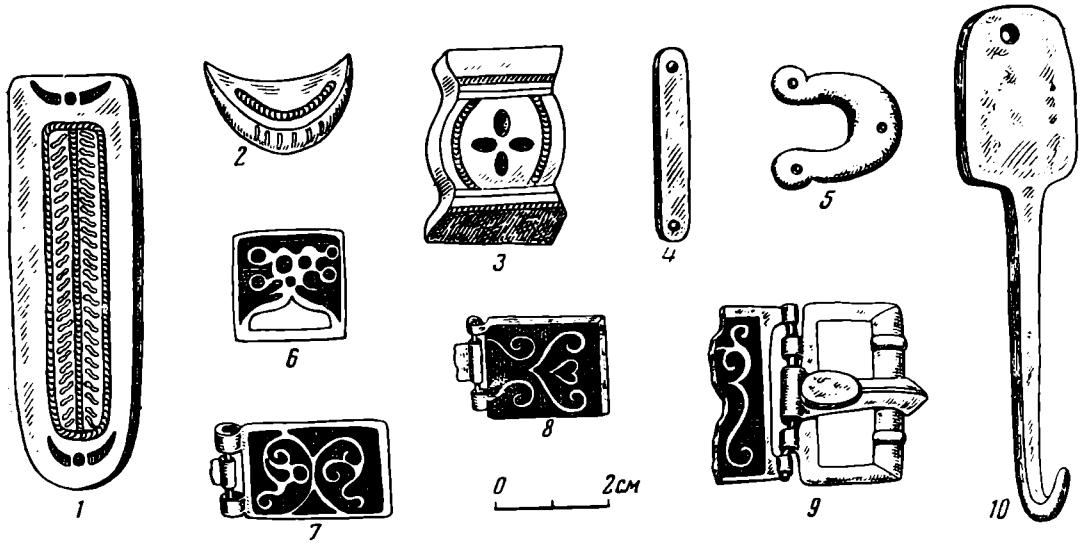


Рис. 6. Поясные наборы VII—VIII вв.

1—4 — позолоченный пояс из погр. № 19 (всего в поясе около 50 подобных бляшек и накладок) *5—9* — бронзовые поясные украшения из погр. № 34 (всего в поясе 10 бляшек и накладок); *10* — крючок для подвешивания колчана из погр. № 34

25, 26). Спиральные перстни в мордовских памятниках появились в V—VI вв. (Армиевский могильник; погр. № 12) и широко бытовали в последующие три столетия (могильники Серповский, Крюковско-Кужновский, Старший Кужендеевский и др.).

Поясные наборы и пряжки у мордвы уже в VII—VIII вв. (а не только в IX—X вв.) [39] получают широкое распространение и отличаются сравнительно большим разнообразием. Это особенно видно по материалам раннего комплекса могильника у пос. Заря, где различные по форме серебряные, бронзовые и железные поясные наборы имеются в семи погребениях (№№ 16, 18, 19, 25, 34, 54 и 75).

Богатый набор серебряных позолоченных украшений пояса найден в погр. № 19 (рис. 6, *1—4*). По сохранившимся обрывкам кожи удалось определить, что ширина пояса была около 3 *см*. К поясу был прикреплен железный крючок для подвешивания колчана (рис. 6, *10*). Почти вся поверхность пояса была покрыта узкими бронзовыми пластинками, скрепленными с помощью бронзовых заклепок. Сохранилось около 20 таких пластинок. В ряде мест пояс охватывался узкими бронзовыми обоймами. Непосредственно к нижней части пояса подвешивались скрепленные на полосках кожи позолоченные бляхи трех типов: 14 блях — в виде удлиненных пластин с одним округлым концом, с орнаментом из скани, и в виде коротких изогнутых полосок (рис. 6, *1*); 18 небольших фигурных блях с орнаментом в виде вдавленных полосок и дугообразных линий скани (рис. 6, *3*) и 5 блях — в виде полукруга с дугообразными линиями скани (рис. 6, *2*). Все бляхи штампованы из тонкого листового серебра с позолотой. Все эти бляхи имеют аналогии в памятниках Юга. Почти идентичные серебряные бляхи в виде удлиненных пластин имеются, например, в древних погребениях Борисовского могильника, где они датируются VI—VII вв. [40].

[38] А. Е. Алихова. Серповский могильник, стр. 122, рис. 4, 5.
[39] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., стр. 21.
[40] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 130, рис. 21.

Найденный в погр. № 34 пояс состоял из 10 бронзовых литых четырехугольных бляшек с рельефным узором (рис. 6, *3*). Пряжка также четырехугольная, с массивным клювообразным язычком. Литые бронзовые пряжки арочной формы обнаружены в погр. №№ 16 и 54 (рис. 3, *20. 22*). Все пряжки скреплялись с поясом с помощью бронзовых обойм. В погр. № 25 найдена небольшая литая округлая пряжка с обоймой. Эта пряжка имеет широкие аналогии в Армиевском[41], Борковском, Кузьминском[42] могильниках, а также в памятниках Северного Кавказа[43] где они датируются временем не позднее VII в. Происхождение многих пряжек этого времени следует связывать с Югом, откуда вместе с другими товарами они проникали в районы мордвы через посредство торговых связей и были доступны лишь узкому кругу родовой верхушки.

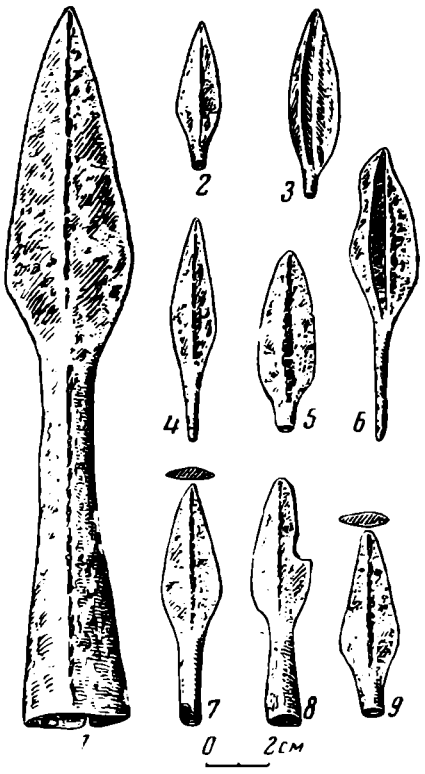


Рис. 7. Предметы вооружения VII—VIII вв.

1 — наконечник копья (погр. №№ 14 и 16); *2—9*—наконечники стрел

Следует отметить также поясное украшение из погр. № 75 (рис. 3, *23*). Это литая круглая привеска из бронзы с рельефными бугорками на поверхности. Подобные бляхи встречены в некоторых мордовских могильниках вместе с вещами V — VI вв.[44]. Массовое же распространение они имели в Прикамье, где являлись характерным украшением местных племен[45].

В погр. № 70 обнаружено украшение обуви, состоящее из бронзовых трубочек и двойных бляшек (рис. 3. *24*). Прикреплялось оно на подъеме ноги к обуви, нашивалось с помощью тонких ремешков. Данное украшение редко встречается в памятниках VII — VIII вв., широкое распространение оно имело в IX—X вв.[46] В поздних погребениях могильника подобное украшение встречено трижды (погр. №№ 2, *66, 77*).

Датировка первой группы погребений рассматриваемого нами могильника VII—VIII в. н. э. подтверждается и предметами вооружения, быта и орудиями труда. Оружие представлено наконечниками копий, стрел и одним боевым топором. Наконечники копий найдены в восьми погребениях раннего времени (№№ 14, 16, 19, 25, 34, 54, 69, и 75); все они втульчатые с листовидным, ромбическим в сечении пером (рис. 7, *1*). Втулки этих наконечников, как правило, несколько длиннее пера. Наконечник, близкий по форме и пропорциям, найден в могильнике у колхоза «Красный Восток»[47]. У мордвы наиболее распространенным видом оружия, наряду с копьями, были лук и стрелы. Судя по отдельным находкам, стрелы хранились в колчанах с деревянной основой. Колчан подвешивался к поясу при помощи специального крючка (рис. 6, *10*) и содержал до 10 и более стрел. Наконечники стрел обнаружены в трех погребениях: №№ 16

[41] П. С. Рыков. Ук. соч., стр. 19—22.
[42] А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР. № 25. СПб., 1901.
[43] В. В. Саханев. Ук. соч., стр. 160.
[44] П. С. Рыков. Ук. соч., табл. 9, *65* (погр. № 12).
[45] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 70, рис. 1.
[46] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., стр. 20.
[47] А. Е. Алихова. Могильник у колхоза «Красный восток», стр. 78, рис. 14. *4*.

(9 экз.), 19 (6 экз.) и 54 (14 экз.). Наконечники в основном трех типов: втульчатые, черешковые листовидные и трехперые.

В погр. № 54 в числе других наконечников найдено 6 экз. с листовидным пером и широкой круглой втулкой (рис. 7, *7—9*). Характерно почти детальное сходство этих наконечников (по форме и пропорциям) с наконечниками копий. Подобные стрелы пока еще не были известны в памятниках мордвы; мало встречаются они и в памятниках соседних районов.

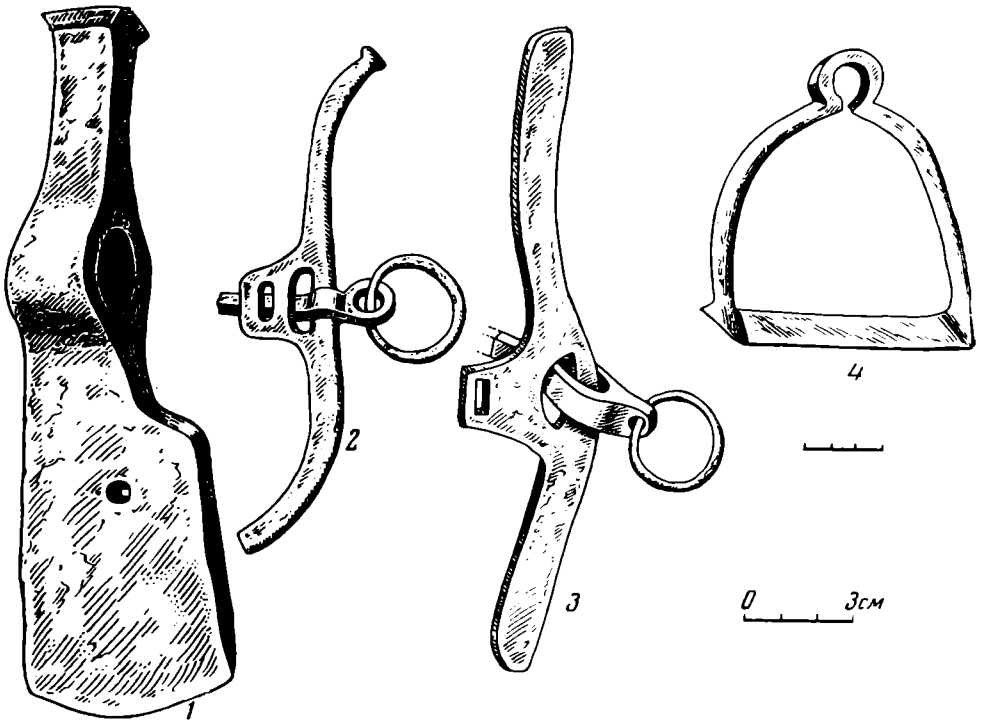


Рис. 8. Боевой топор и принадлежности конского снаряжения VII—VIII вв.

Большинство найденных наконечников черешковые, более 14 из них имеют овальное в сечении листовидное перо (рис. 7, *2, 4, 5*); 8 наконечников — трехперые (рис. 7, *3, 6*). Все эти стрелы имеют широкие аналогии в памятниках VI—VIII вв.[48].

Большой интерес представляет боевой железный проушный топорик (погр. № 16; рис. 8, *1*). Он несколько напоминает боевой топорик из погр. № 19 Серповского могильника[49], но является, однако, более развитым типом подобного оружия. Наиболее близкие аналогии к нему можно указать в сармато-аланских памятниках, где подобные топоры имеются в могильных комплексах VII—VIII вв.[50]. Судя по материалам Лядинского и Томниковского могильников, эти топоры наибольшее распространение получили у мордвы лишь в IX—X вв.; в это же время они широко бытуют в Приладожье[51], Прикамье[52] и в других районах.

В VII—VIII вв. необходимой принадлежностью почти каждого мужского погребения был железный топор, что видно по материалам могиль-

[48] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, 1941, стр. 111, рис. 54; В. В. Саханев. Ук. соч., табл. III, 9; М. Ф. Жиганов. Ук. соч., стр. 224, рис. 6, *4*, *5*.

[49] А. Е. Алихова. Серповский могильник, стр. 126, рис. 2.

[50] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., рис. 2, *56*, *86*, *86-а*; Н. В. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, табл. XX, *3*.

[51] К. Е. Бранденбург. Курганы Южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, табл. XII, *11*.

[52] А. А. Спицын. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, № 26. СПб., 1902, табл. XXVII, *2*.

ника у пос. Заря. Из восьми погребений раннего времени в шести найдены железные лесорубные топоры древнего типа (погр. №№ 16, 19, 25, 34, 54 и 69). Как по своим размерам, так и по конструктивным особенностям они близко напоминают топоры из могильников армиевского и серповского типов и существенно отличаются от топоров IX—X вв. Обращает внимание, прежде всего, архаическая форма топоров: их лезвие лежит фактически в плоскости втулки, и угол наклона оси втулки топора к оси лезвия крайне незначителен (рис. 9).

В двух мужских погребениях этого же времени в могильнике у пос. Заря (№№ 16 и 54) найдены принадлежности конской сбруи — стремена

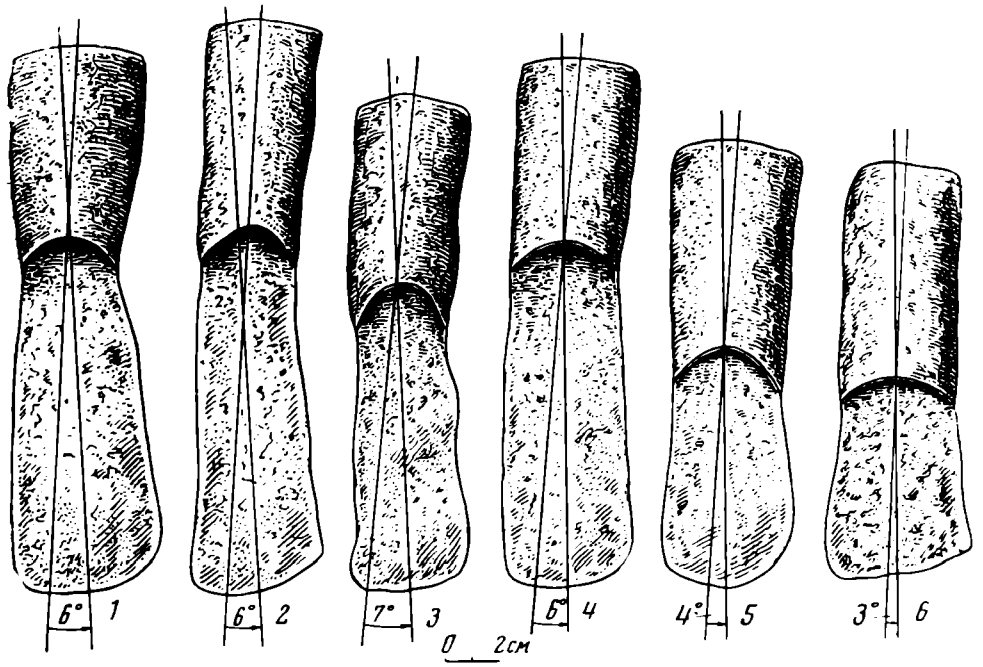


Рис. 9. Железные топоры VII—VIII вв.

и удила с эсообразными псалиями (рис. 8, *2*, *3*). Подобные удила в VII—VIII вв. были широко распространены на Кавказе [53], в Сибири [54], на территории сармато-аланских племен [55]. В памятниках мордвы они встречены в Крюковско-Кужновском (погр. № 72) [56] и Лядинском (погр. № 102) [57] могильниках. Найденные в погр. № 16 стремена (рис. 8, *4*) имеют широкие аналогии в памятниках того же времени.

Из приведенного анализа видно, что большое число различных украшений, а также орудий труда и предметов вооружения, взятые в комплексе, датируют раннюю группу погребений рассматриваемого могильника VII—VIII вв. н. э. Материалы этих погребений уточняют время бытования отдельных украшений, что имеет важное значение для систематизации мордовских древностей второй половины I тысячелетия н. э.

Комплекс IX—X вв. включает в себя большинство погребений могильника. Материалы этих погребений говорят об их большой близости

---

[53] Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ (по материалам Северо-Кавказской экспедиции ГИМ в 1935 г.). Изв. Сев.-Осетинского НИИ, т. IX, 1940; В. В. Саханев. Ук. соч., табл. III, *17*.

[54] В. П. Левашева. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 55.

[55] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., рис. 2, *74*.

[56] П. П. Иванов. Ук. соч., табл. XXVI, *1*.

[57] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., стр. 29.

с могильниками томниковско-перемчалкинского (IX в.) и лядинского (X в.) типов, хорошо датированных арабскими монетами и многочисленными привозными вещами [58].

Период IX—X вв. непосредственно связан с предшествующим временем и характеризуется дальнейшим развитием хозяйства, культуры и общественных отношений древней мордвы. Существенные изменения претерпевает в это время материальная культура мордвы — орудия труда, оружие, бытовой инвентарь, одежда и ее украшения.

В инвентаре погребений IX—X вв. встречается довольно много новых элементов. В погребениях более позднего комплекса описываемого могильника исчезают многие характерные для VII—VIII вв. вещи. Совершенно исчезают, например, красные пастовые бусы, которые заменяются глазчатыми, самых разнообразных форм и расцветок. Особенно в IX в. большое распространение получают крупные боченкообразные бусы из желтой пасты с красными, желтыми, зелеными и черными глазками и полосками (рис. 3, *31, 33*). Широко распространены также стеклянные бусы светло-синего, темно-синего и зеленого цветов (рис. 3, *29, 30*). В IX в., судя по находкам в погр. №№ 2, 10, 12, 49 и 72, продолжали бытовать обнаруженные еще в раннем комплексе могильника четковидные стеклянные с позолотой бусы (рис. 3, *34, 35*). На юге, откуда и шли эти бусы в земли мордвы, они также бытуют вплоть до IX—X вв. [59]. В трех погребениях (№№ 1, 38 и 42) найдены довольно крупные мозаичные бусы с восемью (по четыре вверху и внизу) рельефными глазками. В погр. № 42 найдено 36 таких бус. По цвету поверхности самих бус они делятся на красные, черные, синие и желтые. Глазки обычно красные, а в нижней части имеют светлый поясок.

В IX—X вв. (по сравнению с VII—VIII вв.) существенно изменяется характернейшее мордовское украшение — височная привеска с грузиком и спиралью (рис. 3, *27, 36*). Стержень и грузик привески сильно удлиняются, увеличивается количество оборотов спирали. В это же время несколько изменяются и серьги салтовского типа. По двум сторонам кольца серьги появляются довольно крупные ободки, навершье в виде бугорка, сдвинутого в сторону, нижняя часть серьги сильно вытянута и сделана в виде имитации снизки из четырех бус (рис. 3, *28*; погр. № 49). Идентичные серьги во второй половине VIII—IX вв. появились у самих салтовцев [60].

Интересно отметить, что в IX—X вв. подобные серьги отливались и мордовскими мастерами, о чем свидетельствует формочка, найденная в одном из погребений Крюковско-Кужновского могильника (рис. 10, *1*) [61].

Ни в одном из женских погребений позднего комплекса не встречен венчик из обойм и трубочек. Лишь в двух богатых мужских погребениях (№№ 49 и 64) отдельные обоймы и трубочки от венчиков лежали вместе с другими украшениями в бурачке. Интересные украшения в виде венчиков найдены в женских погребениях №№ 42 и 48 (рис. 11, *1*). В погр. № 42 на сохранившихся костях черепа найдены отдельные обрывки полотняной ткани, которые покрывали верхнюю часть черепа. Непосредственно на ткани, полосой вокруг всей головы лежали трапециевидные бронзовые подвески, прикрепленные к нижней части матерчатого головного убора при помощи проволочных колечек. К головному убору при помощи сюльгам с «усами» подвешивался накосник из бутыльчатых и звездчатых подвесок (рис. 11, *2, 3*). Венчик из трапециевидных подвесок характерен для

---

[58] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 118—129; А. Е. Алихова. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. СА, 1958, № 2.

[59] Е. Г. Пчелина. Два погребения времен алано-хазарской культуры из селения Лац. Тр. СА РАНИОН, т. IV, М., 1929, стр. 412, рис. 3, *11*.

[60] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., рис. 2, *92, 93* и стр. 30.

[61] Коллекция Моршанского краеведческого музея.

Томниковского и Перемчалкинского могильников IX в. [62]. IX веком датируются и круглопроволочные височные кольца, найденные в погр. №№ 13, 55 и 77 (рис. 10, *1*) [63].

Погребения IX—X вв. отличаются от ранних и многими новыми подвесками, служившими составной частью ожерелий, накосников и нагрудных украшений. В пяти погребениях (№№ 10, 47, 48, 56 и 81) найдены

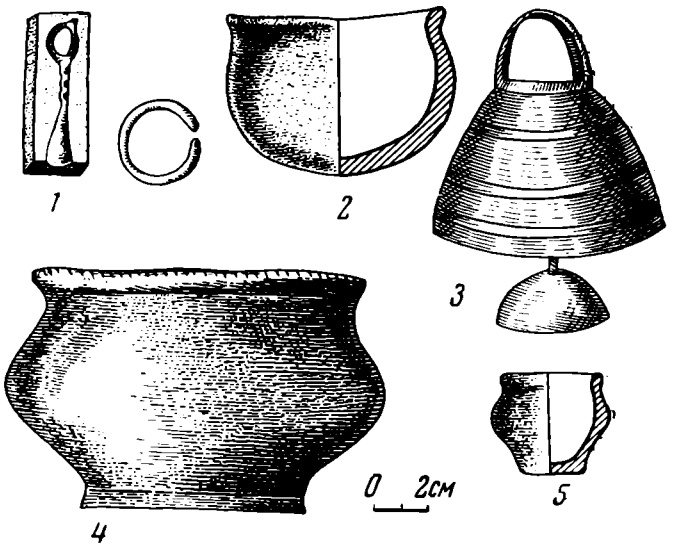


Рис. 10

1 — форма для литья серег салтовского типа из Крюковско-Кужновского могильника и височное кольцо из погр. №№ 13, 15 и 77; *2, 4, 5* — глиняные сосуды из погр. №№ 2, 8, 81; *3* — бронзовый колокольчик из погр. № 45

литые бронзовые подвески от нагрудных украшений с лапчатыми привесками (рис. 3, *37, 38*). В погр. № 56 девять таких привесок составляли целое ожерелье, нанизанное на узкий ремешок. Подобные подвески широко встречаются в могильниках лядинского типа [64]. Значительно более крупными в IX—X вв. стали бутыльчатые подвески (рис. 11, *4, 6, 10, 11*). Появляются сравнительно большие бубенчиковидные (рис. 11, *7, 8*) и пластинчатые с длинными лапками подвески (рис. 12, *10*) [65]. Следует отметить серебряную подвеску в виде рога из погр. № 58 (рис. 11, *12*). Идентичная подвеска, изготовленная также из серебра, найдена в Томниковском могильнике (IX в.) [66]. К поздним же украшениям могильника относится бронзовая составная шумящая привеска из погр. № 81 (см. рис. 3, *39*). Подобные шумящие привески А. П. Смирнов датирует временем не позднее IX в. [67].

В IX—X вв. широкое распространение у мордвы получили крутлопроволочные гривны с овальным, в виде лодочки, щитком на одном конце и изогнутой петлей — на другом. Судя по материалам Серповского могильника, гривны с этим замком появились еще в конце VII в. (погр. № 16, датированное византийскими монетами) [68]. Типичнейшим украшением они стали лишь в памятниках лядинского времени. В могильнике у пос. Заря они встречены лишь в одном из погребений VII—VIII вв. (№ 70) и в шести

[62] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., табл. I, *17*.
[63] Там же, рис. 19.
[64] Древности мордовского народа. Альбом, дополнение I, рис. 4.
[65] Там же, дополнение II, рис. 19.
[66] Там же, табл. XIV, *7*.
[67] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 122, рис. 12.
[68] А. Е. Алихова. Серповский могильник, стр. 133.

погребениях позднего комплекса (№№ 1, 31, 42, 50, 62, 81; рис. 3, *40, 41*), причем в погр. № 81 были две гривны. В одном экземпляре представлена гривна с многогранной головкой (рис. 3, *43*), имеющая широкие аналогии в памятниках IX—X вв.

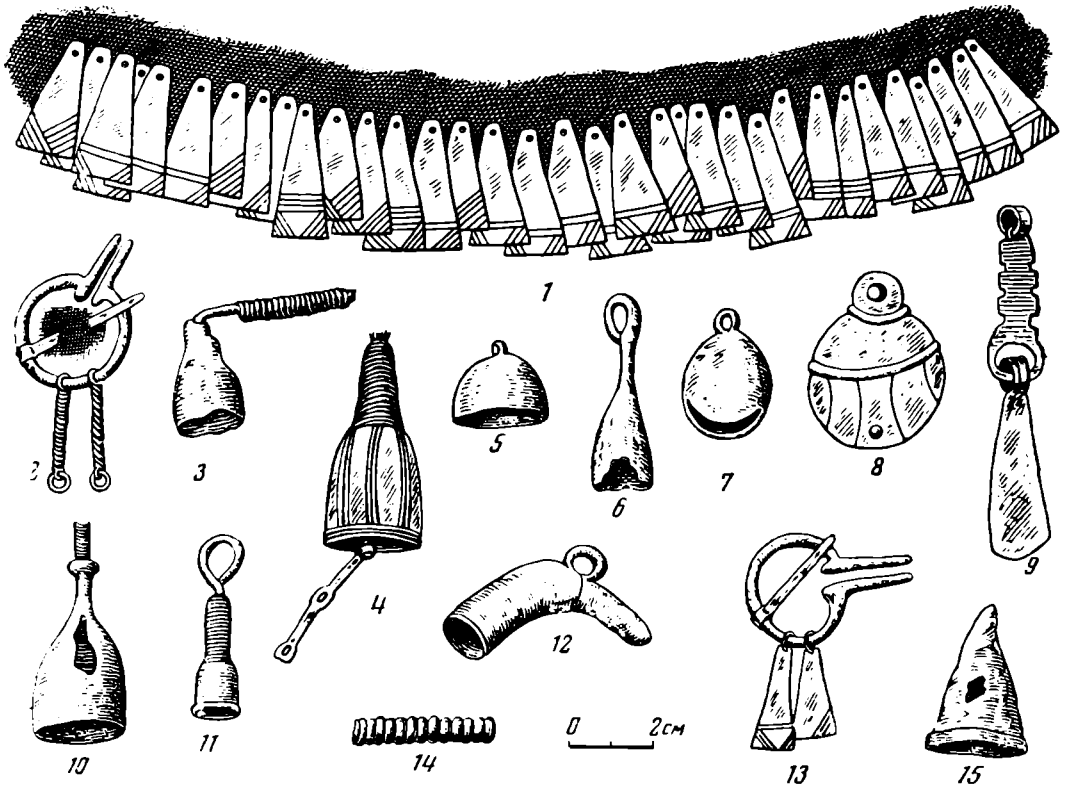


Рис. 11. Бронзовые и серебряные украшения IX—X вв.
1 — венчик из погр. № 42; *2—15* — привески

Характерным нагрудным украшением IX—X вв. являются большие нагрудные бляхи с круглой дверцей в центре. В рассматриваемом могильнике найдено пять таких блях — четыре бронзовых (погр. №№ 29, 50, 66, 81) и одна серебряная (рис. 3, *42*). Все бляхи имеют богатый орнамент в виде параллельных линий, бугорков и насечек. В погр. № 50 найдены остатки кожи, которая покрывала всю обратную сторону бляхи.

В IX—X вв. у мордвы исчезают тонкопластинчатые браслеты с расширенными концами серповского типа. Широкое распространение получают массивные браслеты с концами в виде шляпки гвоздя (рис. 3, *45, 46, 48*). В могильнике у пос. Заря они встречены более чем в 20 погребениях позднего комплекса. Важное место в материалах могильника занимают и спиральные браслеты, изготовленные из толстого полукруглого в сечении жгута. В ранних захоронениях встречен один спиральный браслет (погр. № 70), а в поздних — три (погр. №№ 9 и 72). Широкое распространение этих браслетов в IX—X вв. подтверждается материалами и других мордовских могильников этого времени [69].

В инвентаре погребений могильника у пос. Заря много перстней; как и браслеты, они найдены почти во всех погребениях. Бо́льшая часть из них спиральные, из полукруглой в сечении проволоки (рис. 3, *25, 26*). Наряду с ними бытовали и перстни с пластинчатой дужкой, с ромбическим или овальным щитком (рис. 3, *44, 49*). В одном из наиболее поздних погребений (№ 47) найден спиральный перстень с расширенной серединой

[69] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., стр. 18.

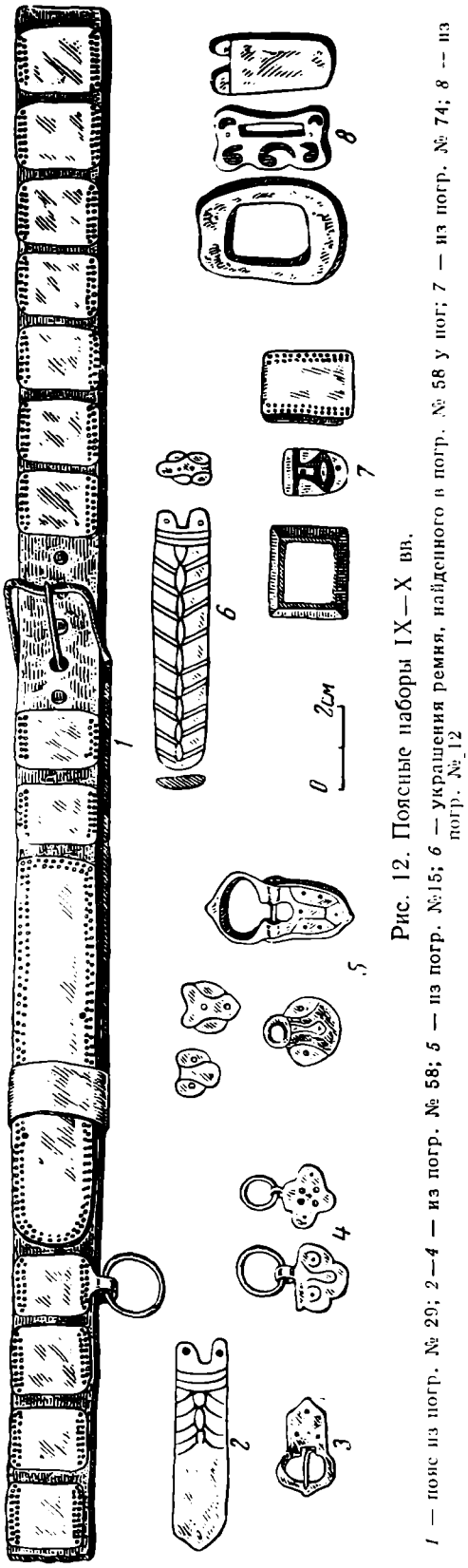


Рис. 12. Поясные наборы IX—X вв.
1 — пояс из погр. № 29; *2—4* — из погр. № 58; *5* — из погр. №15; *6* — украшения ремня, найденного в погр. № 58 у пог; *7* — из погр. № 74; *8* — из погр. № 12

(рис. 3, *47*). Как отмечает А. Е. Алихова, подобные широкосрединные перстни появились у мордвы в X в. и продолжали бытовать в XI—XII вв.[70].

В могильнике у пос. Заря поясные наборы обнаружены более чем в 10 погребениях; почти все пояса выделяются исключительным богатством бронзовых и серебряных украшений. В погр. № 49 на поясе были 34 серебряные бляшки и накладки; в погр. № 29— более 30 различных бляшек и накладок; в погр. № 12—23 бляшки и накладки и т. д. Формы поясных украшений разнообразны. Прежде всего следует отметить распространение серебряных четырехугольной формы бляшек и длинных пластинчатых концевых накладок. Они найдены в восьми погребениях (рис. 12, *1*). Эти украшения пояса широко известны и в других мордовских могильниках IX — X вв.[71]. Не малое место в инвентаре могильника занимают различные литые бляшки с кольцом (рис. 12, *4*), длинные накладки с орнаментом в виде восьмерок (рис. 12, *2, 6*), небольшие бляшки с различными геометрическими узорами (рис. 12, *5, 7*). Многие из них имеют самые близкие аналогии в позднесалтовских и других памятниках нашего Юга конца I тысячелетия н. э.[72].

Для многих погребений рассматриваемого могильника характерно наличие глиняных лепных сосудов. Обжиг сосудов неравномерный, глина с примесью песка. Почти все сосуды отличаются миниатюрными размерами (см. рис. 10, *2, 5*); они имели исключительно ритуальное назначение. Многие сосуды имеют по краю венчика орнамент в виде косых линий — насечек, что характерно и для сосудов мордовских поселений VIII — X вв. (Саконовское, Наровчатое и др.). Небольшой круглодонный сосудик из погр. № 2 (рис. 10, *2*) по форме близко напоминает сосуды конца I тысячелетия н. э. из Прикамья[73].

[70] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., стр. 19—20.
[71] Древности мордовского народа, стр. 23, рис. 17, табл. III.
[72] Н. Я. Мерперт. Ук. соч., рис. 2, *102, 105, 107*.
[73] А. П. Смирнов. Ук. соч., стр. 195.

Особое место в инвентаре погребений младшего комплекса могильника у пос. Заря занимают предметы вооружения. В восьми погребениях обнаружены наконечники копий; большинство из них отличается от наконечников VII—VIII вв. своими значительными размерами (рис. 13, *1*). Копья в IX—X вв. были наиболее распространенным видом оружия мордвы. В Перемчалкинском могильнике наконечники копий найдены во всех четырех раскопанных мужских погребениях, в Лядинском — в 29 из 58 мужских захоронений [74].

В семи погребениях IX—X вв. описываемого нами могильника найдены наконечники стрел. Обычными являются колчаны с 10—12 наконечниками, а в погр. № 7 обнаружено 23 наконечника. Большое место занимают наконечники с трехгранным (рис. 13, *5*) и плоским (рис. 13, *6, 8*) пером; они имели широкое распространение у мордвы как в VII—VIII, так и в IX—X вв. Новым типом, появившимся в IX—X вв., следует считать узкие наконечники с ромбическим в сечении пером (рис. 13, *4*; погр. № 58), отличающиеся большой прочностью, пропорциональностью форм. Совершенно аналогичные наконечники встречены в Перемчалкинском могильнике IX в.[75]; они очень близки к так называемым бронебойным наконечникам XI—XII вв. как у мордвы [76], так и у ее соседей [77].

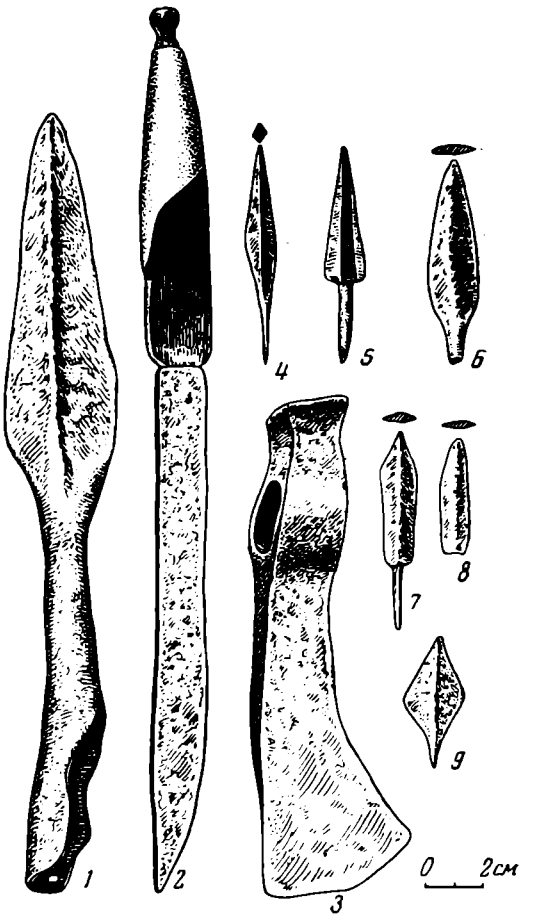


Рис. 13. Оружие IX—X вв.

1 — наконечник копья из погр. №№ 74 и 77; *2* — кинжал из погр. № 58; *3* — боевой топорик из погр. № 45; *4, 5* — наконечники стрел из погр. № 58; *6—9* — наконечник стрел из погр. №№ 12 и 74

К предметам вооружения относятся также кинжал с деревянной рукояткой, обтянутой кожей (погр. № 58; рис. 13, *2*) и боевой топорик (погр. № 45; рис. 13, *3*).

Для мордовских памятников IX—X вв. характерными стали железные удила с прямыми псалиями. В рассматриваемом могильнике они найдены в двух погребениях (№№ 12, 77; рис. 14, *1*). Стремена, обнаруженные в четырех погребениях позднего комплекса, имеют подпрямоугольной формы ушко и широкую подножку. Они широко распространены во всех мордовских могильниках указанного времени.

Железные топоры IX—X вв. найдены почти во всех мужских погребениях могильника. По своим конструктивным особенностям топоры IX—X вв. существенно отличаются от топоров предшествующего времени и представляют собой более развитый тип этого рода орудий труда (рис. 15).

[74] А. Е. Алихова. Из истории мордвы..., стр. 25, 26.
[75] Там же, стр. 26, рис. 5.
[76] М. Ф. Жиганов. Новые археологические памятники в долинах рек Вад и Теша. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа», стр. 80, рис. 1.
[77] А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 136, рис. 101, 104, 105.

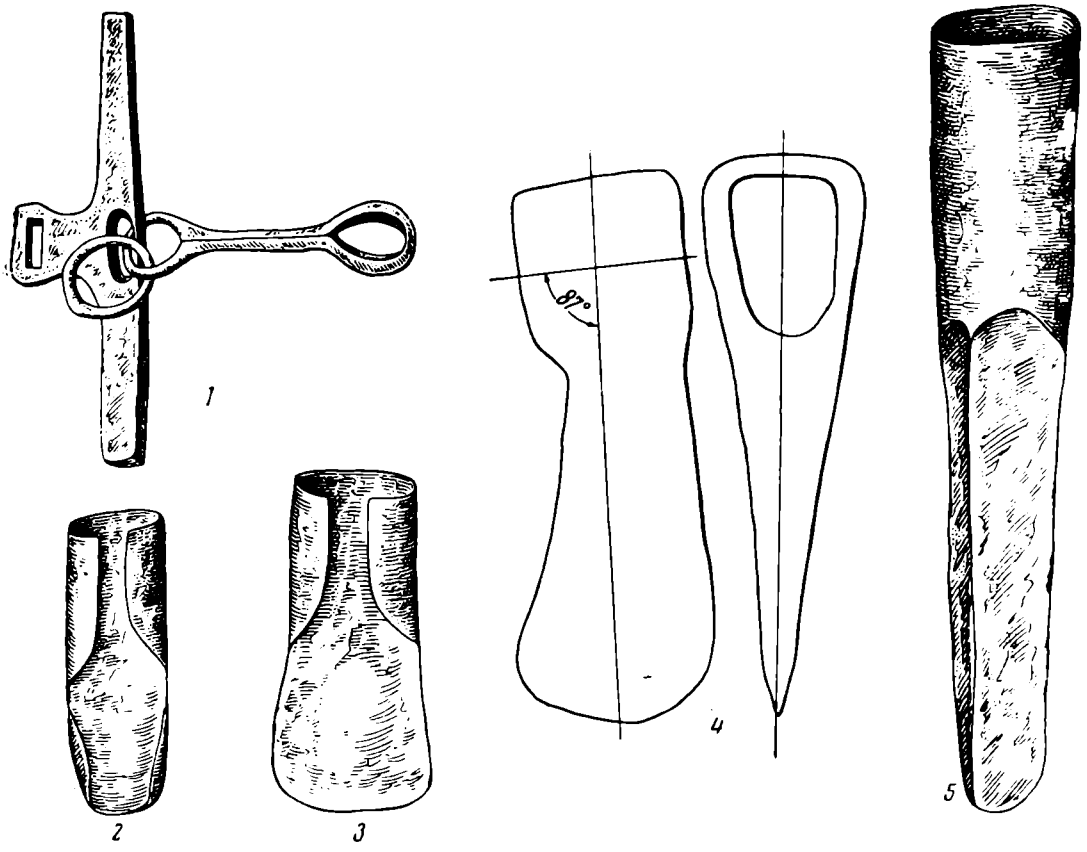


Рис. 11. Железные предметы IX—X вв.

1 — удила; *2* — долото; *3* — мотыга; *4* — проушной топор; *5* — пешня

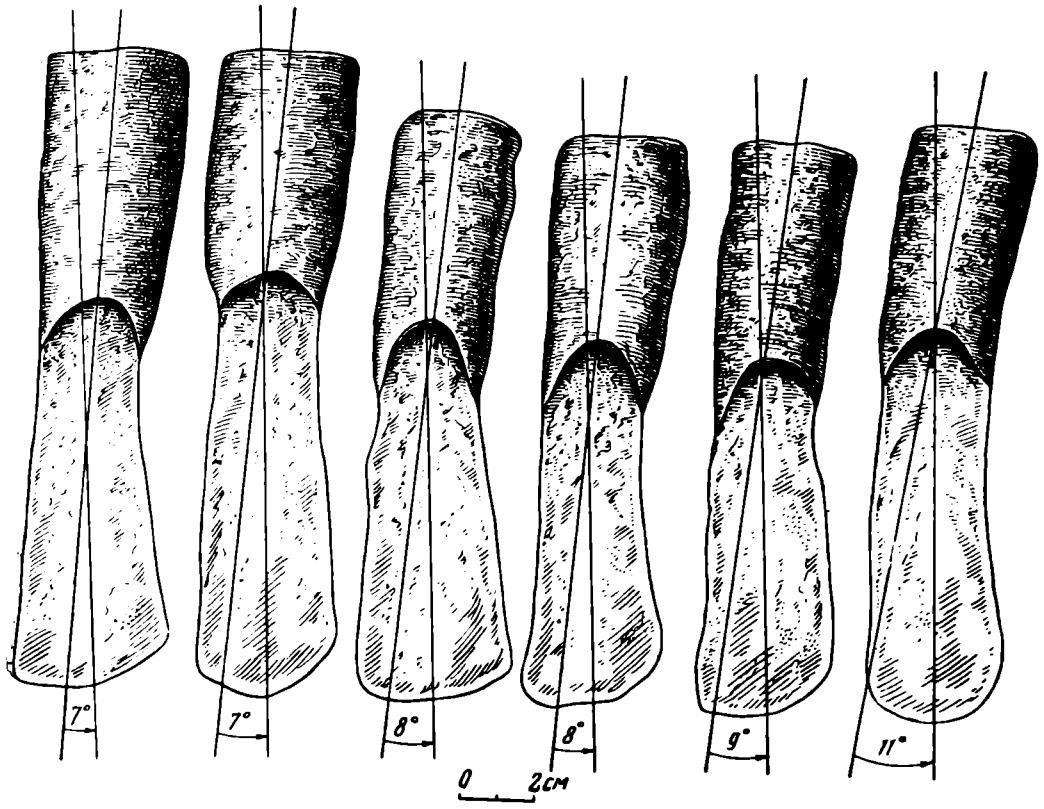


Рис. 15. Топоры IX—X вв.

Таблица

№ погребения	Дата	Угол наклона оси втулки	Длина топора (в *см*)	Ширина лезвия (в *см*)	Длина лезвия (в *см*)	Длина втулки (в *см*)	Соотношение длины лезвия и длины втулки
16	VII—VIII вв.	4,5°	18,9	4,35	12,2	6,7	1 : 0,55
19	VII—VIII вв.	6°	19,5	4,7	12,7	6,8	1 : 0,54
25	VII—VIII вв.	3,5°	14,5	5,1	6,9	7,6	1 : 1,1
34	VII—VIII вв.	5°	15,8	4,6	8,5	7,3	1 : 0,86
54	VII—VIII вв.	6°	20,6	4,6	13,2	7,4	1 : 0,56
69	VII—VIII вв.	6°	17,6	4,1	11	6,7	1 : 0,61
13	IX — X вв.	7°	25	4,4	18	7	1 : 0,39
13	IX — X вв.	8°	17,4	4	11	6,4	1 : 0,58
45	IX — X вв.	4,5°	19,3	5	12,5	6,8	1 : 0,55
49	IX — X вв.	6,5°	22,5	5,2	15,7	6,8	1 : 0,44
58	IX — X вв.	8°	19	4,4	12,5	6,5	1 : 0,52
59	IX — X вв.	7°	20,5	4,7	12,5	8	1 : 0,64
60	IX — X вв.	2,5°	15,1	4	10,5	4,6	1 : 0,44
64	IX — X вв.	3°	19,4	4,1	13,4	6	1 : 0,45
67	IX — X вв.	5°	19,4	4,3	12,1	7,3	1 : 0,60
74	IX — X вв.	9°	18,6	4,4	11,4	7,2	1 : 0,63
77	IX — X вв.	11°	19,2	4,3	12,7	6,5	1 : 0,51
79	IX — X вв.	8°	18,7	4,9	12	6,7	1 : 0,56
83	IX — X вв.	8°	18,4	4,2	11,9	6,5	1 : 0,55

Из приведенной таблицы видно, что в IX—X вв. развитие формы топора по сравнению с двумя предшествующими веками выразилось, прежде всего, в увеличении размеров бойка. Если в VII—VIII вв. бойки топоров имели среднюю длину около 17,6 *см*, то в IX—X вв.— 20 *см*. Увеличение размеров, а следовательно, и массы бойка значительно увеличивало силу удара топора и повышало коэффициент его полезного действия.

Важным показателем степени совершенства втульчатых топоров являлся угол наклона оси втулки к оси лезвия, имевший существенное значение при скреплении бойка топора с рукоятью. У топоров VII—VIII вв. рассматриваемого могильника угол наклона втулки был еще незначительным и составлял 3—6°. То же самое выявлено нами при анализе топоров VI—VII вв. Старшего Кужендеевского могильника [78], у которых угол наклона втулки равен в среднем 5°. Развитие топоров в IX—X вв. шло по линии увеличения этого угла. Большинство топоров младшего комплекса могильника у пос. Заря имеют угол наклона втулки 7—8°, а в ряде случаев — 9—10°. Следует заметить, что в Лядинском могильнике (IX—X вв.) [79] имеются отдельные топоры с углом наклона втулки до 20—25°.

Существенным было пропорциональное соотношение длины втулки и лезвия. Как видно из приведенной выше таблицы, в VII—VIII вв. еще не были выработаны определенные пропорции в конструкции топоров: у одних топоров длина втулки составляла около половины длины лезвия (1 : 0,54), у других она даже превышала длину лезвия (1 : 1,1). При анализе же топоров IX—X вв. ясно видно стремление древних мастеров установить определенную пропорцию длины втулки и длины лезвия. В большинстве случаев длина втулок топоров этого времени равна половине длины лезвия, и отклонения от этой пропорции незначительны. Постоянное совершенствование лесорубного топора и его широкое распространение свидетельствует о той важной роли, которую играл топор в хозяйстве древней мордвы.

Как показывают материалы других памятников, вторая половина I тысячелетия н. э. знаменовалась распространением у мордвы орудий

[78] М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник..., стр. 224, рис. 7, *1*.

[79] М. Ф. Жиганов. Некоторые вопросы развития земледелия у мордвы в XIII—XIV вв. Зап. Мордовского НИИЯЛИЭ, № 19 (история, археология, этнография), Саранск, 1958, стр. 154.

пашенного земледелия [80]. В связи с этим шел интенсивный процесс освоения новых земель, большей частью занятых лесами. В этих условиях лесорубный топор становился одним из основных орудий труда земледельца. Поэтому не случайно стремление древних мастеров к совершенствованию этого орудия.

Исключительно важным по своему значению было изобретение проушного лесорубного топора. Один из наиболее ранних проушных топоров найден в погр. № 24 рассматриваемого могильника (погр. № 24; рис. 14, *4*). Топор отличается прямизной лезвия, острие которого находится в линии центра тяжести проуха. Угол насадки бойка, образуемый осью проуха и линией высоты бойка, проходящей посередине лезвия и обуха, равен 87°. Это значит, что проух бойка был устроен несколько наклонно по отношению к плоскости лезвия, что значительно увеличивало прочность скрепления обуха с бойком и силу удара топора. Как показало исследование топоров XIII—XIV вв., дальнейшее совершенствование широколезвийных топоров выразилось в уменьшении угла насадки [81]. Большинство топоров указанного времени имели угол насадки, равный 85°, что сближает их с современными стандартными лесорубными топорами [82].

С возникновением пашенных орудий не могли сразу исчезнуть и старые орудия обработки почвы — мотыги (рис. 14, *3*). Они продолжали бытовать в конце I и начале II тысячелетия н. э. у мордвы [83], восточных славян [84], племен Верхнего Поволжья [85] и Прикамья [86]. По реконструкции В. А. Оборина, железная мотыга насаживалась на коленчатую деревянную рукоятку и напоминала современный коми-пермяцкий «куштан» [87]. Мотыга служила для обработки гарей и палов, образуемых после сжигания участков леса для пашни.

Развитие ремесел у мордвы I тысячелетия н. э. выразилось, как уже указывалось выше, в появлении многих сложных приемов по изготовлению орудий труда, предметов вооружения, украшений. Материалы могильника у пос. Заря определенно говорят о специализации металлообрабатывающих ремесел. Развитие ремесел, наряду с развитием пашенного земледелия, сыграло важную роль в процессе разложения первобытно-общинных отношений и становления классовых отношений у мордвы. Этому в немалой степени способствовали те оживленные торговые связи, которые мордва вела со своими соседями, особенно с южными.

В IX—X вв. мордовские племена переживали последний этап первобытно-общинного строя. Погребения предводителей и воинов, столь резко отличающиеся от погребений рядовых членов рода, определенно указывают на возникновение военной дружины, характерной для строя военной демократии.

---

[80] Два железных сошника VI—IX вв. обнаружены П. Д. Степановым на городище Ош-Пандо. Сравнительно совершенные орудия уборки хлебов — серпы — обнаружены на городищах Ош-Пандо, Казна-Пандо, Теньгушевском, могильниках Серповском и Старшем Кужендеевском.

[81] М. Ф. Жиганов. Некоторые вопросы...

[82] Для современных лесорубочных топоров государственные технические нормы требуют строгой выдержанности угла насадки топоров — у всех типов топоров он должен равняться 85°. См., например, С. А. Николаев и Л. А. Плинер. Ручной лесорубочный инструмент. М., 1948, стр. 5.

[83] Серповский могильник. погр. № 1. Коллекции ГИМ; См. «Древности мордовского народа», табл. X, *19*; А. Е. Алихова. Куликовский могильник. СА, X, 1948, стр. 277, рис. 5, *9*; Е. И. Горюнова. Теньгушевское городище. Зап. Мордовского НИИЯЛИЭ, № 9 (история и археология), Саранск, 1947, табл. VII, *5*; П. П. Иванов. Ук. соч., табл. XXIV, *8*, табл. XXXVII, *4*; М. Ф. Жиганов. Старший Кужендеевский могильник, стр. 226.

[84] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. ИГАИМК, т. X, вып. 6—7, 1931, стр. 34.

[85] Д. Эдинг. Сарское городище. Ростов Ярославский, 1928.

[86] В. А. Оборин. К истории земледелия у древних коми-пермяков. СЭ, 1956, № 2, стр. 68, рис. 1, 2.

[87] Там же, стр. 69.

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

МЕЧИ КИЕВСКОЙ РУСИ
(IX—XI вв.)

Средневековый меч — своеобразный символ феодального строя, военная эмблема древней Руси, редкое и драгоценное оружие. Неудивительно поэтому, что о древнерусских мечах уже много написано [1]. Археологи давно обратили внимание на широкую распространенность этого оружия, определили время ряда экземпляров и показали, что на основании клинкового [2] материала можно сделать весьма важные исторические выводы о происхождении самих мечей и взаимовлиянии различных культур [3].

Начиная с 70—80-х годов прошлого века древние мечи все чаще стали попадаться в раскопках или случайных находках. Тогда же они получили название норманских или скандинавских. С течением времени в споре о русско-норманских отношениях вопросу о происхождении мечей стали отводить немаловажное место. Именно в свете этих взаимоотношений Т. Арне была предпринята первая попытка суммировать накопленный материал. Он насчитал около 40 мечей, найденных на территории Восточной Европы. Почти все из них он отнес к скандинавскому импорту. Впрочем, для некоторых своеобразных экземпляров (меч из Черной могилы и др.) автор предполагал местное изготовление по иноземным моделям. «В отношении двулезвийных мечей, встреченных в России,— писал Т. Арне, обобщая свои наблюдения,— я придерживаюсь мнения, что они вообще либо импортированы из Швеции, либо являются подражанием скандинавским типам» [4]. Тенденция рассматривать мечи как нечто чужеродное, даже враждебное славянской культуре, достигла апогея в статье В. В. Арендта. В исторических выводах В. В. Арендт очень категоричен и выступает как воинствующий норманист. Он не сомневается во франкском происхождении древнерусских мечей, считая, однако, что носители их были исключительно викинги, «ворвавшиеся в страну как завоеватели и колонизаторы славянской равнины» [5]. Ссылаясь на отсталость русских культурных центров и примитивный уровень ремесла, автор отверг даже предположение Т. Арне об изготовлении отдельных мечей или их рукоятей на Руси.

Работами А. В. Арциховского и других исследователей доказано, что мечи IX—X вв. не скандинавское, а общеевропейское оружие. Так, А. В. Арциховский пишет: «Нет никаких оснований называть мечи норманскими. Этот нелепый термин возник только потому, что наши архео-

---

[1] В связи с недостатком места статью пришлось сильно сократить. Опущены: подробный каталог мечей, раздел об их производстве, сведения письменных источников о мечах и торговле ими. При этом, однако, в статье сохранены и изложены основные наблюдения и выводы автора о типологии и хронологии мечей IX—XI вв.

[2] В тексте я употребляю термины «меч» и «клинок» как равнозначные понятия, что принято также и в оружиеведческой литературе. Для обозначений рубящей части меча употребляется термин «лезвие».

[3] Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, СПб., 1895, стр. 58 сл.; В. И. Сизов. Гнездовский могильник близ Смоленска. МАР, № 28, СПб., 1902, стр. 60 сл.

[4] T. J. Arne. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914, стр. 230.

[5] W. Arendt. Das Schwert der Wikingerzeit in Rußland. Mannus, т. 25, ч. 2, Leipzig, 1933, стр. 155—175.

логи не были знакомы с вещественными древностями западного средневековья»[6]. По мнению Б. А. Рыбакова, в IX—X вв. на Руси преобладали франкские клинки. Он допускает, что рукояти некоторых западных клинков «монтировались где-то в Среднем Приднепровье»[7]. В последнее время все настойчивее ведутся поиски доказательств местного изготовления мечей[8]. Для этого, однако, необходима подробная классификация клинков, до сих пор еще не созданная. Нельзя забывать, что из всего древнерусского вооружения мечи, очевидно, самая «интернациональная» по форме категория находок. В этом заключаются большие трудности историко-археологического изучения данной темы, породившей самые противоречивые мнения, нередко перерастающие в политический спор.

Находки мечей сконцентрированы в нескольких больших областях древней Руси — Юго-Восточном Приладожье, в районах Смоленска, Ярославля, Новгорода, Киева, Чернигова, Плеснеска[9] (рис. 1). Мечи найдены главным образом в крупнейших курганных некрополях, вблизи древних городских центров, на главных речных артериях и важнейших путях. Из 106 найденных до настоящего времени мечей IX—XI вв.[10] подавляющее большинство происходит из курганов, причем 54 из них датированы вещевыми комплексами. В эпоху раннего феодализма меч часто составлял индивидуальную собственность владельца, и вместе с ним меч клали в могилу[11]. Следовательно, существование меча в обиходе было, как правило, ограничено продолжительностью жизни его владельца и только в редких случаях достигало столетия. Во всяком случае, в комплексах X в. дата меча почти всегда совпадает с датой остального погребального инвентаря.

Мечи были, видимо, драгоценным оружием и в погребениях, даже дружинных, весьма редки. В Приладожье на 400 раскопанных курганов приходится 16 мечей, в Гнездове на 800—17, в Михайловском могильнике на 126—8, в Чернигове и Шестовицах на 250—9 и т. д. Один меч, таким образом, приходится на 15—40 курганов. Среди тысяч деревенских погребений мечи очень редки или почти не встречаются.

Социальная принадлежность людей, «унесших» в могилы свое оружие, не вызывает сомнений: меч — признак богатых погребений. Насколько можно установить из комплексов, в 14 захоронениях меч найден без другого оружия, а в 40 случаях его сопровождает различное вооружение. Вместе с топором, копьем и стрелами меч обнаружен в 14 могилах, вместе с копьем и стрелами — в шести, с копьем — в трех, с топором — в пяти, со стрелами — в трех и т. д. В составе вооружения на первом месте после меча стоит копье, затем топор. Вообще же копье было оружием, более распространенным, чем меч. В немногих погребениях Приладожья, Гнездова, Чернигова и Киева меч находили вместе со щитом, кольчугой, шлемом. В 14 случаях воины похоронены вместе с конем, в восьми — вместе с гирьками и весами, в двух — с ремесленными инструментами, в трех — с ладьей. Очевидно, что все вооруженные мечами были воинами-дружин-

---

[6] А. В. Арциховский. Русское оружие X—XIII вв. Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 4, М., 1946, стр. 5.

[7] Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 228—229.

[8] Б. А. Колчин. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. МИА, № 32, 1953, стр. 136—137. Заметим, что попытка автора определить район производства мечей по наличию в них одного лишь никеля была неудачной, так как существуют более точные методы исследования, учитывающие ряд примесей.

[9] Ныне с. Подгорцы Львовской области.

[10] Когда каталог и карта, включающие 103 находки, были уже готовы, были обнаружены еще три меча, сведения о которых помещены в нашем списке (также и в карте) под №№ 24а, 30а и 86а.

[11] Об этом же говорит умышленная порча меча, положенного в могилу (согнут или сломан). Поломка меча была также своеобразным предупреждением против грабежа могил. Возможно, что при объяснении этого явления должны учитываться и культовые верования.

никами, нередко одновременно купцами или сборщиками дани, иногда, может быть, привилегированными ремесленниками. Характерно, что 20 из них погребены с женами. Самыми богатыми были захоронения князей и бояр.

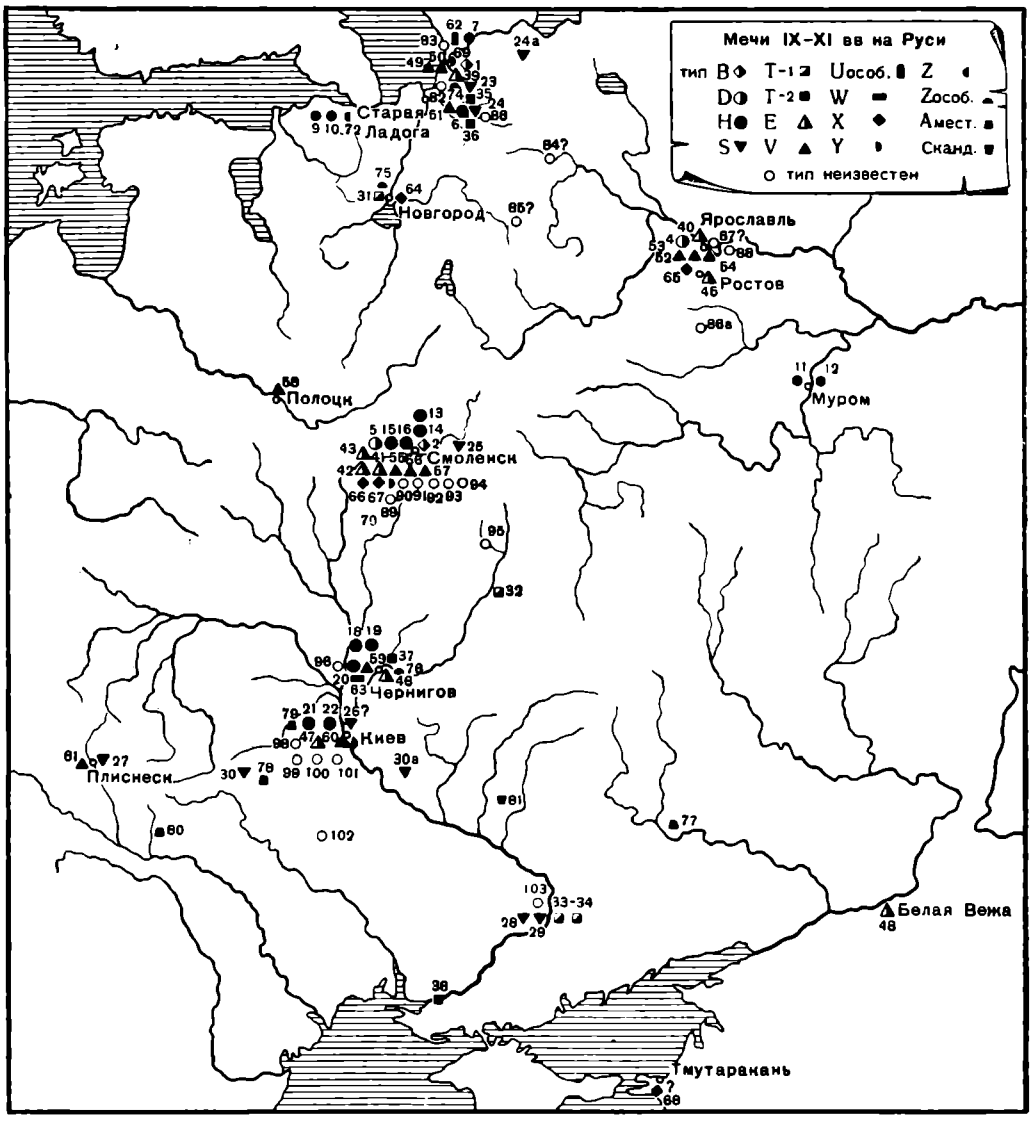


Рис. 1. Мечи IX—XI вв. Карта находок

1 — Бор; *2, 13, 14* — Новоселки; *4, 40, 52 — 54, 65, 87, 88* — Михайловское; *5, 15, 16, 41, 42, 55—57, 66,67, 70, 89—94* — Гнездово; *6* — Залощик; *7* — Пиркинское; *9, 10, 72* — б. С.-Петербургская губ.; *11, 12* — Подболотье; *18—20, 59, 63, 96* — Шестовицы; *21* — Красный Рог; *22, 26, 47, 60, 71, 79, 97, 101* — Киев; *23* — Леоново; *24, 36* — Заозерье; *24а* — Селюковщина; *25* — Харлапово; *27, 61* — Подгорцы; *28, 29, 33, 34, 103* — о. Хортица; *30* — Райки; *30а* — Дуниковка; *31, 64, 75* — Новгород; *32* — Монастырище; *35, 51* — Вахрушева; *37, 46, 76* — Чернигов; *38* — Алешки; *39* — Усть-Рыбижна; *43* — Рокот; *45* — Ростов; *48* — Цимлянская; *49—50* — Кашина-Семеновщина; *58* — Полоцк; *62* — Ручьи; *68* — Тмутаракань; *69* — Горка Никольская; *74* — Щуковщина; *77* — Краснянское; *78* — Глуховцы; *80* — Карабчиев; *81* — Фощеватая; *82* — Сязнега; *83* — р. Паша; *84, 85* — б. Весьегонский и Вышневолоцкий уезды; *86а* — б. Владимирская губ.; *86* — Залужье; *95* — Вщиж; *102* — Беспечна

В южных районах значительно больше захоронений конных воинов, чем в северных. Есть некоторая разница и в составе оружия: для пехотинцев Севера обычен топор, что не наблюдается у конников Юга. В связи с этим обращает на себя внимание относительная немногочисленность погребений воинов с мечом и конем. Отражает ли это пеший характер раннекиевского войска, утверждать трудно. Существование конницы, ко-

нечно, отрицать нельзя, но на Руси X в. она, по-видимому, не была преобладающим родом войск [12].

В четырех могилах воинов — Леоново (№ 23), Селюковщина (№ 24а), Киев (№ 71) и Шестовицы [13] (№ 18) — меч лежал рукоятью у правого плеча погребенного; клинок, достигавший около 1 *м* длины, по-видимому, носили не у пояса, а на перевязи через плечо.

Об этнической принадлежности воинов погребенных с мечами судить трудно; в погребениях меч признак не этнический, а социальный. Решать племенную принадлежность погребенных воинов можно на основе всестороннего анализа всего инвентаря. В курганах разных русских областей в большинстве случаев с мечами погребены представители дружинной знати; в Приладожье, очевидно, местная, чудская знать [14]. Мечи Подболотьевского могильника исследователи связывают со славянизацией Муромы [15]. Некоторые погребения с мечами, вероятно, окажутся скандинавскими, но их немного. Например, из 800 курганов, раскопанных в Гнездове, Т. Арне отнес к норманским около 25 курганов а Д. А. Авдусин — 2 [16]. Мечи не являются обязательной принадлежностью культуры викингов. Прослойка норманов была немногочисленной. Господствующий класс в массе своей состоял, несомненно, из местных элементов [17].

Классификация мечей IX — XI вв. возможна не по лезвиям (они почти одинаковы), а по рукоятям. Для этого мы используем хронолого-типологическую схему Я. Петерсена систематизировавшего около 2000 найденных в Норвегии мечей [18]. Среди мечей IX — XI вв. Я. Петерсен выделил 26 типов с их подтипами. Он наметил хронологию каждого типа, исходя из датировки комплексов, сопровождавших находки. Поскольку мечи из Норвегии оказались по своим формам международными, классификация Я. Петерсена приложима к огромному большинству клинков, найденных в разных странах Европы. Не составляют исключения и русские находки. Однако нельзя механически перенести схему Я. Петерсена на русский материал IX — X вв. (как это, например, сделал В. Арендт). Русские мечи распределяются на 13 типов, выделенных Я. Петерсеном для IX и главным образом X в. Часть русских клинков во всех деталях соответствует норвежским (точнее — общеевропейским) мечам и их хронологии, часть же отличается от последних формой и украшением рукоятей, а также и своей датировкой. Особенности русских мечей лучше рассмотреть при анализе каждого отдельного типа. Созданная нами таблица типов древнерусских клинков облегчает характеристику каждого из них [19]

[12] Ср. «История Льва Диакона Калойского». СПб., 1820, стр. 48 сл.; А. Ю. Якубовский. Ибн-Мискавейх о походе русов в Бердаа. Византийский временник, т. XXIV, Л., 1926, стр. 65.

[13] Д. И. Блифельд. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья IX—X вв. СА, XX, 1954, стр. 155, рис. 1.

[14] W. Raudonikas. Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930, стр. 134.

[15] А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952, стр. 148.

[16] Д. А. Авдусин. Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, вып. XXX, 1949, стр. 3 сл.

[17] В. И. Равдоникас. О возникновении феодализма в лесной полосе Восточной Европы в свете археологических данных. ИГАИМК, вып. 103, М.—Л., 1934, стр. 129; И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. История СССР, т. I, М., 1960, стр. 225—229.

[18] J. Petersen. De norske Vikingesverd. Videnskapsselskapets Skrifter, Hist.-filos. klasse, 1919. № 1, Kristiania, 1919.

[19] Из таблицы видно, что некоторые типы мечей отличаются не по форме, а лишь по орнаменту их рукоятей (типы T-2, E, V), другие же (типы T-1 и E), наоборот, имеют иногда одинаковую ячеистую декоровку перекрестья и навершия при несходстве форм их рукоятей. Строго говоря, это не отдельные типы, а виды внутри одного типа. Не случайно, что типология Я. Петерсена иногда кажется слишком детальной. Все же, в интересах большой точности сравнений, мы оставляем без изменения те петерсеновские типы, которые можно было бы объединить в группы.

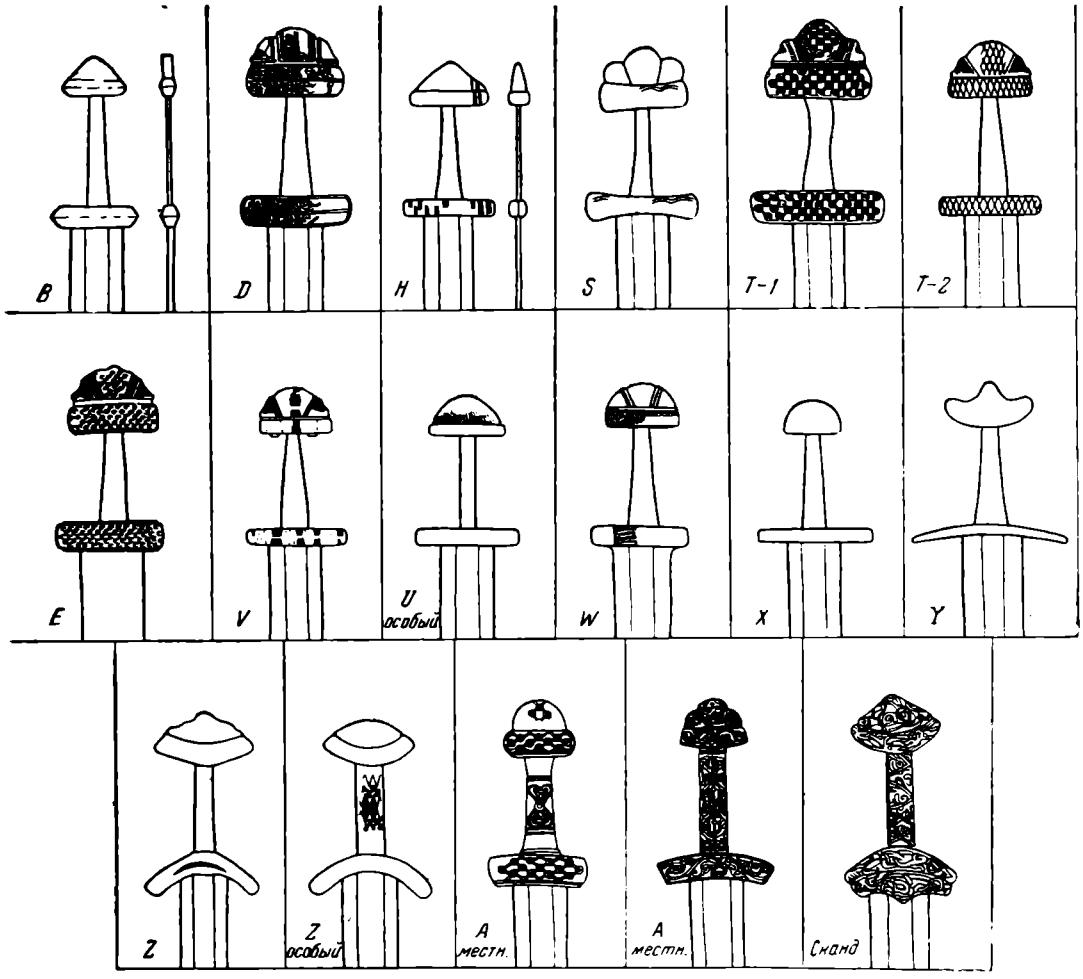


Рис. 2. Типы древнерусских мечей IX—XI вв.

(рис. 2). Насколько удается установить, средневековые мастерские выпускали бо́льшую часть клинков с уже смонтированными рукоятями. Поэтому мы считаем, что большинство лезвий и рукоятей к ним сделаны одновременно. Однако в Европе встречаются случаи, когда рукояти готовых мечей украшались позже, в соответствии с местными вкусами; таковы, например, клинки мастерской Ulfberht с рукоятями, орнаментированными в северном Ellingestil.

Переходим к рассмотрению древнерусских мечей, начиная с их древнейших форм [20]. Сюда относятся прежде всего мечи типа «В», характерные своим нешироким перекрестьем и простой треугольной головкой, прямоугольной в поперечном сечении. На навершии и перекрестье имеется поперечный ребристый выступ. К типу «В» относятся 3 экз. (по «списку находок» №№ 1—3). Один из них (№ 3) происходит из четырехугольного кургана с трупосожжением, раскопанного в Новоселках Смоленской области. По мнению Е. А. Шмидта, он, вероятно, относится ко второй половине IX в. [21]. Среди древностей X в. мечи типа «В» не встречаются. Они распространены во многих странах Центральной и Северной Европы

[20] Перечень находок помещен в приложении и в пояснении к карте. Номер находки соответствует номеру, под которым она значится на карте. На карту нанесены также находки, тип которых неизвестен.

[21] Сердечно благодарю Е. А. Шмидта за информацию о его раскопках в 1954 и 1958 гг. на Смоленщине. Предварительное сообщение о раскопках см. Е. А. Шмидт. Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1955 гг. Сборник научных работ. Смоленск, 1957, стр. 289, 295.

Рис. 3. Мечи

1 — Гнездово, № 5, Смоленский музей; *2* — Монастырище, № 32, Гос. Эрмитаж; *3* — Фощеватая, № 81, КИМ

и всюду датируются VIII — IX вв. [22]. Хотя центр изготовления мечей данного типа находился в Рейнской области, предполагают, что они изготовлялись в различных частях Европы [23].

Тип «D» — два меча (№№ 4, 5); их рукояти с массивным округлым навершием отличаются богатой отделкой и украшены бронзовым рельефным орнаментом. Таков меч из Михайловского (№ 4), отнесенный Я. В. Станкевич к концу IX — началу X в. [24]. Перекрестье и навершие меча из Гнездова [25] (№ 5; рис. 3, *1*) украшены бронзовыми накладками с орнаментом, напоминающим вещи в скандинавском стиле Borre. Однако в Скандинавии мечей с аналогичными украшениями не обнаружено. Поэтому Х. Арбман не без основания полагает, что рукоять меча была изготовлена ремесленниками Гнездова, использовавшими для украшений рукояти мотивы орнамента женских черепаховидных фибул [26]. Более подробно Х. Арбман высказался об этом мече во время своего доклада «Бирка и ее связи с Востоком», прочитанном в ЛОИА АН СССР 11 марта 1959 г. Он сказал: «Не подлежит сомнению, что это изделие следует считать северным; однако ни одного меча подобного вида не найдено в Скандинавии. Навершие, перекрестье и вообще формы его хорошо известны; также хорошо известен орнамент, но он никогда не встречается на мечах

[22] H. Salmo. Die Waffen der Merowingerzeit in Finnland, SMYA. XLII, Helsinki, 1939, стр. 110—111.

[23] H. Arbman. Schweden und das karolingische Reich. Stockholm, 1937, стр. 217—218, 227.

[24] Я. В. Станкевич. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X ст. МИА, № 6, 1941, стр. 75—77.

[25] Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. XLIV, 1952, рис. 26, *1*.

[26] H. Arbman. Skandinavisches Handwerk in Russland zur Wikingerzeit. Meddelanden fran Lunds universitets historiska museum, 1959, стр. 133. Похожий орнамент имеется также на позолоченной бляшке с Готланда, относящейся к первой половине X в. (См. B. Nerman. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929, рис. 166 на стр. 154).

Скандинавии, а имеется только на женских фибулах (не только на фибулах, см. примеч. 26 в настоящей статье.— *А. К.*). Таким образом, орнамент женских украшений был перенесен на рукоять меча. Это, естественно, могло быть случайностью, но тот факт, что это происходило в Смоленске, где (особенно в находках из Гнездова) видны изменения шведских форм, свидетельствует о том, что мы имеем дело с жителями, которые были шведами, но, возможно, вторым поколением, жившим в Южной России и поэтому выработавшим свой собственный стиль» [27].

Трудно полностью согласиться с историческими обобщениями скандинавского ученого, но важно здесь его замечание об отличии гнездовских вещей от чисто северных. Об этом много писал еще В. И. Сизов. Такого рода наблюдения, несомненно, свидетельствуют о существовании на Руси в X в. производства различных изделий, восходящих к скандинавским образцам, но постепенно терявших связь с чисто северным искусством [28].

Возвращаясь к рассмотрению мечей типа «D», остается добавить, что они в единичных экземплярах распространены от Венгрии до Норвегии и датируются не позже IX в. Таким образом, гнездовский меч оказался самым поздним среди клинков типа «D» в Европе, что не противоречит мнению о его вероятном местном изготовлении (если не всего меча, то, во всяком случае, его рукояти).

Тип «H». Мечи этого типа напоминают клинки типа «B», от которых, очевидно, получили свое развитие. Характерные особенности мечей типа «H»: головка рукояти в фас и в профиль треугольная, неширокое прямое перекрестье не имеет ребра. Этих мечей найдено 17 (№№ 6—22). Среди других тип «H» представлен наибольшим количеством находок. Ему подражают детские игрушечные мечи Старой Ладоги и Новгорода (из слоев IX—X вв.). По-видимому, популярность мечам этого типа обеспечила геометрически простая форма рукояти. Некоторые экземпляры на железных головке и навершье рукояти имеют серебряную набивку в виде равномерно распределенных вертикальных полос. Древнейшие мечи типа «H» происходят из новоселковских курганов (№№ 13 и 14), датированных Е. А. Шмидтом второй половиной или концом IX — началом X в. Позднейшие обнаружены в курганах XI в. в Ленинградской обл. (№№ 9 и 10) [29]. Мечей типа «H» особенно много на севере Европы, где они датируются 800—950 гг. [30]. Однако они не скандинавские, а рейнские по происхождению и в Европе найдены в таких местах, где викингов не было. Для мечей типа «H», как и для мечей типа «D», можно констатировать их относительно позднее бытование на Руси, так как часть наших находок относится ко второй половине X — XI в.

Тип «S». Отличительной особенностью этих мечей является разделенная на три, реже на пять частей головка рукояти с повышенной средней частью; у перекрестья — расширяющиеся концы. Мечей этого типа обнаружено 10 (№№ 23—30а, включая 24а). Стилистическая близость их украшений очевидна. На рукоятях мечей типа «S» часто встречается петлеобразный жгутовой орнамент и «глазки» на средней части навершия — схематизированные звериные глаза, обработка чернью по серебру (рис. 4, *1* и *2*). Во всех случаях, когда можно определить дату, мечи типа «S» относятся ко второй половине X — первой половине XI в. [31], что

---

[27] Стенограмма выступления Х. Арбмана хранится в протоколах группы славяно-русской археологии ЛОИА АН СССР за 1959 г.

[28] Более подробно см. H. Arbman. Skandinavische Handwerk..., стр. 118 сл.

[29] А. Спицын. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. МАР, № 20, СПб., 1896, стр. 34, табл. XIX, *1*.

[30] J. Petersen. Ук. соч., стр. 89 сл., рис. 79; H. Arbman. Birka, Tafeln. Uppsala, 1943, табл. 2, *4*.

[31] Меч из Райковецкого городища, относящегося к XII—XIII вв., представляет редкий пример длительного сохранения старого оружия (См. В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950, табл. XI, *1*).

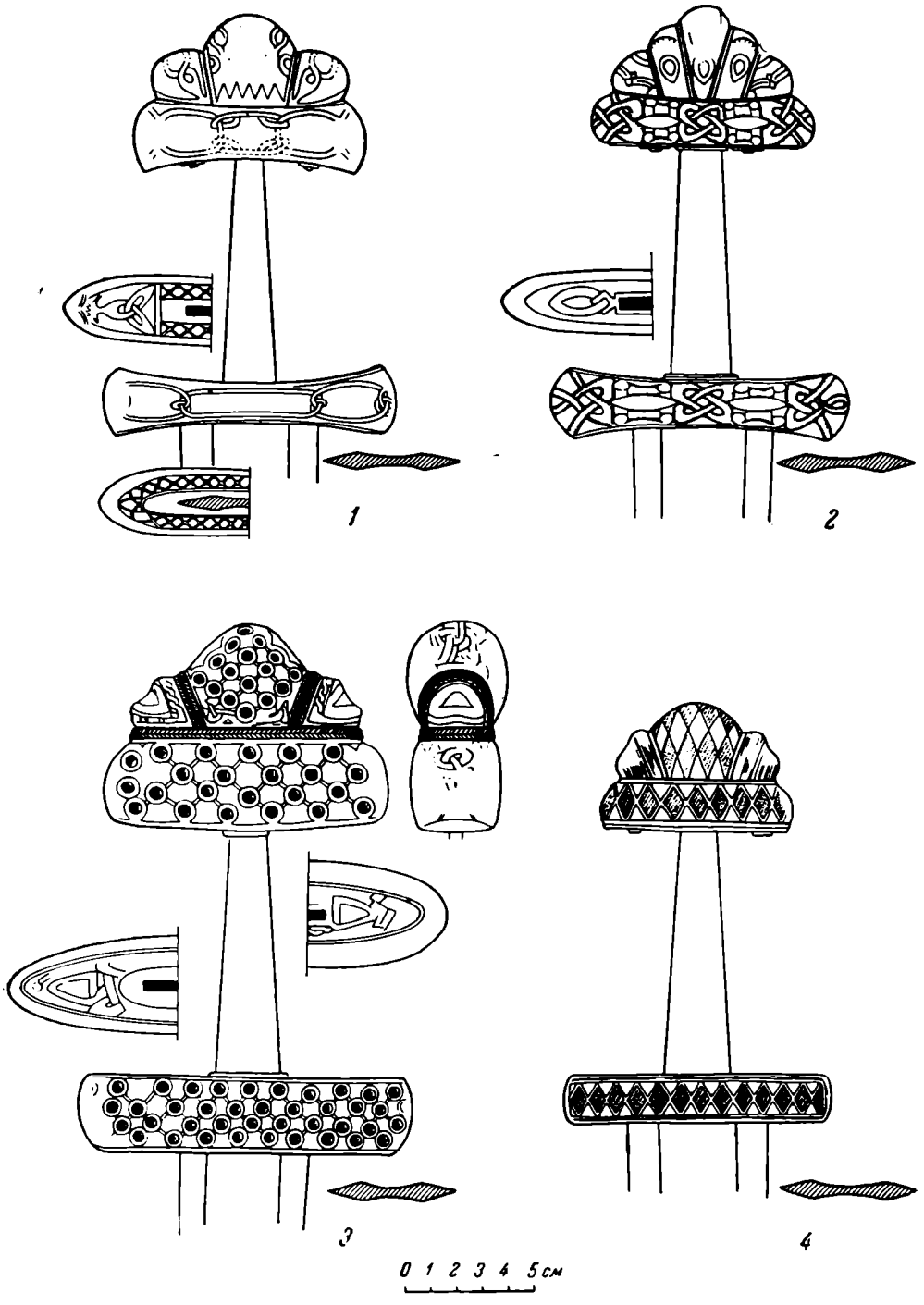


Рис. 4. Мечи

1 — 4 — Днепровские пороги, №№ 28, 29, 33, 34 (из Днепропетровского музея, утрачены в годы Великой Отечественной войны)

в основном соответствует хронологии этих памятников в Центральной Европе и Скандинавии [32]. Данная группа клинков франкского происхождения, что можно заключить как по надписям (на двух наших мечах, №№ 28, 29, надпись «Ulfberht»), так и по плетеному орнаменту. Меч из бывшей коллекции И. Хойновского [33] (№ 26 — Киев?), судя по бронзовой рукояти, можно, пожалуй, рассматривать как местное изделие.

Тип «Т-1» близок предыдущему, но средняя часть головки рукояти крупнее, а боковые части меньше и оформлены в виде скульптурных звериных морд. Четыре меча типа «Т-1» (№№ 31—34) имеют ярко выраженные западноевропейские черты. Таков богато отделанный меч из Монастырища (№ 32). Его массивное перекрестье и навершие покрыты серебряной насечкой с гравированным переплетающимся ленточным узором в стиле, близком к Ellingestil. На поверхности рукояти прорезаны углубления, вероятно, для вставки эмали или камней. В узоре на перекрестье различимы две пары лап и две звериные морды, перехваченные лентами (рис. 3, *2*).

Меч с о. Хортица у Днепровских порогов — с ячеистой орнаментацией, судя по надписи «Ulfberht», также западного происхождения; другой меч из той же находки имеет на клинке знаки какой-то франкской мастерской [34] (№№ 33—34; рис. 4, *3* и *4*). Мечи типа «Т-1» в норвежских комплексах датируются второй половиной X в. [35], у нас, вероятно, за пределы X в. не выходят [36].

Тип «Т-2». На рукоятях мечей этого типа округлое трехчастное навершие и прямое перекрестье. По сравнению с экземпляром предыдущего типа боковые части навершия мечей типа «Т-2» заметно не выделяются. Найдено четыре таких меча (№№ 35—38). В отделке их рукоятей использованы серебро, медь, реже золото (насечка). Орнамент всегда в виде ромбов. Три меча происходят из курганов X в. (Юго-Восточное Приладожье, Черная Могила), по-видимому, к этому же времени относится четвертый клинок, происходящий с Нижнего Днепра и имеющий надпись «Ulfberht» [37].

Форма рукоятей мечей следующих типов, «Е» [38] и «V», напоминает рукояти типа «Т-2». Навершие трехчастное, чаще полукруглое. Типы «Е» и «V» различаются только по орнаментации, ячеистой в первом случае, геометрической, «ступенчатой» — во втором. Мечей типа «Е» найдено 10 экземпляров (№№ 39—48). У мечей с «ячеистой» орнаментацией в металле рукояти высверлены ячейки; они соединены между собой скрытыми боковыми канальцами, сквозь которые пропущена витая серебряная проволока. Таким образом, поверхность перекрестья и навершия представляет собой серебряное поле, в углублениях-ячейках которого виднелась витая проволока. Этот орнамент удается реконструировать пока только на русском материале (мечи из Гульбища, № 46, из Гнездова, № 42 и др.). Еще около 900-х годов мечи снабжались очень мелкими ячейками без проволочных выкладок. Таков меч [39] из раскопок

[32] W. Sarnowska. Miecze wczesnośredniowiecne w Polsce, Swiatowit, т. XXI Warszawa, 1955, стр. 302—303.

[33] W. Dziewanowski. Zarys dziejów uzbrojenia w Polsce. Warszawa, 1935, табл. 21, *1* (Рисунок схематичен).

[34] В. И. Равдоникас. Надписи и знаки на мечах из Днепростроя. ИГАИМК, вып. 100, М.— Л., 1933, стр. 604.

[35] P. Petersen. Ук. соч., стр. 153, 207.

[36] Ср. В. И. Равдоникас. Ук. соч., стр. 604—605.

[37] А. Тахтай. «Франкский» меч Херсонесского музея. ПИДО, № 5—6, 1935, стр. 130—133, рис. 1—4.

[38] В отличие от норвежских, у нас мечи типа «Е» в основном относятся к более позднему времени, поэтому мы помещаем их вместе с мечами типов «Т-2» и «V».

[39] Д. Н. Анучин. О некоторых формах древнейших русских мечей. Тр. VI АС, т. I, Одесса, 1886, табл. XIII, *1*. На мече остатки надписи, сопоставляемой с «Ingelred». Кроме меча, в погребении обнаружено очень редкое для Европы ланцетовидное копье IX в. с дамаскированным узором на лезвии.

М. Ф. Кусцинского (№ 41), происходящий из древнейшего гнездовского погребения дружинника конца IX — начала X в. В Европе мечей типа «E» найдено много; как признают скандинавские археологи, после 900-х годов эта форма встречается редко [40]. Большинство русских экземпляров, судя по сопровождающему их курганному инвентарю, датируется X в. Таким образом, отечественная группа мечей типа «E» по времени бытования и особенностям орнаментации представляется нам весьма самостоятельной и своеобразной.

Тип «V» (№№ 49—61). На рукоятях почти всех 13 мечей этого типа узор геометрического характера. Мастер, комбинируя различные металлы (обычно серебро, медь, реже золото), набивал около 1000 полосок на бороздчатую поверхность железной рукоятки. К этому же типу относится известный золотоворотский меч (№ 60), у которого стержень рукояти обернут серебряной пластинкой с гроздевидным растительным орнаментом, выполненным во второй половине X в. где-то на Руси. Здесь мы имеем пример вторичной отделки меча, выполненной сообразно местным вкусам. Большая часть мечей типа «V» найдена в курганах (Михайловское, Гнездово, Шестовицы и др.), несомненно относящихся к X в. [41]. На Руси обнаружено около трети известных в Европе мечей этого типа.

По форме своей рукояти к типу «U» приближается меч из кургана близ дер. Ручьи (№ 62), поэтому мы называем его тип «U особый». Навершие клинка — полуовальное, выпуклое в поперечном сечении. Судя по норвежским аналогиям [42], вещь может датироваться серединой X в.

Тип «W». Мечи этого типа имеют полукруглое навершие и узкое прямое перекрестье, отлитые из бронзы. К данному типу относится только один шестовицкий клинок (№ 63) из погребения X в. [43]. Он аналогичен норвежскому экземпляру из Бредвольда [44].

Тип «X». Для всех пяти найденных у нас мечей (№№ 64—68) характерно, что полукруглая головка их рукоятей выкована из одного куска со своим основанием (у мечей предшествующих типов навершие прикреплялось к особому основанию отдельно) и имеется относительно длинное перекрестье. Орнамент на рукоятях отсутствует.

На новгородском клинке [45] (№ 64) вдоль дола сохранились остатки надписи «Ulfberht». Различается вступительный крест, первая буква «U» и предпоследняя «H». Такая же надпись нами обнаружена на клинке из гнездовского клада (№ 66). На лезвии клинка № 66 различимы остатки перекрещенных полос — несомненный признак этой надписи. На мече из Михайловского могильника вдоль лезвия виден дамаскированный узор «в елочку» (№ 65).

Отмеченные особенности говорят о западноевропейском происхождении мечей типа «X». Однако клинки этого типа могли выделываться в различных частях Европы по западным моделям [46]. Все отечественные находки относятся к развитой фазе этого типа — ко второй половине X — началу XI в.

Для мечей типа «Y» характерны прямые или слегка изогнутые книзу перекрестья и седловидные навершия с возвышением в центре; они так же, как и образцы типа «X», не имеют украшений. Известно 3 экз. мечей этого типа (№№ 69—71). Мечи типа «Y», западноевропейского происхождения, были, однако, восприняты во многих странах, где и могли

---

[40] J. Petersen. Ук. соч., стр. 75—80.

[41] Исключение составляет меч из Плеснеска (№ 61) около 1000 г.

[42] J. Petersen, Ук. соч., стр. 153 сл.

[43] T. J. Arne. Skandinavische Holzkammergräber aus der Wikingerzeit in der Ukraine. AA, т. II, ч. 3, Kopenhagen, 1931, стр. 288, рис. 1.

[44] J. Petersen. Ук. соч., рис. 123.

[45] W. Arendt. Ук. соч., стр. 164.

[46] W. Sarnowska. Ук. соч., стр. 306; H. Arbman. Schweden..., стр. 227—228.

выделываться [47]. Датировка данной группы по Я. Петерсену — X — начало XI в. [48]. Судя по комплексам находок, сопровождавших мечи этого типа в курганах Приладожья, Гнездова и Киева, она может быть приемлема, очевидно, и для русского материала.

Тип «Z». Признаки мечей этого типа: трехчастное, изогнутое кверху навершие и перекрестье, изогнутое книзу. На рукоятях иногда встречается орнамент, но две русские находки (№№ 72 и 73) не имели или не сохранили своих украшений. Меч, внесенный в наш список под № 72, найден в одном из курганов Ленинградской обл. и относится, вероятно, к XI в. [49]. Происхождение мечей типа «Z» неясно. Я. Петерсен отстаивал их восточное происхождение, Б. Нерман и Г. Гьессинг — скандинавское, Х. Арбман — континентально-европейское, В. Сарновская — русское или восточноприбалтийское. По мнению Я. Жака, в мечах типа «Z» объединялись элементы восточной сабли и каролингского меча [50]. Из дальнейшего изложения станет ясно, что участие Восточной Европы и Руси в формировании мечей типа «Z» не приходится отрицать. Мечи этого типа особенно распространены в странах Прибалтики, где относятся к первой половине XI в. [51].

К типу «Z особый» мы относим три меча (№№ 74—76). Навершие их рукоятей линзовидной формы. Перекрестье плавно изогнуто. Этот тип выходит за рамки классификации Я. Петерсена и, по-видимому, характерен только для Восточной Европы [52]. Рукоять меча из Черной Могилы [53] (№ 76), судя по характерному узору, выполненному гравировкой по позолоченному серебру, может подтвердить изготовление если не клинков, то, по крайней мере, рукоятей типа «Z особого» на Руси. Орнамент этого меча (хорошо сохранившийся на стержне рукояти) состоит из растительных завитков в петлевидном обрамлении.

Тождественный узор встречен также на стержнях рукоятей мечей с о. Эзеля (по-видимому, тип «V») и в находках из датского средневекового города Треллеборг [54].

Подобные украшения на вещах из Северо-Западной Европы времени викингов исследователи связывают с «восточным» влиянием, которое в конце X в. приводит к преобразованию скандинавской звериной орнаментики во все более развитую растительную [55]. Приведенные выше сопоставления конкретизируют предположение о том, что источником «восточных» влияний на орнаментику севера Европы была Русь с ее высокоразвитым ювелирным мастерством.

На примере мечей типов «Z» и «Z особого» (отчасти типа «Y») видно, как изменялась рукоять традиционного франкского меча. Основание навершия поднялось вверх, концы перекрестья опустились вниз. Такие мечи были более удобны при ударе и конной рубке. Около 1000 г. мечи с ру-

---

[47] H. Arbman. Schweden..., стр. 227.

[48] J. Petersen. Ук. соч., стр. 167—171.

[49] А. Спицын. Ук. соч., стр. 34 и табл. XIX, *11*. Автор суммарно датирует мечи из курганов Ленинградской обл. XI—XII вв.

[50] J. Żak. Problem pochodzenia mieczów tzw «wikinskich» na ziemach zachodniosłowianskich, głównie Polskich. Archeologia Polski т. IV, ч. 2, Warszawa — Wroclaw, 1960. стр. 333—334.

[51] Katalog der Ausstellung zum X archäologischen Kongress in Riga. Riga, 1896, стр. 63, табл. 23, *1* и 24, *1*; В. Нерман. Ук. соч., стр. 86—87.

[52] За пределами Руси мне известен только один меч этого типа, найденный в Финляндии (см. J. R. Aspelin. Antiquités du Nord Finneo-Ougrien. Helsinki, 1877—1880, № 1555).

[53] Д. Я. Самоквасов. Могильные древности северянской Черниговщины. М., 1916, рис. 26, стр. 22.

[54] M. Ebert. Zu den Beziehungen der Ostseeprovinzen mit Skandinavien in der ersten Hälfte des 11 Jahrhunderts. Baltische Studien zur Archäologie und Geschichte. Berlin, 1914, стр. 119, рис. 2; P. Nørlund. Trelleborg. København, 1948, рис. 120 на стр. 146.

[55] P. Paulsen. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953, стр. 67 сл.

коятями новых форм [56] были широко распространены в Европе. Б. А. Рыбаков считает, что появление потребности в таком оружии надо связывать с южнорусскими степями, где незадолго перед этим возникло оружие с большим будущим — сабля [57]. Действительно на Руси существовали условия для выработки новой формы рукояти. Весьма правдоподобно, что соприкосновение русской конной дружины с конницей степных кочевников, влияние «сабельного боя», самой тактики легкоконной борьбы — все это и привело к возникновению рукояти меча с изогнутым навершием и перекрестием. Мы не беремся утверждать, что Русь была единственной страной, где возникла новая форма рукояти (материала для этого еще недостаточно), однако можно принять то положение, что быстрое распространение этого изобретения объясняется участием русского оружейного ремесла в сложении новых форм европейского меча.

Роль и значение русских клинковых мастерских, как и само их наличие, раскрывают нижеследующие четыре [58] меча (№№ 77—80), которые мы объединили в тип с условным названием — «А местный». Рукояти мечей типа «А местный» сохранили некоторые общеевропейские черты (например, трехчастное навершие). Наряду с этим рукояти мечей этого типа имеют некоторые особенности, получившие свое развитие около 1000 г. Мы имеем в виду легкий изгиб перекрестья и навершия, напоминающий образцы типов «Z» и «Z особый». В остальном весь облик и декор этих мечей отличается от мечей общеевропейских форм, почему и следует рассмотреть их особо.

Перекрестье и навершие меча из Краснянского (№ 77) покрыты крупным ячеистым орнаментом (гравировка по серебряной набивке). Стержень рукояти украшен петлевидным плетением, выложенным серебряной проволокой [59]. Краснянский клинок при сохранении старых приемов орнаментации отличен от каролингских экземпляров как по своему оформлению (ячейки крупные, наличие пальметки и петлевидного узора), так и по округлым очертаниям рукояти. Меч из Глуховцов (№ 78) по форме аналогичен № 77. На железном навершии и перекрестье чернью по серебру нанесен ленточный восьмерковидный узор. Мотив декоровки восходит к северогерманскому стилю [60], но вполне своеобразен. Это впечатление усиливает черневой узор в виде дуг, завитков и крестов на бронзовой трубке, надетой на стержень рукояти. Издатель меча Г. Ленчик справедливо предполагал его местное изготовление [61]. Примерная дата обоих рассмотренных выше клинков, по нашему мнению,— начало XI в.

Богатством отделки особенно выделяются мечи из Киева [62] и Карабчиева (№№ 79, 80). Первый имеет бронзовую рукоять с черневым узором. Чернью заполнены предварительно сделанные углубления. На стержне рукояти видны чешуйки, на перекрестье — двойной ряд пальметок в петлевидном плетении (рис. 5). Рисунок пропорционален и красив, он встре-

[56] Например, в Норвегии они спорадически встречаются еще в IX в. (тип «L»), но в основном относятся к концу эпохи викингов (типы «Æ», «Z», частично «Y» — по Петерсену).

[57] Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 40; ср. T. J. Arne, La Suède et l'Orient, стр. 31.

[58] Уже после сдачи данной статьи в печать я узнал о находке в районе Старой Рязани навершия пятого такого меча. См. А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 326 и рис. 147.

[59] Е. К. Редин. Альбом выставки XII АС в г. Харькове. М., 1903, табл. IV, *8*. Прорисовку орнамента этого меча предоставил мне любезно Б. А. Шрамко.

[60] Ср. B. Salin. Die altgermanische Thierornamentik. Stockholm, 1904, стр. 319, рис. 689.

[61] G. Leńczyk. Trzy miecze wikinskie w sbiorach Museum archeologii przedhistorycznei PAU w Krakówe. Biblioteka Prehistoryczna, т. I, Poznań, 1930, стр. 363—375, табл. XLIII—XLIV, *1—3*.

[62] Меч опознан среди вещей КИМ по описанию каталога Ф. Ф. Кундеревича (раздел VI, стр. 102, № 9). Благодарю Г. Ф. Корзухину за любезное указание источника.

Рис. 6. Меч из Карабчиева, № 50, до 1939 г. находился в Варшаве

чается в орнаментах на деревянных, бронзовых и костяных изделиях Киевской Руси X—XI вв.[63]. Сочетание в орнаменте общеславянского ленточного плетения (как доказал А. В. Арциховский, распространенного в X—XI вв. на Руси[64]) с восточной пальметкой, известной на многочисленных бляшках из погребений дружинников, позволяет датировать меч № 79 временем около 1000 г. Второй меч, № 80, происходит из с. Карабчиев, близ г. Каменец-Подольский. Обстоятельства находки этого меча неизвестны. Каменец-подольский краевед Ф. Пулавский берег меч в своей коллекции и затем передал его в музей графов Красинских в Польше. Там меч считался найденным в окрестностях Варшавы[65]. Впервые русское происхождение памятника установлено В. Сарновской, но ее работа и сам меч погибли во время фашистского нашествия на Польшу в 1939 г. Лишь в 1955 г. В. Сарновской удалось опубликовать этот меч в посредственных рисунках[66]. В архиве ЛОИА АН СССР удалось отыскать отличную фотографию этого меча, сделанную в 1903 г., которую мы впервые публикуем на рис. 6. Рукоять меча — шедевр литейного ювелирного искусства украшена необычайно богатым растительным орнаментом из плавно изгибающихся ветвей. На стержне он в виде «дерева жизни», у которого ветви вырастают из подножия ствола. Техника отделки — черневой узор на бронзе (перекрестье и трубка) и прочерченный узор на черневом фоне (бронзовое навершие). По форме и технике отделки очевидно полное совпадение карабчиевского меча с рассмотренным выше киевским. Утраченная головка меча № 79 была несомненно такой же, как у карабчиевского. Растительный узор на рукояти карабчиевского меча по своей законченности и совершенству может сравниться с орнаментом на лучших русских вещах XII—XIII вв.; но и в первой половине XI в. он был известен среди орнаментов Киевской Софии[67]. Этот меч с рукоятью с трехчастной головкой и изогнутым перекрестьем может быть датирован временем не позднее XI в., вернее всего — его первой половиной[68].

Рис. 5. Меч из Киева, № 79, КИМ

[63] А. В. Арциховский. Новгородская экспедиция. КСИИМК, вып. XXVII, рис. 45б, стр. 119; Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, вып. 55, стр. 107, рис. 39; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. V, Киев, 1902, табл. XV, № 484 и табл. XXXIV, № 1204.

[64] А. В. Арциховский. Колонна из Новгородских раскопок. Вестник МГУ, № 4, 1954, стр. 65—68.

[65] B. Posta. Archaeologische Studien auf russischen Boden. Budapest—Leipzig, 1905, стр. 53.

[66] W. Sarnowska. Ук. соч., стр. 316—318, рис. 37.

[67] Ср. Сб. «Орнаменти Софії Київської». За загальною ред. С. Я. Грабовського, Київ, 1949, стр. 45. (В поздних памятниках симметрично расходящиеся побеги обычно связаны перетяжками, в отличие от таковых на перекрестье меча № 80).

[68] W. Sarnowska. Ук. соч., стр. 318.

Карабчиевский меч — блестящее произведение древнерусского оружейного и ювелирно-литейного ремесла. Он свидетельствует о расцвете русского клинкового искусства в первой половине XI в., в эпоху, когда Киевская Русь достигла наивысшего могущества.

Таким образом, рассмотренная выше группа мечей демонстрирует вначале, очевидно, местные образцы (№№ 77, 78), оформленные в западноевропейских традициях, затем клинки с роскошными бронзовыми рукоятями (№№ 79 и 80), возможно вышедшие из одной южнорусской мастерской в конце X — первой половине XI в. Техника черни по бронзе, известная для изделий XII—XIII вв. [69], возникает, как показано выше, приблизительно на рубеже X—XI вв.

Узор на мече из Черной Могилы, как мы уже отмечали, вызвал представление об использовании «восточных», точнее древнерусских орнаментальных мотивов в отделке клинков Северо-Западной Европы. Мечи с изогнутыми перекрестьем и навершием (типа Z и «Z особый») показали участие древней Руси в видоизменении рукояти франкского клинка. Наконец, мечи из Киева и Карабчиева позволяют в полной мере выдвинуть новую для русского оружиеведения тему о влиянии форм русских мечей на мечи соседних стран в XI в. В Финляндии мне известны три находки составных частей рукоятей мечей вроде №№ 79—80. Одна из них — бронзовое навершие меча из Vanaj-Kirstula — опубликована [70]. По форме это навершие совершенно тождественно головке меча из Карабчиева, но имеет другой орнамент (завитки из поперечно рифленых лент). Э. Кивикоски все упомянутые находки относит к периоду крестовых походов (1050—1200 гг.). Возможно, что русские аналогии уточняют их дату XI — началом XII в. Похоже, что рукоятки клинков из финских находок сделаны по образцу русских, если не отлиты в одной форме с ними. Предположение о подражании мечам русских форм рождается при виде польского меча XI в. из Черска-Польского с костяным навершием и перекрестьем, украшенными плетеным орнаментом [71]. Возможно, что появление в Восточной Прибалтике мечей с бронзовыми рукоятями также было связано с историей русских клинков [72].

Эволюция мечей с изогнутыми навершием и перекрестьем привела к созданию на Руси в XI в. однолезвийной сабли-меча [73]. Бытование таких гибридов рубящего оружия в Юго-Восточной Прибалтике в XI в. объясняется их прямым заимствованием из Киевского государства [74].

Влияние русских форм оружия на оружейное производство соседей в эпоху расцвета Киевской Руси, конечно, не удивительно. Это связано с более общим явлением. Во второй половине и в конце X в. в развитии форм мечей наступают решительные перемены. На смену общеевропейским формам приходят местные формы мечей, украшения и отделка которых выдержаны в «национальном» духе. Заметим, что в Европе поиски «национальных» форм рубящего оружия наиболее сильно проявились в XI, отчасти в XII в., что стоит в прямой связи с развитием ряда средневековых городов в Средней и Восточной Европе и ростом самостоятельности их

[69] З. А. Володченко. К вопросу о технике черни на Руси. КСИИМК, вып. LII, 1953, стр. 10—16.

[70] E. Kivikoski. Die Eisenzeit Finnlands, т. II, Helsinki, 1947, табл. 141, № 1095 и стр. 39.

[71] W. Sarnowska. Ук. соч., рис. 5, стр. 305. Полагают, что меч сделан в Великопольше в начале XI в. (J. Żak. Ук. соч., стр. 321).

[72] Таковы бронзовые навершие и перекрестье из Ужавы (Латвия), с рельефным жгутовым орнаментом, распространенным в романском искусстве XI—XII вв. (См. E. Sturms. Kuršu zobeni. Senatne un Māksla, 1936, IV, рис. 1, стр. 107).

[73] Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI века. СА, XIII, 1950, стр. 82 сл.

[74] P. Paulsen. Säbelschwerter im Ostseeraum. Documenta Archaeologica. Bonn, 1956, стр. 124 сл. Автор, верный своим норманистским концепциям, связывает саблю-меч с викингами, встретившимися в «области» Киева и Средней Волги с народами Востока.

оружейного ремесла. Однако дальнейшее развитие меча в XII—XIII вв., за некоторыми исключениями, вновь подчинится общеевропейскому стандарту.

Областью, где происходило становление новых своеобразных форм мечей, была Восточная Прибалтика. Рукояти тамошних клинков по изогнутости навершия и перекрестья и общим очертаниям близки экземплярам типа «Z» и «Z особого», а также «А местного». В орнаментике прибалтийского оружия использовались северные мотивы. Например, в Финляндии найдено более 10 мечей, рукояти которых украшены гравированным орнаментом «в стиле рунических камней», часто осложненном разными вариантами пальметт [75]. Некоторые из этих клинков имеют надписи, указывающие на их изготовление в мастерских Средней Европы. Скандинавские археологи считают, что монтировка рукоятей этих мечей происходила на Готланде, в Финляндии и в других районах. Датировка всех экземпляров XI в. оружиеведами и археологами признается единодушно [76].

Среди мечей новых форм иногда встречаются уникальные экземпляры [77]. Один из таких, по-видимому, прибалтийско-скандинавского происхождения, найден в с. Фощеватая, около г. Миргорода, б. Полтавской губ. (неправильно считался происходящим из окрестностей Киева) [78]. В нашей типологии этот экземпляр получил условное название «скандинавский» [79] (№ 81). Рукоять его состоит из пяти отдельных отлитых из бронзы частей с рельефным орнаментом из перевитых чудовищ в «стиле рунических камней» XI в. [80] (рис. 3, *3*). Именно такая рукоять с изогнутым перекрестьем, с мыском в центре и ромбоидальной головкой изображена на шведском руническом камне из Рамтунде в Зондерманланде (Король Сигурд пронзает мечом змея Фафнира — эпизод из песен Эдды) [81]. Общие очертания рукояти № 81 уже знакомы нам по типу «Z особый». Х. Арбман полагает, что меч из Фощеватой сделан вне Скандинавии, так как трубка рукояти оформлена в ином стиле, чем перекрестье и головка. Для чисто северных вещей он исключает подобную «разностильность» [82].

Итогом рассмотрения мечей IX—XI вв. является приводимая на стр. 194—195 таблица типов.

Итак, из приведенного выше материала можно сделать следующие выводы.

Только немногие мечи относятся к IX и к рубежу IX и X вв. Это мечи типа «В», а также наиболее ранние образцы типов «D», «Н», «Е» (Михайловское, Новоселки, Гнездово, №№ 1—4, 13, 14, 41). Всего семь мечей. Подавляющее большинство мечей относится к X и отчасти первой половине XI в.

---

[75] S. Grieg. Gjermundbufunnet. Norske Oldfunn, т. VIII, Oslo, 1947, табл. XXV.

[76] E. Kivikoski. Ук. соч., № 784, табл. 99 и стр. 16; ее же. Die Eisenzeit in Aurajlussgebiet. SMYA, XLIII, Helsinki, 1939, стр. 206—209; C. A. Nordman. Schatzfunde und Handelsverbindungen in Finnlands Wikingerzeit. AA, т. III, København, 1942, стр. 287, рис. 5.

[77] M. Ebert. Ук. соч., стр. 117 сл., рис. 1.

[78] T. J. Arne. La Suède..., стр. 57, рис. 42; М. Грушевский. Иллюстрированная история Украины. СПб., б/г, рис. 48—49, стр. 45—46. В КИМ меч опознан нами по описанию. См. сб. «Естественно-исторический музей Полтавского губернского земства». Полтава, 1910, стр. 65—66.

[79] Я сознаю, что это название не вполне удачно, так как в Скандинавии найдено много различных клинков. Однако происхождение многих из них — западноевропейское. Здесь же название указывает на северный район происхождения вещи (с большей или меньшей определенностью).

[80] S. Lundqvist. Gotlands Bildsteine I, Stockholm, 1941, Runnensteinstil, раздел E; XI в ср. табл. 63, рис. 147, A, табл. 76, рис. 177.

[81] H. Christiansson. Sydskandinavisk stil. Uppsala, 1959, рис. 102.

[82] Это мнение высказано Х. Арбманом при беседе со мной во время его пребывания в Ленинграде в 1959 г.

Мечи IX — XI вв., найденные на

(тип

Типы	Типы по Я. Петерсену					
	B	D	H	S	T-1	T-2
Количество	3	2	17	10	4	4
Дата норвежских находок по Я. Петерсену	Конец VII — IX в.	IX в.	800—950 гг.	X — нач. XI в.	Втор. пол. X в.	X в.
Дата русских находок	IX в.	Конец IX — X в.	X — XIв.	X — нач. XI в.	X — нач. XI в.	X в.

Бо́льшая часть рассмотренных мечей имеет общеевропейское распространение, и их формы первоначально франкского происхождения [83].

Господствуют мечи с треугольной, полуовальной, трехчастной головкой. Разные типы клинков сосуществуют. При этом, однако, наблюдаемые Я. Петерсеном различия между мечами IX и X вв., между ранней и поздней фазой развития того или иного типа сохраняют свою силу и для русского материала (для типов «S», «E»). Западноевропейское происхождение мечей типа «T-1», частично типов «S» и «X», «E» и «D» доказывается подписями «Ulfberht», «Ingelred» и знаками на лезвиях.

Ни один из мечей, найденных в русских землях, как нам представляется, не является скандинавским по происхождению, да и сами скандинавские ученые считают их для севера Европы в основном привозными. Больше того, на Руси вообще неизвестны мечи, характерные для Норвегии (типы Q, -, англосаксонский L), нет однолезвийных норвежских клинков, составляющих на их родине 23,5% всех находок [84]. За исключением одного случая (№ 32), у нас нет мечей с рукоятями, орнаментированными в северном Ellingestil (впрочем, подобные экземпляры вообще редки), поэтому нельзя усмотреть зависимость в развитии русских форм оружия от чисто скандинавских. Гнездовский меч (№ 5), с отчетливо выраженным северным орнаментом на рукояти, сделан, вероятно, на Руси. Второй, явно импортный экземпляр XI в., найденный у с. Фощеватой, появился у нас тогда, когда на Руси уже изготовлялись собственные, русские мечи.

В целом общеевропейские признаки многих русских мечей настолько сильны, что мы на основании сравнения форм рукоятей и орнамента пока ничего не можем сказать о центре их производства, так же как иногда не можем отличить франкскую модель от ее подражания. К тому же различные разновидности геометрического орнамента, господствующего в отделке мечей X в. лишены «национальной окраски» и не свойственны ни для Скандинавии, ни для Руси. В этих местах они не встречены на других вещах (за исключением копий, которые тоже могли быть привозными). Не мало труда потратили северные археологи, чтобы определить каролингские и скандинавские мечи. Лучший пример осторожности и осмотрительности в этом вопросе подал Я. Петерсен, воздержавшийся от преждевременных категорических заключений. В настоящее время исследователи пришли к убеждению, что бо́льшая часть известных доныне европейских мечей была сделана в хорошо организованных, круп-

[83] Ср. J. Petersen. Ук. соч., стр. 6.
[84] Там же.

Таблица

территории древней Руси
известен)

общеевропейские)							Особые типы			Всего
E	V	U особый	W	X	Y	Z	Z особый	A местный	Сканд.	
10	13	1	1	5	3	2	3	4	1	83
IX в.	Перв. пол. X в.	Перв. пол. X в.	Перв. пол. X в.	X — XI в.	X— XI в	Нач. XI в.				
IX — X в.	X в.	X в.	X в.	X — XI в.	X — нач. XI в.	X в.	X в.	Конец X — XI в.	XI в.	IX — XI вв.

ных западноевропейских оружейных мастерских [85]. Вместе с тем некоторые мечи и монтировка их рукоятей могли производиться в различных странах Европы [86]. Лишь немногие средневековые центры выпускали клинки высокого качества [87].

Близость русских мечей к западным не исключает, однако, в ряде случаев их своеобразия и особенностей (на что уже обращалось внимание при рассмотрении различных типов). Некоторые мечи выделяются по орнаменту (типы «D», «E»), по форме рукояти (типы «U особый» и «Z особый» и оформлению ее стержня (типы «V» и «Z особый»), по хронологии (типы «D», «E», «V»). Орнаментация мечей типа «E» наиболее ярка и отчетлива в русских экземплярах. Характерно, что все эти особенности или наступают в зрелой фазе развития типов IX в., переходящих в X в. (типы «D», «E»), или типов X в., встреченных в комплексах второй половины или конца X в. (типы «H», «V» и др.). Запаздывание в развитии некоторых типов мечей из русских находок (типы «D», «E», «H») на 50—100 лет относительно скандинавских объясняется, как нам представляется, не длительным бытованием того или иного меча, позднее попавшего на Русь с запада или севера Европы, а самостоятельным развитием упомянутых типов на месте. К тому же более поздние по времени экземпляры той или иной группы мечей, как правило, в деталях отличаются от ранних. На основании изложенного можно предполагать изготовление на Руси (по крайней мере, со второй половины X в.) по каролингским моделям если не клинков, то, во всяком случае, их рукоятей для части типов «D», «H», «S», «E», «V», а может быть, и для некоторых других типов.

Складывается определенное представление о том, что самостоятельность русского клинкового производства нарастает к концу X в. Так, в середине X столетия появляются мечи, свидетельствующие об изменении франкских образцов (типы «Z» и «Z особый»). Возникновение и распространение в Европе мечей с изогнутым навершием и перекрестьем произошло не без участия Руси. Наконец, группа мечей типа «A местный», встреченная на юге Руси, знаменует переход от производства по каролингским моделям к выработке местных типов (также это относится к типу «Z особому»). В этот период русские мечи оказали серьезное воздействие на формы мечей некоторых европейских стран. В эпоху наи-

[85] H. Shetelig and H. Falk. Skandinavian archaeology. Oxford, 1937, стр. 382.
[86] H. Arbman. Schweden..., стр. 215.
[87] A. Nadolski. Studia nad uzbrojeniem Polskim w X, XI i XII wieku. Łódź, 1954, стр. 30.

высшего расцвета Киевской Руси создается такой «национальный шедевр», как меч из Карабчиева.

Таким образом, обращение к скандинавскому и западноевропейскому материалу отнюдь не привело к выявлению полного «растворения» русских мечей, а, наоборот, позволило выделить их важные особенности, над изучением которых надо работать и в дальнейшем [88].

Изучение русских мечей IX — XI вв. [89], во многих отношениях имеет общеевропейское значение, измеряемое тем большим вкладом, который внесла Киевская Русь в развитие европейского средневекового вооружения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕЧИ IX—XI вв., НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Список находок *

Тип «B»

1. Бор. Случайная находка 1928 г., 2. Новоселки. Раскопки Е. А. Шмидта в 1954 г., курган 5; 3. Место находки неизвестно. Из бывш. колл. А. Бобринского

Тип «D»

4. Михайловское. Раскопки В. А. Городцова в 1902 г., курган 1;
5. Гнездово. Раскопки Д. А. Авдусина в 1950 г., курган 2

Тип «H»

6. Залющик. Раскопки Д. Европеуса в 1874 г., из кургана; 7. Пиркинское. Раскопки Д. Европеуса в 1876 г., из кургана; 8. Ю.-В. Приладожье. Находка около 1813 г.; 9, 10. б. С.-Петербургская губ. Раскопки Л. К. Ивановского в 1872—1891 гг., из курганов; 11, 12. Подболотье. Случайные раскопки. 1900-е годы, из погребений; 13, 14. Новоселки. Раскопки Е. А. Шмидта в 1954 и 1958 гг., курганы 4 и 13; 15, 16. Гнездово. Раскопки 1898 г. (случайные) и 1949 г. (Д. А. Авдусин), из курганов (в последнем случае курган 35); 17. Неизвестно. Дар П. С. Уваровой в ГИМ; 18—20. Шестовицы. Раскопки П. И. Смоличева в 1925 г., курган II, Д. И. Блифельда в 1948 г., курган IX и в 1957 г. курган 35/41; 21. Красный Рог. Случайная находка; 22. Киев. Случайные раскопки 1872 г., из погребения

Тип «S»

23. Леоново. Раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1878—1886 гг., курган 112, комплекс 6; 24. Заозерье. Раскопки В. И. Равдоникаса в 1928 г., курган 6, комплекс VI; 24а. Селюковщина. Раскопки А. М. Линевского в 1949 г., из кургана; 25. Харлапово. Раскопки Е. А. Шмидта в 1952—1953 гг. курган 4; 26. Киев (?) из бывш. колл. И. Хойновского; 27. Подгорцы. Раскопки Т. Земенцкого в 1881 г., большой курган; 28, 29. Днепровские пороги, о. Хортица. Находка 1928 г.; 30. Райковецкое городище. Раскопки 1930 г.; 30а. Дуниковка. Находка 1883 г.

Тип «T-1»

31. Новгород. Отдельная находка; 32. Монастырище. Случайная находка; 33, 34. Днепровские пороги, о. Хортица. Находка 1928 г.

---

[88] Не случайно, например, что специалист по финским мечам И. Леппяахо при знакомстве с экспонатами наших музеев обратил внимание на «вполне ясно выраженные различия» русских мечей по сравнению с формами, описанными Я. Петерсеном; он написал мне, что это привело его к мысли об изготовлении рукоятей в русских центрах. Г. Сальмо также писал мне о вероятном местном изготовлении некоторых русских мечей.

[89] В 1958 г. эта работа дважды обсуждалась на заседаниях славяно-русского сектора в Москве и Ленинграде. Многим ценным советам и замечаниям я обязан Б. А. Рыбакову, Г. Ф. Корзухиной, Д. И. Блифельду, а также научному руководителю темы М. К. Каргеру. Особо благодарен Д. А. Авдусину, Е. А. Шмидту, Д. И. Блифельду, любезно ознакомившим меня со своими неопубликованными материалами. Признателен я также западноевропейским ученым Х. Арбману и Т. Арне (Швеция), Я. Петерсену и В. Сломану (Норвегия), Г. Сальмо и И. Ляппяахо (Финляндия), Ф. Франс-Ланоару (Франция), М. Холмсу (Англия) за сообщенные мне полезные сведения и присылку литературы по оружиеведению.

* Порядковый номер соответствует номеру находки на карте. В пределах каждого типа находки перечислены на карте с севера на юг.

Тип «T-2»

35. Вахрушево. Раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1878—1887 гг., курган 116, комплекс 8; 36. Заозерье. Раскопки В. И. Равдоникаса в 1928 г., курган 6, комплекс V; 37. Чернигов. Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1872—1873 гг., курган Черная Могила; 38. Алешки. Находка 1932 г.

Тип «E»

39. Усть-Рыбижна. Раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1878—1886 гг., курган 19, комплекс 1; 40. Михайловское. Раскопки И. А. Тихомирова в 1897 г., курган 18; 41, 42. Гнездово. Раскопки М. Ф. Кусцинского в 1874 г. (из кургана) и Д. А. Авдусина в 1949 г. (курган 13); 43. Рокот. Случайная находка 1950 г. (?); 44. б. Новгородская губ. Из бывш. колл. П. С. Уваровой в ГИМ; 45. Ростов-Ярославский, из кургана; 46. Чернигов. Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1872 г., курган Гульбище; 47. Киев. Случайные раскопки в 1876 г., из кургана; 48. Левобережное Цимлянское городище. Раскопки М. И. Артамонова в 1949—1951 гг., из слоя городища

Тип «V»

49, 50. Кашина. Раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1878—1887 гг., курган 7, комплекс 1, 51. Вахрушева. Раскопки Н. Е. Бранденбурга, курган 116, комплекс 1; 52—54. Михайловское. Раскопки И. А. Тихомирова в 1898 г., курганы 1 и 34 и случайная находка 1899 г., 55—57. Гнездово. Раскопки С. И. Сергеева в 1901 г. (курган 86) и случайные находки (одна в 1899 г.); 58. Полоцк. Находка 1957 г., из кургана (?); 59. Шестовицы. Раскопки И. И. Смоличева в 1925 г., курган XXV; 60. Киев. Случайные раскопки 1900 г., из кургана; 61. Подгорцы. Раскопки Т. Земенцкого в 1882 г., большой курган

Тип «U особый»

62. Ручьи. Случайная находка около 1899 г., из кургана

Тип «W»

63. Шестовицы. Раскопки П. И. Смоличева в 1925 г., курган X

Тип «X»

64. Новгород. Окрестности города. Находка; 65. Михайловское. Раскопки И. А. Тихомирова в 1897 г., курган 10; 66, 67. Гнездово, из клада 1868 г. и раскопки Д. А. Авдусина в 1953 г., из разрушенного кургана; 68. Таманский полуостров. Тмутаракань (?)

Тип «Y»

69. Горка Никольская. Раскопки Д. Европеуса в 1877 г., курган 2; 70. Гнездово. Раскопки С. И. Сергеева в 1901 г., курган 88; 71. Киев. Раскопки М. К. Каргера в 1946 г., из кургана

Тип «Z»

72. б. С.-Петербургская губ. Раскопки Л. К. Ивановского в 1872—1891 гг., из кургана; 73. Неизвестно. Из бывш. колл. Д. Я. Самоквасова в ГИМ

Тип «Z особый»

74. Щуковщина. Раскопки Н. Е. Бранденбурга в 1878—1886 гг., курган 45, комплекс 1; 75. Новгород. Рюриково городище, из слоя городища; 76. Чернигов. Раскопки Д. Я. Самоквасова в 1872—1873 гг., курган Черная Могила

Тип «A местный»

77. Краснянское. Случайная находка 1900 г.; 78. Глуховцы. Случайная находка; 79. Киев. Находка; 80. Карабчиев. Находка

Тип «скандинавский»

81. Фощеватая. Находка

Тип неизвестен

82. Сязнега. Раскопки Бранденбурга в 1878—1886 гг., курган 60, комплекс 2; 83. Низовья р. Паши. Находка; 84, 85. б. Весьегонский и Вышневолоцкий уезды Тверской губ. Раскопки Н. А. Ушакова в 1843—1844 гг.; 86. Залужье. Раскопки Д. Европеуса в 1870 г., курган 2; 86а. б. Владимирская губ. Раскопки А. С. Уварова и П. С. Савельева в 1851—1854 гг., из кургана; 87, 88. Михайловское. Раскопки И. А. Тихомирова в 1898 г., курган 38 и В. А. Городцова в 1900 г. из кургана; 89—94. Гнездово. Раскопки В. И. Сизова в 1885 г., большой курган; С. И. Сергеева в 1899 г., курган 55 и из разрушенного кургана; раскопки на средства М. К. Тенишевой в 1901 г. из кургана, случайная находка; раскопки Д. А. Авдусина в 1953 г. из слоя городища; 95. Вщиж. Дар Щукина в ГИМ; 96. Шестовицы. Раскопки около 1874 г.; 97. Киев (?), из бывшего собрания В. Б. Антоновича; 98—101. Киев. Раскопки 1872 г., из кургана: раскопки И. А. Хойновского в 1892 г., из кургана; случайные находки 1890—1900 гг.; 102. Беспечна. Случайные раскопки 1899 г., из кургана; 103. Днепровские пороги, о. Хортица. Находка 1928 г.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

МАЗАР АРАБ-АТА В ТИМЕ

Малообследованные районы Средней Азии порою хранят для археологов неожиданные дары. В начале 1960 г. проф. Н. И. Леонов сообщил нам об обнаруженном им во время географической экспедиции в небольшом селении Тим в Зерабулакских горах прекрасном мавзолее. При просмотре снимка с концевой части куфической надписи М. Е. Массон обнаружил здесь дату — 367 г. х.=977/8 г. н. э.[1].

Расшифровка времени сооружения памятника, которая, таким образом, уводит мавзолей к эпохе Саманидов, придавала и без того любопытному объекту особый интерес. До сих пор известно незначительное число архитектурных памятников X в. на территории Мавераннахра (мавзолей Саманидов в Бухаре, резные ганчевые панели саманидского дворца на Афрасиабе, основания мечети Магоки-Аттари в Бухаре, возможно, часть резного дерева из Зеравшанских гор), хотя письменные источники донесли сведения об исключительном размахе строительства той поры, особенно в столичной Бухаре. В силу этого появление здания, несущего абсолютно точную дату, имеет особое значение для понимания процессов эволюции средневекового среднеазиатского зодчества. Но, помимо того, сам тимский мавзолей представляет собой высокохудожественную постройку, которую можно отнести к разряду выдающихся памятников.

Значимость сделанного открытия побудила Институт искусствознания АН УзССР организовать в конце марта 1960 г. экспедицию по обследованию тимского мавзолея[2].

Мавзолей (рис. 1) стоит на краю поселка каракулеводческого совхоза Карнаб, в районе, удаленном от больших проезжих дорог (одна из причин, почему этот памятник так долго оставался неизвестным).

Название Тим местное население считает искажением слова «чим», что означает один из видов сочной кормовой травы, растущей у источников. Это вполне согласуется с местными природными условиями, так как у Тима есть горные ключи, поросшие густой травой. Термин «тим» в последние столетия обозначал многокупольное, обширное рыночное сооружение. В словаре Якут (XIII в.) дана его хорасанская интерпретация, как «хан (т. е. постоялый двор, гостиница.— *Г. А.*), в котором проживают купцы»[3].

К предложенному отождествлению Тима со средневековым Тимом «Согда Самаркандского» (данные X в. ибн ал-Факиха в передаче Якута XIII в.) следует отнестись с осторожностью[4]. Остатки имевшегося здесь

---

[1] См. Н. И. Леонов. Мавзолей в Тиме. «Правда Востока», 5.I.1960 г.; М. Е. Массон. Ранний архитектурный памятник. «Правда Востока», 5.II.1960 г.; В. Рацек. Арабская надпись рассказала. «Огонек», 1960, № 10; Н. И. Леонов. Мавзолей X в. в Зеравшанской долине. СА, 1960, № 4, стр. 186—190.

[2] В работах принимали участие Г. А. Пугаченкова и аспирант П. Захидов, осуществившие обмеры мавзолея, часть которых включена в настоящую статью; публикуются фото автора. В составе группы был также фотограф Е. Н. Юдицкий, осуществивший детальную фотосъемку памятника.

[3] См. Н. И. Леонов. Ук. соч., стр. 190 (редакционное примечание).

[4] Там же.

средневекового поселения столь невелики, что трудно представить, чтобы оно могло войти в перечень важнейших селений области, наряду с Несефом (Карши). Учитывая нарицательное значение термина «тим», можно думать, что с таким наименованием было немало населенных пунктов.

Описываемый нами мавзолей известен среди тимского населения под наименованием мазара Араб-ата. В народе не знают, кем был Араб-ата, но полагают, что он прибыл сюда в числе первых арабских завоевателей.

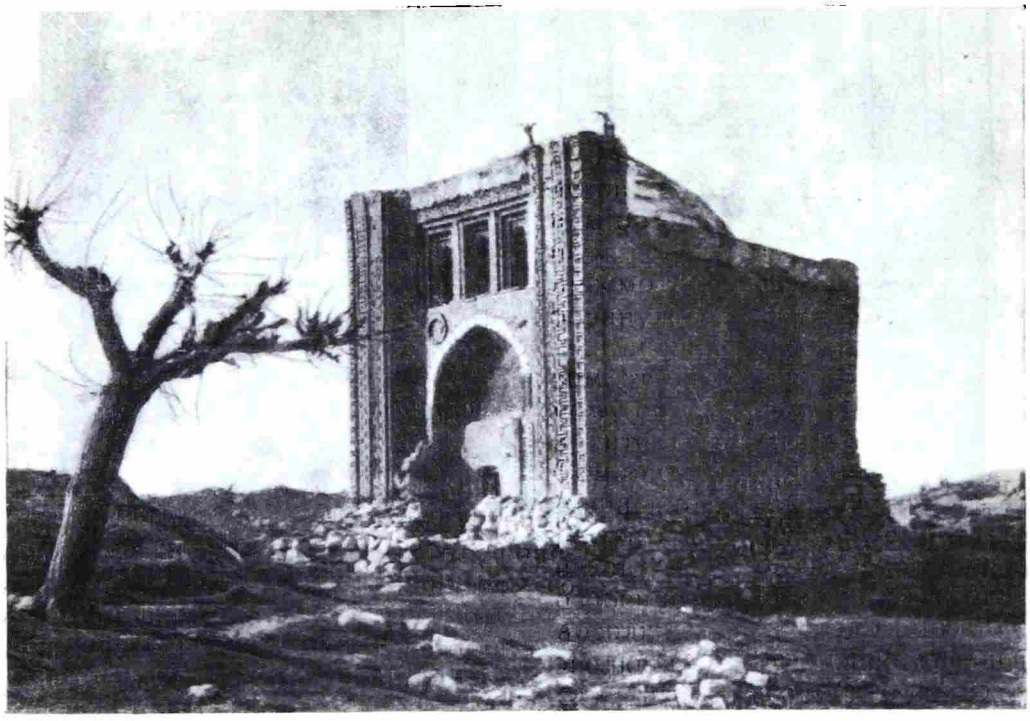


Рис. 1. Мавзолей Араб-ата

Могила до недавнего времени почиталась местными жителями, однако широкой известности мазар не имел.

Близ мавзолея, к юго-востоку, высится небольшой, но высокий (до 15 *м*) холм-тепе, подпрямоугольной формы, насыщенный фрагментами безглазурной посуды V — VII вв.— как тонкой, выполненной на гончарном круге, так и лепной, с грубоватым орнаментом, нанесенным красноватой и коричневой краской. Встречаются нередко каменные ручные жернова. Очевидно, на раннем этапе феодализма в Средней Азии на этом месте возник замок местного дихкана, у подножья которого располагалось поселение вассальных скотоводов. Примыкавшее поселение распространяется до 100—150 *м* к востоку и северо-востоку от кешка. Судя по находкам обломков глазурованной посуды с коричневой росписью по белому фону, а также жженого кирпича, оно функционировало вплоть до X в., когда на краю его и возник мавзолей.

Здание мавзолея возведено на склоне и потому при подготовке строительного основания под восточную часть здания были заложены крупные валуны. Мавзолей заключает в себе единственное квадратное помещение размером 5,60×5,60 *м* (рис. 2). Наружные размеры плана — 8×8,70 *м*; нарушение квадратной формы получилось за счет утолщения главного фасада, имеющего входную нишу трехметрового пролета, глубиной 1,05 *м*.

Материал постройки — жженый кирпич теплого, светлого тона, размером 23×23×4 *см* — 23,5×23,5×4 *см*. Кладки на ганчевом растворе.

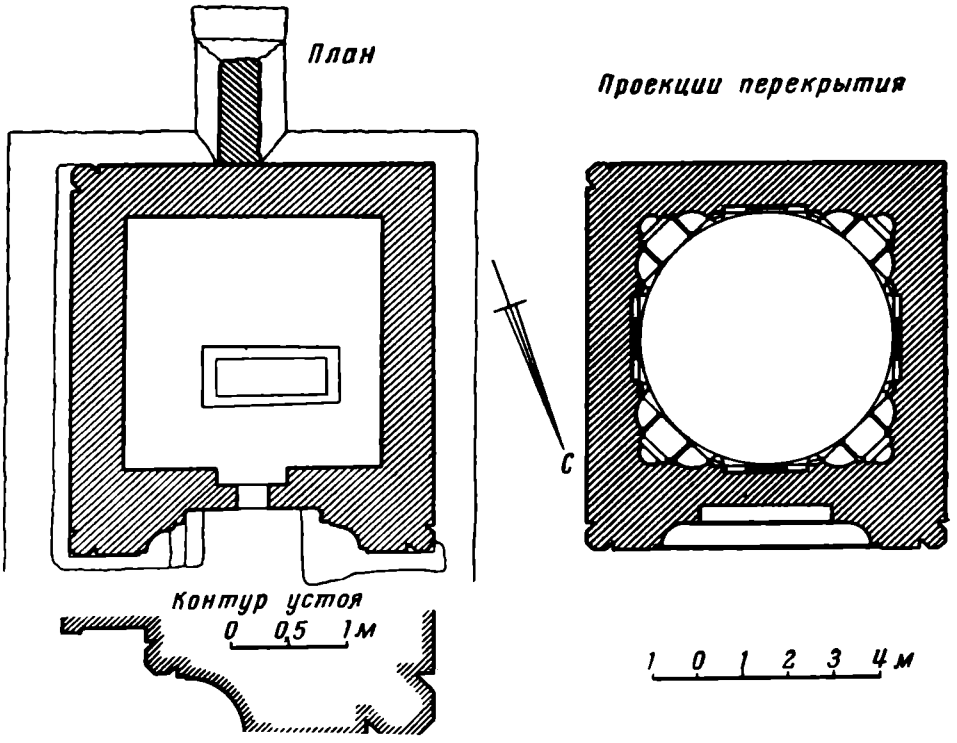


Рис. 2. План мавзолея и проекции перекрытия

Ганч, видимо, с некоторой естественной подмесью лёсса, которая придает ему чуть желтоватый цвет, отлично гармонирующий с кирпичом. Кладка выполнена парами кирпичей, разделенных широкими вертикальными швами. Этот чисто конструктивный прием играет, как мы увидим ниже, важную роль в системе архитектурного декора мавзолея. Нижняя грань кирпичей иногда стесана наискось, благодаря чему выделяются и горизонтальные швы.

Ориентировано здание по странам света с небольшим (до 20°) склонением. Главный фасад обращен на север-северо-восток (рис. 3).

Внешнюю композицию мавзолея определяет увенчанный стрельчатым куполом кубообразный объем с выступающим по главному фасаду возвышенным порталом; по углам стоят восьмигранные в плане колонки, встроенные на $^1/_4$.

В интерьере над гладью стен лежит переходный к куполу восьмигранник подкупольной конструкции с неглубокими арочными нишами на главных осях и своеобразными парусами, перекрывающими углы. Паруса эти имеют вид двухъярусной конструкции: внизу — пара четвертных и один угловой конховый сводик, вверху — замыкающая сводчатая ниша. В углах восьмигранника размещены декоративные колонки, маскирующие переход к шестнадцатиграннику, в который непременно входит скуфья купола, выложенная кольцевыми рядами (рис. 4).

Декор мавзолея органически слит с его конструктивными кладками, кирпичные кладки сочетаются с ганчевой резьбой. Более сложен он на портале. На остальных фасадах в широких вертикальных и горизонтальных швах нанесен ровный ганчевый намет, по которому проведена или широкая, фигурно обрамляющая кладку линия, или какой-либо несложный завиток. На угловых колонках пазы между парами кирпичей орнаментированы двойными миндалинами.

Архитектоника портала строится на П-образном охвате сводчатой ниши рядами орнаментальных рам. Стрельчатая, очень плавного очертания арка занимает около одной трети всего пролета. Основана она на восьмигранных, встроенных в углы колонках, выведенных вразбежку

Рис. 3. Вид на мавзолей с юго-востока

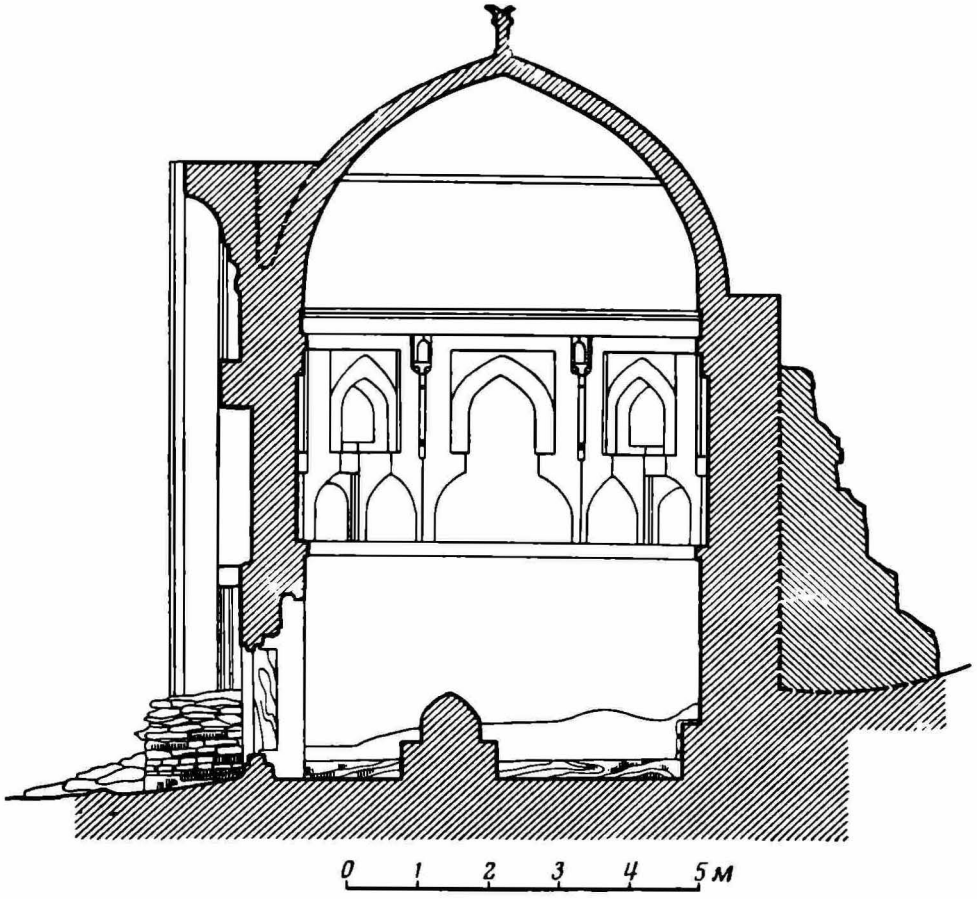


Рис. 4. Разрез по главной оси север — юг

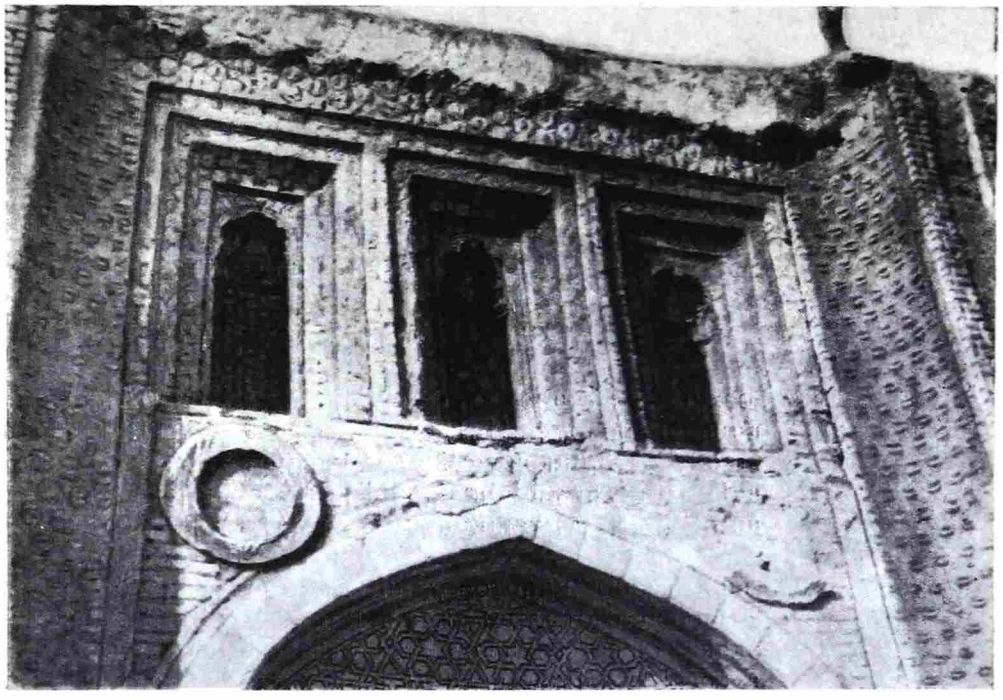


Рис. 5. Аркатура портала

спаренным кирпичом. Щипец портальной ниши вверху заполнен геометрическим узором, построенным на чередовании шестигранников и шести конечных звезд, а ниже следует имитация на ганче кирпичных кладок. Архивольт арки был заполнен резанным на ганче орнаментом, построенным на S-образных и миндалевидных завитках. В тимпанах сохранились остатки двух орнаментированных ганчевых круглых медальонов. Над тимпанами расположена трехарочная аркатура. Арочки ее оконтурены перспективно сокращающимися рамками, а сами они имеют пятилопастное очертание и плотную сложно-узорную ганчевую лепнину внутри (рис. 5).

Портальная арка и аркатура включены в широкое П-образное обрамление в виде четвертной выкружки, заполненной чередующимися в шахматном порядке кружками из подшлифованных на полукружия кирпичей, оконтуренными резанной на ганче сеткой шестигранников. Далее следует в обрамлении двух полос кирпичной кладки (с разделкой на пары кирпичей) резанная на ганче арабская надпись строгого куфического письма на фоне растительного побега, сохранившаяся лишь в своих вертикальных участках.

Оформление трех остальных фасадов почти однотипно — гладь стены, с четкой фактурной разделкой спаренными кирпичами, четко отграниченная угловыми колонками, причем на боковых фасадах симметрия нарушена возвышением портального массива. Простота архитектурной разработки контрастно подчеркивает главенствующее положение парадно оформленного главного фасада.

Интерьер от основания до купола оштукатурен ганчем, по которому нанесена глубокая резьба, как бы повторяющая кладки спаренных кирпичей, с условно разделительными швами. То же наблюдается в обработке парусов.

На нижней части стен местами декор осыпался, и эти участки заново гладко оштукатурены.

Исключительно интересны встроенные угловые колонки переходного к куполу восьмигранника. Они пятиконечны в плане и выполнены из

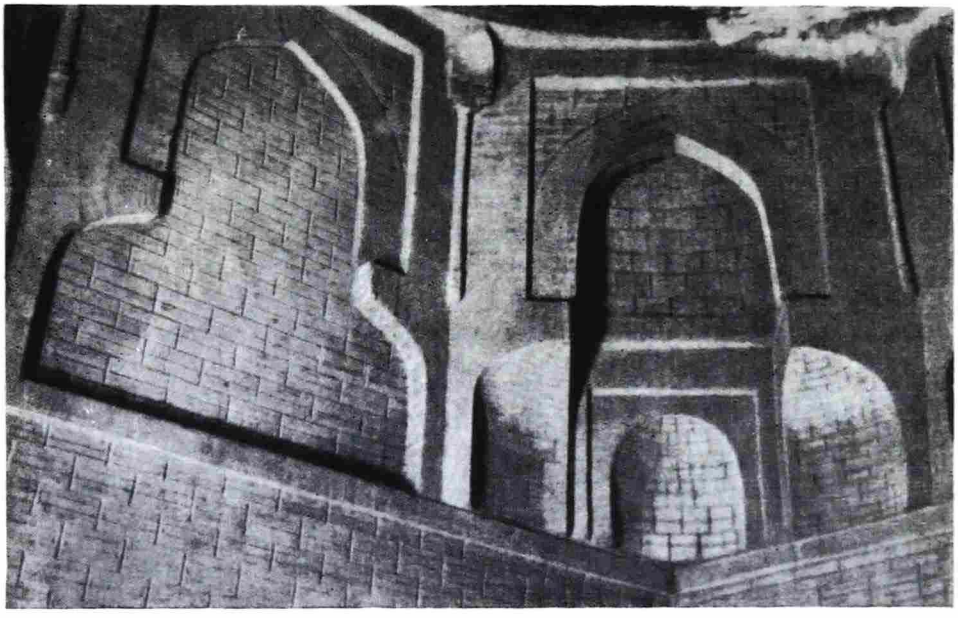


Рис. 6. Подкупольная конструкция

консольно заделанных в кладку углов отесанных кирпичиков. Пропорции колонок очень стройны. Они имеют высокую, с двумя перехватами базу, тонкий граненый ствол и отделенную от него рельефным жгутом, конически расширенную капитель, над которой имеется вторая капитель, со свисающими вниз краями в форме как бы фигурного листа (рис. 6).

Над этой импостной капителью покоится одиночный сводик-сталактит, заполняющий свес переходного к куполу шестнадцатигранника.

Мавзолей подвергался некоторым ремонтам. При этом были осуществлены перекладки сильно деформированного юго-западного угла, на заднем фасаде выведен уродливый контрофорс, поддерживающий арчевую балку-связь, переложен участок щипцовой стены портальной ниши, в котором асимметрично размещен дверной проем. Нижние участки стен снаружи подложены булыжным камнем, а в интерьере оштукатурены белым ганчем.

Анализ пропорций плана и фасада мавзолея позволил установить наличие здесь четких пропорциональных закономерностей. В основе построений лежат соотношения так называемого динамического квадрата, т. е. прогрессивно возрастающих квадратов, в которых сторона последующего в ряду равна диагонали предшествующего. М. С. Булатовым, осуществившим исследование пропорций обширной группы памятников среднеазиатской архитектуры, установлена если и не универсальность, то, во всяком случае, исключительно широкая сфера применения этого принципа средневековыми зодчими Средней Азии. Самым ранним памятником, в котором строго выдержана эта закономерность, оказался мавзолей Саманидов в Бухаре[5]. Конструкция мавзолея Араб-ата следует той же системе, которая широко практиковалась строителями столичной Бухары. На прилагаемых чертежах видно, что исходным элементом является квадрат интерьера. Соотносительно к построенному на нем динамическому квадрату возникают наружные и внутренние размеры плана, высота портала и его основные архитектурные членения.

Сопоставление мавзолея Араб-ата с мавзолеем Саманидов в Бухаре (сооруженным на грани IX и X вв.) иллюстрирует черты их общности, но

[5] М. С. Булатов. О некоторых приемах пропорционирования в архитектуре Средней Азии. Изв. АН ТаджССР, вып. III, 1953, стр. 10 сл.

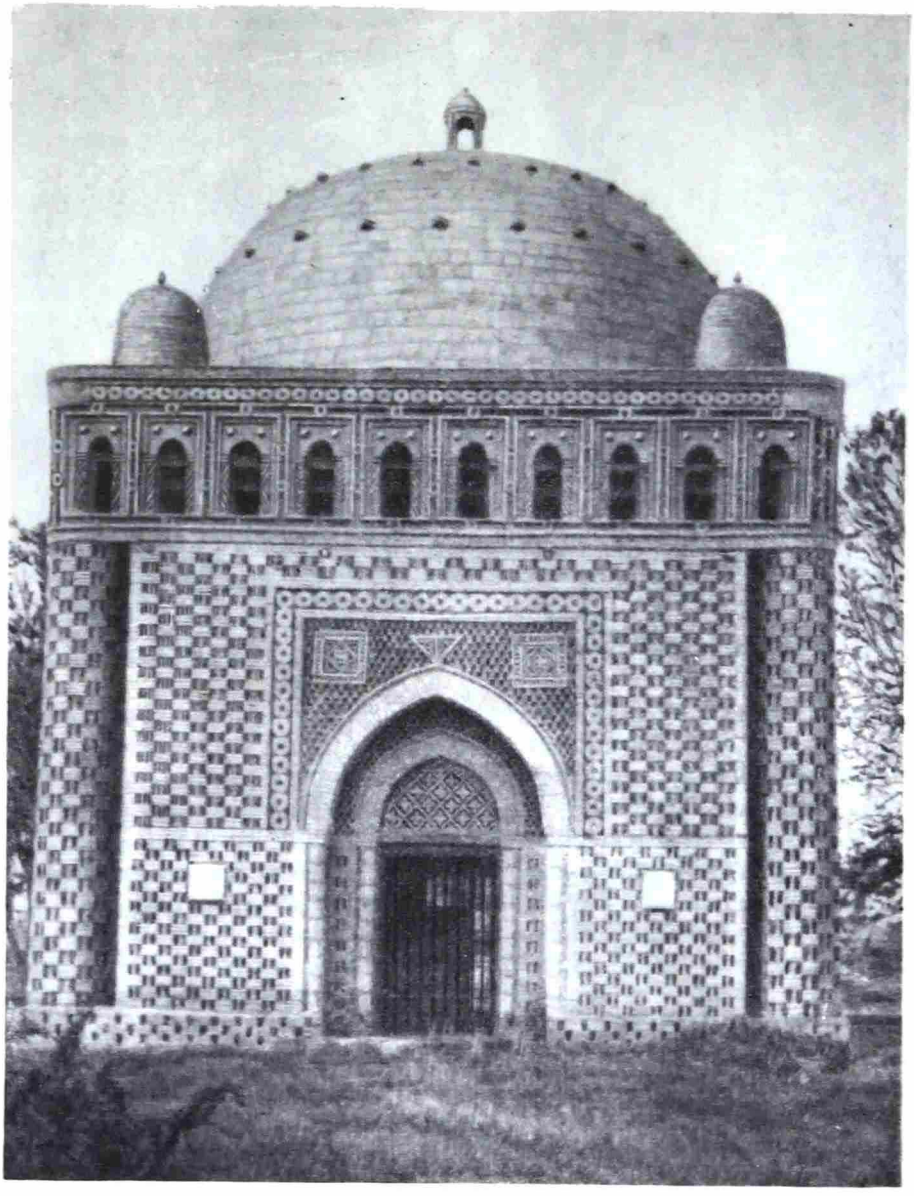


Рис. 7. Мавзолей Саманидов в Бухаре

наряду с тем наглядно выявляет то принципиально новое, что появляется в архитектуре Мавераннахра в течение разделяющего их периода (рис. 7).

Оба здания сооружены из жженого кирпича на ганчевом растворе. Но если в мавзолее Саманидов разнообразие этих кладок придает зданию такую удивительную декоративную насыщенность, то в Араб-ата они исчерпываются чередованием спаренных кирпичей. Зато здесь начинает играть не менее активную роль, чем кирпич, резной ганч, который в мавзолее Саманидов использован лишь для незначительных деталей. На фасадах тимского мавзолея резной ганч органически сочетается с кирпичными выкладками, заполняя широкие швы, обегая на выкружке портала по шестигранной сетке отесанные кружками кирпичики узора, повторяя меандром кирпичные кладки в обрамлениях, в бордюрах и т. д. И только в заполнении арочек портальной аркатуры, в надписи, в щипце и софите главной арки резной орнаментальный ганч покрывает поверхности сплошь. В интерьере же, как было сказано, на ганчевой обмазке дана лишь имитация фигурных кирпичных кладок.

Орнаментальные мотивы в резьбе по ганчу мавзолея Араб-ата, взятые порознь, находят отдельные аналогии в архитектурном декоре Среднего и даже Ближнего Востока IX — X вв. Так, рельефный, покрытый штриховой сеткой «плод» в арочках на портале имеет свой прообраз уже в резном штуке Самарры [6]; еще более близкий вариант его дает михраб Найинской мечети (Иран, около 960 г.) [7] и орнаментация терракотовых очажков X в. с Афрасиаба [8]. В резном штуке мечети Найина имеется также бордюр с линейной плетенкой, тождественный мотиву в софите главной арки мавзолея Араб-ата [9]. Фестончатое обрамление арочек известно по памятникам IX в.— в Самарре [10] и в михрабе IX — X вв. мазара Шир-Кабир в Мешхеди-Мисриане (Западный Туркменистан) [11].

При всем том в резном штуке мавзолея Араб-ата имеется ряд орнаментальных мотивов, не встречавшихся в архитектуре предшествующего времени. В числе их — гирих в щипце портальной арки и гирихи торцовых стенок малых арочек, узор обрамления дисков в тимпанах, оформление П-образной рамы-выкружки и др. Но главное заключается в том, что общее сочетание всего комплекса орнаментальных элементов придает декору мавзолея неповторимое своеобразие (рис. 8).

Приемы декора мазара Араб-ата наиболее близки среднему мавзолею Узгенда, воздвигнутому над погребением одного из первых Караханидов в начале XI в. [12]. Фактура кирпичной кладки из спаренного кирпича, сочетание на главном фасаде кирпичных узоров с резным ганчем, сами мотивы ганчевой резьбы, основанные на фигурах S-образного или миндалевидного завитка — все это иллюстрирует большую близость архитектурной обработки обеих построек, разделенных примерно полустолетием. Сочетание кирпичного и ганчевого декора пережиточно еще сохраняется в оформлении Рабати-Малик (XI в.) [13] и мечети Магоки Аттари (XII в.) [14].

Но этот строительный прием, который впервые предстает в мавзолее Араб-ата, себя технически не оправдал. Дело в том, что ганч реагирует на непосредственное воздействие осадков, а потому его применение на внешних архитектурных поверхностях в последующей практике было отвергнуто. Впрочем, резной ганч еще долго употребляют в отделке щипца и щек портальных ниш (ср. северный узгендский мавзолей сохраняется в оформлении Рабати-Малик (XI в.) [13] и мечети Магоки-Мисриана [16] и др.).

Мавзолей Араб-ата в известной мере разъясняет процесс появления фигурных резных кирпичиков (так называемых «бантиков») в фасадных кладках XI — XII вв. В тимском мавзолее широкие вертикальные швы между парами кирпичей заполнены ганчем, с несложным орнаменталь-

---

[6] E. Herzfeld. Der Wandschmuck der Bauten von Samarra und seine Ornamentik. Berlin, 1923, рис. 280, 285, 292, 308, табл. XXV—XCL.

[7] A. Pope. Architektural Ornament. SPA, т. V, London and New York, 1938, табл. 511-B.

[8] Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Тр. ИИАЭ АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, рис. 19.

[9] А. Pope. Ук. соч., стр. 116.

[10] E. Herzfeld. Ук. соч., рис. 116.

[11] См. «Иранское искусство и археология», III Международный конгресс. Доклады. М.— Л., 1939, табл. XLV—XLVI.

[12] Б. П. Денике. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.— Л., 1939, стр. 16—17; А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии, М.— Л., 1950, стр. 49 сл.

[13] Б. Н. Засыпкин. Архитектурные памятники Средней Азии. «Вопросы реставрации», вып. II, М., 1928, стр. 16; В. А. Нильсен. Монументальная архитектура Бухарского оазиса XI—XII вв. Ташкент, 1956, стр. 48—49.

[14] Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель, Бухара, М., 1949, стр. 16 сл.; В. А. Нильсен. Ук. соч., стр. 77.

[15] Б. П. Денике. Ук. соч., стр. 46—47; А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 62 сл.

[16] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Тр. ЮТАКЭ, т. VI, М., 1958, стр. 263 сл.

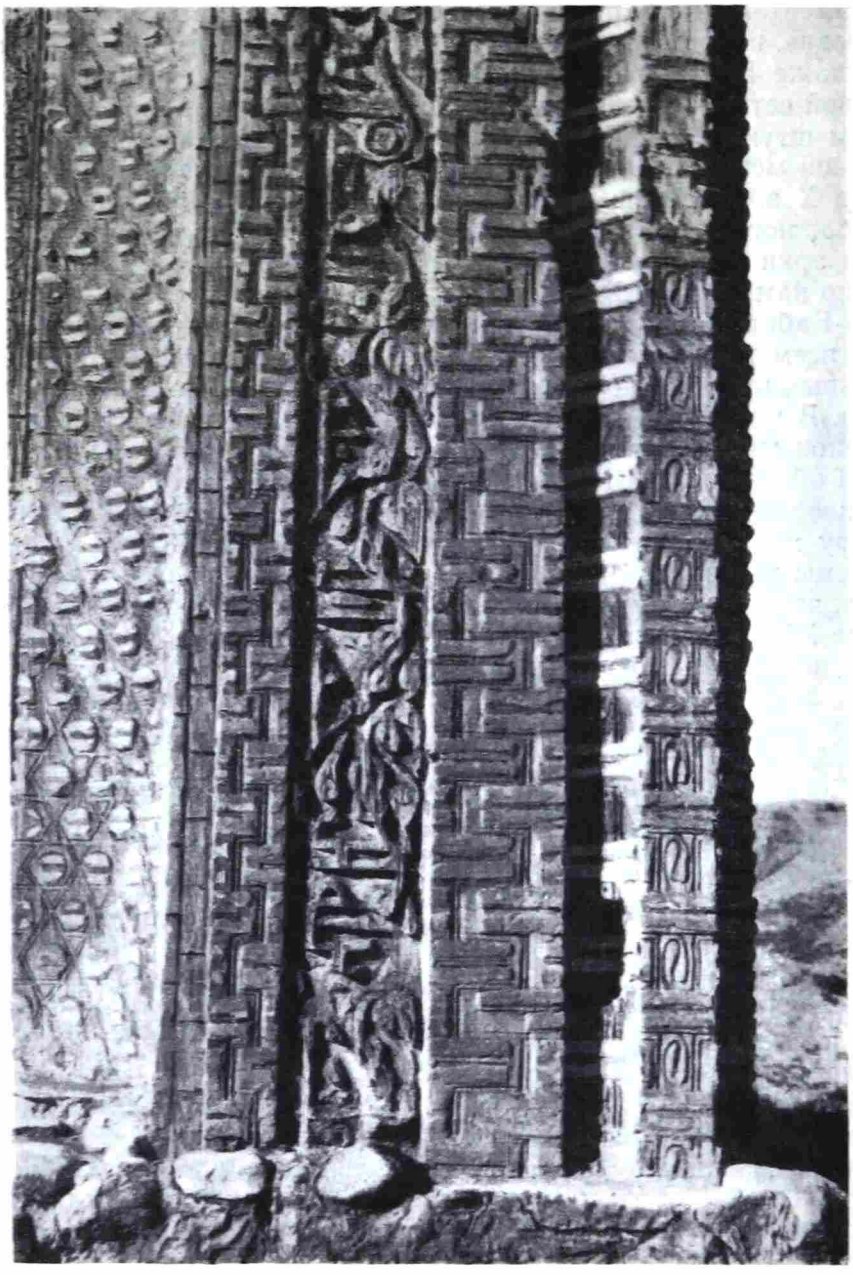


Рис. 8. Деталь декора портала мавзолея Араб-ата

ным узором. В мавзолеях Карахана в Таразе [17] и Ахмада в Баба-Гамбере [18] (отстроенных на рубеже X — XI вв.) между парами кирпичей введены вертикальные полукирпичики. В дальнейшем же происходит как бы слияние этих двух видов техники декорации: на торцах полукирпичиков вырезается узор. В соответствии со свойствами иного, более жесткого материала, узорам этим придаются геометризованные, угловатые очертания, наподобие X или Z, но наряду с тем выполняются и пластично-округленные фигуры С, З-образные, в форме завитка, полубутона и др. Уже в мавзолее последнего саманида Мунтасира (ум. в 1005 г.) в Астана-баба можно видеть ряд вариантов такого рода фигурных резных кирпичиков [19].

[17] E. Cohn-Wiener. Turan. Berlin, 1930, стр. 35; Б. П. Денике. Ук. соч., стр. 14—15.

[18] Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., стр. 178—179.

[19] Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники в селении Астана-баба. КСИИМК, вып. 61, 1956, рис. 19.

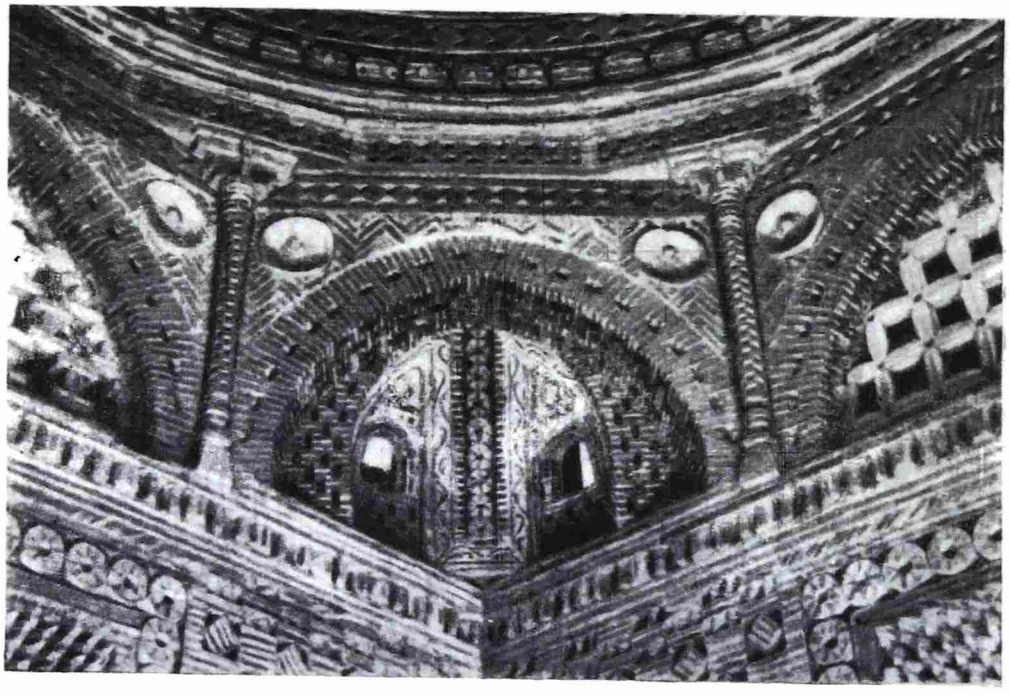


Рис. 9. Подкупольная конструкция мавзолея Саманидов

Помимо обновления приемов архитектурного декора, путем комбинации двух видов строительных материалов, наш памятник знаменует также появление новых конструктивных идей.

Традиционный в раннесредневековом строительстве тромп (сначала — конический полусвод, позднее — сомкнутый полусвод) уже в мавзолее Саманидов получает более развитое решение (рис. 9). Здесь имеется переброшенная перпендикулярно к диагонали помещения подпружная арка, отрезок арки, идущей к ней навстречу от угла, и заполнение криволинейной кладкой пазух, в которых оставлена пара сквозных арочек. В тимском мавзолее (рис. 10) налицо принципиально иная, «нетромповая» конструкция трехлопастного паруса, который пока известен был исследователям по памятникам не ранее XI в. (Дуазды-имам в Иезде 1037 г.[20], мавзолей Абу-Саида в Меана — 1049 г.[21]). Как видим, сложение в Мавераннахре этой конструкции имело место еще в X столетии. Перед нами конструктивный прообраз будущих сталактитовых парусов, развившихся на базе размельчения и несчетного умножения миниатюрных сводиков, сходящихся от пазухи прямого угла к стрелке наружной арки паруса.

Тип угловых колонок в интерьере Араб-ата чрезвычайно близок к колонкам мавзолея Саманидов, генезис которых, как это установлено на основании обширных сравнительных материалов, восходит к формам согдийских деревянных колонн. Но если в мавзолее Саманидов колонка, переведенная в кирпич, притом в настенном варианте, еще сохраняет некий конструктивный смысл, как несущая угловая деталь, то в Араб-ата она уже чисто декоративна. Здесь колонка ни на что не опирается, но как бы подвешена в углах и призвана лишь маскировать переход от восьмик шестнадцатиграннику. Если в саманидском мавзолее импостная капитель еще повторяет волютообразные подбалки деревянных колонн (как показали исследования экспедиции Института искусствознания АН

[20] A. Pope. A Survey of Persian Art. SPA, т. IV, London and New York, 1938. табл. 274.

[21] Г. А Пугаченкова. Пути развития архитектуры..., рис. 48.

УзССР, подобные доныне существуют в народной архитектуре Байсунского района), то здесь волюты заменены фигурными декоративными лепестками, являя прообраз будущих сложно профилированных на концах подбалок поздних среднеазиатских колонн. К XI столетию в ярусе парусов кирпичных сооружений декоративные колонки такого рода уже ис-

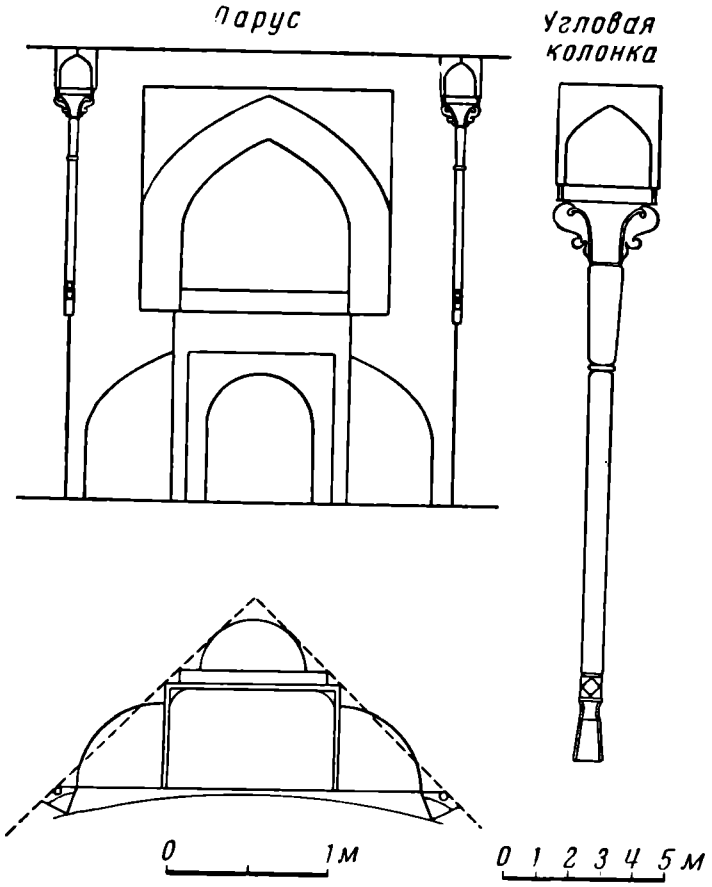


Рис. 10. Конструкция паруса и декоративная кирпичная колонка в мавзолее Араб-ата

чезнут и их заменят прямые лопатки. В среднем узгендском мавзолее последние выведены чередованием тычков трех вертикальных и одного горизонтального кирпича, что придает им вид фигурно оформленных пилястр [22], но в дальнейшем появляются простые П-образные обрамления арок и парусов.

Наиболее интересный, принципиально новый элемент в композиции мавзолея Араб-ата составляет портал. Проблема эволюции этой архитектурной формы сложна и должна составить предмет специального исследования. Отметим лишь, что еще до недавнего времени считалось, будто портал-пештак появляется в Средней Азии лишь с XI в., когда он широко и повсеместно входит в монументальную архитектуру [23]. Во всяком случае, в мавзолейных сооружениях он пока был известен не ранее начала XI в. (мавзолей Мунтасира — 1005 г.).

[22] Б. П. Денике. Ук соч., рис. 8.

[23] Б. Н. Засыпкин даже связывал появление портала с пришествием тюркских династий, считая его характернейшим «тюркским элементом в архитектуре ислама» (см. Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства Советского Востока. Сб. «Художественная культура Советского Востока», М.—Л., 1931, стр. 33).

Генезис пештака не имеет какой-то единственной линии возникновения и развития. В феодальных замках пештак — это парадный укрепленный вход. В постройках полуоборонного характера, каковыми, например, являются придорожные караван-сараи, пештак играет роль укрепленных ворот и, видимо, ведет свое начало от крепостной архитектуры. В мечетях пештак (особенно дворовой портал-айван) являет собой в какой-то мере не только вход, но и монументальный, обращенный в сторону Мекки, отовсюду видимый михраб.

В мавзолеях ни оборонная, ни культовая функция не при чем. Назначение их портала — это выделение главного входа в изолированную от посторонних взоров усыпальницу-гурхану. Это достигается повышением лицевой стены и некоторым выдвижением ее вперед, что позволят развить глубину портальной ниши.

Мавзолей Саманидов, с его кубовидным объемом и четырьмя однотипными фасадами, являет классический пример центрической композиции чартака — четырехарочного купольного киоска. По мнению А. Годара, композиция чартака в архитектуре иранских мечетей восходит к аташкеду — храму огня [24]. Что же касается мавзолеев, то генезис чартака на почве Средней Азии ведет, на наш взгляд, к сооружениям, связанным с доисламскими погребальными традициями. Подтверждением этому служат терракотовые гробики-оссуарии, которые как бы воспроизводят в миниатюре купольные постройки, и некоторые черты древнего изобразительного искусства. Чрезвычайно интересны в этом отношении недавно открытые оссуарии из Мерва. Они дают формы центрических и портальных однокамерных построек, квадратных в плане, увенчанных зубчатыми парапетами и фигурными прорезями, перекрытых куполами, имеющих иногда арочные входы [25].

Архитектурная концепция мавзолея Саманидов восходит к старосогдийской погребальной обрядности, когда тело умершего помещалось в особом киоске или катафалке. На известной росписи Пенджикента, изображающей, как полагают, сцену оплакивания Сиявуша [26], представлен куполообразный киоск, оформленный аркатурами и зубчатым парапетом, фланкированный на углах широкими стойками [27], которые завершены по фасу диском. Композиция эта претерпевает с веками определенную эволюцию, соответственно с изменением архитектурных приемов, форм и самого назначения здания.

Появление мавзолеев в архитектуре средневекового Востока шло вразрез с основными установлениями ислама и связано было с усилением каких-то местных представлений в феодальной идеологии. Самым ранним из известных к настоящему времени монументальных мавзолейных сооружений на мусульманском Востоке был мавзолей халифа ал-Мунтасира Кубба ас-Сулабийя (IX в.); следующим по времени является мавзолей Саманидов в Бухаре. Мавзолей Араб-ата, воздвигнутый в провинциальном горном селении, свидетельствует о том, что саманидская усыпальница не была одиночным явлением и что в X в. возведение мавзолейных сооружений становится в Мавераннахре достаточно распространенным. К началу XI в. мавзолеи получают распространение и в Хорасане.

[24] A. Godard. Les anciennes mosquées de l'Iran. Athar-é-Iran, т. I, ч. II, 1936; его же. Note sur d'anciennes mosquées de l'Iran. «Иранское искусство и археология», стр. 70 сл.

[25] См. С. А. Ершов. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али. Тр. ИИАЭ АН ТуркмССР, т. V, Ашхабад, 1959, табл. 3, *14*, *15*.

[26] М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 111 сл., табл. XIX—XX.

[27] М. М. Дьяконов считал, что деталь эта представляет собой отдельную хоругвь (см. М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 112). В действительности — это деталь самого павильона.

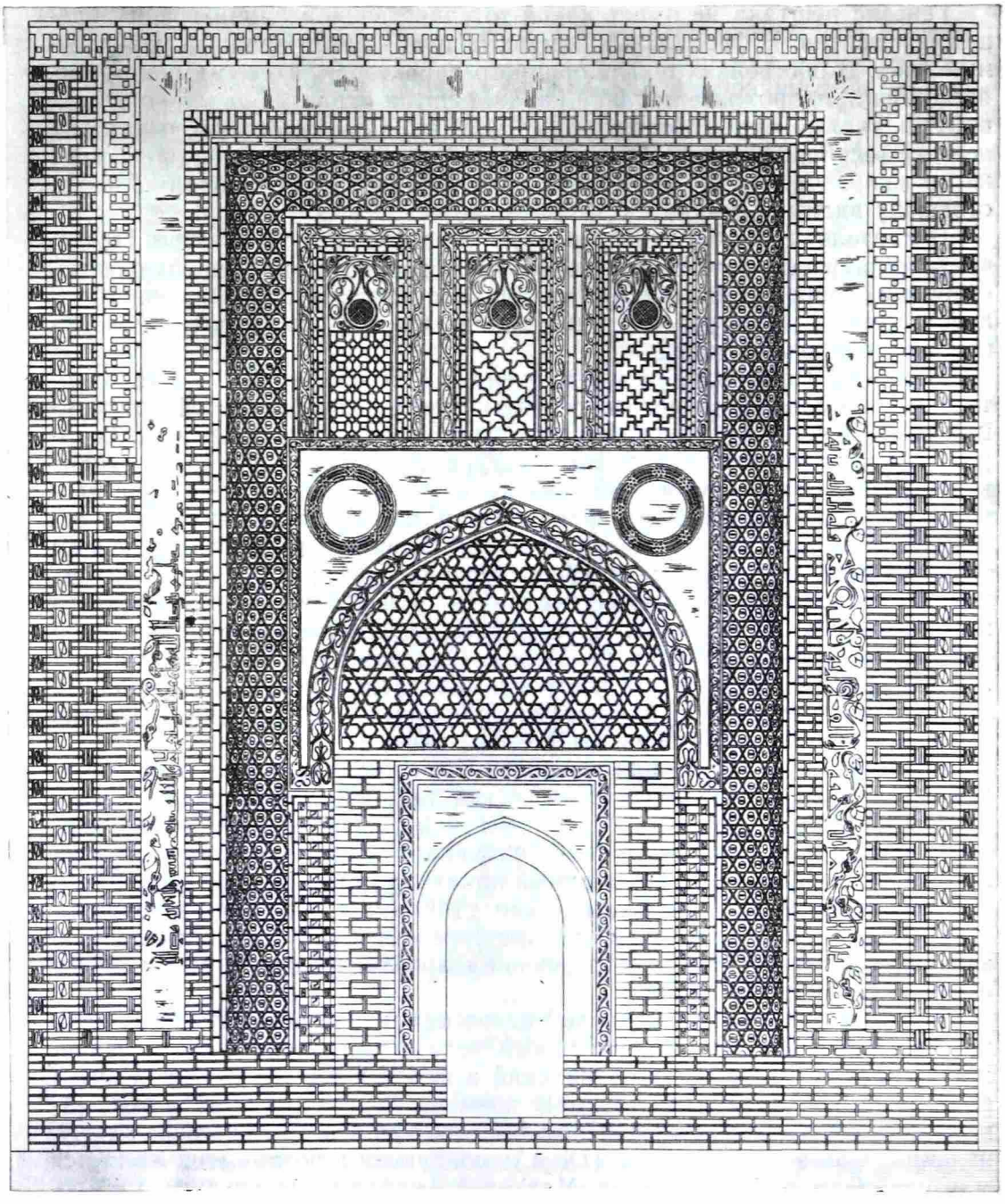


Рис. 11. Главный фасад мавзолея Араб-ата в Тиме. Реконструкция Г. А. Пугаченковой и П. Захидова

Таким образом, именно среднеазиатский мир был областью сложения и развития определенного вида монументальных зданий мусульманского зодчества. Время же Саманидов явилось той порой, когда имело место оформление и центрической, и портальной композиции мавзолейных построек. Мавзолей Саманидов в Бухаре и мавзолей Араб-ата в Тиме дают тому два блестящих образца.

В связи с открытием мазара Араб-ата возникает вопрос о датировке некоторых, сходных по стилю, зданий. Так, мавзолей Мир-Сеид Бахром в Кермине, дату которого помещали в пределах конца X — начала XI в., по-видимому, можно теперь датировать именно X веком, с чем, кстати,

согласуется и характер куфического письма в надписи на порталах [26]. Очевидно, близок по времени и мавзолей Ак-Астана-баба на левобережье Сурхан-Дарьи [29].

Архитектоника портала мавзолея Араб-ата (рис. 11), которую определяет цокольное основание, стрельчатая арка в центре, охваченная системой П-образных рам и угловые встроенные колонки, имеет вполне законченный характер; вплоть до XV столетия ее эволюция пойдет лишь по пути усложнения или видоизменения деталей и возрастания масштабов. Но общность с фасадным решением мавзолея Саманидов дают цоколь, угловые колонки и завершающая аркатура. Однако тип этой аркатуры фактически тоже видоизменен — это уже не карликовая обводная галерея, а трехарочное завершение верха портальной плоскости, которое замкнуто в своих границах системой опоясывающих рам. Кстати сказать, наличие такого рода аркатуры-ревака на портале до сих пор было известно не ранее чем для XV в. (перестроенный портал мавзолея Сейфеддина Бохарзи в Бухаре, мавзолей Абддалаха Ансари в Герате, мечеть в Анау). Совершенной неожиданностью оказался тот факт, что ревак вошел в архитектонику портала уже в X в.

Мавзолей Саманидов являет собой синтез и вершину старосогдийских архитектурных традиций, знаменуя вместе с тем становление нового, иного стиля, соответствующего духу создавшей его эпохи. Мавзолей Араб-ата уже целиком принадлежит этой эпохе, он нов в своих конструктивных, объемно-композиционных и декоративных формах и приемах, он является основополагающим в формировании архитектурных принципов, главная линия развития которых падает уже на XI—XII вв.

При всей немногочисленности выявленных пока памятников архитектуры времени Саманидов, в число которых отныне входит мавзолей Араб-ата, во всех них отчетливо предстают следующие ведущие черты: с одной стороны — связь с древнесогдийской, доисламской художественной традицией, с другой — ее радикальная трансформация и формирование нового стиля. Не то же ли мы наблюдаем и в других сферах культурной жизни Среднего Востока? Ведь именно в эту эпоху появляется «Шах-намэ» Фирдоуси — свод древних сказаний, преображенных гением поэта в классический образец профессиональной поэзии. Ведь это эпоха Абу-Али ибн-Сины, который, постигнув премудрость античной медицины Гиппократа и Галена и огромный опыт медицины раннесредневекового Востока, создает фундаментальный, новый в своем обобщении «Канон» врачебной науки. Идеологические сдвиги, которые затрагивают разные стороны общественного сознания, находят отражение и в сфере архитектурного творчества.

Мавзолей Араб-ата был воздвигнут первоклассным зодчим, по-видимому, приглашенным в маленькое горное селение из какого-то крупного городского центра — Бухары или Самарканда. Но в этой связи невольно возникает мысль — если в глухом районе был создан такой шедевр, то как же великолепна была архитектура самих этих крупных городов!

Мавзолей Араб-ата имеет, таким образом, огромный принципиальный интерес во многих отношениях. Он восполняет очень важное звено в эволюции мавзолейных построек Среднего Востока. Он показывает, что уже в X в. в Мавераннахре оформился тот тип портально-купольной усыпальницы, который сохранится вплоть до начала XV в. и, будучи, наконец, столь высоко художественным памятником, он отныне прочно войдет в ряды лучших созданий средневековой архитектуры Востока.

[28] См. В. А. Нильсен. Мавзолей Мир-Сеид Бахром в Кермине. Сб. «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. 1, М., 1950, стр. 52 сл.; его же. Монументальная архитектура..., стр. 37 сл.

[29] См. Б. А. Литвинский. Архитектурный комплекс Ходжа-Нахшран. Тр. АН ТаджССР, т. XVII, 1953, стр. 131 сл.; Г. А. Пугаченкова. Ак-Астана-баба. СА, 1960, № 3, стр. 323 сл.

С. Н. ОРЛОВ

К ТОПОГРАФИИ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

Если известно, что историю Новгорода на современном этапе невозможно изучать без учета археологических исследований, то тем более без археологии нельзя представить себе топографию города. Топография древнего Новгорода мало известна. Наиболее полная работа И. И. Красова на эту тему была издана более ста лет назад [1]. Последующие труды по топографии касались лишь отдельных районов города [2].

За последние десятилетия проведены значительные археологические исследования в различных частях города. Бурное строительство в городе в послевоенный период дало возможность вести постоянные археологические наблюдения за земляными работами на обширной территории, что позволяет более точно охарактеризовать культурный слой и те сооружения, которые встречаются в нем. Все это в сочетании с опубликованными материалами дает возможность более подробно осветить топографию древнего Новгорода.

В настоящей работе приводятся материалы по топографии участка Неревского конца к северу от кремля, примыкающего к месту раскопок археологической экспедиции под руководством проф. А. В. Арциховского.

В мае-июне 1959 г. на юго-западном углу улиц Тихвинской и Садовой был выкопан котлован под жилой дом. Размеры котлована — 37,5×17 *м* и глубина — 6 м. Толщина культурного слоя на месте котлована достигает 5,5—6 *м*. Котлован разрезал остатки древней каменной церкви и кладбища вокруг нее (рис. 1). Соотношение залегания культурных отложений и остатков церкви с момента ее постройки четко прослеживалось в плане и профилях котлована. Следовательно, установление точной даты дневной поверхности постройки церкви имеет важное значение для датировки нижележащих культурных отложений.

Рассмотрим профиль южной стенки котлована. С поверхности до глубины 0,6—0,7 *м* идет современный мусор и слой мешаной темной земли с битым кирпичом и бутылочным стеклом. Ниже, до глубины 2,5—3 *м*, идет темная мешаная земля со следами строительного мусора, пожаров и остатков многочисленных захоронений [3]. Остатки кладки стен церкви появились на глубине 0,6—0,7 *м* от поверхности. Котлован разрушил целиком остатки северной стены церкви, бóльшую часть западной, северную треть восточной и задел часть абсиды. Полностью разрушены остатки северо-западного опорного столба и задеты столбы юго-западный и северо-восточный. Стены церкви выложены из плит серого и красного известняка на известковом растворе и сохранились до высоты 2,5—2,8 *м*. Ниже четко выступал обрез фундаментов из валунов. Фундаменты под стены прорезают всю толщу культурного слоя — 3,2 *м* до материковой

[1] И. И. Красов. О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1951.

[2] Нельзя считать серьезной попытку А. И. Семенова восстановить топографию территории Славенского конца без учета археологических исследований (см. А. И. Семенов. Древняя топография южной части Славенского конца Новгорода. Новгородский исторический сборник, вып. 9, 1959).

[3] Большинство захоронений находилось в долбленых колодах и относилось, очевидно, к XVI—XVII вв.

глины. Границы траншей четко прослеживались. Устройство фундаментов следующее: дно траншей по материковой глине выстлано бревнами в один ряд. На бревенчатые настилы клали валуны насухо, без раствора, а пустоты заполнялись землей, выброшенной из траншей. Фундаменты под опорные столбы заглублены на 2,5 *м* и лежат также на бревенчатом настиле (рис. 2 и 3).

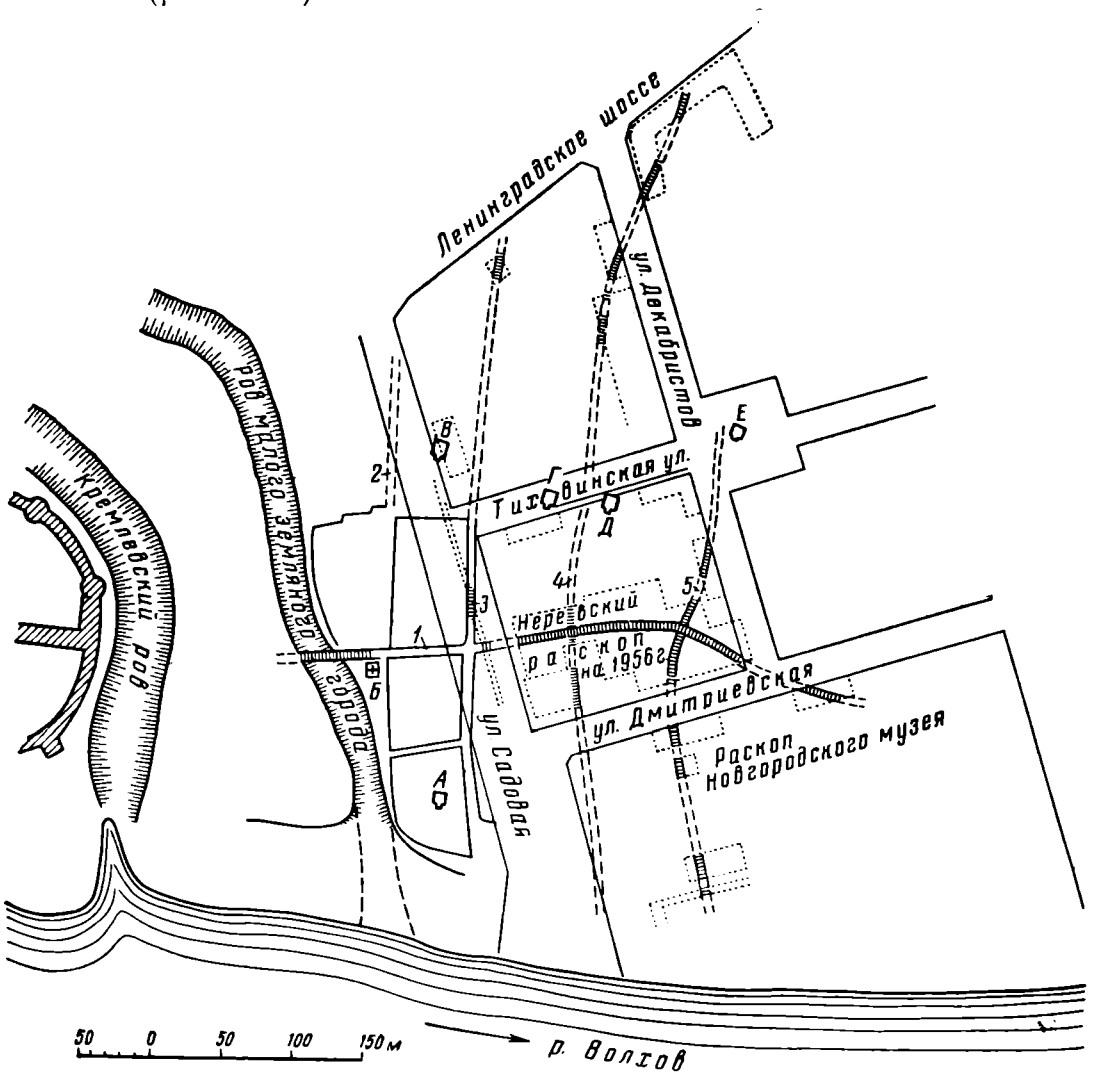


Рис. 1. План основных улиц участка Неревского конца, прилегающего к северной стороне кремля (XV—XVII вв.)

1 — Великая улица; *2* — Щеркова; *3* — Розважа; *4* — Козьмодемьянская; *5* — Холопья; *А* — Никола-Розважский монастырь; *Б* — часовня на месте церкви Сорока мучеников; *В* — церковь Спаса Преображения; *Г* — церковь Козьмы и Демьяна; *Д* — церковь Саввы; *Е* — церковь Козьмы и Демьяна на Холопьей улице

Дневная поверхность постройки церкви определяется обрезом фундамента и началом кладки. Они находятся на 3,2 *м* выше поверхности материка. Характер культурного слоя на этом уровне после постройки церкви резко изменился. Это видно на всех стенках котлована. До возникновения церкви на этом месте шла обычная городская жизнь. В культурном слое мы видим остатки построек из дерева, настилов, прослойки навоза, пожаров, кости животных, обрезки кожи и разные бытовые предметы. С момента же постройки церкви бытовые остатки перестали здесь отлагаться, и дальнейшие отложения состоят в основном из строительного мусора, смешанного с гумусом могильных ям. Уровень древней поверхности

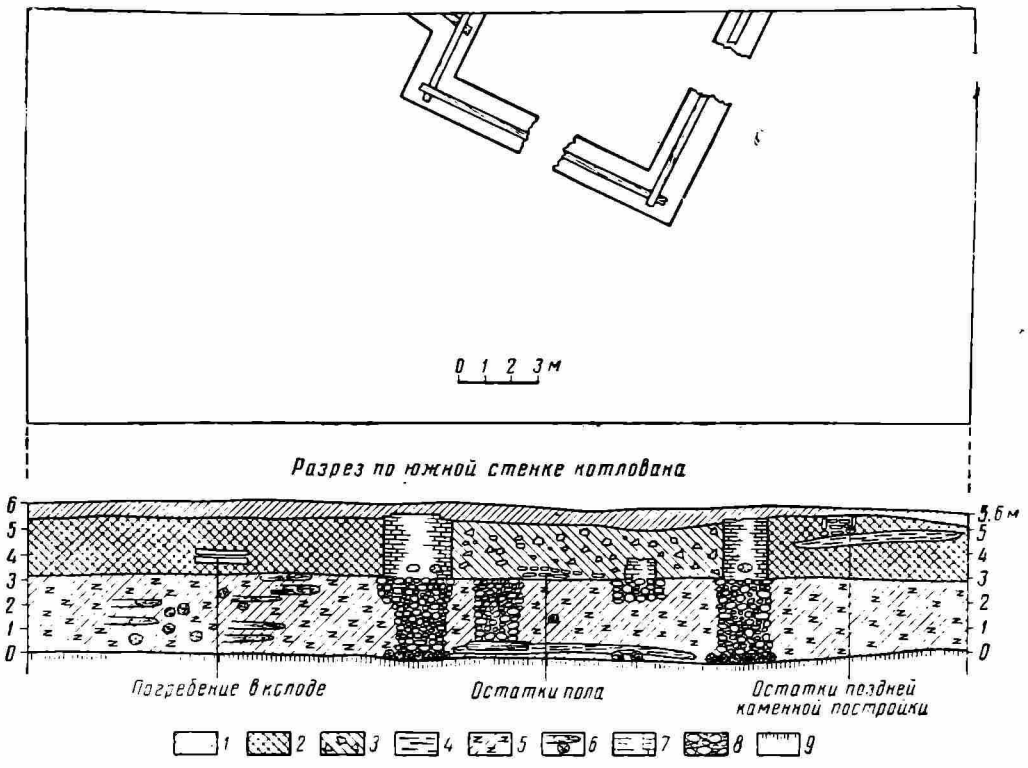


Рис. 2. План и разрез котлована по ул. Садовой и остатки церкви

1 — современный мусор; *2* — мешаная земля; *3* — развал здания; *4* — глина; *5* — культурный слой со щепой и деревом; *6* — каменная кладка; *7* — валуны; *8* — материковая глина; *9* — материк

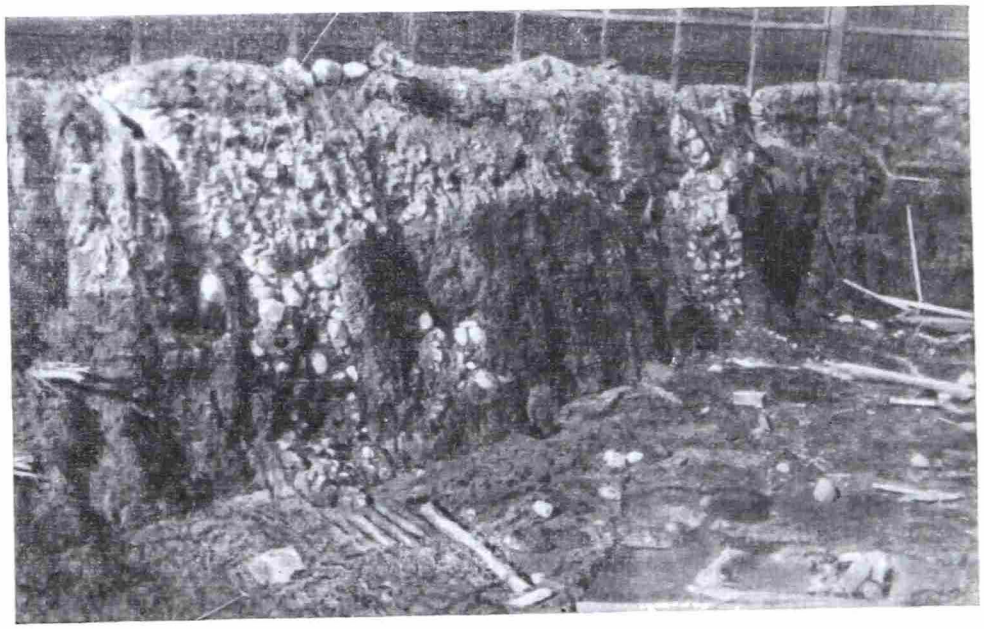


Рис. 3. Обрез южной стенки котлована на углу Тихвинской и Садовой улиц с остатками церкви и фундамента

времени постройки церкви определяется и остатками сохранившегося пола. Первоначальный пол церкви состоял из больших известняковых плит, которые были положены непосредственно на поверхность земли с небольшой подсыпкой. Уровень этого пола лишь на 10—15 *см* выше обреза фундаментов. Позднее поверх пола из плит был настлан пол из кирпича. Кирпичи из пола имеют размеры 22×11×6 *см*, 23×10,5×6 *см*.

Таким образом, точное определение даты постройки церкви, остатки которой обнаружены в котловане, даст возможность датировать всю толщу культурных отложений, лежащих ниже древнего пола и обреза фундаментов здания. Но, чтобы определить дату постройки, необходимо установить, какой из многочисленных церквей, находящихся в этом районе, принадлежат открытые остатки. Для этого необходимо привлечь не только археологические, но и письменные источники. Замечательным документом по топографии этого района является план конца XVII в., изданный Б. Д. Грековым [4]. На плане изображены часть стены малого земляного города со рвом и прилегающие к нему с севера улицы: Щеркова, Розважа, Козьмодемьянская и частично видна Холопья. На плане указаны Николо-Розважский монастырь, место церкви Сорока мучеников [5] и приложена подробная опись Николо-Розважского монастыря и прилегающих к нему дворов с указанием точных расстояний. Изучая в натуре этот район и используя наряду с письменными источниками результаты археологических исследований и наблюдений за земляными работами в Неревском конце, мы имеем возможность полностью восстановить планировку улиц и местоположение церквей в этом районе города. Остатки рва и берегового бастиона малого земляного города, изображенные на плане, сохранились до настоящего времени (рис. 1). Улицы Великая, Холопья и Козьмодемьянская, открытые Неревским раскопом [6], зафиксированы в раскопках Новгородского музея [7] и при наших наблюдениях за земляными работами. Причем направление Великой улицы в натуре прослежено на протяжении около 300 *м* (рис. 1). Опись плана из работы Б. Д. Грекова точно определяет местоположение Николо-Розважских ворот в малом земляном городе, куда подходила Великая улица. В описи даются все расстояния участка между Великой улицей и Волховом и между рвом малого земляного города и улицей Розважей [8]. Нанеся эти размеры на современный план, мы можем получить направление указанных в плане улиц. Улица Розважа по описи с северной стороны примыкает к ограде Розважского монастыря. Ее направление полностью совпадало с зафиксированными нами остатками мощеной улицы в траншее на улице Садовой и в котловане септика во дворе дома № 1 по Ленинградскому шоссе (рис. 1). Таким образом, направление древней улицы Розважей прослеживается на расстоянии 400 *м*.

В 20 *м* на юг от Розважей и обнаружены остатки церкви. В IV Новгородской летописи под 1421 годом имеется следующая запись: «...Того лета Василий Филиппович и Лукиан Ончифорович поставили Спас на Рожважи улицы» [9]. Обнаруженные остатки церкви и принадлежат, очевидно, к этой постройке. Для подтверждения данного вывода рассмотрим

---

[4] Б. Д. Греков. План части Новгорода конца XVII в. Л., 1926. В писцовых книгах Новгорода этот район пропущен и в опись не вошел. См. В. В. Майков. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.

[5] Церковь Сорока мучеников к этому времени уже не существовала, и на ее месте на плане изображена часовня.

[6] Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 5.

[7] Т. М. Константинова. Археологические работы Новгородского музея в послевоенный период. Новгородский исторический сборник, вып. 9, 1959, стр. 111. (К сожалению, чертеж опубликован без привязки к сетке улиц города).

[8] Б. Д. Греков. Ук. соч., стр. 19 сл.

[9] Новгородская IV летопись, ч. I, вып. 2, Л., 1925, стр. 431; ПСРЛ, т. VI, СПб., 1889. На некоторых планах XVIII в. Розважа называлась Спасской по названию церкви. На плане 1778 г. на месте церкви Спаса показана часовня.

дополнительные материалы из наблюдений за земляными работами в этом районе. Так, например, траншея, проведенная вдоль восточной стороны Тихвинской улицы, разрезала остатки еще двух каменных церковных зданий. На расстоянии 55 *м* от северо-восточного угла улиц Тихвинской и Декабристов траншея разрезала остатки фундамента каменной церкви, задев ее юго-западный угол (рис. 1). Траншея имела глубину 2 *м*, культурные отложения здесь уходят ниже этой глубины, а поэтому она не раскрыла всю толщу фундаментов церкви [10]. По обе стороны церкви в культурном слое наблюдались остатки захоронений. К северу от места пересечения траншеи с остатками церкви захоронения наблюдались на расстоянии 12 *м* и к югу — на расстоянии 5 *м*. Погребения, как правило, встречались в долбленых колодах, сверху обвернутые листами бересты, и залегали на глубине 1,5—2 *м* от поверхности. По обе стороны остатков разрезанных фундаментов церкви наблюдался развал щебня от красного ракушечника и кирпича. Кирпич имел размеры 27×14×5,5 *см*. К югу слой развала ракушечника тянулся на расстояние 10 *м*, а к северу — на расстояние 8 *м*. Погребения встречались ниже слоя развала ракушечника.

В 10 *м* к югу от остатков церкви траншея разрезала остатки мощенной деревом улицы, идущей от реки на северо-запад. Первая мостовая сверху наблюдалась на глубине 1,1 *м* от поверхности. Сохранность мостовых очень плохая. До глубины 2 *м* прослеживалось пять ярусов мостовых (рис. 1). К югу от мощеной улицы траншея вновь врезалась в слой развала щебня из красного ракушечника и кирпича. Этот слой залегал на глубине 0,6 *м* от поверхности, под поздними отложениями, и имел толщину 0,7—0,8 *м*. Кирпич из этого слоя имел следующие размеры: 13×5 *см*, 14×7,5 *см*, 14×8 *см*, 14×5,5 *см*. В изломе кирпич имел красный, однородный обжиг. Ниже слоя ракушечника залегает темно-коричневый перегной с органическими остатками.

На расстоянии 28 *м* от южной стены первой церкви траншея врезалась в остатки второй каменной церкви. Дальше этого пункта траншея не шла, и периметр церкви удалось установить благодаря котловану, вырытому здесь вдоль восточной стороны Тихвинской улицы. Котлован не разрезал остатков церкви, но на большой площади разрушил старое кладбище (рис. 1).

Траншея частично обнажила остатки северо-восточного угла церкви. В профиле траншеи наблюдалась следующая стратиграфия: с поверхности до глубины 0,7 *м* шел темно-серый перегной с наличием битого кирпича, ниже выступала кладка стены из серой и красной известняковой плиты с наличием отдельных валунов, на глубине 1,2 *м* от поверхности выступал фундамент из валунов. Глубже двух метров траншея не шла.

В котловане, к востоку и к югу от местонахождения церкви, наблюдались остатки обширного кладбища. К югу от церкви погребения встречались сплошной массой на расстоянии 25 *м* и к востоку — на расстоянии 16 *м*. Погребения были в колодах, обвернутые берестой в несколько рядов. Стратиграфия этого участка хорошо видна на профиле западной стенки котлована. С поверхности до глубины 0,2 *м* идет современная булыжная мостовая, а под ней залегает слой перемешанного темного перегноя, толщиной в 1 *м*, с наличием битого кирпича. Ниже залегает слой чистой красной глины толщиной 0,4—0,5 *м*. Слой глины начинается в 5 *м* к югу от церкви и тянется на расстояние 20 *м*, до южного конца древнего кладбища. Оба эти слоя не содержат погребений. Ниже слоя глины идет слой темного перемешанного перегноя с наличием в нем кирпичного боя и большого количества погребений. Этот слой имеет толщину 0,9—1 *м*. Ниже выступает слой темно-коричневой массы с органическими остатка-

[10] Позднее археологическая экспедиция под руководством проф. А. В. Арциховского раскрыла половину периметра церкви и установила размеры здания и основание залегания фундаментов.

ми. К востоку от церкви кладбище распространялось на 15—16 *м*, и скелеты залегали в слое перемешанного гумуса со строительным мусором с глубины 1—1,1 *м* до глубины 2—2,2 *м* от поверхности.

При сравнении остатков обнаруженных церквей с планами XVIII в. ясно видно, что мы имеем остатки церквей Саввы и Козьмы и Демьяна. Между церквями проходит Козьмодемьянская улица [11]. Козьмодемьянская улица обнаружена в раскопе проф. А. В. Арциховского [12]. При наблюдениях за земляными работами к востоку и западу от остатков церквей данная улица прослежена нами на протяжении 450 *м* (рис. 1).

Правильность наших выводов относительно плана расположения улиц и названия обнаруженных остатков церквей подтверждается письменным документом XVII в. Документ представляет собой опись каменных построек и пустырей Софийской стороны Новгорода 1632 года [13]. Опись отмечает все каменные церкви, описанные нами выше, с указанием основных координат по отношению древних улиц и расстояний между зданиями. Те и другие показатели описи совпадают с нашими выводами. Ниже приводим выдержки из описи 1632 г.

«Монастырь Никольской на Разваже, а в нем церковь Николы чудотворца, каменная, стоит против земляного меньшого валу, что от реки Волхова у самого рва (разрядка наша.— *С. О.*)» (лист 176). «У земляного, у меньшого вала, у Никольских у разважских ворот, у самого рва церковь каменная четыредесят мученик» (лист 178).

«...От земляного ж от меньшого валу, от другово быка, что меж разважских и чудинцовских ворот к земляному к большому валу до пустые до каменные церкви до Преображения господня, что на пустой на Щирковой улице, по пустым по огородным, местам, 56 сажен. А от тое церкви, от Преображения господня до пустых до каменные церкви Козмы и Демяна пустого места 26 сажен. А от пустые церкви Козмы и Демяна через пустую улицу Кузьмодемьяновскую до каменные церкви Савы, отца священного, 11 сажен... А от пустые церкви Савы освященного до пустые до каменные церкви Козмы и Демяна, что на Холопьей улице, по пустым по огородным местам 35 сажен» (лист 181) [14].

Таким образом, приведенные здесь материалы дают прочную основу для выявления планировки данного участка города не только на 30-е годы XVII в., но и на более ранние периоды.

---

[11] А. В. Воробьев. План Новгорода 1762 г. Новгородский исторический сборник вып. 9, Новгород, 1959, стр. 75—80.

[12] Тр. Новгородской археологической экспедиции, т. II, рис. 1.

[13] Опись обнаружена архитектором А. В. Воробьевым в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (ф. 141, д. 20, приказные дела старых лет, лл. 176—191) и полностью публикуется им в «Новгородском историческом сборнике», № 10. Автор приносит глубокую благодарность архитектору А. В. Воробьеву за предоставленную возможность использовать данный документ.

[14] ЦГАДА, ф. 141, д. 20, лл. 176—181.

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ, П. А. ТРОХИМЕЦ

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ БЕЛОЙ ЦЕРКВИ

Белая Церковь является одним из древнейших городов на территории древней Руси; с нею многие исследователи не без оснований связывают летописный Юрьев, бывший крупным городским центром Поросья уже в XI—XII вв. К сожалению, сведения о Юрьеве — Белой Церкви, содержащиеся в письменных источниках, чрезвычайно скудны, а археологические материалы по истории этого древнерусского города до недавнего времени отсутствовали.

Даже локализация Белоцерковского городища эпохи Киевской Руси вызывала разногласия. Летописный Юрьев искали то на так называемой Палиевой горе, расположенной в нескольких километрах к западу от современного города, на правом берегу Роси, против парка Александрия, то в устье р. Ротка, на восточной окраине города и т. д.

Лишь в 1949 г. были получены более точные данные для определения местоположения городища эпохи Киевской Руси в Белой Церкви. Как выяснилось в результате земляных работ, это городище находилось в самом центре современного города, на Замковой горе, возвышающейся над Росью. Данные, опубликованные О. И. Богдановым [1], показали, что на самой горе под слоем XVII—XVIII вв. (и более позднего времени) имеется слой эпохи Киевской Руси, а у подножья горы были найдены следы поселения, которое, очевидно, должно быть определено как торгово-ремесленный посад, окружавший кремль или детинец города.

Б. С. Бутник-Сиверский опубликовал архивные материалы, позволяющие предполагать, что на Замковой горе в домонгольское время имелась церковная постройка [2]. Это обстоятельство подтверждает, что именно здесь находилось древнерусское городище, известное как летописный Юрьев.

Летом 1957 г. в связи с крупными строительными работами был получен новый обширный материал, проливающий свет на материальную культуру древнерусского городища на Замковой горе. Трасса строящегося шоссе прошла через среднюю часть городища, в результате чего культурный слой на всю ширину дороги (около 12 *м*) был полностью снят на глубину до 3 *м*.

Наблюдение над земляными работами было осуществлено силами сотрудников местного Краеведческого музея [3]. В результате наблюдений удалось обнаружить ряд археологических объектов, относящихся ко времени Киевской Руси и более позднему времени (XVII—XVIII вв.). Наибольший интерес представляют памятники, характеризующие городище домонгольского времени.

---

[1] О. І. Богданов. Нові дані про древньоруське місто Біла Церква. Археологія, т. VI, 1952, стр. 133—134.

[2] Б. С. Бутник-Сиверский. О городе Белая Церковь. СА, 1958, № 2, стр. 263—267.

[3] В наблюдениях принимали участие С. Я. Дука, В. Р. Сербиенко, Н. В. Ткачук, П. В. Чаленко, под руководством директора музея П. А. Трохимца; в конце работ на этом городище побывал М. Ю. Брайчевский.

На северном краю горы были обнаружены остатки фортификационных сооружений городища. Это были вал, ныне полностью срытый, и ров глубиной около 3 *м*, засыпанный землей, содержащей культурные остатки разного времени. Кроме того, были вскрыты остатки квадратной в плане полуземлянки эпохи Киевской Руси, частично задетой котлованом дороги, и четыре хозяйственные ямы, круглые в плане, из которых одна, вероятно, непосредственно связана с полуземлянкой, составляя с нею единый жилищно-хозяйственный комплекс. Ввиду того что планомерные раскопки нами не производились, выяснить конструкцию названных сооружений не удалось.

Все отмеченные объекты дали значительный и разнообразный вещевой материал. Ряд заслуживающих внимания находок удалось более или менее точно увязать с тем или иным объектом.

Так, например, в полуземлянке, над развалом очага или печи, были найдены обломки медного котелка, среди которых оказалось много обгорелого проса или пшена. Здесь же были найдены: трубчатый замок, обломок серпа (?), железный наконечник стрелы, обломок железной пряжки, обломки сосудов, среди которых есть несколько черепков архаичного облика, возможно, относящихся к IX—X вв.

Из хозяйственной ямы II, по-видимому, связанной с полуземлянкой, происходит также довольно разнообразный инвентарь: посуда, характерная для эпохи Киевской Руси (в том числе — немного архаичной), три железные оковки для заступов, железный нож, медный пластинчатый браслет, два обломка стеклянных браслетов, костяной стиль, орнаментированная костяная ручка от ножа и обломки каменных жерновов. Любопытную находку представляют собой обгорелые остатки пшена и овса и куски железной руды.

Кроме того, с указанными двумя объектами (скорее всего — с ямой) связаны находки следующих железных вещей: наральника, чересла, топора, подковок от обуви, шпоры, колечка или обоймицы.

В яме I, расположенной близ ямы II, несколько ближе к склону берега р. Рось, найдены обломки сосудов эпохи Киевской Руси (в том числе архаичные), а также свинцовая гиря (?), серебряное колечко, глиняное пряслице и большой кусок красной меди, служивший, по-видимому, сырьем для ювелирного производства. В двух остальных ямах, относившихся в эпохе Киевской Руси, были найдены только обломки сосудов.

Кроме того, было найдено некоторое количество отдельных вещей вне комплексов, датирующихся тем же временем.

Приводим описание найденных на городище вещей, в настоящее время хранящихся в Белоцерковском краеведческом музее.

В подавляющем большинстве своем это — обломки глиняной посуды, преимущественно горшков, характерных для культуры Киевской Руси форм. Изготовлены все они на гончарном круге из хорошо обработанной, плотной глины с примесью песка, как правило имеющей слоистую структуру; стенки тонкие, цвет в большинстве случаев светло-серый почти белый; но часто встречаются и отклонения (черные, темно-серые, бурые, желтоватые, красноватые, розовые черепки). Равномерность цвета и плотность черепка свидетельствуют о достаточном и равномерном обжиге. Очень часто поверхность оказывается закопченной, что является результатом хозяйственного использования керамики.

Эти горшки обычно имеют высокие закругленные плечики, с венчиком, отогнутым наружу и в большинстве случаев имеющим характерный круговой валик по краю (рис. 1, *1, 2, 9, 10*). Орнамент — линейный, волнистый, ногтевой; иногда встречается сочетание разных видов орнамента на одном и том же черепке (рис. 1, *1, 2, 4, 7—10*).

Кроме горшков, найдены обломки характерных для посуды Киевской Руси мисок, с четко выраженным перегибом бочка и петельчатой ручкой

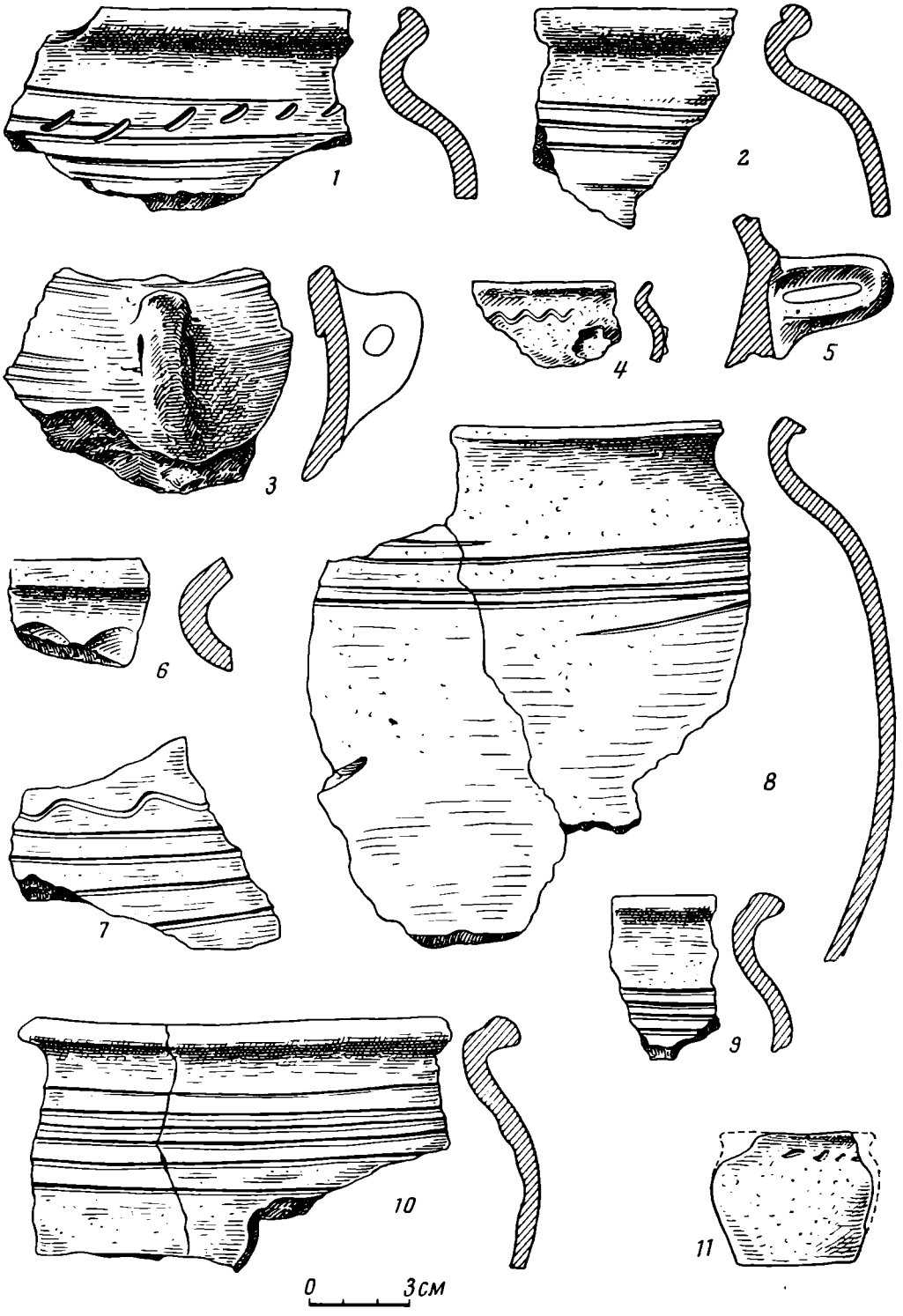


Рис. 1. Керамика

(рис. 1, *5*). Интересны два миниатюрных горшочка, найденные в полуземлянке (рис. 1, *4, 11*).

Днищ, отмеченных клеймами, найдено только два (рис. 2). Одно, сохранившееся полностью, имеет клеймо, представляющее собой усложненный вариант формы колеса со спицами. Другое, уцелевшее частично, помечено клеймом в форме простого трезубца («знак Рюриковичей»). Первое представляет собой случайную находку, а второе было найдено в полуземлянке. Кроме того, имеется еще одно днище с явными признаками клейма, но настолько плохо сохранившегося, что нельзя судить о его форме.

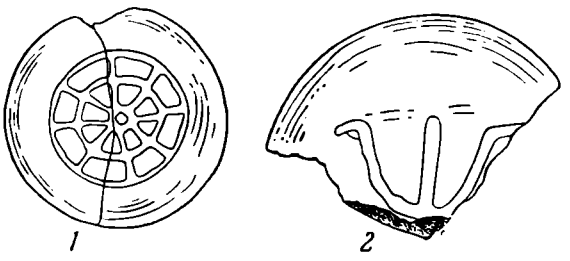


Рис. 2. Днища сосудов с клеймами

Среди случайных находок следует отметить обломок амфоры-корчаги розово-палевого цвета, с рифленой поверхностью и обломок корчажца киевского типа с характерным треугольным ушком (рис. 1, *3*).

Особо следует сказать о небольшой группе обломков сосудов, по ряду признаков довольно архаичных, возможно относящихся к X, а быть может и к IX в. (рис. 1, *6, 8*). Это — обломки горшков, отличающихся по форме от характерных для эпохи Киевской Руси (XI—XIII вв.). Они имеют более округлое тулово, приближающееся к яйцевидной форме, широко распространенной в керамике первой половины и середины I тысячелетия н. э.; венчик более простой, ребристый (срезанный). Глина отличается относительно большей грубостью, с более крупной примесью; выделка более небрежная, стенки не столь ровны и отличаются относительно большей толщиной. Орнамент — линейный и волнистый. Отдельные обломки сосудов данной группы по своим технологическим признакам очень напоминают одну из характерных групп посуды черняховской культуры — гончарную, изготовленную из глины с примесью крупного песка. Находки такой посуды были сконцентрированы преимущественно в полуземлянке и двух ямах (I и II).

Из глиняных изделий необходимо отметить еще одно пряслице (яма I; рис. 3, *6*).

Довольно много найдено железных изделий, среди них — орудия производства: наральник от широколезвийного плуга с горизонтально скользящим ползуном типа, широко распространенного в памятниках Киевской Руси[4] (рис. 4, *2*). Его характерной особенностью является то, что плечики лезвия шире втулки. Изготовлен наральник из массивной железной пластины треугольной формы способом, при котором загибаемые края втулки отрубались от плечиков лезвия. На внешней стороне посредине, для большей прочности, наварена продольная пластина. Чересло обычной формы, по-видимому, составляло часть того же плуга (яма II, рис. 4, *5*). К орудиям относятся и обломок серпа (?) — довольно массивного режущего орудия с изогнутым лезвием (полуземлянка), и три оковки от заступа — (целая и в обломках) — типа, широко известного в памятниках домонгольской Руси[5] (рис. 4, *4*), сделанные из двух изогнутых пластин, сваренных вместе внешними краями (найдены в яме II). Проушной топор (рис. 4, *1*) принадлежит к первому типу древнерусских топоров

---

[4] В. И. Довженок. До питання про техніку орного землеробства на півдні древньої Русі. Археологія, т. IV, 1950, стр. 9—26.

[5] Например, в материалах Райковецкого городища. (См. В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950).

по классификации А. А. Спицына[6] (яма II). Найдено также несколько железных предметов бытового назначения: большой железный нож с черенком (яма II; рис. 4, *3*); трубчатый замок — обычной для культуры Киевской Руси конструкции, с медными обкладками (полуземлянка); обоймица, свернутая из узкой пластинки с несомкнутыми концами (яма II); два железных кольца — круглых в сечении, диаметром 3, 5 и 3 *см;* обломок железной пряжки с овальным кольцом и укрепленным на нем язычком — сохранилась половина кольца и язычок (полуземлянка 5;

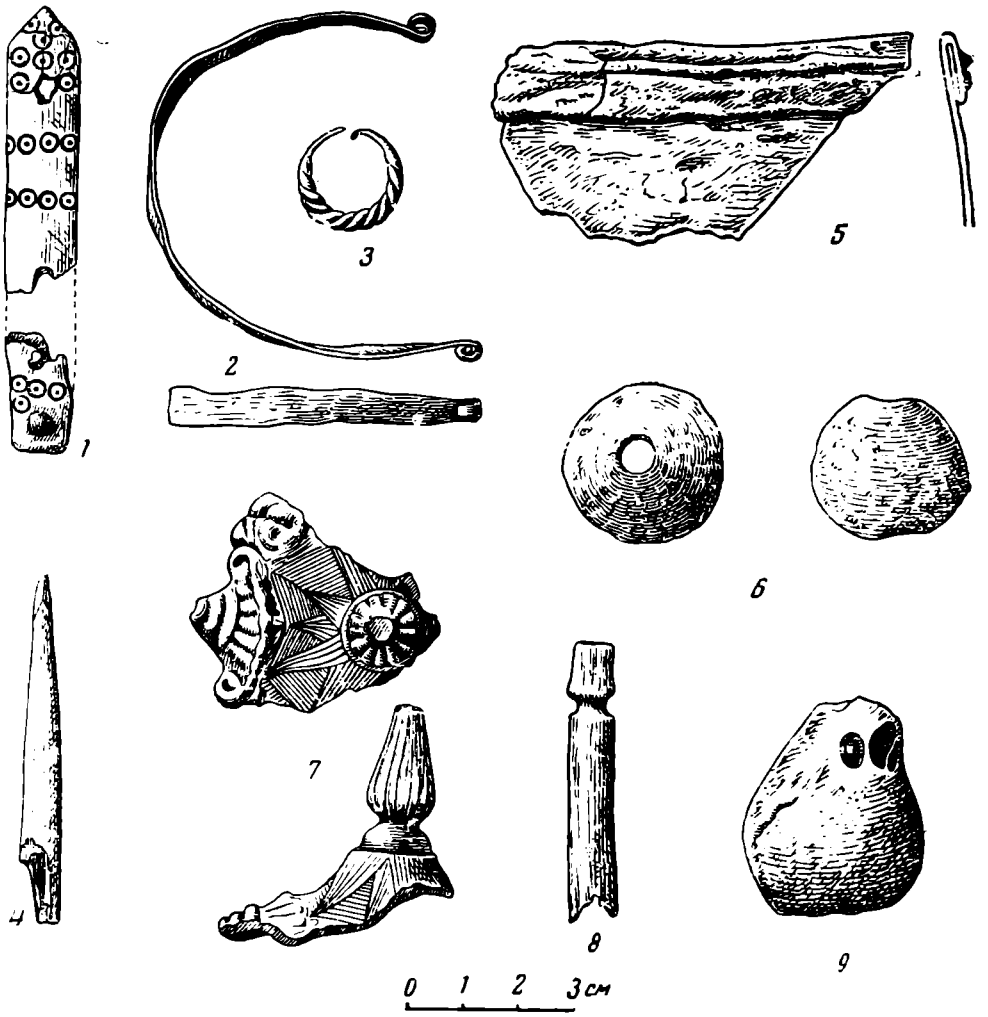


Рис. 3. Изделия из металла, кости, дерева и глины

рис. 5, *5*); железные подковки для обуви (5 экз.) в виде полукруглой дужки с тремя шипами для укрепления на каблуке, являющиеся характерным предметом в комплексах культуры Киевской Руси[7] (рис. 5, *4*).

Из предметов вооружения найдены только наконечник стрелы ромбической формы, с черешком (рис. 5, *2*; полуземлянка) и шпора (рис. 5, *3*), настолько деформированная ржавчиной, что форма ее угадывается с большим трудом (яма II).

Несколько находок представляют собой предметы украшения и ювелирные изделия из цветных металлов: серебряный перстенек — ложновитой,

[6] А. А. Спицын, Курганы С.-Петербургской губ. в раскопках Ивановского. СПб., 1896, стр. 31.

[7] Например, при раскопках в Чернигове В. А. Богусевичем были найдены такие подковки, еще державшиеся на каблуках.

с узкими несомкнутыми концами (яма I; рис. 3, *3*), бронзовый (или медный) браслет — пластинчатый, с несомкнутыми концами, свернутыми в трубочки (яма II; рис. 3, *2*). Чрезвычайно интересную находку представляет обломок небольшого свинцового настольного подсвечника довольно редко встречаемого среди древностей эпохи Киевской Руси (рис. 3, *7*). Подсвечник литой, богато украшен рельефным орнаментом,

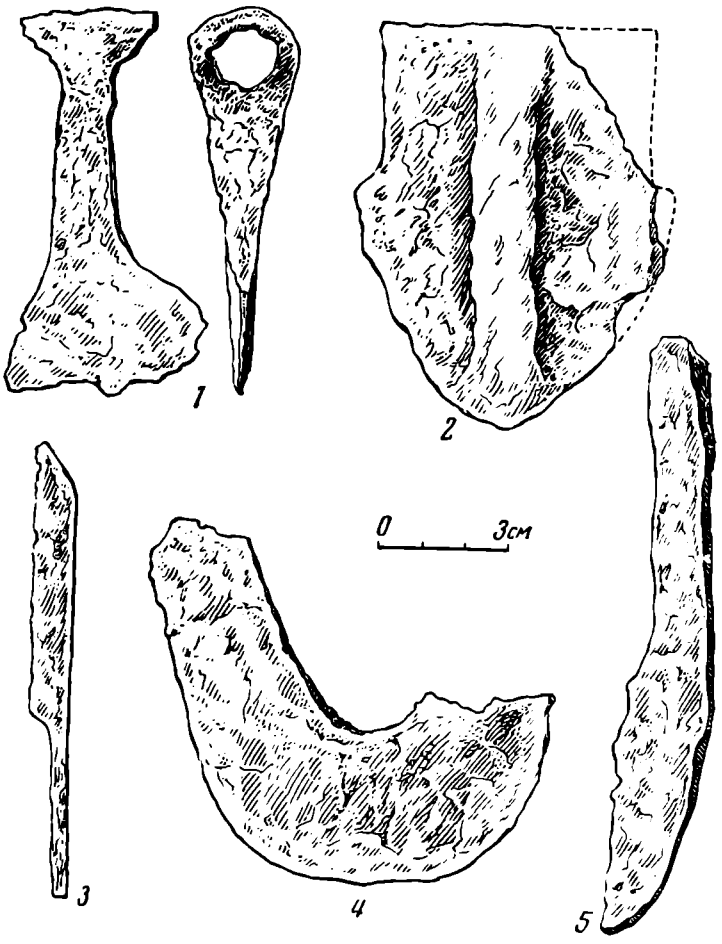


Рис. 4. Железные орудия производства

образующим довольно сложные узоры и композиции. Весьма вероятно, что этот предмет западноевропейского происхождения (отдельная находка).

Кроме того, большой интерес представляют также обломки медного (или из очень низкопробного серебра) котелка, найденные в полуземлянке с обгорелыми остатками пшена (рис. 3, *5*). Форма сосуда не установлена; в частности, неизвестным остается характер днища. Венчик совершенно прямой и почти вертикальный (с небольшим отклонением внутрь). Край его образован втрое согнутым верхом тулова. Очевидно, котелок имел какие-то железные детали (скорее всего — ручку), поскольку венчик оказался покрытым железной ржавчиной, прикипевшей к поверхности медной пластинки; толщина стенок котелка не превышает 1—1,5 *мм*. Наконец, следует отметить еще две любопытные находки — бесформенный кусок красной меди весом 1,9 *кг* (яма I) и кусок свинца, имеющий довольно определенную грушевидную форму, правда, с некоторыми выщерблинами (рис. 3, *9*). В верхней его части имеется несколько сквозных дырок, отчасти напоминающих ушки; можно предположить, что эти дырки не слу-

чайны и служили для привешивания, а сам предмет представлял собой нечто вроде боевой гири, либо гири от кистеня (яма I).

Костяных предметов найдено только два: это — ручка ножа (рис. *3, 1*) из двух отдельных костяных пластинок, украшенных циркульным орнаментом (яма II), и обломок костяного стиля хорошо отполированного, с характерным трехгранным концом (рис. 3, *4*).

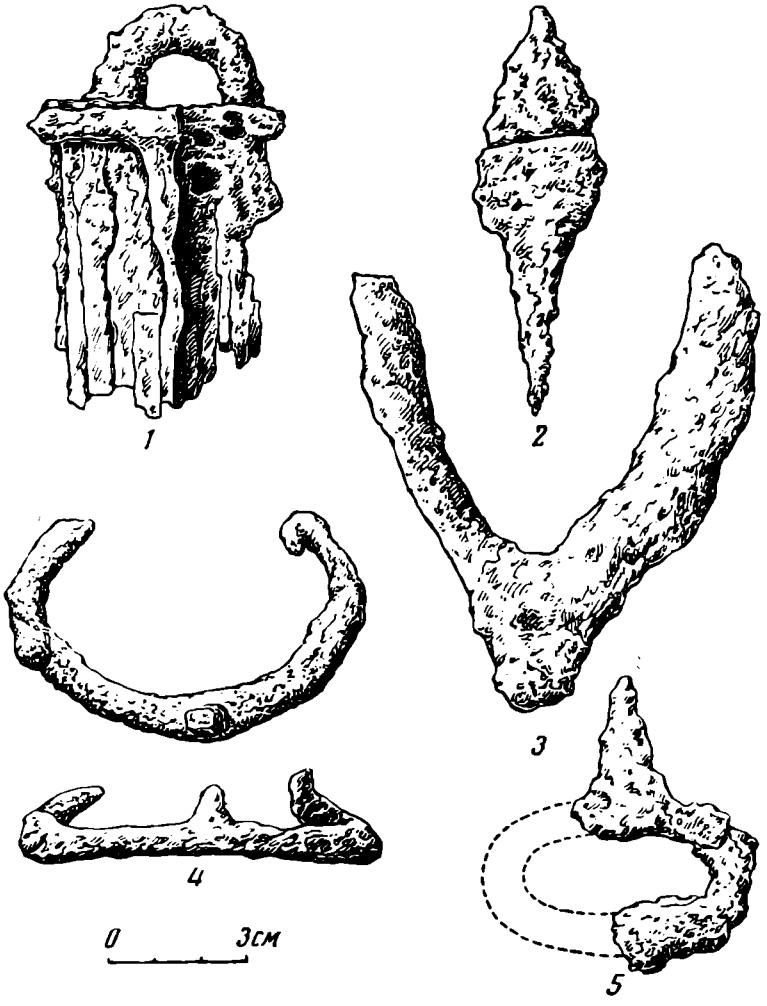


Рис. 5. Железные предметы

Из стеклянных изделий найдено только два обломка браслетов (яма II). Один из них — зеленый со следами витков; другой — совершенно гладкий, сине-зеленый, покрытый налетом серо-зеленого цвета.

Каменные изделия среди белоцерковских находок 1957 г. представлены четырехгранным точильным бруском и обломками жерновов. Последние найдены в большом количестве и в разных местах, в том числе — в яме II. Лишь в одном случае из десяти кусков удалось собрать один целый камень — около 0,5 *м* в диаметре и 3—4 *см* в толщину.

Остается отметить еще одну находку. Это — обломок деревянной палочки, полой внутри, с вырезанным круговым перехватом для привязывания в верхней части (рис. 3, *8*). Сохранность вещи объясняется ее пропитанностью минеральными солями.

Большой интерес представляют строительные остатки, обнаруженные в ряде мест. Это — куски обожженной глины от обмазки, и изредка — с отпечатками деревянных конструкций (следует отметить, что иногда

трудно отличить печину эпохи Киевской Руси от более поздней). Особо важны обнаруженные на городище кирпичи эпохи Киевской Руси, куски цемянки и обломки декоративных поливных плиток.

Плинфа представлена двумя находками. В одном случае — это целый кирпич размерами 26 × 19 × 4 (4,5) *см*³, а в другом — обломок толщиной в 4 *см*.

От декоративных плиток найдено шесть обломков, к сожалению, небольших размеров. Все они покрыты поливой зеленого цвета, различной сохранности — иногда она достаточно яркая, но в некоторых случаях потускнела.

Строительные остатки домонгольского времени, обнаруженные на Белоцерковском городище, представляют исключительный интерес как свидетельство наличия здесь в эту эпоху каменной постройки. Что собой представляла эта постройка, судить трудно. Но в связи с этими находками получают новое дополнительное освещение сведения, опубликованные Б. С. Бутник-Сиверским [8], относительно наличия на Замковой горе в Белой Церкви остатков каменной церкви домонгольского времени, которые были еще видны в XVIII в. Если эти сведения правильны, местоположение церкви, о которой идет речь (в усадьбе костела), определяется весьма близко от места, где происходили земляные работы в 1957 г. (трасса дороги проходит в нескольких метрах от зданий костела), и, следовательно, более чем вероятно, что плинфа, цемянка и обломки плиток, найденные в 1957 г., действительно относятся к этой церкви. В то же время сами по себе эти находки могут рассматриваться как косвенное подтверждение гипотезы Бутник-Сиверского относительно принадлежности описанной им церкви к эпохе Киевской Руси [9].

Таковы материалы, полученные в результате наблюдения над земляными работами, производившимися в 1957 г. на городище Замковая гора в Белой Церкви.

Находки органических веществ в обгорелом виде (например, зерна), а также наличие многочисленного и разнообразного инвентаря в жилых и хозяйственных комплексах заставляют предположить, что население погибло или оставило город внезапно, в результате военной катастрофы. В частности, картина, обнаруженная в полуземлянке (открытой лишь частично) и в связанной с ней хозяйственной яме II, представляется весьма характерной. Здесь были найдены медный котелок с большим количеством обгорелого зерна и большое количество различных вещей, характеризующих хозяйство.

Естественно, городище, расположенное на берегу Роси, являвшейся южным рубежом Киевского государства, подвергалось многочисленным нападениям со стороны степных кочевников, поэтому определить, когда именно произошла катастрофа, уничтожившая поселение пока затруднительно. Однако возможность отнесения этого события ко времени татаро-монгольского нашествия, вряд ли может быть исключена. Находки посуды архаичного типа, датируемой X, а быть может, и IX в., в трех комплексах, отмеченных во время наблюдений 1957 г., быть может, свидетельствуют об относительно более раннем времени начала жизни на поселении.

Естественно, только специальные исследования путем проведения широких раскопок помогут ответить на все вопросы датировки различных этапов существования городища Белой Церкви.

---

[8] Б. С. Бутник-Сиверский. Ук. соч., стр. 263—267.

[9] В последнее время, однако, относительно материалов, опубликованных Б. С. Бутником-Сиверским, появились сомнения. В результате разведки у Ю. С. Асеева возникло убеждение, что план постройки, приложенный к статье Б. С. Бутника-Сиверского, принадлежит сооружению, расположенному у подножья городища и датируемому поздним временем.

Значение публикуемых материалов из Белой Церкви заключается также в том, что они, наконец, дают возможность окончательно установить местонахождение древнейшего белоцерковского городища. Одновременно они характеризуют его как довольно крупный центр в области Поросья. Размеры самого городища значительно превышают размеры обычных древнерусских городищ, но, помимо этого, как свидетельствуют материалы, опубликованные О. И. Богдановым, у подножья городища располагался еще и обширный посад [10].

Несомненно, это было поселение городского типа, имевшее, по-видимому, и каменную церковь. Последнее обстоятельство особенно важно в связи с отождествлением данного поселения с летописным Юрьевом; как известно, Юрьев был центром епископии и, следовательно, обязательно должен был иметь каменный храм.

Земляные работы, произведенные в 1957 г. на городище в Белой Церкви, не только подтвердили бесспорное наличие здесь культурного слоя эпохи Киевской Руси, но и показали его вполне хорошую сохранность. Эти работы затронули лишь незначительную часть памятника; остальная площадь, исключая небольшие участки, непосредственно занятые зданиями костела и музея, свободна от застройки и вполне доступна для исследования. Поэтому следует считать проведение раскопок на этом городище одной из основных задач в области археологического изучения Поросья — этого интересного и своеобразного района древней Руси.

---

[10] О. І. Богданов. Ук. соч., стр. 133—134.

Л. С. БРЕТАНИЦКИЙ, Э. Г. КРУПКИН, Л. Г. МАМИКОНОВ

МАВЗОЛЕЙ В СЕЛ. ХАЧЕН-ДОРБАТЛЫ

Во время обследования обширной территории бассейна р. Хачин-чай, проводившегося в связи со строительством Хачинской ГЭС, примерно в 25 *км* к северу от Агдама, близ сел. Хачин-Дорбатлы, был обнаружен мавзолей, которому по праву принадлежит видное место среди памятников мемориальной архитектуры средневекового Азербайджана. Композиционно близкий к мавзолеям «башенного» типа, получившим широкое распространение в строительстве Азербайджана XII—XV вв. [1], памятник привлекает внимание своеобразием архитектурных форм и необычностью приемов убранства.

Однако значение ранее не известного мавзолея не исчерпывается его архитектурными достоинствами. Оживленные и сложные связи культур народов Закавказья нашли своеобразное преломление в его художественном облике (рис. 1).

Несколько тяжеловесный корпус мавзолея, завершенный остроконечным пирамидальным шатром, высится на невысоком трехступенчатом цоколе. Корпус и цоколь облицованы разномерными блоками меловидного известняка, легко поддающегося обработке. Шатер покрыт плоскими каменными плитами, похожими на черепицу, уложенными по забутке над внутренним сталактитовым куполом. Тщательность пригонки фасадных блоков и крупных кровельных плит шатрового покрытия обеспечили хорошую сохранность памятника.

Ребра двенадцатигранного корпуса мавзолея подчеркнуты узенькими пилястрами, завершающимися небольшими капителями, рисунок которых напоминает формы деревянного зодчества. Над капителями находится широкий цветной орнаментальный фриз (рис. 2).

На гранях корпуса размещены проемы или декоративные ниши, которые можно разделить на три группы. По масштабу и характеру обработки выделяется проем северной грани, являющийся главным или входным, несмотря на то, что доступ к нему затруднен отсутствием лестницы (что обычно для данной группы «башенных» мавзолеев). На восточной и западной гранях расположены световые проемы, а в остальных — многогранные в плане ниши удлиненных пропорций. Все проемы и ниши завершены сталактитовыми композициями различной сложности, заполняющими более или менее заглубленные конхи. Стрельчатость ниш подчеркнута обрамляющим их полувалом.

Входной проем обрамлен полоской из 22 крупных орнаментальных розеток, выполненных невысоким рельефом. В их орнаменте использованы геометрические и стилизованные растительные мотивы (рис. 3). Подобный прием встречает аналогии в убранстве входов ряда памятников Закавказья, например, мавзолея Мелик-Аждара в сел. Джиджимли, Физулинского района (XII — начало XIII вв.) [2]. Особенно близкое сходство

[1] Л. С. Бретаницкий. Архитектурные школы средневекового Азербайджана (XII—XV вв.). Сб. «Искусство Азербайджана», т. II, Баку, 1949, стр. 84.

[2] А. В. Саламзаде. Архитектура мавзолеев Азербайджана XII—XV вв. Сб. «Архитектура Азербайджана. Очерки», Баку, 1952, стр. 238, рис. 11.

наблюдается с входом церкви-усыпальницы в Егварте (1321 г.) [3]. Сталактитовые композиции мавзолея по особенностям пространственного построения и трактовке также имеют ряд близких аналогий и в других памятниках зодчества Закавказья, в частности в сталактитовом карнизе мавзолея близ Джульфы [4], сооружениях Ахлата, Санаина и др., а также в Малой Азии — в Конии, Дивриги, Малатии, Сивасе и др.

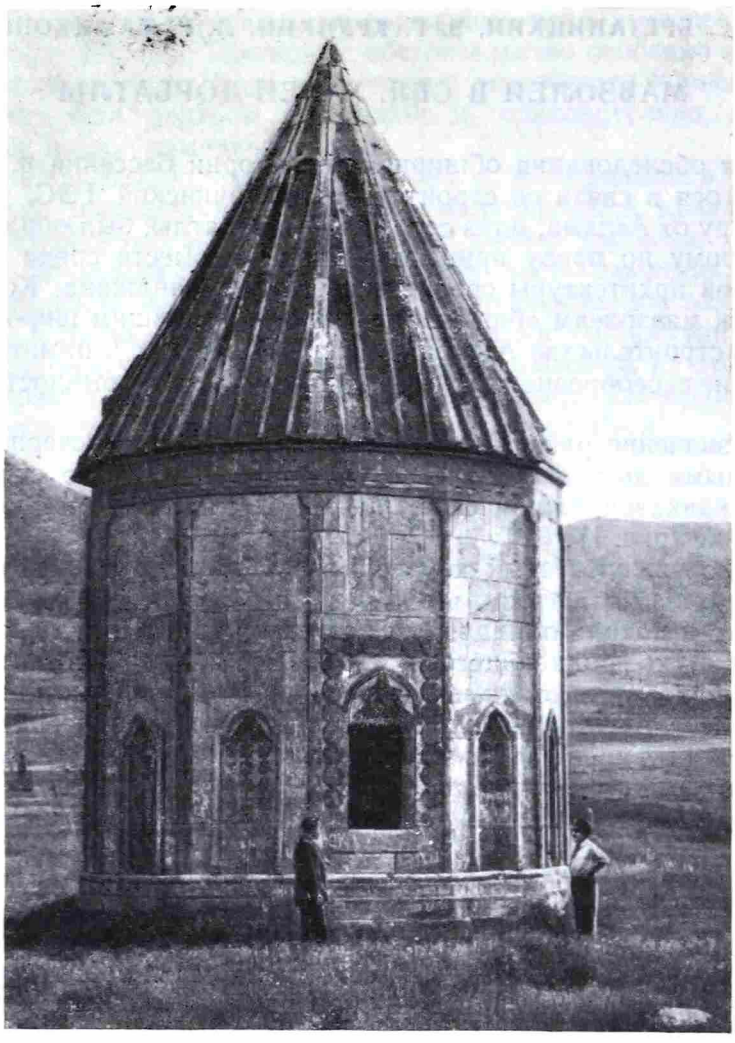


Рис. 1. Мавзолей в сел. Хачен-Дорбатлы 1314 г. Устад Шахенги. Северный фасад

Заслуживают внимания и другие особенности убранства мавзолея. Податливость камня обработке определила тонкость выполнения архитектурных элементов и затейливой вязи орнаментальных узоров. В качестве средства декора широко использован цвет — теплый палевый тон самого камня, служащий фоном и хорошо оттеняющий темно-красный цвет, которым выделялись элементы орнаментов фризовой полосы, плоскостей ниш и поверхностей пилястр. В окраске элементов сталактитов, кроме темно-красного, применялся также зеленый цвет, несколько приглушенного оттенка. Техника подцветки архитектурных элементов производилась

[3] А. Л. Якобсон. Очерки истории зодчества Армении V—XVII вв. М.— Л., 1950, стр. 121, рис. 101, 102.

[4] Л. С. Бретаницкий, Г. А. Елькин, Л. Г. Мамиконов, Д. А. Моттис. Мавзолей близ Джульфы. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами». М.— Баку, 1947, стр. 171.

следующим образом. На декорировавшуюся поверхность резцом наносился узор, компоненты которого покрывались красителем, проникавшим в поры камня; после этого поверхность узора подвергалась дополнительной обработке.

Имитация разноцветной каменной кладки, так же как и приемы инкрустирования однотонной каменной кладки камнем иного цвета, встре-

Рис. 2. Деталь верхней части мавзолея

чается довольно часто в близких территориально и хронологически архитектурных сооружениях Закавказья — Азербайджана, Армении и Грузии [5]. Выразительное подчеркивание цветом деталей композиционно важных архитектурных элементов имело место в мавзолее близ Джульфы, стилистически близкой группе мавзолеев Ахлата [6] и в других примерно одновременных памятниках армянского и грузинского зодчества [7]. Еще более близка окраска элементов ниш, сталактитов и розеток ряда памятников средневекового армянского зодчества [8]. Выкладки мозаичного характера при помощи красных и черных плит подчас дополнялись синей краской, как это было в церкви апостолов в Ани [9]. В зодчестве средневекового Азербайджана раскраска архитектурных элементов — явление сравнительно редкое, скорее характерное для значительно более позднего времени (XVIII—XIX вв.).

Большой интерес представляют прорезные фигуры стилизованных животных, вырезанные на некоторых гранях описываемого нами мавзолея. Они редко встречаются в декоре памятников азербайджанского зодчества, так же как и в архитектуре других мусульманских народов [10].

[5] И. А. Орбели. Мусульманские изразцы. Птгр., 1923, стр. 17.

[6] W. Bachmann. Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan. Leipzig, 1913.

[7] Каравансарай Селима, сооружения Анберда и др. (см. Л. С. Бретаницкий, Г. А. Елькин, Л. Г. Мамиконов, Д. А. Моттис. Ук. соч., стр. 175).

[8] С. Х. Мнацаканян. Архитектура армянских притворов. Ереван, 1952, стр. 71, рис. 33, 99.

[9] И. А. Орбели. Краткий путеводитель по городищу Ани. СПб., 1910, стр. 96.

[10] Тематически известную параллель представляют собой зооморфные рельефы на фризе укрепления, затонувшего в бакинской бухте (1234/5 г.) См. Л. С. Бретаницкий, С. И. Датиев, Л. Г. Мамиконов, Д. А. Моттис. Укрепление в бакинской бухте. КСИИМК, вып. XIX, 1948.

Рис. 3. Вход в верхнюю камеру (грань № 1)

Изображения размещены направо от входа, на гранях 1, 6, 7, 8, 9, 12. Их нет на гранях со световыми проемами и на трех остальных, где вставлены крупные каменные плиты (рис. 4—7).

В основном хорошо сохранившиеся изображения охватывают обычный тематический круг: лань, хищник кошачьей породы, гепард, крылатый грифон, бегущий олень, косуля и т. п. Известное единство изображений заключается в общности манеры и характере их исполнения — смелость неожиданных ракурсов, стремительная динамика движений животных, объемная пластичность резко очерченных контуров, уверенность скупых, но выразительных линий. Величина изображений определялась их местонахождением: в тимпанах входного проема помещены зайцы, а в тимпанах ниш или над ними — изображения значительно более крупного масштаба. Рисунок наносился резцом на поверхности больших облицовочных плит после того, как они были установлены на место [11]. Поверх-

[11] Так же обрабатывались блоки со сталактитовыми завершениями декоративных ниш.

Рис. 4. Деталь декоративной ниши фасада (грань № 8)

Рис. 5. Изображение оленя на тимпане декоративной ниши (грань № 7)

ность рисунков в пределах контура покрывалась темно-красным красителем, а затем дополнительно обрабатывалась.

Отсутствие каких-либо шаблонов или трафаретов для нанесения изображений подтверждается как разницей в исполнении, более или менее удачном, так и коррективами, вносившимися мастером в процессе работы. Первоначальная компоновка одного из изображений (грань № 9), например, отличалась от окончательной. Об этом говорит нанесенная контуром пятая — «лишняя» нога левого животного, не покрытая краской. Подобного рода техника нанесения изображений на территории Азербайджана не имеет аналогий, тематика же их невольно ассоциируется с изобра-

Рис. 6. Изображение «льва» на тимпане декоративной ниши (грань № 8)

жениями на многих памятниках так называемого сасанидского круга [12], вне зависимости от их местонахождения и материала, в котором они выполнялись (камень, металл или ткань). По манере и технике исполнения наиболее близкой параллелью являются «гравированные» изображения на тимпанах входа упоминавшейся выше часовни в Егварте (1321 г.) [13], а также изображения павлинов на наличнике окна восточного фасада церкви Сагмосаванка (1235 г.), выполненные «врезной линией», крайне редко применявшейся в армянском монументальном декоре [14].

Отметим также сходные черты тематики и трактовки некоторых рельефов на храмах Владимиро-Суздальской Руси. Пластика Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (начало XIII в.) и Дмитриевского собора во Владимире (конец XIII в.), по мнению А. Ю. Якубовского, частично выполнялась «кавказскими» мастерами «в период оживленных связей феодальной Руси с феодальным Кавказом: Албанией, Арменией и Грузией» [15]. «Восточные корни» многих владимиро-суздальских рельефов отмечались также В. Н. Лазаревым [16] и Н. Н. Ворониным [17].

Анализ сюжетов изображений, так же как и причин их появления на стенах хаченского мавзолея, является одной из задач дальнейшего изучения памятника. Сейчас же мы отметим лишь одну из особенностей данного стилистически единого круга: сочетание в нем народного и официально-парадного искусства, что характерно для развития искусства народов феодального Востока в целом.

Часть изображений, в частности, фигуры грифона, льва и гепарда, напоминают «геральдизированную» эмблематику звериного стиля, распро-

[12] И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.— Л., 1935; К. В. Тревер. К вопросу о так называемых сасанидских памятниках. СА, XVI, 1952, стр. 282.

[13] Пользуемся возможностью выразить свою признательность Т. А. Измайловой, обратившей наше внимание на изображения часовни в Егварте.

[14] А. Л. Якобсон. Из истории зодчества средневековой Армении. «Ежегодник Института истории искусств АН СССР», М., 1952, стр. 337.

[15] А. Ю. Якубовский. Культура и искусство Востока. Л., 1937, стр. 43.

[16] В. Н. Лазарев. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. «История русского искусства», т. I, М., 1953, стр. 425.

[17] Н. Н. Воронин. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. М., 1958, стр. 99.

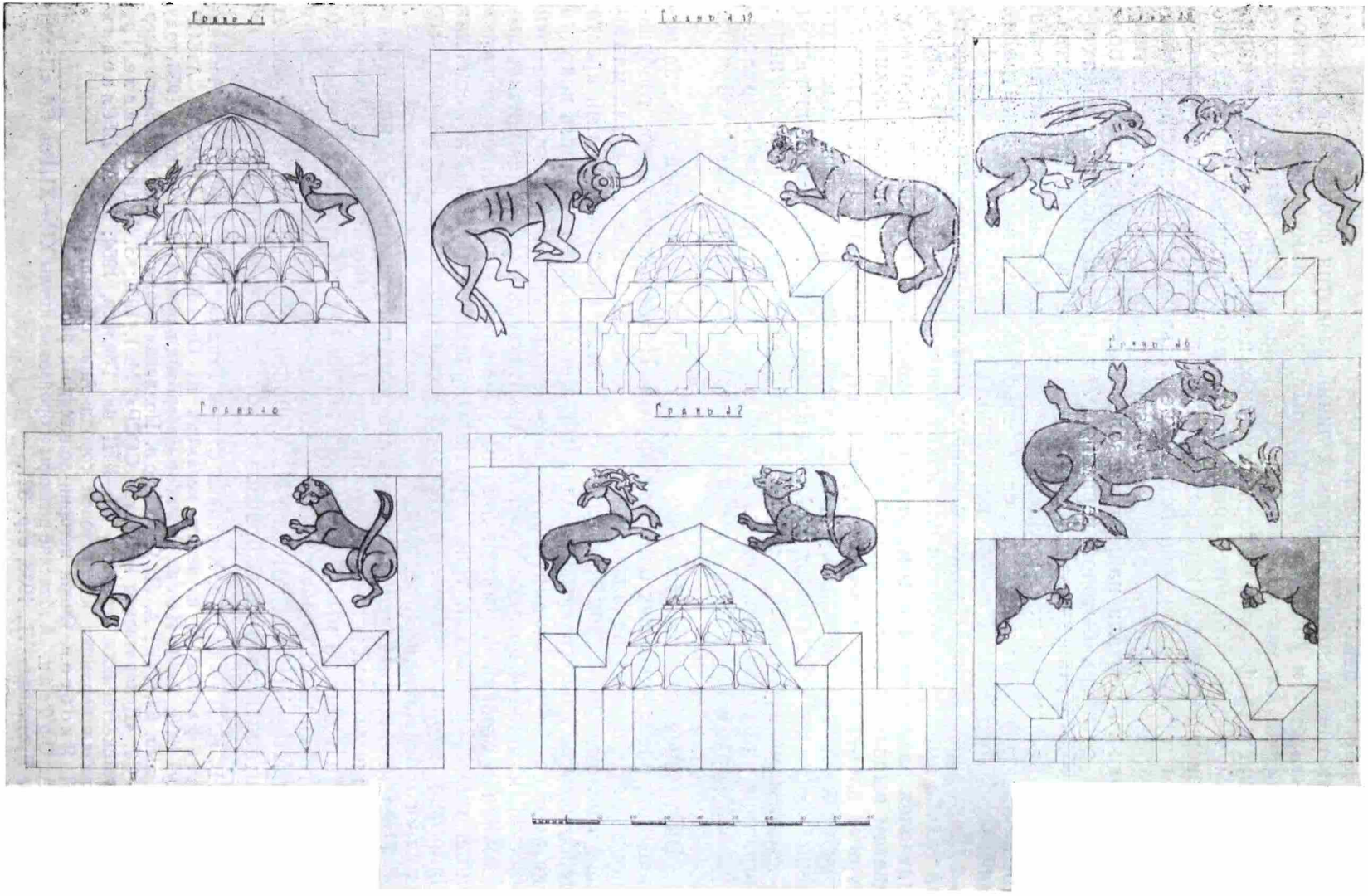


Рис. 7. Таблица изображений на фасаде мавзолея

страненного в убранстве многих упоминавшихся памятников, так или иначе связываемых с так называемым сасанидским художественным кругом. Остальные изображения ассоциируются с более или менее реалистически трактованными зооморфными сюжетами подглазурных росписей и терракотовых налепов керамических изделий Старой Ганджи и Байлакана примерно этого же времени, имеющих в свою очередь немало аналогий в изделиях других центров Закавказья [18].

Подобное переплетение этих двух линий развития феодального искусства наблюдается в убранстве и некоторых других памятников, в частности в рельефах Ахтамарского храма (X в.) на оз. Ван. В них, наряду с изображением грифонов или торжественных церемоний с участием царя, апостолов и т. п., встречаются сцены, связанные с трудовыми процессами, обычный звериный гон, а непосредственно под фантастическим грифоном размещены гораздо более реалистические рельефы с изображением медведей и зайцев [19]. Последние весьма близки к изображениям зайцев в тимпанах входного портала нашего мавзолея и нередко встречаются в подглазурных росписях бытовой керамики. Эта группа изображений ахтамарского храма также связана с народной струей в развитии искусства.

Среди несложных по исполнению изображений хачинского мавзолея преобладают фигуры животных, свидетельствующие о воздействии традиций народного декоративного искусства.

Цвет, занимающий в художественном облике мавзолея не малое место, не только имитирует мозаики или инкрустацию. Особенность архитектуры мавзолея заключается в том, что она в известной степени дорисована; цветом выделены не только узоры, декорирующие те или иные архитектурные элементы, но и выявлен общий строй членений. Первоначально, когда раскраска плетенки фриза еще не поблекла, она создавала впечатление своего рода балдахина, стойками которого служили тонкие пилястры с капителями затейливой формы, а на этот «балдахин» опиралось пирамидальное покрытие мавзолея. Подобного рода «дорисовка» архитектурных форм в известных нам памятниках зодчества Закавказья не встречается.

Внутреннее пространство мавзолея, как обычно, расчленено на два помещения, расположенных одно над другим. Нижняя камера, крестообразная в плане, предназначалась для захоронения. Для нее, как и для мавзолея, в целом, характерна тщательность отделки. Неглубокие ветви креста перекрыты полуциркульными сводиками, а его центральная часть покрыта системой своеобразных парусов, поддерживающих также крестообразный плоский каменный потолок (рис. 8). Архитектура склепа лаконична, выдержана в строгих формах и лишена убранства. Исключением является лишь многолепестковая, тонко орнаментированная розетка, помещенная напротив входа в склеп, служившего единственным источником его скудного освещения (рис. 9).

Плетение, покрывающее поверхность розетки, трактовкой орнаментальных форм и манерой исполнения отличается от убранства розеток входного проема и наводит на мысль о перенесении на камень традиций обработки иного материала. По своему общему характеру оно близко к албанским рельефам XII—XIII вв., которые И. А. Орбели справедливо сопоставляет с орнаментацией албанских бронзовых котлов того же времени [20].

[18] См. В. Н. Левиатов. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940; Н. В. Минкевич-Мустафаева. К изучению керамики из Орен-Кала. Тр. ИИФАН АзССР, т. III, Баку, 1953; А. А. Иессен. Работы азербайджанской экспедиции в 1953 году. КСИИМК, вып. 69, 1957; А. Л. Якобсон. Поливная керамика средневекового Азербайджана. Сб. «Декоративное искусство СССР», № 1, 1959; З. Майсурадзе. Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. Тбилиси, 1954; Б. А. Шелковников. Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957.

[19] А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества..., рис. 60.

[20] И. А. Орбели. Албанские рельефы и бронзовые котлы XII—XIII вв. Сб. «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938, стр. 321.

Рис. 8. Деталь интерьера склепа

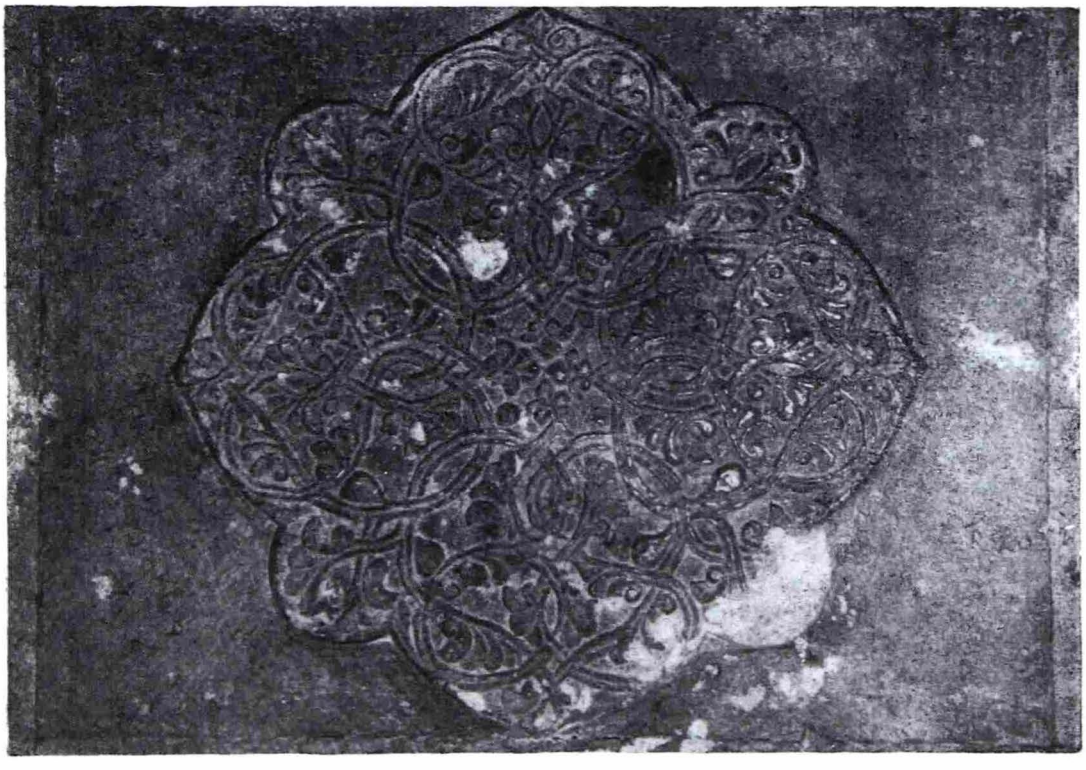


Рис. 9. Декоративная розетка склепа

Пол склепа был выстлан уложенным плашмя плиточным кирпичом (20 × 20 × 5 *см*) хорошего обжига. В расчищенных завалах склепа обнаружено довольно большое количество фрагментов разноугольных керамических плиток, покрытых разноцветной глазурью (бирюзовой, черной, молочно-белой), предназначавшихся, видимо, для облицовки.

Интерьер верхнего помещения трактован парадно. В плане оно также крестообразно (рис. 10—12). Перекрытие центрального квадрата представляет собой многоярусный сталактитовый свод. С северной и южной сторон к нему примыкают сталактитовые заполнения конх входной и противоположной ветвей. В торце северной ветви находится входной проем, а на южной — размещен небольшой, богато декорированный мехраб, которым отмечено направление Мекки — «кибла».

Для интерьера верхней камеры показателен контраст примененных средств и приемов убранства, объединяемых лишь фактурой материала и цветовой гаммой. Одноцветная гладь кладки стен оттенена выполненной в темно-красном цвете крупномасштабной «сельджукской цепью», подчеркивающей архивольты арок, а также несколькими восьмилучевыми звездами (рис. 13). На этом спокойном фоне эффектно выделяются декорирующие свод и примыкающие к нему конхи, сложные сталактитовые композиции; множество светотеневых пятен от них постепенно растворяется в сумраке подкупольного пространства.

Схема построения сталактитового свода мавзолея встречает близкие параллели в ряде притворов — гавитах и жаматунах — культовых ансамблей Нагорного Карабаха и Армении [21]. Однако в трактовке этих сводов, сходных по типу и архитектурным формам, наблюдается существенное различие, определявшееся спецификой назначения сооружения — мемориального и общественного. В сталактитовом своде мавзолея нет центрального светового отверстия — «ердик», столь обычного для притворов.

В архитектурном убранстве интерьера верхней камеры особо нужно отметить трактовку тонко промоделированного мехраба, вкомпонованного в южную стену (рис. 14). Его небольшая ниша завершена раковинообразной многолепестковой конхой с четко выделенными полукруглыми лопастями и углублениями, суживающимися к центру. Декор поверхности ниши мехраба (так же, как и фасадных ниш) имитирует двухцветную узорчатую каменную кладку. Убранство прямоугольной полосы, непосредственно обрамляющей нишу мехраба, повторяет мотив убранства входного проема. Это такая же цепь богато орнаментированных розеток только соответственно месту — меньшего масштаба. В узорах розеток преобладают геометрические плетения, механически обрезанные их восьмилучевой формой, но встречаются и прорисованные орнаментальные композиции со свободно и смело трактованными растительными элементами. Внешнее обрамление мехраба представляет собой широкую ленту рельефно выполненного геометрического орнамента. Привлекают внимание вишнево-темный цвет и несколько стекловидная поверхность элементов мехраба.

На фасаде над главным проемом сохранилась арабоязычная надпись, выполненная свободно начертанным несхом; она содержит имена строителя мавзолея и погребенного в нем лица, а также дату его сооружения. Надпись гласит: «Это сооружение (имарет) покойного Гатавы сына ходжи Мусы, нуждающегося в милости Аллаха всевышнего. Десятого дня раби ал-ахир года семьсот четырнадцатого (понедельник, 15 июля 1314 года). Построил (амал) мастер (устад) Шахенги». По мнению специалистов, надпись читается сравнительно легко, однако единства в расшифровке имен погребенного и строителя нет [22] (рис. 15).

[21] С. Х. Мнацаканян. Архитектура армянских притворов. Ереван, 1952, рис. 98.

[22] Пользуемся возможностью выразить признательность А. Н. Болдыреву, Л. Т. Гюзальяну, Л. Г. Керимову, М. Е. Массону, Е. А. Пахомову, А. В. Саламзаде, любезно сообщившим свои чтения надписи, которую приводим в расшифровке Л. Т. Гюзальяна.

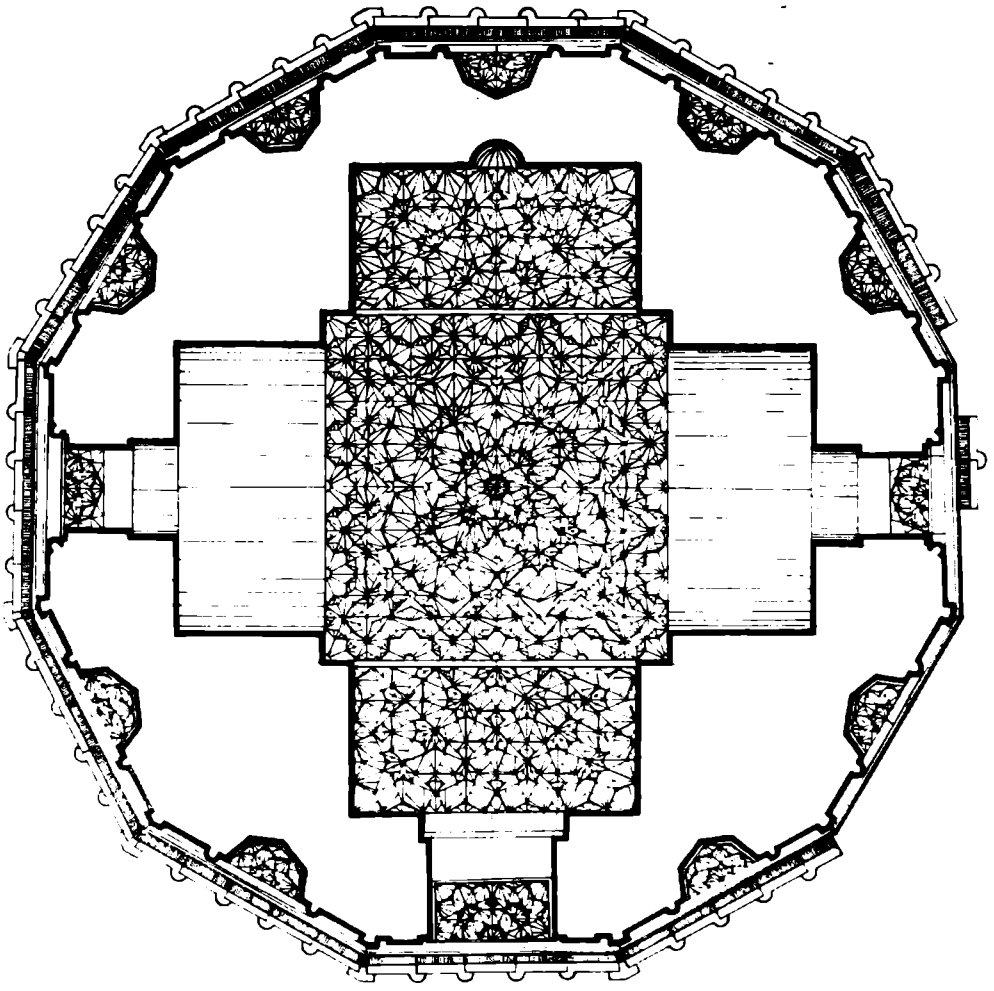


Рис. 10. План мавзолея со схемой сталактитовых композиций

Палеографические особенности почерка позволяют утверждать, что надпись выполнена, видимо, не профессионалом каллиграфом — хаттатом, иногда даже специально отмечавшимся в строительных надписях, как это имело место, например, в мавзолее шейха Мезида в сел. Хазры [23]. Можно полагать, что в сооружении мавзолея принимала участие артель, включавшая строителей различных специальностей и возглавлявшаяся упомянутым в надписи устадом, который, видимо, не только является автором

Рис. 11. Сталактитовый свод верхней камеры

архитектурного замысла, но и руководил его осуществлением. Несмотря на то, что надпись помещена на видном месте, она очень скромна и даже камень, на который она нанесена, ничем не выделяется из рядовой кладки, кроме своего несколько более крупного размера. Характер прорезных линий надписи невольно ассоциируется с манерой изображения животных; не исключено, что они исполнены одним и тем же лицом, возможно, что и самим зодчим.

[23] Л. С. Бретаницкий, А. В. Саламзаде. Зодчие и мастера архитектурного декора средневекового Азербайджана. Сб. «Искусство Азербайджана», т. V, Баку, 1956, стр. 46.

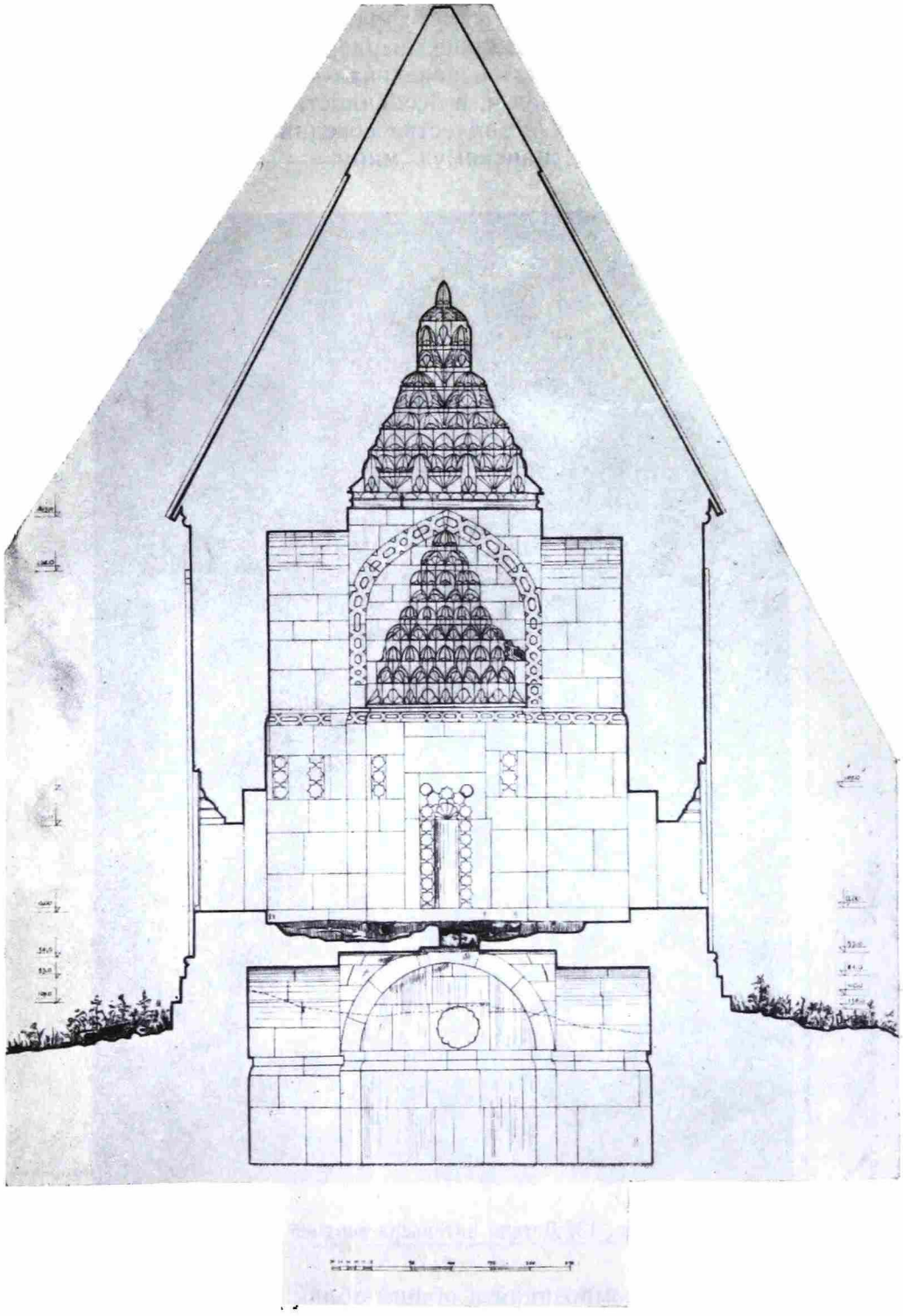


Рис. 12. Разрез мавзолея по линии запад — восток

Необходимо отметить черту, особо характерную для мавзолея. Содержание надписи так же, как и наличие мехраба в интерьере [24], не допускает сомнений в том, что «заказчик» исповедовал ислам. Одновременно в архитектурных формах мавзолея и, в особенности, в его убранстве немало элементов, заимствованных в зодчестве соседних областей Закавказья, принадлежавших к «христианскому» миру.

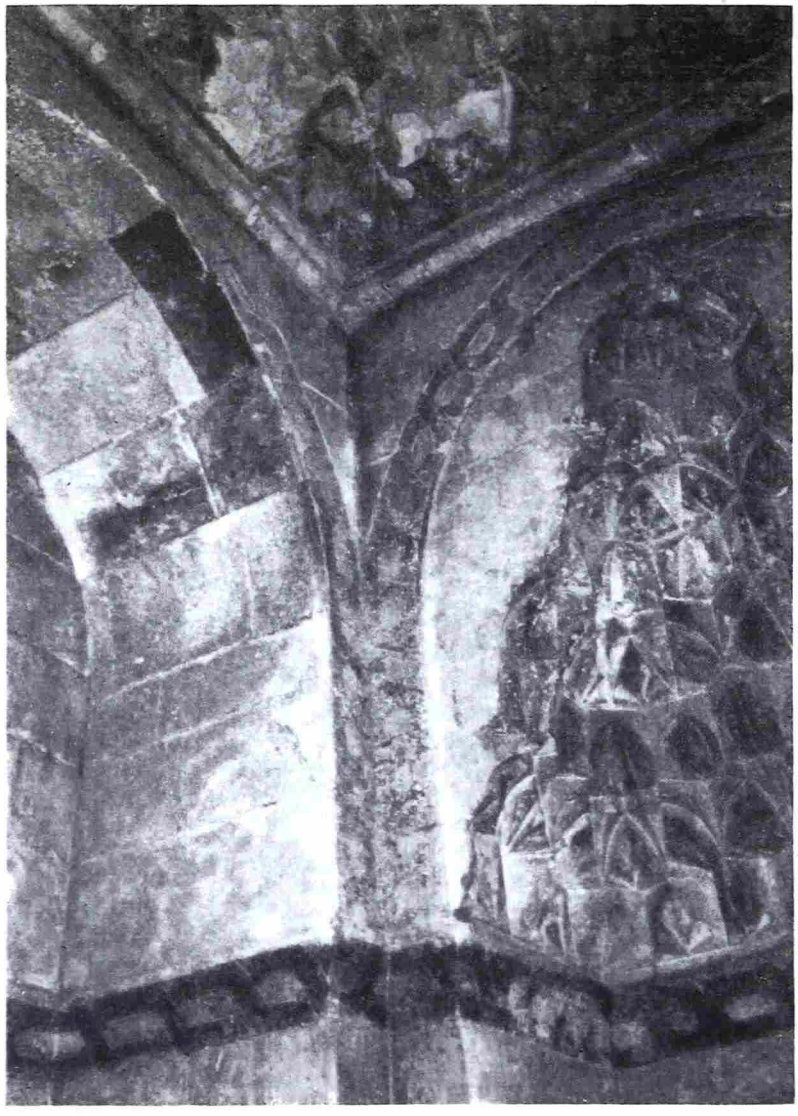


Рис. 13. Деталь интерьера верхней камеры

Пространственная композиция и общий облик мавзолея, характерного для мемориального зодчества Азербайджана XII—XV вв., не встречают сколько-нибудь близких параллелей в погребальных сооружениях средневековой Армении; в отдельных же приемах и элементах наблюдается немало своеобразно переосмысленных аналогий. В этом отношении показатель-

[24] Отметим, кстати, что мехрабы в мавзолеях средневекового Азербайджана встречаются сравнительно редко. Укажем на мехраб мавзолея Мир-Али в сел. Ашаги-Вейсэлли (см. И. П. Щ е б л ы к и н. Мавзолей в селении Вейсалы. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», Баку 1947) и на «сень» мавзолея в сел. Бабы, видимо, также служившую мехрабом (см. А. И. Б р о з г у л ь. Мавзолей в селении Бабы. Там же).

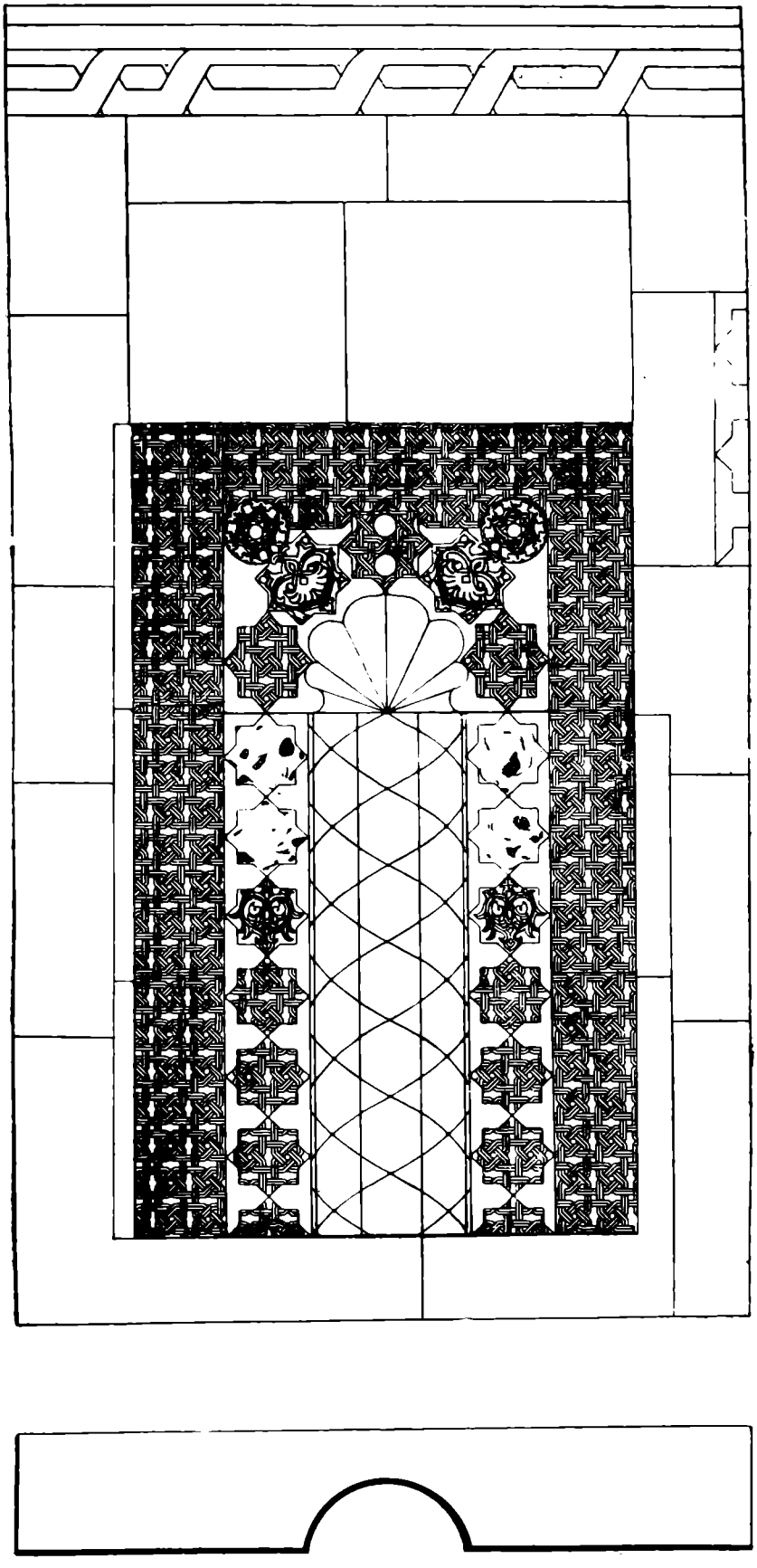


Рис. 14. Мехраб, обмерный чертеж

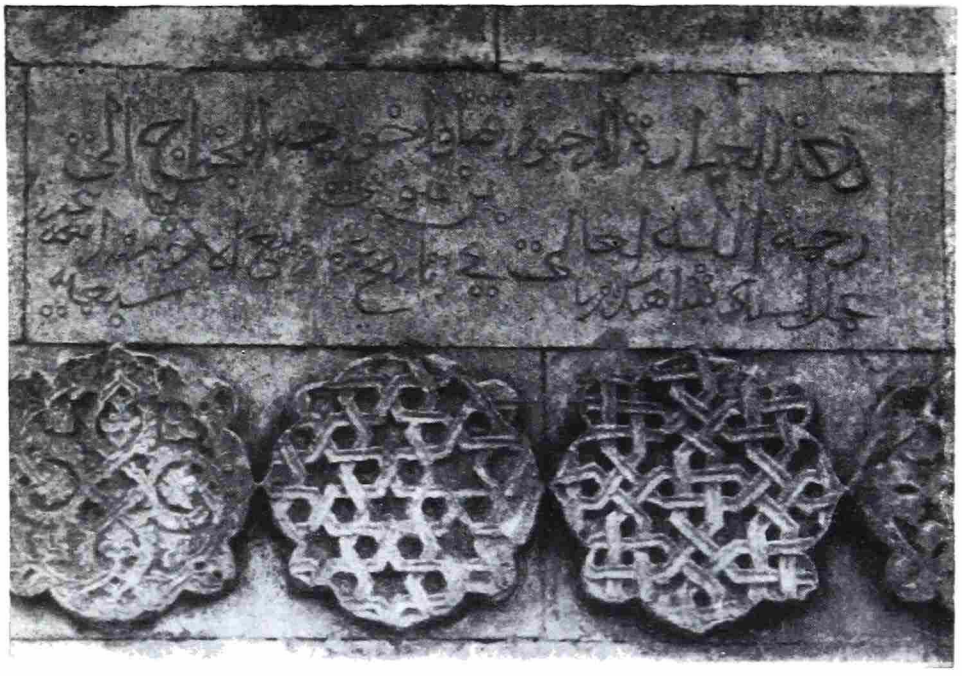


Рис. 15. Строительная надпись над главным входом

ны рисунок так называемого зонтичного покрытия [25] и его конструкция [26], прием обрамления входного проема лентой орнаментированных розеток [27], особенности трактовки сталактитов [28], не говоря уже об изображениях животных, вообще редко встречающихся в убранстве архитектурных сооружений Азербайджана, особенно после правления Газан-хана, в связи с принятием им ислама [29], его известным указом о запрещении изображения живых существ [30] и даже разрушением мавзолеев с изображениями ильханов [31].

Таким образом, архитектура мавзолея в сел. Хачен-Дорбатлы расширяет круг установившихся представлений о характере культурных связей «мусульманского» и «христианского» мира в условиях зрелого средневековья в Закавказье. Она является наглядным примером продолжения и развития линии совместного творчества, блестящим результатом которой в предшествующий период развития азербайджанского средневекового зодчества был мавзолей у Джульфы [32].

Кроме того, особенности художественного облика мавзолея и круг аналогий, роднящих его со множеством памятников зодчества султаната

---

[25] А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. М.— Л., 1950, стр. 74.

[26] Например, стыки каменных кровельных плит притвора в Нораванке. См. Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 340, рис. 70, а.

[27] Например, портал церкви Просветителя монастырского ансамбля Нор-Гетик.— См. В. М. Арутюнян и С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества. М., 1951, стр. 60, табл. 131, 132.

[28] С. Мнацаканян. Армянские сталактиты. Изв. АН АзССР, общественные науки, № 9, 1950.

[29] Рашид-ад-Дин. Об отраслях совершенств и знаний Газан-хана. Сборник летописей. М.— Л., 1950, т. III, стр. 204.

[30] Рашид-ад-Дин. Об уничтожении идолопоклонства. Там же, стр. 217.

[31] Geschichte Gazan-hańs aus dem Tárih-i-mubarak-i-riazani des Rasid al-Din... herausgegeben... von Karl Jahn GMS. New series, т. XIV, 1940, стр. 188—189.

[32] Л. Бретаницкий, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Моттис. Некоторые проблемы взаимосвязи в архитектуре народов Закавказья. Изв. АзФАН, Баку, 1942, № 7.

сельджукидов в Малой Азии, невольно заставляют вспомнить постановку проблемы так называемого сельджукского искусства в докладе И. А. Орбели на III Международном конгрессе по искусству и археологии Ирана [33].

В памятниках зодчества Малой Азии влияние творчества кавказских мастеров прослеживается весьма отчетливо. Данные стилистического анализа находят подтверждение в армянских именах, которые сохранили строительные надписи ряда монументальных сооружений [34], а также в «нисбах» — строительных «подписей» зодчих, где они указывали свое происхождение из Маранда, Тебриза, Мараги и других городов средневекового Азербайджана [35]. Присоединяясь к мнению И. А. Орбели, В. А. Гордлевский подчеркивал, что наводнившие Малую Азию выходцы из Азербайджана, Грузии и Армении способствовали расцвету художественной промышленности и архитектуры сельджукидов Рума [36].

Рассматриваемый мавзолей в с. Хачен-Дорбатлы принадлежит к одной из групп «башенных» мавзолеев, выделенной И. А. Орбели из многообразия типов мемориального строительства стран Переднего Востока и охарактеризованной как своего рода архитектурное переосмысление завершения многих храмов средневекового «христианского» Востока, в частности Грузии и Армении [37]. Стилистическая общность этой группы памятников (к ней, отметим мы, в первую очередь принадлежат мавзолеи Ахлата [38], Эрзерума [39] и уже упоминавшийся мавзолей близ Джульфы) так же несомненна, как очевидны черты их сходства с отмеченными завершениями ряда храмов «христианского» Востока. Линию подобного рода связей не трудно продлить, сопоставив хотя бы завершение мечети в Конии, построенной Бадр-ад-Дином из Тебриза (1273 г.) [40], с другой группой «башенных» мавзолеев, получившей распространение в мемориальном строительстве Азербайджана и Хорасана (Радкан, Кишмар, Карабаглар, Верамин, Бистам и др.) [41]. Одной из отличительных черт архитектурного облика этой группы памятников является обработка поверхностей фасадов рядом сомкнутых полуцилиндров или угольчатых выступов. Прием этот, привлекавший внимание ряда исследователей [42] и уходящий своими корнями в глубокую древность земель древнего орошения, в частности Хорезма [43] и Месопотамии [44], в Малую Азию был принесен закавказскими зодчими, в частности происходившими из Азербайджана, хотя в строительстве последнего он широкого распространения и не получил [45].

---

[33] И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. III международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, стр. 150—154.

[34] F. Grenard. Note sur les monuments du moyen âge de Malatia Divrighi, Siwas, Darendch, Amasia et Tokat. Journal Asiatique, 1901, т. XVII, стр. 551.

[35] L. A. Mayer. Islamic Architects and Their Works. Genève, 1956.

[36] В. А. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. Избр. соч., т. I, М., 1960, стр. 161.

[37] И. А. Орбели. Ук. соч., стр. 152.

[38] W. Bachmann. Ук. соч.

[39] С. В. Бессонов. Памятники сельджукской архитектуры в Эрзеруме. Известия Общества обследования и изучения Азербайджана, Баку, 1928, № 5.

[40] L. A. Mayer. Ук. соч., стр. 57.

[41] E. Diez. Churasanische Baudenkmäler. Berlin, 1918.

[42] В. И. Пилявский. Гофрированные постройки Средней Азии. Сб. «Архитектура СССР», № 5, 1941; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958; В. Л. Воронина. Средневековый город Средней Азии. СА, 1959, № 1, стр. 97.

[43] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948.

[44] Л. Бретаницкий, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Моттис. Памятники азербайджанской архитектуры в Карабагларе (Нах. АССР). Сб. «Низами», Баку, 1941, № 3.

[45] Л. Бретаницкий. К вопросу взаимосвязи в средневековом зодчестве Азербайджана и Средней Азии. ДАН АзССР, т. IV, № 7, 1948, стр. 318; Л. С. Бретаницкий, Л. Г. Мамиконов, Д. А. Моттис. К реставрации сооружений архитектурного ансамбля в сел. Карабаглар. Сб. «Вопросы реставрации памятников зодчества Азербайджана», Баку, 1960, стр. 92.

При этом нельзя не отметить, что в первом случае имело место переосмысление навершия культового сооружения и трактовка его в виде мемориального сооружения, в известной степени канонизированного и получившего широкое распространение как во времени, так и в пространстве. Во втором же случае картина диаметрально противоположна, хотя по своему существу и сходна. Вошедший в традицию тип мемориального сооружения, распространенный в строительстве довольно обширной территории, в одном из памятников зодчества сельджукского султаната трансформируется в завершение культового сооружения, сохранив те черты, которые, как и в первом случае, отчетливо говорят о его непосредственном прообразе. Таким образом, особенности художественного облика мавзолея в сел. Хачен-Дорбатлы еще раз подтверждают, что зодчество народов Закавказья играло большую роль в процессе формирования сложного явления, получившего условное наименование «сельджукского» искусства.

Группа «башенных» мавзолеев, к которой принадлежит рассмотренный памятник, включает ряд образцов, отчетливо характеризующих самостоятельность трактовки «темы» надгробного сооружения, широко распространенной в строительстве Азербайджана XII—XV вв. Наглядна индивидуальность архитектурного решения как своего рода предшественников[46] нашего мавзолея, так и более поздних памятников, также относящихся к этой группе мемориальных сооружений[47]. Роднящие их черты сходства — силуэт композиции, соотношение архитектурных масс, организация внутреннего пространства, характерные особенности некоторых элементов, в частности, покрытия не сняли черт самобытности каждого мавзолея, определявшихся конкретными условиями строительства, устойчивостью местных художественных традиций и почерком зодчего.

---

[46] Например, мавзолей рлита Юсуфа сына Кусейира в Нахичевани (1162 г.). См. С. Ваидов, Н. Горчакова, А. Осипов-Степанов, Ф. Фараджев, И. Щеблыкин. Мавзолеи Юсуфа-ибн-Кусейира и Момине-хатун в Нахичевани. Сб. «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами».

[47] Например, мавзолей «дервиша» (XV в.) дворцового ансамбля в Баку. См. И. Вартанесов, Т. Щаринский. Усыпальница сеида Яхья Бакуви в комплексе бакинского дворца ширваншахов. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», вып. 1. М.— Баку, 1946; С. Дадашев, М. Усейнов. Ансамбль дворца шарваншахов в Баку. М., 1956.

ЗАМЕТКИ

И. Ф. КОВАЛЕВА

КЛАД КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ Г. ДНЕПРОПЕТРОВСКА

Археологические исследования поздненеолитических стоянок Порожистого Днепра неоднократно обнаруживали присутствие на них кремневых орудий, отличных как по материалу, так и по технике от обычных микролитических форм Надпорожья.

Но редкость находок, с одной стороны, и отсутствие кладов кремневых орудий, содержащих импортный материал,— с другой, были причиной малой изученности обменных связей населения порожистой части Днепра в поздненеолитическое время.

Наши представления об этой важной области хозяйственной деятельности древних племен существенно расширились с поступлением в Днепропетровский государственный исторический музей клада кремневых орудий, состоящего из 75 предметов — клиновидных топоров и наконечников дротиков. Клад был найден весной 1959 г. местными краеведами В. Оплятой и Б. Ильиным при обследовании ими берегов Игренского полуострова, расположенного в 8 *км* к югу от г. Днепропетровска. Игренский полуостров широко известен в археологической литературе своими многочисленными неолитическими стоянками и могильником эпохи меди у с. Чапли. С севера он омывается р. Самарой, с запада и юга — Днепром, с востока его отделяет от материка широкая долина р. Шпянки, впадающей в Днепр в южной части острова. По своему происхождению он тождествен древним днепровским островам и представляет собой песчаные отложения на гранитно-гнейсовой основе, и лишь в северной части, к которой примыкает разветвленная дельта р. Самары, имеет плавневый характер.

Такой же характер имеет далеко выдающийся низкий, затапливаемый полой водой мыс, известный у местных жителей под названием Попов, в северо-восточной части которого был обнаружен публикуемый клад. Ежегодный размыв, отрывая от берега глыбы жирного аллювиального супесчаного чернозема, превратил перешеек мыса в узкую стометровую перемычку, поверхность которой изобилует впадинами-промоинами, образуемыми весенними водами. По свидетельству находчиков, клад был обнаружен на дне именно такой ямы, на глубине 0,45—0,5 *м* от современной поверхности. Сперва был извлечен один, лежавший сверху (очевидно, вымытый водою) кремневый топор, а затем расчищена вся груда кремней, лежавших in situ в неглубокой прямоугольной яме с вертикальными стенками. Орудия лежали в определенном порядке — по убывающим размерам, причем все они были поставлены на ребро, что, очевидно, увеличивало вместительность ямы. Самые тщательные поиски, равно как и контрольный раскоп, заложенный на месте находки, не дали других материалов, хотя на Поповом мысу и известны стоянки эпохи бронзы, вынесенные ближе к оконечности мыса, где находится могильник того же времени. Изолированность от других находок, наличие специальной ямы-тайника,

скопление многих десятков крупных орудий в районе, где кремень отсутствует как сырье,— все это говорит о том, что перед нами клад, и клад ценный. В его состав входят следующие предметы.

1. Семь крупных орудий подтреугольной формы с утонченным широким лезвием и узким обушком, возможно вставлявшимся в деревянную или костяную рукоятку. Поверхность топоров-клинов подвергнута двусторонней обработке, теслообразное лезвие подправлено вертикальной ретушью (рис. 1, *1—3*). Материал — светло-серый кремень с буроватым налетом.

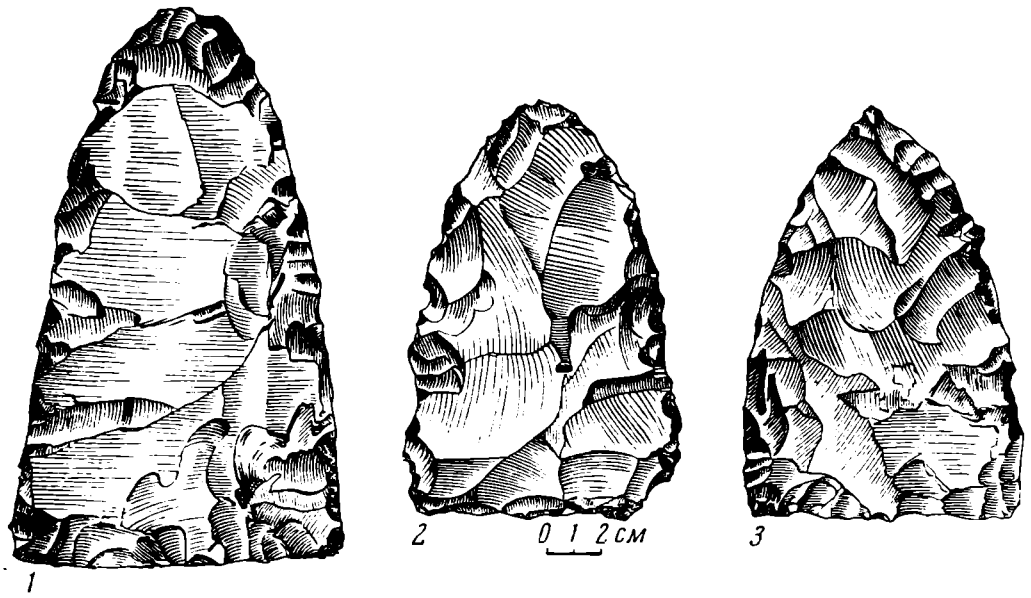


Рис. 1. Кремневые топоры из Игренского клада

2. 59 наконечников копий и дротиков, среди которых различается несколько подтипов.

а. Два наконечника дротиков листовидной формы, несколько вытянутых пропорций, совершенно идентичных как по технике двусторонней обработки мелкой вертикальной ретушью, так и по материалу — светло-серому прозрачному кремню (рис. 2, *1, 2*).

б. Два наконечника клиновидной формы, с широким основанием и скругленными углами при нем (рис. 2, *3*).

в. Девять наконечников подтреугольной формы с асимметричными сторонами; один из углов при основании образует выступ наподобие шипа. Кремень темно-каштановый, прозрачный (рис. 2, *4, 5*).

г. 46 наконечников копий в форме равнобедренных треугольников с широким основанием и слегка округленными боковыми сторонами. Поверхность обработана со спинки мелкой ретушью. Кремень серый, с темными прожилками (рис. 3, *1—4*).

д. Семь заготовок под наконечники копий со следами первичной обработки. В некоторых намечена подтреугольная форма, удалена меловая корка. Кремень того же качества, что и в готовых изделиях. Размеры обычно не превышают 12 × 7,5 *см*.

Найденный на Поповом мысу Игренского полуострова клад кремневых орудий (рис. 4) представляет большой научный интерес. Он еще раз, как ранее Старо-Орлицкий клад [1] и находка у Перевозных хуторов недалеко

[1] М. Я. Рудинський. Старо-Орлицький скарб неолітичної доби. Антропологія. т. II, Київ, 1929, стр. 266.

от г. Никополя [2], заставляет ставить вопрос об источниках снабжения кремнем районов Порожистого Днепра.

75 орудий в составе Игренского клада сделаны из прекрасного темно-серого и каштанового кремня, выходов которого нет в описываемом районе и который ведет нас по Самаре вверх, к Северскому Донцу и Центральной Харьковщине с ее богатой кремневой индустрией [3]. Массивные кремне-

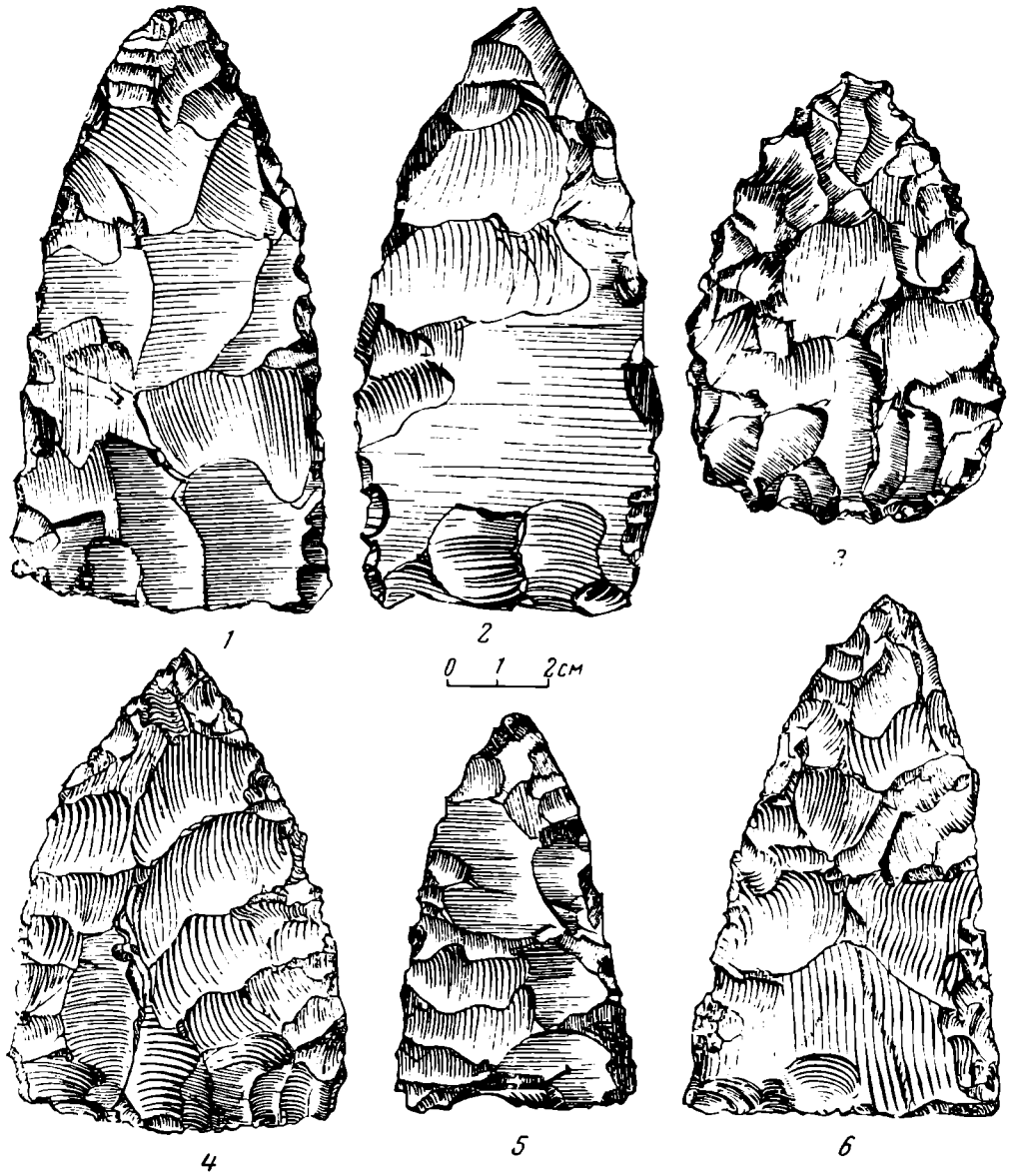


Рис. 2. Кремневые наконечники копий из Игренского клада

1, 2 — тип «а»; *3, 4* — тип «б»; *5, 6* — тип «в»

вые топоры и большие, тяжелые наконечники копий и дротиков из Игренского клада находят себе ближайшие аналогии в макролитических материалах Донеччины [4]. В качестве же непосредственных аналогов публикуемому

[2] А. А. Формозов. Клады каменных орудий на территории СССР. Archeologicke rozhledy, № 5, 1958, стр. 640—642.

[3] М. В. Сібільов. Старовинності Ізюмщини, вып. I, Изюм, 1926, табл. VII и VIII; вып. IV, 1930, табл. XXXIV; С. Н. Одинцова. Розвідка археологічних пам'яток на Сіверському Дінці в 1948 р. АП, IV, 1952.

[4] М. В. Сібільов. Ук. соч., вып. I, табл. X; вып. IV, табл. VII—VIII, XI, XCVI.

кладу можно назвать известные Гончаровские клады [5], в составе которых есть подтреугольные наконечники дротиков, близкие игренским, а также отдельные орудия, найденные в сс. Петровском и Зливке [6], в раскопках В. А. Городцова в сс. Семеновке и Ковалевке [7].

Для сравнительного изучения Игренского клада большое значение имеет также найденный в 1816 г. в окрестностях г. Луганска Донецкий клад, в составе которого было множесто орудий, ножей, пил и пр., «все из чистого кремня с большим искусством сделанные» [8]. К сожалению, клад

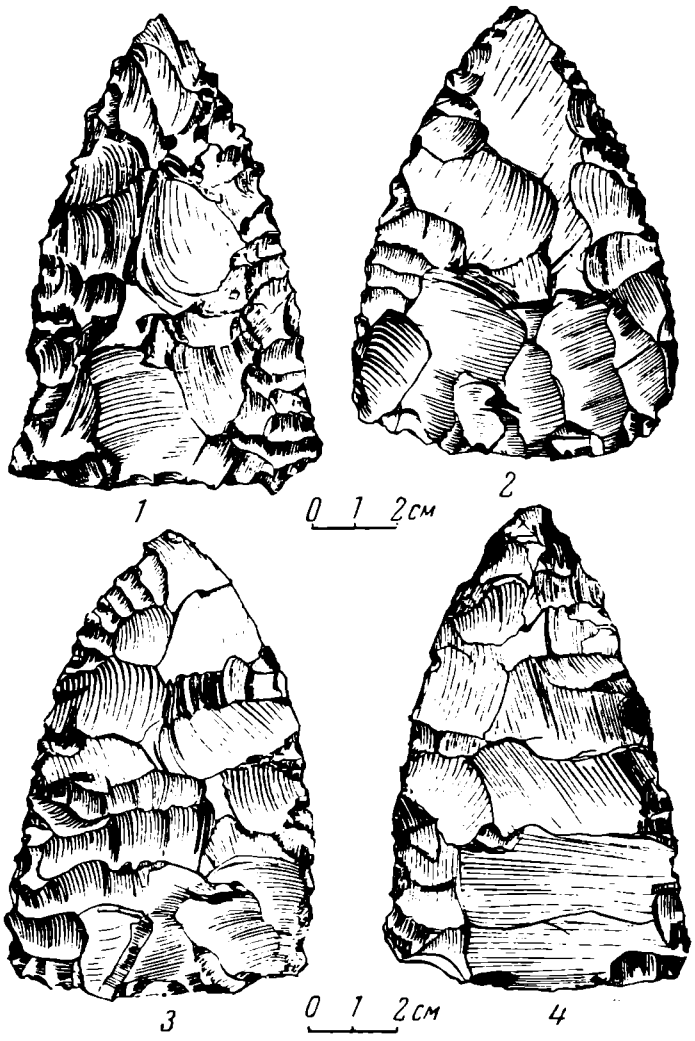


Рис. 3. Кремневые наконечники копий из Игренского клада
1—4 тип «г», преобладающий среди наконечников клада

утерян, что не дает возможности сопоставить его предметы с входящими в состав Игренского клада, но сам факт находки третьего столь крупного клада (из 10 зарегистрированных по СССР) на Донеччине свидетельствует об ее исключительной роли в производстве кремневых орудий на обмен.

[5] С. Н. Одинцова. Клады кремневых изделий из с. Гончаровки. КСИА, вып. 6, 1956, стр. 44.

[6] М. В. Сібільов. Ук. соч., вып. IV, табл. LXXXII.

[7] В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Тр. XII АС, т. I, М., 1905, табл. VII, *3—5*.

[8] Гесс де Кальве. Опыт исторического исследования об образовании человеческих способностей в особенности по части минералогии. Цитируется по работе А. А. Формозова «Клады каменных орудий на территории СССР», стр. 638.

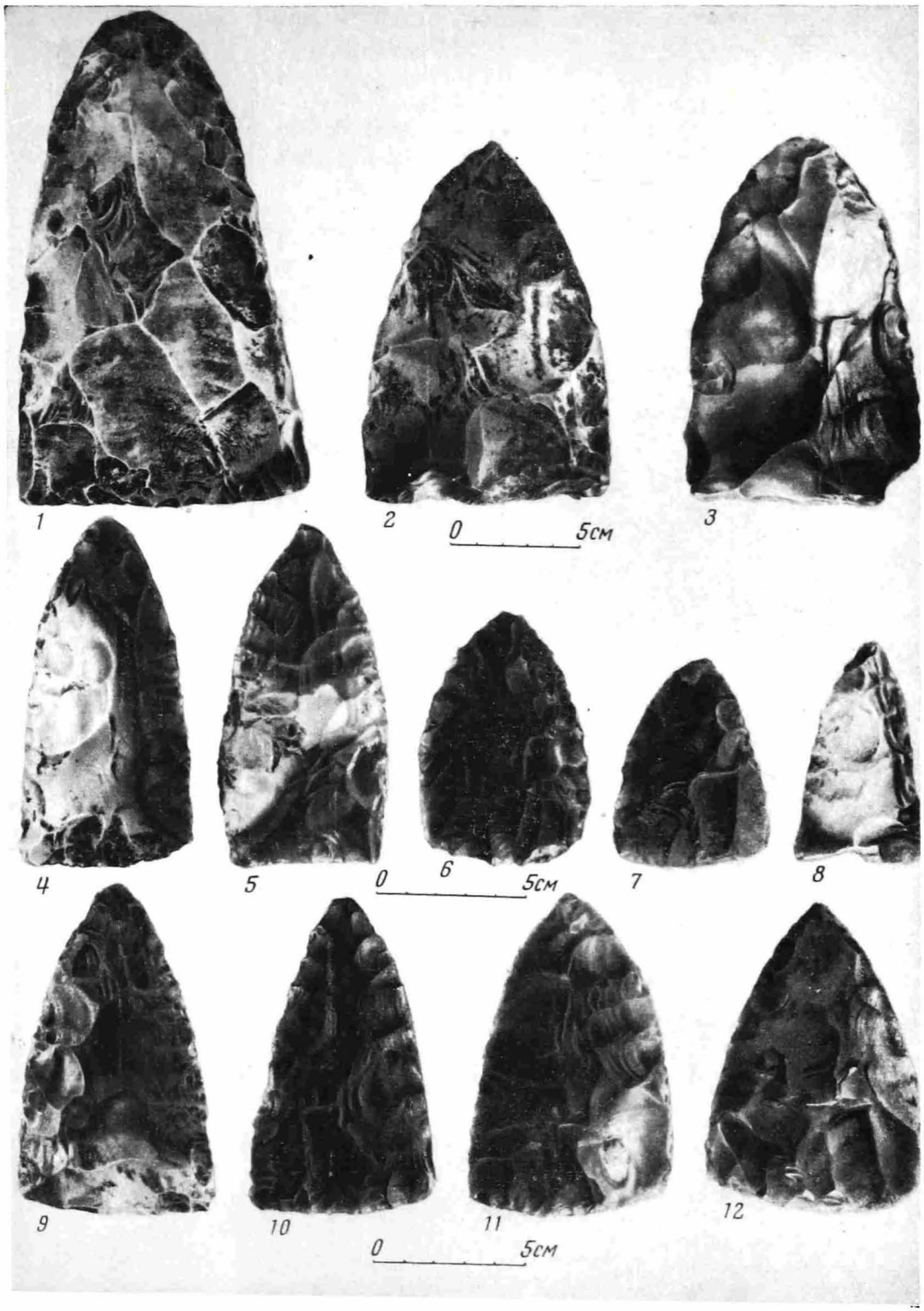


Рис. 1. Кремневые топоры из Игренского клада

Выдвинутый к востоку район Порожистого Днепра тесно связан с Донеччиной левыми притоками: Орелью и Самарой — на севере, Конкой — на юге. По этим водным артериям осуществлялись культурные и торговые связи на протяжении многих исторических эпох, по этим же рекам шел донецкий кремень в Припорожье, не имевшее собственного сырья. Об использовании рек как путей сообщения в позднеолитическую эпоху свидетельствует и тот факт, что большинство известных кладов, как Старо-Орлицкий, оба Гончаровских, Игренский и т. д., найдено вблизи водоемов и на тех водных путях, которые так или иначе связаны с бассейном Северского Донца. Нам представляется возможным указать на особую роль Игренского полуострова, бывшего как бы перевалочным пунктом на путях, ведущих по Самаре и ее притокам вверх, к известным кремневым месторождениям Донеччины [9] и ее кремневым мастерским. Анализ Игренского клада позволяет сделать следующие выводы.

1. Кремневые орудия, найденные весной 1959 г. на Поповом мысу Игренского полуострова и не связанные с культурным слоем в специальной яме-тайнике, представляют собой клад.

2. В составе клада преобладают готовые орудия, число заготовок незначительно (9 шт.), и совершенно отсутствуют отходы производства, что дает право рассматривать клад как запас готовых орудий и полуфабрикатов.

3. Все вещи вышли из рук опытного мастера, имевшего значительный производственный опыт. Это подтверждается единообразием обработки орудий, причем совершенно идентичный характер двусторонней обработки наконечников убеждает нас в том, что они вышли из рук одного мастера.

4. Наличие многих однотипных предметов в составе клада говорит о том, что он предназначался для обмена.

5. Игренский клад изготовлен в кремневых мастерских Донеччины, где ему имеются многочисленные аналогии.

6. Связь Припорожья с бассейном Северского Донца осуществлялась по левым притокам Днепра — Орели, Самаре, Конке. Первоочередной задачей в деле изучения обменных связей населения этих двух районов должна стать детальная археологическая разведка по рр. Самаре и Волчьей с ее притоками.

Нам представляется возможным определить время зарытия клада концом неолитической эпохи — началом эпохи энеолита. Такой датировке не противоречат приводимые нами аналогии, а сам факт появления кладов каменных орудий, как известно, характерен для позднеолитического времени. Подводя итог всему сказанному, нужно отметить, что публикуемый нами Игренский клад по своим размерам в настоящее время является единственным в СССР [10]. Он дает новый материал к вопросу о развитии обмена в первобытном обществе.

[9] А. Л. Туманский. Кремень. М., 1946.

[10] Гончаровский клад, насчитывавший 193 предмета, утерян.

М. И. ИСАКОВ

ЧИРКАТИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ В ДАГЕСТАНЕ

В 1957 г. во время археологической разведки в Гумбетовском районе (Дагестанская АССР) мною была обнаружена пещера карстового происхождения с культурными остатками первобытного человека, а также наскальные изображения животных и людей, неподалеку от пещеры.

Пещера находится в горе Сала-Тау, примерно в 10 *км* к северу от сел. Чиркаты, Гумбетовского района, на высоте 2700 *м* от уровня моря.

Пещера обращена на юг, а перед ней имеется очень крутой склон вытянутой формы, размером около 1 *га*; пещера труднодоступна, подниматься к ней приходится по выступам отвесной скалы, высотой около 15 *м*.

Пещера имеет в плане полукруглую форму. Ее длина — 52 *м*, высота у входа — 2,5 *м* и глубина — 6 *м*. Потолок, постепенно понижаясь, сходится с задним краем скалистого пола. Плоский пол покрыт толстым слоем наносного песка. На поверхности пола встречены многочисленные обломки глиняных неолитических сосудов. В западной части пещеры имеются три высеченные в скале углубления яйцевидной формы, диаметром по 25 *см*, при наибольшей глубине 17 *см*, вероятно, служившие для установки глиняных сосудов.

В обнажениях очень крутого склона под пещерой прослеживаются гнезда черного культурного слоя, толщиной 0,2—0,3 *м*, содержащего обломки посуды, кости мелких животных, древесные угольки и т. п. Керамика из культурного слоя аналогична находкам в пещере. Керамика лепная, делится на четыре определенные группы.

К первой группе относятся сосуды баночного типа с небольшим плоским дном, глина — черная мелкозернистая, с примесью речного песка, дресвы или толченого известняка. Обжиг хороший. Края сосудов прямые, шейки и плечики отсутствуют. На некоторых сосудах венчик слабо выражен (рис. 1, *1, 2*). Поверхность многих сосудов залощена с одной или с обеих сторон и имеет черный или темно-бурый цвет.

Ко второй группе относятся горшки из такого же теста, со слегка вздутым туловом, узким плоским дном и с коротким, слабо выраженным венчиком. Нам удалось склеить два таких сосуда. Один из них имеет две ручки, начинающиеся прямо у венчика. Его высота — 23 *см* (рис. 1, *3*). Второй сосуд, по форме похожий на первый, без ручек. Он имеет высоту 18 *см*, при диаметре дна 8 *см*, тулова 20 *см* и горла 16 *см*. Поверхность обоих сосудов заглажена, глина темно-бурого цвета.

Аналогичные сосуды известны в Дагестане из Карабудахкентского могильника эпохи ранней бронзы [1], из курганного погребения № 2 у ст. Лескен в Кабардино-Балкарской АССР [2], а также из Долинского поселения, у г. Нальчика [3].

К третьей группе относятся большие сосуды яйцевидной формы, из черной глины с незначительной примесью речного песка, с короткой шейкой и со слегка отогнутым наружу венчиком. Поверхность хорошо заглажена глиной темно-бурого цвета. В числе фрагментов от этой группы посуды имеются массивные ручки крупных сосудов (рис. 1, *4*). Такие же ручки известны в Дагестане у больших глиняных сосудов яйцевидной формы

---

[1] Р. М. Мунчаев, К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы Дагестана. СА, XXXV, 1956, стр. 194.

[2] Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции в Кабарде 1947 г. Уч. зап. КабНИИ, т. V, Нальчик, 1948, стр. 286.

[3] А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Долинское поселение у Нальчика. МИА, № 3, 1941, стр. 191, рис. 30.

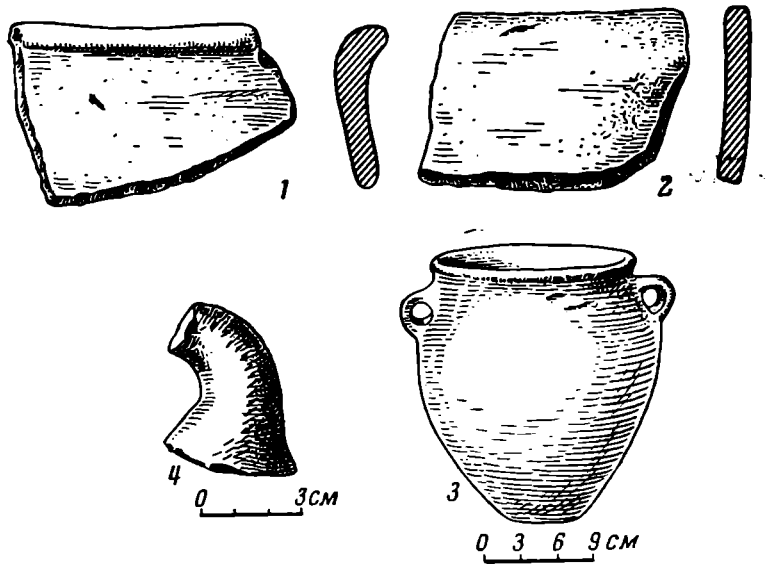


Рис. 1. Глиняный сосуд и обломки керамики из Чиркатинской пещеры

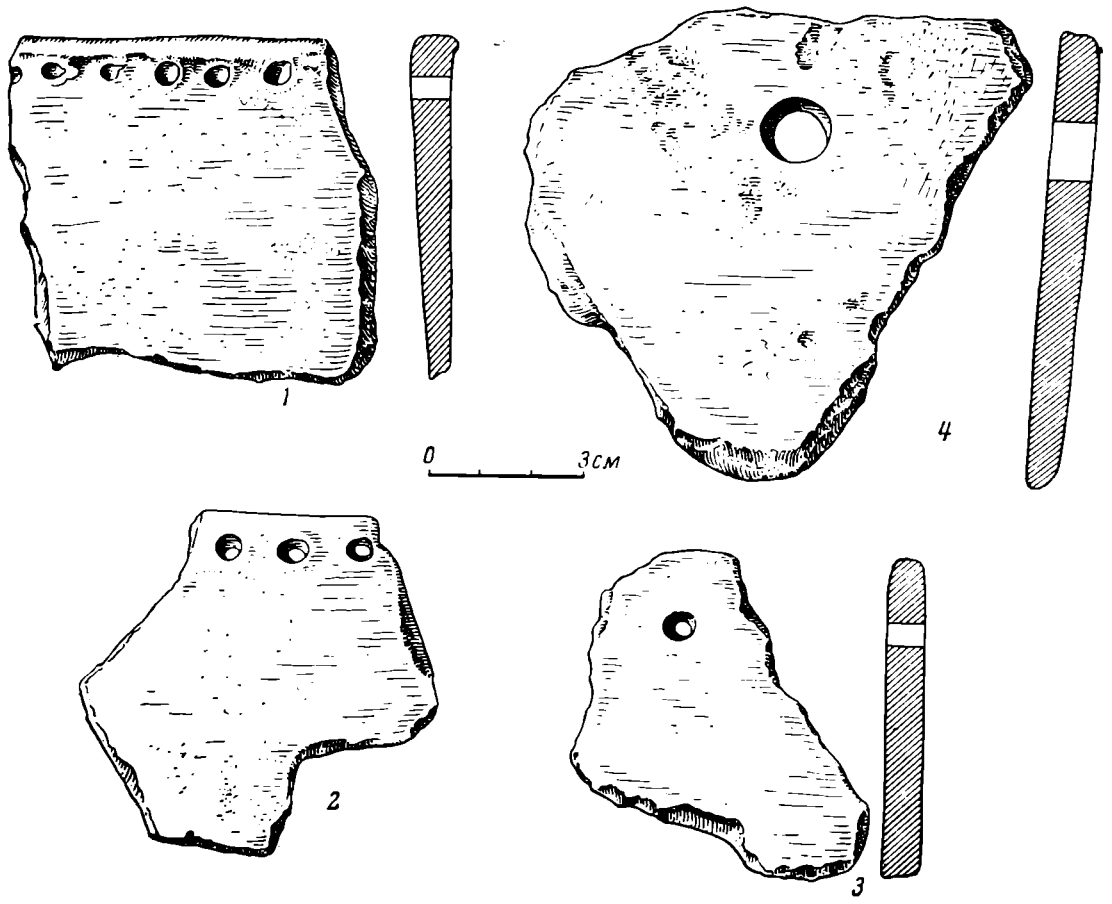


Рис. 2. Обломки керамики из Чиркатинской пещеры

из Великентского поселения энеолитического времени [4], а также из могильника ранней поры бронзы в Цалкинском районе Грузинской ССР [5].

К четвертой группе относятся обломки блюда (жаровня) с прямым бортиком, высотой 7 *см*, при диаметре 45—50 *см*. Верхний край борта блюда по горизонтали украшен в один ряд сквозными круглыми отверстиями, характерными для неолитической культуры (рис. 2, *1*, *2*). Глина черная, крупнозернистая, с большой примесью речного песка, работа грубая, обжиг слабый. По всей вероятности, блюда этого типа служили для выпечки лепешек. Сходные с нашими блюда обнаружены в Дагестане в Карабудахкентском могильнике ранней бронзы [6]. Обломки мисок со сквозными круглыми отверстиями по краю известны также в Дагестане из энеолитических поселений у с. Каякент [7] и у хут. Мамай-Кутан, Каякентского района [8].

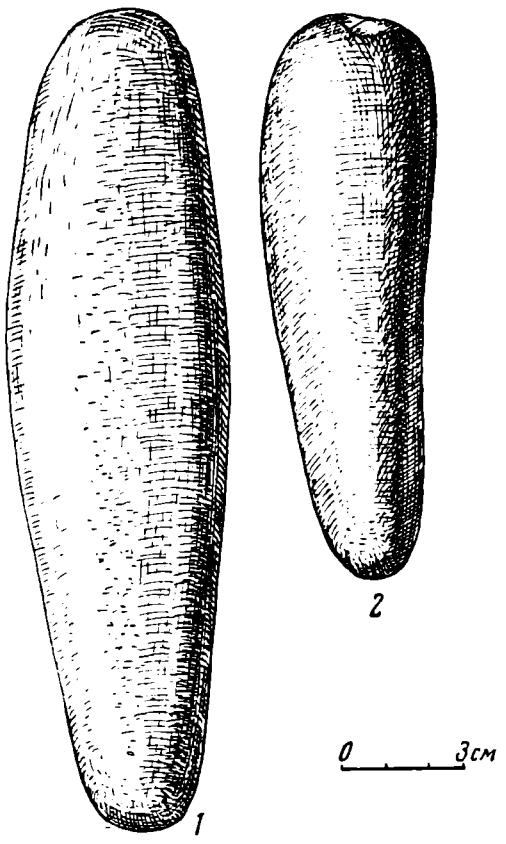


Рис. 3. Каменные топоры из Чиркатинской пещеры

Встречаются обломки грубой керамики из черной крупнозернистой глины, с одиночными сквозными круглыми отверстиями (рис. 2, *3*, *4*). Обломки керамики с такими одиночными отверстиями, найденные на неолитической стоянке у с. Одиши в Западной Грузии, экспонируются в Музее истории Грузии в Тбилиси. Характерно, что орнамент на керамике совершенно отсутствует, если не считать сквозных отверстий по краю упомянутого блюда.

Вся посуда из Чиркатинской пещеры, по-видимому, одновременна, так как ее обломки встречаются на всей площади пещеры и в культурном слое склона перед пещерой.

В обнажении культурного слоя под пещерой вместе с обломками керамики найдены два клиновидных топора (отбойники) из темно-серого песчаника твердой породы. Концы их обоих несколько сработаны (рис. 3, *1*, *2*). Аналогичные топоры (отбойники) найдены на неолитических стоянках Армении, а также на вышеупомянутой неолитической стоянке у с. Одиши в Грузии [9].

Можно считать, что находки Чиркатинской пещеры относятся ко времени рубежа III—II тысячелетий до н. э. Эта пещера, надо полагать,

[4] В. Г. Котович. Отчет Южного отряда Дагестанской археологической экспедиции 1955 г., стр. 44. Хранится в архиве ИЯЛИ ДагФАН СССР.

[5] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в 1947 г. в Цалкинском районе. Тбилиси, 1948, стр. 14—44.

[6] К. Ф. Смирнов. Отчет об археологических экспедициях Дагестана в 1950 г., стр. 92—93 (хранится в архиве Дагестанского республиканского музея); М. И. Исаков. Археологические памятники Дагестана. (Материалы к археологической карте.) Материалы по археологии Дагестана, т. I, Махачкала, 1959, № 328.

[7] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э. МИА, № 68, 1958, стр. 26, рис. 4, *1—2*.

[8] В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. Материалы по археологии Дагестана, т. I, Махачкала, 1959.

[9] Вещи хранятся в Музее истории Армении и в Гос. музее Грузии.

являлась сезонным стойбищем древних обитателей, куда они приходили только в летнее время для охоты. Возможно также, что в горах в летнее время они пасли скот. Их постоянная стоянка, по всей вероятности, находилась где-то в окрестностях современного селения Чиркаты, в долине р. Сулак, со сравнительно теплым и умеренным климатом.

В том же районе, примерно в 1 *км* к востоку от Чиркатинской пещеры, на левой стороне ущелья, в местности Хорито-Ниб, на очень крутом склоне, в 50 *м* ниже подошвы отвесной горы Сала-Тау, на гладкой поверхности огромного обломка песчаника, некогда оторвавшегося от горного массива и зарывшегося в почву, сохранилась группа рисунков, изображающих животных и людей. Они занимают площадь около 2 $м^2$ и находятся на высоте выше роста человека от пола площадки.

Эта площадка, размером около 30 $м^2$, видимо, искусственного происхождения; она, вероятно, служила для стойбища сезонных скотоводов-охотников. Над площадкой имеется навес скалы полуарочной формы. Теперь эта площадка завалена скатившимися с горы камнями. Внешний край площадки ограничен очень крутым и высоким склоном горы. Размеры изображений животных и людей: самого большого —50—55 *см*, самого маленького 8—10 *см*. Рисунки выполнены в одном стиле и нарисованы красной минеральной краской. Сходные рисунки на скалах в Дагестане, выполненные минеральной краской, известны автору также в Гунибском районе, в 6 *км* к северо-западу от сел. Согратль, на правой стороне ущелья Важи-Нахи, у хут. Чуна-Хита. Рисунки изображают людей, коз, лошадей, оленей, круглые колесообразные фигуры с расходящимися лучами или вращающимися розетками, композиционно связанными между собой.

Чиркатинские рисунки отчетливо выделяются на матовом беловато-сером фоне песчаника. Они хорошо защищены от воздействия дождя и ветра навесом скалы полуарочной формы.

Среди домашних животных обращают на себя внимание фигуры пастушьих собак с остроконечными ушами и поднятыми вверх хвостами. Сходные изображения собак имеются на бронзовом топоре, происходящем из Нагорного Дагестана [10].

Другие рисунки изображают лошадь без уздечки (рис. 4, *29*), коров или быков, безоарового козла, благородного оленя, куницу (?), рысей (?). Все эти животные до настоящего времени водятся в Дагестане. Некоторые рисунки трудно определить: один из них несколько напоминает козла, второй — собаку или корову, третий — сидящего зайца и четвертый рисунок остается вовсе не разгаданным нами.

Два рисунка в виде Г-образного и крестообразного знаков также не поддаются разъяснению. Возможно, что это родовые тамги.

Надо полагать, что эти изображения выполнялись одновременно художником, хорошо знакомым с натурой. Люди изображены схематично, но своеобразно. Они в большинстве случаев одеты в фантастические костюмы и стоят в танцевальных позах, с раздвинутыми в стороны или поднятыми вверх руками (символ обращения к небу). Характерно, что в этих позах обнаруживается некоторое сходство с изображениями людей у кишлака Дангар-Кишт в Таджикистане.

Обращают на себя внимание две фигуры: одна — женская, в широкой одежде, другая — мужская, с непропорционально длинным и своеобразно изогнутым корпусом. На наш взгляд, здесь изображен человек, обвитый змеями. Известно, что культ змеи был широко распространен у древних народов Северного Кавказа и Закавказья. Надо полагать, что эти две большие фигуры в костюмах выполняют главную роль в этой культовой церемонии.

Среди рисунков изображены еще три женщины в фантастических костюмах: одна — на левом краю сцены с поднятыми вверх руками и в тан-

[10] Хранится в Краеведческом музее Дагестанской АССР, инв. № 12646.

цевальной позе и внизу — две, держащие над головами детей. Здесь же мы видим три фигуры, вероятно, мужчин, также в танцевальных позах, с поднятыми вверх руками. Характерно, что в этой сцене принимают участие также дети.

Сцена, вероятно, изображает культовый обряд, имеющий целью обеспечить удачную охоту на промысловых животных, а может быть, способствующий процветанию скотоводства. Изображения обрядовых танцев культового характера известны также на скалах горы Беюкдаш в Кобыстане (Азербайджанская ССР) [11].

Исходя из сравнительных материалов, чиркатинские изображения можно отнести к VI—X вв. н. э.

[11] И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана. Тр. Ин-та истории АН Азербайджанской ССР, 1958, рис. 14а, 15, 16, 47, 49, 51.

Е. Е. КУЗЬМИНА

ДВА БРОНЗОВЫХ КЕЛЬТА-ЛОПАТКИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОС. ЭРМИТАЖА

В коллекции Отделения Средней Азии Гос. Эрмитажа хранятся два бронзовых орудия, происходящих из случайных находок в Средней Азии. Одно из них массивное, прекрасной сохранности, лопатообразное, с почти прямыми боковыми гранями, прямым зазубренным лезвием шириной 9,5 *см* и втулкой, идущей в длину на 5,8 *см* и имеющей в сечении несколько овальную форму. Плечики косо срезаны и поднимаются на 2 *см* от втулки вверх так, что общая длина предмета составляет 16,8 *см*, толщина в верхней части — около 0,6 *см* (рис. 1, *1*). Предмет отлит из золотисто-желтой бронзы. Это орудие происходит из коллекции П. П. Иванова и было найдено, по всей вероятности, в районе оз. Иссык-Куль [1].

Второй предмет по форме очень близок вышеописанному. Боковые грани слегка сужаются к хорошо заточенному, чуть изогнутому лезвию шириной 8,5 *см*, круглая втулка диаметром 3,5 *см* проходит в длину на 7 *см* (рис. 1, *2*). Боковые грани, в отличие от предыдущего, срезаны от втулки под углом книзу так, что они имеют длину 11,5 *см*, при общей длине орудия 13 *см*. Другим существенным отличием являются два сквозных отверстия диаметром 0,3 *см*, находящиеся на втулке. Это орудие происходит из коллекции И. И. Краузе, из Сыр-Дарьинской области [2]. Оба рассмотренных экземпляра относятся к типу так называемых мотыгообразных кельтов, или кельтов-лопаток. С территории Киргизии и Верхней Сыр-Дарьи известно несколько орудий аналогичной формы. Пять из них было найдено при работах на Большом Чуйском канале: два — в с. Ново-Павловка, два — в с. Ивановское и один — у г. Фрунзе [3]. Еще один кельт-лопатка был найден в Ферганской области, около р. Ринджитам [4]. А. А. Спицыным был опубликован подобный же среднеазиатский кельт-лопатка, точное место находки которого не было установлено [5]. Вне территории, охватыва-

[1] Инв. № СА 14899, оп. VII 787, акт. № 724.

[2] Инв. № СА 9881. Поступил от Археологической комиссии.

[3] Хранятся в Историческом музее г. Фрунзе. См. А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, № 14, 1950, табл. XXXIV, *1—5*, стр. 87; его же. Некоторые итоги археологических работ в Семиречье. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 111.

[4] ОАК за 1895 г., стр. 80, 200, 201 (хранится в Ташкентском музее). А. И. Тереножкин неточно отнес его к Чачу, см. А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, рис. 69, *XVI — 9*, стр. 153.

[5] А. С. К вопросу о каменных бабах. ЗРАО, т. X, 1898, табл. 5, *6*, стр. 343. А. А. Спицын указывает, что ему известны аналогичные кельты с Иссык-Куля. Нет полной уверенности, что опубликованное А. А. Спицыным орудие не происходит из коллекции Краузе.

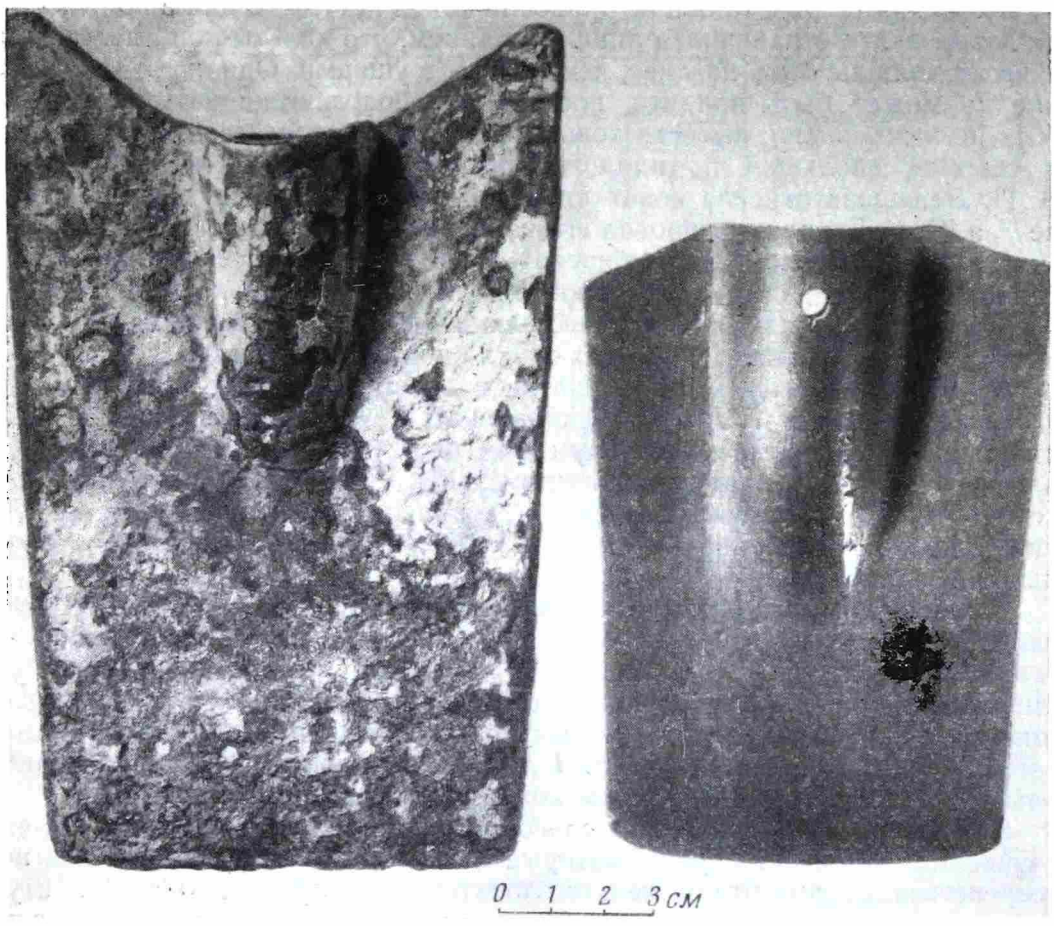


Рис. 1. Бронзовые кельты-лопатки из собрания Эрмитажа

ющей север Киргизии и верховье Сыр-Дарьи, мне известны только три находки орудий этого типа: мотыгообразный кельт, найденный на р. Кыстоуклев, притоке р. Курчум [6], другой экземпляр, также с р. Курчум [7], и третий из с. Усинского в южной части Красноярского края [8].

Размеры кельтов-лопаток колеблются незначительно. Длина их — от 10,5 до 13,5 *см,* ширина лезвия — от 7 до 9,5 *см,* втулки круглые, диаметром 3,5 *см,* глубиной от 5 до 7,5 *см,* боковые грани в киргизской серии сужаются к слегка закругленному лезвию; у сибирских и восточноказахстанских экземпляров лезвия несколько шире плечиков. По-видимому, кельты-лопатки употреблялись как земледельческие копательные орудия.

Относительно датировки этих орудий у исследователей нет единого мнения. Опубликовавший чуйские находки А. Н. Бернштам суммарно датировал их карасукской стадией культуры Чуйской долины, не приведя, однако, никаких обоснований датировки [9]. Иную дату предложил для орудий этого типа А. И. Тереножкин, отнесший мотыгообразный кельт из Наманганского уезда к I стадии бургюлюкской культуры Чача (VII—

[6] Хранится в Семипалатинском музее, инв. № 650 (2027). См. С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. СА, XV, 1951, табл. 1, *17*; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, табл. LXV, *4*; табл. LXXVII, *4*.

[7] Хранится в МАЭ, инв. № 1520/9, из коллекции Пилетича. См. Д. Н. Лев. К истории горного дела. Тр. Ин-та антропологии и этнографии, вып. 2, 1934, стр. 26, рис. 30.

[8] В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 26, табл. VII, *6*.

[9] А. Н. Бернштам. Некоторые итоги..., стр. 111; его же. Чуйская долина, стр. 106, табл. XCV, *20*.

IV вв. до н. э.) [10]. Он также не привел никакой аргументации в пользу своей датировки и ограничился лишь указанием, что кельты-лопатки типологически должны быть позднее, чем кельты с ушками. Однако это положение не может быть принято, поскольку типологически затруднительно, если не невозможно, вывести кельты-лопатки непосредственно из кельтов с ушками, эволюция и типология которых прекрасно разработаны [11]. В. П. Левашова отнесла кельт-лопатку из с. Усинского к тагарской эпохе [12], а Ю. С. Гришин датировал его карасукским временем [13]. Таким образом, и относительно даты сибирских экземпляров у исследователей нет единого мнения. Говоря о датировке и происхождении кельтов-лопаток, следует обратить внимание на довольно существенные различия их форм, позволяющие выделить среди этих орудий два основных типа.

К I типу относятся кельты-лопатки из собрания Краузе (рис. 2, *9*), из с. Ивановское (рис. 2, *10*), опубликованный А. А. Спициным (рис. 2, *11*), а также кельт-лопатка с р. Курчум (рис. 2, *12*). Они отличаются тем, что плечики у них идут от втулки под углом вниз. У трех экземпляров на втулке имеется по два сквозных отверстия, возможно, для закрепления сердечника при литье втулки в двусоставной литейной форме. Как же могут быть датированы эти орудия?

К сожалению, все рассматриваемые кельты-лопатки из Киргизии были найдены вне комплексов, что затрудняет их датировку. Однако один из экземпляров восточной группы — с р. Курчум — был найден в кургане вместе с выемчатоэфесовым кинжалом с желобчатой рукоятью [14], который относится к поздним образцам карасукской эпохи и находит близкую аналогию в кинжалах из Старшего Томского могильника [15]. Это позволяет датировать и кельт-лопатку I типа концом карасукской эпохи.

Каково происхождение этих своеобразных орудий? На территории евразийских степей нет орудий, которые могли бы рассматриваться как непосредственные прототипы кельтов-лопаток. Пропорции и общий контур кельтов-лопаток позволяют в какой-то мере сближать их с обычными кельтами. Однако они принципиально отличаются от последних наличием круглой втулки, заставляющей относить этот тип к категории мотыгообразных орудий.

На территории Киргизии мне известна только одна мотыга, происходящая из с. Лебединовского. Она имеет расширяющееся книзу лезвие и далеко выступающую круглую втулку, утолщенную валиком. Опубликовавший это орудие А. И. Тереножкин отнес его к андроновской эпохе [16], а А. Н. Бернштам поместил вместе с другими кельтами-лопатками в карасукский этап [17]. Замечательную аналогию этой находке составляет кельт, найденный на месте описанной в Махабхарате битвы ариев в Курукшатре в Пенджабе [18]. Как указывает Д. Гордон, этот кельт был принесен в Индию пришлыми с севера завоевателями-ариями около 850 г. до н. э., что дает некоторое основание и для датировки лебединовского экземпляра. Киргизская мотыга является единственным орудием этого рода в евразий-

---

[10] А. И. Тереножкин. Ук. соч., стр. 153, рис. 69, табл. XVI, *9*.

[11] М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. Тр. ОИПК ГЭ, т. I. 1941.

[12] В. П. Левашова. Ук. соч., стр. 29, табл. VII, *4*.

[13] Ю. С. Гришин. Производство тагарской эпохи. МИА, № 90, 1960, стр. 122, рис. 1, *5*.

[14] Д. Н. Лев. Ук. соч., стр. 26, рис. 31.

[15] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. МИА, № IX, 1949, стр. 74; ОАК за 1889 г., стр. 104, рис. 8.

[16] А. И. Тереножкин. Археологические разведки по р. Чу. ПИДО, № 5—6, 1935, рис. 7, стр. 139.

[17] А. Н. Бернштам. Чуйская долина, табл. XXXIV, *6*.

[18] D. H. Gordon. The Prehistoric Background of Indian Culture. Bombay, 1958, рис. 1, стр. 138, 139.

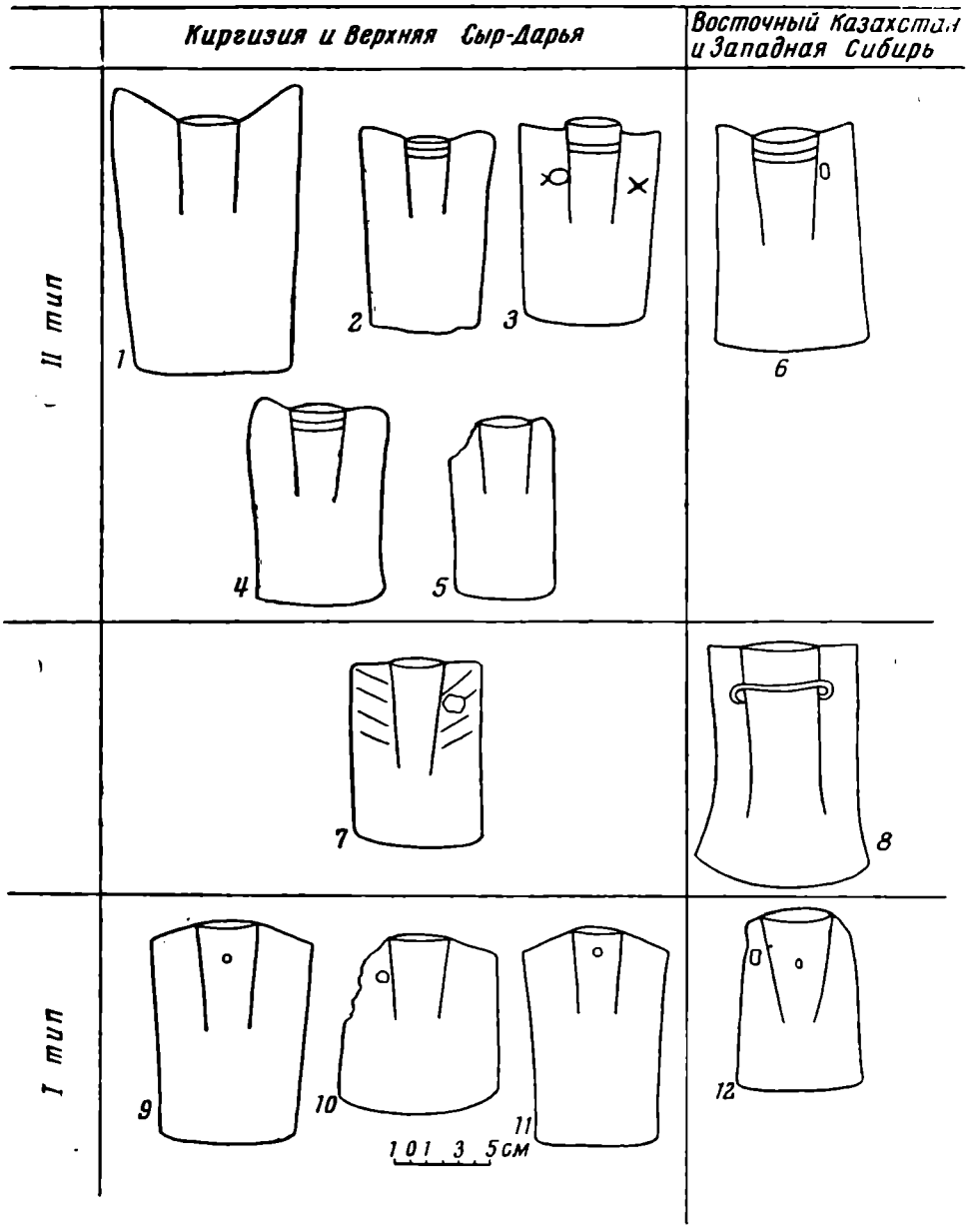


Рис. 2. Типы кельтов-лопаток

ских степях. Аналогичные ей изделия известны только в Китае, где этот тип орудия сложился в глубокой древности на основе каменных прототипов иньской эпохи и иньско-чжоуских прямоугольных лопаточек с далеко выступающей втулкой [19]. Процесс развития формы мотыги шел по пути постепенного уменьшения длины выступания втулки за край рабочей части орудия и скругления лезвия.

В чжоуский период в Китае сложился вид бронзовой мотыги, очень близкий лебединовскому. Таким образом, можно предполагать, что наряду с другими типами орудий Сибири и Киргизии карасукской эпохи, возникшими под воздействием Китая (как, например, ножи с коленчатой рукоятью), и земледельческие орудия Северо-Запада испытали на себе сильное влияние культуры Китая. Об этом свидетельствует также интересный предмет, найденный в Минусинской котловине и имеющий закругленное

[19] A Descriptive and Illustrative Catalogue of Chinese Bronzes Acquired during the Administration of J. E. Lodge. Washington, 1946, табл. 41, *4*, стр. 89; W. Golubew. L'âge du bronze au Tonkin et dans le Nord Annam. BEFEO, XXXIX, 1929, стр. 18.

лезвие и выступающую ребристую втулку [20]. В Китае ему есть почти точные аналогии [21].

Однако в дальнейшем процесс развития мотыги пошел в Китае и на Западе по разным путям. В Китае в эпоху Джань-го и в ханьское время на Севере сохранялся чжоуский тип мотыги, а в Юннани сложилась форма асимметричных мотыг с полукруглой в сечении втулкой и сильно скругленным лезвием [22].

В Восточном Казахстане в конце карасукской эпохи выработался тип кельта-мотыжки с круглой втулкой и боковыми гранями, расширяющимися к закругленному лезвию, как у лебединовской мотыги. В Киргизии же получили распространение орудия, близкие восточноказахстанским, но сужающиеся к рабочей части, как поясковые кельты.

А. Н. Бернштам указывал на связь киргизских мотыгообразных кельтов с юннаньскими [23]. Однако непосредственно выводить киргизские кельты-лопатки из Юннани нет достаточных оснований. Не говоря уже о территориальном разрыве и принципиальных отличиях формы юннаньских асимметричных мотыг от киргизских кругловтульчатых, киргизский тип мотыги с невыступающей втулкой, бытовавший в позднекарасукский период, сложился на несколько веков раньше, чем тип мотыги с невыступающей втулкой Юннани, распространившийся только в период Джаньго и особенно в ханьское время. Скорее можно предполагать, что мотыгообразные орудия Киргизии и Казахстана сложились как своеобразная комбинация обычных поясковых кельтов с кругловтульчатыми мотыгами лебединовского типа, восходящими к китайским прототипам.

Ко II типу кельтов-лопаток могут быть отнесены орудия, у которых плечики поднимаются от втулки под углом вверх. К их числу относятся рассматриваемый кельт из коллекции Иванова (рис. 2, *1*), оба кельта-лопатки из с. Ново-Павловка (рис. 2, *4, 5*), кельты-лопатки из г. Фрунзе (рис. 2, *3*), из Наманганского уезда (рис. 2, *2*), а также из Семипалатинска (рис. 2, *6*).

Все кельты II типа отлиты, по-видимому, в двусоставной литейной форме, причем у кельта из с. Ново-Павловка втулка смещена в результате сдвига сердечника. У четырех кельтов этого типа на втулке, несколько ниже основания, имеется утолщенный литой валик. Кельт из г. Фрунзе орнаментирован литой тамгой в виде креста. Два кельта-лопатки — из с. Ивановское (рис. 2, *7*) и из с. Усинское (рис. 2, *8*), имеющие прямые плечики, могут рассматриваться как промежуточное звено между I и II типами, находясь все же, видимо, ближе ко II типу, поскольку оба они лишены отверстия на втулке; кельт из с. Ивановское имеет тамги в виде елочного узора, а сибирский украшен по втулке литым валиком с примыкающими колечками, что также сближает их с кельтами II типа, украшенными пояском и тамгами.

Кельты II типа ни разу не были встречены в датированных комплексах, однако большая их близость к кельтам I типа позволяет думать, что хронологически обе группы близки друг другу. Кроме того, в литых валиках на втулке орудий этого типа чувствуется связь с поясковыми кельтами; особенно это относится к кельту из с. Усинского, украшенному валиком с двумя кружками, возникшими под влиянием позднекарасукских кельтов с пояском ниже втулки. Дата, предложенная для рассматриваемых орудий, подтверждается также анализом изображенных на двух кельтах

---

[20] Ю. С. Гришин. Производство тагарской эпохи. Кандидатская диссертация. М., 1956, стр. 50.

[21] O. Janse. Un groupe de bronzes anciens propres à l'Extreme Asie méridionale. BMFEA, т. III, Stockholm, 1931, стр. 134, табл. XVII, *1*.

[22] Там же, стр. 135, рис. 26 и др.; Kaogy-Сюэбао, 1956, № 1; Excavations of Early Dwelling Sites and Tombs of Shin-chai-Shan, Jünnan, стр. 57, рис. 1; «Доклад о раскопках в уезде Хуэй», вып. 1, 1956, стр. 83, рис. 1—9.

[23] А. Н. Бернштам. Некоторые итоги..., стр. 111.

II типа знаков-тамг: в виде елочки на кельте из с. Ивановское и двух косых крестов на кельте из г. Фрунзе. Подобные литые украшения имеются на изделиях позднебронзовой эпохи; особенно часты они на копьях и ножах с обособленной рукоятью.

Вместе с тем в сложении II типа мотыгообразных кельтов, с поднятыми кверху плечиками, можно предполагать воздействие китайских шестигранных кельтов с овальной втулкой и поднятыми кверху ушками, известных по находкам в районе Великой Китайской стены и датирующихся чжоуской эпохой [24]. Эти кельты по общему контуру сильно напоминают мотыгообразные кельты II типа. В. Н. Чернецов прослеживает воздействие этой китайской формы на западносибирские кельты IV типа [25]. Последние известны из случайных находок под Тобольском и по памятникам потчевашской культуры и были распространены с середины I тысячелетия до н. э. [26]. Для их производства в Сибири характерно применение особого приема закрепления сердечника при отливке втулки с помощью двух шпеньков, оставляющих на втулке два сквозных отверстия. В. Н. Чернецовым и Ю. С. Гришиным показано, что распространение этого приема литья относится к началу тагарской эпохи (VII в. до н. э.) [27]. Подобный прием литья был распространен и в среде сакских племен, начиная с VII в. до н. э. [28]. Однако ни на одном из кельтов-лопаток II типа нет следов применения этого метода отливки, что также позволяет заключить, что их изготовление относится еще к предсакской эпохе.

Таким образом, можно предположить, что знакомство среднеазиатских народов с китайскими земледельческими орудиями — чжоускими втульчатыми мотыгами, а несколько позднее с кельтами с поднятыми вверх ушками — послужило толчком для создания в период поздней бронзы на основе местных форм нового своеобразного орудия.

Лопатообразные кельты были распространены в Фергане и Семипалатинской области, концентрируясь в Киргизии. На этой территории бытовали и другие специфические типы орудий, например серпы с несомкнутой втулкой, что позволяет выделить подгорные районы, охватывающие часть Восточного и Южного Казахстана и Киргизию, в район распространения особого варианта культуры эпохи поздней бронзы и сложения сакских племен.

[24] Inner Mongolia and the Region of the Great Wall. Arhaeologia Orientalis, серия B, т. I, Tokyo — Kyoto, 1935, тип E—355; С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, № 4.

[25] В. Н. Чернецов. Опыт типологии западносибирских кельтов. КСИИМК, вып. XVI, стр. 76—77, рис. 25.

[26] В. И. Мошинская. Городище и курганы Потчеваш. МИА, № 35, 1953, табл. VI, *1*; рис. 3, стр. 201. В. И. Мошинская отмечает связи потчевашской культуры с ираноязычными племенами Южного Казахстана и с Китаем эпохи «шести династий» (стр. 211, 216).

[27] Б. Н. Черенцов. Ук. соч.; Ю. С. Гришин. Ук. соч.

[28] И. И. Копылов. Из истории техники литейного дела в сакское время. Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та, т. XIV (2), 1957, стр. 291—299.

В. В. ВОЛКОВ

БРОНЗОВЫЙ КИНЖАЛ ИЗ ГОБИ

Среди бронзовых изделий карасукского типа, случайно найденных на территории Монгольской Народной Республики, особенно интересен небольшой кинжал (рис. 1) из Южногобийского аймака [1].

Длина кинжала — 23 *см*. Отлит он из красноватой бронзы. Лезвие, остро заточенное с двух сторон, посередине имеет жилку и отделено от рукояти пластинчатым перекрестием. Слегка изогнутая рукоятка кинжала овальна в поперечном сечении, с обеих сторон ее — орнамент в виде двух полос, состоящих из трех вертикальных рядов мелких рельефных квадратиков. Сверху они перехвачены пояском из двух рядов таких же мелких квадратиков. Верхняя часть рукояти, помимо того, украшена свисающими треугольниками и выпуклым горизонтальным валиком, отделяющим ее от навершия. Навершие оформлено в виде скульптурной головки горного козла с большими загнутыми рогами, которые в настоящее время сломаны и немного согнуты в средней своей части.

Изображение головы животного выполнено несколько примитивно: излишне подчеркнута прямолинейность очертаний ушей, слишком отвисшей изображена нижняя губа, излишне схематично передана форма рогов. Это скульптурное навершие с полным основанием может быть отнесено к кругу древнего реалистического искусства, характерного для карасукской культуры [2].

На узкой стороне рукояти около навершия находится небольшая петелька. Подобные петельки часто встречаются на ножах и кинжалах Сибири и Северного Китая карасукского времени.

Наиболее близки к южногобийскому северокитайские бронзовые кинжалы с навершиями в виде животного с характерной отвисшей нижней губой и с большими спирально загнутыми рогами [3]. Сходство наблюдается не только в форме, но совпадают даже отдельные детали орнаментации рукояток. Например, рукоятка кинжала из Чахара украшена такими же вертикальными полосами и горизонтальным пояском свисающих треугольников [4]. Это совпадение формы и отдельных деталей орнаментации позволяет предполагать северокитайское происхождение нашего кинжала.

Из бронзового оружия карасукского времени Сибири наиболее близок к монгольскому кото-кельский кинжал из Бурятии, с навершием, выполненным также в виде головы горного козла [5].

Кото-кельский и гобийский кинжалы особенно сближает легкая изогнутость рукоятки того и другого, петелька на рукоятке и пластинчатое перекрестие. Эти особенности отделяют их от кинжалов карасукского типа. У тех редко встречаются пластинчатые перекрестия, лезвие чаще отделено от рукояти выемками (так называемый выемчатый эфес) или вообще отсутствует явно выраженное отделение рукояти от клинка, что типично для кинжалов с широким и коротким подтреугольной формы клинком [6].

На целом ряде карасукских кинжалов можно наблюдать переход от одной формы перекрестия к другой: первоначально это кинжалы с подтре-

---

[1] Кинжал найден на территории 4-го бага Баяндалай сомона Южногобийского аймака. Хранится в Южногобийском краеведческом музее.

[2] С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 172—177.

[3] Bernhard Karlgren. Some Weapons and Tools of the Yin Dinasty. BMFEA, № 17, 1945, табл. 37, *227*.

[4] J. Andersson. Hunting Magic in the Animal Style. BMFEA, № 4, 1932.

[5] М. П. Грязнов. Бронзовый кинжал с озера Кото-Кель. Бурятиеведение, № 1—2 (9—10), 1929.

[6] Из 26 известных нам карасукских кинжалов в Сибири только 5 имеют пластинчатое перекрестие.

угольным клинком [7], затем между рукоятью и лезвием кинжала появляются легкие выемки (выемчатый эфес) [8], далее выемки увеличиваются, образуя пластинчатое перекрестие [9], которое впоследствии становится господствующей формой эфеса раннетагарских и раннемайэмирских кинжалов [10].

Таким образом, кинжалы карасукского типа с пластинчатым перекрестием, в том числе монгольский и кото-кельский, следует относить к концу карасукской эпохи.

Это не значит, конечно, что все кинжалы, увенчанные скульптурными изображениями головы животного, относятся к позднекарасукскому времени. Те из них, которые отличаются от гобийского и кото-кельского характером эфеса, могут быть и более раннего времени, так как среди древнейших бронзовых изделий из развалин иньской столицы в Ань-Яне уже известны кинжалы данного типа. Например, кинжал с головкой козла из Ань-Яна, опубликованный Дж. Андерсоном, имеет такую же, как монгольский и забайкальский, слегка изогнутую рукоятку с рельефным горизонтальным валиком в верхней части [11]. Отличается он от них лишь более широким подтреугольным лезвием и отсутствием пластинчатого перекрестия. Своими общими очертаниями, таким образом, он больше напоминает раннекарасукские кинжалы и, очевидно представляет собой исходную форму этого оружия.

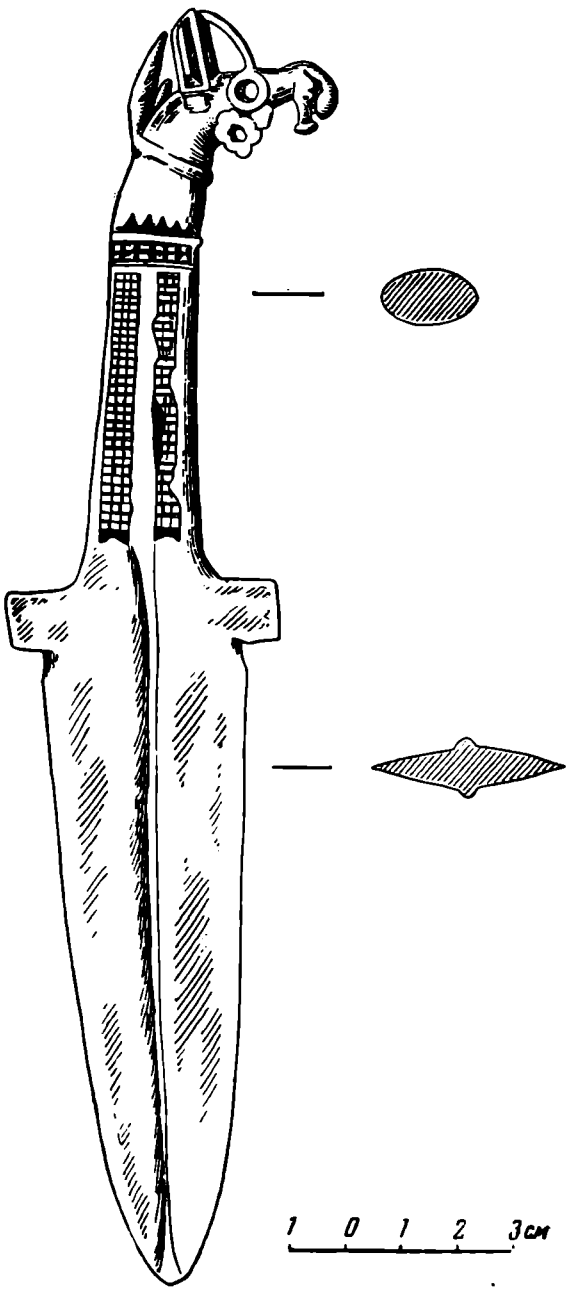


Рис. 1. Бронзовый кинжал из Гоби

Кинжалы, подобные ань-яньскому, в результате этапного обмена, а также в связи с вытеснением на север «варварских» племен слагающимся Иньским государством [12] попадают в Монголию и Сибирь и служат здесь образцами при изготовлении оружия. О широком же распространении кинжалов, аналогичных карасукским, в пограничных районах Иньского госу-

[7] См., например, кинжал из Красноярского музея, инв. № 118-196 или кинжалы из Эрмитажа, инв. № 5531-241 и 5531-248.

[8] Кинжал из Красноярского музея, инв. № 118-196, кинжал из Эрмитажа (кол. Лопатина), инв. № 5531-241, кинжал из МАЭ (колл. Пилетича), № 15-20 и т. д.

[9] См. кинжалы: Martin. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. 1893, табл. 23, *4*; Д. А. Клеменц. Древности Минусинского музея. Томск, 1886, табл. IV, *5*.

[10] М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, рис. 5, *1*, *6*; рис. 6, *9*.

[11] B. Karlgren, Ук. соч., табл. 32, *183*.

[12] С. В. Киселев. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951, стр. 24

дарства свидетельствуют многочисленные находки в Ордосе, Чахаре, Внутренней Монголии и т. д. При этом на северокитайских кинжалах наблюдаются абсолютно те же, что и на сибирских, типы наверший, формы эфеса, рукояти и лезвия. Очевидно, существовала определенная параллельность в эволюции карасукских и северокитайских кинжалов.

Эта параллельность в развитии кинжалов Сибири и Северного Китая и датировка гобийского и кото-кельского кинжалов позднекарасукским временем говорят об интенсивных культурных связях населения Северного Китая и Сибири через Монголию на протяжении всей карасукской эпохи, вплоть до начала тагарской эпохи.

Итак, публикуемый кинжал является звеном восточноазиатской линии развития кинжалов карасукского типа со «звериным» навершием и одним из свидетельств тесных культурных связей Северного Китая, Монголии и Сибири в конце карасукской эпохи.

В. И. ГУЛЯЕВ

МЕЧИ СКИФСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

В течение последнего десятилетия в советской научной литературе стали появляться сведения об отдельных предметах вооружения, найденных на территории городецких племен Среднего Поволжья. В 1950 г. Н. В. Трубниковой был опубликован железный меч с антенным навершием из окрестностей г. Вольска [1]. По аналогии со скифскими мечами этого типа, вольский экземпляр можно отнести к V в. до н. э.[2]. Близкие по форме мечи мы находим в курганах у с. Грищенцы, б. Каневского у.[3], в курганах у с. Турья[4] и в савроматских памятниках Приуралья[5]. Два года спустя появилась известная работа А. В. Збруевой[6], в которой, наряду с мечами из прикамских могильников, упоминается бронзовая рукоять кинжала из-под Ядрина, на р. Суре[7]. Автор с полным основанием сближает ядринский кинжал с биметаллическими и бронзовыми мечами Сибири. В популярной книге пензенского краеведа М. Р. Полесских был опубликован интересный биметаллический меч из г. Пензы, с навершием, украшенным головками птиц[8] (рис. 1, *2*). Перекрестье меча имеет бабочковидную форму, подвергшуюся уже известной стилизации. Бронзовая рукоять украшена витыми валиками и насечками. Общая длина меча — 43 *см*. Близких аналогий среди скифских древностей ему найти нельзя. Однако, судя по форме антенного навершия и перекрестия, данный экземпляр можно отнести к IV в. до н. э.

Сведения еще об одном железном мече скифского типа из б. Юловской волости, б. Вольского у., содержатся в работе Е. К. Максимова[9]. Отмечая архаические черты в оформлении брусковидного навершия и бабочковидного перекрестья, автор относит юловский меч к VI в. до н. э.

---

[1] Н. В. Трубникова. Городецкие племена и их связь со скифами и сарматами. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 123. Хран. в ГИМ, инв. № 43888.

[2] W. Ginters. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin, 1928, табл. XVI, *а*.

[3] Там же.

[4] А. А. Миллер. Раскопки в районе древнего Танаиса. ИАК, вып. 35, 1910, рис. 14.

[5] Ф. Д. Нефедов. Археологические исследования в Южном Приуралье и Прикамье в 1893—1894 гг. МАВГР, т. III, 1899, табл. VIII, *в*.

[6] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952.

[7] Там же, стр. 103.

[8] М. Полесских. В недрах времени. Пенза, 1956, рис. 16, *3*.

[9] Е. К. Максимов. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья. Тр. Саратовского областного музея краеведения, вып. III, Саратов, 1960, табл. I, *5*.

Изучение материалов ГИМ и Краеведческого музея г. Пензы помогло выявить еще несколько мечей скифского типа с интересующей нас территории [10].

Один из них найден у с. Средняя Липовка, б. Кузнецкого у., в Поволжье [11] (рис. 2, *1*). Он имеет массивное брусковидное навершие и классическое почковидное перекрестье, свойственные ранним скифским акинакам. Общая длина меча 33 *см*, длина клинка 25 *см*, ширина перекрестья 5 *см*. Вдоль рукояти проходит прямоугольная выемка. Клинок имеет треугольную форму, посредине его прослеживается ребро. Близкие по форме мечи мы находим в ранних памятниках скифского времени в Среднем Приднепровье: длинный меч из Старшой Могилы, датируемой В. А. Ильинской серединой VI в. до н. э. [12], меч из кургана у с. Пруссы, б. Черкасского у. [13], и др. Массивный брусок, выемка в центре рукояти, почковидное перекрестье без всяких следов стилизации — черты, свойственные ранним скифским мечам VI в. до н. э. Исходя из этого, можно с полным основанием отнести кузнецкий экземпляр ко второй половине VI в. до н. э.

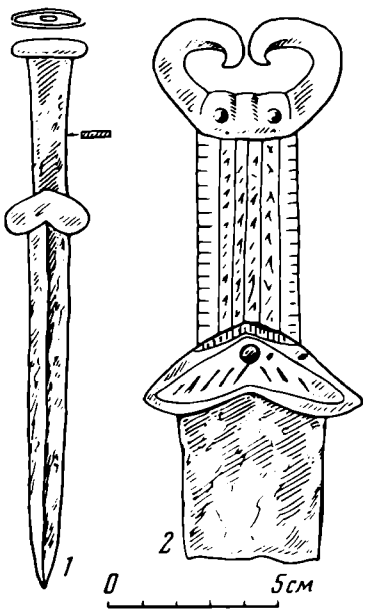


Рис. 1.
1 — железный кинжал из с. Сергеевка; *2* — бронзовая рукоять меча из г. Пензы

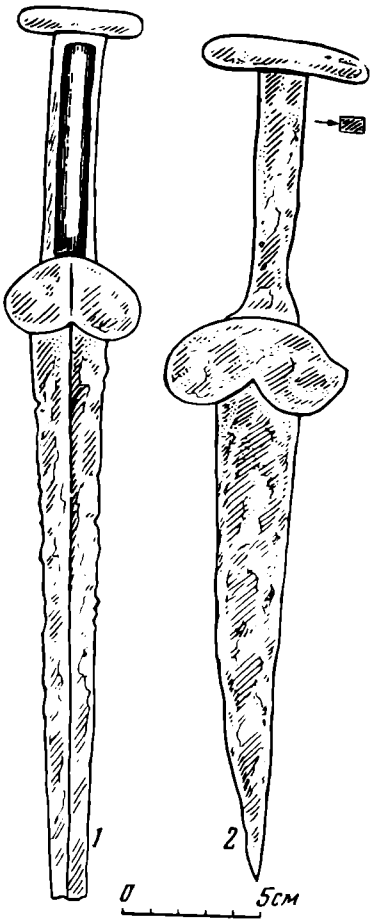


Рис. 2.
1 — железный меч из с. Средняя Липовка; *2* — биметаллический меч из Пензенской области

К этой же группе ранних мечей относится другой интересный кинжал, найденный близ с. Сергеевка, б. Задонского у. [14] (рис. 1, *1*). Данный район

---

[10] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность Н. В. Трубниковой за разрешение опубликовать несколько мечей из коллекции ГИМ.

[11] ГИМ, инв. № 49/13[6].

[12] В. А. Іллінська. Старша Могила — пам'ятка архаічної Скіфії. Археологія, т. V, 1951, стр. 212.

[13] Б. Н. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, т. III, Киев, 1900, табл. XXXVIII, *166*.

[14] ГИМ, инв. № 34339.

находился в пограничной зоне городецких племен и носителей скифообразной культуры Среднего Дона, известной по Частым и Мастюгинским курганам. Общая длина меча 32 *см*, длина клинка 22 *см*, ширина перекрестья 5 *см*. Клинок имеет треугольную форму. Массивное брусковидное навершие и сердцевидное перекрестье позволяют отнести меч из с. Сергеевка к концу VI в. до н. э. Среди скифских акинаков, близких по форме сергеевскому, можно назвать мечи из с. Дарьевка, б. Киевской губ. [15], и из курганов Каневской группы [16].

В Краеведческом музее г. Пензы хранится еще один интересный меч, найденный на территории Пензенской области [17] (рис. 2, *2*). Его главной особенностью является бронзовое брусковидное навершие, сочетающееся с железной рукоятью и клинком. При сравнительно небольшой длине (30 *см*) пензенский экземпляр имеет массивное и широкое (6 *см*) перекрестье почковидной формы. Клинок — треугольный, следов ребра нет. Подобное сочетание навершия и перекрестья неоднократно встречается среди архаических мечей из пределов Геродотовой Скифии: железный кинжал из кургана у с. Кириковка, б. Харьковской губернии [18]; меч в золотых ножнах из кургана у хут. Шумейки, б. Роменского уезда [19]; меч из с. Староселье, б. Киевской губ. [20], и др. Исходя из вышесказанного, меч из Пензенской области можно отнести к концу VI в. до н. э.

Все упомянутые выше мечи с территории Среднего Поволжья можно разбить на две группы, основанием для выделения которых послужил материал, использованный для изготовления данных предметов вооружения. Общим признаком для мечей как одной, так и другой группы является почти полное совпадение их с теми формами скифских мечей, которые господствовали в южнорусских степях и в Приднепровье в VI—IV вв. до н. э.

В одну группу (четыре экземпляра) входят скифского типа мечи, изготовленные целиком из железа. Относительно нее не может быть каких-либо сомнений. Сравнительно высоко развитые формы скифского оружия, конской сбруи и украшений в зверином стиле получили широкое распространение в Восточной Европе и в Азии, оказав глубокое воздействие на культуру местного населения, в том числе и на культуру городецких племен Среднего Поволжья. Вполне возможно, что от скифо-савроматских племен в результате взаимных связей или военных столкновений мечи первой группы попали на территорию городецкой культуры.

Характерная особенность мечей второй группы заключается в том, что типичные для скифских мечей формы сохраняются, но материалом для изготовления рукояти или ее отдельных элементов служит бронза. Эта черта крайне нетипична для собственно скифских мечей, так как на территории Среднего Приднепровья и степного Причерноморья бронзовые орудия труда и оружие окончательно вытесняются железными (исключение — стрелы) в середине VII в. до н. э. [21]. В скифских архаических памятниках VI в. до н. э. биметаллические и бронзовые мечи, за редчайшим исключением [22], не встречаются вообще [23].

Что же касается Прикамья и Сибири, то общепризнано наличие там многих бронзовых и биметаллических орудий и оружия, бытующих наряду

---

[15] А. А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. II, СПб., 1889, табл. XV, *7*.

[16] Б. Н. и В. И. Ханенко. Ук. соч., т. II, 1899, табл. II, *53*.

[17] Пензенский краеведческий музей, инв. № 8397/2.

[18] Тр. XII АС, т. I, Харьков, 1902, стр. 686, рис. 131.

[19] Б. Н. и В. И. Ханенко. Ук. соч., т. III, табл. XV.

[20] Гос. Эрмитаж, инв. Дн. 1932, 76/3.

[21] Б. Н. Граков. Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, 1958, № 4, стр. 4.

[22] См. упоминавшийся выше биметаллический меч из с. Пруссы, относящийся, возможно, к началу VI в. до н. э.

[23] Б. Н. Граков. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 41.

с железными еще в IV—III вв. до н. э.[24]. Это обстоятельство объясняется особыми местными условиями, сложившимися в указанных районах еще в предскифский период (наличие богатейших залежей меди, высоко развитая индустрия бронзы и др.). Могильники ананьинского времени в Прикамье дают целый ряд бронзовых и биметаллических мечей и кинжалов VI—IV вв. до н. э. Луговской могильник — погр. 57[25], Ананьинский могильник — погр. 23[26], Зуевский могильник — погр. 130[27] и др. Всего из Прикамья известно пять-шесть подобных экземпляров. Несколько биметаллических мечей, имеющих, однако, ряд существенных отличий от скифских образцов, известно среди древностей Минусинской котловины[28].

Таким образом, изготовление биметаллических мечей и кинжалов Среднего Поволжья следует связывать не со скифами и савроматами, а с Прикамьем, где ананьинские мастера, руководствуясь широко распространенными формами скифского оружия, одновременно использовали богатые местные традиции и приемы обработки бронзы. На прикамское происхождение некоторых предметов вооружения с территории городецких племен указывает и ряд других признаков. Бронзовая рукоять меча из г. Пензы (см. рис. 1, *2*) украшена насечками и витыми валиками, т. е. чисто ананьинскими орнаментальными мотивами, получившими столь широкое распространение у всех финно-угорских племен Восточной Европы[29]. Таким образом, городецкие племена Среднего Поволжья, находившиеся между двумя высоко развитыми культурами того времени — скифо-савроматской на Юге и ананьинской на Северо-Востоке,— не могли не испытывать значительного по силе воздействия как с той, так и с другой стороны. Результаты этого двойственного влияния и нашли свое отражение в рассмотренной группе предметов вооружения. Архаическая форма большинства мечей с городецкой территории (VI—V вв. до н. э.) служит косвенным подтверждением раннего возникновения городищ «рогожной» керамики в Среднем Поволжье.

Выявление довольно значительной (семь экземпляров) группы мечей при учете находок других предметов вооружения с указанной территории (бронзовый шлем келермесского типа из с. Старые Печеуры, б. Хвалынского у.[30]; три железных копья из с. Средняя Липовка, б. Кузнецкого у.[31]; неоднократные находки бронзовых и железных стрел[32] скифского типа), позволяет значительно расширить наши представления о вооружении, культуре и связях населения Среднего Поволжья в скифскую эпоху.

---

[24] Б. Н. Граков. Старейшие находки..., стр. 4.
[25] А. В. Збруева. Ук. соч., стр. 99, рис. 10.
[26] Там же, табл. XXI, *11*.
[27] Там же, табл. XXI, *9*.
[28] В. В. Радлов. Сибирские древности. МАР, №5, табл. XII и XIII.
[29] A. M. Tallgren. L'époque d'Ananino. Helsinki, 1919, рис. 14, 38, 103.
[30] ОАК за 1895 г., рис. 192.
[31] ГИМ, инв. № 49/13[6].
[32] А. Е. Алихова. Некоторые древние городища Мордовской АССР. Сб. «Из древней и средневековой истории мордовского народа», Саранск, 1959, стр. 108.

В. И. МАТЮЩЕНКО

ОБ АНТРОПОМОРФНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА ГЛИНЯНЫХ СОСУДАХ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ САМУСЬ IV

Поселение Самусь IV, исследуемое нами в последние годы, дало очень много интересного материала по истории томских племен эпохи бронзы второй половины II тысячелетия до н. э.[1].

На поселении собрано большое количество фрагментов и несколько частично восстановленных сосудов, украшенных, помимо обычного орнамента, антропоморфными изображениями.

Все сосуды и фрагменты их, имеющие эти изображения, полностью аналогичны другим рядовым сосудам, добытым на поселении: и по форме, и по величине, и по технике изготовления, и, наконец, по наличию орнамента (кроме антропоморфных рисунков), общего для керамики данного памятника. Все рисунки выполнены контурно тонкой палочкой по еще необожженному сырому сосуду.

Вот некоторые из этих сосудов и изображений.

1. Сероглиняный плоскодонный сосуд с прямым венчиком среднего обжига, украшенный в верхней части четырьмя горизонтальными резными линиями в сочетании с мелкими лунками. Ниже этого пояса — контурное изображение фигур человека с двумя вертикальными линиями вместо головы и туловищем, заштрихованным короткими поперечными линиями. Фигуры чередуются с тремя вертикальными резными линиями. У самого дна — две горизонтальные резные линии и мелкие лунки. Дно украшено двумя концентрическими резными кругами, в которые вписаны два таких же круга; второй и третий круги соединяются 12 поперечными линиями, расположенными попарно (рис. 1, *1*).

2. Контурное изображение лица человека на внешней стороне плоского дна. Очень четко изображены глаза, брови, нос, губы, уши. Все лицо обрамлено восемью концентрическими кругами (рис. 1, *2*).

3. Изображение лица человека, выполненное двумя концентрическими кругами, в центре которых точками нанесены глаза и рот. Вниз от головы прочерчены три вертикальные линии, а с боков на уровне глаз спускается по одной слабо изогнутой линии (может быть, схематическое изображение кос; рис. 1, *3*).

4. Схематическое изображение головы человека. Глаза и рот нанесены точками. Нос слабо выделяется небольшой выпуклостью. Лоб ограничен прямой горизонтальной линией, от которой вверх поднимаются три короткие вертикальные линии. Со стороны щек в обе стороны также нанесено по три коротких горизонтальных линии. Все это изображение ограничено двумя дугообразными линиями, а вниз от него нанесены три вертикальные линии (рис. 1, *4*). Подобные изображения на поселении — довольно частая находка, и отличаются они от описанного только некоторыми деталями.

5. На сосудах поселения многочисленны личины, имеющие по три вертикальные линии над головой и по три коротких штриха с каждой стороны лица. Туловище этих изображений выполнено одной или двумя вертикальными линиями (рис. *1, 5, 6*).

6. Есть много изображений, воспроизводящих фигуру человека с двумя-тремя вертикальными линиями вместо головы, со слабо изогнутыми руками, нарисованными двумя или одной линией (рис. 1, *7—9*); иногда от

---

[1] См. В. И. Матющенко Памятники андроновского времени в низовьях р. Томи. Сб. «Вопросы древней истории Западной Сибири»; Томск, 1959; его же. К вопросу о бронзовом веке в низовьях р. Томи. СА, 1959, № 4.

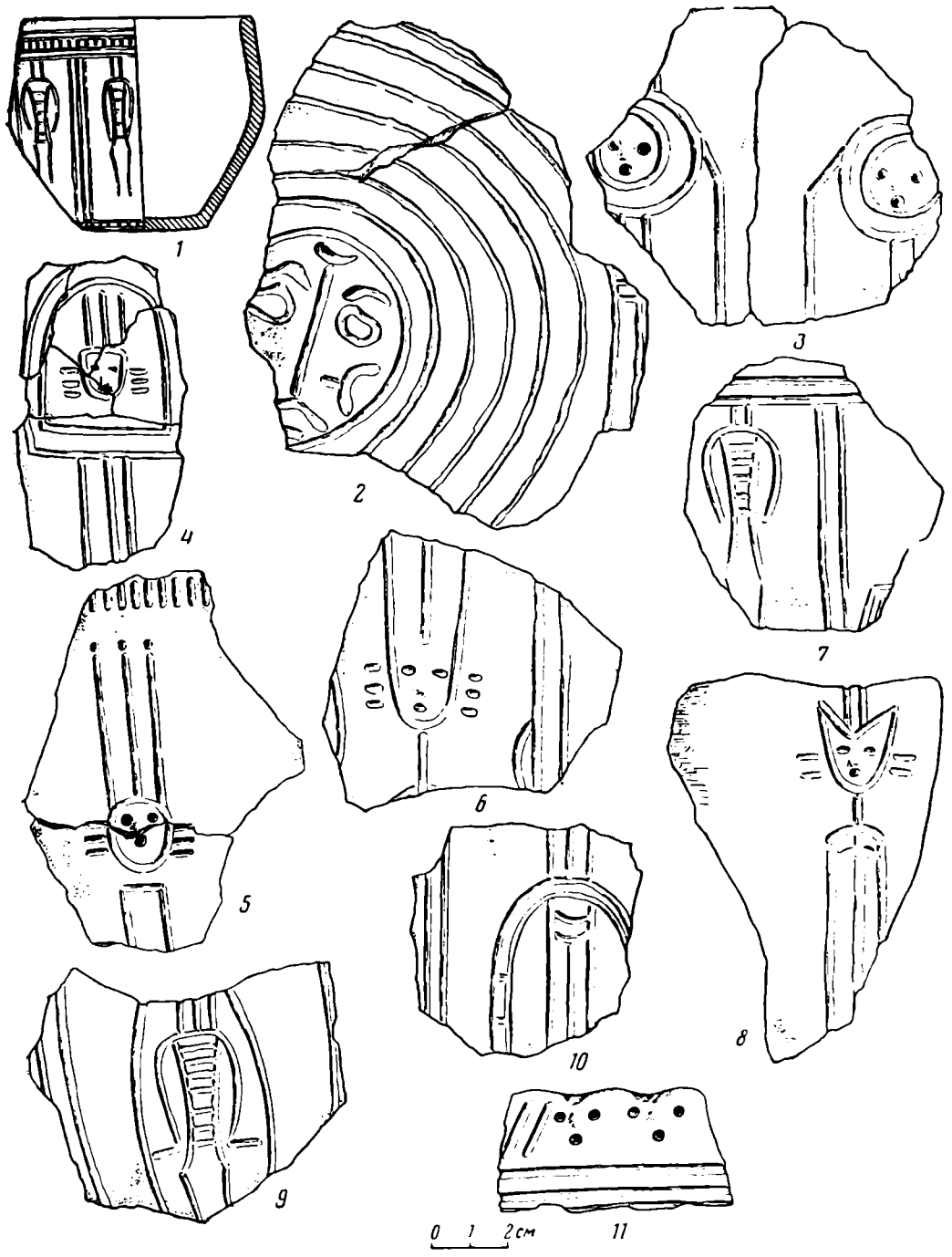


Рис. 1. Антропоморфные изображения на сосудах из поселения Самусь IV

линий, заменяющих голову, спускаются вниз со слабым изгибом две-три подобные линии, возможно имитирующие косы.

7. Имеются изображения личин с длинными руками и туловищем в виде трех вертикальных линий (рис. 1, *10*).

8. Нередки также очень схематичные изображения личин, расположенные по самому обрезу венчика сосуда (рис. 1, *11*).

Очень интересно также изображение половины личины какого-то существа, нанесенное тонкими контурными линиями, возможно, с короной, имеющей рога.

Антропоморфные изображения с поселения Самусь IV не являются совершенно изолированными; прежде всего, многие эти изображения по

трактовке головы имеют близкие аналогии в более позднее время в памятниках кулайского типа. Так, голова, изображенная на рис. 1, *2*, имеет прямую аналогию в кулайских изображениях [2]. То же можно отметить по поводу других изображений. Особенно это относится к голове, плоско усеченной сверху. Подобные ей изображения найдены близ дер. Ишимки бывш. Ачинского уезда [3].

Во всех этих изображениях очень близка трактовка головы в виде усеченного сверху овала, глаз и рта в виде овалов; также их сближает наличие шеи, которая имеется у всех указанных изображений и у изображений на самусьских сосудах.

Изображение человека в искусстве народов таежной полосы Западной Сибири, как уже было сказано, широко распространено в различные археологические эпохи. Так, среди материалов усть-полуйской культуры известно изображение лица человека на пластинке панциря в виде овала, усеченного сверху, в короне с четырьмя зубцами в виде стрел [4]. На этом изображении несколько иначе, чем на поселении Самусь IV, выполнены рога и глаза, но общий облик очень близок самусьским рисункам. Известно другое подобное изображение в виде бронзовой личины среди памятников этой культуры [5]. Бронзовое же изображение усеченного сверху лица человека хранится также в фондах Ханты-мансийского музея[6]. Весьма близки по манере передачи черт лица гравированные изображения на бляшке того же времени [7], а также и в более позднюю эпоху [8].

Прием изображения туловища человека заштрихованными поперечными линиями сохраняется в Западной Сибири значительно позднее; примером этому может служить изображение фигурки человека из бронзы, найденное около г. Тары [9] и в Усть-Полуе [10].

Кроме того, среди кулайских материалов имеются изображения, воспроизводящие полную фигуру человека и тем самым близкие именно самусьским. Правда, они имеют очень мало сходства в трактовке изображений. Однако наличие таких деталей, как ребра, имеющиеся и в тех, и в других изображениях, особенно сближает их. Но на сосудах имеются также изображения, близкие к изображениям такого рода не столько из Западной Сибири, сколько из Восточной Сибири. Мы имеем в виду прежде всего наличие короны на голове в виде отростков. На поселении Самусь IV в силу специфичности материала (керамика) они несколько отличаются от восточносибирских. Однако в данном случае корона из Самусь IV подчинена общему орнаментальному стилю на сосудах — стремлению к вытянутым линиям. В Музее истории материальной культуры при Томском гос. университете есть две железные короны, происходящие из района Обь-Енисейского канала [11], примыкающего к областям Восточной Сибири. Одна из корон, наиболее сохранившаяся, имеет вертикальные отростки-рога. Такие короны, являющиеся атрибутом шаманизма в более позднее

---

[2] И. М. Мягков. Древности Нарымского края (в собраниях Томского краевого музея). Тр. Томского краевого музея, т. II, 1929, табл. III, *2, 5*.

[3] А. Ермолаев. Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический, вып. 1, Красноярск, 1914, стр. 11, табл. VI, *7*; А. П. Окладников. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири. СА, X, 1948, стр. 211, рис. 13.

[4] В. И. Мошинская. Материальная культура Усть-Полуя. МИА, № 35, 1953, табл. XV.

[5] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени. МИА, № 35, 1953, табл. IX, *3*.

[6] В. Н. Чернецов. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, № 35, 1953, стр. 234, рис. 3.

[7] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, табл. VI, *1, 3*.

[8] В. Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. МИА, № 58, 1957, табл. XXIX, *3*.

[9] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, табл. XXIV, *9*.

[10] Там же, табл. XII, *2*.

[11] Музей ИМК при ТГУ, инв. №№ 2401, 2402.

время, чем изучаемое нами, в какой-то мере воспроизводят подобные вещи, существовавшие в эпоху бронзы.

Изображение на дне сосуда (рис. 1, *2*), не имеющее короны, близко к восточносибирским по другим элементам. Здесь одинаково изображены лица (округлые овалы, имеющие по два боковых выступа-ушка, изогнутые брови, овальные глаза и рот, очерченные линией). Такие изображения из Восточной Сибири опубликованы А. П. Окладниковым [12].

Таким образом, самусьские изображения имеют сходство как с изображениями кулайского типа, так и с изображениями восточносибирскими.

Среди материалов кулайского типа, а также среди собранных Р. А. Ураевым изображений на Парабели в 1957 г., имеются фигуры птиц с одним туловищем и тремя головами. Подобные изображения с тремя головами при одном туловище известны также в коллекции, происходящей с р. Чая и хранящейся в Томском музее ИМК, а также в Истяцком кладе [13]. Возможно, что такой сюжет мы имеем и на самусьских сосудах, где по венчику в крайне схематичном виде изображаются обычно три личины, объединенные в одну группу (рис. 1, *11*). Иногда фигурка человека не имеет головы, но ее заменяют две или три вертикальные черты (рис. 1, *7—9*). Нельзя ли в этом видеть символическое изображение двух или трех голов при одном туловище? Мы не можем говорить о большом сходстве между самусьскими и указанными выше изображениями. За длительный период времени, разделяющий все эти находки, возможно, могла сохраниться манера трактовки изображений, за которой кроется, вероятно, какой-нибудь еще не ясный для нас смысл.

Все подобные изображения расцениваются исследователями как изображения тотемов, охраняющих людей от злых сил природы [14]. Такое мнение следует считать вполне справедливым. По нашему мнению, все изображения на стенках сосудов следует связывать с шаманизмом, который во второй половине II тысячелетия до н. э. уже ясно проступает в виде этих изображений. Мы не можем на основании имеющегося материала говорить о степени развития шаманистских верований, для этого у нас нет достаточного материала. Однако существование этой формы верований не приходится отрицать.

---

[12] А. П. Окладников. Ук. соч., рис. 1, *6*.

[13] В. Н. Чернецов. Бронза усть-полуйского времени, табл. XXI, *7*, *8*, *11*.

[14] А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля. Сб. МАЭ, VI, Л., 1927, стр. 155—159; А. А. Спицын. Шаманские изображения. ЗРАО. VIII, вып. 2, 1906; А. П. Окладников. Ук. соч., стр. 233.

К. МАЕВСКИЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РИМСКОГО ГОРОДА НОВЕ (БОЛГАРИЯ) в 1960 г.

Первые археологические раскопки, проведенные близ г. Свиштова в Болгарии, где на правом берегу Дуная располагался когда-то римский город Нове (Novae), были организованы в 1960 г. Варшавским университетом и Институтом археологии Болгарской Академии наук. В Нове стоял когда-то I Италийский легион. Существование этого города засвидетельствовано несколькими древними авторами и подтверждается значительным количеством находок, например, надписей, монет, гемм, изваяний, а

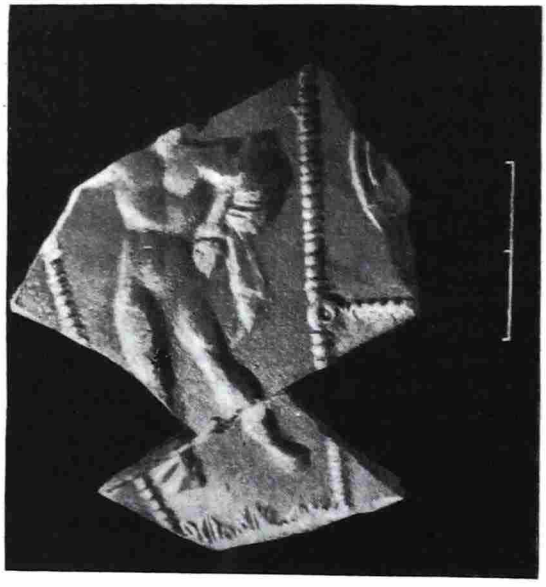


Рис. 1. Фрагмент краснолакового сосуда с изображением Геракла

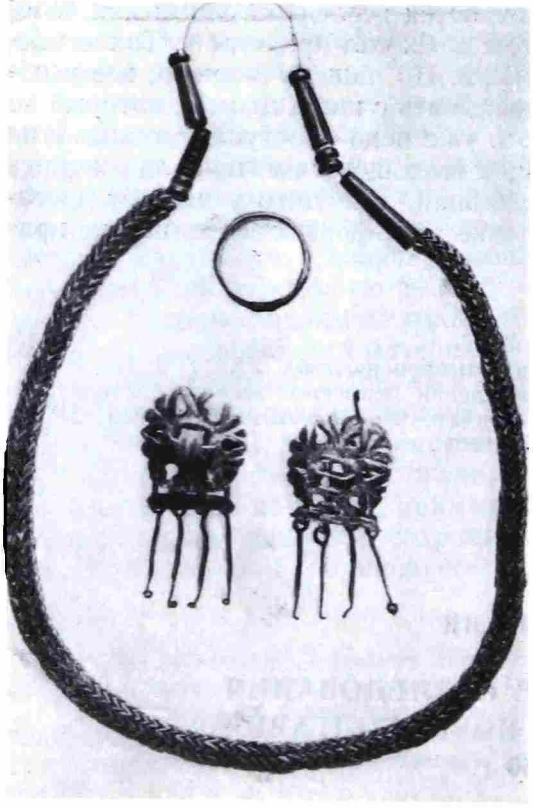


Рис. 2. Серебряное кольцо, золотые серьги и стеклянные бусы из женского погребения в некрополе Нове

также бронзовых и керамических изделий, случайно обнаруженных в местности Стеклен, расположенной на расстоянии 2 *км* от Свиштова.

Город Нове был в древности не только важным стратегическим пунктом, но и оживленным торговым центром. Его пересекали важные торговые пути; самым важным из них был древний путь из Византия, ведущий через города Адрианополь и Никополь на Истре в Нове, оттуда направляющийся к северо-западу, вдоль Дуная, к придунайским провинциям и, наконец, выходящий за границы Империи. Многочисленные металлические и стеклянные изделия, производимые в мастерских Восточной Империи, привозились по этому пути на территорию современной Чехословакии, а оттуда вдоль рек Вага и Моравы проникали также и на польскую территорию.

Среди многочисленных городов Мезии город Нове, просуществовавший вплоть до средневековья, представляет особый научный интерес. В сохранившихся письменных источниках он упоминается в последний раз в труде армянина Василия, датируемом первой половиной IX в. Греко-римская культура древнего мира превратилась в этом городе в раннесредневековую византийскую культуру. Среди археологического материала, добываемого раскопками в Нове, очень важны надписи, позволяющие надеяться на разрешение вопроса о роли раннего славянского поселения в районе Нове в процессе образования древнеболгарского государства. Исследование этой проблемы и предприняла археологическая экспедиция Варшавского университета, руководимая проф. В. Хенселем и проф. К. Маевским.

Археологическими полевыми работами, проведенными в 1960 г. Болгарско-польской археологической экспедицией под руководством К. Маевского, профессора античной археологии Варшавского университета, была установлена линия город-

ских оборонительных стен, составлявшия неправильный прямоугольник (около 620—500 × 470 *м*). На исследованных участках была открыта часть западной городской стены и прямоугольная башня из тесаного камня, сохранившаяся до 4 *м* высоты; далее обнаружена была часть северной городской стены над обрывистым берегом Дуная, а также остатки стен, принадлежащих различным зданиям, в том числе часть стены с двумя колоннами. На основании керамики здания эти можно датировать II—VII вв. н. э. Очень ценной для датировки этого комплекса зданий оказалась каменная плита в южной стене одного из строений, с рельефом, изображающим Юнону, Юпитера и Минерву, и посвятительной надписью. Сохранилось начало надписи:
CONCORDIA · CONSACRANIS · I · O · M · ET · IVNONI · REG · ET · MINERVAE...

Среди других находок следует отметить монеты, кирпичи с клеймами Leg(io) I Ital(ica), религиозный рельеф, часть надписи, керамические сосуды (светильники, краснолаковая керамика; рис. 1) и другие глиняные изделия, как черепица, гири весов, грузила ткацкого станка, обломки стеклянных сосудов, наконец, железные и костяные изделия.

Раскопки были также проведены вне стен города на запад и на юг от них. В южном могильнике была обнаружена могила, содержащая женский скелет с золотыми серьгами, серебряным кольцом и с ожерельем из стеклянных бус (рис. 2), датирующаяся концом позднеримского периода.

Разыскивая следы древнейших поселений в районе Свиштова, экспедиция провела разведки и сборы подъемного материала на территории так называемой Острой Могилы (в 1 *км* к востоку от Novae), где найдены были следы поселения с керамикой, датирующейся неолитической и бронзовой эпохами, с так называемой фракийской керамикой, с керамикой римской, а главным образом со значительным количеством раннеславянских керамических обломков. Экспедиция начала также вести учет архитектурных фрагментов и надгробных стел, вторично использованных в постройках города Свиштова.

М. М. КОБЫЛИНА

ЧЕРТЫ ЭОЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АРХАИЧЕСКОЙ ФАНАГОРИИ

Древнейшие культурные слои Фанагории относятся к последним десятилетиям VI в. до н. э. [1]. Находки в этом слое, а именно архаические предметы (терракотовые статуэтки, светильники, фрагменты расписной посуды и пр.) свидетельствуют, что культура архаической Фанагории была близка ионийской. Последняя была перенесена сюда переселенцами и поддерживалась торговыми связями с островной и малоазийской Ионией.

Новый штрих в наше представление об архаической Фанагории вносит своеобразный памятник (рис. 1), найденный при раскопках на холме Г [2]. Это обломок терракотовой рельефной плиты (размеры фрагмента: длина — 0,08 *м*, высота — 0,06 *м*, толщина — 0,15 *м*) с изображением полуобнаженной мужской фигуры; вся верхняя часть этой фигуры, руки и ноги выше колен не сохранились. Несмотря на фрагментарность изобра-

[1] В. Д. Блаватский. Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг. ВДИ, 1940, № 3-4, стр. 297—298.

[2] М. М. Кобылина. Отчет о раскопках Фанагории в 1948 г. Архив ИА АН СССР, № 253, стр. 19.

жения, сюжет совершенно ясен: представлен мужчина в гиматии, возлежащий на ложе, немного приподняв верхнюю часть тела, опираясь при этом на локоть левой руки и на левое бедро; левая нога, слегка согнутая в колене, прилегает к ложу, правая же была поставлена, сильно согнутая и поднятая в колене; он лежит на мягкой подстилке; на фрагменте сохранились также верхняя горизонтальная часть ложа и кусочек поля между ножками ложа, на котором, вероятно, были какие-то рельефные

Рис. 1. Фрагмент рельефной терракотовой плиты из Фанагории

изображения. Обращает на себя внимание архаичность изображения: фигура возлежащего мужчины развернута перед зрителем — более отдаленное правое бедро изображено в одной плоскости с более близким к зрителю левым бедром, одежда сливается с телом, складки гиматия трактованы орнаментально и резко выделяются на гладкой поверхности, плоско и схематично изображена кисть руки.

Изображение сцены пира очень характерно для архаического малоазийского ионийского искусства. Оно имеет глубокие традиции в древневосточном искусстве. Этот сюжет встречается и среди архаических терракот — как вотивных приношений, так и погребальных [3]. Целый ряд архаических терракот с этим сюжетом мы видели среди вотивных архаических приношений при обозрении музеев Греции; они представляют собою или статуэтки (как, например, в музее Дельф), или рельеф без фона (в музее Элевсина), или же плитку с рельефным изображением. Такая хорошо сохранившаяся плитка (длиной около 0,18 *м*) с изображением, по-видимому, пирующего Геракла имеется в музее Олимпии. В верхней части этой плитки — дырочка для подвешивания; на фоне вверху, в левом углу, изображен предмет, похожий на горит [4].

Все эти разновидности сюжета симпосиона в миниатюрных статуэтках из терракоты обычно ограничиваются изображением возлежащей фигуры и верхнего края ложа.

[3] Fr. Winter. Die Typen der figürlichen Terrakotten, I, Berlin — Stuttgart, 1903, стр. 192—193.

[4] Изображение пирующего Геракла см. Fr. Winter. Ук. сок., I, стр. 191, рис. 6 и 7.

Плита, которой принадлежит фанагорийский фрагмент, была значительно больших размеров: судя по пропорциям сохранившейся части фигуры, длина плиты была не менее 0,30 *м*, высота не менее 0,25 *м*; композиция, судя по фрагменту ложа, была более сложной.

Исполнение нашего рельефа весьма своеобразно и также сильно отличается от вышеуказанных аналогий: схематичность складок одежды, собранных по три и резко выделенных, плоскостность изображения (без ракурса) кисти руки сочетается почти с натуралистической передачей мягкого полуобнаженного тела и прогиба бедер.

Сюжетные и стилистические аналогии нашему памятнику имеются в архитектурной терракоте эолийского города Ларисы в Малой Азии. Здесь были найдены обломки терракотового фриза, фронтонных терракотовых групп и акротериев, относящихся к маленькому святилищу VI в. до н. э. [5].

В результате реконструкции этих фрагментов восстанавливается фриз с изображением охоты на колесницах, всадников, битвы с кентаврами, симпосиона [6]. На одной из плит фриза восстановлены две возлежащие на ложе мужские фигуры с ритонами в руках, справа от ложа стоит виночерпий, слева — флейтистка, между ножками ложа изображены собака и петух. Детали фигуры на ложе не совпадают с нашим изображением, но полностью аналогично исполнение — графическая передача складок гиматия по три и больше, параллельными или слегка расходящимися линиями [7]; совершенно так же изображена кисть руки в фас, четыре пальца вместе, большой отодвинут в сторону; с такой же мягкостью трактовано обнаженное тело, аналогична и особая заглаженность поверхности рельефа, рассчитанная на полихромию [8]. Фриз из Ларисы был полихромный, чередовались светлые и черные фигуры; сверху он был обрамлен овами (красными и черными, с белыми обрамлениями) и жемчужником (красные жемчужины с белыми перемычками между ними), внизу — полочкой.

М. И. Максимова отмечает, что особого развития применение архитектурных терракот достигло в Северной Ионии и в прилегающих к ней областях, ибо только там были открыты целые серии архитектурных терракот и среди них — фигурные фризы (в Неэндрии, Гордионе, Сардах, Ларисе), в то время как фигурные фризы совершенно отсутствуют не только в Греции, но и в Южной Ионии, тяготеющей к Милету [9]. Эта особенность эолийского декора отражена даже в каменной эолийской архитектуре, хотя архаический храм в Ассосе дорического ордера, но, кроме метопо-триглифного фриза, он имеет фриз рельефный (эофор); среди изображений фриза мы видим и сцены пира [10].

Указанный фриз из Ларисы со сценами симпосиона Л. Кьельберг датирует 560—540 гг. до н. э. [11]. Наш памятник может относиться ко времени вскоре после основания города Фанагории. Он мог быть частью небольшого фриза, до 0,30 *м* высоты (фриз из Ларисы имеет высоту 0,40 — 0,43 *м*). В таком случае можно предположить, что он относился к небольшому сооружению типа героона; описываемая плитка была найдена на холме Г, за пределами архаического города. Героон — весьма характерный для Малой Азии тип сооружения: классическим памятником малоазиатского героона является героон Гиельбаши-Триза, богато украшенный рельефами, среди которых есть и сцены пира [12]. Мы определяем наш фраг-

[5] L. Kjellberg. Die architektonischen Terrakotten. Larisa am Hermos II. Stockholm, 1940.

[6] L. Kjellberg. Ук. соч., табл. 27.

[7] Там же, табл. 23, *10*.

[8] Там же, табл. 23, *24*; табл. 22, *23*; табл. 29, *5*.

[9] М. И. Максимова. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.— Л., 1946, стр. 61.

[10] В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. М.— Л., 1939, стр. 39—40.

[11] L. Kjellberg. Ук. соч., стр. 142.

[12] Fr. Eichler. Die Reliefs des Heroon von Gjolbaschi-Trysa. Wien, 1950, табл. 34 и 35.

мент как памятник ионийско-эолийского искусства; он свидетельствует о наличии черт эолийской культуры в архаической Фанагории.

Как известно по сообщению Евстафия, ссылавшегося на Арриана [13], Фанагория была основана теосцем Фанагором, бежавшим от насилий персов и, очевидно, возглавлявшим группу теосцев-переселенцев.

Теос находился на западном берегу Малой Азии и был одним из двенадцати ионийских городов, образовавших ионийскую амфиктеонию. По словам Геродота, Теос находился посередине Ионии; во время опасности персидского нашествия Фалес Милетский советовал ионянам сделать центром общеионийского совета город Теос [14]. До переселения ионийцев здесь уже был город и жило местное население, по указанию Павсания — карийцы [15], Страбона — лелеги [16]. В культуре Теоса, очевидно, сохранились какие-то местные традиции.

Вместе с тем ионийский Теос находился достаточно близко к Эолии для восприятия своеобразной эолийской культуры. Поэт Анакреонт был уроженцем Теоса; хотя он и был иониец и писал на ионийском диалекте, в своем творчестве он был продолжателем эолийской лирики. Можно думать, что переселенцы из Теоса перенесли с собою в Фанагорию и некоторые особенности эолийской культуры. С другой стороны, нельзя забывать, что всего в 22 *км* к западу от Фанагории в это время уже существовала Гермонасса, основанная, по всей вероятности, эолийцами, так что волна эолийской культуры могла быть принесена в Фанагорию и через Гермонассу.

[13] SC, I, стр. 198 (Eust., Ad Dion., 549); М. М. Кобылина. Фанагория. МИА, № 57, 1956, стр. 13.
[14] Herod., I, 170.
[15] Paus., VII, 36.
[16] Strabo, XIV, 632.

Я. МЛАДЕНОВА

СОЛНЕЧНЫЕ ЧАСЫ С РЕЛЬЕФОМ ОРФЕЯ ИЗ ДУРОСТОРУМА

В 1958 г. в г. Силистрии (древний Дуросторум) рабочие, копая фундамент для дома во дворе И. Крестева на ул. Генерала Колева, наткнулись на очень большой камень. Чтобы вытащить его, они стали разбивать его на куски; таким образом, верхняя часть камня была разломана на 14 частей. Только когда эти куски были вынуты, рабочие увидели, что на другой стороне камня есть рельеф. О находке они уведомили Народный музей города, куда памятник немедленно был помещен (инв. № 1800) [1].

Памятник представляет собой известняковую, почти четырехугольную плиту 0,88×0,83 *м*. Задняя сторона полукруглая, поэтому толщина камня по обеим сторонам — 0,13 *м*, а в середине, исключая вогнутую часть часов.— 0,30 *м* (рис. 1).

В верхней части плиты находятся солнечные часы, их углубление врезано на глубину 0,025 *м* под верхним краем плиты, а его полукруглая часть окружена узкой рамкой шириною 0,035 *м*. Диаметр часов 0,50 *м*. Отверстие, где находился гномон, имеет глубину 0,022 *м*, но от гномона ничего не осталось. Часы разбиты на четыре части, а в середине не достает одного куска.

Под часами изображен Орфей, играющий на лире, окруженный животными и птицами. Орфей сидит на скале. Левая нога его, согнутая в колене,

[1] Пользуюсь случаем выразить благодарность директору музея г. Силистрии Ц. Хаджидимитровой за разрешение опубликовать этот памятник.

Рис. 1. Солнечные часы из Дуросторума
а — общий вид; *б* — вид сбоку

поставлена на скалу. Голова наклонена к левому плечу. Бо́льшая часть головы и фригийская шапка, которую он носил, отломаны. От шапки сохранился лишь верх, непосредственно под рамкой часов. На Орфее короткий подпоясанный хитон и накинутая на плечи хламида, которая развевается за его спиной и падает на скалу; на ногах высокая обувь. В правой руке он держит плектрон, которым играет на лире. Лира опирается на его левое колено; ее верхняя часть, за исключением рожка, отломана.

Перед правой ногой Орфея стоит пантера с головой, поднятой к Орфею, над пантерой рысь (?), а за нею — вепрь. Над головой вепря сохранилась часть другого животного, стоящего на задних лапках; должно быть, это был заяц. За пантерой изображен осел, лежащий на спине, с поднятыми вверх ногами. Над ослом поднимается дерево, изображенное глубже общего рельефного поля. Ствол дерева представлен в виде широких выпуклостей, а верх — с ветками и листьями. На самой длинной ветке слева сидит птица, повернутая в профиль к Орфею. Рядом с ней сидит орел, голова его повернута к Орфею; возле него — птица, похожая на орла, но меньше его. Недалеко от верхушки дерева между листьями сидит другая птица, повернутая в профиль влево. В нижнем левом углу перед скалой, на которой сидит Орфей, изображен лев с поднятой к Орфею головой, которая теперь отломана. Пространство позади Орфея заполнено другим деревом.

Это изображение с обеих сторон обрамлено двумя колоннами без каннелюр, суживающимися кверху, с коринфскими капителями. На левой капители поставлен бюст Исиды (рис. 2, *а*), на правой — Сераписа (рис. 2, *б*). Исида закутана в гиматий, с прической мелоне и лотосовым листом. Серапис закутан тоже в гиматий, имеет бороду, густые курчавые волосы и колатос на голове.

Рис. 2. Солнечные часы из Дуросторума. Детали
а — верх колонны с изображением Исиды; *б* — верх колонны с изображением Сераписа

Изображения мифического фракийского певца, который своей песней и лирой очаровывал людей, диких животных, пресмыкающихся, птиц, деревья и реки, редко встречаются у фракийцев. Из одной надписи на мраморной подставке, найденной в Старой Загоре (Augusta Traiana), мы узнаем, что на подставке стояла художественно сделанная статуя Орфея, поставленная в честь Аполлона [2]. На одной монете императора Геты из Филиппополя изображен Орфей с лирой, сидящий на скале, окруженный животными. Б. Пик думает, что в Филиппополе был памятник с подобным изображением Орфея, который послужил моделью для монет. Орфей с фригийской шапкой на голове и лирой, сидящий на скале, но без животных, изображен на двух монетах Каракаллы тоже из Филиппополя и на одной монете Юлии Домны из Траянополя [3].

Однако памятники с изображением Орфея многочисленны во всех концах римской империи. К сожалению, все еще не достает полного издания этих памятников [4]. Орфей, окруженнный животными,— мотив, который появляется в греческом искусстве очень рано и очень часто встречается в римскую эпоху, а именно: в рельефах, мозаиках, фресках, саркофагах и на более мелких предметах [5].

На солнечных часах из Силистрии изображение Орфея обрамлено двумя колоннами, на которых поставлены бюсты Исиды и Сераписа. Эти

[2] A. Dumont. BCH, т. II, 1878, стр. 401; Г. Михайлов. Гръцките епиграми от българските земи. Годишник Соф. университет, истор.-филолог. ф-т, т. XXIX, 1942, стр. 43, 61 сл., № 87.

[3] B. Pick. JDAI, т. XIII, 1898, стр. 135 сл.

[4] См. K. Ziegler. Orpheus. RE, XVIII, стр. 1200—1203, 1311—1313 (и указанную там литературу до 1939 г.); H. Stern. Gallia, т. XIII, 1955, стр. 41 сл. (с каталогом всех мозаик, где изображен Орфей, окруженный животными). Ср. рецензию Ch. Picard. Orphée, les fontaines et les tombes. RA, 1960, т. I, стр. 118—120.

[5] K. Ziegler. Ук. соч., стр. 1311 сл.; P. Monceaux. Orpheus. DA, т. XXXVI, стр. 244, Paris, 1904.

египетские божества почитались в греческом мире во время эллинизма, а во время Римской империи получили широкое распространение во всех ее концах и играли важную роль в религиозном синкретизме [6]. На территорию Болгарии культ Сераписа и Исиды проник еще в доримскую эпоху, как показывают надписи и изображения на монетах [7].

Если судить по изображению монет Мезии и Фракии в римскую эпоху, можно прийти к заключению, что культ Сераписа был там очень распространен в конце II в. н. э. и в первой половине III в. н. э. В это время многие города Мезии и Фракии чеканили монеты с изображением Сераписа [8]. Однако известны только четыре памятника, связанные с Сераписом: три надписи из Белой Слатины (Нижняя Мезия) [9], Монтаны (Михайловград) [10] и Сердики [11], одна бронзовая статуэтка из города Попово (Нижняя Мезия) [12]. В надписях из Белой Слатины и Сердики говорится даже о храме Сераписа, но официальный характер этих надписей и скудность памятников показывают, что культ Сераписа проник в глубь Болгарии не с берегов Черного моря, где он раньше был распространен, а что его принесли римляне. Влияние религиозных течений в Риме сказалось в том факте, что в некоторых городских центрах были построены храмы Серапису, или Зевсу Капитолийскому Гелиосу Серапису, культ которого имел официальный характер и среди местного населения не распространялся. Имя посвящающего надпись из Монтаны италийское — Cessicius. Что касается монет с изображением Сераписа, то это монетные типы, которые стоят в связи с официальными культами.

В городе Теми, недалеко от Дуросторума, найдено много памятников римской эпохи, связанных с культом Сераписа и Исиды [13]. Несомненно, эти божества и здесь имели своих почитателей.

Изображение Сераписа и Исиды как украшения для солнечных часов вполне понятно. В солнечном мифе Серапис является главным персонажем, олицетворяя восход и заход солнца, тогда как Исида — богиня луны [14]. Следует предположить, что изображение Орфея на этом рельефе имеет не только декоративное значение, а связано с близостью, которая, по мнению древних, существовала между Орфеем и Гелиосом [15].

По композиции рельеф из Силистрии похож на ту небольшую группу памятников болгарских земель, в которой рельеф находится в эдикуле. У нас видны колонны, а место фронтона занято солнечными часами, но между колоннами и часами нет архитектурной связи. Поставив колонны

---

[6] J. Babelon. Le soleil et Serapis. Rev. Num., 1937, т. I, стр. 48 сл.; G. Lafaye. Isis. DA, т. III, ч. 1, Paris, 1900, стр. 577 сл.

[7] Ив. Гълъбовъ. Бележки за епиграфски паметници от Несебър: Сб: «Изследвания в чест на акад. Димитър Дечев по случай 80-годишнината му», София, 1958, стр. 224 сл., рис. 5 (надпись из Месембрии I в. до н. э.); G. Michailov. Inscriptiones Graecae In Bulgaria repertae, т. I, Serdicae, 1956, № 328 (надпись из Месембрии I в. до н. э.); № 13 (декрет из Балчика — Дионисополя — 48 г. до н. э.); Н. Мушмов. Античните монети на Балканския полуостров. София, 1912, № 68 (автономная монета Дионисополя с головой Сераписа).

[8] Н. Мушмов. Ук. соч., passim; ср. также Я. Тодоров. Паганизмът в Долна Мизия. София, 1928, стр. 136 сл.

[9] CIL, III, 12387 (165—169 гг.).

[10] Б. Геров. Романизмът между Дунава и Балкана, ч. II. Годишник Соф. университет, филолог. ф-т, т. XLVIII, 1952—1953, № 13 (II в. н. э.).

[11] В. Бешевлиев. Епиграфски приноси. София, 1952, № 13, рис. VI, *3* (вторая половина II в. н. э.).

[12] Ив. Велков. ИБАИ, кн. V, 1929, стр. 376, № 4.

[13] Я. Тодоров. Ук. соч., стр. 135 сл.

[14] J. Babelon. Ук. соч., стр. 50 сл.; G. Lafaye. Ук. соч., стр. 579; его же. Serapis. DA, т. IV, ч. 2, Paris, 1908, стр. 1249. Очень характерна надпись из Апулума (Дакия) (CIL, III, 7771), где Серапис поставлен перед Юпитером и Солем, а Исида перед Луной и Дианой. Ср. L. Jones. The Cults of Dacia. University of California Publications in Classical Philology, т. 9, № 8, 1929, стр. 279.

[15] Ср. O. Gruppe. Orpheus. В кн. W. H. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie, т. 1, ч. 1, Leipzig, 1886—1890, стр. 1108 сл., № 54.

мастер достиг двух целей: отгородил рельеф рамкой и устроил подставки для бюстов Исиды и Сераписа.

В художественном отношении рельеф обнаруживает недостатки, свойственные более поздней эпохе. Несмотря на то, что мастер старался верно передать движение, чувство, с которым Орфей играет, напряженное внимание животных, которые его слушают, все же местами ему не хватает художественного мастерства. Бюсты Исиды и Сераписа сделаны грубо и схематично. Цветок лотоса на голове Исиды похож на высокую прическу. Орел изображен, как изображены орлы на многочисленных вотивных плитках Зевса во Фракии и Мезии. А когда скульптор захотел представить еще одну птицу, он сделал того же орла, только в меньших размерах. Деревья по обеим сторонам рельефа тоже изображены схематично. Капители колонн не одинаковы; следует полагать, что каменщик не нарочно это сделал, а что это результат его неумения.

Основание для датировки памятника дают листья капителей: их закругленная форма, без разветвления по сторонам, указывает на III в. н. э. [16]. Это — эпоха наибольшего распространения культа Сераписа и Исиды в Римской империи, когда религиозный синкретизм был весьма силен в болгарских землях (чем и объясняется появление Орфея рядом с Сераписом и Исидой на одном и том же памятнике).

Труднее определить, к какой части III в. следует отнести наш памятник. Этот век был очень неспокоен для Дуросторума, переполнен непрерывными нападениями варваров. После Септимия Севера римская культура здесь пришла в упадок [17]. Хотя солнечные часы с рельефом Орфея и бюстами Исиды и Сераписа и имеют признаки этого упадка, все же памятник показывает, что в те неспокойные времена этот удаленный от центра Римской империи город на границе с варварами заботился об удобствах в своей общественной жизни. Солнечные часы, которые широко употреблялись в Риме еще в I в. до н. э., во время империи распространяются по всем его провинциям [18]. В то время как количество солнечных часов в других провинциях значительно, часы из Дуросторума являются вторым экземпляром из Нижней Мезии. Первые часы из с. Река Девня (Марцианополь) находятся в музее г. Варны [19]. Из Фракии до сих пор известен один экземпляр часов из Хисаря [20].

[16] O. Wulf. Die altchristliche und byzantinische Kunst, т. I, Berlin, 1914, стр. 273.
[17] V. Pârvan. Municipium Aurelium Durostorum. Rivista di filologia e d'istrutione classica, 1924, т. III, стр. 19.
[18] E. Ardaillon. Horologium. DA, т. III, ч. 1, Paris, 1900, стр. 256.
[19] Инв. №№ 11, 70; не опубликован.
[20] Д. Цончев. Хисарските бани. Гл. XI. Годишник на Пловдивската народна библиотека и музей 1935—1936. София, 1937. Годишник Нар. библ. в Пловдив, 1935—1936, стр. 185, рис. 97.

М. Х. САДЫКОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В БАШКИРИИ

В 1957 г. в ряде мест Башкирии были обнаружены новые памятники древности. Так, в Белорецком районе у с. Нур и по берегу р. Нукат, учащимися школы № 10 г. Белорецка под руководством учительницы географии Р. Ф. Коноплевой были найдены погребения, которые могут быть отнесены к памятникам сармато-аланской культуры. В г. Уфе на ул. Зенцова найдены древние мусульманские захоронения.

В одной из пещер, расположенных на левом берегу р. Нуркат, были найдены три человеческих черепа. Здесь же были обнаружены зубы медведя, копыта свиньи, кусочки перегнившего дерева и обломок сталактита.

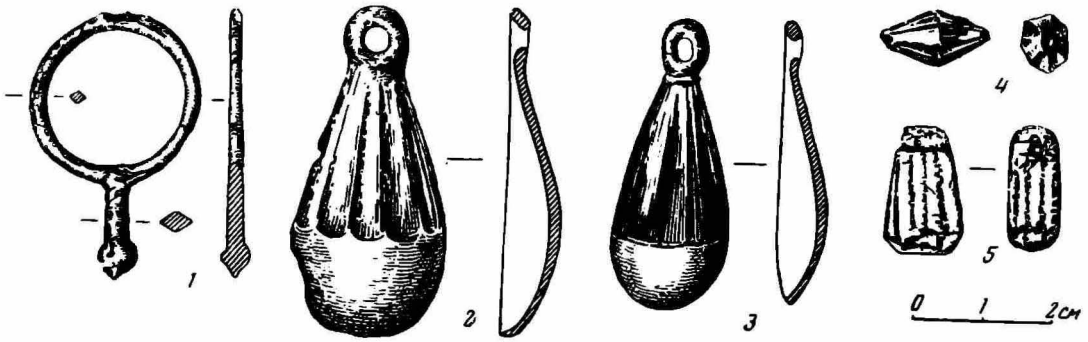


Рис. 1. Находки из пещеры на р. Нукат

— серьга оловянная; *2, 3* — подвески бронзовые; *4* — бусина сердоликовая; *5* — бусина хрустальная

Из вещей найдены: серьги, бусы, бронзовые подвески, железные пряжки, крючки и нож [1]. Все вещи лежали вокруг кострища.

Серьги найдены в двух экземплярах. Они сделаны из тонкой оловянной проволоки, четырехугольной в сечении, и имеют форму несомкнутого круглого колечка с напуском в виде стереженька с утолщением внизу. Одна серьга найдена целая, длина ее — 4,2 *см* (рис 1, *1*), другая — сломанная. Аналогичные формы серег есть в могильнике близ ст. Натухайское (Северный Кавказ) [2].

Бусин найдено четыре. Из них две сердоликовые бипирамидальные, длиной 1,6 *см* (рис. 1, *4*) и две хрустальные, трапециевидные, с отверстиями в верхней части (рис. 1, *5*).

Подвесок бронзовых три. Они литые, с круглыми петельками (рис. 1, *2, 3*). Форма подвесок представляет собой пятигранную пирамиду, поставленную на полусферическое основание. Длина двух подвесок — 4,3 *см*, третьей—5 *см*. Близкие по форме бронзовые подвески найдены в аланских памятниках Северного Кавказа, где они предположительно определены как предметы конской сбруи. Найдены они в кургане на западном берегу р. Ганджа-Чая (раскопки Реслера, 1900 г.). Имеются они и среди венгерских древностей. В Башкирии подобные подвески найдены в Бахмутинском могильнике. Аналогичная подвеска была найдена на р. Малый Черемшан у с. Билярск [3].

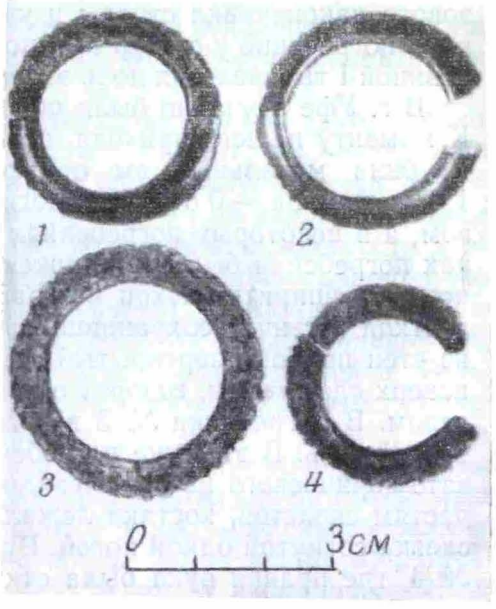


Рис. 2. Костяные кольца из погребения у с. Нур

Изделия из железа представлены обломками двух круглых пряжек, двумя крючками и ножом.

Комплекс описанных находок в основном имеет аналогии среди аланских памятников Закавказья, датируемых не ранее VIII в. н. э. Погребаль-

---

[1] Один череп находится в школе № 10 г. Белорецка, два других утеряны. Вещи находятся в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР.

[2] В. Сизов. Натухайская станица. МАК, вып. II, М., 1889, табл. XIII, *18*.

[3] Н. И. Булычев. Древности из Восточной России, вып. 1—2, М., 1902, табл. VII. *11*.

ный обряд, при котором пещеры использовались как место для захоронения, также известен среди аланских племен Закавказья и особенно был распространен в Осетии.

А. А. Спицын предполагал, что обычай хоронить в пещерах имел место и среди аланских племен, живших на берегах рек Дона, Донца, Днестра, Днепра и даже в бассейне рек Белой и Оки[4].

Вслед за А. А. Спициным можно предположить, что и находки в пещере на р. Нукат могут быть отнесены к памятникам аланской культуры. Время их по аналогии с закавказскими древностями может быть определено VIII в. н. э. Памятник подобного рода в Башкирии обнаружен впервые и поэтому представляет исключительный интерес.

Погребение у с. Нур было обнаружено также случайно, при добыче известняка на глубине 3,5 *м*. Среди находок — четыре костяных кольца, два человеческих зуба и части человеческого скелета. Известно также, что среди находок был бронзовый наконечник стрелы, сданный в Краеведческий музей г. Уфы[5].

Костяные кольца, из которых три найдены в обломках и одно целое (рис. 2, *1—4*), имеют с наружной стороны зубчатую насечку. Два кольца имеют зеленоватый цвет, вероятно, от соприкосновения их с изделиями из бронзы, до нас не дошедшими. Назначение колец пока неясно. Может быть, это предметы конского снаряжения.

Принимая во внимание сведения о находке в данном погребении бронзового наконечника стрелы и учитывая значительную глубину могильной ямы, погребение у с. Нур предположительно можно датировать второй половиной I тысячелетия до н. э., не позже II в. до н. э.

В г. Уфе случайно были обнаружены пять мусульманских погребений. К моменту нашего прихода погребения были разрушены экскаватором. Глубина могильных ям от уровня современной поверхности — 1,2—1,4 *м*, ширина — 0,8 *м*. Все могилы сверху и сбоку были перекрыты деревом, а в некоторых погребениях сохранились следы угловых столбов. Так как погребения были обнаружены в центре города, мы не имели возможности расширить раскоп и ограничились лишь внешним осмотром и расчисткой частично сохранившихся костяков. Могильная яма имеет в одной из стен подбой, перекрытый деревом. Остатки дерева над костяками, поверх слоя земли, говорят о том, что подбои и сверху перекрывались деревом. В погребении № 3 в ногах костяка лежал небольшой известняковый камень. В этом же погребении были найдены остатки ткани, красновато-коричневого цвета, очевидно, от подстилки. Судя по сохранившимся частям скелетов, костяки лежали на спине, с вытянутыми ногами или со слегка согнутой одной ногой. Руки вытянуты, за исключением погребения № 4, где правая рука была откинута в сторону. Костяки ориентированы на запад, лицом к югу. Никаких вещей при костяках обнаружено не было. Судя по ориентировке костяков и отсутствию каких-либо вещей, эти пять погребений относятся скорее всего к мусульманским захоронениям XV — XVI вв.

Новые находки в Башкирии свидетельствуют о тесных связях аланских племен Башкирии с аланами Северного Кавказа (Осетии), которое проявляется и в особенностях погребального обряда (погребения в пещерах). Находки в пещере дополняют известные до сего времени виды погребальных обрядов в Башкирии обычаем погребения в пещерах.

Мусульманские погребения, найденные в г. Уфе, относятся к числу наиболее ранних из известных на территории города мусульманских захоронений.

---

[4] А. А. Спицын. Археологические разведки. СПб., 1908, стр. 33—34.

[5] В фондах музея наконечник стрелы нами не обнаружен.

А. В. НИКИТИН

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БАШЕН БРАТСКОГО ОСТРОГА

Вскоре после начала археологических раскопок в Братске в 1957 г. встала задача сохранения двух башен острога, попадавших в 1961 г. в зону затопления. Так как полевые и организационные работы были тесно связаны с изучением архитектурного облика крепости, то необходимо было закончить археологические исследования перевозкой и реконструкцией памятника на новом месте.

Требовалась не механическая переноска памятника, а восстановление его в первоначальном виде. Для этого необходимо было полностью сохранить все древние части, а утраченные реконструировать, если не по бесспорным, то по хорошо документированным данным. В процессе сбора материалов (ранних изображений, данных раскопок, этнографических аналогий) возникли специфические вопросы, которые нельзя считать решенными непогрешимо, что и послужило одной из причин, обязывающих автора ознакомить читателя со всем ходом работ.

Отрядом были перевезены две сохранившиеся башни. Одна из них установлена в 1959 г. в с. Коломенском, другая — в 1960 г. на территории Братской ГЭС (рис. 1 и 2).

Внешний облик обеих башен одинаков, за исключением несущественных деталей. Поэтому в дальнейшем мы будем говорить о них вместе.

К 1957 г. каждая башня состояла из двух квадратных срубов: основная часть — высотой 4,5 *м* и верхняя часть — обламы — из пяти венцов. Таким образом, башня разделялась на две самостоятельные части с отдельными входами. Покрытие шатровое, со шпилем на вершине. Нижняя входная дверь ушла вглубь, почему позже возникла необходимость в увеличении двери за счет двух верхних венцов. Внутренняя часть башни была полностью разрушена. От печей, которые видела А. И. Михайловская, ничего не осталось [1]. Потолочные перекрытия позднего происхождения успели разрушиться, от пола также не сохранилось видимых следов. Только новое покрытие, сделанное, по словам местных жителей, в 1949 г., спасло памятники от неминуемой гибели.

Работы начались в 1957 г. Первоначально были произведены детальные архитектурные обмеры. В чертежах нашли отражение не только внешний вид памятника, но и поздние замены, а также степень сохранности всех компонентов башен. С внутренней стороны была сделана маркировка и разметка башни. Здесь следует упомянуть, что в западноевропейской практике перевозки деревянных сооружений (по крайней мере, судя по публикациям) в целях полного сохранения первоначального вида памятника размечают его перед перевозкой по горизонтали и вертикали на равные квадраты. Последовательное применение такого приема не подходило к нашему случаю. Наличие поздних замен вызывало некоторую деформацию стен и венцов. Больше всего нарушений линии по вертикали. Поздние изменения, таким образом, нарушили древний облик башни.

Все же сборка по отвесу внесла бы неоправданный геометризм. Поэтому было решено сохранить современное соотношение венцов по вертикали. Для этого на каждой стене провели две вертикальные линии и одну горизонтальную по всем стенам. Затем последовала разборка, после которой части, предназначенные для перевозки, подвергались чистке и консервации. Очистка производилась ножами и флейцевыми кистями. Затем дерево пропитывали свежеприготовленным водно-спиртовым раствором моче-

[1] А. И. Михайловская. Братский острог. Иркутск, 1928.

вино-формальдегидной смолы [2]. Так как свежий состав употреблялся в начальной стадии смолообразования и имел низкий молекулярный вес и вязкость, то глубина проникновения в древесину повышалась. Молекулы смолы, вступая в реакцию с лигнином древесины, образуют монолитную массу высокой влагоустойчивости и прочности. Обработанная таким способом древесина не поддается воздействиям плесеней и насекомых. Промазывание флейцем или полив повторялись от одного до трех раз — в зависи-

Рис. 1. Вторая башня Братского острога (вид до реставрации)

мости от сохранности древесины. При этом в более разрушенные слои смола проникала глубже, так что полностью разрушенная древесина пропитывалась насквозь, тогда как в частично разрушенных бревнах образовывалось покрытие в 2—4 *см*. Для более глубокой пропитки необходим вакуум и нагнетание смолы под давлением. Но и поверхностное укрепление намного повышает прочность и предохраняет дерево от внешних воздействий. Укрепленная в 1957 г. древесина до настоящего времени не разрушается, хотя башня, находящаяся ныне в с. Коломенском, подвергается всем атмосферным воздействиям. Таким образом, первый опыт консервации дерева в больших масштабах следует считать удовлетворительным.

[2] Метод реставрации был разработан в Центральной художественно-реставрационной мастерской. Работами по укреплению древесины руководила старший научный сотрудник мастерской Е. В. Сорокина, результаты работ которой я и привожу в данной заметке. Режим обработки следующий: на 100 *г* нейтрализованного раствора формалина брали 46 *г* мочевины и 25 *г* этилового спирта. Полимеризацию проводили, соблюдая температурный режим и pH раствора смолы. См. Е. Б. Тростянская, Г. Н. Томашевич и Е. В. Сорокина. Укрепление и реставрация памятников из дерева. Сб. «Вопросы реставрации». М., 1960, стр. 18—26.

Большие расстояния и неопределившийся к тому времени результат консервации заставили позаботиться об упаковке всех элементов башни. Наиболее удачной оказалась обкладка бревен со всех сторон досками, стянутыми в нескольких местах проволокой и с торцов, заделанных наглухо днищами с дубликатом маркировки, позволявшей при сборке из штабеля вынуть нужную деталь. Так были упакованы почти все бревна, исключая хорошо сохранившиеся; но и в этих случаях обработанные топором

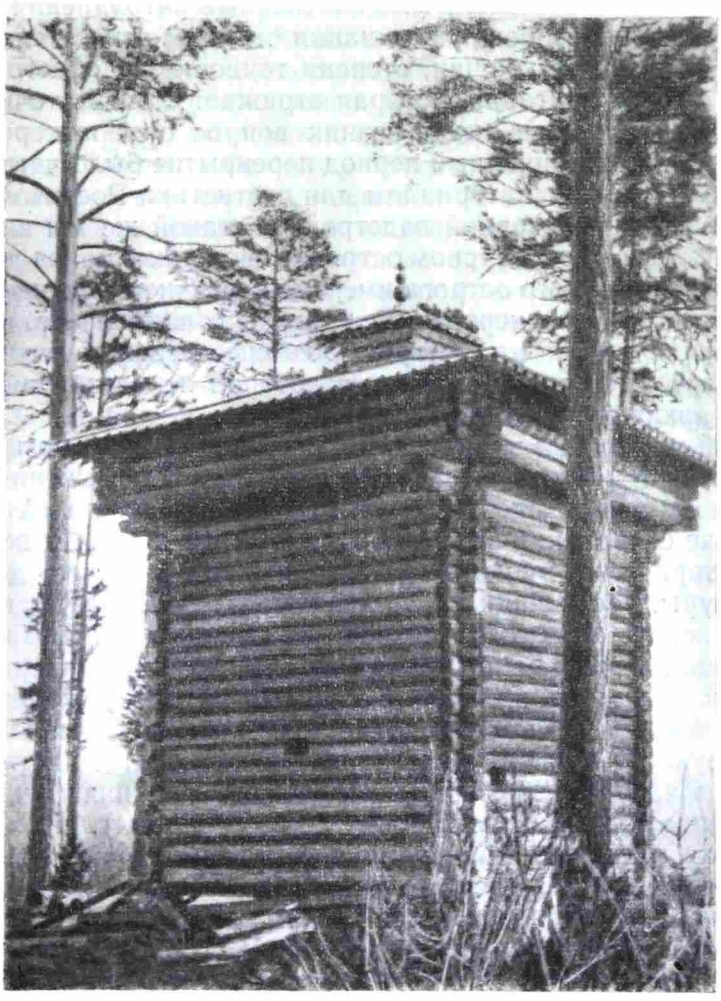


Рис. 2. Вторая башня Братского острога, установленная на территории Братской ГЭС (вид после реставрации)

части были покрыты специальными футлярами. Вся башня благополучно выдержала неоднократные перегрузки и долгий путь из Сибири в Москву.

При выборе места для постановки башни в Музее деревянного зодчества мы стремились повторить по возможности топографические условия Сибири. При этом удалось сохранить ориентировку, расстояние от реки и частично положение на ровной открытой местности (Ангара, правда, имеет более крутые берега, чем Москва-река). Вторая башня, установленная на территории Братской ГЭС, поставлена в районе туристической базы без учета топографических особенностей (рис. 2).

При реставрационных работах, несмотря на стремление сохранить все древнейшие части, количество замененных деталей было очень велико. Поэтому прежде всего встала задача подбора материала — выбор нового и поиски для реставрации дерева из старых построек.

Перекрытие крыши, некоторые венцы, крыльцо и лестница перед ним были сделаны из сибирской лиственницы. Внутреннюю часть (пол, потолки) удалось восстановить, используя дом XVIII в., привезенный экспедицией из дер. Долгий Луг. Каркас глинобитной печи в той же башне был приобретен в одном из домов г. Братска, датируемом местным населением началом XIX в. Стремление к замене негодных частей подлинными этнографическими материалами вполне объяснимо, и только ограниченность в выборе помешала использовать его до конца.

При реставрации возникли многочисленные затруднения и некоторые из них заслуживают особого упоминания [3]. К ним относятся: определение первоначального облика башни, степени точности подобного определения и графическая документация, которая отражает степень точности различных источников. Прежде всего возник вопрос о характере перекрытия башни. Уже в дореволюционный период перекрытие было четырехскатным. Между тем в «Атласе к материалам для статистики Российской империи» башня изображена с дозорной надстройкой, такой же мы видим ее в работе Н. В. Султанова о Якутском остроге [4]. Сохранившаяся до настоящего времени башня Бельского острога имеет аналогичное завершение. Следует также упомянуть, что в чертеже С. Ремезова, наиболее раннем из всех, дозорная вышка все же отсутствует. Объяснение этому легко найти в общем характере «Чертежной книги», в которой использованы географические, а не архитектурные масштабы [5].

Дозорный шатер был вполне целесообразен для крепости, расположенной на равнинной и открытой местности. Все эти соображения и заставили взять за основу для реконструкции верха изображение в «Атласе». Кроме того, в случае сохранения старого верха нам пришлось бы доказывать его право на историческое существование. Рисунки в «Атласе» делались чаще всего с натуры, и если в них вносились субъективные черты, то объяснение им следует искать не в сознательном искажении памятника, а в особенностях графики того времени, отражавшейся только в манере исполнения.

Восстановление нижних венцов и связанное с этим заметное увеличение высоты башни не вызывает сомнений, так как археологические раскопки обнаружили остатки четырех венцов, закрытых частично культурным слоем, а частично просевших вследствие оседания грунта (под башней на глубине 1—1,2 *м* находится слой мерзлоты). Раскопаны были также остатки пола, детали дверного проема, конструкции нижних венцов печи и подпечья. Все это послужило надежной документацией для реставрации внешнего и внутреннего облика башни. И все же мы не располагали документами одинаковой достоверности. В таком случае приходилось прибегать к этнографическим аналогиям и реконструкциям умозрительного характера.

К деталям, восстановленным по этнографическим параллелям, относятся крыльцо перед входом и почти весь интерьер башни. Наличие дверного проема на высоте четырех венцов несомненно требовало лестницы, но внешний вид ее при всей простоте мог быть очень разнообразен, вплоть до существования каких-либо временных приставных лестниц. Сейчас в старых местных постройках употребляются рубленые лестницы, поэтому было решено сделать подобное крыльцо и у Братской башни.

Внутренний вид башни восстанавливался также в основном по этнографическим материалам, за исключением некоторых малооспоримых деталей — врубок для остова печи, креплений для скамей, крюков для подвески орудий и оружия. Хотя мы стремились придать башне жилой облик,

[3] В этой части работ большую помощь оказал в 1959 г. И. В. Маковецкий, а за все три года работ — Н. Н. Маркина, которым автор выражает признательность.

[4] Атлас к материалам для статистики Российской империи. СПб., 1839; Н. В. Султанов. Остатки Якутского острога. ИАК, вып. 24, СПб., 1907. Там же изображены многие башни Якутского острога с аналогичными дозорными вышками.

[5] См. С. Ремезов. Чертежная книга Сибири. СПб., 1701.

но трактовка ее как избы вряд ли оправдывается функциональным назначением башни. В условиях создания крепости ее могли использовать первоначально для жилья, но и в этом случае она больше напоминала казармы, чем жилища обычного типа. В данном случае нас интересовала возможность использования этнографических аналогий гражданского зодчества в крепостных сооружениях.

Лестница, ведущая на второй бой, а также площадка внутри него, при отсутствии документальных данных, были восстановлены нами произвольно. Документы, по которым восстанавливалась башня, были неоднородны, и при будущих ремонтах необходимо учитывать это обстоятельство и вносить уточняющие изменения.

При реставрации мы подходили к братским башням не только как к уникальному памятнику, но и как к историческому источнику, где можно было бы отделить достоверное от вероятного. Отсюда подробная графическая документация и стремление опереться на археологический материал. Обилие памятников деревянного зодчества, хотя и не столь древних, как Братский острог, требовало немедленного спасения, и только ограниченность сил и возможностей помешала нашему отряду широко развернуть работу по перевозке жилых домов, служебных построек, отдельных деталей, представляющих непреходящий интерес для русской культуры.

Хотелось бы также думать, что этот опыт экспедиции Института археологии АН СССР и данная заметка принесут пользу в недалеком будущем, при переноске и реставрации аналогичного, но несравненно более интересного памятника — Илимского острога.

ХРОНИКА

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И ПЛЕНУМ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1960 г.

С 4 по 11 апреля 1961 г. в Москве проходила сессия ОИН АН СССР, пленум Института археологии АН СССР и расширенное заседание Ученого совета Института этнографии АН СССР с участием Института истории искусств АН СССР, посвященные итогам полевых исследований за 1960 г. В работе сессии приняло участие свыше 800 человек — представителей академий наук союзных республик, научно-исследовательских учреждений, музеев и вузов Советского Союза.

На сессионных, пленарных и секционных заседаниях было заслушано и обсуждено около 400 докладов. В зале заседаний демонстрировалась большая выставка материалов различных экспедиций, а также выставка печатных трудов ИА АН СССР. Сессия привлекла к себе большое внимание научной общественности, студентов, школьников.

Открывая сессию, академик Е. М. Жуков приветствовал хорошую традицию археологов и этнографов ежегодно собираться для обсуждения результатов полевой деятельности своих экспедиций и теоретических проблем исторической науки.

В связи с этим следует отметить имевшие место на сессии обобщающие доклады [1], посвященные изучению закономерностей развития человеческого общества на ранних этапах его развития. К ним относится доклад чл.-корр. АН АрмССР Б. Б. Пиотровского «О характере закономерностей в истории культуры». Подробно остановившись на различных попытках объяснения причин закономерностей в развитии культуры в исторических, археологических, этнографических и лингвистических трудах XIX—XX вв., докладчик подчеркнул, что советская историческая наука, исходя из основных положений исторического материализма, проводит изучение основных закономерностей исторического развития соответственно общественно-экономическим формациям. Марксизм считает, что основой развития человеческого общества является закономерная смена одного общественного строя другим. Закономерная смена общественно-экономических формаций имеет место на различных территориях в разное время. Определенный уровень развития производительных сил обязательно соответствует определенному характеру памятников культуры. Это соответствие распространяется и на характер идеологических представлений. Закономерное объективное развитие производительных сил определило также закономерность развития основных форм хозяйства — земледелия и скотоводства. Всеобщая тенденция развития этих форм хозяйства хорошо прослеживается на территории Северной Африки, Южной Месопотамии и Передней Азии, где образовались также государства.

Особенностям общественного строя савроматов был посвящен доклад К. Ф. Смирнова. Этот доклад является опытом характеристики некоторых сторон общественной жизни кочевых савроматских племен по новым археологическим данным (работы Оренбургской экспедиции 1957—1960 гг.). В результате систематических раскопок и изучения курганных могильников автору доклада удалось проследить изменения в родовых и семейных группах савроматов начала железного века. В отличие от классических примеров разложения родового строя у номадов древности, савроматское общество отличается архаическими признаками этого процесса, которые подтвердились новыми археологическими материалами. Однако, если в области исправления культов признается приоритет женщин, то в экономической и военно-политической сфере существовали другие отношения. Так, скотом и другими богатствами в семье и роде распоряжались мужчины; их собственностью была военная добыча; они вели межплеменной обмен и торговлю. Топография могильников и специфика погребальных признаков позволили исследователям наметить районы расселения отдельных родовых групп савроматов. С самого начала сложения этих племен они составляли не менее двух племенных конфедераций —поволжскую и самаро-уральскую. В период интенсивного разложения родового строя особенно усиливается значение военных дружин (курганы на Илеке). В Южном Приуралье, где процесс разложения родового строя протекал интенсивнее, в IV в. до н. э. образовался мощный военный союз кочевников, начавший свое продвижение на запад.

М. П. Грязнов в своем докладе «Курган как архитектурный памятник» убедительно показал, что хорошо известные нам надмогильные холмы — курганы пер-

---

[1] В настоящей информации освещается работа археологической части сессии.

воначально были другой формы, иногда не имевшей ничего общего с его современным видом круглого холма. Анализ насыпей раскопанных больших курганов, а также их сравнение с различными надземными сооружениями (из земли, кирпича и камня) после естественного их разрушения дают возможность утверждать, что курганы не насыпались над могилой. Они представляют собой сглаженные временем остатки разрушившихся надмогильных сооружений. Поэтому при раскопках курганов археолог должен исследовать их тщательнейшим образом, выявляя следы конструктивных деталей, с тем чтобы не только открыть погребения, но и восстановить первоначальный вид надмогильного сооружения — исследовать курган как архитектурный памятник. Интересные наблюдения докладчика дают возможность ввести в науку новый источник для изучения истории культуры прошлых эпох.

С большим интересом участники сессии заслушали доклад П. И. Борисковского об исследовании памятников каменного века на территории Демократической Республики Вьетнам (Провинция Тхань-Хоа). Как рассказал докладчик, принимавший участие в этих работах в качестве консультанта, там сделаны замечательные открытия. Обнаружено древнепалеолитическое местонахождение на горе До, материалы которого напоминают подобные памятники Индии, Кавказа и других территорий. Они датируются шелльским и ашельским временем. Благодаря этому открытию впервые устанавливается заселенность территории Вьетнама людьми начиная с древнего палеолита. Кроме того, в 3 *км* от горы До, в иных геологических условиях, найдена неолитическая мастерская по обработке камня — Донг Кхой. Это также памятники нового типа, ранее не известного во Вьетнаме. До сих пор неолит там был представлен только пещерами и раковинными кучами. Значительные результаты дали и разведки пещер (провинция Хоабинь и горный массив Бакшон). Они знаменуют первые полевые исследования вьетнамских археологов, посвященные хоабиньской и бакшонской культуре.

В свете решений январского Пленума ЦК КПСС большое практическое значение для народного хозяйства имеют работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, об исследованиях которой доложил чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов. Перед экспедицией стоит задача решить вопрос о реальных возможностях нового освоения и использования под земледелие обширных земель древнего орошения в области древних и современных дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Археологические и геоморфологические исследования, проведенные экспедицией за последние годы, показали, что земли древнего орошения низовий этих рек, изобилующие многочисленными памятниками первобытной эпохи, античности и средневековья (в том числе остатками ирригации и следами обработанных полей), не менее чем в три раза превышают площадь, занятую современной оросительной сетью в этих районах. Небольшая часть земель древнего орошения находится в низовьях Сыр-Дарьи. Освоение земель древней дельты Сыр-Дарьи под ирригационное земледелие за период ее многовековой истории свидетельствует о том, что природный фактор, по-видимому, не играл сколько-нибудь существенной роли в запустении этих земель; оно было обусловлено прежде всего социально-историческими причинами. Новое освоение этой обширной территории путем ее обводнения и орошения при помощи современных технических средств может создать базу для развития крупных многоотраслевых хозяйств, сочетающих возделывание зерновых культур (риса, пшеницы и др.) с интенсивным стойловым животноводством и посевами на поливных землях кормовых культур. Использование массива земель древнего орошения Сыр-Дарьинской дельты может дать государству без больших капитальных затрат огромный экономический эффект.

В докладе академика Б. А. Рыбакова «Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей» были подведены итоги многолетнего изучения этого города. Здесь выявлены культурные слои от эпохи бронзы до начала XX в. Основной слой замка относится к периоду с последней трети XI в. до 1147 г., когда Любеч был сожжен врагами. Хорошая сохранность потолочных перекрытий дает возможность установить наличие в замке зданий, имевших иногда по четыре этажа. Основное сооружение замка — дворцовый комплекс — имел главный зал, украшенный оленьими рогами и поливными керамическими дисками. Укреплением города служили массивный глиняный вал и дубовые городни. Замок был укреплен городнями с примыкавшими к ним изнутри жилыми срубами. Въезд в замок начинался с подъемного моста. Около дворца открыты деревянная церковь, небольшое кладбище и участок хозяйственных клетей, кладовых.

Особый интерес представляет мощная четырехэтажная башня — донжон; в глубоком ее подземелье найден клад золотых и серебряных вещей богатого боярского круга. Удачное сочетание письменных и археологических данных позволяет считать строителем замка черниговского князя Владимира Мономаха. Любечский комплекс впервые в истории русской и славянской археологии дает нам возможность представить себе облик богатого феодального замка XI в. с его планировкой и размещением военных и хозяйственных объектов. Это имеет большое значение, так как полная неизученность русских феодальных замков раннего средневековья нередко приводила исследователей к ошибочным выводам в оценке русского феодализма вообще.

А. П. Смирнов познакомил участников пленума с новыми данными о ранних памятниках Волжской Болгарии, накопленными за последнее десятилетие в связи с проведением работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. В результате раскопок по-

следних лет (Балымерское, Тигашевское, Криушское, Андреевское и другие селища и городища; Кайбельский и Большетарханский могильники) установлено, что болгарские племена, сыгравшие решающую роль в образовании древнейшего государства — Волжской Болгарии, пришли в Среднее Поволжье не позднее IX в., освоив земли по обоим берегам Волги. Новые памятники подтверждают, по мнению докладчика, ранее высказанную точку зрения о наличии славянского компонента в разноплеменном составе болгарских орд, а также дают возможность осветить вопрос об экономике, социальном строе и тесных связях этих племен с приазовскими и дунайскими болгарами.

Большое внимание археологов, историков, лингвистов и ученых других дисциплин привлек доклад А. Я. Брюсова, посвященный «„Культурам с боевыми топорами" в связи с проблемой формирования индоевропейских народов». К настоящему времени определена территория, охваченная в конце неолита колоссальной экспансией этих культур: она простирается от р. Вятки на востоке до р. Рейна на западе, от Средней Скандинавии на севере до Швейцарии на юге. Автор доклада полагает, что сейчас еще нельзя с полной точностью ответить на вопрос, откуда, почему и какими путями эти культуры пришли, но собранный за последние годы материал позволяет все-таки привести ряд фактов, способствующих его разрешению: а) в ряде северных культур с боевыми топорами (фатьяновская культура в СССР, культура ладьевидных топоров в Швейцарии и Финляндии, культура одиночных погребений в Дании) имеется много предметов, характерных для южнорусской катакомбной культуры; б) более южные западноевропейские и белорусские варианты культур с боевыми топорами обнаруживают много черт сходства, особенно в керамике, с юго-западными культурами, среднеднепровской культурой и культурой шаровидных амфор, на что уже давно было обращено внимание: в) изучая культуры с боевыми топорами, обнаруженные на указанной территории, большинство советских и западноевропейских археологов считают эти культуры пришлыми. По мнению А. Я. Брюсова, естественно считать правильным предположение, определеннее всего сформулированное П. Глобом, что исходной областью расселения носителей этих культур были южнорусские степи. Вместе с тем объяснение причин экспансии (иссушение южнорусских степей в эпоху климатического оптимума и необходимость для скотоводческих племен искать новые пастбища), данное указанным исследователем, докладчик считает несостоятельным. Передвижение значительной части населения южнорусских степей к северу и западу, по-видимому, следует объяснить экспансией племен срубной культуры с востока и более ранней экспансией племен трипольской культуры с юго-запада. Допустима также гипотеза, что племена культур с боевыми топорами представляли собой еще неразделившихся германо-балто-славян. По докладу развернулась оживленная дискуссия, в которой приняли участие археологи (С. В. Киселев, О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, Е. В. Пузаков, В. Д. Блаватский) и лингвисты (Н. С. Чемоданов, Б. В. Горнунг).

Об основных проблемах истории Прикамья в свете археологических исследований на новостройках доложил О. Н. Бадер. Камская археологическая экспедиция за последние годы добилась значительных успехов, исследовав огромную, до того слабо изученную область Прикамья, от истоков Камы до устья Белой. Доследование мустьерского местонахождения у Пещерного Лога на Чусовой позволило поставить вопрос о первоначальном заселении Урала человеком во второй половине ашельской эпохи с территории Средней Азии и Кавказа. Раскопки палеолитической стоянки Талицкого подтвердили преобладание сибирских черт в ее культуре и позволили выдвинуть гипотезу об изоляции Урала и Поволжья от основной части Европы. Впервые на Каме открыты позднемезолитические стоянки, которые не подтверждают их генетических связей с местным палеолитом; они свидетельствуют о приходе сюда южных этнических групп из Черноморско-Каспийской области. Выявлена также область приуральского неолита с «гребенчатой» керамикой, которая послужила основой для формирования также культур бронзового века — турбинской и волосовской. Результатом работ экспедиции является изучение турбинской культуры в Прикамье. Это проливает свет на сейминско-турбинскую проблему в целом. Работами экспедиции установлена шестая группа ананьинских памятников — среднекамская; на ее поселениях впервые изучены четырехугольные наземные жилища с глинобитными полами. В пределах камско-уфимского междуречья зафиксирована своеобразная сылвенская культура X—XV вв., территория которой, по археологическим и топонимическим данным, является районом вероятной локализации Великой Венгрии монаха Юлиана. Огромный материал собран в Северном Прикамье; он подтвердил формирование родановской культуры IX—XV вв. на местной, ломоватовской, основе и принадлежность ее древним коми-пермякам. Среди исследованных на Каме древнерусских поселений интересный материал получен на Орле-городке (Кергедане), основанном Строгановыми в 1564 г. Экспедицией проводится широкая комплексная обработка материалов с привлечением специалистов различных дисциплин, что способствует решению ряда исторических проблем. Заслугой экспедиции является организация нового Музея археологии Прикамья при Пермском университете.

О. Н. Бадер сообщил также об открытии палеолитической живописи в Каповой пещере (Южный Урал) — первой на территории СССР. Во Франции монохромная пещерная живопись, к которой принадлежат наши уральские изображения, получила развитие в мадленское время.

Важнейшим разделом работ Монгольской археологической экспедиции АН СССР является исследование древнемонгольских городов, чему и был посвящен доклад чл.-корр. АН СССР С. В. Киселева «Древнемонгольский город Хирхира». Экспедиция обследовала обширные остатки города в низовьях р. Хирхира (Быркинский р-н Читинской обл.). Город составляют остатки цитадели, ряд укрепленных усадеб знати и множество развалин домиков рядовых горожан. Центральное здание Хирхиринской цитадели стояло на усеченно-пирамидальном подиуме и в большей своей части было деревянным, с черепичной крышей и отопительной системой под полом, аналогичной топкам дворцов в Шеньяне и Пекине. При раскопках этого здания найдено много посуды и монета династии Сун. Укрепленная усадьба в северо-восточной части города имела глинобитный центральный дом, надворные постройки и внешнюю стену. Другой дом, расположенный в этой части города, служил, по-видимому, жилищем и мастерской кузнеца. В кургане на горе Окошки обнаружены остатки трех ограбленных погребений. Судя по остаткам инвентаря, это были очень богатые захоронения (шелковые узорчатые ткани, лаковые изделия и предметы из слоновой кости). Четвертое погребение уцелело полностью. Здесь в деревянном гробу лежали останки мальчика в богатом убранстве и вооружении. На груди мальчика была положена серебряная чаша типа буддийской габала со знаком сложной санскритской лигатуры, возможно, началом молитвенного призыва. Как сообщил С. В. Киселев, исследователь Забайкалья А. К. Кузнецов установил, что известная стела с надписью племянника Чингисхана Исункэ стояла около Хирхиринского города. Поэтому можно полагать, что этот город был центром владений этого Чингизида. Есть основания (черепица, жилые конструкции) полагать, что на месте города Хирхира некогда существовало более раннее поселение.

Е. И. Крупнов выступил с докладом «Новое в изучении истории Северного Кавказа» по материалам работ Северо-Кавказской экспедиции, в которой принимают активное участие местные научные учреждения. Важнейшим достижением работ на территории Чечено-Ингушской АССР является изучение энеолитических памятников, которые дают возможность на целое тысячелетие удревнить историю местного населения республики и его связи с Закавказьем, с Западным Кавказом и со степными районами Приазовья, Подонья и Нижнего Поволжья. Открыты и исследованы новые, ранее не известны памятники севернокавказской культуры II тысячелетия до н. э. и интереснейшее поселение IX—VIII вв. до н. э. Принципиально важным для средневековой истории и культуры чеченцев и ингушей являются первые результаты археологического изучения высокогорных районов Чечни.

Для изучения проблемы северокавказского средневекового города большое значение приобретают раскопки городища «Верхний Джулат» в Северной Осетии, который может претендовать на отождествление его со «славным ясским городом Дедяковым», известным по русским летописям. Опыт работ СКАЭ последних лет приводит к заключению, что население всех районов Северного Кавказа с очень давних пор развивало свое хозяйство и создавало свою культуру в оживленных взаимоотношениях с племенами и народами Закавказья, Передней Азии, Ближнего Востока и особенно с населением Украины, Приазовья, Подонья и Нижнего Поволжья.

Доклад В. В. Артемьева, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжина, Е. Н. Романовой и С. И. Руденко «Радиоуглеродный метод определения абсолютного возраста» познакомил собравшихся с широко применяемыми в настоящее время в археологических исследованиях новейшими достижениями естественно-научных дисциплин.

Большое количество докладов и сообщений было заслушано и обсуждено на заседаниях следующих секций.

1. Секция каменного века. А. П. Черныш рассказал об исследованиях мустьерских поселений на Днестре, которые имеют большое значение для уточнения геологического палеолита Европейской части СССР.

Оживленная дискуссия состоялась по докладу В. И. Громова «Спорные вопросы в определении геологического возраста палеолита и времени появления Homo Sapiens и его культуры».

О новых находках орудий нижнего палеолита в с. Хотылево на Десне доложил Ф. М. Заверняев. Докл. М. Д. Гвоздовер был посвящен раскопкам верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II (Ростовская обл.). Первая многослойная палеолитическая стоянка Каркасу I открыта в Казахстане, о чем сообщил Х. Алпысбаев. Об исследовании известной самаркандской палеолитической стоянки в 1960 г. сообщил Д. Н. Лев. П. У. Аутлев выступил по вопросу о количественном соотношении типов орудий в домустьерских палеолитических местонахождениях Кавказа. Доклад В. А. Месяца был посвящен ашельскому и мустьерскому местонахождениям около г. Житомира.

Неолитическим отрядом Прибалтийской экспедиции (доклад Н. Н. Гуриной «Результаты работ на Верхней Волге в 1959—1960 гг.») открыты сотни новых памятников, давших новый материал, в том числе для выделения особой валдайской культуры и ее вариантов. Для уточнения датировки и относительной хронологии южноуральской неолитической культуры важны работы, проведенные в Чебаркульском р-не Челябинской обл. (доклад Л. Я. Крижевской). Получены некоторые данные о памятниках неолита в низовьях Припяти, о чем сообщил В. Ф. Исаенко. А. И. Россадо-

вич рассказала о раскопках Н.-Тагильским музеем Кокшаровского «Кургана».— памятника неолитической эпохи. Т. Д. Белановская охарактеризовала неолитическое поселение Ракушечный Яр у станицы Ростовской обл. Г. А. Панкрушев сделал доклад «Докерамические стоянки Карелии и вопрос о ее заселении». Новые данные по каменному веку Северо-Восточного Приазовья получены экспедицией Таганрогского музея (сообщение Н. Д. Праслова). П. И. Борисковский продемонстрировал коллекции по каменному веку Вьетнама. В 1960 г. на Волыни проводились археологические исследования Львовским историческим музеем (доклад В. П. Савича). Главное внимание экспедиция уделяла изучению памятников палеолита. Иркутский государственный университет проводил раскопки в долине р. Илима (доклад П. П. Хороших), где обнаружены памятники каменного и бронзового веков. О новых археологических памятниках в окрестностях г. Уфы рассказал Г. Н. Матюшин. Здесь обнаружены памятники каменного века, эпохи бронзы и железного века.

2. Секция энеолита и бронзового века. В. И. Маркевич сообщил об исследовании неолитических памятников на среднем течении Днестра. Коллективное погребение абашевцев («Пепкинский курган») открыто Марийской археологической экспедицией (доклад А. Х. Халикова). Важным в нем является захоронение металлурга, сопровождавшееся набором инструментов бронзолитейщика.

Об исследовании Кухмарского курганного могильника близ г. Переславля Ярославской области доложил Д. А. Крайнов. По обряду захоронения, глиняным сосудам, бронзовым поделкам и другим данным этот могильник можно отнести к концу эпохи бронзы, к своеобразному локальному варианту абашевской культуры. А. Л. Никитин сообщил о раскопках поселения и могильника Дикариха под дер. Криушкино Переславского района, Ярославской обл. Характер материала сближает этот памятник с позднефатьяновской и поздняковской культурами эпохи бронзы.

Интересный материал дали раскопки энеолитического поселения Мешоко на Кубани (доклад А. Д. Столяра). Итогам разведок памятников эпохи бронзы на Керченском полуострове в 1959—1960 гг. был посвящен доклад А. М. Лескова. Э. Ф. Патокова сообщила о раскопках Усатовского кургана № 12, отличающегося от ранее раскопанных своеобразием погребального инвентаря и обряда погребений. Среди открытых Киевским историческим музеем трипольских поселений на левом берегу Среднего Днестра заслуживает внимания поселение в с. Цвикловцы, о котором рассказала Т. Г. Мовша.

Доклад Э. А. Балагури был посвящен «Литейным матрицам на поселении поздней бронзы в с. Островец, Станиславской обл.». Клад матриц дает возможность установить местные формы орудий и указывает на высокий уровень литейной техники жителей поселения.

И. Р. Селимханов сделал сообщение об исследовании металлических предметов из холма в Хачбулаге (конец III тысячелетия до н. э.).

В докладе Д. Я. Телегина и С. И. Жиляевой «Раскопки нового могильника днепро-донецкой культуры у с. Дериевки на Днепре в 1960 г.» сообщалось о новых данных для хронологии поселений этого типа всего лесостепного Поднепровья и левобережной Украины. Э. А. Федорова-Давыдова рассказала о раскопках Уварского курганного могильника в Оренбургской области.

Раскопки энеолитических поселений в Геоксюрском районе Туркменской ССР (доклад И. Н. Хлопина) позволили установить некоторые закономерности в развитии культуры племен этого района времени Намазга II. А. С. Башкиров сделал доклад на тему «Стратегические условия и оборонительные сооружения энеолитических поселений».

На тему «Искусство племен эпохи раннего металла в Крыму» сделал доклад А. А. Щепинский. Основную массу памятников искусства, как показал докладчик, дает ямная и недавно выявленная в предгорьях Крыма кемиобинская культуры. Это — антропоморфные стелы, камни и плиты с разнообразными рельефными изображениями, деревянные и каменные ящики с росписью.

И. В. Синицын рассказал о работах экспедиции Саратовского государственного университета на Ганавском городище, близ г. Саратова, где выявлено два культурных слоя: один связан с заселением городища племенами срубной культуры, другой — относится ко времени заселения городища пришлыми племенами городецкой культуры, генетически не связанными с племенами срубной культуры.

О новых памятниках искусства энеолита на Енисее сообщил А. Н. Липский. Они найдены в новом афанасьевском могильнике и представляют собой: 1) большую массивную плиту с изображением человеческой фигуры до пояса с поднятыми руками и с лицом, увенчанным двумя лучами-рогами и украшенным линиями татуировки; 2) часть песчаникового обелиска с барельефным лицом, украшенным линиями татуировки; Н. Н. Диков рассказал о первой археологической коллекции из внутриконтинентальной Чукотки, собранной еще в 1904—1907 гг. и хранящейся в Гос. Эрмитаже (керамика, каменные и костяные изделия).

3. Секция раннего железного века. С. С. Черников рассказал о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1960 г., которая продолжала раскопки курганов большого могильника в Чиликтинской долине. Могильник является уникальным в Казахстане; он дает богатый материал для изучения мало исследованного сакского периода в истории этого края.

О раскопках памятников позднего железного века в Верхнем Прикамье в 1960 г. доложил В. А. Оборин. Доклад Т. Н. Троицкой был посвящен работам Новосибирской археологической экспедиции в 1959—1960 гг. Об итогах работ Кобяковской экспедиции рассказала С. И. Капошина. Е. Ф. Покровская прочла доклад на тему «Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин». Традиция сооружения жертвенников у земледельческих племен лесостепного Приднепровья имеет древнее происхождение. О. Д. Ганина сообщила о результатах исследования поселения скифского времени в с. Иванэ-Пустэ Подольского района Тарнопольской обл. в 1958—1960 гг. Вопросу о добыче и обработке железа в лесостепной и степной Скифии (VI—III вв. до н.э.) был посвящен доклад Б. А. Шрамко, А. М. Петриченко, Л. А. Солнцева и Л. Д. Фомина. Потрошиловский отряд Красноярской экспедиции 1960 г. (доклад А. А. Гавриловой) продолжал исследование афанасьевского могильника. Г. А. Максименков охарактеризовал могильник Гришкин Лог I — единственный в настоящее время полностью раскопанный могильник тагарского времени. О раскопках Н.-Тагильского музея в 1960 г. на Синей горе — жертвеннике II—III вв. н. э. сообщила А. И. Россадович. Интересные результаты дали исследования погребения на оз. Синеглазовом около г. Челябинска (доклад В. С. Стоколоса). Весь вещественный комплекс находит аналогии среди памятников салтовской культуры и датируется концом VIII—началом IX в. н. э.

М. Р. Полесских выступил с докадом «Итоги раскопок Селиксенского могильника» (Пензенской обл.), «Тураевский курганный могильник III—IV вв. на Нижней Каме» — тема доклада В. Ф. Генинга. Об итогах археологических исследований в Еврейской автономной области рассказал Е. И. Тимофеев. Г. А. Архипов прочел доклад «К истории населения Вятско-Ветлужского междуречья в I тысячелетии н. э.».

4. Секция античной археологии. Античной тематике Северо-Западного Причерноморья были посвящены доклады Е. Ф. Яровой («Раскопки западной стороны Ольвийской агоры в 1960 г.») и Е. И. Леви («Итоги работ Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960 г.»). Последние работы на Березани дополняют наши сведения о стратиграфии этого своеобразного пункта. В Ольвии уточняются планировка и устройство городской площади, открыты новые постройки (общественные здания, дом с цистерной, остатки винодельни и др.). На территории Северо-Западного Крыма в 1960 г. производились раскопки Южного Донузлавского городища у с. Поповка (доклад О. Д. Дашевской). А. Н. Щеглов сообщил о полевых работах Херсонесского музея в Северо-Западном Крыму в 1959—1960 г.

Херсонесская тематика была отражена в следующих докладах. В. В. Борисова рассказала об исследовании цитадели Херсонеса в 1960 г., Е. Г. Суров — о раскопках в северо-западном районе этого города по материалам 1959—1960 гг. Западный фланг обороны Херсонеса охарактеризовала И. А. Антонова. С. Ф. Стржелецкий выступил с вопросом о датировке оборонительных стен Херсонеса Таврического. Очень интересна находка полихромных стел IV—III вв. до н. э. в ядре башни XVII оборонительных стен Херсонеса (доклад В. Н. Даниленко). Доклад В. И. Кадеева, Л. А. Солнцева и Л. Д. Фомина был посвящен технике изготовления изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе. Выступавшие в прениях по указанным докладам отметили активную работу Одесского и Херсонесского музеев по изучению античных памятников Северо-Западного Причерноморья.

Боспорской тематике посвятили свои доклады И. Т. Кругликова («Раскопки у дер. Семеновки»). В. М. Скуднова («Раскопки Нимфея в 1960 г.»), В. Ф. Гайдукевич («Работы Боспорской экспедиции 1959—1960 гг.») и И. Д. Марченко («Раскопки Пантикапея в 1960 г.») В. П. Азарова информировала о последних находках из Керчи. М. М. Кобылина рассказала о раскопках Фанагории в 1959—1960 гг., где были открыты сооружения античного времени и часть средневекового квартала. В широком масштабе производились раскопки курганов, давшие новые материалы по культуре Фанагории. Ю. С. Крушкол сделала доклад «Некоторые данные об автохтонной материальной культуре синдов». О раскопках городища и некрополя Кеп сообщили Н. И. Сокольский и Н. П. Сорокина. В. А. Леквинадзе продемонстрировал материалы по истории и архитектуре Абсарской крепости, типичной для римского лагеря, который в V—VII вв. был занят византийцами. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. были освещены в докладе В. Д. Блаватского. Доклад В. Д. Блаватского и С. Ислами был посвящен работам Албанской археологической экспедиции 1959—1960 гг.

5. Секция славяно-русской археологии. О. Н. Мельниковская выступила с докладом «Могильник милоградского типа в дер. Горошков в Южной Белоруссии». Материалы этого памятника впервые дают возможность решить вопрос о характере могильников милоградской культуры. Большой интерес для изучения истории земледелия у племен лесостепи в первой половине I тысячелетия н. э. представляет мельничное сооружение, открытое у с. Иванковцы, Житомирской обл., на поселении культуры полей погребений. О нем сообщил И. С. Винокур.

В. Д. Баран рассказал о раскопках раннеславянского поселения у с. Рипнев, в бассейне Западного Буга. Наличие на этом поселении славянских комплексов начала второй половины I тысячелетия н. э. и комплексов культуры полей погребений черняховского типа позволяет поставить вопрос об их соотношении, что имеет важное зна-

чение для выяснения этнической принадлежности последних. Доклад Э. А. Сымоновича «Городище Колочин I на Гомельщине» вызвал ряд возражений (Е. А. Шмидт, И. И. Ляпушкин, И. П. Русанова). Обсуждение доклада Л. Д. Поболя «Археологические раскопки в Адаменке» показало порочную методику раскопок автора доклада и вызвало ряд справедливых замечаний по этому поводу (Б. А. Рыбаков, И. И. Ляпушкин, А. Ф. Медведев и др.). Е. А. Шмидт сообщил об исследованиях городища V—VII вв. н. э. у дер. Акатово, материалы которого пополняют наши сведения о культуре племен верховьев Днепра. Т. А. Алексеева остановилась на некоторых вопросах этногенеза восточных славян по материалам из курганных и рядовых могильников вятичей, кривичей, северян, радимичей и других племен. По мнению докладчика, вопросы этногенеза восточнославянского населения неразрывно связаны с этногенезом летто-литовского и финно-угорского населения, что особенно отчетливо проявляется в период славянской колонизации Восточно-Европейской равнины.

Как показал опыт исследования топоров салтовской культуры (доклад В. К. Михеева и Л. А. Солнцева), в настоящее время можно говорить об их местном изготовлении, что подтверждается наличием сырьевой базы в верховьях Северного Донца, а также остатками металлургического производства, найденными при раскопках Салтовского городища и прилегающих к нему селищ. Б. А. Шрамко рассказал о результатах раскопок посада древнерусского города Донца в 1959—1960 гг. О раскопках оборонительного вала Ленковецкого городища возле Черновиц сообщил Б. А. Тимощук. В 1960 г. в Городце на Волге начаты планомерные археологические раскопки, о результатах которых доложил А. Ф. Медведев. В связи с наступающим 1100-летним юбилеем Полоцка в поледние годы производятся систематические исследования на территории этого города (доклад А. Г. Митрофанова).

Об уникальной находке — бокале из Новогрудка сообщила Ф. Д. Гуревич. Подобные бокалы имеются в коллекциях Польши и Германии («Hedwiggläser»). Они выделывались, по-видимому, в Сирии и Египте в XI—XII вв. и были привезены в Европу крестоносцами, откуда и попали в Новогрудок.

Доклад М. Х. Алешковского «Новгородский Детинец в XI—XIII вв.» познакомил собравшихся с новыми материалами, имеющими большое значение для изучения истории Детинца до его реконструкции в конце XV в.

В. А. Богусевич выступил с докладом о раскопках на княжеском дворе XII в. в Путивле — одном из древнейших русских городов, в археологическом отношении почти не исследованном. Здесь раскопан и полностью исследован каменный дворцовый храм, особенностью которого является его триконхиальная система, пока единственная среди храмов древней Руси домонгольского времени.

Об исследовании храма Михаила Архангела в Нижнегородском кремле сообщил Н. Н. Воронин. Летописные данные об этом памятнике противоречивы. Раскопки 1960 г. установили, что храм 1227 г. действительно существовал. В 1359 г. он был разобран, и из его камня был построен новый, повторяющий тип древнего храма с тремя притворами.

Раскопки архитектурного комплекса XI в. в Переяславле-Хмельницком (доклад Р. А. Юра) дают возможность предположить, что там открыты остатки Епископских ворот с надвратной церковью Федора и частью стены епископского «каменного града» (летопись 1089 г.).

В докладе В. М. Потина «Находки западноевропейских монет X—XII вв. на территории Древней Руси и древнерусские поселения» была хорошо показана возможность использования нумизматического материала для составления археологической карты древних поселений, а также дана интересная интерпретация кладов как местных памятников.

В. В. Седов сделал доклад на тему «Некоторые вопросы географии Смоленской земли XII в.», в котором рассказал об археологическом изучении и определении территории четырех древних смоленских волостей в бассейне р. Каспли, известных по письменным источникам.

В 1959—1960 гг. проводились раскопки в Московском кремле (доклад Н. Н. Воронина и М. Г. Рабиновича), где выявлены остатки сооружений XII—XVIII вв. и большое количество местных и привозных вещей. С. Н. Орлов познакомил собравшихся с археологическими исследованиями Новгородского пединститута в 1958—1960 гг. Ю. Л. Щапова прочла доклад «О стеклянных бусах в древней Руси».

6. Секция нумизматики. В своем докладе «Псковские монеты XV в.» А. С. Мельникова сообщила, что псковская монетная система создавалась и развивалась в это время по образцу денежной системы складывающегося Русского централизованного государства. И. Г. Спасский дал характеристику златникам Владимира из пинского клада 1804 г., и в связи с этим поставил вопрос о пересмотре сложившихся взглядов на роль русских златников в денежном обращении. В. М. Потин остановился на вопросе об особенностях притока западноевропейских денариев X—XI вв. и их распространении на территории древней Руси.

«Серебряные монеты Ольвии первой половины II в. до н. э.» — тема доклада П. О. Карышковского. Н. П. Розанова охарактеризовала коллекцию римских золотых монет Отдела нумизматики Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

Д. Г. Капанадзе сообщил о нумизматических находках Пицундской экспедиции и выступил с докладом на тему «О продолжительности обращения денариев Августа и драхм Готарза в древней Иберии». О судакском кладе боспорских монет, найденном в 1959 г., рассказал П. Н. Шульц. Эта находка дает новые данные по технике чеканки монет, эволюции стиля, политической и экономической истории Боспора III в. н. э., а так же, как полагает докладчик, подкрепляет давно высказанную гипотезу о местонахождении в районе Судака гавани Афинеон (Перипл, Арриана). С. Х. Ишанханов сообщил о новом кладе саманидских серебряных дирхемов X в.

7. Секция археологии Кавказа (совместно с Институтом этнографии). Г. Н. Кесаманлы сообщил о раскопках каменного кургана III тысячелетия до н. э. в Хач.-булахе (АзССР).

А. А. Иессен выступил с докладом «Раскопки большого кургана в Мильской степи». Интересный и важный материал для истории и культуры Кавказской Албании дали раскопки городища Хныслы близ г. Шемаха Азербайджанской ССР (доклад Д. А. Халилова). О раскопках энеолитического поселения близ г. Кировакана (Арм. ССР) рассказала Э. Ханзадян. Об археологических исследованиях 1960 г. в Казахском районе Азербайджанской ССР доложил И. Г. Нариманов. Г. Джидди сообщил о раскопках средневековой крепости Гюлистан близ Шемахи (Азербайджанская ССР).

В. А. Кузнецов сделал доклад «Рунические надписи Хумаринского городища», которые являются новыми памятниками древнетюркской письменности Юго-Восточной Европы.

На итогах археологических исследований в Кабардино-Балкарской АССР в 1960 г. остановился Г. И. Ионе. О раскопках Урцекского городища и некрополя в 1960 г. сообщил В. Г. Котович. Раскопки в Урцеках положили начало изучению дагестанского средневекового города. Д. М. Атаев выступил с докладом «Металлообработка в средневековой Аварии» по материалам Бежтинского могильника.

Комплекс I—II вв. н. э. из кургана близ аула Кунчукохобль Адыгейской обл. охарактеризовал П. А. Дитлер. Н. В. Анфимов выступил с докладом на тему «Памятники зихов в районе с. Ново-Михайловское».

8. Секция археологии Средней Азии (совместно с Институтом этнографии). Особый интерес вызвала серия докладов, посвященных сако-кушанской проблеме, о необходимости разработки которой был поставлен вопрос на X Международном конгрессе востоковедов в Москве. Результаты археологических работ за последние годы показали наличие культурной общности, существовавшей в I тысячелетии до н. э. и первых веках нашей эры между народами, населявшими Северное Причерноморье, Южное Поволжье, Приуралье и области Средней Азии и Казахстана.

Большим событием в изучении сако-сарматских памятников является открытие могильника начала I тысячелетия до н. э. Тагискен (Казахская ССР), подробная характеристика которого была дана в докладе С. П. Толстова и М. А. Итиной. Не менее важны в этом отношении раскопки сакского могильника Бес-Шатыр (доклад А. А. Акишева) и могильников первых веков нашей эры в Южной Фергане (доклад Ю. Д. Баруздина). Открытием по искусству Кушан на юге Узбекистана явились раскопки парадного здания в Халчаяне, еще раз показавшие необходимость комплексного изучения кушанской проблемы археологами и искусствоведами (доклад Г. А. Пугаченковой на расширенном заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР обсуждался на данной секции).

О некоторых итогах полевых археологических исследований Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР в 1960 г. в юго-восточном районе подгорной полосы Копет-Дага доложил А. А. Марущенко. Выявлены интересные археологические комплексы доанаусского и раннеанаусского времени, давшие ценный краниологический материал, позволяющий наметить линии древнейших связей между населением Средней Азии и Индии.

С. С. Сорокин сообщил об археологических работах на Южном Алтае в 1959—1960 гг. М. Г. Воробьева сделала доклад «Архаическое поселение в урочище Дингильдже». С докладом «Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г.», выступил Ю. А. Раппопорт. Изучение новых материалов Хорезмской экспедиции позволило докладчику высказать предположение об изображении на блюде оссуарного обряда поклонения останкам правителей, водруженным на престоле. Изображение оссуария, предмета, характерного только для Средней Азии, может подтвердить предположение о производстве блюда в одном из существовавших здесь государств (возможно, Хорезме).

Доклад А. В. Гудковой был посвящен раскопкам городища Ток-Кала (дельта Аму-Дарьи) и его некрополя. Т. Г. Оболдуева доложила о раскопках на городище Эйлатан (Фергана), где выявлены культурные слои середины I тысячелетия до н. э. и середины I тысячелетия н. э. На некоторых итогах изучения Дальверзинского поселения остановился в своем докладе Ю. А. Заднепровский. На поселении выявлены три строительных периода с остатками жилищ, очагов, хозяйственных ям литейной мастерской. Разработана классификация керамики. Дата Дальверзина — рубеж II—I тысячелетий до н. э.

Успешное начало работ по исследованию памятников неолита и бронзы, проводимых АН УзССР, было отражено в докладе У. Исламова «Кельтеминарская

культура на Махан-Дарье». Новые материалы по раннесредневековому искусству Пенджикента продемонстрировал А. М. Беленицкий.

Изучение ремесел (керамика, стекло) средневековой Средней Азии позволило установить более детальную типологию и хронологию этих видов ремесленных изделий (доклады М. Аминджановой. «Средневековое стекло Мавераннахра», С. Б. Лунининой «Гончарное производство Мерва X — начала XI вв.», Ш. С. Ташходжаева «Поливная керамика Афрасиаба второй половины X — первой половины XI вв.»).

Л. Р. Кызласов сделал доклад на тему «Культура и быт населения Тувы в XII—XV вв.». «Средневековые могильники Северо-Западной Туркмении и Ахальского оазиса» получили освещение в докладе С. П. Полякова; Н. Г. Залкинд рассказал о краниологических материалах из средневековых погребений Южной и Северо-Западной Туркмении.

Работа сессии и пленума продемонстрировала значительные достижения полевых работ археологов в 1960 г., обсуждение которых проходило при активном участии представителей различных областей науки. Желательно дальнейшее расширение комплексного решения исторических проблем путем совместных исследований. Сессия с удовлетворением отметила активное участие в археолого-этнографических исследованиях местных научных учреждений, в том числе краеведческих музеев.

В целях успешного решения стоящих перед археологами задач сессия призвала: ученых усилить между странами и республиканскими учреждениями страны координацию исследований; обратить особое внимание на исследования, связанные с решением практических задач коммунистического строительства в СССР: всемерно популяризировать достижения археологии; расширить исследования в области зарубежной археологии; усилить охрану исторических памятников; внедрять в практику экспедиционных работ современную аппаратуру и оборудование, а также новейшие методы естественно-научных дисциплин.

Н. А. Онайко

II УРАЛЬСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ И ЕГО ИТОГИ

1—7 февраля 1961 г. в г. Свердловске состоялось II Уральское археологическое совещание, созванное Уральским государственным университетом и Уральским филиалом Научно-технического совета по гуманитарным наукам при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР.

В совещании приняли участие почти все археологи, занимающиеся изучением древней и средневековой истории и культуры Урала, из уральских научных и учебных учреждений и музеев — от Сыктывкара до Оренбурга и от Ижевска и Уфы до Челябинска и Тюмени, а также из Института археологии АН СССР (Москва) и его Ленинградского отделения, Московского университета, Гос. Исторического музея (Москва). Совещание воспринято как большое научное событие на Урале.

Идея регулярного проведения уральских археологических совещаний возникла в Пермском университете в 1946—1947 гг. В апреле 1947 г. при Пермском университете было проведено I Уральское археологическое совещание, основными задачами которого были: подведение итогов довоенных исследований по археологии Урала, разработка рекомендательного плана первоочередных археологических работ на 1947—1950 гг. и координация усилий для его выполнения.

За 14 лет, прошедших со времени I Уральского археологического совещания, ряды ветеранов уральской археологии поредели; мы потеряли Н. П. Кипарисову и И. А. Талицкую. Зато уральские университеты подготовили целую плеяду молодых ученых-археологов. В надежных руках этой молодежи, руководящей археологической работой в целом ряде научных организаций, находится будущее уральской археологии. Среди участников закончившегося совещания молодежь преобладала.

II Уральское археологическое совещание заслушало и обсудило 34 доклада и сообщения по трем разделам: 1) итоги и перспективы археологических исследований на Урале; 2) результаты работ 1960 г.; 3) план работ на ближайшее пятилетие. Совещание приветствовал во вступительном слове председатель Уральского филиала Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР М. И. Батин.

В докладе «Основные итоги и задачи изучения Урала эпохи камня и бронзы» О. Н. Бадер остановился на основных моментах, определивших развитие археологии на Урале за 14 лет, и дал общий обзор главных достижений и очередных задач в изучении указанных эпох.

В области палеолита исчерпывающие раскопки стоянки Талицкого (1945—1952 гг.) подтвердили преобладание сибирских черт в ее культуре, что послужило основанием для выдвижения гипотезы о длительной, сложившейся по линии Дон — Каспий во второй половине плейстоцена палеогеографической изоляции Урала от основной части Русской платформы и Европы.

В последние годы палеолит Урала привлекает к себе широкое и пристальное внимание советской и мировой археологии благодаря открытию зоологом А. В. Рюминым

следов настенной палеолитической живописи в Каповой пещере на Южном Урале и открытию геологом Б. И. Гуслицером и археологом В. И. Канивцом палеолитической стоянки в Медвежьей пещере в верховьях р. Печоры, т. е. значительно севернее всех известных до сего времени палеолитических памятников Евразии.

Впервые выявленные на Каме, а затем и на Вычегде позднемезолитические стоянки с ярко выраженным микролитическим инвентарем и геометрическими вкладышами свидетельствуют о южной волне в заселении Приуралья. Одной из основных задач в изучении уральского мезолита надо считать установление стратиграфического положения архаичных костяных изделий, во множестве найденных при промышленных разработках торфяников Среднего Зауралья. Особого внимания заслуживает и мезолитическая культура среднеазиатского происхождения, прослеженная на Андреевском озере.

В области неолита наиболее значительные работы произведены в Прикамье (раскопано около 35 стоянок). Разработана трехчленная периодизация исследованных стоянок. Весьма существенный интерес представляют и работы в лесном Зауралье, где намечаются твердые основания для периодизации и, видимо, выявляются более ранние этапы в развитии неолитической культуры на Урале. Необходима скорейшая публикация камских и дальнейшее систематическое изучение зауральских и южноуральских памятников неолита.

При изучении медно-бронзовой эпохи на Урале наиболее обширный материал получен также в Прикамье, где раскопано три могильника и 80 поселений, на которых вскрыта площадь в 35 000 $м^2$ и исследовано 190 жилищ. Поселения относятся к трем различным этапам развития местной культуры, из которых два первых относятся к своеобразной камской культуре, связанной с могильниками турбинского типа и получившей название турбинской культуры. Значительная культурная близость к камским волго-окских поселений волосовского и позднебалахнинского типов говорит о культурной близости последних к памятникам Приуралья и позволяет предполагать их связь с Сейминским могильником.

Памятники позднейшего, ерзовского этапа камской бронзы имеют общее с нижнекамскими культурными типами (луговским и курмантау) и вместе с зауральской (гамаюнской) культурой составляют основу для формирования ананьинской культуры.

Крайне важно установление относительно раннего возраста абашевской культуры Южного Урала.

Широкий интерес представляет разработка трехчленной периодизации памятников андроновской культуры в степях Южного Урала и Зауралья, проливающая свет на проблему происхождения савроматской культуры.

Большое значение имеют работы по изучению сложных культурных образований в Башкирии, отражающих процесс взаимодействия местной энеолитической, абашевской, срубной и андроновской культур.

Еще не разрешена проблема локальных вариантов и периодизации культуры населения лесного Зауралья во II тысячелетии до н. э., несмотря на многочисленные, посвященные этой проблеме публикации послевоенного периода. Необходимо усилить работы в этом направлении.

В. Ф. Генинг в докладе «Основные итоги и задачи изучения железного века Урала» нарисовал интересную картину истории населения Урала на протяжении почти трех последних тысячелетий. Докладчик делит историю населения Урала в железном веке на три этапа — ранний (VII в. до н. э.— II в. н. э.), средний (III—IX вв.) и поздний (X—XV вв.) и рассматривает ее в пределах различных крупных территорий — географических зон.

Сделав обзор изучения сарматских памятников Южного Урала, докладчик обращает внимание на необходимость более широкого изучения позднесарматской истории и, в частности, изучения вопроса о проникновении гуннов в сарматскую среду.

Среди памятников южной полосы лесной зоны городища гафурийской группы городищ Башкирии не представляют единой культуры. В лесостепном Зауралье ранний железный век представлен городищем «Чудаки». Памятники типа Калмаковского городища составлют еще одну культурную общность лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху раннего железа.

Представление об ананьинской культуре за послевоенные годы расширилось в результате исследования новых памятников в бассейне Камы. Собранный новый материал не позволяет выводить ананьинскую культуру на ее древнейшем этапе из какого-либо одного района, ибо в состав различных локальных вариантов ананьинской культуры вошли различные слагающие элементы, свойственные более древней культуре различных районов Прикамья.

Послеананьинское время в Прикамье характеризуется формированием трех родственных по происхождению, но различных культур: гляденовской, осинской и пьяноборской.

В Зауралье южная полоса лесной зоны входила в обширную потчевашскую культурную общность, но выделение последней в том виде, как это сделано В. И. Мошинской, следует считать лишь предварительным. Здесь же, вдоль южной полосы лесостепей Зауралья, выявлена еще одна, крайне интересная группа памятников раннего железа, которую можно связывать с гамаюнской культурой, резко отличающейся от прочих синхронных культур Зауралья и принадлежавшей, видимо, какой-то этнической группе неуральского происхождения. Северное Зауралье в эпоху раннего железа было

занято поселением зеленогорской и усть-полуйской культур и еще более северной культурой приморских охотников и рыболовов.

Далее докладчик останавливается на вопросах общественно-экономического развития населения Урала эпохи раннего железа и считает возможным говорить о возникновении племенных союзов у сармат на прохоровском этапе и в Прикамье — на пьяноборском (гляденовский, осинский и пьяноборский племенные союзы).

Сложность исторического процесса на Урале, происходившего в I тысячелетии н. э., определяется значительными этническими сдвигами и культурными переменами, связанными в конечном счете с грандиозным движением кочевников из глубин Центральной Азии.

Вновь добытые материалы устанавливают мощный приток в III в. новых групп населения в Прикамье. В результате здесь складываются новые культуры: ломоватовская, азелинская и поломская — в северной части Прикамья, среднекамская — между Осой и Еловом, мазунинская — между Сайгаткой и устьем р. Иж, бахмутинская — в бассейне р. Уфы, тураевская — на Каме, между устьями рр. Ижа и Вятка, именьковская — в Нижнем Прикамье и в смежных районах Поволжья, кушнаренковская — по среднему течению Белой и салеховская — в нижнем течении Белой. Есть серьезные основания полагать, что основная часть пришлого населения явилась в Прикамье из Западной Сибири и была по языку преимущественно угорской и частью — тюркской. Угорское население Южного Прикамья следует связывать с древнемадьярскими группами.

Поздний железный век (IX—XV вв.) на Урале изучен неравномерно. Изучение его — одна из важнейших наших задач.

Вслед за двумя обобщающими докладами были заслушаны доклады об итогах и задачах археологического изучения отдельных крупных частей Урала, а именно: В. И. Канивца (Сыктывкар) — по Северному Приуралью, Г. М. Бурова (Сыктывкар) — по Вычегодскому краю, В. П. Денисова (Пермь) — по поздней бронзе Среднего Прикамья, В. А. Оборина (Пермь) — по железному веку Верхнего и Среднего Прикамья, В. Е. Стоянова (Свердловск) — по Удмуртии, К. В. Сальникова (Уфа) — по Южному Уралу, Е. М. Берс (Свердловск) — по лесному Зауралью. В. Н. Чернецова (Москва) — по Нижнему Приобью. Кроме того, на совещании было прочитано несколько других обобщающих докладов: А. К. Матвеева (Свердловск) «Древнеуральская топонимика и ее происхождение», Н. А. Мажитова (Уфа) «Ранние памятники бахмутинской культуры», Б. Н. Вишневского (Пермь) «Следы угров на Западном Урале в свете антропологии» и М. С. Акимовой (Москва) «Новые данные в антропологии древнеуральского населения».

Второй раздел программы совещания составило обсуждение докладов о результатах археологических работ 1960 г. С докладами выступили: В. И. Канивец (Сыктывкар), Л. Я. Крижевская (Ленинград), В. М. Раушенбах (Москва), А. И. Рассадович (Нижний Тагил), Е. М. Берс (Свердловск), Г. Н. Матюшин (Уфа), В. Д. Викторова (Свердловск), В. А. Оборин (Пермь), В. Ф. Генинг (Свердловск), А. Д. Вечтомов (Пермь), Ю. А. Поляков (Пермь), Г. Т. Кондратьева (Ижевск), В. Е. Стоянов (Свердловск), К. В. Сальников (Уфа), Е. Е. Кузьмина (Москва), Э. А. Федорова-Давыдова (Москва), Г. И. Матвеева (Троицк), В. С. Стоколос (Челябинск), О. Н. Бадер (Москва) и др.

В итоге оживленных прений совещание отметило большие достижения в археологическом изучении Урала за годы, разделяющие два совещания, но констатировало и существующие до сего времени большие пробелы на археологической карте Урала (север Свердловской области, Уральский хребет, бассейны Мезени, Ижмы и др).

В общей резолюции совещания подчеркивается отсутствие достаточной координации работ различных организаций, что мешает правильному развитию исследования огромной территории Урала.

В целях устранения этого большого недостатка совещание создало постоянную Уральскую координационную комиссию в составе К. В. Сальникова, В. И. Канивца, В. А. Оборина, В. Ф Генинга и О. Н. Бадера.

На Координационную комиссию возложены следующие обязанности: разработка рекомендаций в области полевых и камеральных исследований, наблюдение за осуществлением утвержденного совещанием плана археологических работ на пятилетку, созыв Уральских археологических совещаний и подготовка их программы; содействие публикации археологических материалов и исследований и т. д.

Совещание разработало и утвердило план археологических исследований на Урале на 1961—1965 гг.

Совещание приняло также план первоочередной подготовки к публикации наиболее важных материалов и исследований по археологии Урала.

Принято решение созывать уральские археологические совещания периодически.

О. Н. Бадер

М. В. ПОКРОВСКИЙ

22 июля 1959 г. на 62-м году жизни скончался в Краснодаре доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Краснодарского государственного педагогического института М. В. Покровский.

Родился Михаил Владимирович 7 сентября 1897 г. в с. Ардон Северо-Осетинской АССР в семье учителя

После окончания гимназии, в 1920 г., он поступает в Краснодарский учительский институт, преобразованный затем в педагогический, который и оканчивает в 1923 г.

С этого же года он начинает работать в средней школе учителем истории. В 1934 г. Михаил Владимирович переходит на работу в Краснодарский педагогический институт, сначала ассистентом, затем старшим преподавателем, а с 1941 г., после защиты кандидатской диссертации, занимает должность доцента. С 1944 г. и до последних дней своей жизни он возглавлял кафедру истории Краснодарского педагогического института.

Еще будучи студентом, Михаил Владимирович стал интересоваться историей и археологией Северо-Западного Кавказа, а придя в школу, он с первых же дней своей самостоятельной работы организует историко-краеведческий кружок и начинает заниматься археологией.

Археологические памятники Прикубанья к этому времени были известны в основном только по дореволюционным раскопкам курганов, и Михаил Владимирович основное внимание обращает на изучение мест древних поселений и грунтовых могильников эпохи раннего железа. Со своим кружком он проводит широкую работу разведочного порядка по выявлению и регистрации археологических памятников, сначала в районе Краснодара, а потом и по всему среднему течению р. Кубани. Им было открыто широко известное в настоящее время Елизаветинское городище и грунтовой могильник.

Параллельно с этим М. В. Покровский проводил и раскопки охранного характера. Результатом этих работ явилась составленная им совместно с Н. В. Анфимовым карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н. э. по II в. н. э., опубликованная в IV томе «Советской археологии», а также статья «Городища и могильники Среднего Прикубанья», напечатанная в «Трудах» Краснодарского педагогического института.

М. В. Покровский неоднократно принимал участие в центральных археологических экспедициях, а также руководил местными экспедициями. В итоге многолетних работ им были собраны значительные археологические материалы, составившие коллекции соз-

данного им при школе археологического музея и переданного затем в Краснодарский педагогический институт.

М. В. Покровский был широко эрудированным ученым; он интересовался не только археологией, но и историей местного края. Его кандидатская диссертация была посвящена истории Северо-Западного Кавказа в первой половине XIX в.

В начале 1958 г. М. В. Покровский успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Очерки социально-экономической истории адыгейских племен в конце XVIII — первой половины XIX в.». Работа эта является крупным вкладом в дело изучения истории народов Кавказа.

М. В. Покровский сочетал в себе качества крупного ученого и великолепного лектора, деятельность его не ограничивалась только стенами педагогического института — он читал лекции и в университете усовершенствования учителей, и на заочном отделении Высшей партийной школы при ЦК КПСС, и в массовых аудиториях.

М. В. Покровский вел и большую общественную работу. За плодотворную научно-педагогическую и общественную работу М. В. Покровский был награжден орденом «Знак почета» и медалями.

Н. В. Анфимов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» за 1961 г.

Статьи

	№	стр.
XXII съезд КПСС и задачи советской археологии	4	3
М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины	1	91
В. В. Артемьев, С. В. Бутомо, В. М. Дрожжин, Е. Н. Романова. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду (C^{14})	2	3
А. В. Арциховский. Ответ Б. А. Рыбакову	3	122
Н. О. Бадер. О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа	4	9
О. Н. Бадер. Балановская культура	4	41
А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович. Из истории среднеазиатского шелкоткачества (к идентификации ткани «занданечи»)	2	66
Э. О. Берзин. Горгиппийский агонистический каталог	1	111
А. А. Бобринский. К изучению гончарного круга на территории СССР	2	21
А. Я. Брюсов. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э.	3	14
Г. К. Вагнер. Аркатурно-колончатый фриз Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.)	3	85
С. Н. Георгиева-Казанджиева. К вопросу о материальной культуре славян и праболгар на Нижнем Дунае	2	96
В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве	4	91
Б. О. Долгих. О похоронном обряде кетов	3	102
О. И. Домбровский. О технике декоративной живописи Неаполя скифского	4	84
М. А. Дэвлет. К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях	4	78
Н. П. Журжалина. Древнерусские привески-амулеты и их датировка	2	122
В. А. Ильинская. Бондарихинская культура бронзового века	1	26
С. В. Киселев. Город монгольского Исункэ на реке Хирхира в Забайкалье	4	103
Л. С. Клейн. О так называемых ямных погребениях катакомбного типа	2	49
Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге	3	76
Х. И. Крис. К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры	4	66
О. Ю. Круг, С. Д. Четвериков. Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства	3	34
Е. И. Крупнов. За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности	3	3
В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов»	2	79
В. Е. Ларичев. Бронзовый век Северо-Восточного Китая	1	3
Д. В. Наумов. Метод количественного спектрального анализа сплавов на медной основе	3	113
Б. А. Рыбаков. Что нового вносит в науку статья А. В. Арциховского «О новгородской хронологии»?	2	141
К. В. Сальников. Опыт классификации керамики лесостепного Зауралья	2	37
В. В. Седов. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси	2	103
К. А. Смирнов. К вопросу о назначении грузиков дьякова типа	3	45
К. Ф. Смирнов. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей	1	46
Д. Я. Телегин. К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре	4	26
Е. И. Тимофеев. Расселение юго-западной группы восточных славян	3	56
С. А. Токарев. К вопросу о значении женских изображений эпохи палеолита	2	12
Б. А. Шрамко. К вопросу о технике земледелия у племен скифского времени	1	73

Публикация

Ц. Н. Абесадзе, Р. А. Бахтадзе, Т. А. Двали. Клад позднебронзовой эпохи из с. Удэ (Южная Грузия)	3	166
Х. А. Алпысбаев. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане	1	128
И. И. Аханов Геленджикские подкурганные дольмены	1	139
В. Д. Блаватский. Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г.	4	148
М. Ю. Брайчевский, П. А. Трохимец. Новые археологические материалы по истории Белой Церкви	4	218

	№№	стр.
И. Б. Брашинский. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника	3	178
Л. С. Бретаницкий, Э. Г. Крупкин, Л. Г. Мамиконов. Мавзолей в с. Хачен-Дорбатлы	4	227
В. А. Булатова-Левина. Буддийский храм в Куве	3	241
О. Л. Вильчевский. Сфероконические сосуды в переднеазиатском трактате по прикладной технологии XII в.	2	210
Л. А. Голубева. Могильник X — середины XI в. на Белом озере	1	201
Б. Н. Граков. Бронзовая рукоять меча из-под Мурома	4	140
Е. А. Давидович. Канибадамский клад караханидских монет	1	186
В. Б. Деопик. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI—IX вв.	3	202
М. Ф. Жиганов. К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э.	4	158
А. Н. Кирпичников. Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.)	4	179
А. Н. Кирпичников, И. Н. Хлопин. О некоторых памятниках русской средневековой артиллерии	3	233
В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей на территории Средней Азии	3	251
В. В. Косточкин. Топография Ивангорода в XVI в.	3	261
П. Д. Либеров. Мастюгинские курганы	3	152
Т. Г. Мовша. О связях племен трипольской культуры со степными племенами медного века	2	186
Е. В. Мышковский. Стволы русского ручного огнестрельного оружия XV—XVI вв.	1	225
А. В. Никитин. Братский острог	2	213
С. Н. Орлов. К топографии древнего Новгорода	4	212
Т. Б. Попова. Эпоха бронзы на Тамбовщине	3	137
Г. А. Пугаченкова. Мазар Араб-ата в Тиме	4	198
В. К. Пудовин. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су	1	177
В. М. Раушенбах. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом	2	164
Е. А. Румянцев. Реставрация и консервация древних деревянных повозок из Закавказья и Алтая	1	236
Э. А. Сымонович. Поселения эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии	2	200
Б. В. Техов. Об одном погребальном комплексе из с. Тли	4	128
Г. Тончева. Новые сосуды-тигли в Варненском музее	1	169
В. А Уртан. Древние щиты на территории Латвийской ССР	1	219
П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Южного Побужья	3	187
И. К. Цветкова. Стоянка Подборица-Щербининская	2	172
В. П. Шилов. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.	1	150

Заметки

И. И. Артеменко. Поселение бронзового века на Кузиной Горе	2	232
Ю. С. Асеев. Новые данные о соборе Дмитриевского монастыря в Киеве	3	291
Г. М. Асланов. О музыкальных инструментах древнего Азербайджана	2	236
Д. М. Атаев. Археологические исследования в Дидо	1	282
И. И. Аханов. Древняя стоянка в Геленджике	3	276
В. Д. Блаватский. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г.	1	277
Н. А. Богданова. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму	2	249
В. Г. Борисов. Меч и копье из Якутии	2	239
И. Ф. Бородина. Роспись стен медресе Улугбека в Самарканде	2	258
Г. М. Буров. Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде	1	247
И. Венедиков. Новая находка античных колесниц в Болгарии	2	247
В. В. Волков. Бронзовый кинжал из Гоби	4	260
О. С. Гадзяцкая. Фатьяновский медный топор из г. Солнечногорска	1	255
В. Б. Гиршберг. Эпиграфические заметки	3	298
К. В. Голенко. Византийские монеты X в. из находки в г. Станиславе	3	290
В. И. Гуляев. Мечи скифского типа с территории городецкой культуры	4	262
И. И. Гущина. Случайная находка в Воронежской области	2	241
Ф. М. Заверняев, Е. А. Шмидт. Новая находка нижнего палеолита на Верхней Десне	1	243
Ю. М. Золотов. Государев дьяк Данило Вылузга	3	297
Ю. М. Золотов. Надгробия московских ремесленников XVII в.	1	291
М. И. Иванова, П. М. Голубев. Находки в Лоо	3	284
С. А. Изюмова. Курганы у дер. Тризново	2	252
М. И. Исаков. Чиркатинские древности в Дагестане	4	250
О. И. Исламов, Л. М. Рутковская. Каменные орудия из Чаш-Тепе	3	272
М. М. Кобылина. Черты эолийской культуры архаической Фанагории	4	271
И. Ф. Ковалева. Клад кремневых орудий из окрестностей г. Днепропетровска	4	245

	№№	стр.
Г. И. Корнюшин. Сарматский меч из Воронежской области	2	246
Г. Ф. Коробкова, Л. П. Хлобыстин. К вопросу о периодизации четвертичных отложений	3	270
Е. Е. Кузьмина. Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Гос. Эрмитажа	4	254
А. М. Лесков. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове	1	259
К. Маевский. Археологические исследования римского города Нове в 1960 г.	4	269
В. И. Матющенко. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV	4	266
Я. Младенова. Солнечные часы с рельефом Орфея из Дуросторума	4	274
А. В. Никитин. Восстановление башен Братского острога	4	281
Р. В. Николаев. Есаульский клад	3	280
М. Р. Полесских. Находка скифского меча в Пензенской области	1	257
Р. Л. Розенфельдт. О дренажных сооружениях в Зарядье	1	288
Р. Л. Розенфельдт. О статье А. А. Бобринского «Гончары-пильбляне»	2	265
М. А. Романовская. Поселение у с. Котюжаны	1	274
А. П. Рунич. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы	1	266
М. Х. Садыкова. Археологические находки в Башкирии	4	278
Э. А. Сымонович. Египетские вещи в могильнике Неаполя скифского	1	270
А. А. Тимошенко. К вопросу о местонахождении городища Степана Разина	3	303
Я. А. Шер. Погребение с конем в Чуйской долине	1	280
А. А. Щепинский. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма	2	227

Критика и библиография

А. В. Арциховский. Вологодско-Пермская летопись. Полное собрание русских летописей, том. 26, М., 1959 г.	2	313
И. Б. Брашинский. Успехи керамической эпиграфики	2	293
А. Я. Брюсов. P. Bosch-Gimpera. El problema indoeuropeo. Con un appéndice de M. Swadesh	2	270
Н. Н. Воронин, А. Г. Чиняков. Памятники культуры (исследования и реставрация) тт. I—III	3	314
М. Л. Гельцер. K. M. Kenyon. Digging up Jericho	1	299
О. Д. Дашевская, А. Л. Якобсон. Два сборника по истории и археологии Крыма	2	282
Г. А. Кошеленко. B. Philip Lozinski. The Original Homeland of the Parthians, S-Gravenage	2	306
В. В. Кропоткин. М. Ю. Брайчевський. Римська монета на території України. Київ, 1959	1	300
Н. Я. Мерперт. Ценное руководство по методике полевых исследований	3	307
А. П. Окладников. М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока	1	295
Н. И. Сокольский. Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. I—III	2	275
А. А. Формозов. Открытие свидерской стоянки в Румынии и проблема южных связей и даты свидерской культуры	2	268

Хроника

Г. И. Андреев, Ю. С. Гришин. Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока	1	312
О. Н. Бадер. Следы древнейшей пещерной живописи на Южном Урале	3	319
О. Н. Бадер. II Уральское археологическое совещание и его итоги	4	294
Ю. Ф. Буряков. Археолого-нумизматическая работа Музея истории народов Узбекистана в 1959 г.	1	320
В. Виноградов, А. Хазанов. VI Всесоюзная студенческая археологическая конференция	1	318
М. М. Кобылина. Поездка по Греции	2	315
Е. В. Максимов. Объединенная сессия Отделения исторических наук АН СССР и Отделения общественных наук АН УССР	1	306
Л. П. Матвеева. Сессия Ученого совета ГИМ	2	324
Н. А. Онайко. Сессия ОИН и пленум Института археологии АН СССР.	4	286
В. И. Сарианиди. Охрана памятников Туркменистана	2	322
Б. С. Научная сессия, посвященная итогам работы Эрмитажа за 1959 г.	1	317
Г. Ф.-Д. Новое поступление в музей при кафедре археологии Исторического факультета МГУ	2	326
Г. А. Цветаева. Конференция по истории и археологии античного города	3	320

Некролог

М. В. Покровский	4	297

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АП — Археологічні пам'ятки УРСР
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИБАИ — Известия на Българския археологически институт
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИООН — Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЯЛИ Даг. ФАН СССР — Институт языка, литературы и истории Дагестанского филиала АН СССР
КИМ — Киевский исторический музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА АН СССР — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАК — Материалы археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МГПИ — Московский государственный педагогический институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
Муз. ИМК при ТГУ — Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ТОИПК ГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
Тр.АС — Труды Археологического съезда
Тр.СА РАНИОН — Труды Секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ТСУАК — Труды Саратовской ученой архивной комиссии
ЦГАДА — Центральный Государственный архив древних актов
AA — Archaeologia Antiqua
BMFEA — Bulletin of the Museum of the Far Eastern Antiquities
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
Daremberg et Saglio. Dictionnaire des antiquités greques et romaines
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
JDAI — Jahrbuch des Deutsche Archäologischen Instituts
RA — Revue Archéologique
SMIA — Suomen Muinausmuisto — Indistyksen Aikakauskirja
SPA — Survey of Persian Art
WA — Wiadomosci archeologiczne

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

XXII съезд КПСС и задачи советской археологии 3
Н. О. Бадер (Москва). О соотношении культуры верхнего палеолита и мезолита Крыма и Кавказа 9
Д. Я. Телегин (Киев). К вопросу о днепро-донецкой неолитической культуре 26
О. Н. Бадер (Москва). Балановская культура 41
Х. И. Крис (Москва). К вопросу о периодизации кизил-кобинской культуры 66
М. А. Дэвлет (Москва). К вопросу о тагаро-таштыкских взаимоотношениях 78
О. И. Домбровский (Симферополь). О технике декоративной живописи Неаполя скифского 88
В. П. Даркевич (Москва). Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве 94
С. В. Киселев (Москва). Город монгольского Исункэ на р. Хирхира в Забайкалье 103

Публикации

Б. В. Техов (Сталинир). Об одном погребальном комплексе из с. Тли 128
Б. Н. Граков (Москва). Бронзовая рукоять меча из-под Мурома 140
В. Д. Блаватский (Москва). Работы подводной Азово-Черноморской экспедиции 1960 г. 148
М. Ф. Жиганов (Саранск). К истории мордовских племен в конце I тыс. н. э. 158
А. Н. Кирпичников (Ленинград). Мечи Киевской Руси (IX—XI вв.) . 179
Г. А. Пугаченкова (Ташкент). Мазар Араб-ата в Тиме 198
С. Н. Орлов (Новгород). К топографии древнего Новгорода 212
М. Ю. Брайчевский, П. А. Трохимец (Киев). Новые археологические материалы по истории Белой Церкви 218
Л. С. Бретаницкий, Э. Г. Крупкин, Л. Г. Мамиконов (Баку). Мавзолей в сел. Хачен-Дорбатлы 227

Заметки

И. Ф. Ковалева (Днепропетровск). Клад кремневых орудий из окрестностей г. Днепропетровска 245
М. И. Исаков (Махачкала). Чиркатинские древности в Дагестане . . . 250
Е. Е. Кузьмина (Москва). Два бронзовых кельта-лопатки из собрания Гос. Эрмитажа 254
В. В. Волков (Улан-Батор). Бронзовый кинжал из Гоби 260
В. И. Гуляев (Москва). Мечи скифского типа с территории городецкой культуры 262
В. И. Матющенко (Томск). Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV 266
К. Маевский (Варшава). Археологические исследования римского города Нове (Болгария) в 1960 г. 269
М. М. Кобылина (Москва). Черты эолийской культуры в архаической Фанагории 271
Я. Младенова (София). Солнечные часы с рельефом Орфея из Дуросторума 274
М. Х. Садыкова (Уфа). Археологические находки в Башкирии . . 278
А. В. Никитин (Москва). Восстановление башен Братского острога 281

Хроника

Н. А. Онайко (Москва). Сессия ОИН и пленум Института археологии АН СССР, посвященные итогам полевых исследований 1960 г. . . . 286
О. Н. Бадер (Москва). II Уральское археологическое совещание и его итоги 294
М. В. Покровски 297

SOMMAIRE

Le XXII Congrès du Parti Communiste de l'Union Soviétique et les problèmes de l'archéologie soviétique 3
N. O. Bader (Moscou): Sur la corrélation des civilisations du Paléolithique supérieur et du Mésolithique de la Crimée et du Caucase 9
D. I. Téléguine (Kiev): Sur la question de la civilisation du Néolithique de la région Dniepr — Donetz 26
O. N. Bader (Moscou): La civilisation Balanovienne 41
H. I. Kris (Moscou): Sur la question de la périodisation de la civilisation Kizil-Kobienne 66
M. A. Dévlet (Moscou): Sur la question des relations tagaro-tachtykiennes 78
O. I. Dombrovsky (Simféropol): Sur la technique de la peinture décorative de Neapolis des Scythes 84
V. P. Darkévitch (Moscou): La hache comme symbole de Péroun dans la paganisme russe ancien 91
S. V. Kiselev (Moscou): La ville d' Isounké mongole sur la Khirkhira, en Transbaïckalie 103

Publications

B. V. Tékhov (Stalinir): Sur le complexe de sépultures du village Tli 128
B. N. Grakov (Moscou): Poignée de glaive en bronze trouvée près de Mourom . . . 140
V. D. Blavatsky (Moscou): Les travaux de l'expédition sous-marine Azov-Mer Noire en 1960 148
M. F. Jiganov (Saransk): Sur l'histoire des tribus Mordoves de la fin du Ier millénaire de notre ère 158
A. N. Kirpitchnikov (Léningrad): Epées de la Russie de Kiev (IXe — XIe siècles) 179
G. A. Pougatchenkova (Tachkent): Le mazar Arab-ata dans Time 198
S. N. Orlov (Novgorod): Sur la topographie de l'ancien Novgorod 212
M. I. Braïtchevsky, P. A. Trokhimietz (Kiev): Nouveaux matériaux archéologiques sur l'histoire de la Bélaya Tserkov 218
L. S. Bretanitsky, E. G. Kroupkine, L. G. Mamikonov (Bakou): Mausolée dans le village Khatchen-Dorbatli 227

Notices

I. F. Kovaleva (Dniepropétrovsk): La trouvaille d'outils à silex dans les environs de Dniepropétrovsk 245
M. I. Isakov (Makatchkala): Antiquités Tchirkatiniennes dans le Daghestan . . . 250
E. E. Kouzmina (Moscou): Deux petites pelles celtes en bronze de la collection du Musée de l'Ermitage 254
V. V. Volkov (Oulan-Bator): Poignard en bronze du Gobi 260
V. I. Gouliaiev (Moscou): Des glaives de type scythe du territoire de la civilisation Gorodetzienne 262
V. I. Matiouchtchenko (Tomsk). Les figures anthropomorphes sur les vases de terre en station Samous IV 266
K. Majevski (Varsovie):Les recherches archéologiques dans la ville romaine Novae(Bulgarie) en 1960 269
M. M. Kobylina (Moscou): Traits de la civilisation éolienne dans la Phanagorie archaïque 271
J. Mladenova (Sofia): Cadrans solaires de Durostorum avec relief représentant Orphée 274
M. H. Sadykova (Oufa): Trouvailles archéologiques en Bachkirie. 278
A. V. Nikitine (Moscou): La restauration des tours de la forteresse de Bratsk 281

Chronique

N. A. Onaïko (Moscou): Le plénum de l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'URSS 286
O. N. Bader (Moscou): La IIe Assemblée archéologique de l'Oural et ses résultats . . 294
M. V. Pokrovsky 297